СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Издательство

Главсевморпути

ФРИТЬОФ НАНСЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ * 1939

FRIDTJOF NANSEN

BLANT SEL OG BJÖRN

FRILUFTS-LIF

KRISTIANIA ~ 1924

ФРИТЬОФ НАНСЕН

СРЕДИ ТЮЛЕНЕЙ И БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ НА ВОЛЬНОМ ВОЗДУХЕ

ЛЕНИНГРАД — 1939

Внутреннее и внешнее оформление
художника М. А. Таранова

Перевод С. П. Кублицкой-Пиотух
Под редакцией В. Ю. Визе

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составляющие настоящий том две книги — «Среди тюленей и белых медведей» и «На вольном воздухе» — объединяет одна особенность: обе книги написаны Нансеном на склоне лет (первая в возрасте шестидесяти трех лет, вторая — на пятидесятом году жизни), хотя обе они главным образом посвящены описанию событий, относящихся к юности автора. Второй общей чертой этих книг является пронизывающая их огромная, почти стихийная любовь Нансена к природе, к жизни на свежем воздухе. Испытав счастье, которое дает познание великой симфонии природы, слияние с ней в одном общем ритме, в одной чудесной гармонии, нансен стремился заразить этим счастьем других.

То, что Нансен взялся за обработку своих юношеских дневников в зрелом возрасте, уже убеленный сединами, далеко не случайно. Империалистическая бойня со всеми ее ужасами, а потом озверелая борьба капитализма против рождающегося в Стране Советов социализма, голод на Волге, страдания германского народа и миллионов бывших военнопленных — все это оставило в Нансене глубокий след и до основания потрясло мировоззрение норвежского ученого, казалось, уже окончательно сложившееся и установившееся. Нансеном овладевает разочарование, и на склоне лет этот еще полный сил жизнерадостный человек, одержавший великие победы и в Арктике и на поприще науки, заражавший других своим энтузиазмом и огромной любовью к человечеству, готов впасть в отчаяние. Нансен становится почти пессимистом. «Если европейская культура должна была привести к этому безумию, значит она изжила себя, и ее нужно отправить в литейный ковш для переплавки»,— к такому выводу приходит Нансен. Но как совершить эту переплавку — для него неясно. «Может быть, старое и изношенное горит для того, чтобы на его месте могло появиться новое? Но откуда же оно появится?» Нам, советским людям, может показаться странным, что такой светлый ум, как Нансен, поставив этот вопрос, не смог найти на него ответа. Но Нансен, ясно видевший неизбежную гибель «европейской культуры» (по сути дела, конечно, капитализма, — этого Нансен не видел), не был в состоянии сразу переплавить свое мировоззрение. Все же едва ли приходится сомневаться в том, что если бы не смерть (Нансен умер в 1930 году), то этот внутренний переворот в нем

произошел бы, и правда предстала бы перед великим норвежцем так же ясно, как она открылась другому великому нашему современнику и такому же другу человечества — Ромену Роллану, который считал Нансена за «единственного европейского героя нашего времени».

Разочаровавшись в «европейской культуре», не видя перед собой дороги, которая могла бы повести человечество к светлому будущему, Нансен обращается к природе. В ней он думает найти если не выход, то хотя бы временное облегчение для самого себя.

«Назад к природе!» Назад к юношеским воспоминаниям, к тому времени, когда ужасный тупик, в который зашло человечество, еще не представал с такой жестокой ясностью, когда, полный молодых сил и надежд, Нансен скитался по горам и лесам своей родной страны, когда он впервые на борту зверобойного судна вдыхал живительный воздух ледяных просторов...

Из ящика вынимаются листки юношеских дневников, пролежавшие там половину человеческой жизни. Нансен перебирает их, перечитывает. Какое отдохновение для усталого мозга! Это незабываемое плавание на «Викинге», которое он совершил сорок два года назад, встает перед ним во всех подробностях, воспоминания еще так свежи! Вот она — счастливая жизнь! Какой контраст с тем кошмаром, который окружает его теперь. Старик Нансен берется за обработку дневника и пишет книгу, которой дает название «Среди тюленей и белых медведей».

Когда Нансен в 1880 году закончил среднее образование, он поступил в университет, избрав специаль-

ностью зоологию. По собственному признанию, этот выбор был сделан им потому, что он чувствовал себя страстным охотником, рыболовом и лесным бродягой. Попав в университет, Нансен сразу же стал подумывать, как бы связать свою работу студента-зоолога с каким-нибудь путешествием. Навстречу этому желанию пошел профессор Коллет, который предложил Нансену принять участие в плавании на зверобойном судне в Гренландском море. Это было как раз то, что полностью отвечало стремлениям молодого студента. Ему удалось устроиться на хорошем полярном промысловом судне «Викинг» под командой опытного зверобоя капитана Крефтинга.

Плавание «Викинга» состоялось весной и летом 1882 года. Даваемое Нансеном описание этого полярного рейса сочетает в себе художественные достоинства с большой научной ценностью. От того, что книга эта была написана более чем сорок лет спустя после путешествия, она несомненно выиграла, особенно та часть ее, которая затрагивает научные вопросы. Описание тюленьего промысла остается непревзойденным в литературе, как общей, так и специальной, изобилуя чрезвычайно интересными и ценными сведениями научно-промыслового характера. Не менее увлекательны страницы, посвященные охоте на белого медведя, а даваемые Нансеном описания полярного моря с его дрейфующими льдами подкупают своей правдивостью и художественной простотой.

В высокой степени интересны те места, в которых выступает личность Нансена. Какое характерное признание делает Нансен, когда он рассказывает, как, получив от капитана Крефтинга задание промышлять

тюленя наравне с другими зверобоями, он «чувствовал себя тогда более на месте, чем на всех других должностях, какие ему впоследствии приходилось занимать». Эти слова написал университетский профессор с мировым именем, министр, посол, один из виднейших деятелей Лиги наций.

О плавании юноши Нансена на «Викинге» впоследствии часто вспоминали бывшие с ним на судне матросы и зверобои, с которыми молодой студент сразу стал на товарищескую ногу. «По целым ночам просиживал Нансен с нами и беседовал, — рассказывает один из матросов. — Он был очень горячим охотником, в особенности когда дело касалось белых медведей. Получалось впечатление, будто медведь и Нансен из одного теста вылеплены. Вот бегут они взапуски, медведь перепрыгивает — и Нансен перепрыгивает, медведь в воду — и Нансен в воду».

На самого Нансена плавание на «Викинге» произвело неизгладимое впечатление, и это плавание в значительной мере определило дальнейший жизненный путь Нансена. Именно на «Викинге» у Нансена зародились мысли о тех двух экспедициях, которые доставили ему впоследствии всемирную славу полярного исследователя — пересечении Гренландии и дрейфе через Полярный баосейн. На идею последней экспедиции Нансена навели находки в Гренландском море сибирского плавника и остатков водорослей одного вида, который в свое время был обнаружен Норденшельдом у берегов Чукотского полуострова.

Во время плавания на «Викинге» море окончательно приковало к себе Нансена. Тайны морских пучин занимали Нансена в течение всей его жизни, и разгадыва-

нию их он посвятил многие годы своей жизни. «Сколько загадок под этой вечно волнующейся поверхностью! И как мало мы еще знаем о том, что происходит там на глубине!» — заносит Нансен в свой дневник в 1900 году, когда он на «Михаэл Сарс» посетил те же воды, в которых юношей плавал на «Викинге».

Книга «Среди тюленей и белых медведей» выходит на русском языке впервые, если не считать очень сильно сокращенного перевода, вышедшего в свет в 1928 году.[1]

Все иллюстрации к книге выполнены самим Нансеном.

Вторая книга, помещенная в этом томе, «На вольном воздухе» написана Нансеном в 1916 году. В ней собраны путевые заметки, которые Нансен вел во время своих охотничьих или просто «бродяжнических» экскурсий по Норвегии в 1884, 1898, 1900, 1903 и 1916 годах, а также во время плавания на исследовательском судне «Михаэл Сарс» в Норвежском море в 1900 году. Небезынтересно сопоставление дневников, ведшихся молодым Нансеном, с его заметками в 1916 году, когда империалистическая война была в полном разгаре. В первых перед нами встает человек, полный энергии и веры в жизнь, неутомимый исследователь, Нансен-герой, каким мы его знаем по экспедициям в Гренландии и на «Фраме». Этот человек страстно любит свою родную страну и воспевает ее красоты. В последних заметках мы видим уже другого Нансена: мировая война и последовавшее за ней обнажение пороков ка-

---

[1] Ф. Нансен, Среди тюленей и белых медведей. Издательство „П. П. Сойкин", Л., 1928, 72 стр.

питализма внесли глубокий разлад в душу великого норвежца. «Европейская культура обманула — она оказалась сгнившей». Где же выход? Нансену кажется, что «должен явиться великий ум, который повернет поезд и поведет его ввысь, к величавой простоте; если же этого не случится, пассажирам грозит неминуемая гибель». До известной степени Нансен оказался пророком. До известной степени — потому что Нансен не усмотрел настоящего освободителя — революционный пролетариат, опираясь на который гениальные Ленин и Сталин действительно повернули поезд и повели его ввысь.

Лейтмотивом книги «На вольном воздухе» является призыв «ближе к природе!» Этот призыв Нансен обращает прежде всего к городским жителям, ведущим уродливую «ящичную жизнь». «Проходят годы в этих ящиках (т. е. городских домах) — и это мы называем жизнью. В них мы родимся сами и создаем новые поколения, которые будут продолжать ту же ящичную жизнь».

У себя на родине Нансен всемерно пропагандировал спорт, в особенности лыжный. Но спорта в современном западноевропейском понятии этого слова Нансен не любил. В такой спорт вносится «слишком много рекордов и всякой шумихи». Настоящий здоровый спорт, по мнению Нансена, не может быть оторван от природы.

Книга «На вольном воздухе», пользующаяся в Норвегии, в особенности среди молодежи, большой популярностью, выходит на русском языке впервые.

В. Ю. Визе.

СРЕДИ ТЮЛЕНЕЙ И БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

НА СЕВЕР

КАКОЙ чудесной сказкой природы представляется юноше весна — это пробуждение жизни после долгой зимы! Видеть, как с каждым днем растут проталины... вдыхать запах прелой земли и лопающихся почек... слышать бурное ликование освобожденных весенних ручейков!

А потом первые подснежники на бурой лесной почве... и жаворонок в синем небе... и певчий дрозд и красношейка в вечерних сумерках!

Но прекраснее всего белая нежная березка в зеленой фате — олицетворение сияющей улыбки. И какая невознаградимая утрата для юноши, если такая сказка хоть раз выпадет из его молодой жизни...

Такое чувство утраты испытывал двадцатилетний молодой человек, стоявший на палубе «Викинга», когда это судно ранним утром в субботу 11 марта 1882 года снялось с якоря и покинуло Арендальскую гавань.

Громким «ура» простились моряки со спящим городом. Там и сям по берегу им помахали шапками. Приоткрылось окно, и кто-то махнул носовым платком.

«Викинг» проходил из пролива мимо Турунгена как раз на восходе солнца.

Печально смотрел молодой человек на острова, мысы и горные увалы, золотившиеся в солнечных лучах...

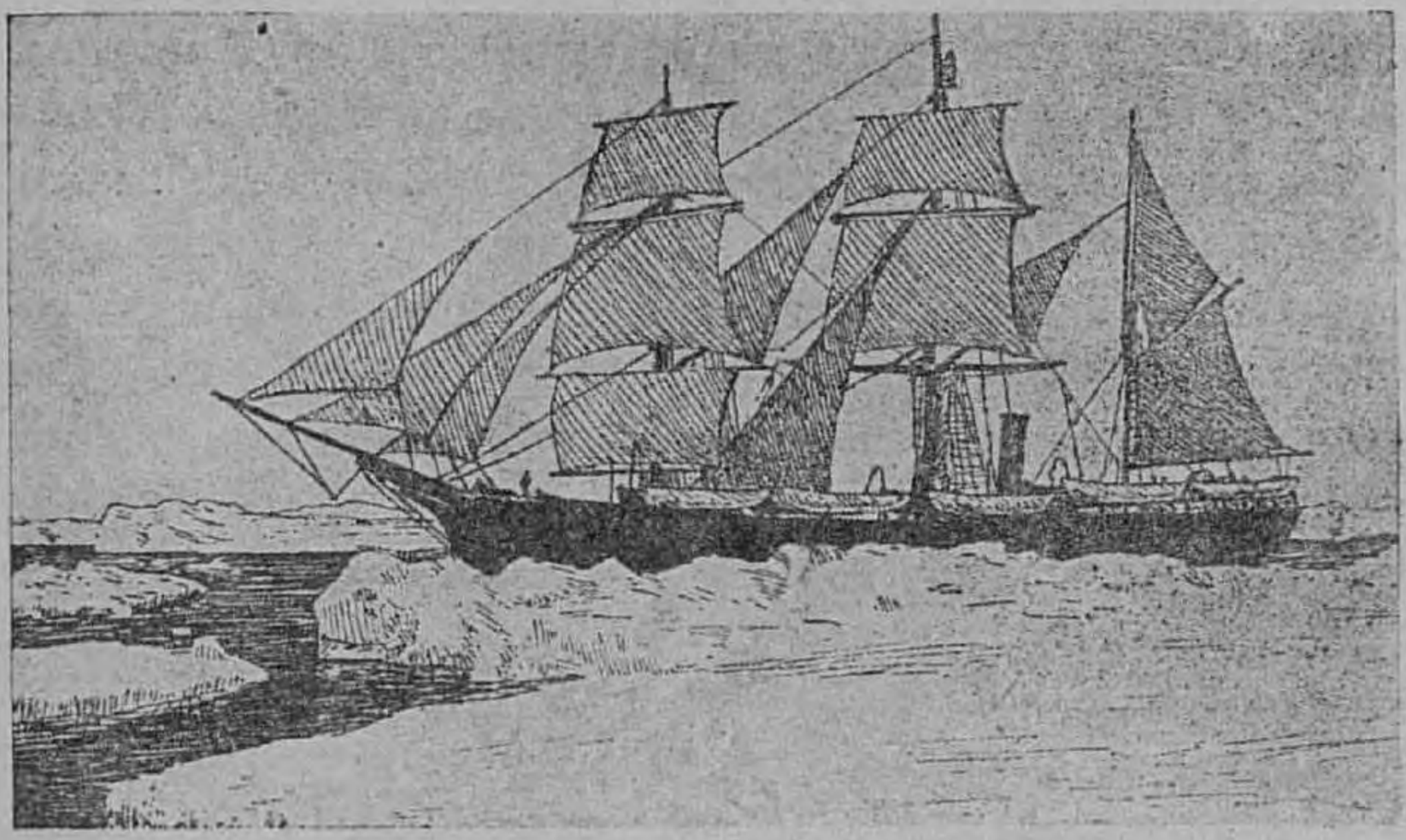
Этой весной он в первый раз в жизни не будет плескаться среди островков и шхер, приветствовать возвращение перелетных птиц, слушать кулдыканье тетерева и кукованье кукушки в большом лесу.

Сердце в груди словно обливалось кровью.

Но впереди манила его новая, еще более пленительная сказка: море... и еще там вдали, на севере — мир льдов!

И он и «Викинг» отправились в первое свое полярное плавание.

После долгих колебаний он, наконец, решил посвятить себя изучению зоологии. Почему? Вероятнее всего потому, что был страстным охотником, рыболовом, любителем лесов и по своей юношеской неопытности думал, что изучение зоологии связано с постоянным пребыванием среди природы — в отличие от химии и физики, к которым он чувствовал особое влечение.



«Викинг»

В один прекрасный день ему вдруг пришло в голову, что занятия зоологией следовало бы начать с изучения животной жизни и природы Северного Ледовитого океана. Неясно, почему он решил испытать свои молодые силы именно на севере; скорее всего, его манили туда охота и приключения. Серьезною научною подготовкой он ведь еще не обладал, зато был довольно искусным стрелком и опытным охотником.

Расспрашивая о тюленепромышленниках, он узнал, что молодой, энергичный капитан Аксель Крефтинг считается одним из самых дельных и удачливых, но вместе с тем и самых отчаянных капитанов-полярников. Молодой человек обратился к капитану. Ну, что ж, Крефтинг не прочь был взять его с собой. Но в этом году он вел новое судно из Арендаля, и потому следовало испросить разрешение у пароходной компании Смит и Томмсен. Благодаря посредничеству

одного старого друга семьи, жившего в Арендале, просьба была доведена до сведения пароходной компании, и вскоре получен был телеграфный ответ: компания охотно давала свое согласие.

Вот каким образом молодой человек очутился на «Викинге» и получил каюту на корме, у левого борта. Капитанская каюта находилась как раз напротив на штирборте.

Много лет прошло с того мартовского утра. Двадцатилетний юноша стал «пожилым человеком», который теперь и описывает свое первое плавание.

Мы вышли в море. Нашей ближайшей целью было достигнуть возможно скорее кромки льда около острова Ян-Майен, чтобы поискать там так называемых «детных залежек», то есть тех мест, где гренландский тюлень — «лысун», как его называют тюленепромышленники, — собирается стадами в сотни тысяч голов на дрейфующих льдах и где мечет детенышей.

Мы шли с запозданием; другие промысловые суда вышли из Норвегии неделю или две тому назад. Чтобы нагнать упущенное время, нам приходилось максимально использовать и паруса, и машину. И мы-таки неплохо шли!

Стоял прекрасный день, а затем, когда мы огибали Линдеснес и вышли в открытое море, наступил ясный звездный вечер. На другой день ветер был тоже умеренный, но довольно крупная волна, — очевидно, отзвук недавнего шторма.

После полудня дали знать, что впереди на линии курса плавает разбитое судно. Я мигом выскочил на палубу.

Мы шли прямо на него. Всех страшно интересовал вопрос, есть ли на нем люди. И мы то различали там людей, то убеждались, что это лишь обломки мачт и дымовые колпаки.

Наконец мы подошли к борту судна. Это был брошенный барк. На кормовом планшире надпись: «Loyal, Grimstad». Через открытые люки и пробитую палубу виден был судовой груз — пропсы.

Капитан «Викинга» Аксель Крефтинг, род. 7 марта 1850 года

Корпус протекал по всем пазам; вода просачивалась внутрь и изнутри в то время, как барк то подымался, то опускался, качаясь на волнах. Он держался на воде грузом. Грот-мачта и бизань-мачта были срублены, уцелела лишь фок-мачта. Лохмотья марселя болтались на рее. На крыше рубки торчало привязанное к обломку бизань-марса весло, — что, должно быть, служило сигналом бедствия. На крыше передней рубки две неповрежден-

ные шлюпки. Экипаж верно был снят каким-нибудь судном, а может быть смыт волною.

Жуткое впечатление производит такое разбитое судно; кто знает, ареной каких страданий оно могло быть!

Не стоило терять время на буксировку его в Ставанger; нам надо было торопиться к «детной залежке». Ветер стал свежеть, мы прибавили парусов и дали отдых машине, к великой радости кочегаров, которые были в море новичками и с трудом переносили большую волну и сорокаградусную жару машинного отделения.

«Викинг», оснащенный как барк, был промысловым судном в 620 регистровых тонн брутто и имел вспомогательную машину в 90 номинальных лошадиных сил. Построен он был недавно в Арендале на собственной верфи пароходной компании Смит и Томмсен.

Для плавания в дрейфующих льдах строятся промысловые суда особой конструкции, способные выдержать сильное сжатие льдов. Шпангоуты укладываются плотнее; лес берется более крепкий, чем для обыкновенного парусника. «Викинг» был преимущественно построен из сосны и дуба.

У промысловых полярных судов поверх обычной обшивки идет, начинаясь значительно выше ватерлинии и кончаясь на несколько футов ниже ее, вторая обшивка, так называемая «ледовая», из досок гринхирта[1] или крепкого дуба, приблизительно трехдюймовой толщины. На «Викинге» же была двойная

---

[1] Очень твердая вестиндская древесная порода. *Прим. перев.*

обшивка из четырехдюймовых сосновых досок и поверх нее еще «ледовая» обшивка из гринхиртовых досок в четыре с половиной дюйма толщины для носовой части и в два с половиной дюйма для кормовой.

Способность судна пробиваться сквозь льды зависит как от силы его машины и легкости маневрирования, так в значительной степени и от формы и крепости форштевня. Целесообразнее всего такая форма форштевня, чтобы судно при продвижении во льдах приподымалось и поджимало под себя лед. Если форштевень поставлен перпендикулярно, то судно может легко заклиниться между льдинами, и ему будет труднее пробиваться сквозь лед.

Само собою разумеется, что форштевень должен отличаться особой прочностью. Он делается обыкновенно из толстых балок, вставленных одна в другую и соединенных внутренними скрепами — массивными дубовыми кницами и толстыми балками из питчпайна.[1] Толщина балок форштевня «Викинга» равнялась примерно шести футам. Кроме того, снаружи форштевень был обит толстым железом, а поперек форштевень — высоко над ватерлинией и глубоко под нею — укреплен был еще железными поперечными связками, отходившими на несколько футов назад вдоль обоих бортов.

Наиболее уязвимой частью промыслового судна является винт, который при прохождении сквозь сплоченный лед может сломаться от ударов о массивные льдины. Поэтому промысловые суда более новых типов конструируются так, что винт, в случае необходи-

---

[1] Род американской сосны. *Прим. перев.*

мости, можно менять в открытом море. Винт укреплен в стальной раме, он может быть снят с вала и вместе с рамой поднят через колодец гребного винта, а новый винт вставляется в раму и вместе с ней опускается через этот колодец. На «Викинге» был такой колодец для винта.

При плавании во льдах трудно уберечься от частых толчков и ударов винта о льдины. Если последние очень массивны и лопасти винта ударяются очень сильно, то лучше, если они не слишком прочны, так как иначе может погнуться, искривиться или треснуть самый вал, а такой вал невозможно сменить в море. Нехорошо также, если согнется лопасть, так как в таком случае она при вращении легко может задевать за раму, и бывает невозможно сменить лопасть.

На случай аварии лучше поэтому, если лопасти винта не особенно прочны, так что скорее сломаются, чем погнутся, и стало быть не нагрузят вал чересчур. Поэтому на промысловых судах винты обычно чугунные. Такие винты несколько толще стальных и развивают меньшую скорость, но их удобнее менять.

У винта всего две лопасти. При ходе под парусами, когда машина выключена, винт устанавливается так, что лопасти стоят вертикально в колодце и покрываются штевнем винта. В таком положении они меньше всего тормозят движение, и, кроме того, лед не может повредить их.

Как уже сказано, «Викинг» был только что построен и снабжен более мощною машиною, чем другие норвежские промысловые суда того времени.

Команда на промысловых судах всегда многочисленная — обычно свыше пятидесяти человек; на

«Викинге» было шестьдесят два человека, включая капитана и пассажира.

В течение многих дней дул свежий ветер, и мы шли под всеми парусами. Море, море, одно море вокруг; вал за валом. Так вот оно, «свободное, могучее море»! Да, конечно, оно могучее, оно подавляет своим бесконечным однообразием. Но свобода? Да... я готов восхищаться его солоновато-горьким величием... только бы эти неустанно и неутомимо катящиеся волны не вызывали противного чувства тошноты.

Я стоял и наблюдал за стаей дельфинов (*Lagenorhynchus acutus*), долго плывших перед нами. Завидно смотреть, как они резвятся в родной своей стихии: то с быстротой молнии обгоняют судно, то один за другим прыгают из волн, то снова ныряют в недра водяных гор, которые, поглощая их, отливают голубовато-зеленым блеском. Да, их-то не тошнит!

А за нами, над кильватерной струей легко и грациозно летают белогрудые трехпалые чайки или моевки, с синими спинками и черными кончиками крыльев; у некоторых из молодых кончики хвоста тоже были черные, и по спинке к концам крыльев тянулась черная полоса.

Стоит только выбросить что-нибудь за борт, как они, взмахнув крыльями, бросаются стрелою за корму и на некоторое время отстают от судна, потом снова появляются и реют, не двигая крыльями, то на высоте бизань-мачты, то на одной высоте с нами, когда мы стоим на шканцах. Иногда гагарки, обыкновенные и исполинские, проносились мимо нашего судна, быстро работая крыльями, или же лежали на воде.

Вдали, над гребнями волн парил на длинных негнущихся крыльях огромный олуш-глупыш (*Sula basana*), или «Janfangent», как его называют моряки.

В ночь на четвертый день нашего пути (вторник, 14 марта) ветер перешел в юго-западный свежий бриз. Волны росли и заливали нас со всех сторон. На всей палубе и на шканцах не осталось сухого местечка.

Утром, когда я, лежа на койке, читал газету, послышался сильный треск, затем шум и крики на палубе.

Я быстро оделся и бросился туда. Оказывается, грот-рея сломалась под тяжестью парусов. Крефтинг так любит ходить под парусами! Люди как раз убирали обломки реи.

Какое бодрящее зрелище! Огромные сине-зеленые водяные горы с белыми пенящимися гребнями перекатываются через судно, заливая палубу, а невозмутимые матросы в непромокаемых сапогах и клеенчатой одежде спокойно возятся с реей, словно исполняя повседневную работу. А вон там, дальше, новый гость: за нами летит буревестник. Эти птицы парят на негнущихся крыльях над гребнями волн всегда на одной высоте, опускаясь и подымаясь вместе с волнами. Так пролетают эти птицы большие расстояния; потом, описав круг, взмывают вверх, выше... выше... Несколько бесшумных ударов крыльями — птицы снова парят над волнами, снова описывают круги, несутся вперед на негнущихся крыльях — в вечном движении, никогда не зная покоя. Буря — их стихия. Безмолвно, бесшумно появляются они откуда-то из дру-

гого мира; это первые приветствия Северного Ледовитого океана путешественнику-полярнику.

Тяжеленько было капитану отдавать рифы, а пришлось; иначе мы могли поплатиться шлюпками, а шквалы могли разбить иллюминаторы. Качка была сильная.

Но судно бодро идет вперед к северу, пробиваясь сквозь пенистые вихри.

Куда ни взглянешь, везде свинцовая волнующаяся вода — то вздымающиеся, то опускающиеся горы с белыми пенистыми верхушками катятся бесконечными грядами по необъятной сине-белой равнине. Низко нависло свинцовое небо с стремительно бегущими облаками.

Гряды волн одна за другой катятся вперед, вздымаются все выше и выше, рассыпаются белой пеной и катятся дальше.

Разъяренные сопротивлением судна, на миг останавливаются, громоздятся, возносятся сводом... мелькает чудесная темнозеленая грудь волны... она разбивается, и зеленовато-белые каскады обрушиваются на темный корпус судна.

Здесь, в этом мире, предки наши веками, поколение за поколением, вели борьбу с могучей непостоянной первобытной водной стихией, завоевывая нашему народу право на жизнь.

А море, одинаково равнодушное к храбрости и трусости, катит свои волны, как их катило через века прошлого и будет катить через века грядущего, не изменяя своему извечному ритму, до тех пор, пока — через тысячи миллионов лет — все воды не оцепенеют в вечном холоде.

К вечеру ветер стал крепчать и, перейдя на запад, развел более крупную волну.

Кругом черная ночь. Из мрака на нас надвигаются с наветреной стороны белые гребни волн. Они подымаются, рассыпаются и с грохотом перекатываются через поручни; каскад фосфоресцирующей морской воды заливает палубу, пенистые брызги, словно искристые снопы, взметываются кверху, но мы упорно идем вперед во мрак неизвестности.

Я стоял рядом с капитаном на шканцах. «Берегись!» — вдруг крикнул он мне.

Я смутно различил что-то темное, надвигавшееся на меня с наветреной стороны. И едва успел ухватиться за бизань-мачту, как обрушившаяся водяная гора подбросила нас, и мы повисли над водой, уцепившись руками за ванты.

Волна хлынула дальше, окатывая иллюминаторы и рулевых.

«Отдай руля!» — крикнул капитан. Рулевой, стоявший под ветром, одним махом очутился в шлюпке, висевшей на баканцах под ветром; рулевой с наветреной стороны изо всех сил уцепился за какой-то предмет, а штурвал с шумом закрутился.

Попытайся только этот рулевой удержать штурвал, его швырнуло бы на палубу и разбило в лепешку. Счастливо отделался и тот, с подветреной стороны: волна, залившая шлюпку, отхлынув, не унесла его с собой.

Когда капитан ругнул его за эту глупую выходку, он только ухмыльнулся.

Перед моим юным, неопытным умом открывалась новая сторона бытия: жизнь поколений мореплавате-

лей — от викингов до моряков и зверобоев наших дней, отвага и веселость среди хаоса бурь и брызг пены.

На пятый день (15 марта) все еще задувал свежий бриз, непрерывно заливая водой нос и спардек, и только на шканцах можно было чувствовать себя в некоторой безопасности.

Я стою и смотрю на волнующуюся равнину и бесконечные ряды мчащихся морских коней с развевающимися пенистыми гривами. Я слежу глазами за вечно катящимися грядами волн, набегающих издалека с запада; они растут, громоздятся, рассыпаются белыми гребнями, опускаются, снова подымаются... и так без устали, без передышки, нависают сводом над реллингом с наветреной стороны. Раскачивая судно, водяные массы перекатываются через него, увлекая за собой все, что не принайтовано накрепко, и, наконец, стекают по шпигатам. А затем налетает новый шквал.

Из люка на шканцах появляется поваренок; он ходил на корму к стюарду за провизией для кока, и обе руки у него полны. Он останавливается, выжидая, пока сбежит глубокая вода, оставленная последнею накатившею волною.

А затем он во всю прыть несется по палубе в надежде добежать до трапа в камбуз раньше, чем нахлынет новая волна. Но волна уже подымается и обрушивается на палубу. Поваренок, ища спасения, бежит к фок-мачте, но волна сбивает его с ног, увлекает с собою, подкидывает его, словно узелок с платьем, несет на подветреную сторону, а он не перестает судорожно сжимать последние остатки своей

драгоценной ноши. Матросы гогочут. У подветреного реллинга бедняга находит опору, подымается на ноги и делает попытки спасти галеты, увлекаемые стекающей водой. Этот подпрыгивающий и опрокидываемый водой поваренок напоминает вымокшую ворону.

А за нашим судном, в кильватере, у буревестников идет великий пир. Они накидываются на припасы, которые обронил поваренок и которые смыло по шпигатам волнами, и ожесточенно дерутся за них.

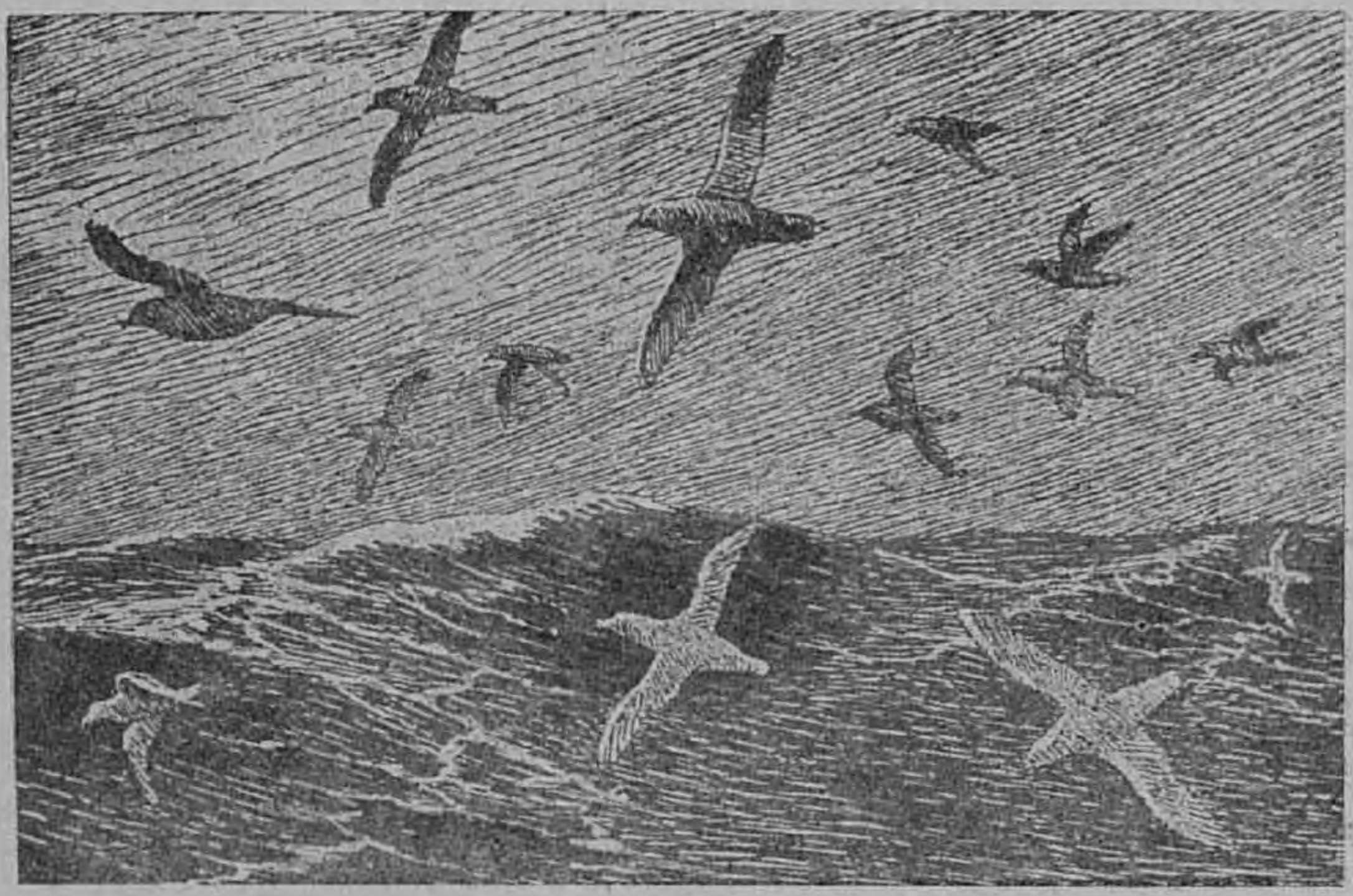
Буревестников слетается все больше и больше. Время от времени мимо нас проносятся быстрые гагарки, торопясь укрыться от ветра. А чаек уже стало меньше.

На другой день (четверг, 16 марта) температура воздуха —4° Ц, начался слабый снегопад. Ветер ослабел, перекинулся на север, так что нам пришлось итти против ветра. Утром развели пары, и так шли весь день.

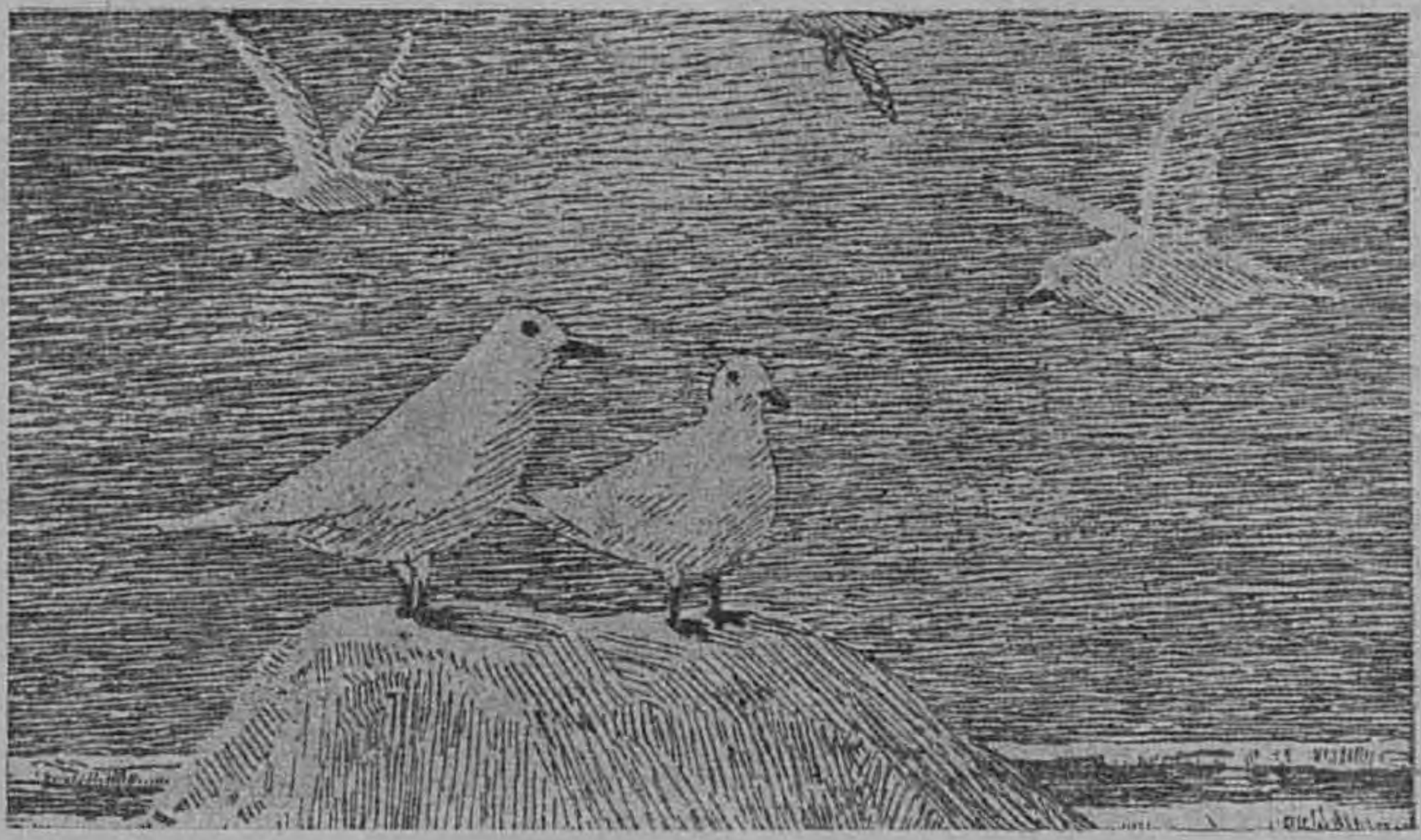
Чаек уже совсем больше не видно; встречаем только буревестников всевозможных оттенков: старых с белой грудью и серой спиной и молодых — сплошь серых.

Буревестники (*Fulmarus glacialis*) принадлежат к летающим океанским птицам и сродни альбатросам (*Procellariidae*).

В бесшумном полете, беспрерывно и неустанно, парят вокруг нас эти птицы; их никогда не увидишь отдыхающими. Мне, молодому натуралисту, их полет задал новую загадку, над которой я не переставал ломать голову. Вразрез всем известным мне законам физики эта птица скользит в воздухе, не шевеля крыльями, не двигая ни одним мускулом, вперед все вперед, даже ускоряя полет, не только не опускаясь,



Буревестники



Белая полярная чайка

но даже подымаясь в воздухе! Ведь это же противоречит закону тяготения! Разрешить эту загадку я тогда был не в силах.

Позже я додумался, что эта способность буревестников парить с неподвижными крыльями объясняется их точным знанием законов воздушных течений.

Когда ветер дует над неровной поверхностью земли или над волнующейся водной поверхностью, то возникают вихри с восходящими и нисходящими воздушными токами. Подымается кверху и опускается книзу одинаковое количество воздуха, но подымающийся кверху воздух движется с большей скоростью, чем опускающийся книзу, а потому он обладает тем, что в физике носит название «большей живой силы», этот воздух и поддерживает птицу, умеющую им пользоваться; она приобретает способность парить и даже подыматься кверху, ставя свои крылья так, чтобы постоянно скользить по этому слою подымающегося воздуха. Насколько могу судить, этим же можно объяснить полет буревестника над хребтами водяных гор и вдоль их долин. При внимательном наблюдении за буревестниками и чайками с борта судна можно заметить, что в воздухе есть такие участки, в которых птица особенно легко удерживается в парящем полете; это наблюдается именно там, где возможны интенсивно подымающиеся кверху воздушные течения, например, с наветреной стороны судна; а если птицы появляются с другого борта, скажем — с подветреной стороны корпуса, им неизбежно приходится пользоваться крыльями.

Самым знаменательным событием в этот шестой день пути было безусловно то, которое я отметил

в своем дневнике словами: «Ни следа морской болезни. Самочувствие превосходное». Я отпраздновал это событие тем, что не спал до трех часов ночи, курил из трубки с чубуком голландский табак и читал немецкий разбойничий роман.

На следующий день (17 марта) мы шли под парами; погода без перемен; температура несколько понизилась — утром было —5° Ц; но вода все еще теплая — из Атлантического океана; температура ее на поверхности равнялась + 5° Ц.

К полудню мы достигли 65°55′ с. ш. и 1°14′ з. д. Это приблизительно широта северной части Исландии. Встречалось множество буревестников, которые были здесь, пожалуй, единственными представителями животной жизни.

В эти дни на судне производилась продажа вещей команде. Многие матросы являются на судно весьма налегке, кроме одежды на себе да кое-каких мелочей, у них ничего нет. Перед отходом судна всем им, разумеется, был выдан аванс на покупку нужных вещей, но они прокутили деньги, так как нельзя же на суше не кутить! Вот теперь и приходилось им покупать себе самые необходимые вещи на судне из запасов, закупленных судовой компанией.

Один день продавалась одежда, фуфайки (так называемые «вшивки»), шерстяные вещи, парусина для верхней одежды, непромокаемые сапоги и т. п. Люди подходили по очереди и выбирали, что им было нужно. Взятый товар записывался на их счет, и стоимость его впоследствии вычиталась из жалованья. На другой день на таких же условиях продавались чай, мыло, кожа для сапог.

Это были приготовления к той новой, полной приключений жизни, которая ожидала нас впереди, среди холода и льдов. Я следил за этими приготовлениями с живым интересом. Они напоминают сборы на охоту и рыбную ловлю; это прелюдия, уже таящая в себе часть предстоящих наслаждений. Она приоткрывает завесу над грядущим.

Мне тоже пришлось заказать себе здесь верхнюю одежду из парусины; ее сшил для меня наш парусных дел мастер. Она защищает не столько от холода, сколько от загрязнения жиром и кровью, а это говорило о предстоящей охоте и связанных с ней переживаниях.

Вообще жизнь на судне начинает входить в нормальную колею. Как уже говорилось, промысловые полярные суда всегда имеют многочисленную команду, и нас было, стало быть, шестьдесят два человека.

Каюты капитана, двух штурманов, двух машинистов, стюарда и пассажира находились на корме под шканцами. Остальная команда — свыше пятидесяти человек — помещалась в носовой части судна в просторном кубрике, где по обеим стенам были подвешены в два яруса койки.

Если исключить всех людей, не отбывающих регулярной вахты на палубе (например, кок, поваренок, столяр, парусных дел мастер, боцман и др.), то для несения вахты, которая по морской традиции сменялась каждые четыре часа, оставалось больше людей, нежели требовалось для управления судном, парусами, для дозора и для руля. Поэтому, если на таких судах люди не уходят на промысел, то по большей части

бьют баклуши, и стоит больших трудов занять их каким-нибудь делом.

Когда погода стояла скверная, и на палубе бывало холодно, люди норовили незаметно ускользнуть оттуда и пробраться в кубрик. Там они сидят, курят, болтают, бегают оттуда в камбуз и жарят там себе всякую всячину. Капитану и штурману приходится разыскивать их, чтобы прогнать обратно на палубу, и когда этих беглецов найдут внизу, дело доходит не только до крепких слов, но и до более сильных способов воздействия.

«Викинг» — новое судно; поэтому на нем довольно много дела для боцмана и вообще для команды, и часть людей постоянно занята какой-нибудь работой, хотя бы временной: тут и плетение сезеней и других матов, и изготовление блоков, и сращивание концов талей и т. д. и т. д. Плотнику и столяру по горло работы над решетками для тралов и разными другими поделками.

Между прочим, про одного шкипера-полярника того времени рассказывают, что он ловко сумел использовать свободное время своей команды. Как раз перед уходом в море он выстроил себе новый дом, вот и забрал с собой на борт материал для всевозможных плотницких работ и поделок: дверных филенок, резных перил к балконам и т. п.; команду же набрал из людей, знакомых с плотницким делом, и когда в Северном Ледовитом океане люди не были заняты на промыслах, он заставлял их работать для него. Его дом в Сандефиорде со множеством резных украшений до сих пор носит следы этой «кустарной» работы матросов-полярников.

Живее всего проходили работы по установке марселей. Так как на промысловых полярных судах команды много, то обыкновенно применяются простые марселя с патентованными рифами, их можно ставить с палубы, и они требуют от команды больше физической силы, чем умения. Марса-фал расстилают по палубе, и затем вся вахта принимается за дело. Часто человек двадцать в ряд тянут его под аккомпанемент какой-нибудь песенки; чаще всего поют:

И в первой паре танцовать
Пошла девица Хансен.
Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла, охой!

Весело, в такт притопывая ногами, они идут по длинной палубе, вытягивая марселя. Если же надо поставить брамсель, то несколько матросов взбираются наверх, чтобы освободить паруса.

При смене вахт в кубрике всегда подымаются шум и гам. Подвахтенных будят таким страшным протяжным ревом, что с непривычки может показаться, будто стряслось что-то ужасное. Заспанные матросы, пошатываясь, слезают с коек и начинают одеваться среди страшного гвалта и суматохи.

Потом идут есть. Еда у кока уже приготовлена, и он раздает ее людям. Кормят на судне сытно; едят люди с большим аппетитом, и в результате приятного времяпрепровождения и обильной пищи команда за время пути сильно толстеет.

Для меня время не тянется медленно; в этой новой для меня жизни есть на что посмотреть, есть чему поучиться. Как хорошо по вечерам спускаться сверху из холода и мрака в уютную светлую каюту, где тебя

ожидает горячий ужин. Мы с капитаном приятно ужинаем вдвоем; я жадно внимаю его рассказам о зверобойном промысле, о жизни на Севере. Потом приходят штурманы и стюард; я слушаю их разговоры о событиях прежних лет, о судах, о мореплавателях и, в особенности, о перспективах тюленьего промысла.

Наконец, на седьмой день (суббота, 18 марта) произошло замечательное событие. В 8 часов утра температура воды понизилась до 2° Ц. Около полудня мы достигли 68°16′ с. ш. и 4°43′ з. д. Значит, лед где-то недалеко.

И действительно, к вечеру сообщили о появлении первых льдов. Я мигом выскочил на палубу, но сначала в темноте не мог ничего различить. Ах, вот!.. Из мрака выступает что-то белое. Оно растет, растет, становится все белее, сверкает белизною на темном фоне ночи. Это первое ледяное поле; оно приплыло из необъятных ледяных просторов, которые, как мне известно, раскинулись там, на Севере, в царстве полярной ночи, озаряемые светом звезд и северного сияния.

Я вздрогнул. Почему? Видал же я и раньше большие льдины, и это ледяное поле ничем особенным не отличалось. Но это был как бы порог нового, неизвестного мира, озаренного блеском юношеской фантазии и жажды приключений.

А вот и еще льдины, еще и еще. Они появлялись из темноты белыми пятнами, проплывали мимо нас с хрустящим шумом, покачиваясь на волнах, и, белея, уплывали вдаль. По временам судно ударялось о льдину с такой силой, что все содрогалось.

Но откуда же этот своеобразный хруст и шелест на севере? И этот жуткий свет?.. Да, настоящий свет!

Только теперь я разглядел его ясно. На юге небо было затянуто ровной темной облачной завесой, но на севере эта завеса была озарена снизу белым светом, лившимся с севера на запад. Ярче всего он был на горизонте, доходя, однако, до самого зенита.

Это было отражение белых ледяных полей на проходивших над ними облаках, шумели волны, плеща о кромку льда, и льдины, ударяемые зыбью одна о другую. Больше ничего не видно, но мы подходим к льдам все ближе и ближе. Свет усиливается, — вокруг нас появляется еще больше дрейфующих льдин. По временам наше судно наталкивается на огромную льдину, она подымается, встает перпендикулярно, затем наш крепкий форштевень отбрасывает ее в сторону. Иногда толчки настолько сильны, что все судно вздрагивает; кто-то как будто дергает его вперед. Да, мы вступаем в какой-то новый мир.

Много читал я о мире льдов, много картин создавала моя фантазия, рисуя мне встречу со льдами. Но и самые невероятные формы льдов, айсберги вышиною с башню, встречающиеся в фантастических описаниях полярных путешествий, вряд ли могли бы произвести на меня большее впечатление, нежели эта ночь с жутким освещением северного горизонта, этот как будто нереальный хрустящий шум и крупные белые льдины на черном фоне ночи. А затем... за облачной завесой, постепенно растаявшей, вспыхнуло северное сияние.

Капитан не хотел входить ночью во льды и держался у кромки на северо-западе; я сидел в каюте и читал, но толчки, испытываемые судном, постоянно напоминали мне, что льды недалеко.

На другое утро, когда я вышел на палубу, мы были уже во льдах (69°52′ с. ш. и 4°50′ з. д.; темп. —1° Ц). Это было воскресенье 19 марта.

Какая замечательная картина! Во все стороны простирается ослепительная белая ледяная равнина, покрытая свежевыпавшим снегом. Нигде ни единого темного пятнышка, все бело; с трудом держишь глаза широко открытыми, и порою можешь смотреть только прищурившись. А над головой зимнее небо, такое ясное, яркоголубое.

Когда глаз привыкает к этой ослепительной белизне, начинаешь различать в ней просветы; но льдины так сплочены, что сначала и на близком расстоянии кажутся сплошной белой равниной.

Но вон там показались какие-то белые птицы, ослепительно белые, но несколько крупнее моевок. Они летели под синим небом, сверкая на солнце, и мне казалось, что я никогда не видел более красивой картины. Это была белая чайка (*Pagophila eburnea*), которую я тут увидел впервые, но потом их встречалось очень много. У взрослой белой чайки оперение белое, без единого темного пятнышка. Только лапки темные да глазки черные; клюв тоже черноватый. Вокруг глаз чудесный алый ободок, видимый только вблизи и придающий ей особую прелесть. У птенцов в течение первого года жизни все оперение в черных крапинках. Вместе с ростом эти крапинки постепенно исчезают.

Англичане называют эту птицу «ivory gull» — «чайка цвета слоновой кости». Норвежское же название птицы «ismåke» — ледовая или полярная чайка, и оно, пожалуй, не меньше подходит к ней, так как,

в сущности, она является «птицей льдов». И оперение у нее белее, чем у какой-либо другой птицы; да и вряд ли найдется какая другая, более типичная обитательница льдов, чем она; пожалуй, только розовая чайка, но та встречается очень редко.

Белая чайка живет повсюду в ледяных областях, но за пределами их встречается только в редких случаях. Во время путешествия на «Фраме» мы видели ее летом по всему Северному Ледовитому океану до 85° с. ш.; а иногда она залетает на север и дальше. Летает и в одиночку, и большими или малыми стаями. Стоит только убить на льду медведя, тюленя или моржа, как в воздухе уже раздается гневный крик этой чайки; она опускается на убитое животное и без всяких предисловий начинает его клевать. Если же стоишь очень близко к зверю или собираешься свежевать его, она преспокойно садится на лед рядом; и смотришь — вскоре собралась уже целая компания этих птиц, и они только и ждут, чтобы человек ушел, предоставив тушу в их распоряжение. Если же человек замешкается, птицы подходят все ближе и ближе и чуть не клюют тушу с одной стороны, пока человек свежует ее с другой. Стоишь, бывало, и свежуешь, а белая чайка шмыгает у тебя между ногами и ловит кусочки мяса, падающие с ножа.

Грустно становится при мысли, какие разочарования иногда преподносит природа. Кто бы мог подумать, увидев впервые эту красавицу-птицу, что она жадное и нахальное существо, питающееся падалью, что она омерзительнее коршуна пустыни! Когда следишь за ее легким полетом на фоне голубого неба, ее незапятнанная белизна, так удивительно гармонирую-

щая с окружающей природой, наполняет душу чувством мира и невинности; и вдруг раздается хриплый гневный крик, птица камнем падает на лед, хватает, рвет мясо и жир — и все очарование пропадает.

Бо́льшую часть года белая полярная чайка питается ракообразными, которых отыскивает в воде между льдинами. Но при всяком удобном случае она уничтожает весь жир, мясо и кровь животных, павших жертвой медведя, лисицы или людей.

Почему у нее оперение белое, — вот чего я не могу себе объяснить. Оно, разумеется, служит ей главной защитой от врагов, которым нелегко обнаружить ее на льду, но ведь врагов у нее не так-то много. Злейшим врагом ее является, пожалуй, лисица, охотящаяся на нее, главным образом, в местах гнездования, да пролетающий мимо сокол; но ведь это все редкие случаи.

Она устраивает себе гнезда далеко в Ледовитом океане, преимущественно на низких уединенных островах и мысах, а иногда на более высоких горных склонах. В свое очень примитивно устроенное гнездо, обычно похожее на небольшое возвышение из мха, она кладет несколько яиц. Известны лишь немногие места, где она высиживает птенцов: на северном берегу Шпицбергена и на островах к востоку от него, в особенности на Земле Короля Карла. На Земле Франца-Иосифа тоже было найдено несколько таких мест, да еще в северной Гренландии и на островах Парри.

Снова стали парить над льдинами вечно подвижные буревестники, появились опять и моевки. В полыньях плавали небольшие стаи гагарок, обыкновенных и исполинских, а кое-где попадались кайры-одиночки. Все они живут на птичьих скалах острова

Ян-Майен, на восточном берегу Гренландии, на Шпицбергене и на Медвежьем острове, где они миллионами гнездятся на отвесных скалистых стенах. Через день-два они летают с этих птичьих базаров за сотни километров в море искать поживы, — главным образом, ракообразных, — в полыньях среди льдов или у самой кромки дрейфующего льда. Наевшись досыта, одна стая подымается за другой и, вытянувшись в прямую линию, возвращается на свою птичью скалу. Они летят очень быстро, твердо зная свой путь. Выше всех летят небольшие стаи мелких гагарок — так высоко, что их едва видно, но свист крыльев при стремительном полете слышен в воздухе на большом расстоянии.

Я видел также несколько пуночек. Они прилетели, весело чирикая, опустились на лед около судна, попрыгали по снегу и снова упорхнули. Они казались такими же веселыми и довольными, как наши норвежские воробушки, прыгающие по двору, хотя, собственно говоря, далеко залетели от своей родины! Возможно также, что они были на пути к восточному побережью Гренландии.

Теперь нам нужно как можно скорее закончить все приготовления и пуститься в путь на поиски тюленей, залегших на льдинах. Деревянными скрепами и цепями мы связали и принайтовали грот-рею и в воскресенье установили ее. А вечером на грот-марсе была прикреплена дозорная бочка.

Дозорная бочка является важнейшей принадлежностью промыслового судна: из нее высматривают разводья между льдинами и выбирают самый удобный

путь для судна; оттуда же, водя по горизонту длинной подзорной трубой, следят за дрейфующими льдами, тюленями и — что в большинстве случаев одинаково важно — за другими судами, в которых можно заподозрить конкурентов-зверобоев. Из этой же бочки регулируется курс судна и шлюпок во льдах и во время побойки тюленей. Бочка является как бы центральным направляющим органом судна.

Во время побойки зверя и вообще в важных случаях в бочке находится сам капитан, и случается, что он проводит там бессменно вахту за вахтой. Иногда же в ней дежурят штурмана, настолько опытные в обращении с подзорной трубой, что им может быть доверено весьма ответственное дело наблюдения.

Бочка поднята на высоту приблизительно 5 футов и настолько просторна, что в ней в случае необходимости могут поместиться двое. От марса к бочке ведет по задней стороне мачты трап, прозванный «лестницей Иакова». На днище бочки проделан люк для входа, а внутри установлена небольшая скамейка для сиденья. Над бочкой поставлен парусиновый щит, который можно передвигать по верхнему краю бочки и таким образом защищать голову от резкого ветра. Благодаря этим приспособлениям, на воздухе можно устроиться довольно комфортабельно и не мерзнуть. Верхний край бочки обнесен широким железным кольцом вроде перил; при наблюдении он служит опорой для подзорной трубы.

Когда подымали дозорную бочку, наш старый штурман ходил по палубе, покачивая головой.

— Виданое ли дело ставить бочку в воскресенье?! Не жди добра от этой бочки, — уверял он.

Этот штурман с окладистой седой бородой был именно таким, каким представляешь себе настоящего ловца-зверобоя старого закала. Раньше он плавал шкипером на полярных промысловых судах, и счастье часто улыбалось ему. Но он любил выпить, что в те времена было не в редкость среди шкиперов. И вот однажды, когда он пьяный валялся на полу в каюте, его судно пригнало прямо к детной залежке; его команда спустилась на лед и пошла бить тюленей, а он так и остался лежать. После этого ему уж больше не доверяли судна, и теперь он ехал штурманом под начальством Крефтинга. В душе таких стариков, как он, пьянство, богобоязненность и суеверие отлично уживаются вместе.

Лед был сравнительно молодой, мощность льдин не превышала полуметра, и между ними были такие большие разводья, что мы могли итти к северу под парусом. Но, в конце концов, наткнулись на сплоченный лед. Пришлось изменить курс, лечь на ночь в дрейф и развести пары. Мы решили пустить машину, как только забрезжит свет, чтобы затем двинуться полным ходом к востоку.

Нам нужно было держать курс на север или на северо-восток вдоль кромки льдов или же зайти немного во льды и там искать тюленей, или, как принято говорить, «детную залежку».

Чтобы читатель имел более ясное представление об этих поисках и сопряженных с ними трудностях, я дам сначала описание льда, его образования и дрейфа, а затем перейду к тюленям и детной залежке.

ДРЕЙФУЮЩИЙ ЛЕД И ПОЛЯРНОЕ ТЕЧЕНИЕ

В ТЕ ВРЕМЕНА — в 1882 году — мы имели еще очень смутные представления о происхождении дрейфующего, или пловучего, льда, его образовании и дрейфе. Только после экспедиции «Фрама» в 1893—1896 годах мы полнее познакомились со всею жизнью полярного льда.

Дрейфующий лед образуется и в Полярном бассейне и в Северном Ледовитом океане, находится в постоянном дрейфе в этих морских областях и тает опять-таки в море. Огромные массы дрейфующего льда уносятся ветром и течением из вод, находящихся к северу от Сибири, Берингова пролива и Аляски, проходят к северу от Земли Франца-Иосифа, Шпицбер-

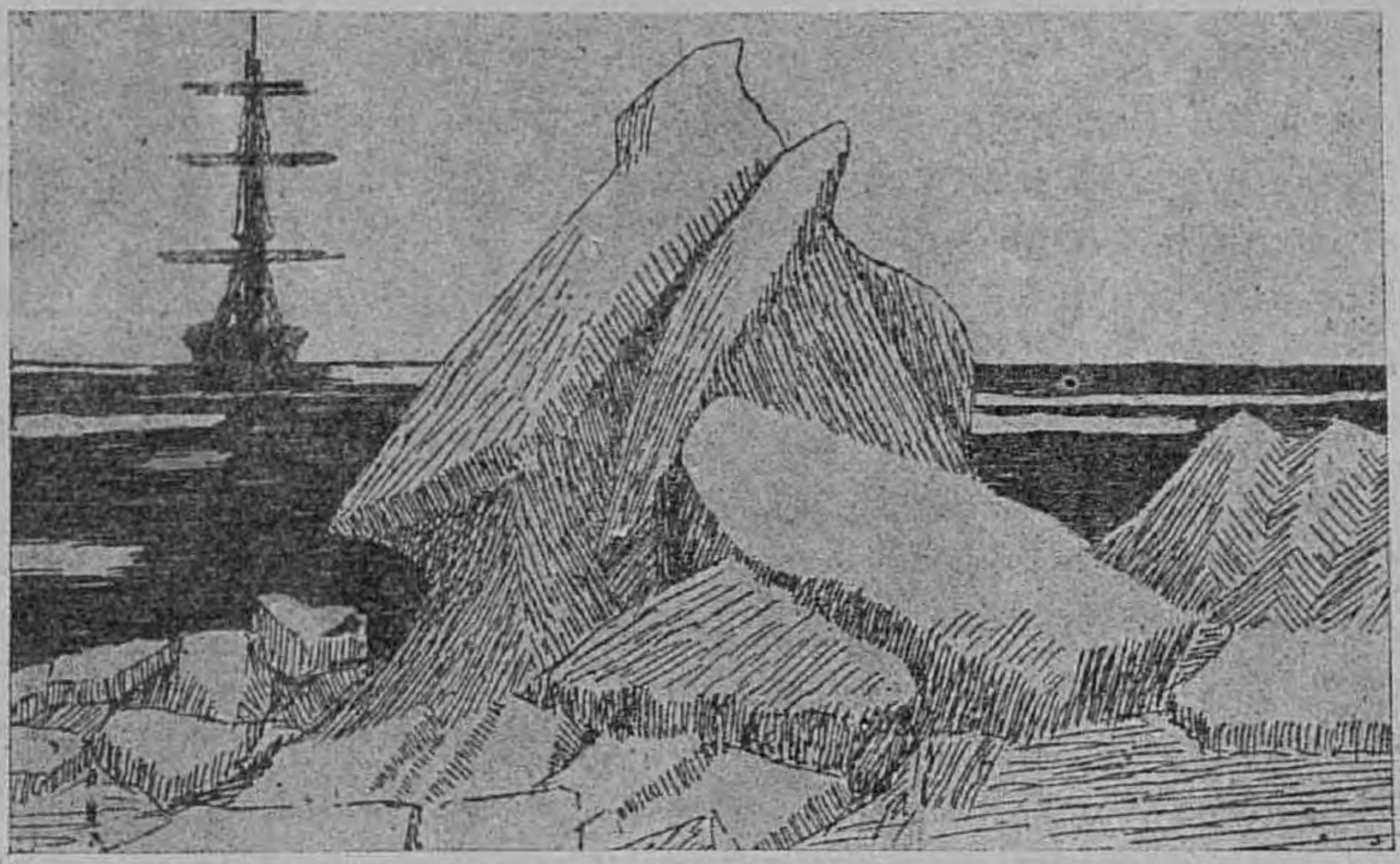
гена и вокруг Северного полюса; таким путем дрейфующий лед проникает на юг между Гренландией и Шпицбергеном и, увлекаемый Восточногренландским полярным течением, проплывает мимо острова Ян-Майен — главным образом между этим островом и восточным побережьем Гренландии.

В этих более южных широтах летняя температура слишком высока для льда, и чем дальше лед уходит к югу, тем он больше тает. Ледовый поток постепенно суживается. Далее он проходит по Датскому проливу, между Гренландией и Исландией. Здесь встречается с более теплой водой Атлантического океана. Полярное течение суживается, и массы дрейфующего льда все уменьшаются по мере своего продвижения вдоль восточного побережья Гренландии.

Последние остатки дрейфующих льдов огибают мыс Фарвель и движутся в западном и северо-западном направлении, вдоль западного побережья южной Гренландии.

У восточного берега Гренландии ширина и протяжение ледяных масс в течение года подвергаются значительным колебаниям, в особенности в средней части — в море между Шпицбергеном и Исландией, где ледяные массы имеют большое протяжение и в конце зимы и весной заходят далеко на восток. Это объясняется тем, что в течение зимы на больших участках этого моря образуется новый лед; но летом этот лед уже тает, как и значительная часть льда, приплывающего с севера, и, таким образом, граница льда отодвигается далеко на запад.

Во время длительного своего странствования — в течение пяти-шести лет — из Сибирского моря и



Ледовое нагромождение (торос). Апрель 1882 года

областей к северу от Берингова пролива и Аляски до южной оконечности Гренландии дрейфующий лед претерпевает постоянные изменения. Он образуется, растет, трескается, ломается, нагромождается под влиянием ветра и течений, уменьшается, исчезает.

Эти ледяные массы образуются преимущественно в открытом море, независимо от его глубины, и лишь незначительное количество льда приплывает от суши или из прибрежных вод.

В Полярном бассейне нет настоящих айсбергов, т. е. ледяных гор, откалывающихся от глетчеров.[1] Айсберги начинают попадаться только у восточного

[1] В центральной глубоководной части Северного Ледовитого океана (Полярном бассейне) могут, хотя, повидимому, лишь в очень небольшом числе, встречаться айсберги, образованные ледниками Северной Земли. *Прим. ред.*

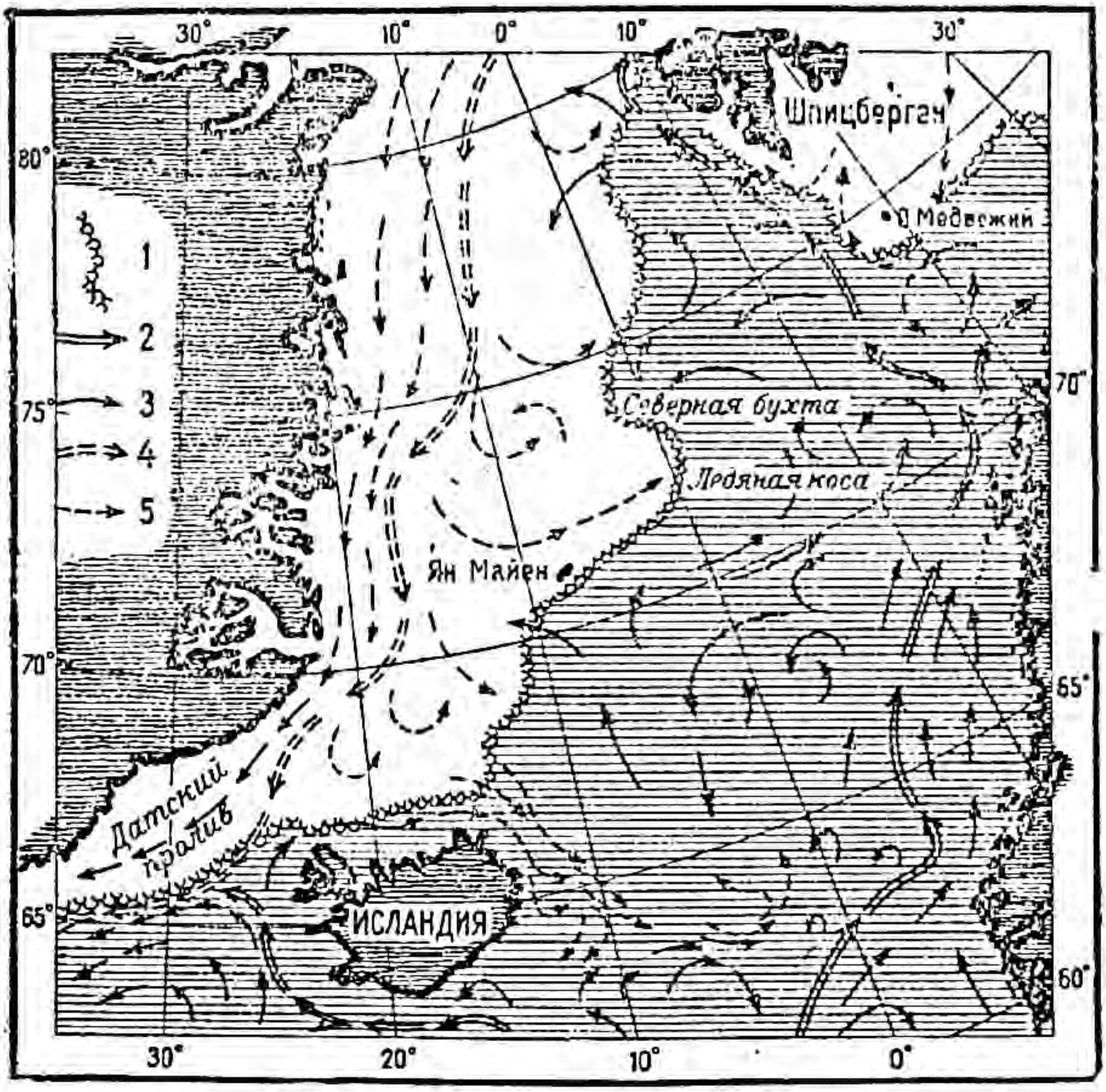
побережья Гренландии, где «телятся» впадающие в море гигантские ледяные потоки-глетчеры, берущие свое начало в мощных пластах материкового ледяного покрова Гренландии.

Айсберги образуются также в устьях глетчеров Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа и Новой Земли; но эти айсберги не велики и обычно не встречаются за пределами фарватера данных областей. Только в редких случаях они попадают в ледяные массы, уносимые Восточногренландским полярным течением.

Речного льда встречается в Полярном бассейне тоже сравнительно немного. Конечно, сибирские реки каждое лето выносят немало льда в море, но это ничто в сравнении с необъятными пространствами полярных льдов. Кроме того, значительная часть речного льда тает летом в море около сибирских берегов, где часто и образуется тогда очень широкий пояс чистой воды.

С приближением осени, когда солнце держится все ниже и ниже над горизонтом, все открытое морское пространство в этой северной области затягивается льдом.

По мере того, как солнечный свет убывает, а мрак распространяется над необъятными морскими равнинами и постепенно сгущается, переходя в долгую звездную полярную ночь, — оледеневшая поверхность открытого моря неустанно излучает теплоту в мировое пространство, и происходят быстрое наращение и уплотнение этого ледяного покрова. Но молодой лед, затянувший полыньи и разводья, ломается ветром и приливо-отливною волною; он дробится на льдины, которые под мощным напором сплачиваются



Течения в Норвежском море и распространение льда в марте и апреле

1 **— ледовая граница в марте и апреле (нормальный год); *2* — сильное теплое течение; *3* — более слабое теплое течение; *4* — сильное холодное течение; *5* — более слабое холодное течение**

и громоздятся, образуя торосы, тогда как в другие периоды и в других местах на льду образуются большие разводья и полыньи, похожие на открытые озера. Но эта открытая вода немедленно снова затягивается молодым льдом, который в течение одного дня или одной ночи может достигнуть нескольких

сантиметров толщины, а через несколько часов уже в состоянии выдержать человека.

Этот новый лед снова дробится и снова смерзается; снова образуются разводья и снова они затягиваются льдом; такой процесс происходит изо дня в день, неделями, в течение всей зимы.

Иногда здесь наступает продолжительное безветрие, и тогда молодой лед, образовавшийся на больших разводьях, успевает нарасти, уплотниться и образовать обширные ледяные поля, которые уже не так легко дробятся при следующем сжатии льдов.

И во все время этого процесса ледяные массы находятся в постоянном дрейфе; медленно, целыми месяцами и годами извилистым путем несут их ветры и течения Полярного бассейна.

Зимой ледяные поля заносятся снегом. Снег обычно скопляется около торосов и всех бугров и неровностей, постепенно уплотняется и отвердевает. Снег как бы пытается сгладить, выровнять поверхность льдов, но результаты невелики, так как в морозы снега выпадает вообще немного, и снежные метели в центральной части Северного Ледовитого океана не сильны и не часты. В прибрежных же районах снегопад и ветры представляют более частое явление.

Летом поверхность льда озарена солнцем; от тепла его лучей начинается таяние снежного покрова, потом ледяных полей и — до известной степени — ледяных глыб и нагромождений, размеры которых уменьшаются и формы более или менее округляются.

Но вследствие того, что в слоях воды, расположенных под льдом, низкая температура держится

долгое время, на нижней поверхности ледяного покрова образуется свежий лед, и такой процесс может длиться до середины лета. Ранней осенью снова становится холоднее, на поверхности льда таяние прекращается, холод начинает проникать глубже в лед, и за зиму он снова утолщается.

Ветер и течение неустанно действуют на лед, ломая его на крупные льдины, сжимают их, громоздят одни на другие, и в некоторых местах образуются новые торосы, в других — новые полыньи и разводья, в свою очередь вновь затягивающиеся льдом; и так из года в год, каждую зиму.

Распространено мнение, разделяемое также выдающимися учеными, что таяние льда вызывается, в сущности, той теплотой, которая выделяется подстилающими лед водными слоями.

Однако такое мнение опровергается уже тем обстоятельством, что ледяной покров и в более южных широтах, как, например, в районе острова Ян-Майен, утолщается и ширится всю зиму вплоть до ранней весны и тает по-настоящему только летом. Если бы причиной таяния льда была теплота, излучаемая подстилающими лед водными слоями, то таяние нижней поверхности ледяного покрова должно было бы происходить и летом и зимой; если бы таяние льда и нагревание воды вызывались не теплотою, излучаемою солнцем в течение лета, то вода и зимой была бы настолько теплой, что лед должен был бы таять.

А между тем лед уносится Полярным течением, и температура поверхностного водного слоя этого течения на глубине 80—100 метров держится около

точки замерзания; поэтому лед не может получить снизу сколько-нибудь значительного количества теплоты за исключением разве наружных кромок дрейфующего льда, где этот лед попадает в более теплые слои воды.

В общем можно сказать, что как в Полярном бассейне, так и в более южных широтах, у восточного побережья Гренландии, таяние льда летом происходит исключительно под влиянием теплоты, непосредственно излучаемой солнцем отчасти на поверхность льда, отчасти на водную поверхность в полыньях и разводьях между льдинами; вследствие этого поверхностный слой воды нагревается и начинает растоплять лед. Это дает себя знать образованием в льдинах, как раз по ватерлинии, выщерблин, а пониже ее далеко выступающих ледяных «подошв» или «таранов» («fötter»). Нижняя сторона льдин подтаивает, напротив, очень слабо, и, как упомянуто, даже летом там иногда наращиваются новые слои льда.

И лишь там, где поверхностные водные слои могут быть прогреты солнечными лучами на глубину, превышающую мощность льда, так что под более тонкие льдины проникает прогретая вода, лед немного подтаивает и снизу. Происходит это, как уже сказано, в тех местах, где ветры вгоняют лед в более теплые воды Атлантического океана.

При таянии снегов на поверхности льда и при таянии верхних слоев льдин и ледяных полей образуются большие лужи или пруды почти пресной воды. Мореплаватели-полярники берут из них себе воду для пищи и питья, а также для котла машины, если она не приспособлена работать на морской соленой воде.

Таким образом, то есть замерзая снизу зимой и весною и подтаивая сверху в течение лета, лед продолжает жить из года в год. Поэтому на неизмеримых полях дрейфующего льда можно встретить лед самых различных возрастов, начиная с молодого, только что затянувшегося на полынье льда, толщиной в несколько сантиметров и едва способного держать человека, и кончая многолетними мощными льдинами или огромными торосами, выступающими из воды метров на 5—6 и уходящими под воду на 50—60, иногда же и на все 70—80 метров.

В Полярном бассейне лед с годами становится все толще и толще и, — как мне кажется, вследствие наращения новых слоев, а отнюдь не под влиянием сжатия и нагромождения льдин, — может года в три-четыре достигнуть мощности 3 метров, а, пожалуй, даже и больше. Но не все плоские льдины обычного дрейфующего льда отличаются такой мощностью; большинство их более недавнего происхождения. С другой стороны, многие ледяные поля образуются из нагромождений льда и бывают гораздо более мощными.

Когда дрейфующий лед достигнет входа в пролив между Шпицбергеном и Гренландией и направится дальше к югу, его начинает относить к западу, к гренландскому побережью. Дело в том, что в силу вращения земли все течения в северном полушарии отклоняются направо, и в более высоких широтах отклонение это становится все значительнее. Поэтому при дрейфе к югу полярный лед идет широким поясом вдоль гренландской береговой отмели.

Но, кроме этого льда, приносимого с севера, в самой области между Шпицбергеном, Гренландией и

Исландией образуются зимой и даже поздней весной огромные массы льда, которые покрывают море на большом протяжении к востоку от границы собственно полярного льда.

Морю здесь замерзнуть нетрудно, так как осенью на поверхности его обычно держится тонкий слой воды с низким содержанием соли; значительная часть этой опресненной воды образуется летом при таянии льда.

Так как эта вода даже при температуре точки замерзания настолько легка, что держится поверх тяжелой соленой воды, то при штиле этот тонкий поверхностный слой сильно охлаждается и при первом же заморозке затягивается льдом. При сильном снегопаде лед образуется особенно быстро.

Такой лед обычно растет быстрым темпом; он дробится на льдины бо́льших или меньших размеров, срастается в небольшие нагромождения и крупные торосы, снова расходится, смерзается и так далее, подобно полярным льдам на Дальнем Севере; но этот лед тоньше, и нагромождения его меньших размеров; льдины недавнего происхождения не могут столько раз дробиться и снова смерзаться. Вследствие этого они более плоской формы, чем полярные, которые обычно более или менее горбаты, бугристы, с более или менее крутыми нагромождениями, обтаивающими под влиянием теплого летнего солнца.

Вот на таком молодом льду гренландский тюлень весной и выбирает себе в море около Ян-Майена места для «щенки». Поэтому в марте, апреле и мае там появляются тюленепромышленники, и туда же стремились пробраться мы на «Викинге» в надежде отыскать щенную или детную залежку.

Само собою разумеется, что среди такого молодого льда попадаются и более старые льдины и торосы, приплывшие из далеких, более северных областей. Но более значительные массы настоящего полярного льда, этой старой гвардии Полярного течения, начинают попадаться только дальше, у восточного побережья Гренландии. С этими мощными массами льда мы познакомились позднее в Датском проливе во время охоты на «хохлача». Там, значительно дальше к югу, молодые и более легкие отряды льдов мало-помалу падают в борьбе с теплом более южного солнца, между тем как старая гвардия тяжелых льдов упорно противостоит врагу.

В море между Шпицбергеном, Исландией и островом Ян-Майен в образовании более молодого льда у наружного края Полярного течения участвует новый фактор, никакой роли не играющий на Дальнем Севере в Полярном бассейне. Это океанское волнение, докатывающееся сюда из открытого моря. Проникая между льдинами, волнение постепенно ослабевает и на более значительном расстоянии от кромки льдов становится незаметным. Морская волна раскалывает мощные ледяные поля на отдельные льдины. В тех же областях, куда волнение не доходит, ледяные поля достигают большого протяжения, тянутся иногда на несколько километров в длину и образуют тот лед, который тюленепромышленники называют «ubrekt is», т. е. невзломанный лед.

Но чем дальше подвигаешься к кромке, тем льдины становятся мельче. Там, когда на море волнение, лед взламывается, дробится, растирается в ледяную кашу, которая покрывает море на большое

пространство. Эта ледяная каша ослабляет самую волну, способствуя образованию так называемого «пояса»,[1] и чем он шире, тем надежнее защищает внутренний лед от напора извне. В зимние и весенние холода каша эта вновь твердеет, превращаясь в тихую погоду в сплошной покров.

Не следует, однако, представлять себе кромку дрейфующих льдов в виде ровной линии, хотя иногда она бывает такою под влиянием ветров и волн, сплачивающих льды; в такие льды судам бывает трудно проникнуть. Но если стоит безветрие или если ветер дует со стороны льда, кромка расходится, ледовые языки выступают в море, и между ними появляются глубокие бухты. Тогда во льдах открываются обширные полыньи и разводья, ледовые языки отрываются и уносятся в море, образуя множество ледяных полос,[2] или «кос», обычно состоящих из мелких льдин, мало-помалу разбиваемых зыбью в ледяную кашу. Вот по этим бухтам и разводьям, лавируя между ледяными полями и косами, промысловое судно пробивает себе путь в поисках тюленьего лежбища.

Вода в бухтах и разводьях обычно холодна (около точки замерзания), и если температура воздуха ниже нуля, а ветер сравнительно слабый, то они часто затягиваются молодым льдом, быстро утолщающимся, в особенности если на воду падает небольшой снежок. Отчасти причиной столь быстрого образования льда является то, что море покрыто здесь тонким слоем опресненной воды, движущейся поверх более

---

[1] Havgaren — полоса мелкобитого льда около кромки. *Прим. ред.*

[2] По-норвежски strimler. *Прим. ред.*

холодной и более тяжелой соленой воды, температура которой держится обычно около — 1½° Ц; как только упомянутый поверхностный слой с более высокой точкой замерзания охладится от соприкосновения с подстилающим более глубоким слоем, так он замерзает, и волна уже не в силах взломать образовавшийся лед. Тюленепромышленники называют такой лед «бухтовым» («bay is» или «bayer is»).

Так как поверхность воды у кромки льдов почти никогда не находится в состоянии полного покоя, но всегда слегка волнуется, то вновь образовавшаяся ледяная корочка не остается сплошной, а дробится на небольшие тонкие диски, которые при трении друг о друга округляются, приобретая форму небольших тонких «тарелок» или «блинов», окаймленных белым выпуклым бордюром из мелкобитого льда.

По мере того как эти тарелки или блины становятся толще и крепче, они уже не так деформируются при движении и постепенно смерзаются в диски более значительных размеров и тоже окаймляются белым выпуклым бордюром, напоминая большие круглые «блюда» с узором из маленьких вдавленных белых колец — первоначальных «тарелок» или «блинов».

Это и есть «тарелочный лед», носящий также название «блинчатого», так как круглые диски эти слегка напоминают блины. [1]

---

[1] Некоторые ученые объясняют происхождение этих небольших ледяных дисков образованием льда в море на некоторой глубине, откуда он затем вдруг всплывает на поверхность (так называемый «донный лед»; см. у проф. Эдлунда и Авг. Квеннерштедта). В дальнейшем изложении мы докажем несостоятельность такого утверждения. *Прим. автора*

Но, в конце концов, диски настолько утолщаются, что смерзаются в плотный покров, уже не дробящийся при небольшом волнении. Образуется оригинальная ледяная поверхность такого же зеленовато-голубоватого цвета, как всякий вновь образующийся морской лед, но только края «тарелок» и более крупных «блюд» обведены бордюром из круглых белых колец, так что вся ледяная равнина производит впечатление пола, выложенного круглыми плитками.

Вновь образовавшийся зеленовато-голубой или серо-голубой бухтовый лед покрывается после первого снегопада слоем снега, как и всякий другой лед. Если он успеет вырасти, приобрести мощность и не будет взломан, разбит волнами, то входит в состав тех дрейфующих ледяных масс, на которых тюлень особенно охотно выбирает себе место для щенки.

Весь лед, образовавшийся в море между Шпицбергеном и Исландией зимой и весной, тает в июне, июле, августе и сентябре, то есть как раз в тот период, когда тает и бо́льшая часть полярного льда, приносимого с севера.

Образование этих масс нового льда зимой и весной и таяние его в течение лета являются в значительной степени причиной больших ежегодных изменений в условиях распространения дрейфующих льдов в море между Шпицбергеном и островом Ян-Майен, а также между этим островом и Исландией.

Некоторые известные океанографы[1] придерживаются мнения, что таяние огромных ледяных масс

---

[1] Нансен имеет в виду шведского океанографа Отто Петтерсона. *Прим. ред.*

в этом море вызывает сильное похолодание его водных слоев и имеет якобы большое значение для динамики всего океана, являясь важнейшим фактором образования значительных морских течений, например, «Гольфстрима».

Такое мнение в значительной степени ошибочно. Так как эти ледяные массы замерзают и тают в одном и том же море, то общим результатом этих двух процессов не может явиться охлаждение его водных масс.

На таяние льда летом расходуется большое количество теплоты, и потому нагрев солнечными лучами морской поверхности и воздуха над морем становится слабее, но при образовании того же льда зимой и весной выделяется соответственное количество теплоты, что задерживает охлаждение поверхности моря и находящегося над ним слоя воздуха.

К северо-востоку от острова Ян-Майен дрейфующий лед весною часто образует большой язык или «косу», обращенную на восток; эта ледяная коса состоит в значительной степени из молодого льда зимнего или весеннего происхождения, и тюленепромышленники так и называют ее попросту «Косою».[1] Образованию ее, видимо, способствует проходящая здесь в восточном направлении ветвь Полярного течения.

Дело в том, что между островом Ян-Майен и Шпицбергеном имеет место сильное круговое течение или, вернее, частично даже два (см. карту на стр. 49). В восточной части этого моря, к западу от Медвежь-

---

[1] По-норвежски Odden. *Прим. ред.*

его острова и Шпицбергена, теплое Атлантическое течение идет к северу, а затем водные массы заворачивают к западу примерно на 74° и 75° с. ш. и на 77°—78° с. ш.

В западной части этого моря Полярное течение направляется вдоль берегов Гренландии к югу, и между островом Ян-Майен и 73° с. ш. ветвь его отходит к востоку и становится частью большого кругового течения. Разумеется, эта ветвь часто выносит лед в виде ледяной косы, между тем как более теплая ветвь течения, идущая с востока, образует на севере бухту. Тюленепромышленники называют эту бухту «Северной бухтой»[1] или «Заливом бухтового льда»,[2] так как там встречается исключительно молодой или бухтовый лед, а старого льда нет.

Форма и протяжение Косы и Северной бухты могут быть различны в различные годы, вероятно, вследствие изменяющихся условий ветра.

В некоторые годы, в особенности, когда огромные ледяные массы распространяются далеко к востоку, Коса и Северная бухта имеют, повидимому, не столь резко выраженную форму; вероятно, главным образом потому, что ледяные массы захватывают район самой бухты.

Как утверждают тюленепромышленники, гренландский тюлень (лысун) выбирает себе место для залежки в самом центре «Большой ледяной косы», чтобы там спокойно произвести на свет и выкормить своих детенышей.

---

[1] По-норвежски Nord-bukta. *Прим. ред.*

[2] По-норвежски Bayis-bukta. *Прим. ред.*

В море к юго-западу от острова Ян-Майен тоже наблюдаются сильные круговые течения; возможно, что здесь тоже проходят ветви Полярного течения, которые могут образовать ледяные косы к юго-востоку, — пожалуй, главным образом, около 69° с. ш.

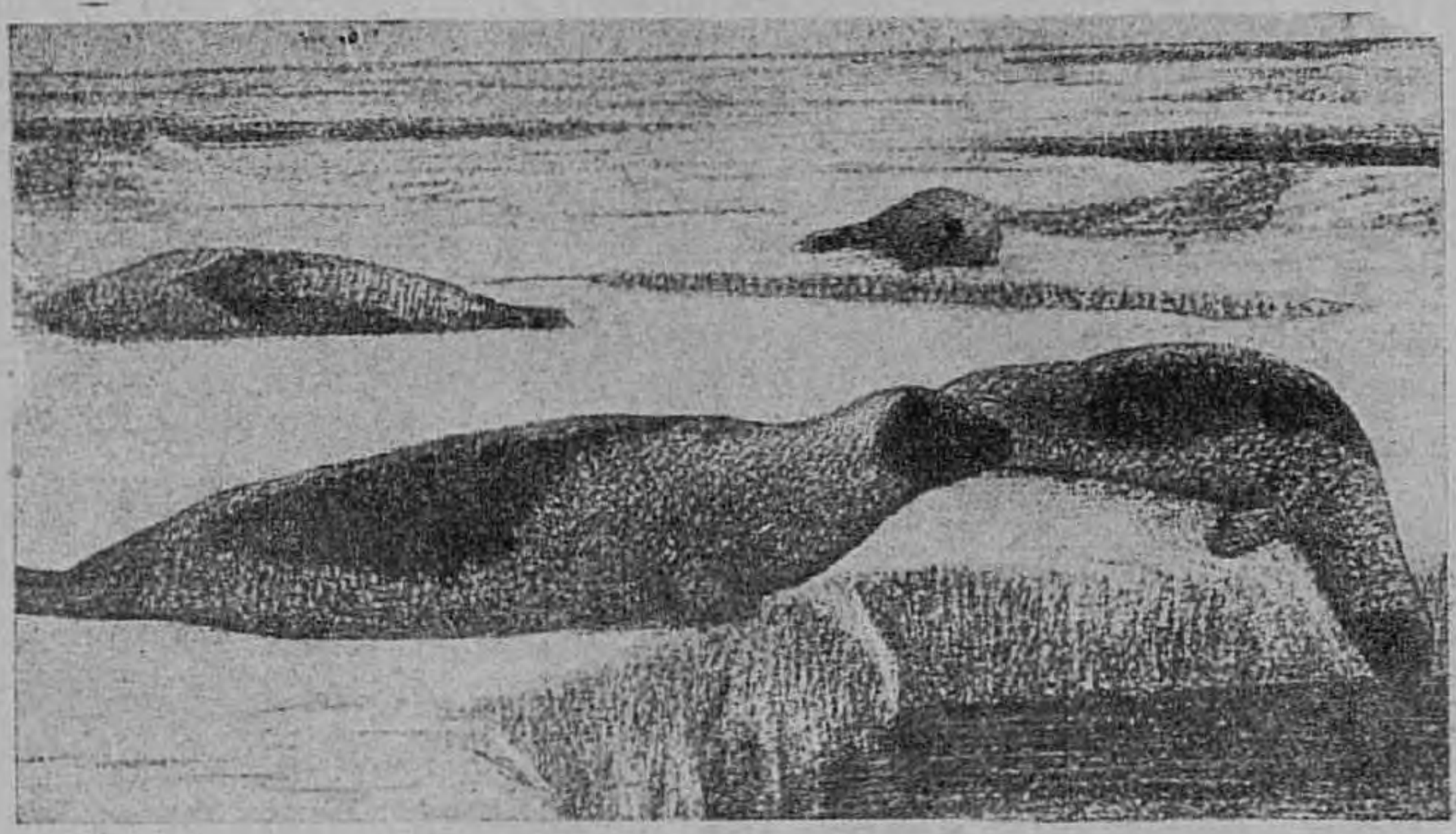
В некоторые годы, когда льда сравнительно мало, а граница его отодвинута далеко на запад, крупные детные залежки гренландского тюленя можно найти и в областях к юго-западу от острова Ян-Майен.

ГРЕНЛАНДСКИЙ ТЮЛЕНЬ, ИЛИ ЛЫСУН

ГРЕНЛАНДСКИЙ тюлень, или лысун[1] (*Phoca groenlandica* N. Fabr.), принадлежит к тюленям средних размеров. Длина тела взрослого самца достигает 1,6—1,9 метра. Он серовато-белого цвета; передняя часть головы черная, на туловище с боков у него по продолговатому черному седлообразному или лировидному пятну, за что норвежские промышленники и прозвали его «sale-sel». Англичане и ньюфаундлендцы называют его «saddle-

---

[1] Наши поморы называют его «лысун», «кожа»; в ходу также названия «серка», «лысь». Норвежское название «sale-sel» происходит от слова «sale» — седло. *Прим. перев.*



Гренландский тюлень

back» или «harp-seal», а гренландские датчане-«svart-side», то есть «чернобокий». На верхней стороне хвоста у него часто бывает тоже небольшое черное пятно.

Достигшая половой зрелости самка[1] немного меньше взрослого самца. Основной цвет ее шкуры тоже беловатый, и темные пятна разбросаны приблизительно в том же порядке, как у самца. Зоологи прежних времен утверждали, что у самок нет седловидного пятна на спине и голова не черного цвета. Эта удивительная ошибка, повидимому, укрепилась в литературе. В действительности седловидные пятна у самки есть и могут быть такими же черными, как у самца, но часто они имеют сероватый оттенок и не такие сплошные, а разбиты на мелкие крапины.

---

[1] Поморы называют ее «утельга». *Прим. перев.*

У взрослой самки голова темнее туловища и, если не считать отдельных черных пятен, все же часто светлее, чем у самца. У некоторых самок вся голова довольно темная.

Форма темных или черных пятен на спине и на голове у самок и самцов может быть очень различна.

Самка гренландского тюленя мечет ежегодно по одному детенышу; двойни представляют, повидимому, редкое исключение, и трудно указать хоть на один пример; по крайней мере, эскимосы, которых я встречал в Гренландии, не могли привести мне ни единого. Зато однажды, когда мы упомянули, что у европейских женщин бывают двойни и даже тройни, одна эскимоска сказала с презрительной усмешкой: «Европейские женщины как сучки, люди же (то есть эскимосы) и тюлени рожают по одному детенышу».

Новорожденный гренландский тюлень[1] имеет в длину от 0,6 до 0,7 метра, то есть равняется одной трети длины материнского туловища; детеныш бывает очень упитанным, с толстым подкожным слоем сала. Появляется он на свет на дрейфующем льду одетым в красивую белую длинношерстую и мягкую шубку. Длина волос на спине и по бокам достигает 3—4 сантиметров.

Пока детеныш сохраняет эту шубку, он не идет добровольно в воду и потому представляет легкую добычу для ловцов, которые подходят к нему по льду и убивают ударом багра по голове.

---

[1] На языке поморов «белек». *Прим. перев.*

Когда белек по несчастной случайности попадет в воду (например, если лед треснет или льдину зальет волной), ему трудно выбраться оттуда, и он может утонуть, если мать не поможет ему вылезти снова на лед. В таких случаях «мать плывет, держа детеныша между передними ластами или подталкивая его мордой, и выбрасывает его на лед».

Кэрроль, писавший о побойке тюленей около Ньюфаундленда, сообщает, что во время шторма или крупной волны множество бельков гибнет на дрейфующих льдах. Он не раз видел, как при крупной волне самки прыгали на лед и утаскивали детенышей с льдины в воду, чтобы их не смыло и они не погибли. То же рассказывали мне норвежские промышленники о гренландском тюлене в море около Ян-Майена.

Мать вскармливает детеныша недели три. При кормлении она ложится на бок. Говорят, что она приходит к детенышу на льдину и кормит его обычно два раза в день — ранним утром и вечером, а весь день проводит в воде, — вероятно, в поисках пищи. Белек лежит днем один и часто кричит, призывая мать. Крик тысяч детенышей на щенной залежке (на каждой льдине залегает много голов) слышен на расстоянии нескольких километров, в особенности если приложить ухо ко льду.

Бывает, что мать бросается защищать детеныша от промышленников, и тогда ее обычно тоже убивают багром.

Вскармливаемые матерью белька быстро растут в длину и в ширину. Семь-десять бельков дают обычно тонну ворвани

По прошествии 14—18 дней белек начинает линять. Шерсть выпадает хохолками[1] сначала на задних ластах и голове, затем на брюшке и на передних ластах и в конце концов на спине.

Линька продолжается от 8 до 10 дней; максимум через месяц природный волосяной покров совершенно исчезает, и у детенышей вырастает крапчатый юношеский мех из гладких блестящих волос. Основной цвет шкурки серебристо-синий,[2] и вся она усеяна более или менее частыми крапинами. Как оттенок цвета, так и размер и число крапин различны у различных особей. Спина часто бывает темнее и более одноцветной, чем бока; брюшко же светлее остальных частей шкурки, почти беловатое. Но и оно иногда усеяно отдельными довольно крупными серыми крапинами.

Промышленникам крайне важно отыскать «детную залежку», пока детеныши еще не сбросят своей природной шубки. В такой период их легче бить и, кроме того, они обычно залегают на льду сплошной массой. Вдобавок до линки шкурка бельков ценится выше; за нее платят на несколько крон дороже; средняя цена ее 6—7 английских шиллингов.

Во время линки белька мать покидает его. Несколько дней он остается без пищи, так как боится войти в воду, и потому худеет. По окончании же линки детеныш настолько уже развит, что самостоятельно отыскивает себе в море пищу. К этому времени он достигает целого метра в длину.

---

[1] Поэтому линяющего тюленьего щенка поморы называют «хохлушей». *Прим. перев.*

[2] В этом возрасте детеныш носит у поморов название «серки». *Прим. перев.*

В первые дни плавание и ныряние даются ему с трудом, и потому он часто выбирается снова на льдину. Вскоре, однако, он совершенно осваивается с водой. Но и в этом возрасте детеныши бывают иногда настолько неосторожны и доверчивы, что их можно бить багром на льду, в особенности в тихую солнечную погоду. В большинстве же случаев они проявляют такую пугливость, что их приходится уже стрелять.

Первое время они питаются преимущественно мелкими ракообразными (отчасти ракообразными мизидами *Schizopodae*), которые во множестве водятся в поверхностном слое моря, и я сам видел молоденьких лысунов, у которых желудок был битком набит этими ракообразными. Позднее летом они питаются также рыбой, в особенности полярной треской, или сайкой (*Gadus saida*), и мойвой (*Mallotus villosus*), а также всякой рыбой, какую могут поймать и какою питаются и взрослые тюлени.

Гренландский тюлень сохраняет крапчатый юношеский наряд года два.[1] За это время при каждой линке число крапин уменьшается, и по достижении трехлетнего возраста шкура самцов и самок становится более одноцветной, а на спине и на голове начинают отчетливее проступать темные пятна, у самцов, повидимому, раньше, чем у самок.

Утверждают, что гренландский тюлень достигает половой зрелости уже в первый год рождения. Мне это представляется сомнительным. Наоборот, мне кажется, что он достигает ее не раньше двухлетнего возраста.

[1] Двухлетки носят у поморов название «серунов» или «конжуев». *Прим. перев.*

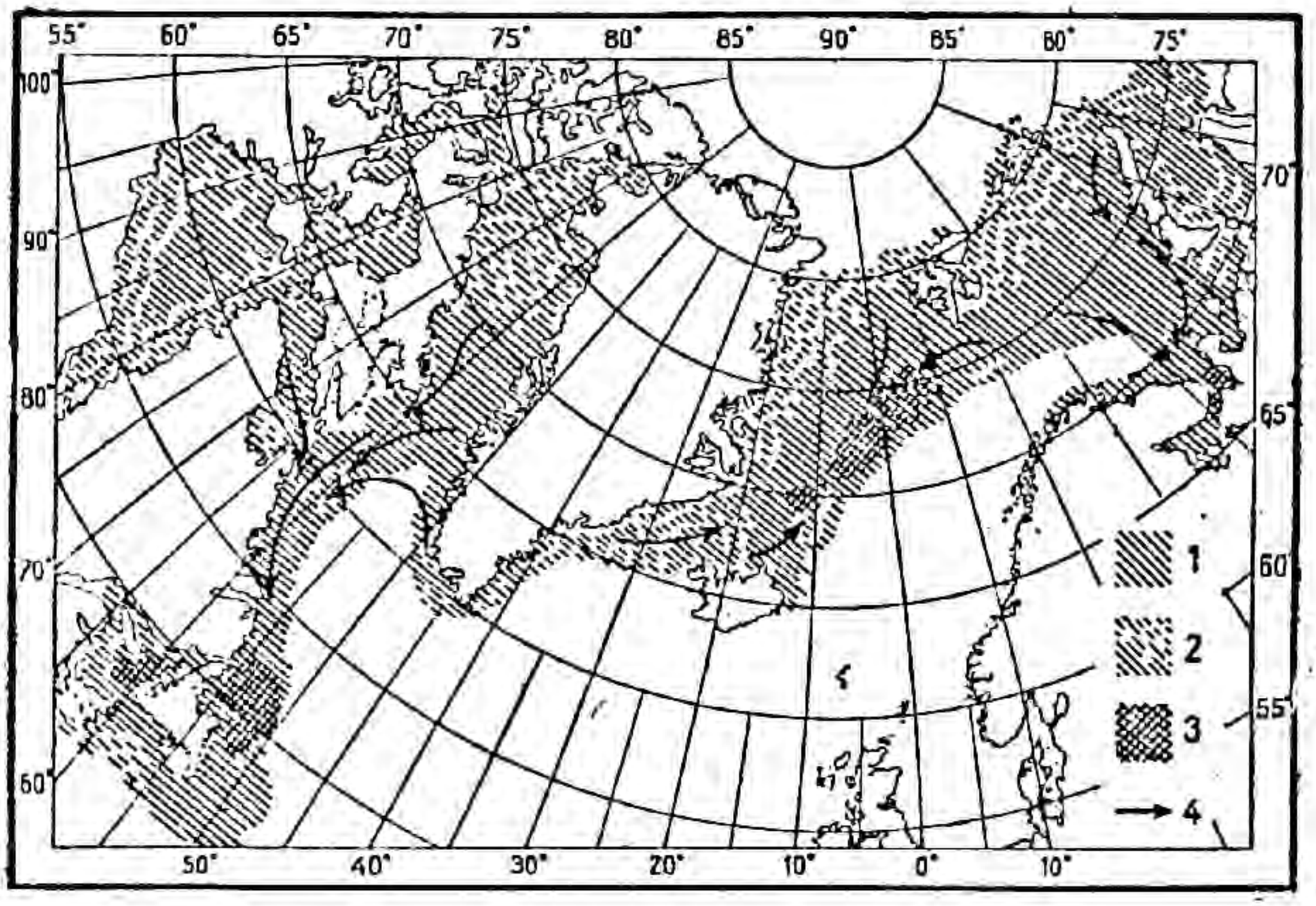
Гренландский тюлень — один из самых лучших пловцов среди тюленей и заходит в более отдаленные области, чем другие виды.

Он живет на дрейфующих льдах, и область его распространения не ограничивается каким-нибудь побережьем или страной; он водится во всей полярной области к северу от Атлантического океана, начиная с бухты Св. Лаврентия, Ньюфаундленда, Гудсонова залива и восточной части Канадских арктических островов (примерно, от 95° з. д.) — на западе, захватывая Дэвисов пролив, северную часть Норвежского моря, Баренцово море и доходя до Карского моря — на востоке. При нормальных условиях он вряд ли проникает на восток дальше полуострова Челюскина на севере Сибири. В море к северу от Канады, к западу от 95° в. д. он обычно не встречается, как и в Беринговом море.

Гренландский тюлень держится обычно на дрейфующем льду около кромки, где между льдинами имеется достаточно разводий, а как только лед смерзается плотно, тюлень уходит с него. Поэтому его нельзя встретить на сплоченном дрейфующем льду вдали от чистой воды.

В противоположность многим другим видам тюленей (в особенности нерпе и морскому зайцу) он не делает себе отдушин в воде и обычно залегает у края льдины, откуда в случае опасности моментально бухается в воду.

Согласно русским источникам, лысуны Белого моря в период щенки залегают со своими детенышами посредине большой льдины, на которой пробиты круглые отдушины, или «лазки».



Районы распространения гренландских тюленей и их миграции к детным залежкам

1 — обычное местопребывание гренландского тюленя; *2* — более редкие посещения; *3* — детная залежка; *4* — миграция к детным залежкам.

Кэрроль утверждает, что на щенных залежках у Ньюфаундленда тюлень тоже устраивает отдушины или лазки на льду для сообщения с водой. С таким утверждением можно согласиться лишь с некоторой оговоркой. Дело в том, что отмечены случаи «обмерзания» тюленей на щенных залежках в море около Ян-Майена, — например, в 1882 году. Это случается, когда они оказываются отрезанными от воды. Тогда даже старых самок можно бить багром, как детенышей. Сам Кэрроль тоже сообщает, что у берегов Ньюфаундленда тюлень иногда оказывается затертым льдами и не может попасть в воду; происходит это при сжатии

льдов, но вероятнее всего, что в такие периоды льды одновременно и смерзаются; вот тогда-то тюлень иногда предпринимает длительные странствования по льдам в надежде найти снова чистую воду.[1]

Так как гренландский тюлень избегает сплоченных льдов, он не проникает так далеко к северу в поляр-ные льды, как, например, кольчатый тюлень или нерпа обыкновенная (*Phoca hispida*) или морской заяц (*Frig-nathus barbatus*). Самые северные области, где, как из-вестно, встречались тюлени, это пролив Смита и Ка-нал Кеннеди; Бессельс видел там тюленей в 1871—1872 годах, а Грили на 81°30′ с. ш. 10 августа 1881 года, я же в 1895 году на северо-восточном берегу Земли Франца-Иосифа, примерно на 81°20′ с. ш.

В некоторые годы гренландский тюлень встречается и на больших расстояниях от области дрейфующих льдов; он посещает, например, наш норвежский север-ный берег, где его называют «russe-kobbe» (русский тюлень); так в 1902 и 1903 годах гренландские тюлени появились там во множестве. Регулярно посещают гренландские тюлени в массовом количестве и запад-ное побережье Гренландии, то есть области, очень да-лекие от настоящей зоны дрейфующих льдов.

---

1 Ульям С. Брюс (W. S. Bruce, Proceedings of the Royal Society of Edinburgh, Bd. XIV, 82) сообщает, что доктор Кётлиц во время санной поездки по побережью Земли Франца-Иосифа застрелил гренландского тюленя, лежавшего на льду около своей «зимней отдушины». Мне хочется думать, что здесь просто какое-то не-доразумение. Насколько мне известно, еще никто не наблюдал, что этот вид тюленей устраивает себе зимние лазки или вообще живет на таком сплоченном льду, где эти лазки были бы необ-ходимы. *Прим. автора.*

Бывали случаи, когда отдельные тюлени заплывали в южную часть Северного моря и достигали даже британских берегов и Канала, а однажды гренландского тюленя видели у восточного побережья Северной Америки, — он забрался на юг к Нью-Джерси.

Замечательны те далекие странствования, которые ежегодно предпринимает гренландский тюлень. Расстояния, покрываемые тюленями во время этих кочевок (миграций), видимо, находятся в некоторой связи с ледовыми условиями. Когда, например, в 1902—1903 годах, против обыкновения, огромные количества гренландского тюленя внезапно появились у берегов северной Норвегии, это, конечно, находилось в связи с ледовыми условиями в Баренцовом море.

Есть, повидимому, четыре существенные причины, вызывающие такие ежегодные миграции: 1) поиски мест для щенных залежек на льду (весною); 2) спаривание; 3) линка и 4) поиски морских районов, особенно богатых пищей.

Три первых момента — спаривание, деторождение, линка — следуют по времени непосредственно один за другим и потому происходят в течение одной и той же продолжительной весенней миграции.

В феврале и марте — этот срок различен для различных областей — сотни тысяч гренландских тюленей и даже более скопляются на льду на определенных щенных залежках.

Самки являются сюда метать детенышей, самцы для спаривания, и, как это ни странно, здесь же собирается много молодняка, еще не достигшего половой зрелости. Возможно, что молодые попадают сюда, увле-

ченные потоком своих родичей, так как гренландский тюлень необыкновенно общительное животное.

Детеныши рождаются на льдинах средней толщины, покрытых снегом. О детенышах и их вскармливании уже говорилось выше.

По словам тюленепромышленников, спаривание происходит сразу же после того, как «утельга» прекращает кормление детеныша, то есть через три-четыре недели после его рождения. По этому поводу я лично не могу сказать ничего определенного. Некоторые утверждают, что утельга спаривается и до того момента, как она покидает детеныша. Самец спаривается, повидимому, только с одной самкой.

Следовательно, беременность утельги должна длиться одиннадцать месяцев. Три зародыша, вынутых из убитых самок гренландского тюленя у Суккертопена на западном побережье Гренландии 20 августа 1888 года, имели в длину от 6 до 7 сантиметров. Зародыш, вынутый из самки в том же месте 30 августа, был длиною в 8 сантиметров, а взятый 4 сентября того же года — 11 сантиметров.

В октябре 1888 года я видел несколько взрослых гренландских тюленей, пойманных неводом около Годтхоба в Гренландии. Большинство самок были беременны; зародыши были крупнее вышеуказанных, но неодинаковой длины. К сожалению, взятые мною зародыши впоследствии оказались утерянными, так что у меня нет точных данных относительно их длины.

Удивительно, однако, что зародыши в это время года оказались такими крупными, — ведь спаривание происходило в апреле. Зародыши, достигавшие 20 августа в длину не более 6—7 сантиметров, должны были

Самки гренландского тюленя с детенышами

быть четырех месяцев; выходит, что в последующие семь месяцев беременности они вырастают в длину на 60—70 сантиметров. Повидимому, в развитии зародыша в первое время происходит какая-то задержка.

После спаривания гренландские тюлени разбредаются с щенных залежек. Самцы и самки обычно расстаются и в остальное время года держатся отдельными стадами, чтобы в следующем году снова встретиться на щенной залежке. Молодняк тоже странствует обычно отдельными группами.

Покинув щенную залежку и перейдя на край дрейфующих льдов, тюлень вскоре начинает собираться в стада. Молодняк все еще держится особняком, — большей частью на самом краю льда, на косах, около которых в воде обилие ракообразных.

Взрослые самцы (поморы называют их «крыланами») собираются стадами в тысячи голов; но в таком стаде можно увидеть и самок и молодняк.

Гренландский тюлень плывет очень быстро, сплоченной массой. Когда все тюлени разом подымаются на поверхность, море кажется взбаламученным. Они резвятся, кувыркаются, плавают на спине. Некоторые даже выпрыгивают из воды. И вдруг все стадо ныряет вглубь. Они в постоянном движении и, в противоположность другим видам тюленей, почти никогда не лежат спокойно на одном месте. Во время этих кочевок к ним трудно приблизиться на выстрел.

Исландцы утверждают, что стада этих тюленей, которых они называют «морскими» («hav-sel») или «бродячими («vade-sel»), часто плывут косяком, — треугольником, в вершине которого находится престарелый тюлень — «тюлений король», движениям которого немедленно подражает все стадо. Не решаюсь сказать чего-либо определенного по этому поводу.

Затем начинается линька тюленей, достигших половой зрелости; она продолжается с месяц и обычно заканчивается к концу мая. В этот период тюлень залегает на лед и уходит в воду не столь охотно, как в обычное время, в особенности, если он высохнет на солнце; он предпочитает лежать, время от времени тереться о льдину и принимать солнечные ванны.

Стада «крыланов» могут занимать пространство в несколько километров; на льдинах тюлени лежат так близко один к другому, что лед едва проглядывает между их спинами. Издали все стадо кажется сплошной темной землей, выделяющейся на фоне окружающих белых льдов.

В этот период тюлень легче, чем когда бы то ни было, подпускает к себе на выстрел; но все-таки он пуглив и бдителен: то-и-дело подымает голову и озирается, и охотнику приходится осторожно подкрадываться к нему, прячась за торосами. Ружейный выстрел вспугивает их не так сильно, как пример раненого соседа, если он вдруг закрутится на месте и кинется в воду. Тогда обычно вся ближайшая к нему часть стада тоже кидается в море. Поэтому зверя надо бить в голову наповал. И особенно меткими должны быть первые выстрелы; лучше промазать, чем всадить пулю в туловище зверя. Раз стадо вспугнуто, не стоит и подходить к нему на выстрел. Но если охотнику удастся пробраться к средине стада и убить наповал несколько ближайших тюленей, то охота облегчается, так как остальные тюлени, видя своих родичей неподвижными в самом опасном месте, будут лежать совершенно спокойно.

Во время линки, как и в период щенки, половозрослые тюлени едят очень мало и потому сильно худеют.

Если в марте и в начале апреля убить гренландского тюленя в воде выстрелом в шею, так что дыхательное горло его зальется кровью, он обычно не тонет некоторое время, по крайней мере несколько минут, и можно успеть зацепить его багром, тогда как в конце мая или в июне он сразу же погружается в воду.

Жир облекает все тело тюленя плотным толстым слоем и при свежевании снимается вместе со шкурой. У взрослого упитанного тюленя этот подкожный жировой слой может достигать 5—6 санти-

метров толщины, а у тощих особей около 1—2 сантиметров.

Когда в марте гренландский тюлень пригребает к щенной залежке, он очень упитан. Взрослый самец дает 60, 80 и 90 килограммов жира, самка поменьше: от 50 до 60 килограммов. А позже апреля с взрослого тюленя едва-едва добывается 30—40 килограммов.

В апреле два-три взрослых гренландских тюленя дают, в среднем, тонну ворвани, между тем как в конце мая или в июне, после линки взрослых особей, такое количество ворвани можно добыть лишь с 7 или 8 взрослых тюленей.

После линки стада взрослых тюленей разбиваются на менее крупные стадочки и разбредаются по Ледовитому океану в поисках мест, изобилующих пищей. В большинстве случаев тюлени живут на дрейфующих льдах, скучившись, питаясь преимущественно различными мелкими ракообразными, которых в море масса. Тюлени поедают также пищу китов — северных клион (*Clione borealis*) и другую мелюзгу, плавающую в море. В тех местах, где этих животных много, желудок тюленя бывает битком набит ими.

Гренландский тюлень большой любитель рыбы, которую он ловит в море, а также преследует до самого берега, и потому он ежегодно появляется близ побережий северных морей. Он пожирает мойву, сельдей и навагу различных видов, в том числе сайку, или полярную треску (*Gadus saida*), морского окуня и таких рыб, как камбала и т. п., если они подвернутся ему. Часто он поедает и каракатиц.

Как уже сказано, гренландский тюлень необыкновенно хороший пловец, и эскимосы говорили мне, что

если раненый взрослый крылан переходит в нападение, он может быть опаснейшим противником благодаря своей быстроте и ловкости в воде.

Утверждают, что он может нырять на невероятную глубину. Так, около Редё на Хельгеланде много тюленей было поймано неводом на глубине 180 метров, а Роберт Коллет сообщает, что около Варде гренландский тюлень был пойман на крючок на глубине 270 метров. Однако как-то трудно представить себе, чтобы дышащее легкими млекопитающее, нырнувшее с поверхности моря, могло выдержать давление на такой глубине; ведь оно достигает там примерно 28 атмосфер. Кроме того, у него должна быть очень мощная мускулатура, позволяющая ему настолько плотно закрывать рот, чтобы не пропускать воду в легкие.

В воде тюлень передвигается, с силою виляя задней частью тела и подгребая задними ластами, причем эти задние ласты топорщатся вертикально, образуя удивительный аппарат вроде «пропеллера». Передние ласты служат не для продвижения вперед, а для сохранения равновесия и для управления телом. В воде тюлень развивает прямо невероятную скорость. Когда он проносится в воде мимо человека, кажется, что мелькнула какая-то тень или узкая темная полоска.

Зато по льду он передвигается не очень ловко. Он не может выдвинуть вперед свои задние ласты, и для движения ему приходится горбить спину, чтобы подтянуть заднюю часть туловища, затем, упираясь задними ластами в лед, распрямиться, чтобы двинуть вперед переднюю часть. Частым повторением этих двух приемов он и продвигается вперед все-таки

довольно быстро, волнообразными движениями или своего рода волнообразным галопом, но все же не настолько быстро, чтобы человек не мог нагнать его.

У некоторых возникало сомнение: работает ли он при этом передними ластами или отводит их назад, прижимая к туловищу? Я часто видел, как тюлень, чтобы продвинуться вперед, упирался в лед передними ластами; а изучая следы тюленя на покрытой снегом льдине, часто можно различить отпечатки передних ластов. Когда тюлень лежит у края льдины и готовится прыгнуть в воду, он выдвигает вперед передние ласты, упираясь ими в лед.

При выходе из воды на льдину тюлень тоже часто помогает себе передними ластами, цепляясь ими за край льда.

Кэрроль сообщает, что когда льды «затирают» тюленей у Ньюфаундленда, так что они не могут уйти в воду, они направляются прямиком по льду к чистой воде, которую, по его мнению, чуют на расстоянии почти 100 километров. Он говорит, что при этом они вытягивают шею и поводят носом в воздухе. Такое сообщение оставляю на его совести; я скорее склонен думать, что темное небо над чистою водой служит для них столь же хорошим путеводителем, так как оно видимо издалека.

Тюлени предпочитают странствовать по ночам. Кэрроль сообщает, что в мороз они могут пройти по более или менее удобному льду, в среднем, морскую милю [1] в час.

---

[1] То есть приблизительно 1,8 километра. *Прим. автора.*

У некоторых тюленей, убитых им во время их странствования по льду, передние ласты были окровавлены, кожа и волосы на них содраны.

Мне не приходилось слышать о длительных кочевках гренландского тюленя по льдам в море около Ян-Майена. Пока матери вскармливают молоком детенышей, такие кочевки, конечно, невозможны, потому что утельга не отходит от белька на большое расстояние. Кроме того, в данном районе лед лишь в редких случаях бывает таким сплоченным, как это необходимо для странствования тюленя.

Гренландский тюлень спит на льду. Сон его очень своеобразен: через каждые несколько минут он открывает глаза, подымает голову и осматривается, потом снова дремлет. Возможно, что это происходит совершенно автоматически, бессознательно, но, почуяв малейшую опасность, он моментально просыпается. Если тюлени держатся скученно, — а это обычное явление, — то отдельные особи исполняют, видимо, обязанность сторожей; утверждают, что на эту должность выбирают исключительно самок!

Не подлежит сомнению, что тюлени действительно могут спать в воде. Но в те периоды, когда тюлень худеет, сон в воде для него довольно затруднителен, так как ему приходится постоянно работать ластами, чтобы не потонуть.

На льду гренландский тюлень способен лежать подолгу, как настоящий лежебока, в особенности в период линки.

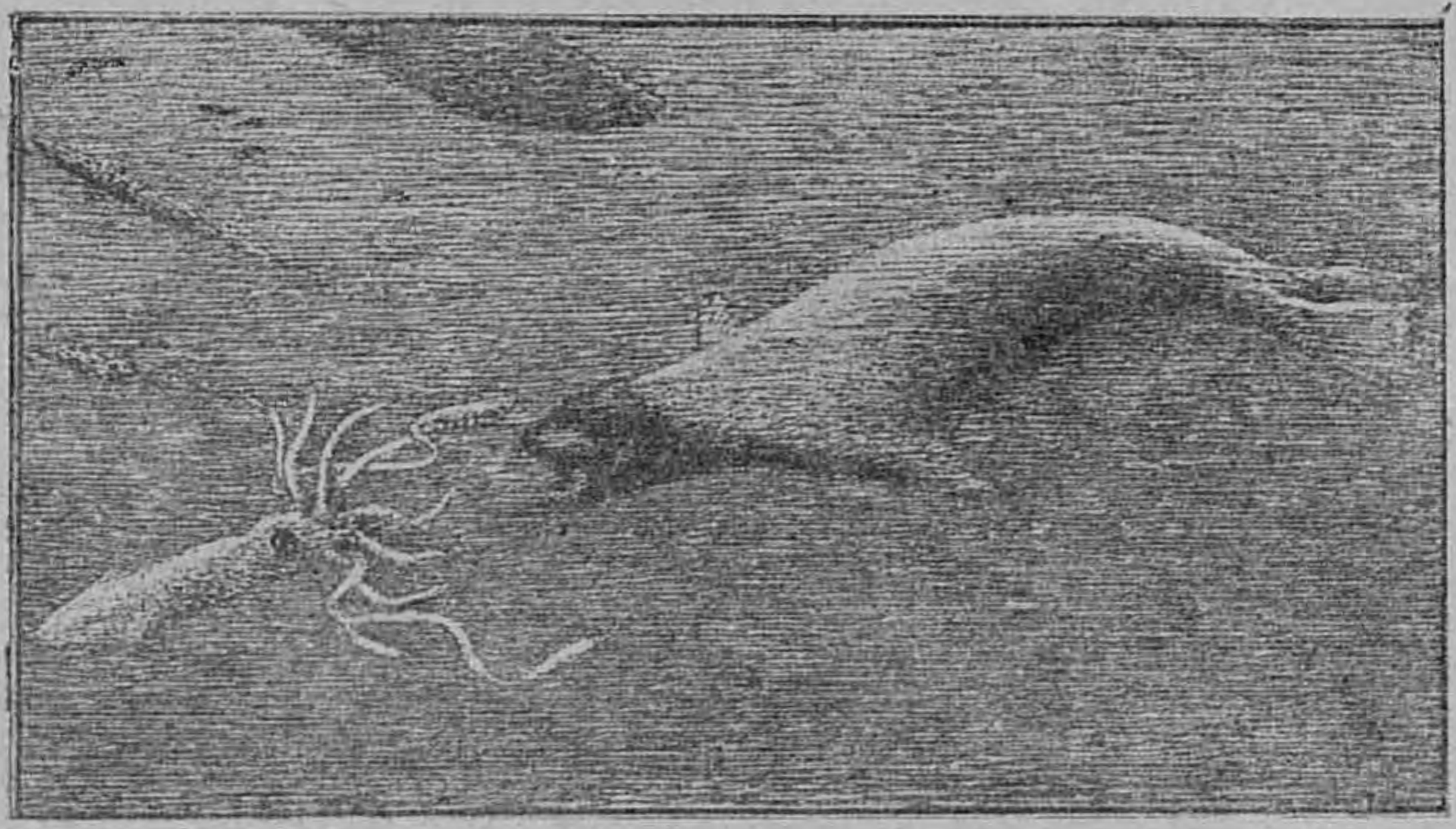
Интересный факт: если гренландский тюлень или тюлень какого-нибудь другого вида лежит долго на льду почти на одном месте, лед под ним не подтаи-

вает, и никакого углубления не образуется. А ведь тюлень теплокровное животное, почти с такой же температурой крови, как у нас, людей! Я измерял температуру тела хохлача; она была от 36,8 до 37,4° Ц. Если бы на льду лежало так долго обыкновенное сухопутное животное, под ним, конечно, образовалась бы глубокая ложбинка.

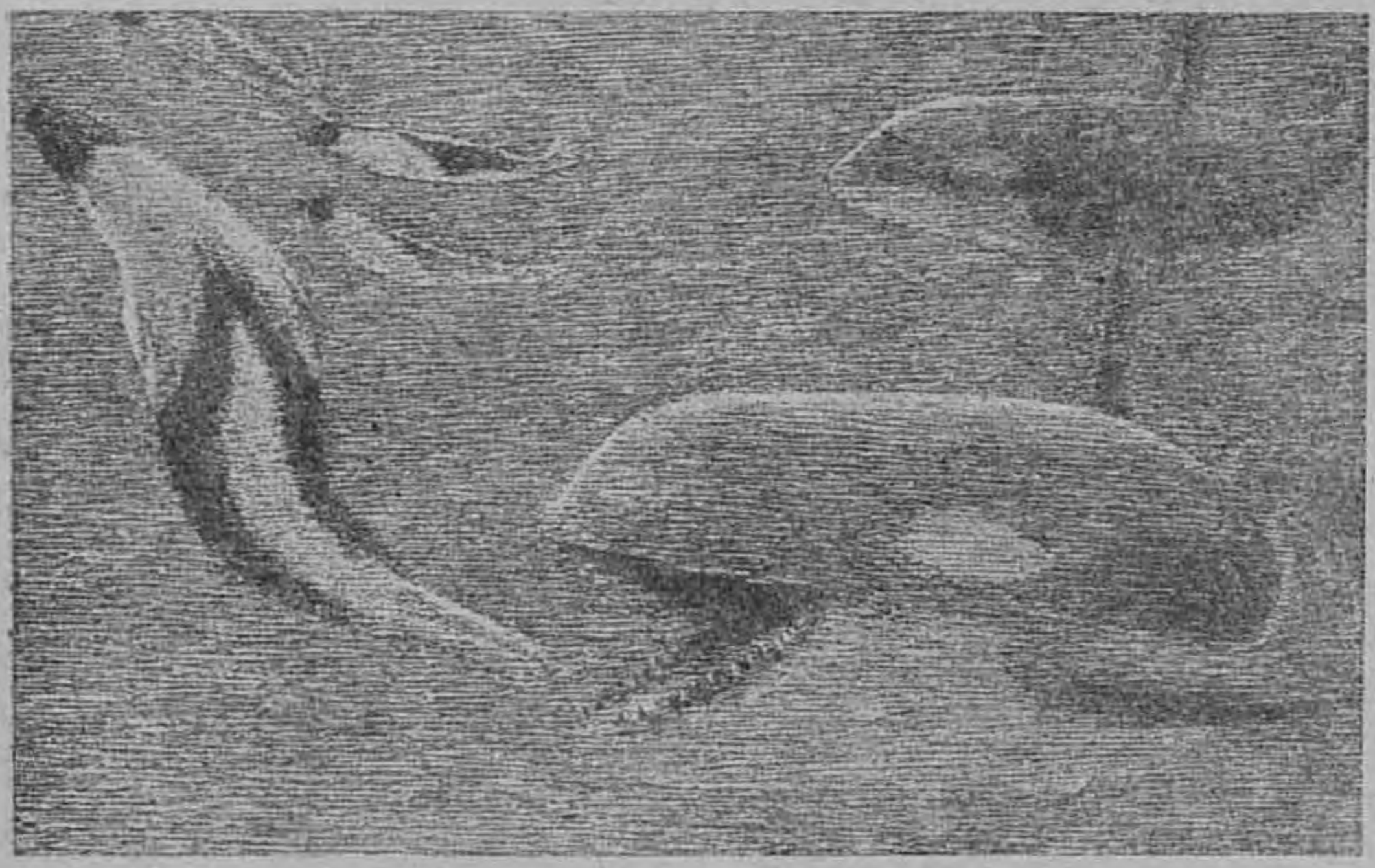
Очевидно, толстый слой подкожного жира действует изолирующим образом и защищает животное от излучения теплоты, необходимой для таяния снега или льда. С наружной стороны шкура и ее жировой слой имеют ту же температуру, что и окружающая тюленя среда.

В воде гренландские тюлени гораздо бодрее и проворнее, чем на льду; там они часто кувыркаются и играют. То высунут половину туловища из воды («выстают»), то целиком выбрасываются из нее, то как бы пляшут по кругу, ныряют, вскидывая с сильным плеском задние ласты в воздух, то быстро переворачиваются на спину, потом снова на брюхо, находя в такой игре, повидимому, большое удовольствие.

Злейший враг гренландского тюленя, несомненно, человек. Много лет подряд тюленей хищнически истребляли, в особенности на щенных залежках, где ежегодно уничтожали по меньшей мере миллион голов; число тюленей сократилось, и тюлений промысел у Ньюфаундленда и в море около Ян-Майена стал падать год от году, хотя и не в той степени, как этого можно было ожидать. Возможно, что в последнее время численность тюленей в море между Исландией, Гренландией и Шпицбергеном несколько возросла, так как в позднейшие годы (именно с начала двадцатого



Гренландский тюлень нападает на каракатицу.



Страшный враг тюленя — косатка

года) тюленей этого вида, и в особенности молодняк, перестали истреблять столь хищнически.

После человека опасными врагами тюленя являются белый медведь и косатка (*Orca gladiator*). Белый медведь подкрадывается к тюленям, когда они спят на льду, и выбирает преимущественно молодняк. В воде медведю не справиться с тюленем, разве только, если удастся спрыгнуть на тюленя с льдины.

Но тем опаснее в воде косатка. От нее не уйти даже такому великолепному пловцу, как гренландский тюлень. Тюлени безумно боятся косаток, и стоит ей появиться, как они опрометью кидаются на лед и не идут в воду, пока враг не скроется из виду.

Кэрроль рассказывает, что однажды на льдину, где он находился, выпрыгнули тюлени, преследуемые косаткой и полярными акулами («hak-jerring»), и Кэрролю «пришлось отстреливаться от этих чудовищ». «Тюлени искали защиты от врагов между ногами людей». Бывает, что тюлени, спасаясь, даже запрыгивают в лодку. Бедняги! Они не знают, что человек зловреднее косатки и акулы.

Кэрроль сообщает также, что был свидетелем того, как косатки и акулы, высунувшись из воды, стаскивали тюленей с льдин. Иногда косатки налегают передней частью туловища на край льдины и нагибают ее так, что тюлень соскальзывает в воду, где они разрывают его на части.

Еще мне рассказывали, что косатка пробует иногда хвостом сбить в воду тюленя, лежащего на краю льдины.

От эскимосов же я слышал, что иногда косатки — одна или несколько — подплывают под льдину и

стараются разломать ее снизу или перевернуть, чтобы тюлень свалился в море.

Акулы тоже охотятся на гренландского тюленя. Это доказывается между прочим тем, что в их желудках находят тюленей и, в особенности, бельков.

Мне непонятно, каким образом этим неповоротливым вялым рыбам удается схватить проворного тюленя живьем. Я склонен думать, что они могут поймать тюленя, когда он спит в воде или же он случайно попадает в пасть этого отвратительного чудовища. Те акулы, которые, по словам Кэрроля, хватают тюленя со льдины, были, конечно, полярными акулами; но я все же не могу себе представить, как все это происходит. Во всяком случае, я лично никогда не видел ничего подобного. Но мне известно, что полярные акулы высовывают свои морды из воды и кладут их на края льдины, на которой валяются освежеванные тюленьи туши.

Кроме жира, для промышленника представляет ценность и шкура гренландского тюленя. Эскимосы ее высоко́ ценят за то, что она крепче, плотнее и более водонепроницаема, чем шкура хохлача и нерпы. Поэтому они употребляют ее для обтяжки каяков и для пошивки непромокаемой одежды.

Существует, повидимому, три обособленных племени или стада гренландских тюленей: з а п а д н о е, обитающее в Дэвисовом проливе к югу до самого Ньюфаундленда и бухты Св. Лаврентия, а к северу до Баффинова залива; с р е д н е е, или промежуточное, которое держится в море между Шпицбергеном, Гренландией, Исландией и Ян-Майеном, и в о с т о ч н о е — в Баренцовом, Белом и Карском морях.

Каждое стадо имеет собственные щенные залежки, которые оно выбирает каждую весну для метания детенышей. Неизвестно, насколько резко обособлены эти стада; быть может, они и смешиваются до известной степени, если, например, тюлени из одной области забредают в другую. В общем, однако, эти стада держатся обособленно, и период щенки у них не совпадает.

Западное стадо

Западное стадо тюленей, проводящее бóльшую часть года в Дэвисовом проливе, на дрейфующих льдах òколо Лабрадора и Баффиновой Земли, а также отчасти в Гудсоновом и Баффиновом заливах, доходя к северу до пролива Смита, выходит на дрейфующий лед северо-восточнее Ньюфаундленда, чтобы в марте дать там приплод. Уже с осени косяки тюленей начинают продвигаться к югу, вдоль западного берега Дэвисова пролива.

Затем, в начале зимы, еще до образования льда, тюлени начинают двигаться вдоль Лабрадора, обычно держась под берегом. «Сначала появляются небольшие стадочки — от полудюжины до двадцати голов с небольшим; за ними более крупные косяки, все более и более многочисленные, все чаще и чаще, и через несколько дней мигрирующие тюлени идут непрерывным потоком, заливающим море, насколько хватает глаз. Увлекаемые потоком, они быстро гребут все вперед и вперед, и в какую-нибудь неделю вся масса проходит мимо». Говорят, что во время этой миграции они, следуя за стаями белух, часто заходят глубоко в бухты.

В ноябре косяки тюленей достигают пролива Бель-Иль, и многие мелкие стадочки проходят этим путем в бухту Св. Лаврентия; основная же масса продолжает свой путь на юго-восток, вдоль восточного побережья Ньюфаундленда, приблизительно до горла бухты Тринити, затем, забирая мористее, направляется к Большим рыбным банкам, куда прибывает к концу декабря.

Здесь тюлени задерживаются примерно с месяц, и здесь к ним присоединяются те стадочки, которые, войдя в пролив Бель-Иль, направились вдоль западного берега Ньюфаундленда.

В первой половине февраля взрослые тюлени снимаются с Больших рыбных банок, снова направляются на север к дрейфующему льду и выгребают северо-восточнее Ньюфаундленда, где им в конце февраля предстоит метать детенышей. Часть же молодняка остается еще некоторое время на банках.

Тюленьи косяки, проникшие в бухту Св. Лаврентия, распыляются в разные стороны и забредают даже в устье реки Св. Лаврентия; во время миграции тюленей вдоль берегов их с ноября по конец декабря ловят неводом.

При приближении щенки эти тюлени собираются на дрейфующем льду к востоку от Антикости, между островами Магдалены и проливом Бель-Иль и в марте мечут здесь детенышей. Тут же происходит побойка тюленей.

Поздней весной, в конце апреля и в мае, тюлень снова появляется около берегов, но тогда он уже выходит из пролива и направляется к северу.

Немалое количество тюленей зимует в заливе Св. Лаврентия и здесь на льду дает приплод. Так, со-

гласно официальной канадской статистике в период времени между 1874 и 1883 годам в этом заливе ежегодно добывалось, в среднем, 23 630 тюленей, и бо́льшую часть этой добычи составлял, очевидно, гренландский тюлень.

Но более крупные и важные в промышленном отношении щенные залежки находятся на дрейфующем льду к северо-востоку от Ньюфаундленда.

Количество и протяжение этого льда, увлекаемого к югу Лабрадорским течением, меняются из года в год, находясь в сильной зависимости от условий ветра. Поэтому местонахождение крупных щенных залежек то́же может меняться в значительной степени.

В иные годы, когда лед тянется на большие расстояния, эти залежки приходится искать далеко в море, в другие годы они могут находиться ближе к береговой полосе. Но мне кажется, они почти всегда расположены примерно в границах широкой береговой отмели, тянущейся к северо-востоку от Ньюфаундленда и дающей в некоторых местах глубины в 300—350 метров. Дело в том, что над мелями лед дрейфует гораздо медленнее, чем за их пределами, где течение сильнее.

Тюлень выбирает для лежбища более мощные льдины в глубине дрейфующих льдов, и потому тюленепромышленники иногда затрачивают немало труда, чтобы отыскать детную залежку и пробраться к ней. Чтобы пробраться к тюленям, промышленникам часто приходится проходить по льду большие расстояния.

Каждый год случается, что отдельные промысловые суда совсем не находят лежбища или же убивают очень мало тюленей. В некоторые годы лед смер-

зается настолько крепкой сплоченной массой, что ни одно судно не может пробиться поближе к детной залежке.

На льду собираются огромные массы тюленя. Число голов достигает сотен тысяч, даже миллионов. В прошлом столетии в некоторые годы за один промысловый сезон убивали до 500 000 голов; отдельные промышленники добывали за один рейс от 24 000 до 26 000 голов, такие же суда, как, например, «Нептун», — даже до 42 000 голов (в 1884 году). Но зато на судах, промышлявших тюленей, держали многочисленные команды. Например, на «Нептуне» с водоизмещением в 465 тонн (нетто?) команда состояла из 299 человек, на других судах бывало и свыше 300 человек.

Суда часто успевают делать два рейса: в первый рейс они грузятся только убитыми бельками, возвращаются в порт, выгружают добычу, снова уходят в море и во второй рейс добывают от полуторы до двух тысяч взрослых тюленей, а то и больше.

По закону парусники не имеют права выходить на промысел раньше 1 марта, а пароходы — раньше 10 марта.

Тюлень мечет детенышей обычно в первой половине марта (между 5-м и 10-м). Детеныши остаются на льду до апреля, а потом уходят в воду и уже самостоятельно добывают себе пищу. Поэтому надо притти к залежке, пока детеныши еще на льду, где их всего легче бить.

В начале апреля, после спаривания, тюлени снова разбредаются в разные стороны.

Согласно имеющимся сведениям тюлени большею частью остаются на том же льду и во время линки,

а в мае бесчисленными стадами мигрируют снова к северу, держась при этом подальше от берегов, чтобы избегнуть сильного прибрежного Лабрадорского течения. Затем они бо́льшими или меньшими косяками распространяются по дрейфующим льдам Дэвисова пролива и дальше к северу. Часть их мигрирует в Гудсонов залив, другие — к западному берегу Гренландии.

В средине или в конце мая тюлени обычно пригребают к южной части западного побережья Гренландии; к этому времени достигшие половой зрелости тюлени сильно худеют, так как во время вскармливания детенышей, спаривания и линки едят очень мало. Их появление у западного гренландского берега совпадает с большим ходом мойвы, служащей им пищей.

Тюлени пригребают сначала к самой южной оконечности западного берега, вокруг Юлианхоба, а через несколько дней и дальше к северу. Повидимому, они появляются откуда-то из Дэвисова пролива и направляются вдоль побережья на север.

Здесь они задерживаются до июля, а потом снова двигаются в путь. Эскимосы говорят, что они уходят на запад. Тюлень вообще приходит и уходит одновременно с мойвой. Южную часть западного берега он покидает, повидимому, на несколько дней раньше, чем северную. Так, из бухты Диско они уходят во второй половине июля или в начале августа. Здесь до средины июля обычно держатся огромные косяки мойвы и одновременно крупные стада гренландского тюленя.

Осенью, во второй половине сентября, массы гренландского тюленя пригребают к западному гренланд-

скому побережью. В это время года тюлени бывают очень жирны; эскимосы ловят их неводом и бьют гарпуном — преимущественно в октябре и ноябре. Некоторые утверждают, что и в этот период тюлень мигрирует сначала далеко на юг, а потом вдоль побережья к северу.

Зимой, после ноября, тюлени попадаются все реже и реже, но все-таки держатся у побережья до февраля или до средины марта, когда пускаются в новое странствование. По словам эскимосов, тюлени уходят на запад, затем, очевидно, поворачивают на юг к местам щенки, держась во время этого странствования, по всей вероятности, кромки дрейфующего льда вдоль западного берега Дэвисова пролива. Говорят, что первыми уходят утельги.

Ход тюленя возобновляется в конце мая. Утверждают, что некоторые тюлени покидают гренландское побережье не позднее начала марта, и так как уже через несколько дней после этого срока под берегом иногда попадались утельги с молоком в грудных железах, то из этого выводили, что их щенная залежка где-то сравнительно недалеко. Вероятно, такие утельги лишились своих детенышей вследствие какого-нибудь несчастного случая.

Мы уже знаем, что некоторые гренландские тюлени мечут детенышей на льду в бухте Св. Лаврентия. Возможно, что помимо крупной щенной залежки к северу от Ньюфаундленда, более мелкие залежки находятся на дрейфующих льдах дальше к северу.

Что касается Гренландии, то гренландский тюлень держится обычно около южной части ее западного берега. Для эскимосов он является важнейшим объек-

том промысла. Тюлень дает, как уже говорилось, кроме жира и мяса, также кожу для непромокаемой одежды и для обтягивания каяков.

По подсчетам доктора Ринка (1857 год), эскимосы били у западного берега Гренландии ежегодно от 30 000 до 36 000 тюленей, из них лишь 3000 около северной части западного берега.

Но это пустяки в сравнении с тем, сколько было истреблено американцами и европейцами в местах крупных побоек, которые и уменьшили тюленье поголовье весьма сильно. Как мы уже сказали, одно промысловое судно около Ньюфаундленда может за несколько недель добыть больше тюленей, чем все эскимосы Гренландии за целый год. Для эскимосского населения Гренландии этот тюлень является почти необходимым условием существования, тогда как для европейских и американских народов добыча его имеет, конечно, лишь относительное торговое значение.

Гренландский тюлень попадается также в водах южной части восточного берега Гренландии, хотя, по-видимому, не в особенно большом количестве. Есть сведения, что его находили там как весной, в апреле, так и летом, в июне. Возможно, что и эти тюлени принадлежали к западному стаду, выбирающему места для щенных залежек около Ньюфаундленда.

У Ангмагссаликка, приблизительно на 65° 40′ с. ш., гренландский тюлень распространен повсюду. Говорят, что он пригребает туда массами с севера в июне и июле и остается в тех местах до глубокой осени. По другим сведениям, он пригребает туда дважды в год: в июле и сентябре. В июле там бывают и молодняк

и взрослые тюлени. В сентябре они пригребают целыми косяками и, по сообщениям эскимосов, направляются затем на юг. Вероятнее всего, что эти тюлени принадлежат к среднему (промежуточному) стаду, которое выбирает себе места для щенки на льдах в море около Ян-Майена.

Восточное стадо

Щенные залежки гренландского тюленя, заселяющего Баренцово море и отчасти Карское, встречаются в самых отдаленных областях Белого моря, около Мезенской бухты и к юго-западу у горла Белого моря. Таким образом, восточное стадо предпочитает самую южную часть этой большой области.

Поздней осенью происходит великое переселение тюленя на юг; согласно некоторым русским сообщениям, тюлень начинает собираться в Белом море уже в начале ноября, а по другим сведениям — он пригребает только в начале и средине декабря. Косяки тюленей тянутся вдоль побережья как с востока от Новой Земли, так и с севера через Баренцово море. Они состоят из взрослых тюленей и молодняка.

Гренландский тюлень собирается в этих местах, повидимому, не только для спаривания и метания детенышей, но и ради полярной трески, заходящей поздней осенью и зимой в Белое море; этим и объясняется, что гренландский тюлень приходит сюда так задолго до срока щенки. Появление большого количества полярной трески в некоторых районах Белого моря население истолковывает как предзнаменование удачного лова тюленя. Тут перед нами, видимо, та же картина, что у Ньюфаундленда, откуда

тюлени направляются сначала большими косяками к Большим рыбным банкам, а потом уже выбирают места для щенных залежек на дрейфующем льду.

Здесь следует отметить следующее обстоятельство: одновременно со скоплением огромных косяков тюленей на щенных залежках в Белом море другие столь же крупные косяки появляются иногда в другом районе — в южной части Баренцова моря и под мурманским берегом — в декабре и январе (как это имело место в 1902 году), а нередко и в феврале и в марте. Много лет подряд массы тюленей пригребали на Рыбацкий полуостров в период времени с января по апрель.

По мнению местного населения, эти тюлени приходят с севера, от Шпицбергена. В косяке много беременных самок. На побережье находили также новорожденных детенышей, но нельзя определить, принадлежали ли они именно к данному стаду тюленей. Иногда косяк покрывает лед на большое пространство, — «насколько хватает глаз», как говорится в одном сообщении.

По русским сведениям, гренландские тюлени собираются поздней осенью и зимой также в Чешской губе к востоку от полуострова Канина.

В период времени между срединой февраля и концом марта на льду рождаются детеныши. Самцы тоже находятся на щенных залежках, и недели через три после рождения детенышей начинается спаривание. Согласно русским источникам (Н. А. Смирнов), самое раннее спаривание наблюдалось 10 марта. После спаривания происходит линка, которая может продолжаться с начала или с средины апреля до первой половины мая.

Начиная с средины апреля и до средины мая тюлени часто огромными косяками снова выгребают из Белого моря и направляются к северу. Впереди обычно гребут детеныши, потом молодняк и взрослые особи.

Часть тюленей мигрирует в северо-западном направлении от мурманского берега до Рыбацкого полуострова и дальше до фиорда Варангер и Восточного Финмаркена, где тюлени появляются преимущественно с апреля (или с марта) по июнь, а потом снова исчезают. В Восточном Финмаркене они обычно показываются одновременно с мойвой, которая подходит к побережью, спасаясь от преследующих ее стай пикши.

Большинство этих тюленьих косяков составляют детеныши, родившиеся в том же году в Белом море. Однако совершенно невозможно провести резкую границу между этим весенним ходом тюленей, пригребающих с востока, и зимним ходом тюленей, пригребающих, по мнению рыбаков, с севера. В некоторые годы тюлень заходит далеко на запад к побережью Финмаркена, где рыбаки очень боятся этого так называемого «русского тюленя», так как он, по их мнению, истребляет огромное количество рыбы. Весной 1902 и 1903 годов огромные косяки тюленей забрели далеко на юг, появившись даже у побережья Вестеролена и Хельгеланда, и в эти годы «рыбы было совсем мало». Эти косяки тюленей состояли преимущественно из детенышей, увидевших свет той же весной, но вместе с ними было много и старых тюленей и самцов, недавно достигших половозрелости.

Судя по скудным историческим заметкам, появление гренландского тюленя так далеко на юге, как

у норвежского побережья, представляет, повидимому, редкое явление.

Бóльшая часть тюленей, пригребающих из Белого моря в апреле и мае, мигрирует затем к северо-востоку вдоль кромки льдов, а после того, как граница льда отступит к северу и к востоку, тюленьи косяки тоже отходят к берегам Новой Земли и к северу, к Земле Франца-Иосифа, к Шпицбергену, а отчасти к Карскому морю.

Летом и в первую половину осени гренландский тюлень почти исчезает из южной части Баренцова моря, и в Белом море и на Мурманском побережье, у северного берега континента и у Новой Земли иногда попадаются лишь единичные особи.

Весной на щенных залежках в Белом море собирается гораздо меньше тюленьих косяков, чем на щенных залежках у Ньюфаундленда и в море около Ян-Майена; число тюленей, убиваемых русскими каждую весну в отдаленных районах и в горле Белого моря, не может итти ни в какое сравнение с добычей на других щенных залежках. Здесь добыча достигает максимум 20—30 тысяч голов ежегодно.[1]

Среднее стадо

Особый интерес представляет для нас среднее стадо гренландского тюленя, заселяющее дрейфующие льды, главным образом, в море между Шпицбергеном,

---

[1] Эта цифра сильно преуменьшена. Средняя годовая добыча гренландского тюленя в Белом море составляла в 1875—1892 годах 38 000 голов, в 1893—1919 годах 101 000 голов, а в 1926—1929 годах, после организации советского судового промысла

Медвежьим островом, Гренландией, Исландией и островом Ян-Майен. Его ежегодная крупная щенная залежка бывает обычно расположена в море к северо-востоку от Ян-Майена и, реже, к югу и юго-западу от него.

Основная часть этого стада гренландского тюленя пригребает к щенной залежке, повидимому, с северо-востока, двигаясь вдоль ледяной кромки; но много приходит его также с юга и юго-запада из моря около Исландии, а, может быть, из еще более южных областей восточного побережья Гренландии.

На этих щенных залежках обыкновенно залегают сотни тысяч тюленей. Кроме беременных самок, туда пригребают и самцы, — очевидно, для спаривания; и, как это ни странно, там же можно увидеть не достигших половой зрелости годовалых тюленей. В те годы, когда так называемая «Ледяная коса» (см. карту на стр. 49) достигает значительного развития, тюлени, как уже сказано, выбирают ее для лежбища. Примерно в половине марта или немного позднее утельги забираются в самую средину косы, подальше от наружной кромки дрейфующего льда. Они предпочитают покрытую рыхлым снегом льдину средней мощности; которая не так легко взламывается и дробится под натиском шторма и волн и снеговой покров которой служит достаточно мягкой подстилкой для детенышей. В большинстве случаев мощность льдины около метра. Тюлени избегают более старых, более мощных и более

тюленя — 278 000 голов. В настоящее время тюленей добывается в Белом море приблизительно в два раза больше, чем у Ньюфаундленда, и в семь раз больше, чем в море около Ян-Майена. *Прим. ред.*

неровных льдин, так как на них труднее взбираться и, кроме того, они быстрее сплачиваются. Только в исключительных случаях утельги мечут детенышей на бесснежном, недавно образовавшемся льду (так называемом «бухтовом»).

Детеныши рождаются в период времени от средины марта до начала апреля, то есть на три-четыре недели позже, чем большинство детенышей в Белом море и на полмесяца позже, чем детеныши, появляющиеся на свет около Ньюфаундленда.

В отдельной главе о «детных залежках» будет дано описание детной залежки гренландского тюленя в море около Ян-Майена и ее расположения, поэтому здесь не будем вдаваться в подробности.

Если промышленники вспугнут тюленей в тот период, когда щенные самки начинают укладываться на льду, то тюлени иногда уходят в воду и отправляются на поиски другого лежбища. Это срывает детную побойку и часто влечет за собой уменьшение добычи.

Во избежание этого в 1876 году было заключено международное соглашение относительно сроков побойки. Страны, заинтересованные в тюленьем промысле около Ян-Майена, постановили, что побойка гренландского тюленя и хохлача в области 67—75° с. ш. и 5° в. д. — 17° з. д. запрещается до 3 апреля.

Ясно, что это соглашение имело в виду не столько защиту тюленя от истребления, сколько обеспечение более обильной добычи, на которую можно было рассчитывать, давая зверю время спокойно собраться на льду и метать детенышей до 12 часов ночи 3 апреля, когда побойка уже разрешалась.

В последних числах апреля тюлени с янмайенской залежки начинают вновь разбредаться в разных направлениях. Молодняк нынешнего года идет косяками к наружной кромке льда, около которой кишат в воде ракообразные, и там обычно располагается на тонком льду, который в виде языков отходит от более сплоченного льда кромки.

Большинство взрослых особей направляется к северу и северо-востоку, часть на юг, в море, простирающееся к западу от Ян-Майена, а многие каждую весну и ранним летом посещают рыбные банки исландского побережья.

Повидимому, этот тюлень во́дился вдоль всего северного побережья Исландии, особенно до средины прошлого столетия. Затем он стал появляться там все реже, что ставится в связь с крупными побойками его в море около Ян-Майена. Судя по различным сообщениям, весной тюлень большими стадами пригребает к побережью Исландии и даже заходит в фиорды; это наблюдается с конца апреля до июня, а иногда до июля. Кроме того, тюлень встречается у побережья зимой, а начинает показываться там обыкновенно еще осенью, в ноябре или даже раньше. Щенные самки, — говорят, — уходят от берегов уже в марте и возвращаются в средине (?) апреля.[1]

В конце апреля и в мае, когда тюлень покидает щенную залежку, наступает период линки, и взрослые тюлени массами собираются на льду. В этот период,

[1] См. у Б. Сэмундссона, Сведения о появлении гренландского тюленя в береговых водах Исландии в древние и новые времена. «Вестник норвежского рыболовства» («Norsk Fiskeritidende»), 1903, № 7. *Прим. автора.*

как мы уже говорили, главным объектом промысла становятся стада так называемых «крыланов». Это не значит, однако, что в стадах не бывает и самок и молодняка — так называемых «серунов».

После линки тюлень уже меньшими стадами рассеивается по дрейфующим льдам огромной морской области, простирающейся к востоку от восточного побережья Гренландии, — от Исландии и Датского пролива или дальше к югу, — и на север к Шпицбергену, а также, вероятно, до Баренцова моря; в этой области они проводят бóльшую часть года до следующей весны, когда снова начинают собираться на щенные залежки.

К концу мая — июню тюлень сильно худеет, и на него не стоит охотиться, тем более что он становится очень пугливым и держится вразброд. К осени он снова нагуливает жир.

Как мы уже говорили, весьма возможно, что тюлень этого не столь многочисленного стада забредает в Баренцово море — особенно в западную часть его. На льду между Шпицбергеном и Медвежьим островом можно иногда встретить порядочные косяки гренландского тюленя; а что он часто приходит с запада, доказывается, между прочим, тем, что вместе с ним попадается и хохлач, последний не водится в Баренцовом море.

В жировом слое старых тюленей, убитых в море около Ян-Майена, иногда находили крупные свинцовые дробинки, не отлитые, а просто нарезанные из свинца. В этой области промышленники вообще не стреляют тюленей дробью. Интересно бы знать: где же, собственно, в ходу такая дробь? Не у русских ли

на Белом море или на северном побережье России? Если да, то это означает, что гренландский тюлень приходит и оттуда.

Возможно, что эта дробь иного происхождения — например, исландская или эскимосская, с западного берега Гренландии, или лабрадорская, ньюфаундленд-ская, если вообще такая дробь употребляется где-либо в этих местах.

Трудно понять: зачем, собственно, гренландский тюлень предпринимает столь дальние странствования, отыскивая себе места для щенных залежек на льду? Ведь и вблизи тех мест, где он обычно держится, всегда найдется надежный лед, где можно метать детенышей.

Тюлень, переселяющийся, например, из вод северной части западного побережья Гренландии или из Баффинова залива к щенным залежкам у Ньюфаундленда, к югу от 50° с. ш., проделывает путь протяжением от двух до трех тысяч километров и такой же обратно.

Не столь длинен путь к щенным залежкам в море около Ян-Майена и в Белом море; но все же и он составляет туда и обратно несколько тысяч километров.

Вряд ли также гонит тюленей в такую даль стремление обезопасить себя от врагов на время щенки, вскармливания детенышей и спаривания. Ведь косатка, злейший после человека враг тюленей, грозит им и на щенных залежках в море около Яна-Майена или у Ньюфаундленда не меньше, чем в местах обычного пребывания тюленя, и белых медведей более чем до-

статочно в любом районе детных залежек, например в море у Ян-Майена.

Или, быть может, гренландский тюлень ищет себе места для щенки в районах, изобилующих пищей? Вряд ли; ведь взрослые тюлени в период вскармливания, спаривания и линки едят очень мало.

Правда, мы видели, массы тюленей приходят к Большим рыбным банкам к югу от Ньюфаундленда до срока метания детенышей, а в Белом море появляются даже за несколько месяцев до этого периода, следуя за стаями полярной трески (пикши); но помимо этого, на щенных залежках в данных местах собирается множество тюленей издалека, море же около щенных залежек отнюдь не отличается таким обилием рыбы, которая могла бы служить пищей для взрослого тюленя; подобные рыбные районы находятся к югу, у берегов Исландии; но ведь основная масса тюленей пригребает к щенным залежкам с северо-востока.

Зато возможно, что бельки находят вблизи щенных залежек особенно обильную и легкую поживу в виде пелагических ракообразных и других мелких животных, крайне необходимых белькам в тот важный период, когда они уже начинают сходить в воду и вынуждены кормиться самостоятельно. Поразителен тот факт, что именно весной, в апреле и мае, поверхностный слой воды у щенных залежек тюленя в море у Ян-Майена, к востоку от Ньюфаундленда, а также в Белом море, прямо кишит мелкими животными и растительными организмами.

В полярных водах, увлекаемых к югу Полярным течением, содержится много необходимых для расти-

тельной жизни веществ, выносимых в море, между прочим, сибирскими и канадскими реками; возможно, что в силу известных причин они скопляются в полярных водах, не находя там применения. Дело в том, что во внутреннем Полярном бассейне, покрытом вечным льдом, нет сколько-нибудь значительной растительной жизни, так как бóльшая часть солнечных лучей поглощается толщею льда и не достигает воды. Без солнечного же света нет растительной жизни, а без растительной жизни нет и животной жизни.[1]

Когда полярные воды доходят до наружной кромки дрейфующих льдов и подвергаются действию солнечных лучей, ледяной покров исчезает, а самая вода смешивается с теплой водой Атлантического океана, и в поверхностном ее слое пышно расцветает растительная жизнь — в большинстве случаев мелкие микроскопические водоросли различных видов, в особенности диатомовые, придающие воде бурый или зеленовато-бурый цвет.

Этими растениями питаются разные мелкие животные организмы, особенно свободноплавающие ракообразные, которых там множество. Вообще мелких и животных и растительных организмов там такое изобилие, что опущенная в воду чистая сетка заполняется

---

[1] Иногда приходится слышать, даже от некоторых опытных полярников, мнение, будто животная жизнь подо льдом Северного Ледовитого океана настолько богата, что люди вполне могли бы кормиться, вылавливая оттуда неводом ракообразных. Это, конечно, заблуждение. В водных бассейнах на границе Ледовитого океана и у наружной кромки дрейфующего льда, где много открытой воды, растительная жизнь действительно очень богата; но воды в глубине Полярного бассейна чаще всего лишены всякой жизни. *Прим. автора.*

доверху в несколько минут. Вот этими ракообразными и питаются детеныши тюленя в первые месяцы своей жизни в апреле и мае, и как раз на эти же месяцы приходится ежегодный пышный расцвет пелагической растительной и животной жизни (планктон) в том районе около Ян-Майена, где гренландский тюлень выбирает места для щенных залежек.

Как мы уже говорили, в этом месте моря наблюдаются сильные круговые течения, причем полярные воды смешиваются с атлантическими. Поэтому, когда солнце начинает нагревать воду за кромкой льда, здесь создаются особенно благоприятные условия для развития планктонной жизни, и мы уже видели, что детеныши, сойдя в воду, направляются к наружной кромке льдов, к отходящим от нее «косам».

Такие же условия мы находим и к востоку от Ньюфаундленда. Водные массы, увлекаемые Лабрадорским течением, приносятся из моря на севере, покрытого зимою льдом, и из покрытых льдом проливов между островами к северу от Канады.

Эта вода, освободившись от ледяного покрова и смешавшись с водой Атлантического океана к востоку и северо-востоку от Ньюфаундленда, создает под действием весеннего солнца благоприятные условия для пышного расцвета планктона вдоль наружного края Полярного течения.[1] Так как в более южных широтах

---

[1] Это та самая плодородная вода, которая достигает Ньюфаундлендской банки и которая, по моему мнению, объясняет наблюдаемое здесь изобилие рыбы; она создает условия питания, особенно благоприятствующие развитию мальков. Не потому ли и треска выбирает именно эти банки для метания икры? *Прим. автора.*

солнце стоит выше, то этот расцвет наступает здесь раньше, чем у Ян-Майена, и период метания детенышей тюленями тоже наступает здесь раньше.

В Белое море каждую весну поступает большое количество воды, приносимой разливающимися после таяния льда и снегов реками, и в этой воде содержатся вещества, необходимые для развития растительной жизни в море. Вот почему весной там и наблюдается бурный расцвет планктонной жизни. А так как таяние снегов на материке наступает раньше, чем таяние снегов и льдов в области Полярного течения около Ян-Майена, то не удивительно, что расцвет планктона и — как следствие этого — период метания детенышей тюленями наступают там тоже в более раннее время. Если такая гипотеза правильна, то причиной миграции гренландского тюленя является, следовательно, стремление создать детенышам особенно благоприятные условия в первые месяцы их жизни. Аналогичные странствования предпринимают и многие другие животные, например рыбы к местам метания икры, перелетные птицы, улетающие на север на свои обычные гнездовья, и т. д.

Чтобы найти детные залежки, находящиеся обычно в глубине дрейфующих льдов, промышленникам необходимо подойти к кромке уже в марте и застать тюленей плывущими в воде. Направление, в котором гребут тюленьи косяки, может служить путеводной нитью при поисках детной залежки. Надо искать в области к северу от Ледяной косы до Северной бухты, так как тюлень обычно гребет к ней вдоль кромки льда с северо-востока.

Но выбрать правильный путь не так просто, как это кажется. Полярный бассейн велик, и год на год не приходится! Ледовые условия подвергаются ежегодно колебаниям, и детные залежки соответственно перемещаются. Направление хода тюленьего косяка тоже не всегда может служить достоверным указанием. Кроме того, лед может оказаться сплоченным, и бывает трудно проникнуть в те места, где тюлень выходит на лед. Поэтому хотя ежегодно на тюлений промысел отправляется множество судов, — лишь очень немногим из них удается пробраться к детным залежкам.

Удачливый мореход-полярник почти ежегодно находит детную залежку; поиски лежбища — это испытание его сил. Но есть много неудачников, которым не везет из года в год; щенные залежки гренландского тюленя сосредоточены в очень узком районе, поэтому суда неудачников обычно возвращаются, не убив ни одного белька.

ПОИСКИ ДЕТНОЙ ЗАЛЕЖКИ

В ТЕЧЕНИЕ следующих недель мы неустанно крейсировали взад и вперед вдоль кромки и входили во льды в поисках детной залежки.

Для промышленника находка залежки — вопрос не только заработка, но, пожалуй, в той же мере вопрос чести.

Если никто не нашел залежки, — ну, что ж, тогда не беда; но если другие обнаружили залежку, а ты дал маху, это считается почти непоправимым поражением.

И во время таких поисков одинаково зорко высматривают как самих тюленей, так и другие промысловые суда.

Если на льду лежит целое стадо тюленей, то в ясную погоду его можно различить из бочки в подзорную трубу наверняка лишь за 12 морских миль (около 22 километров); верхушки же мачт или дымок судна видны, разумеется, с большего расстояния, и если промысловые суда стоят глубоко во льдах, там, по всей вероятности, идет побойка тюленей.

Понедельник, 20 марта (температура воздуха от 0° до —2° Ц). По нашим расчетам, мы находимся на 70°20′ с. ш. и 3°47′ з. д., то есть примерно в 34 милях на OSO от Ян-Майена.

Утром проходили сквозь большую Ледяную косу. Из бочки я не различал ни одного свободного прохода в этом ледяном массиве; куда ни глянь — сплошь сверкающая белизна. Мы шли под парами весь день и, в конце концов, вышли на более чистую воду.

К вечеру заметили судно. Это был «Язон» из Сандефиорда, который, дожидаясь нас, лежал в дрейфе.

Капитан Мауриц Якобсен навестил нас. Он не очень опередил «Викинг», хотя вышел из Сандефиорда еще 4 марта. «Язон» тоже был новым судном и совершал свой первый рейс. На этом самом судне и с тем же капитаном я, шесть лет спустя, пристал к восточному побережью Гренландии, чтобы пересечь ее ледяной щит.

К вечеру барометр сильно упал (733,5 миллиметра в 8 часов вечера), поднялся неблагоприятный ветер, который перешел с востока на северо-восток и стал крепчать. Запахло штормом.

Капитан снова изменил курс, чтобы снова войти во льды. Маневр, пожалуй, довольно рискованный, но

здесь, в открытом море, нас унесло бы слишком далеко.

Мы недалеко ушли до того, как начался шторм. В снастях завывало, шквал за шквалом налетал на судно. Стали брать рифы один за другим; в конце концов остались не паруса, а какие-то лоскутья.

Затем стала накатывать волна.

Штурман был недоволен; он расхаживал вза́д и вперед по палубе, покачивал седобородой головой и время от времени бурчал:

— Не жди добра! Не жди добра! Скверный рейс!

Но мы все-таки шли да шли, натыкались на лед, нас швыряло от одной льдины к другой; судно, по большей части, само как-то находило дорогу в потемках.

Хуже всего была волна; она пренеприятно росла. Льдины сталкивались, становились ребром.

Сквозь треск, шум, грохот прорывались слова команды, мигом исполнявшейся. Все люди оставались на палубе; внизу-то не очень уютно было.

Судно пробивалось сквозь льды все дальше и дальше. Льдины перевертывались, скрежетали, поджимались под судно, отбрасывались в стороны. Никаких преград.

Но вот впереди во мраке замаячила крупная белая торосистая льдина, грозя снести с одного борта шлюпбалки и снасти. Того и гляди — смоет с бакборта самую переднюю шлюпку.

«Лево руля! Круче!» Шлюпку подымают на палубу, и мы скользим дальше мимо льдины.

А с наветреной стороны снова накатила волна. Здоровенный удар в бок судна. Треск. Судно накре-

няется. Снова треск. Сорванный планшир фальшборта швырнуло на палубу. Обшивка шканцев треснула с обеих сторон.

Но по мере того как мы углубляемся во льды, волна слабеет, шум стихает; только ветер еще сильнее завывает в снастях.

Рискованную штуку проделали мы, но счастливо выскочили; теперь лежим спокойненько, как «у мамаши в укладке».

А шторм все крепчает и крепчает; в судовом журнале он назван «ураганом».

Я не спал всю ночь: читал и слушал завывания ветра наверху. Время от времени льдины ударялись в бок судна. Вот она — жуть Полярного моря. Но как хорошо сидеть в теплой каюте, читать интересную книгу при свете лампы, когда наверху бессильно ревет и мечет буря.

Под утро барометр, упавший было до 727,7 миллиметра, стал снова подыматься; шторм немного поутих.

На другой день капитан сказал, что с 1874 года (если я не ошибся датою) ему не случалось попадать в такой шторм в полярных водах.

А когда я вышел на палубу на другой день (вторник, 21 марта; приблизительно 70°51′ с. ш. и 5°36′ з. д.), стоял ясный солнечный день. Кругом белели льды. Треснувшая обшивка шканцев, оскалясь, смотрела на дневной свет, напоминая о бурной ночи. Все еще задувал свежий бриз.

Это было настоящим экзаменом для новичка в Северном Ледовитом океане, где такая схватка с льдами «в порядке вещей», судя по словам одного из команды, ходившего с престарелым Свеном Фой-

ном в тот рейс, когда их затерло льдами. Вот как он рассказывал о шторме: «...Ну, мы идем себе вперед, все дальше и дальше... Бухтовый лед да торосы... Потеряли кронбалку с подветреной стороны... Сам капитан на палубе, словно воды в рот набрал...»

В большинстве случаев дело кончается благополучно, но бывает и плохо.

Стало похолоднее; в воздухе —3° Ц, в воде —1,5° Ц; почти на точке замерзания морской воды.

Весь этот день, а также бóльшую часть следующего мы шли во льдах (22 марта; приблизительно 71°19′ с. ш. и 3°8′ з. д.; ветер NNW), но к вечеру снова вышли в открытое море. Там и сям плыли льдины. Во льдах температура воздуха упала до —7° Ц, но здесь, в открытом море, снова несколько поднялась.

По мере того как мы отходили от кромки льда, вода теплела, и температура ее поднялась до +0,8° Ц. а вблизи льдов была —0,6° Ц и —1,2° Ц.

Теперь мы зашли уже так далеко к югу, что появилась надежда найти детную залежку. Поэтому мы стали держать курс вдоль кромки льдов в северо-восточном направлении, то пробиваясь сквозь ледяные косы, то выходя на чистую воду.

По временам мы попадали в более тяжелый пак, где при всех стараниях чаще всего почти не сдвигались с места, потом выходили на чистую воду.

Вахтенный в бочке неустанно водил подзорной трубой, стараясь обнаружить отчасти тюленей, отчасти другие промысловые суда, которые, чего доброго, уже приступили к побойке.

'А' с палубы все время высматривают тюленя в воде. Особенно важно обнаружить нам стада тюленя, так как они направляются теперь в те места, где тюленихи выйдут на лед метать детенышей; тогда промысловому судну остается только итти за ними в том же направлении.

Парусник на ост-зюйд-осте! Он в бейдевинде, идет под парусом и на парах противоположным курсом. Начал лавировать, вероятно, желая узнать, кто мы; еще один поворот — и парусник взял снова курс на запад. Это один из англичан. Не «Эрик» ли это под командой капитана Уокера, одного из самых дельных английских капитанов? А может быть «Надежда»? Но за каким чортом судно идет на запад?

На северо-западе, с наветреной стороны, другой барк, — пожалуй, это «Альберт» из Тёнсберга.

Экипажу роздали разделочные ножи и стальные точильные бруски. Такой нож да багор, которым бьют детенышей, важнейшие охотничьи оружия. Нож обычно делается плоским и широким, вроде обыкновенного хлебного ножа. Вся команда тщательно оттачивает ножи сначала на оселке, затем правит их на стальных брусках, а во время разделки тюленей зверобои постоянно отбивают свой нож о сталь, как косцы свою косу. Нож должен быть всегда острым, чтобы можно было орудовать им с молниеносной быстротой и разделать за день возможно больше туш.

Теперь остается еще приготовить деревянные ножны, куда вкладывать ножи вместе с брусками, чтобы безопасно носить их у пояса. В штурманской каюте постоянно происходят «дебаты» между капитаном и штурманами относительно курса.

«Где залежка: на востоке или на западе?»[1] То есть: направить нам курс на юго-запад вдоль кромки льдов по направлению к Ян-Майену или же продолжать итти в северо́-восточном направлении?

Всегда выгодно зайти подальше на север, — больше шансов увидеть тюленя в воде. Но знать бы, где мы находимся! Вот уже несколько дней мы не производим наблюдений.

Пока что все высказываются за продолжение курса в прежнем направлении; во всяком случае до 74° с. ш., а так как ветер упал, то завтра ранним утром решено развести пары. Нельзя же экономить уголь, раз дело идет о детной залежке.

А вдруг какое-нибудь другое судно уже обнаружило тюленя? Мало вероятно. Начинаем думать, что мы одни из первых. Нам повстречалось много судов, в том числе и «один из самых прытких англичан», но «Язон» не из плохих парусников, а все-таки не ушел дальше нас, хотя вышел в море неделей раньше.

А судно с наветреной стороны? Это мог быть «Белый медведь»; а ведь он вышел из Тёнсберга 28 февраля, и капитан у него молодец.

Детная залежка — вот центр, вокруг которого вертится вся наша жизнь днем и ночью. Каких только ни приводилось соображений, предположений, примет,

---

[1] Тюленепромышленники говорят только: на «восток» или на «запад» вдоль кромки льдов как здесь в море около Ян-Майена, так и в Датском проливе. Правильнее было бы говорить о северо-восточном и юго-восточном курсе, но зверобои считаются с востоком и западом, указываемыми компасом, а он в области Ян-Майена дает склонение в 2½ румба и в Датском проливе в 4 с лишком. *Прим. автора.*

якобы указывавших направление, в каком должна находиться залежка. А что, если недавний шторм разметал стадо в разные стороны?

По ночам многим чудился писк тюленьих детенышей на льду — чистая фантазия!

В марте ночи еще темные, но нам помогала луна.

Вечером (четверг, 23 марта; —1° Ц, ветер SSO), погода совершенно прояснилась.

Какую сказочную картину представляет этот мир льдов в лунном сиянии!.. Белые сверкающие льдины, черная морская вода, светлый лунный диск и звезды; а над всем этим — покров вечной тишины.

А затем наступает день, сияет солнце, дует южный ветер, и мы под всеми парусами со скоростью 12 морских миль режем спокойную воду между льдинами, которые с брызгами отскакивают от судна или дробятся на мелкие куски.

Наконец-то сегодня (24 марта; свежий бриз с S и SO) мы взяли довольно хорошо высоту солнца; находимся мы на 72°18′ с. ш. и 3°28′ з. д. Можем продолжать наш курс на северо-восток.

Пока еще не особенно холодно; всего один-два градуса ниже нуля.

Суббота утром, 25 марта (бриз с O и затем WSW). Мы попали в полосу бухтового льда мощностью с полметра. Он образовался, видимо, не так давно; льдины плотно прилегают друг к другу краями, и как будто волна не так давно взломала их. Покрыты они толстым слоем снега; изредка попадаются небольшие торосы. Впечатление такое, будто здесь недавно была открытая вода. Мы пробивались сквозь этот лед целый день в северном направлении.

Все ближе подходит третье апреля — первый день, когда разрешается начать побойку. Общее нетерпение растет с каждым часом.

«Продолжать ли путь в том же направлении? Где находится в этом году Северная бухта? Существует ли вообще Северная бухта? Не есть ли это область, покрытая бухтовым льдом и только что пройденная нами? И какие здесь в этом году тюлени — «восточные» или «западные?»

Все время встают одни и те же вопросы, повторяются с каждым днем все чаще и чаще. Но все сходятся на том, что будет чертовски досадно, если мы уже не увидим тюленя в воде.

После обеда мы с капитаном мирно покуривали в каюте свои трубки, как вдруг рулевой крикнул: «Тюлени!»

В один миг мы очутились на палубе; слово «тюлени» действует как заклинание. Но мы опоздали. Матрос видел в кильватере одного тюленя, но, как новичок в полярных областях, не сумел различить, к какому виду принадлежал этот тюлень, самец это или самка. Глаз опытного полярного зверобоя различит и вид и пол тюленя, едва тот высунет из воды голову: у самки гренландского тюленя более острая голова и цветом посветлее, чем у самца.

Мы вернулись к себе на диван и взялись снова за свои трубки.

Через некоторое время наверху заговорили снова о тюлене, и вскоре пришли нам сообщить, что с переднего бакборта у нас самка хохлача.

Мы бросились наверх, и в нескольких стах метров от судна я увидел тюленя — первого здесь на льду.

Сразу отдана была команда — застопорить. Утельга лежала спокойно, тараща на нас глаза, крупная, толстая и удивительно округлая.

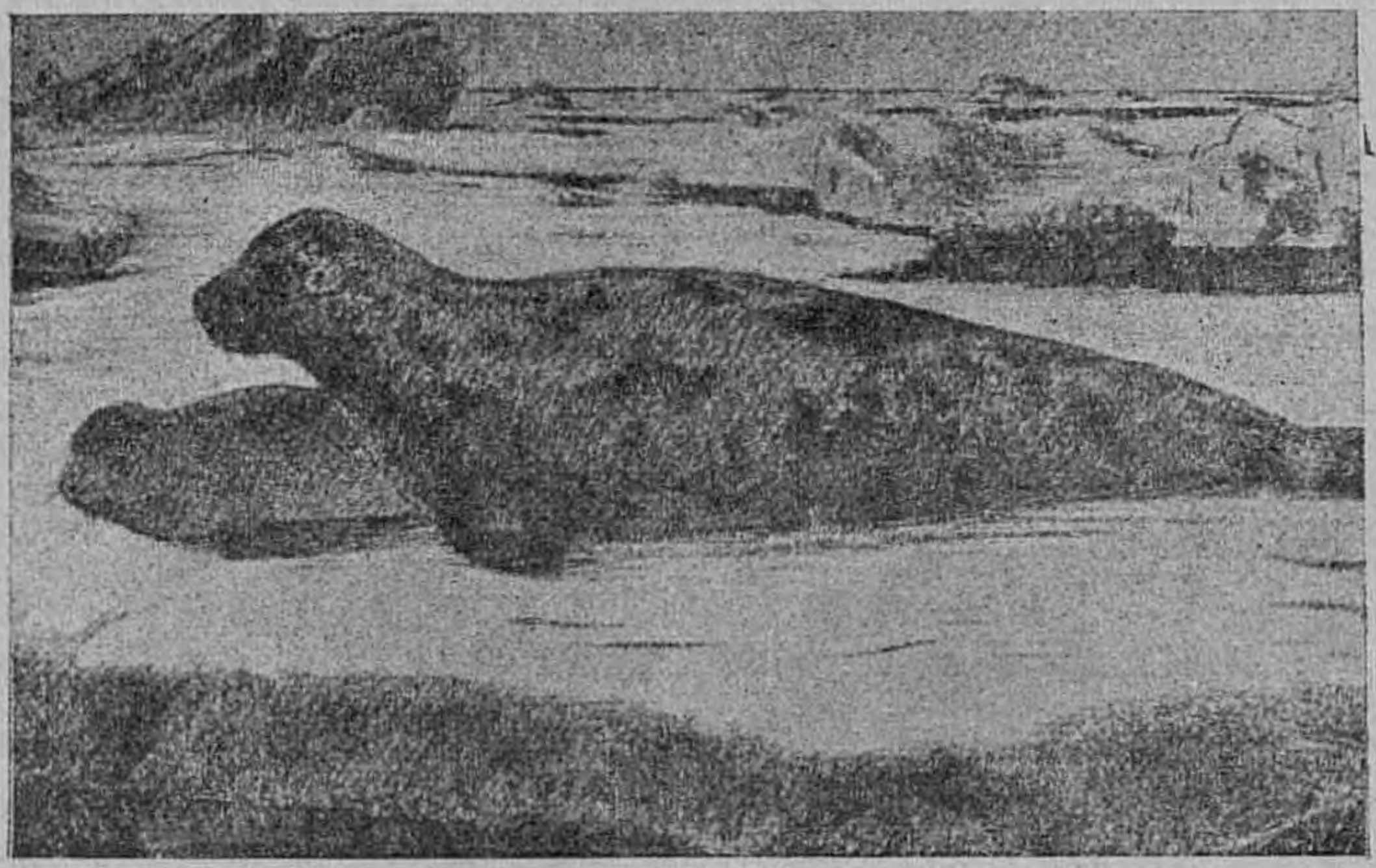
Затем из воды около льдины высунул свою массивную голову самец; его легко можно узнать по надувающемуся кожистому мешку над мордой.

Показался поодаль и другой кавалер, державшийся на почтительном расстоянии от своего более крупного и сильного соперника. Вскоре он вылез на лед и осторожно подковылял чуть поближе к самке. «Седло» выступало у нее очень отчетливо, и наши ребята полагали, что она ощенилась уже и покинула детеныша.

Еще несколько тюленей замечены были в кильватере, но и на этот раз люди не распознали, к какому виду они принадлежат.

Под вечер мы обнаружили целую семью хохлачей: самка, детеныш, самец. А с другого борта — вторую.

Опять собрались на совет. Появление хохлачей — хорошая примета. Хохлачи всегда держатся вблизи детной залежки — обычно к востоку от нее, всего в какой-нибудь миле, — утверждали наши. Правда, в таком-то и таком-то году хохлачи залегали к югу; да, да, и в таком-то также, но на это были свои веские причины: в те годы тюлень начал скопляться в одном месте (речь шла о гренландском тюлене на детной залежке), но затем вынужден был перебраться к ледяной кромке, так как стояли такие холода, что ему грозила опасность «обмерзнуть» на льду (то есть все разводья могли замерзнуть и отрезать его от воды).



Самка хохлача (лет четырех) с детенышем

В конце концов единодушно решили простоять ночь и выждать, не обнаружатся ли днем еще какие-нибудь признаки близости залежки.

По нашему счислению, мы находились примерно на 74° с. ш.

Наступило утро (воскресенье, 26 марта). Ничего нового, что могло бы способствовать выяснению вопроса; увидали только следы медведя, который ночью подходил к самому судну. Один из команды как будто даже видел его в темноте, но смолчал, побоявшись, что ему просто померещилось. Досадно!

Двинулись тем же курсом к северо-востоку сквозь тот же бухтовый лед.

Погода прекрасная. Накануне вечером дул юго-западный бриз, но теперь он перешел в восточный ветер; температура воздуха —3° Ц.

В течение утра настолько прояснело, что мы произвели наблюдения для определения долготы, но не могли взять полуденной высоты солнца. Приняв широту, определенную накануне секстаном (74° с. ш.), получили примерно 9° в. д.

Возможно ли это? Так далеко к востоку лед никогда еще не простирался, и детную залежку никогда не обнаруживали так далеко на востоке. Должно быть, наш хронометр совсем сбился с толку.

После обеда новое совещание в штурманской каюте. Где же тюленья залежка — на востоке или на западе?

По всей вероятности, на западе, судя по тому, где мы недавно видели хохлачей; и все-таки было бы чертовски досадно, если тюлень залегает на востоке, а мы пойдем на запад.

С другой стороны, если бы мы двинулись на восток, а тюлень залегает на западе, мы не сможем добраться до него к 3 апреля, то есть к началу побойки. Как дорог был бы тут дельный совет!

Тут в каюту спокойно входит второй штурман, Эран, и, лукаво улыбаясь, говорит:

— А у меня новость: два парусника под ветром.

Вспыхнула новая надежда. Все бросились на палубу взглянуть на эти суда. Теперь во всяком случае выяснится, где мы находимся.

На парах и под парусами направились к северу, чтобы нагнать парусники, а несколько человек полезло наверх, чтобы рассмотреть, какие это суда.

У ближайшего были двойные марса-реи. Такой оснастки не было ни у какого другого судна, кроме

норвежской «Веги».[1] У англичан так оснащен был один «Лабрадор», но в последние годы он не появлялся в этой части полярной области.

Вскоре оказалось, что судно действительно «Вега», и часов в десять вечера мы подошли к ней. Наш капитан отправился на борт «Веги» узнавать новости.

Это была та самая «Вега», на которой три года тому назад Норденшельд открыл Северо-восточный проход. Как красиво выделялась она своей высокой стройной оснасткой; ее черные линии четко рисовались на фоне облаков, сквозь которые пробивалась луна.

Рассматривая знаменитый корабль, я не мог иногда удержаться от улыбки, слушая замечания, которые команда отпускала на его счет.

— Эта далеко ходила!.. Много рейсов проделала. Вот бы мы повеселились, ребята, побывай мы вместе с ней в Неаполе! Один мой знакомый... ну, да ты знаешь его, это Габриэль... Он стоял там со своим судном, когда пришла туда «Вега». Такой встречи он сроду не видывал. Фейерверки, салюты... фу ты, ну ты!..

Совещание с капитаном Маркуссеном на «Веге», видимо, затянулось, так как наш Крефтинг вернулся лишь под утро.

Долготу мы, оказалось, определили накануне правильно. На «Веге» получили ту же самую цифру, как и на «Капелле», с которою они были вместе. «Ка-

---

[1] «Вега» и «Капелла» принадлежали шведской пароходной компании в Гётеборге; но так как они ежегодно заходили в норвежские порты и вооружались, да вдобавок имели норвежского капитана и норвежскую команду, то их причисляли к «норвежцам». *Прим. автора.*

пелла» и «Вега» добыли каждая по детенышу хохлача, так как они побывали восточнее 5° в. д., где проходила восточная граница охраны тюленя до 3 апреля.

Понедельник, 27 марта (от —1° Ц до 0° Ц). Мы произвели хорошие наблюдения и получили: 74°50′ с. ш. и 8°20′ в. д.

Мы быстро пошли под парусами к северу: дул очень свежий бриз с юго-востока. У «Веги» ход был лучше, чем у «Викинга», и она, догнав нас, пошла впереди. Было решено поискать Северную бухту дальше к северу, хотя мы, насколько известно, находились уже севернее тех мест, где когда-либо обнаруживали детную залежку. Второе из замеченных нами судов оказалось «Новой Землею» — шотландским промысловым судном из Дэнди. Оно шло позади нас, тоже пользуясь парусами и парами.

Кромка льдов действительно все более и более отклонялась на северо-запад; но остается неясным — это ли и есть Северная бухта? Температура воды в полдень равна —1,5° Ц; в 2 часа дня —1,3° Ц, а в 4 часа дня —1,2° Ц, причем все измерения производились на чистой воде, где попадались только отдельные дрейфовавшие льдины.

Я поднялся в дозорную бочку посмотреть на лед. Пока я был там, налетел шквал страшной силы. Ветер так и свистал в ушах, и судно накренилось. У нас были поставлены брамсель и все паруса, и не было возможности взять рифы. Мачту с бочкой сильно раскачивало. Марселя стали полоскаться, когда судно становилось прямо к ветру, а фок-мачта перегнулась, как тростинка. «Вегу» сильно кренило и «Новую Землю» тоже.

Капитан очень беспокоился за грота-рею, сгибавшуюся в дугу. Страшно было потерять ее со всей снастью.

Я все сидел в бочке, не чуя опасности, а капитан понятия не имел, что я там.

Когда я спускался из бочки, холодный колючий ветер пронизывал меня до костей, как будто на мне не было никакой одежды. Добравшись до марса, я перестал чувствовать свои пальцы; они одеревянели. И можно себе представить, с какой силой я принялся хлопать ими, чтобы согреть. Увидя, как я спускаюсь по вантам, капитан испугался.

После полудня «Новая Земля» поравнялась с нами. Капитан Гай навестил нас. Само собою разумеется, что обсуждался план дальнейших действий и решался вопрос: в каком направлении скорее всего можно рассчитывать найти детную залежку?

Шотландец смотрел на дело довольно мрачно. По его мнению, вообще было мало шансов найти детную залежку, потому что время уже ушло. А раз он и в этом году не найдет залежки, придется ему расстаться с судном, — говорил он. Вот почему он был в таком подавленном настроении. Однако мало-помалу он развеселился и стал рассказывать о своих похождениях в Дэвисовом проливе и в Баффиновом заливе, где он обычно занимался китобойным промыслом.

Там водились тюлени, которых он называл «ground sel» и «floe sel».[1] Эти тюлени, по его словам, мечут

---

[1] Шотландские тюленепромышленники чаще называют кольчатого тюленя «floe rat». *Прим. автора.*

детенышей в снежных сугробах на морском льду, часто выбирая самые крупные торосы, около которых есть полыньи, служащие самке лазками в воду. Повидимому, он рассказывал о нерпе или акибе (*Phoca hispida*).

Эскимос подходит к лунке, садится перед ней на корточки, держа наготове короткий гарпун, и как только тюлениха высунет нос, он вонзает в нее гарпун и вытаскивает ее наружу, затем достает из-под снега детеныша.

Капитан Гай наблюдал также, как белый медведь подкарауливал нерпу у лунки. Медведь ждал, распластавшись на брюхе и положив передние лапы по краям лунки с обеих сторон, и как только показывалась тюленья голова, он убивал зверя ударом лапы.

Еще видел Гай, как медведь забавлялся детенышами тюленя — правда, в таких местах, где их было много, то есть на детной залежке. Вырвет из детеныша кусок мяса, а потом полуживого отшвырнет от себя. И проделывает то же со следующим. А иногда подбросит тюленeнка высоко в воздух и поймает прямо в пасть. Иногда пихнет так, что тот кубарем летит по льду. Потом та же история со следующим детенышем. Играет, словно кошка с мышами. Но если тюленят мало, он не тратит времени на такие забавы, а быстро пожирает добычу.

Часто встречаются там в море и моржи, местами даже в изобилии.

Гай много рассказывал нам о китобойном промысле. Промышляли они там только гренландского кита; одиночные экземпляры этого кита попадаются

также к западу от Баффинова залива и Ланкастерского пролива.

Китобои мечут в кита гарпун с вельбота. Киты часто залегают в мелком льду. К ним тихо подплывают и мечут гарпун из жерла небольшой пушки, установленной на носу вельбота.

Когда гарпун всажен, кит ныряет в воду и способен пробыть там с полчаса, но затем начинает изнемогать, и вельбот может подойти к нему сбоку, когда он, наконец, всплывет на поверхность. Убивают кита длинной острогой. Иногда уходит два-три часа на то, чтобы прикончить его.

Чтобы окупить расходы, надобно в один рейс добыть не меньше четырех-пяти китов средних размеров, с усом длиною 11—12 футов, но это редко удается. В прошлом году Гаю удалось промыслить только двух.

Хороший кит дает много жиру — от восемнадцати до двадцати тонн; но самое ценное — это китовый ус, который может составить до полуторы тонны и, если кит крупный, представляет ценность в несколько тысяч фунтов стерлингов.

На западе Гай встречал также нарвалов и обещал прислать мне скелет нарвала, если я напишу ему в Дэнди.

В течение дня мы не раз видели — по большей части в воде — хохлачей и гренландских тюленей; на ночь мы легли в дрейф; при дневном свете будет легче ориентироваться.

Рано утром на следующий день (вторник, 28 марта; температура воздуха от —1° Ц до —8° Ц) мы, разведя пары и поставив паруса, снова

пошли полным ходом. Ветер был с востока, и мы спешили возможно глубже проникнуть в полосу льдов в западном направлении. Два других судна шли у нас в кильватере, едва поспевая за нами, так как у нас более мощная машина.

Затем мы попали в более тяжелый лед; к тому же навалил туман, и остаток дня мы то лежали в дрейфе из-за тумана, то снова подвигались потихоньку. Тюленей за этот день видели в воде много.

Нас снова посетили капитаны Маркуссен и Гай, и состоялось новое совещание.

Повидимому, все держались одного мнения, что залежки или, по крайней мере, одна залежка должна находиться к западу или юго-западу от нас. За это говорило появление в воде множества тюленей, которые как будто искали места, где бы вылезть на лед.

Когда главная масса тюленей нахлынула сюда, она, должно быть, нашла еще здесь чистую воду, и возможно поэтому, что залежка передвинулась на этот раз к юго-западу.

Запоздавшие же тюлени могли залечь дальше к северу или северо-западу от нас, так как лед тем временем смерзся, и они не могли присоединиться к главному косяку.

Все единогласно решили, что следовало бы итти дальше на запад, если только возможно; но лед в том направлении был чересчур тяжелый.

А вечером мы увидели на юге пять парусников. Однако здесь становится людно!

В этот день я произвел целый ряд измерений температуры морской воды на различных глубинах;

результаты показались мне довольно интересными. В час дня температура была:

на поверхности	—1,6° Ц
„ глубине 10 саженей (18 метров) . . .	—1,7
„ „ 20 „ (37 „) . . .	—1,9
„ „ 30 „ (55 „) . . .	—1,6
„ „ 50 „ (91 „) . . .	—1,3

Температура воздуха была —0,6° Ц. Ночью похолодало; температура упала до —4° Ц (около полуночи). Вся поверхность воды между льдинами покрылась плавающими небольшими и тонкими «блинами» вновь образовавшегося льда; это показывает, что вода затянулась льдом еще днем раньше, но вследствие движения воды на поверхности ледяная корка распалась на небольшие круглые диски.

В 8 часов вечера я снова измерил температуру воды, но так как судно сильно дрейфовало, то успел довести измерения только до глубины в 10 саженей и получил следующие цифры:

на поверхности	—1,8° Ц
„ глубине 10 саженей (18 метров) . . .	—1,9

Температура воздуха была в это время —8° Ц, и вода снова начала затягиваться льдом.

Уже тогда я в своем дневнике отметил, что «эти измерения» должны опровергнуть те взгляды на образование льда, каких в то время придерживались географы и физики и которые, прибавим, сохранились отчасти и до наших дней.

Шведский физик, профессор Э. Эдлунд, опубликовал теорию, согласно которой образование морского льда, в особенности льда в открытом море, далеко от

земли, начинается обычно не на поверхности моря, а на известной глубине, и эта глубина в морях глубоких может быть значительною — во всяком случае свыше 100 футов (30 метров).[1]

Как известно, морская вода с нормальным содержанием соли обладает свойством сжиматься при охлаждении, пока температура не упадет ниже точки замерзания. Норма содержания соли в водах северных морей приблизительно 35‰; замерзает такая вода при температуре около —1,9° Ц, но наибольшей плотности достигает при —3,5° Ц, если удастся ее охладить до такой температуры и не дать замерзнуть; разность в плотности при этих температурах очень незначительна, составляя всего единицу в пятом десятичном знаке удельного веса.

В результате такого сжатия вода на поверхности моря, охлаждаясь, всегда становится тяжелее подстилающего ее более теплого водного слоя — при условии, что содержание соли в этих слоях приблизительно одинаково. Поэтому поверхностный слой должен постоянно опускаться вниз, уступая место более теплому слою, подымающемуся снизу. При непрерывном охлаждении этот процесс продолжается до тех пор, пока температура во всех подстилающих слоях не упадет до точки замерзания морской воды, — конечно, при условии равного содержания в них соли.

До этого момента ход рассуждения Эдлунда правилен и — как мы установили впоследствии на осно-

---

[1] E. Edlund, Ueber die Bildung des Eises im Meere, Poggendorffs Annalen der Physik und Chemie, Bd. 121, 1864, S. 549. Сравн. также: O. Krümmel, Handbuch der Ozeanographie, 1907, Bd. I, S. 499. *Прим. автора.*

Полынья среди дрейфующих льдов и образующийся на ней «блинчатый» лед. (Набросок 28 марта 1882 года.)

вании точных измерений температуры — соответствует процессам, происходящим в море.

Но далее Эдлунд рассуждал так: морская вода при сильном охлаждении лишь с трудом кристаллизуется в лед, если только не приходит в соприкосновение с твердыми телами или с уже образовавшимся льдом; поэтому при сильном охлаждении воды на поверхности моря в тех местах, где еще нет никакого льда, вода должна оставаться переохлажденной (то есть охлажденной ниже своей точки замерзания), не замерзая, и опускаться вниз, уступая место более теплой и легкой воде, подымающейся снизу, которая затем в свою очередь переохлаждается, и так далее. Таким образом, на большой глубине скапливаются большие массы переохлажденной воды, которая внезапно по той или иной причине замерзает, образуя обычно круглые диски, похожие на «тарелки» или «днища бочек». Они устремляются кверху и в корот-

кое время могут покрыть всю поверхность моря. Это и есть то, что рыбаки наших побережий называют «донным льдом».

Эдлунд, видно, представлял себе, что опускающаяся переохлажденная вода при соприкосновении со дном внезапно замерзает, отсюда и название «донный лед». Но вряд ли он мог допускать, что тот же процесс происходит и в самых глубоких местах моря; он только говорит, что этот лед должен образовываться на большой глубине.

Правильность этой теории, по его мнению, подтверждалась наблюдениями рыбаков у шведского и норвежского побережий; этим рыбакам якобы часто приходилось видеть, как такие ледяные диски появлялись из глубины и внезапно покрывали все окружающее море настолько густо, что шлюпки затирало этим «донным льдом». В Северном Ледовитом океане таким путем будто бы образуется бухтовый или блинчатый лед (см. у Квеннерштедта, 1867 год), хотя Скоресби[1] еще в 1820 году дал правильное объяснение его образования.

В гипотезе Эдлунда кажется совершенно неправдоподобным прежде всего то, что образовавшийся на глубине лед почему-то принимает форму чрезвычайно тонких и совершенно плоских дисков, то есть являет точную копию льда, образующегося на поверхности. Неужели же можно предположить, что эта переохлажденная вода и на глубине замерзает вдоль какой-то плоскости?

---

[1] W. Scoresby, An account of the Arctic regions Edinburgh. 1820. *Прим. ред.*

Правда, можно допустить, что вода (как это подчеркивал Эдлунд) может в начальной стадии замерзания образовывать небольшие тонкие листочки; но ведь это кристаллы, и нельзя же представлять себе, что они достигают размеров тарелки или днища бочки. Скорее уж можно предположить, что кристаллы принимают в переохлажденной воде самые различные формы.

Уже в силу этого вся теория кажется чрезвычайно неправдоподобной. Непосредственным опровержением ее служат вышеприведенные измерения вертикального распределения температуры в слоях воды, произведенные в то время, когда на поверхности уже образовался типичный бухтовый лед с тонкими «блинами», а в еще большей степени позднейшие цифры температуры от 23 апреля. Ни одна из этих температур не дает ни малейшего намека на какое-либо переохлаждение. Температура —19° Ц на глубине 20 саженей очень близко подходит к точке замерзания воды с содержанием соли 35‰, а на этой глубине содержание соли действительно таково.[1] Температура —1,7° Ц на глубине 10 саженей была несколько выше точки замерзания воды на этой глубине, которая должна была соответствовать примерно —1,8° Ц или несколько более низкой температуре. А между —1,7° и —1,8° Ц лежала точка замерзания поверхностного водяного слоя с содержанием соли от 32 до 33‰.

---

[1] Различные пробы воды, привезенные мною в Норвегию в запаянных трубках, пришлось передать другому лицу для анализа, но, к сожалению, анализа произведено не было. *Прим. автора.*

Эти «тарелки» не могли образоваться где-либо ниже поверхностного слоя воды; они образуются на самой поверхности, а круглая форма дисков объясняется их взаимным трением при слабой волне.

К этому я должен добавить, что с тех пор я произвел сотни, если не тысячи измерений температуры и содержания соли в воде различных районов Северного Ледовитого океана, но я ни разу не нашел переохлажденной воды, и мне поэтому не верится, чтобы она при обыкновенных условиях могла когда-нибудь там образоваться.

При образовании льда как в полярных морях, так и вдоль их побережий и в наших фиордах существенное значение имеет то обстоятельство, что нормальное содержание соли в поверхностном слое морской воды в этих областях меньше, чем в подстилающем слое — во всяком случае до того, как вода осолонится под влиянием образования льда; и даже если вода на поверхности никогда не охлаждается значительно ниже точки замерзания, она все-таки не может вообще стать тяжелее воды подстилающих слоев.

Но даже если бы морская вода была одинаково соленой на всех глубинах, все же образование льда в водных слоях, опускающихся вглубь, было бы в высшей степени затруднено тем, что температура этих слоев подымалась бы по мере их уплотнения в силу увеличивающегося давления и одновременно с этим точка замерзания должна была бы понижаться.

Правда, мне приходилось наблюдать образование льда ниже водной поверхности, то есть в подстилающем слое, но это образование носило совершенно

другой характер. Оно происходило там, где слой почти пресной воды (вода речная или образующаяся при таянии дрейфующих льдов летом) покрывал холодную воду Северного Ледовитого океана, имеющую температуру ниже —1° Ц или —1,5° Ц. У плоскости соприкосновения с этим подстилающим водным слоем пресноводный поверхностный слой охлаждался до точки замерзания и превращался в ледяные иглы (но не в диски!), всплывавшие и уплотнявшиеся на поверхности этой пресной воды, температура которой была, пожалуй, на градус — два выше точки замерзания.

На следующий день (29 марта) мы большей частью лежали в дрейфе. Было пасмурно (температура воздуха —6° Ц, слабый ветер то с S, то с O, то с NW); лед тяжелый; между льдинами густая снежная каша.

Мы сошли на лед пострелять в мишень, и тут-то я узнал, насколько коварна эта каша; ее не отличишь от льда, ступишь и провалишься по пояс между льдинами.

Вместе с Крефтингом и Маркуссеном я побывал на шотландском промысловом судне, где состоялось новое совещание. Нас приняли очень радушно. Попадая на судно другой национальности, видишь на всем особый отпечаток; обстановка, при всей ее скромности, дышит британским домашним уютом; попахивает угольным дымком излюбленного британцами камина; этот запах британец всюду носит с собой. Обед был тоже британски плотный: ростбиф (ну, еще бы!) и тяжелый английский пудинг, который не

скоро переваришь. В Северном Ледовитом океане мясной стол не ставит особых затруднений коку: промысловое судно обычно забирает запас парного мяса с родины; на борту оно подвешивается на снасти и в свободном от бактерий воздухе весь рейс остается свежим.

Ночью мы стояли совершенно неподвижно, а на следующий день (30 марта; 75°23′ с. ш. и 5°40′ в. д.; температура воздуха —8° Ц; слабый ветер с NW) к нам довольно близко подошли пять новых судов, которые мы, впрочем, уже видели издали. Это были «Альберт» (капитан Бернт Иверсен), «Хекла» (капитан Хансен), «Гейзер» (капитан Оле Иверсен), «Хордроде» (капитан Кастберг) и «Кап Норд» (капитан Гуллик Иенсен) — все первоклассные зверобои.

Мы под парами направились к ним, чтобы узнать новости. Поравнялись с «Хеклой», и капитан Хансен перешел к нам на борт; явились Гай, Маркуссен и еще представитель капитана Кастберга, судно которого остановилось за милю от нас.

В каюте большое совещание. Капитан Хансен уже давно на этой широте. Капитан Иверсен с «Альберта» видел подальше к северу на довольно больших льдинах два-три десятка семей хохлача.

Все согласны с тем, что залежка должна находиться где-то к западу и — весьма возможно — неподалеку от того места, где мы стоим; ведь говорят же, что хохлач встречается всегда к северо-востоку от детной залежки. Единственным препятствием к дальнейшему продвижению являлся очень сплоченный лед; судам грозила опасность быть затертыми. Поэтому порешили попытаться выйти на чистую воду, а затем на-

правиться к северо-западу. В этом направлении много синевы на горизонте, — значит большие разводья. Не удастся ли оттуда пробраться к тюленям?

Мы пошли под парами на восток к открытой воде, но, в конце концов, застряли во льду и простояли всю ночь. Становится холоднее; сегодня было —8° Ц, а вечером уже —13° Ц.

На следующий день (31 марта; 75°17′ с. ш. и 6°30′ в. д.; темп. —13° Ц; ветер с W) нас нагнал «Хорд-роде», а «Гейзер» опять застрял позади.

Капитан Кастберг с сыном Людвигом, капитаны Гай, Хансен и Маркуссен присоединились к нам. Снова совещание. Одни утверждают, что некоторые промысловые суда уже обнаружили детную залежку; другие отрицают эту возможность. Все, однако, сошлись на том, что, может быть, около залежки и нет никаких судов, но тюлень залегает к западу; все допускают, что и на севере и на северо-востоке может быть некрупная детная залежка, но что тюлени, залегающие на западе, «обмерзли» во льду — в этом нет никакого сомнения.[1]

Кое-кто высказывает предположение, что остальные промысловые суда могли подойти к месту залежки с юга. Другие из присутствующих думают, что мы сейчас находимся в самом центре Косы, следовательно вблизи тюленей, а что на севере чистая вода, — это доказывается неизменной синевой неба в той стороне. Только лед вот неудобен для тюленя, — все молодой лед, а более старых торосистых льдин нет.

---

[1] Это предположение впоследствии подтвердилось. *Прим. автора.*

Все хотят, чтобы «Викинг» с его более мощной машиной шел впереди, тогда другие суда смогут пройти за ним, не застревая во льду. Но Крефтингу это не особенно улыбается; он говорит, что лед слишком сплоченный и что пойдет слишком много угля.

Капитан Кастберг рассказывает, что в прежние годы он не раз видал, как тюлени пригребали к детной залежке с юга; но он не берется с уверенностью утверждать, были ли это тюлени, которые пришли с севера, потом уходили далеко на юг и, не найдя там подходящих льдов, снова вернулись на север. Но он допускает, что некоторые тюлени пригребают с юга; дело в том, что часть тюленьего косяка, побывав на детной залежке, затем возвращается на юг, между тем как основная масса тюленей направляется на север.

По мнению Крефтинга, тюлень, уходящий к югу, переселяется в более позднее время года снова на север. Тюлени посещают на некоторое время Рыбные банки у Исландии; следовательно, к детной залежке пригребает одно лишь стадо, и только с севера.

Целый день мы не трогались с места. Я старался убить время, охотясь на чаек, и когда пошел доставать подстреленных птиц, изрядно промок. Прыгая над снежной кашей с одной льдины на другую, я не раз погружался по пояс в воду и, только положив впереди себя поперек провала свое ружье, выкарабкивался на твердую льдину. Эти льдины с провалами, набитыми снежной кашей, очень коварны — не успеешь оглянуться, как примешь ледяную ванну чуть не по горло; но мне удавалось выскакивать из нее, и я бежал дальше.

Мороз от —12° до —14° Ц; западный ветер. Не к добру это! Теперь лед смерзнется.

После обеда я сопровождал капитана Крефтинга к капитану Кастбергу. Мы пробыли там довольно долго, и разговоры шли, разумеется, о тюленьем промысле.

Кастберг утверждает, что утельга мечет детенышей дважды в год. По его мнению, сейчас на детной залежке не более 8% детенышей женского пола, и самки рождаются осенью.

Крефтинг, наоборот, говорит, что самка тюленя мечет детенышей только раз в год, так как англичане находят осенью в Дэвисовом проливе только самок с небольшим зародышем.[1] Он говорит, что беременность их длится с год и что спаривание происходит через месяц после рождения детенышей. Но он допускает возможность, что тюленихи, мечущие самок, уходят в другое место. Возможно также, говорил он, что для развития женских особей требуется больший период времени, и поэтому они рождаются позднее. Капитан Хансен уверял, что он однажды напал на лежбище, где были только детеныши женского пола.

Я спросил, не убавляется ли, по их мнению, численность тюленя после всех этих побоек. Но Кастберг и слышать об этом не хотел.

— Дорогой мой Нансен! Ну как можно задавать такие вопросы!? Здесь, в Северном Ледовитом океане, их такая уйма, что сколько бы мы, люди, их ни били,

---

[1] Это вполне соответствует наблюдениям, впоследствии произведенным мною. В октябре 1888 года я нашел множество небольших зародышей в утельгах гренландского тюленя у Годтхоба на западном побережье Гренландии. *Прим. автора.*

это не может итти в счет. Как-то во время побойки я сидел в дозорной бочке и смотрел в подзорную трубу; и вот, куда ни взглянешь, повсюду тюлени плечом к плечу, до самого горизонта и дальше за горизонтом; их здесь такая пропасть, что даже если бы они не давали приплода, их во много лет не перебьешь. То же и на побойках хохлача; я видал огромные косяки хохлачей, лед был усыпан зверем, словно кофейными зернами, и вовек нам его не истребить. Нет, дружок, природа создала нам тюленей на потребу, и она печется о том, чтобы они не убывали.

Старая песня! Охотник не допускает мысли, что дичь, за которой он охотится, действительно убывает, будь это тюлень или кит в море или северный олень на суше.

Вечером мы отправились в гости на «Вегу». Пока мы там сидели, лед разошелся, и нам пришлось возвращаться на «Викинг» в шлюпке.

ГДЕ ЖЕ ДЕТНАЯ ЗАЛЕЖКА?

ВСЕ БЛИЖЕ и ближе надвигается 3 апреля, и хотя все, пожалуй, уже потеряли надежду дойти к этому дню до детной залежки, все же хочется в последний раз сделать попытку вырваться из льдов, которые иначе задержат нас здесь на четыре-пять недель.

Мороз крепчает; сегодня ночью было —16° Ц. К утру температура упала до —18° Ц. Грозит опасность вмерзнуть в лед. К тому же ветер спадает, и Крефтинг решает, что все-таки надо попытаться уйти отсюда.

Поэтому утром (суббота, 1 апреля) с других судов была вызвана команда, чтобы «раскачать» наш

«Викинг». А это вот что значит: люди становятся сначала у одного борта палубы, потом быстро перебегают на другой борт, и опять назад — через определенные промежутки времени. Благодаря этому судно раскачивается и ломает обложивший его лед.

Мы пробуем сначала пробиться сами, но с малым успехом. Команды других судов приходят к нам на помощь. На палубе «Викинга» чуть не сотня людей весело топочет, покрикивая в такт и перебегая с одного борта на другой.

Сначала, сверх ожидания, все идет хорошо. Мы легко обгоняем судно Кастберга «Хордроде», тщетно пытающееся сдвинуться с места, благополучно проходим некоторое расстояние, скользя из одного разводья в другое, и затем... застреваем. Даем задний ход, чтобы разбежаться, потом снова полный ход вперед; «Викинг» таранит лед, взбирается на край льдины и поджимает ее под себя; команда изо всех сил бросается сначала на один борт, потом на другой, и льдина в конце концов сдается, разламывается, становится ребром перед бугом, ее отбрасывает в сторону или поджимает под судно, и мы снова скользим некоторое время вперед. Иногда винт ударяется о льдины, машина почти останавливается, и все судно вздрагивает; винт легко может быть поврежден такими толчками, но на случай подобной аварии у нас имеется запасной винт, хотя смена винта вызвала бы задержку в пути.

Мы двигаемся дальше, потому что хотим итти вперед; идем, идем настолько хорошо, что расстояние между нами и другими судами все увеличивается, хотя они идут в нашем кильватере. Они не могут поспеть

за нами, и чужим командам приходится вернуться на свои суда. Наконец, они остаются совсем за горизонтом. Только «Новая Земля» идет вперед и, наконец, обгоняет нас. Она нашла более свободный фарватер.

К вечеру мы выбрались из сплоченного льда и вошли в область голубого бухтового льда, затем вышли и на чистую воду и взяли курс на юг. В темноте мы потеряли «Новую Землю» из виду; она пошла, по-видимому, на север.

Полнолуние и ясное небо. Лунный свет кое-где скользит по полыньям; белые льдины разбросаны между голубым бухтовым льдом. Все северо-западное небо рдеет темным пурпуром; остальной горизонт кажется желтовато-белым от лунного сияния, отраженного далекими ледяными полями. Бог мой! Какая жалость, что нельзя эту ночь запечатлеть на бумаге!

Капитан, стоя на шканцах, смотрел назад в ту сторону, откуда мы пришли.

— Вон там на западе залежка, а мы уходим от нее, — уныло проговорил он.

У него было какое-то предчувствие, что именно там, среди сплоченных льдов, находится залежка. Но как подойти к этой залежке? Оставаться там, не считаясь с опасностью быть затертыми льдами, казалось неразумным. Уж лучше крейсировать возможно дольше у ледяной кромки, чтобы потом, при первом благоприятном случае, проникнуть оттуда к желанному месту.

Да, жизнь охотника за тюленями — это поистине игра случая. Найдена детная залежка, и — даже при средней добыче — во всяком случае оправдываются

все расходы по рейсу, а если удастся нагрузить судно полностью, судовладелец и капитан наживают целое состояние, да и команда хорошо зарабатывает.

Многие судовладельцы, находившиеся на пороге банкротства в день ухода промыслового судна, становились богачами в тот день, когда оно с полным грузом возвращалось с детной залежки в порт. А если лежбище не обнаружено, судно возвращается почти пустым, что не раз случалось в прежние времена, пока не началась охота на хохлача в Датском проливе. И это означало разорение для судовладельца, большой убыток для капитана и многих семей на берегу, а для команды — нищенский заработок, на который с трудом можно было просуществовать зиму. Поэтому не удивительно, что команда кровно заинтересована в том, чтобы залежка была найдена. Но даже и в лучшем случае заработок команды не так уж велик.

Самая система заработной платы для команды таких промысловых судов может показаться довольно сложной человеку, не посвященному в это дело. Шестая часть стоимости всей добычи мысленно делится на целые паи по числу людей команды, и каждый пай делится еще на шестнадцатые доли, которые в определенной пропорции выплачиваются каждому в прибавку к его постоянному жалованью.

В описываемое мною время рядовой матрос промыслового судна получал жалованья 20 крон в месяц и в прибавку $^{5}/_{16}$ пая; юнга получал в прибавку только $^{1}/_{16}$ или $^{2}/_{16}$ пая. Стрелки (их обычно бывает по девяти на каждом судне, но на «Викинге» было десять) получают от $^{10}/_{16}$ до $^{12}/_{16}$ пая; первый штур-

ман получал $^{16}/_{16}$, т. е. целый пай; шкипер $^{96}/_{16}$, т. е. шесть паев и сверх того такую же сумму от судовладельца. Таким образом, он получал 12 паев плюс постоянное жалованье.

Складывая все шестнадцатые доли команды и шкипера, получаем общее число шестнадцатых долей, или паев. Если эта шестнадцатая часть составляла около 20 крон (обычная цифра в год средней добычи) и если судно было в море пять месяцев, то матрос получал, в общем, 200 крон за рейс, или 40 крон ежемесячно.

Это, конечно, уж не так много, если у матроса на иждивении жена и ребенок. Когда судно бывало нагружено полностью, шестнадцатая доля выражалась несколько большею цифрою, но во всяком случае сумма получалась уж не столь крупная, если же судну не везло, заработок сильно снижался. И все-таки одни и те же люди ходили матросами из года в год в Северный Ледовитый океан.

Ночью мы снова изменили курс и пошли на север искать разводья, которые, как нам казалось, должны были находиться среди льдов в том направлении, в каком мы накануне видели голубое небо.

На другой день около полудня (воскресенье, 2 апреля) мы снова увидели «Хордроде», «Вегу» и «Хеклу», которые прошли довольно далеко по направлению к ледяной кромке, но теперь их затерло льдами, и они не могли сдвинуться с места. Потом показалась снова «Новая Земля»; она побывала на севере, но, очевидно, не найдя ничего, взяла курс на юго-запад. Мы тоже снова двинулись на юго-запад, так как лед к северу казался слишком сплоченным.

Днем за пределами сплоченного льда стало немного теплее; температура колебалась между —9° и —10° Ц; умеренный западный ветер перешел в свежий. Бóльшую часть дня идем в голубых бухтовых льдах, стараясь держать курс на запад.

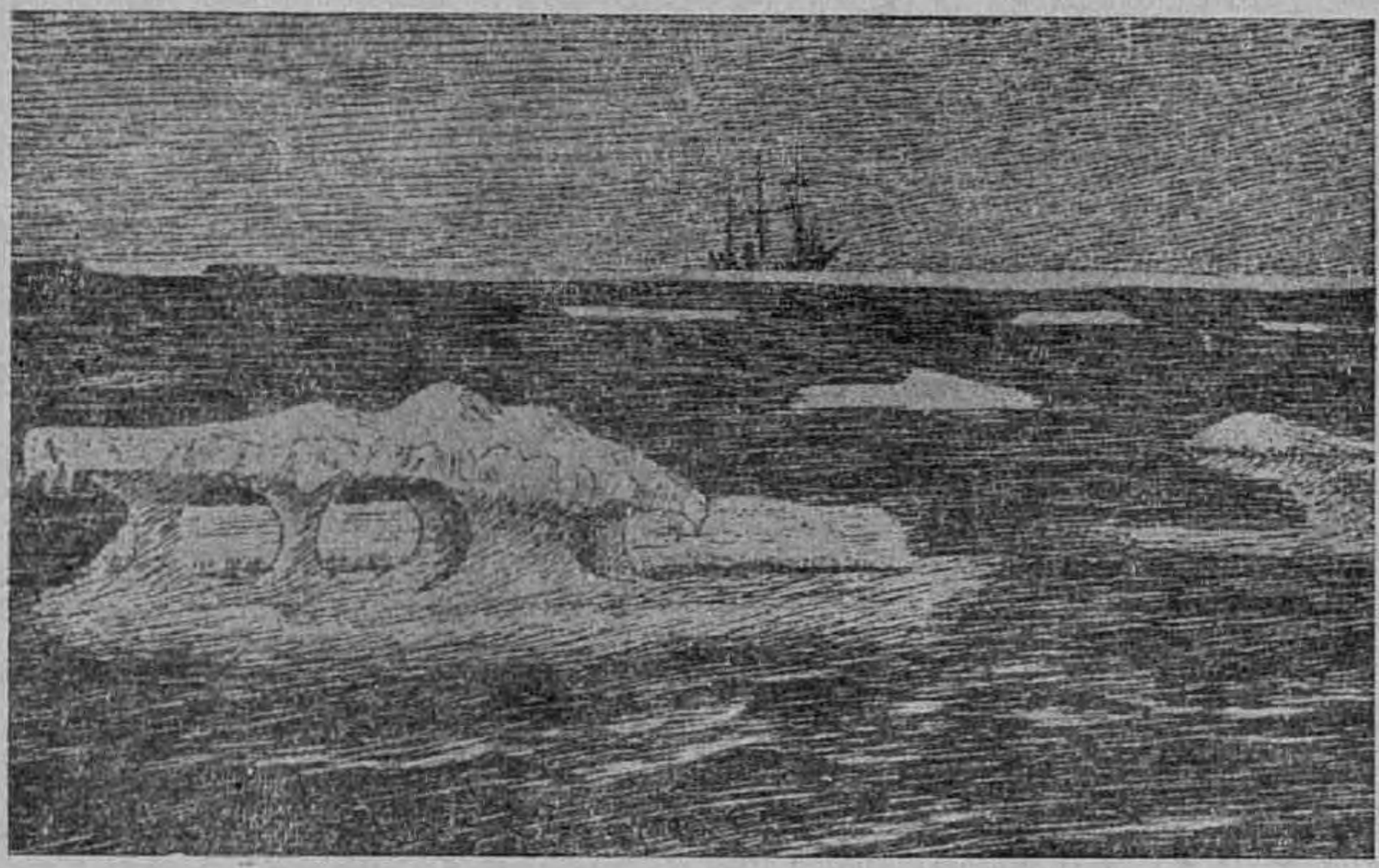
Двигаться в таком вязком бухтовом льду, пожалуй, еще труднее, чем в любом другом, хотя мощность его и не превышает 6—8 дюймов (15—20 сантиметров).

Бухтовый лед образуется поразительно быстро, затягивая в течение суток пространства чуть не в сотни километров.

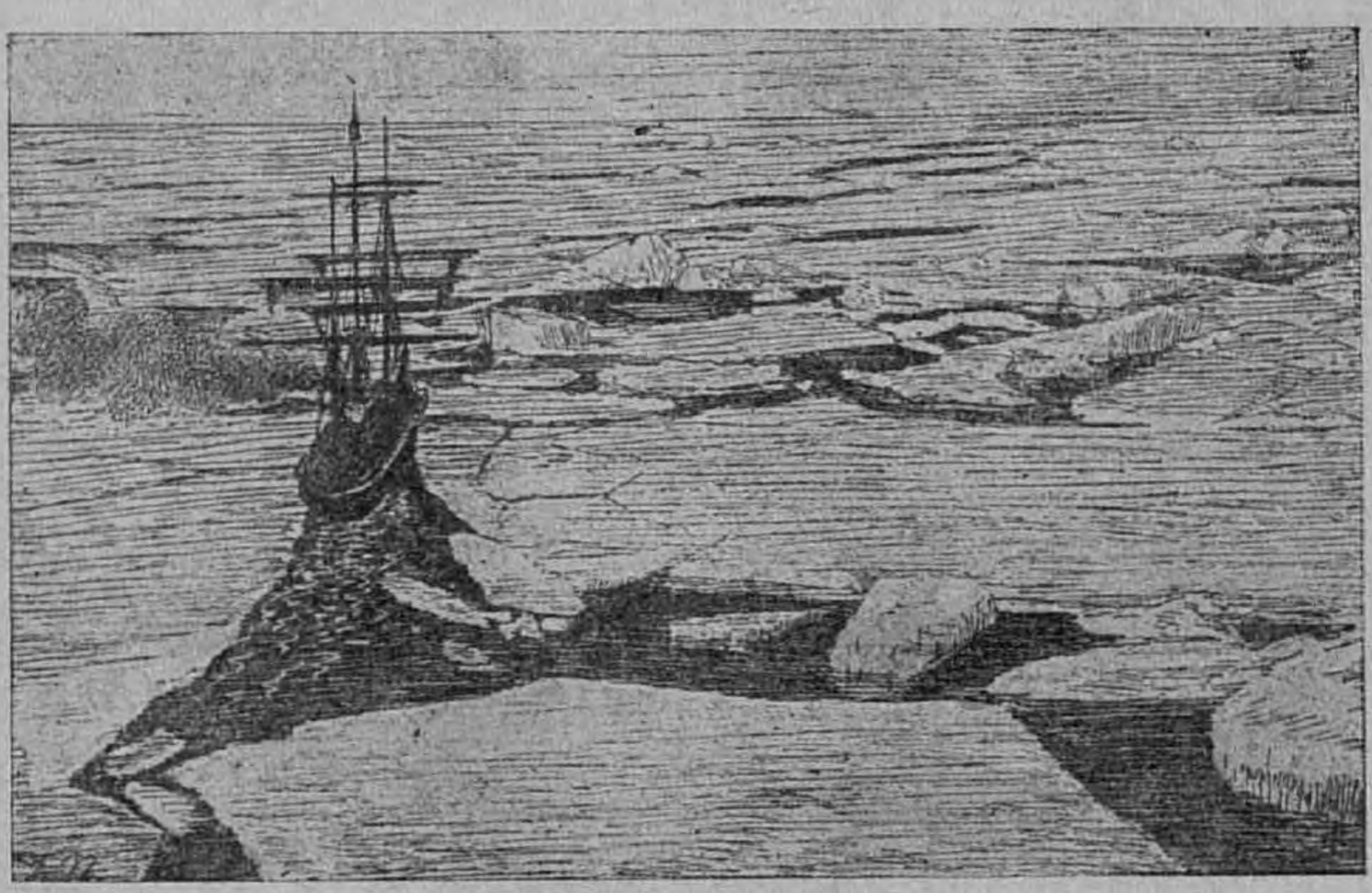
Когда мы входили в ледовый пояс, не было и следа голубого бухтового льда; и снегопад за последние дни был такой сильный, что мы едва успевали очищать от него палубу. А теперь, куда ни взглянешь, везде голубой бухтовый лед без порошинки снега. Вероятно, снег, падавший в воду, и вызвал быстрое образование бухтового льда. Состоящий из смерзшихся «тарелочек», он напоминает пол из круглых каменных плит.

После полудня мы снова попали в тяжелый лед, и тут нас затерло. Интересно было смотреть, как льдины становились ребром к борту судна и сжимали судно так, что трещали шпангоуты.

Через час льдины снова разошлись и выпустили нас на свободу. Как изменчивы условия в Северном Ледовитом океане! Судно то стоит на месте, затертое льдами, то снова высвобождается из ледяных тисков и попадает в открытый фарватер, то опять его затирает льдами. И люди то оживают духом, то впадают в уныние. Вечером как-то особенно тоскливо. Тюленей нигде не видно.



Торос, выщербленный теплой морской водой. (Набросок 10 апреля 1882 года.)



Сквозь сплоченный лед

Сегодня в полночь суда, открывшие залежку, начнут побойку тюленей. И какая чудная погода! Ясная лунная ночь. Но десять градусов мороза и слабый ветер, так что лед, вероятно, скоро смерзнется плотнее.

Понедельник, 3 апреля (наблюдения дали: 74°6′ с. ш. и 9°30′ в. д.; темп. —9° Ц; хорошая видимость; слабый ветер с WSW). Итак, сегодня начинается побойка. Интересно знать, добрался ли кто-нибудь до лежбища? На «Викинге» настроение довольно удрученное.

Целый день мы идем на парах по бухтам и разводьям с голубым бухтовым льдом, стараясь пробраться насколько возможно вперед в юго-западном направлении. Стоит прекрасная, солнечная погода.

Около полудня опять застряли во льдах. Стрелки от нечего делать стреляют в мишень, чтобы испробовать ружья и пристреляться. Потом снова высвобождаемся и продолжаем путь, но тюленей попрежнему не видно.

Вечером налетел ветер с туманом (— 7° Ц); все снасти заиндевели. Интересно наблюдать, как изменяется цвет тумана: над полыньями, над темной водой он черен, почти как пароходный дым, над льдинами светлый вследствие отражения от белого льда.

Команда, до сих пор надеявшаяся добраться до детной залежки во-время, теперь потеряла всякую надежду; но она утешается тем, что можно отыграться на хохлаче. Для команды это вопрос чрезвычайной важности, — ведь пай вообще увеличивает их заработок больше чем на половину.

4 апреля целый день стояла пасмурная погода; дул юго-западный ветер, температура около полудня —5° Ц. Немножко продвинулись вперед, а после

полудня нас снова затерло, и мы простояли всю ночь на месте.

На другой день (среда, 5 апреля, —3° Ц) мне сообщили, что на льду неподалеку от судна показалась какая-то красивая птица. Я пошел и застрелил ее. Это оказался кречет (*Falco gyrfalco*), заблудившийся среди ледяных полей так далеко от берегов. Питается он здесь, вероятно, морской рыбой. Мы находились тогда примерно на 74°8′ с. ш. и 10°30′ в. д. Судя по темному оперению кречета, это была совсем молодая птица, не такая белая, как бывает исландский кречет и, в особенности, гренландский.

Лед очень изменчив. Весь день происходили такие сжатия, что образовались нагромождения в несколько слоев на огромном пространстве, а около нашего судна, довольно сильно выпертого кверху, льдины встали вертикально. Прошло каких-нибудь два часа, и мы снова были на плаву. Получается такое впечатление, будто лед сжимается и расходится дважды в день одновременно с приливом и отливом.

6 апреля (0° Ц). До обеда я с одним матросом ходил на охоту за чайками и прогулялся довольно далеко. Под конец прогулки нам пришлось переправиться через полынью на льдине, причем переправа взяла больше времени, чем мы предполагали. Я свалился в воду и потерял багор; у нас остался всего один, которым мы и пользовались вместо весла, а на льдине мы едва помещались вдвоем. Стоя в воде по щиколотки, мы медленно продвигались вперед; в конце концов мы и на этот раз снова выбрались «на сушу».

Подходя к судну, мы увидели на льду маскированных. Это двое из наших молодцов натянули на ноги

шерстяные фуфайки на манер рейтуз для верховой езды, набили себе толстые «бургомистерские» пуза, подвернули фалды сюртуков спереди, чтобы получился «хвост», надели цилиндры и приклеили себе седые усы. Пока мы охотились, команда «Викинга» всячески забавлялась, играла в «конскую ярмарку» и т. п.

Вечером мы с капитаном отправились в кубрик, где было чрезвычайно оживленно. Весь вечер здесь забавлялись игрой в «рукошлепки», дурачась напропалую. Самая игра состоит в том, что человек, заложив руки за спину, кладет голову на колени одному из товарищей, который плотно зажимает ему глаза. Остальные играющие подходят по очереди и шлепают его по рукам, а он должен отгадать, кто шлепнул. Если угадает, ударивший занимает его место. По правилам игры следует шлепать рукой, но некоторые шлепают сапогом, туфлей, деревянным башмаком, старой калошей, иные подметкой, и надо сознаться, что шлепают, не жалея сил. Несмотря на это, игра проходит под общий смех, и всем весело.

Дни становятся все длиннее и длиннее, светает поразительно быстро. По ночам скоро будет так же светло, как у нас на родине в белые ночи. На заходе солнца северный горизонт постепенно охватывается заревом, и отблеск от снега делает его еще ярче.

В пятницу мы лежали в дрейфе (темп. от 0° до —4° Ц; ветер с SW). Вечером в субботу (8 апреля) на судне снова будни; это сказывается усиленной суетой, хотя дела, собственно говоря, уж не так много; все только и думают о тюленях. А, право, было бы недурно, если бы команде сейчас пришлось хорошенько поработать.

Уже утром барометр стоял низко, — в 8 часов утра он показывал 745 миллиметров, в течение же дня сильно упал; зато температура поднялась: в восемь часов утра было —5° Ц, около полудня +1° Ц, а в восемь вечера остановилась на нуле.

Утром подул свежий бриз с зюйд-зюйдвеста. В течение дня он покрепчал и перекинулся больше на запад, а часов около семи налетел «ураганный шторм» с вест-зюйдвеста. Рев и свист в снастях, все судно содрогается; но в этих спокойных льдах с нами ничего не может случиться.

В полыньях воду взвихривало и брызги воды разносило, словно пепел; к нашей великой радости, число самих полыней все росло; простояв почти четверо суток во льдах, мы, конечно, стремились вырваться из тисков.

Вся ледяная масса дрейфовала на восток с немалой скоростью, вода вдоль бортов клокотала, как в кильватере.

Часов около девяти вечера барометр стал снова подыматься (он упал до 737 миллиметров); шторм, перейдя на норд-нордвест, мало-помалу стихал; вместе с тем температура понизилась и вскоре упала до —6° Ц. Во льдах уже незаметно было никакой волны: должно быть, открытая вода далеко на западе, если вообще где есть открытая вода.

Постоянные западные ветры, дувшие десять дней (с 30 марта), уносили лед в восточном направлении с большой скоростью; я замечал это всякий раз, когда мы опускали сетки для ловли животных организмов или когда измеряли температуру на глубинах — линь от сетки или от прибора сильно относило к западу.

В поясе льдов шторм — явление редкое, так как ветры, особенно южные, там значительно ослаблены. Капитан рассказывал, что ему не раз приходилось видеть суда, дрейфовавшие в штиль у кромки льда, в то время, как другие суда, всего на несколько кабельтовых мористее, шли под хорошим бризом.

Это объясняется, видимо, тем, что над ледяными полями скопляется холодный и тяжелый воздух, играющий там роль как бы защитного покрова; приносимый южным ветром более теплый и легкий воздух не приходит в соприкосновение с ледяной поверхностью, подымаясь выше этого холодного тяжелого воздушного слоя. Я еще тогда считал такое объяснение вероятным, и многие мои позднейшие наблюдения подтвердили его правильность.

В пасхальный вечер у команды праздничный стол: каши с маслом — до отвала, корабельного пива — тоже сколько влезет и, сверх того, стаканчик грога.

Когда известие об этом распространилось по палубе, на носу раздалось троекратное «ура», а потом в каюту торжественно вошел кок и принес капитану благодарность от имени всей команды.

Попозже вечером мы с капитаном пошли в гости в кубрик, где царило шумное оживление; все были здорово «навеселе». Игра в «рукошлепку» продолжалась беспрерывно с неослабевающим интересом. Иногда кто-нибудь затягивал песню. До нашего прихода в кубрике говорились также речи. Вид у людей был веселый и довольный; неудачные поиски детной залежки были на время забыты. Как мало нужно этим взрослым детям, чтобы чувствовать себя счастливыми!

Вышли на палубу; погода все такая же. Шторм значительно ослабел, и вечер стоял ясный и светлый. Мои мысли неслись через эти необъятные ледяные просторы к весенним вечерам в Норвегии.

Нет, все-таки неуютно здесь наверху; лучше спуститься в теплую каюту. Там каждый из нас усаживается в своем уголке дивана, мирно закуривает трубку, и, положив ноги на стол, мы беседуем о жизни на родине и о весенней охоте.

Теперь в Норвегии вальдшнеп летает над ельником вдоль болот. Каким миром и красотой дышит весенний вечер в лесу, и как далеко все это от тревог и забот, связанных с мыслями о том, удастся ли найти детную залежку. Эти мысли — кошмар нашего существования здесь.

Но вот приходит стюард со стаканами, бутылкой и кипятком: по случаю праздника нас тоже угощают грогом.

Мы делаем себе грог, набиваем вновь свои трубки, и капитан рассказывает о своих приключениях на суше и на море и о житье-бытье в Северном Ледовитом океане.

Видно, что он был отчаянным сорви-головой, когда еще парнишкой пошел туда первый раз. Но скоро он выдвинулся — сначала в стрелки, а потом и в штурманы и приобрел репутацию одного из лучших молодых моряков. А уж смельчаком был и остался, конечно.

И вот на «Магдалену» потребовался новый капитан. Хотя Крефтингу было всего двадцать лет с небольшим, он захотел занять это место; люди сочли это чуть не дерзостью с его стороны, но Крефтинг от-

правился к судовладельцу в Тёнсберг и поговорил с ним. Судовладелец нашел его слишком молодым. На это Крефтинг возразил, что если нет других помех, то молодость это такой порок, который с годами сам собою проходит.

Кончилось тем, что ему поручили «Магдалену», и судовладельцу не пришлось в этом каяться. Молодой смельчак приводил судно из каждого рейса с полным грузом, и судовладелец богател с каждым годом.

Но и рисковал Крефтинг отчаянно, и под парусами, и в открытом море, и во льдах, так что судно побывало-таки в переделках.

В один прекрасный год на «Магдалене» открылась досадная течь. Во время охоты на хохлача около Гренландии пришлось ей итти во льдах в большую волну, и тут ее порядком потрепало; но Крефтинг напал на хорошую залежку и загрузил судно доверху.

Когда они опять вышли в море, «Магдалена» дала сильную течь, и стоило больших трудов держать ее на плаву.

Команда измучилась, откачивая воду днем и ночью, и, увидев на обратном пути около Исландии одно из прочих промысловых судов, люди решили догрести до него на шлюпках.

В капитанской каюте появилась депутация в составе боцмана и нескольких стрелков, которая от имени команды заявила, что они обсудили дело сообща и порешили, что нет смысла оставаться на этом дырявом судне, которого никак не удержать на плаву; поэтому они все покидают судно.

Капитан вышел на палубу. Команда собралась у трапа, а некоторые были уже в шлюпках, готовых

к спуску. Случайно на палубе оказался плотницкий топор. Вот капитан и говорит:

— Так, значит, вы хотите бросить судно; ну, что ж, ребята, я помогу вам.

С этими словами он берет топор и идет к шлюпкам рубить тали. Тут люди повыскакали из лодок и скорей назад на палубу, куда прытче, чем садились в них.

А он начал держать им речь и сказал, что они действуют, как неразумные дети. На «Магдалене» большой и ценный груз, а они хотят бросить его только потому, что нужно еще несколько дней повозиться с помпой. «Но когда-нибудь да будет этому конец», — сказала лисица, когда с нее сдирали шкуру. Зато потом они получат такой пай, какого сроду не получали. Ну, а если уйдут, много ли получат? Наверняка, гораздо меньше. Вдобавок, с какими глазами они вернутся на родину?

Люди остались на борту, продолжали откачивать воду, и «Магдалена» благополучно добралась домой. Когда они вошли в гавань Тёнсберга, Крефтинг посадил судно на мель, пока оно еще держалось на воде, бросил якорь, и как только прекратили откачку, судно погрузилось. Но тут оно было уже в безопасности. И на чьей улице был теперь праздник? Ликовала и команда, которая прекрасно заработала, и судовладелец, наживший целое состояние.

Надо сказать, что у «Магдалены» бу́г был неудобный для прохода сквозь льды, — слишком отвесно поставлен; поэтому она не могла подыматься на льдины, и когда приходилось пробиваться вперед, она чересчур напрягалась. Но ведь не повернуть же назад, если

надо итти вперед, чтобы добраться до тюленьего лежбища!

Особенно тяжело приходилось у побережья Гренландии в Датском проливе, где залегал хохлач. Здесь лед был крепче и тяжелее, чем обычно встречаемый тюленепромышленниками. Другие капитаны предпочитали обходить районы с таким тяжелым льдом.

А Крефтинг не боялся, шел напрямик и добывал тюленя; но зато всякий год, когда возвращался домой с грузом, судно его текло, как решето. Ну, конечно, судовладелец ворчал слегка из-за того, что приходилось делать такой большой ремонт, но прибыль получал такую хорошую, что ни за какие деньги не расстался бы со своим отчаянным капитаном. И каждый год «Магдалену» капитально ремонтировали и укрепляли; теперь «она одно из самых прочных судов, какие ходят в Северном Ледовитом океане», — добавил Крефтинг.

Ну, да что и говорить, жизнь это борьба, и в Северном Ледовитом океане она такая же ожесточенная, как и у нас на родине! Затем Крефтинг стал декламировать свои любимые стихи из цикла юношеских стихов Брауна[1] о несчастной любви и скорби жизни. Потом мы чокнулись и Крефтинг запел:

Не люблю я, не люблю я
Целый день все пить да пить.
Но с веселыми друзьями
Так приятно покутить.

Мы засиделись до глубокой ночи и легли очень поздно.

---

[1] В. А. Детлеф фон-Браун, шведский поэт-сатирик (1813—1860). *Прим. перев.*

В первый день Пасхи (9 апреля; 74°2′ с. ш. и 13°30′ в. д.) утром все еще дул свежий бриз с северо-запада, но ярко светило солнце и было тринадцать градусов мороза.

Пренеприятно чувствуешь себя на таком ветру. Но особенно сильных холодов за весь наш рейс не было; самая низкая температура отмечена, пожалуй, в ночь на 1 апреля —18° Ц. Но в Северном Ледовитом океане становишься как-то особенно чувствительным к холоду, вероятно потому, что на палубе всегда ветрено и воздух влажный. Если подымешься наверх одетым, как обычно одеваешься на суше, то холод пронижет тебя насквозь, словно ты вышел голым.

Да, Крефтинг был прав. Увидев меня на палубе легко одетым, он обычно говорил: «Бросьте вы это ухарство и не морозьте себя, вы же весь посинели... Все эти фокусы сухопутных крыс ни к чему в Северном Ледовитом океане!»

В Норвегии его как-то спросили: очень ли холодно в Северном Ледовитом океане? И когда он ответил, что бывает 10—15° мороза, то одна из таких сухопутных крыс нашла, что это пустяки, и заявила, что у них в Кристиании морозы, по крайней мере, вдвое сильнее.

— Да, по вашему сухопутному градуснику, — ответил Крефтинг, — но имейте в виду, что в Северном Ледовитом океане каждый градус мороза, по меньшей мере, раза в четыре крепче.

Но вот лед разошелся, и можно, наконец, опять поднять паруса. Все охотно принялись за эту работу. Сначала поставили нижние паруса — грот и фок, затем взлетели стакселя; подняли и бизань. А потом надо

было поднять марсель с патентованными рифами. Тринадцать человек, стоя в ряд и ухватившись за большой марса-фал, тянули, мерно притопывая ногами в лад веселой песенке:

И в первой паре танцовать
Пошла девица Хансен.
Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла, охой!

К полудню свежий бриз несколько ослабел, и нам пришлось добавить парусов.

Я бросился наверх вместе с матросами ставить брамселя, выбирать шкоты и брасы. На палубе большое оживление и веселье. Судно быстро вооружилось, и мы выбрались из льдов.

Но тут опять встал неизменный вопрос: куда итти? На юго-запад или на северо-запад? Сначала, во всяком случае, на юг, а через час, может быть, примем новое решение.

Сегодня, наконец, произвели наблюдения широты и долготы. В последние дни погода стояла пасмурная, так что мы не могли взять высоту солнца. Но раз мы все время не двигались с места, то вряд ли нас отнесло далеко на восток, — так, по крайней мере, нам казалось. Капитан тоже думал, что мы находимся на 10 или 11° в. д., так как мы долго дрейфовали вместе со льдом. Но каков же был наш ужас, когда вычисленная долгота показала 13½° в. д. Выходит, что лед дрейфовал с бешеной скоростью. Это же неслыханная вещь — лед на таких долготах! Мы ведь в самом Гольфстриме! В данный момент мы находились на 74°2′ с. ш., в каких-нибудь 90 милях от Медвежьего острова.

Вода здесь тоже совсем теплая; на поверхности +1,5° Ц, а это поразительно высокая температура при наличии такой массы льда. Он тянется здесь то огромными сплошными полями, то узкими косами, разделенными пространствами чистой воды.

Уже по наружному виду льда заметно, что вода теплая: края льдин округлены, много полыней, как будто промытых теплой водой.

Среди несколько более тяжелых торосистых льдов вода на поверхности, конечно, холоднее, но температура все же держится около +1° Ц.

На этом торосистом льду мы увидели щенка хохлача, единственный экземпляр, который мы нашли в этой области!

Затем мы обнаружили во льдах, в нескольких милях от кромки, два промысловых судна с убранными парусами.

Что там делают суда с убранными парусами? Уж не бьют ли тюленей?

Во всяком случае стоило поговорить с ними, и мы взяли курс во льды. Натолкнулись на тяжелый пак — настоящий лед, на каком можно ожидать залежки тюленей. Мы еще ни разу не встречали такого.

От теплой воды ледяные торосы принимают здесь совершенно фантастические формы. Перед вами то глубокие ультрамариновые ледяные гроты со столбами и похожими на сталактиты сосульками на сводах, то ледяные грибы на тонких ножках с массивными шляпками, то плоские льдины, все в круглых дырах-промоинах, и т. п.

Чем дальше мы углубляемся во льды, тем они становятся сплоченнее и тяжелее. Прорвавшись сквозь

пак, мы снова попадаем в вязкий бухтоватый лед, в котором итти еще труднее. Среди всех этих льдов температура воды понизилась до —1,5° Ц.

Что это за суда? Повидимому, «Магдалена» и «Язон». Они обращены к нам кормой, так что их трудно узнать; но наше предположение оказалось правильным. Глаз моряка-полярника наметан распознавать суда; стоит ему увидать хоть часть оснастки, он узнает судно. Учитывается и труба — помещается ли она ближе к гроту или посредине между мачтами, окрашена ли в черный или же в желтый цвет; служат приметами и двойные марса-реи, и высота носа и кормы над водой, и пр. и пр.

Вскоре после полуночи мы оказываемся уже вблизи судов и на остаток ночи ложимся в дрейф.

Здесь полыньи покрупнее, и температура воды в них заметно выше. На поверхности она доходит почти до 0° Ц.

Отличная, ясная погода. Ночь такая светлая, что ясно различаются корпуса, оснастка и даже ванты других судов, хотя они все-таки довольно далеко от нас. Число звезд на небе все убывало, и теперь их совсем мало осталось на небе. Небо красиво рдеет на северном горизонте.

На другое утро (10 апреля, прибл. 73°14′ с. ш. и 13°24′ в. д.; температура воздуха —7° Ц, ветер с NW) к нам пришли капитаны Стоккен с «Магдалены» и Якобсен с «Язона». Они затерты здесь льдами еще в последних числах марта. Лед начал расходиться только со вчерашнего дня. «Харальд Хорфагер» с капитаном Грёнволом затерт льдами, вероятно, милях в двенадцати дальше к северу, где они

покинули его перед тем, как их самих затерло. Там же, очевидно, застрял и «Полярный медведь». Веселенькое положение! Стало быть, еще двенадцать судов не нашли лежбища.

Стоккен думает, что оно расположено к юго-востоку. Новое дело! Однако, может быть, такое предположение небезосновательно, так как здесь лед самый подходящий для залежки. Вдобавок Якобсен и Стоккен уверяют, что 3 апреля видели в том направлении пароходный дымок.

В конце марта они повстречались около 0° д. с английским промысловым судном «Полынья»; затем они шли на север до 74 с. ш., видели тюленей и медведей, направлявшихся к северу и северо-востоку. Но Стоккен недоверчиво отнесся к этим приметам: они его столько раз обманывали![1]

Англичанин уверял, что лежбище надо искать на 72° с. ш. и 2° з. д., и когда «Магдалена» с «Язоном» покидали его, он намеревался во что бы то ни стало пройти туда. На 74° с. ш. и 0° д. они натолкнулись на лед, названный ими «полярным»; это были глыбы голубого льда огромной величины и высотой с кают-ный стол, с острыми краями, не знавшими морской волны.

Все говорят, что такого странного ледового года никто не запомнит. Впрочем, Свен Фойн говорил, что однажды он нашел детную залежку, местонахождение

---

[1] Основываясь на более поздних сведениях, можно признать вполне вероятным, что виденные ими тюлени действительно направлялись к детной залежке, которая была расположена где-то к северу. *Прим. автора.*

которой было ближе к Норвегии, чем к какой-либо другой стране.[1]

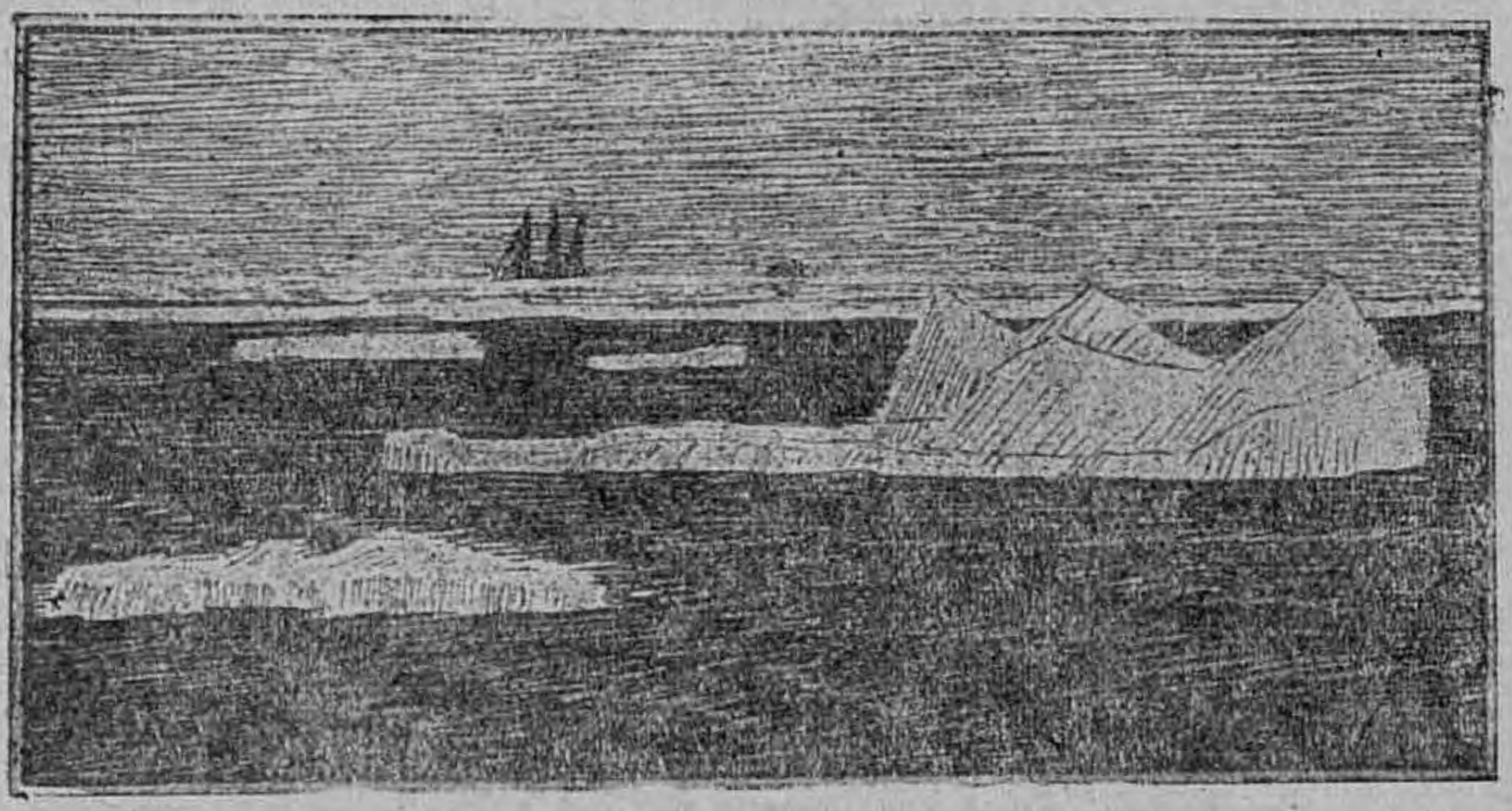
Якобсен сказал, что во время шторма 20 и 21 марта он на «Язоне» вышел из области льдов, не решаясь забираться вглубь их. По его словам, он никогда еще не попадал в такую плохую погоду. Ледяной вал ударил в бок судна и сорвал четыре планки ледовой обшивки. Приходится удивляться, как это другие суда не попали в такой же шторм, как «Язон» и мы. Должно быть, они зашли поглубже во льды. Но зато все рассказывают о шторме, разыгравшемся 12 марта.

Когда мы утром лежали в дрейфе, я хотел измерить температуру воды глубоководным термометром, но нас с такой силой несло к востоку, что моя попытка окончилась неудачей. Только после того, как я повесил очень тяжелое грузило, линь лег в воде наискось, и грузило достигло глубины примерно 40 метров; температура там была +1,9° Ц. На поверхности моря температура такая же. Повидимому, мы с большой скоростью дрейфуем к востоку.

И вот мы, все три судна рядком, взяли курс на юго-восток, чтобы выйти из льдов. Чем дальше мы шли, тем разреженнее становился лед. Он представляет теперь более или менее широкие поля, перемежающиеся крупными торосами. Я видел торос, который, по-моему, поднимался из воды метров на 6—7. Самыми причудливыми формами отличались льдины и

---

[1] Здесь, должно быть, имеется в виду 1858 год, когда детная залежка находилась на 71°20′ с. ш. и 7°49′ в. д. (3 апреля), а затем отнесена была к югу до 70°41′ с. ш. (9 апреля). В том году Свен Фойн на барке «Элиазар» за 5 дней добыл 16 400 тюленей. *Прим. автора.*



Марево. (Набросок 10 апреля 1882 года.)

торосы, дрейфовавшие в одиночку; они давали богатый материал для зарисовок.

Утром мы были свидетелями очень яркого марева, вызванного, повидимому, разницей температуры воздуха и поверхности воды в этой области. Льдины на горизонте словно парили в воздухе, и «Язон», казалось, плывет по чистой воде, отражаясь в ней.

Марево держалось целый день. Погода была пасмурная, горизонт со всех сторон обложен тучами.

Это марево, видимо, такого же происхождения, как мираж в пустыне; оно возникает вследствие того, что воздух нагревается от поверхности воды, и тонкий слой его, соприкасающийся с водой, имеет более высокую температуру, чем покрывающий слой.

В этот день температура воздуха колебалась между —7,1° и —5,6° Ц, между тем как температура воды на поверхности была в 9 часов утра +1,9° Ц, в 6 часов вечера +4,5° Ц. и в 8 часов вечера +2° Ц.

Дул умеренный северо-западный ветер.

Предметы, более или менее возвышающиеся над поверхностью, как то: высокие торосы и корабельная оснастка, переходят за линию подстилающего тонкого воздушного слоя в более холодный покрывающий слой и видны со шканцев «Викинга» непосредственно сквозь этот слой без преломления световых лучей. Наоборот, световые лучи, идущие от более низких предметов, как, например, от морской поверхности у горизонта и от плоских льдин, проходят сначала через более теплый воздушный слой, а затем наискось через более холодные, и поэтому преломляются и отбрасываются кверху, прежде чем дойти до глаз человека, наблюдающего со шканцев «Викинга». В силу этого горизонт как бы опускается, и создается впечатление, что между горизонтом и более высоким торосом или корабельной оснасткой находится воздух или чистая вода. А в этой мнимой воде можно одновременно видеть своего рода марево более высоких предметов, так как идущие от них лучи падают наискось на более теплый слой воздуха, но на границе между ним и находящимся выше более холодным воздухом эти лучи целиком попадают в глаз наблюдателя, и он видит воздушное отражение предметов.

Около полудня мы обнаружили на льду хохлачей, и, наконец, сегодня был убит первый тюлень. Это был щенок (т. е. детеныш) хохлача. Какой он лежал хорошенький на снегу — толстенький, кругленький, в серо-белой шубке, еще не обагренной кровью.

Была спущена шлюпка. Все приняли участие в охоте, всем хотелось чем-нибудь проявить себя, и маленький датчанин, сидевший с нами в шлюпке, выскочил на льдину, подхватил убитого тюленя за зад-

ние ласты и излил свой восторг громогласным «ура». Это был первый тюлень, которого он видел на своем веку.

Зверя подняли на борт, и вот тут-то началась массовая учеба всех «пайщиков», то есть новичков, не нюхавших раньше Северного Ледовитого океана, вроде нижеподписавшегося. Они ведь должны были научиться свежевать или разделывать шкуру, так как, когда мы подойдем к залежке и начнется настоящая побойка, всем придется принять участие в работе. Кое-кто из парней взялся было за нож, но сразу же обнаружил полную неумелость.

Разделка тюленя по правилам, принятым у настоящих зверобоев, — дело нескольких минут. Слой подкожного жира при свежевании снимается вместе со шкурой; для этого надо вводить нож между жиром и мясом, и так как тюлень похож на толстую колбасу, то делается это быстро. Зверь кладется на спину, и затем делают ножом сквозной разрез во всю длину, захватывая кожу и сало туши от морды до конца хвоста. После этого надрезают кожу вокруг головы; затем делают несколько продольных разрезов с обоих боков туши, запуская нож далее между ребрами и лопатками, тоже с обеих сторон, так что лопатки с сидящими на них передними ластами остаются со шкурой. Еще несколько быстрых надрезов на шкуре вокруг задних ластов, и при последнем надрезе шкура вместе с салом снимается с туши, а самая туша отбрасывается.

Затем в мясе одной из лопаток прорезают ножом дыру, ухватив за край которой подымают лопатку и, выворачивая шкуру наизнанку, сдергивают ее с на-

ружной части ласта; еще несколько надрезов вокруг ластов совсем отделяет шкуру, мясо ласта проскальзывает в дыры и выбрасывается. То же делают и с другою лопаткой и задними ластами; обдирка кончена, и шкуру переносят в бот и увозят на корабль.

Вскоре нам удалось уложить еще несколько хохлачей: четырех щенков, двух самцов с колпаком на голове и самку, у которой в грудных железах было молоко. У детенышей еще не отвалилась пуповинка, так что им вряд ли было больше недели от роду.

Два зарисованных мною хохлача равнялись в длину 1,10 и 1,12 метра. Один взрослый самец достигал в длину от хвоста до подбородка 2,14 метра.

Температура крови этих тюленей 36,8° Ц (без поправки),[1] то есть почти такая же, как у человека. Несколько позже (17 апреля) мне опять представился случай измерить температуру у только что застреленного самца-хохлача; у него температура равнялась 37,39° Ц (без поправки), т. е. была, следовательно, несколько выше.

Вечером мы очутились у кромки льдов, и так как нам казалось бесцельным продолжать дальнейший путь на северо-восток, — мы взяли курс вдоль кромки на юго-запад.

11 апреля (набл. 72°14′ с. ш. и 9°45′ в. д.; темп. —5° Ц, ветер с NNW). Мы все еще держимся юго-западного курса вдоль кромки льда; несколько раз пытались войти во льды, но лед слишком сплоченный.

---

[1] К сожалению, мне не удалось проверить термометра; но он был, должно быть, хорошего качества, так как взят был из Зоотомического института Кристианийского университета. *Прим. автора.*

Наконец мы зашли так далеко на юго-запад, что не было больше никакой надежды на добычу, да и кромка льда, как нам казалось, продолжалась в том же направлении.

Капитан начинал сомневаться: стоит ли вообще держаться здесь и тратить время и уголь на поиски детной залежки? Там, вероятно, уже давно «сняли жатву» другие суда.

С другой стороны, было бы нелепо повернуть сейчас к Гренландии за хохлачами, так и не узнав, найдена ли детная залежка, или нет.

Крефтинг решает пойти под парусом назад к востоку; необходимо во что бы то ни стало экономить уголь.

Этот уголь составляет предмет вечных забот. Дело в том, что судно забирает с собой определенное количество угля, которого должно хватить на весь рейс. Его нельзя расходовать непроизводительно, и необходимо, напротив, экономить, где только можно, чтобы иметь достаточный запас к тому моменту, когда судно дойдет до лежбища. Но если быстрый ход судна может принести выгоду в каком-либо отношении, то угля, конечно, не жалеют.

Вечером мы убили самца-хохлача. Длина его от носа до конца хвоста — 2,39 метра. Это был действительно крупный зверь. В его животе я нашел, между прочим, кости какой-то большой рыбы. Я не мог определить ее вида, но она, во всяком случае, свидетельствовала о том, что здесь в море водится рыба.

Несколько дней мы крейсировали вдоль кромки к востоку и к северу при северо-западном и северном ветре.

12 апреля (набл. 71°28′ с. ш. и 10°0′ в. д.; температура воздуха —5° Ц, воды —0,1° Ц; ветер NW) мы увидели, что «Магдалена» взяла курс из льдов на юго-запад. Стоккену, видимо, надоела эта «игра в жмурки», и он отправился на охоту за хохлачами. Крефтинг колеблется — не последовать ли его примеру, но продолжает держать прежний курс. Мы зашли далеко на юг — до 71°28′ с. ш., и так как в этом направлении нет надежды найти какую-нибудь добычу, мы снова поворачиваем на север.

По температуре воды я замечаю, что мы вновь подходим к Гольфстриму. 13 апреля (набл. 72°11′ с. ш. и 9°19′ в. д.; темп. —6° Ц; свежий ветер с NNW); температура воды на поверхности +2,4° Ц, а в 6 часов того же дня +3° Ц. И по внешнему виду льда можно догадаться, что вода потеплела: льдины стали такие округленные и рыхлые по краям.

Мы встречаем много крупных ледяных глыб; одна такая возвышалась метров на 10 над поверхностью воды, — так, по крайней мере, мы с капитаном определили.[1] Она имела четырехугольную форму, голубоватую и даже беловатую окраску. Таких больших глыб я еще не видал в своей жизни.

---

[1] Такая высота, пожалуй, несколько преувеличена — метра на два, так как встреченная нами глыба состояла из морского льда. Обломки глетчерного льда могут быть выше, но вряд ли в данной области Северного Ледовитого океана могут попадаться обломки ледяных гор со Шпицбергена или с Земли Франца-Иосифа. Интересно отметить, что в моем дневнике попавшаяся нам глыба названа «четырехугольной», между тем как крупные глыбы (торосы) имеют более неправильную форму; но когда они опрокидываются, то оказывается, что нижняя сторона их имеет более компактную и более правильную форму. *Прим. автора.*

Показались промысловые суда: «Язон» и, повидимому, «Харальд». Наш капитан все еще в нерешительности относительно плана дальнейших действий. Да стоит ли тратить время на поиски этих детенышей? Не лучше ли повернуть на запад, к Датскому проливу, и там поохотиться на хохлача?

14 апреля (—9° Ц, сильный норд-норд-ост, переходящий в норд-норд-вест) мы увидели у себя с подветреной стороны три судна, у самой кромки, в северо-восточном направлении. Мы лавируем на сближение с судами и видим еще несколько. Первым встречаем «Харальда Хорфагера»;[1] капитан Грёнвол приходит к нам, и от него мы узнаем ошеломляющее известие: ни одно промысловое судно не обнаружило лежбища. Вот только про «Капеллу» нельзя сказать ничего определенного; из всех судов он не видал только ее. Выше к северу нам повстречались «Хордроде» и «Новая Земля» и т. д. и т. д., а остальные лежат в дрейфе здесь на юге.

Затем к нам идет навстречу англичанин «Ян-Майен», который течет, как решето; им приходится круглые сутки откачивать воду, и она замерзает на палубе и длинными сосульками свешивается с бортов. Жуткая картина!

Капитан «Ян-Майена» приходит к нам, а также капитан Дешар с германца «Ян-Майена», тоже подошедшего к нам. Он также шотландец и старый приятель Крефтинга, они уже не раз встречались в Ледовитом океане.

---

[1] Это судно было впоследствии приобретено русской Академией наук и под названием «Заря» совершило плавание к Новосибирским островам под начальством Э. Толля. *Прим. ред.*

В кают-компании происходит большое совещание. Где находятся все «англичане» (т. е. шотландцы), уже выяснилось. Дольше всех не попадалась на глаза «Полынья» — с 31 марта; но ее, должно быть, крепко затерло во льдах на западе, так как когда «Язон» был вместе с ней, она намеревалась дойти до 72° с. ш. и 2° з. д. Местонахождение большинства «норвежцев» нам тоже известно. Как сказано выше, можно опасаться только одной «Капеллы».

Приятные новости! Теперь мы можем со свежими силами отправиться на поиски лежбища. Уж наверняка оно притаилось где-то в глубине ледяных полей, так как мы прошли на север и на юг вдоль ледяной кромки, не найдя ни малейшего намека на него. Где бы оно ни было, мы должны прорваться к нему. Придется опять итти на север; посмотрим, не там ли оно.

РАЗГАДКА

15 АПРЕЛЯ (—6° Ц, ветер NNO) мы прошли уже так далеко на север, что могли сделать попытку войти во льды, тянувшиеся к западу. Добыли хохлача и первого «крылана».[1] Крупные стада «старого тюленя», которого промышляют после побойки детенышей, состоят, по большей части, из взрослых самцов с черной головой и черным «седлом» на спине.

В воде целые стада тюленей. К вечеру лед становится более сплоченным, и между льдинами по-

---

[1] Так русские тюленепромышленники обычно называют самца гренландского тюленя, достигшего половой зрелости. *Прим. перев.*

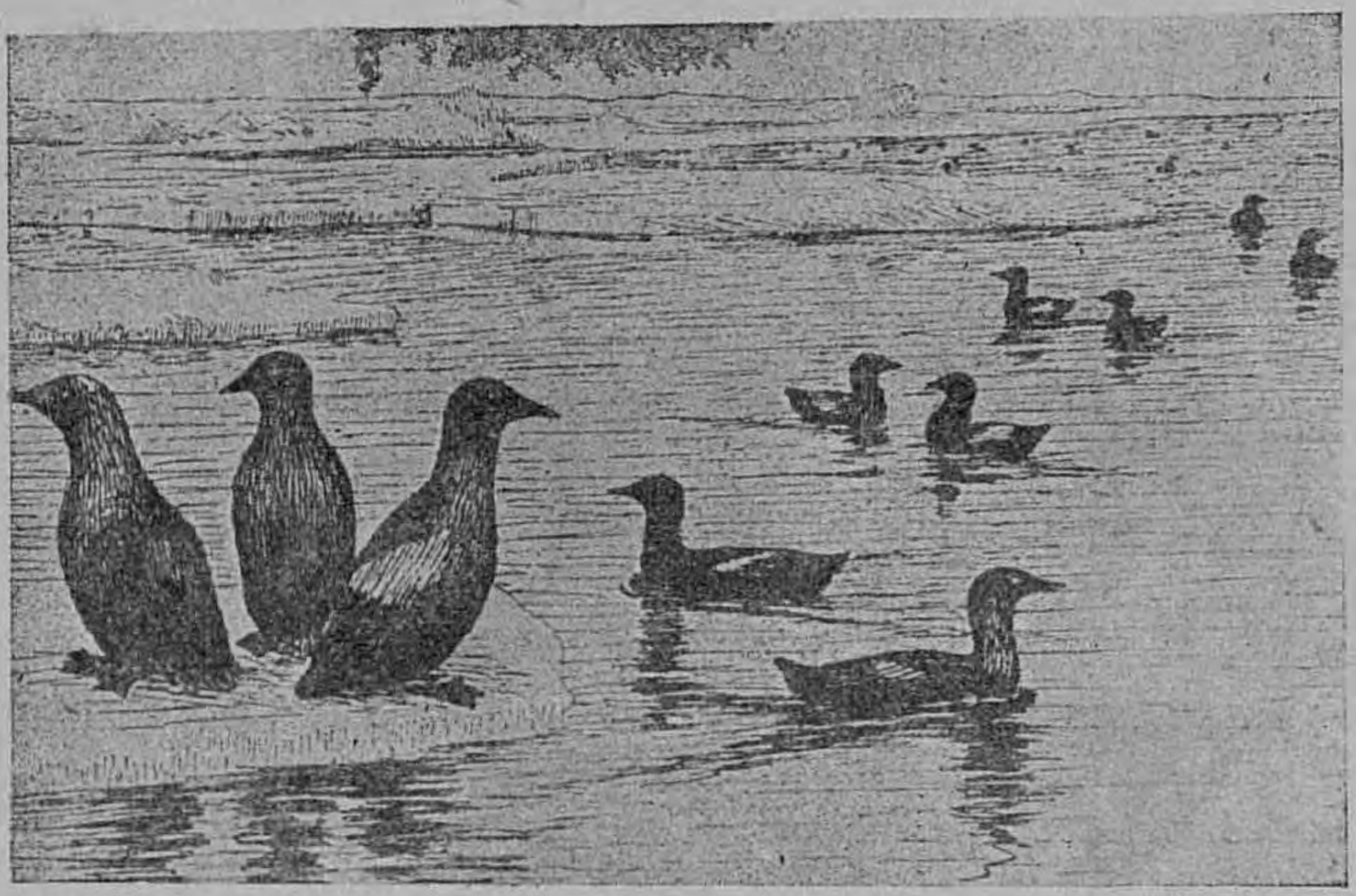
является много нового бухтового льда, затрудняющего ход судна. Лед быстро смерзается. В конце концов, мы не могли продвигаться дальше.

Стоит ясная погода, и как красив закат! В такую погоду особенно удобно высматривать тюленей. Когда солнце скрывается за ледяной кромкой и северо-западное небо загорается красноватым золотом, тогда воздух всего прозрачнее, горизонт особенно отчетлив. Тогда-то подзорная труба в бочке начинает прилежно осматривать льды в надежде обнаружить вдали судно или дымок или, что всего приятнее, тюленя. Но наши поиски были безрезультатны, и мы пролежали в дрейфе всю ночь.

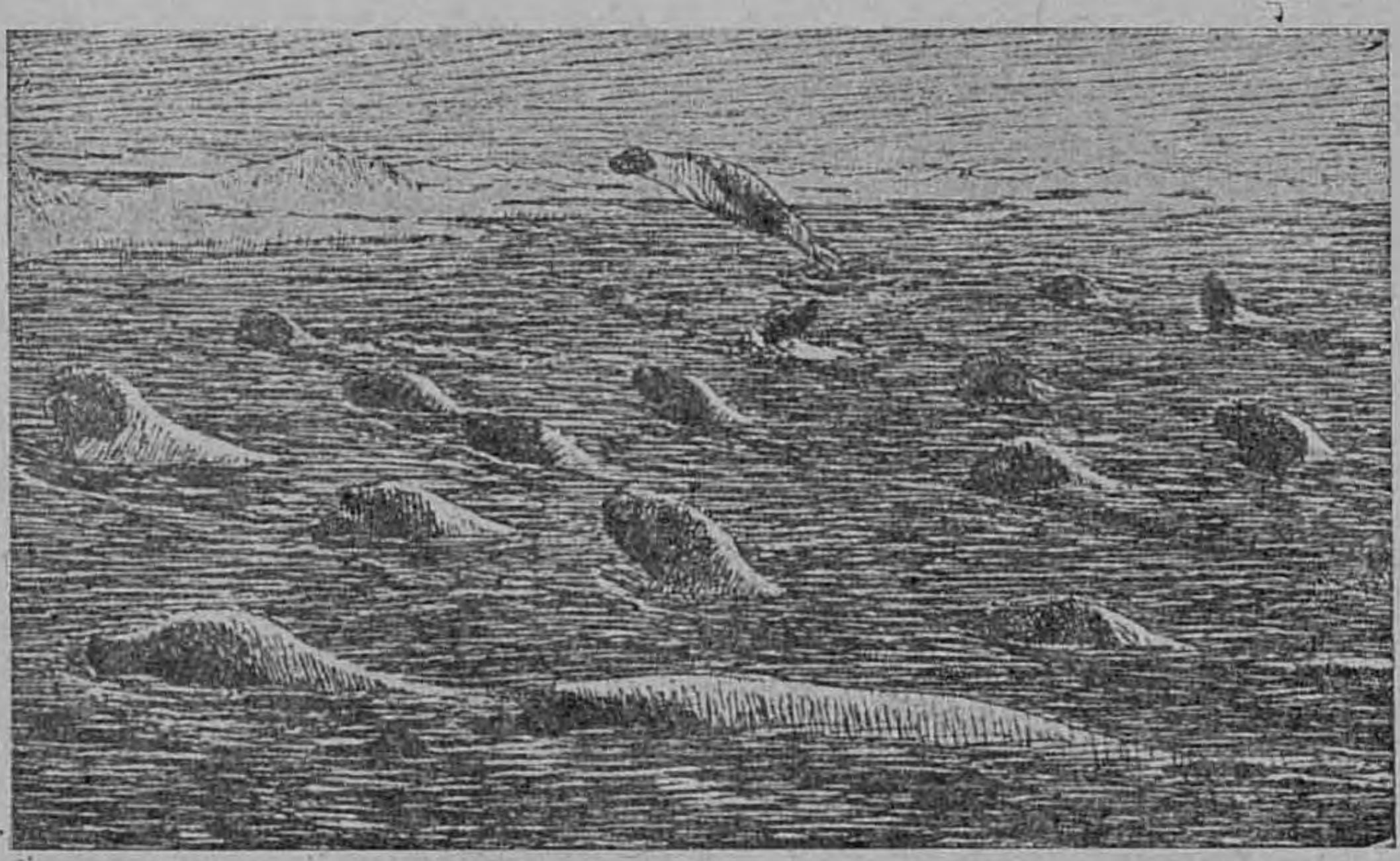
На другой день утром (16 апреля, набл. 72°45′ с. ш. и 10° в. д.; темп. —6° Ц; ветер NNW) я бродил по льду, охотясь на чаек, преимущественно полярных; застрелил одну в красивом юношеском оперении с черными крапинами.

На льду мы нашли кусок плавника. «Похоже, какой-то вид сосны принесен сюда Гольфстримом из Америки»— подумал я. Но затем сообразил, что это дерево, как и вообще плавник, прибиваемый к гренландским берегам, принесено дрейфующими льдами из Сибири.

Вот этот плавник, пожалуй, сильнее всего убедил меня в факте постоянного дрейфа льда в Северном Ледовитом океане; дрейф этот начинается в море, находящемся к северу от Сибири, и продолжается здесь с Восточногренландским полярным течением. Затем я решил, что такой дрейф льдов может быть использован для экспедиции в этот неведомый Северный Ледовитый океан.



Чистики



Ход гренландского тюленя

К вечеру мы снова вышли из льдов и направились под парусами сквозь рыхлый лед к северо-востоку, чтобы попытаться затем проникнуть дальше на север и войти во льды западнее. Наши многократные попытки, однако, потерпели неудачу — лед оказался все-таки слишком сплоченным.

Сегодня снова был ясный закат, но тюленей не видать.

Теперь здесь наступили белые ночи. Солнце заходит после девяти часов вечера, и в то время как оно продолжает свой круг за каймою льдов, небо северного горизонта превращается в море световых красок. То на нем отблески льда, то глубокой синевою отражаются участки чистой воды, то оно рдеет заревом пылающего за горизонтом солнца, то золотится в тех местах, где пурпур сливается с отблеском снега. Кое-где низко нависли пурпурные облака с желтыми краями. А повыше — блекло-зеленый цвет переходит в блеклую лазурь эфира.

Вокруг нас по темной воде дрейфуют белые льдины. Как разнообразны вблизи их формы и цвета! Под водой льдины отливают зеленоватыми оттенками, по краям и в трещинах — голубыми, в углублениях в подводной поверхности торосов, размытой волнами, мерцают ультрамарином.

Как нереальны, как нежны и прозрачны все эти краски!

А дальше — необъятная белая ширь дрейфующих льдов и за ее пределами необъятная темная гладь моря.

Одинокая полярная чайка легкими взмахами крыльев рассекает светлый воздушный простор; вдали

реет чайка-бургомистр, слышатся протяжные печальные звуки, напоминающие флейту. Большая черная голова бесшумно покачивается на блестящей поверхности воды; выпучив круглые глаза, она смотрит на судно, подымает нос кверху и так же бесшумно исчезает в море.

Великий простор пустыни. Все созданное человеческими руками теряется здесь, исчезает, как дымок парохода.

17 апреля утром (набл. 73°25′ с. ш. и 11°20′ в. д.; темп. —6° Ц; ветер NNW) из бочки сообщили о появлении стада крыланов на льду; на судне оживление. Все усердно готовятся к «хозу». Хоз — это посылка людей на побойку зверя. Люди правят свои разделочные ножи, осматривают винтовки, чистят их, сортируют патроны.

Но на этот раз дело ограничилось одними приготовлениями.

Сегодня я впервые увидел стадо тюленей на льду. Они так скучились, что издали казались сплошной темной массой, напоминавшей оголенную от снега почву. Но, подойдя поближе, начинаешь различать отдельных тюленей; они подымают голову и, взглянув на человека, один за другим, а то и целой компанией скатываются в воду; очень скоро на льду не остается ни одного.

После этого нам то-и-дело стали попадаться тюленьи косяки на воде. Море словно ожило. Тюленьи головы высовывались из воды перед самым форштевнем. Некоторое время звери плыли впереди судна, кувыркались, глазели на нас, потом, как по команде, все сразу ныряли в воду. Море кишело тюленями, косяк за косяком гребли к северу.

Вскоре мы увидели на льду другое стадо, такое же скученное, как первое. Похоже было, что между белыми льдинами всплыл плоский длинный черный остров. Капитан пальнул в стадо разок с дистанции в 500 метров, и все звери мигом скатились в воду.

Встретились мы также с промысловыми судами: «Харальдом», «Гейзером», «Утром» и др.; с некоторых люди ушли уже в «хоз». Тюленей здесь было довольно много, но на них уже с разных сторон целились ловцы. Мы и пошли дальше на север, не удостаивая вниманием этих тюленей, — и без нас здесь ловцов более чем достаточно.

Застрелив несколько хохлачей, попавшихся нам на пути, мы увидели на некотором расстоянии впереди судна новое стадо «крыланов». «Гейзер» заметил их раньше нас и пыхтел изо всех сил, подбираясь к ним.

Мы развили полный ход — ну, теперь кто придет первым? «Гейзер» ближе к стаду, и лед на его пути более легкий; зато у нас более мощная машина.

Вот с бака уже видно тюленье стадо, черной каймою тянется на льду; льдины по обе стороны разводья усеяны черными точками. Два стрелка собираются спуститься на лед. Настроение напряженное.

Вот мы начинаем понемножку нагонять «Гейзер». В дозорной бочке «Гейзера» низенький капитан Иверсен; он вытягивает шею над ее краем. Слышна его громкая команда: «Право руля! Так держать! Еще право руля!»

Он горячится все больше и больше, карабкается по стенке бочки, чтобы стать выше; вот он становится на кнехты по бокам, на самый край бочки и

орет, показывая рулевым направление. Парень с темпераментом и матерый зверобой.

Но все-таки мы проскальзываем мимо него и, наконец, подходим так близко к стаду, что вынуждены застопорить.

Два охотника спускаются на лед. Они осторожно подкрадываются, прячась за торосами и буграми. А на баке у нас уже целое сборище — всех интересует, как пойдет охота. Громко разговаривать нельзя, шутят шопотом.

Наши охотники мало-помалу приближаются к добыче. Тюлени встревожились. Черные кляксы стали исчезать с льдин одна за другой.

Осталось не больше пятка тюленей; они безмятежно лежат на льду. Один из них по временам приподымает голову; видимо, он не совсем спокоен. Должно быть, это сторожевой тюлень.

Но вот охотники останавливаются, так как дальше уже нет никаких прикрытий. Приходится стрелять, хотя тюлени и далеко. Охотники подымают винтовки, мы впиваемся глазами в тюленей. Выстрел — и вся пятерка плюхается в воду.

Идем на сближение с «Гейзером», который не стал охотиться и лег в дрейф. Капитан Оле Иверсен пришел к нам, но не сообщил ничего нового. После того как мы 1 апреля простились с «Гейзером» и другими судами, он лежал затертый льдами почти неделю, и за это время его отнесло дрейфом от 6° в. д. и 75° с. ш. до 12° в. д. и 75°25′ с. ш. Когда, наконец, лед внутренней стороны кромки разошелся, судну удалось вырваться на чистую воду. Капитан видел, что другие промысловые суда освободились из льдов

раньше; наверное, они уже обыскали все льдины дальше к северу.

Становится все более и более очевидным, что другие суда промышляют тюленей. Мы взяли курс к северу, чтобы отыскать конкурентов. «Гейзер» следует нашему примеру, но вскоре отстает.

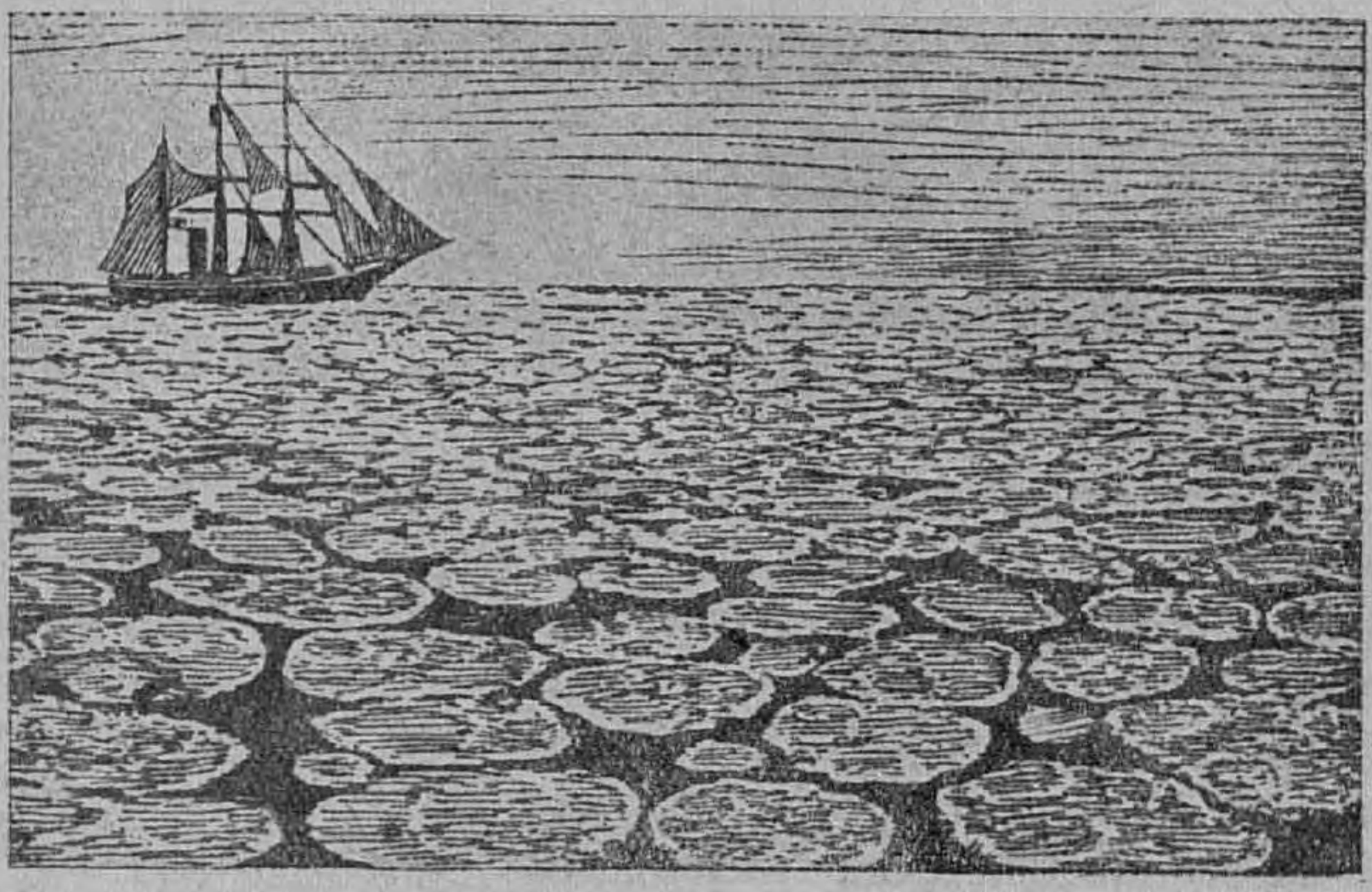
18 апреля (темп. —9° Ц; бриз с NW). Мы дошли до того места, где, по нашему предположению, должна находиться Северная бухта или Залив бухтового льда. Около полудня мы были, по нашим расчетам, примерно на 73°50′ с. ш. и 10°10′ в. д.

Мы вошли глубже в голубой «бухтовый» и «блинчатый» лед и проникли настолько далеко, что увидели затертого льдами «Хордроде», который делал попытки высвободиться. Это судно легко опознать издалека по высоко поднятому носу и торчащему кверху бугшприту.

Можно себе представить, как бушевал старик Кастберг; он отправил людей на лед прорубать канал. Значит, и он не добрался до лежбища. Ну, стало быть, и нам тут делать нечего. Поэтому мы снова повернули на юг.

Какие здесь резкие колебания температуры! В 8 часов вечера температура воды, довольно свободной от льда, равнялась +2,9° Ц, это настоящая «гольфстримная температура» в этих широтах. Температура воздуха в то же время —8° Ц. А в 10 часов вечера в нескольких милях к юго-западу мы увидали только что замерзший бухтовый лед, и температура воды понизилась до —1,6° Ц.

На другой день (19 апреля; 73°44′ с. ш. и 11° в. д.; темп. —8° Ц; бриз с S и W) в виду у нас:



Блинчатый лед. (Набросок 18 апреля 1882 года.)

«Утро» и германец «Ян-Майен». Около полудня «Ян-Майен» приблизился к нам, и мы с Крефтингом отправились на судно, где и пробыли до вечера.

Разговор вертелся, разумеется, вокруг детной залежки: стоит ли тратить время и топливо на дальнейшие поиски?

Возникало много сомнений. Ведь уже вторая половина апреля! Ну, а что, если другие суда уже бьют тюленей там дальше на севере?

Было решено держаться прежнего курса на юго-запад вдоль кромки льдов и там выбрать по возможности более удобное место для прохода сквозь льды к северу.

Капитан Дешар рассказывал о пребывании в Дэвисовом проливе и в Баффиновом заливе, о китобойном промысле, о лове семги неводом, об охоте

на гагарок и уток, о льдах и о понесенных убытках.

Потом мы беседовали о клюворыле и о китобойном промысле во льдах у восточного побережья Гренландии, и о норвежском судне «Мельник», которое в этом году намеревалось в виде опыта бить китов гарпунной пушкой.

Множество гренландских китов водилось раньше между Шпицбергеном и Гренландией и у Ян-Майена, а теперь их здесь очень мало; они держатся большей частью на чистой воде у восточного побережья Гренландии, с внутренней стороны кромки дрейфующих льдов. И заходит раз в год в июне туда лишь несколько шотландских китобойных судов после побойки тюленей.

В прошлом году одно судно, — кажется, это была «Надежда», — две недели пробивалось сквозь льды, добираясь до разводий под берегом. Правда, ему удалось зато добыть двух китов.

«Чего-чего только не случается во время охоты за крупным китом на небольших вельботах, — рассказывал Дешар. — Гарпунщик получает первую премию за то, что попадет в кита гарпуном из пушки; а затем еще премии за каждый гарпун, всаженный вручную после первого гарпуна. Поэтому, прежде чем выстрелить, гарпунщик старается возможно ближе подплыть к киту.

«Однажды огромный кит спал в море среди небольших рассеянных льдин. Как уже сказано, такие киты обычно держатся в мелкобитом льду и редко отплывают далеко от наружной кромки. Китобои осторожно подплыли к нему, стараясь грести бес-

шумно и тщательно избегая столкновения с льдинами.

«Вельбот неслышно скользил вперед, гарпунщик стоял на носу с пушкой, держа палец на спуске.

«— Подгребай! — Лодка быстро подходила все ближе и ближе к киту. Чудовищная туша мяса лежала неподвижно, словно огромный обломок скалы в море.

«Вот они подошли чуть не вплотную к киту; люди сидят, затаив дыхание, но гарпунщик все еще медлит, держа палец на спуске. В другой руке у него ручной гарпун.

«Затем вельбот ткнулся в бок кита, пушка выстрелила, гарпун вонзился в могучую спину, а вслед за ним ручной гарпун впился в тушу кита.

«Огромная спина горбится, мощный хвост подымается и падает в воду с таким страшным плеском, что людей окатывает фонтаном брызг; одним плавником кит задел вельбот и поломал фальшборт. Затем кит ныряет в воду, а гарпунный линь засвистал, сматываясь.

«— На другой борт, ребята! — кричит гарпунщик, следя за линем.

«Люди бросаются к другому борту вельбота, и поврежденная часть его выше подымается над водой.

«Гарпунщик травит линь с битенга, вельбот летит вперед и ударяется о льдину.

«Гарпунщик выскакивает на лед, а гребцы баграми подтягивают вельбот к льдине. Гарпунщик продолжает травить линь до тех пор, пока кит не изнемогает от внутренних ран, причиненных разрывом гранаты, и подоспевшая на помощь шлюпка не приканчивает зверя.

«Кита убивают длинными копьями, причем стараются поразить его в сердце и легкие. Картина смерти такого гиганта, сотканного из мускулов и нервов, представляет потрясающее зрелище. Когда смертельный удар поражает легкие и смерть уже близка, кит начинает выкидывать из ноздрей фонтаном кровь, так что море и лед вокруг него багровеют от крови. Во время отчаянной агонии могучий хвост кита хлещет по воде, взбивая ее в кровавую пену. Потом взмахи хвоста слабеют, и могучий гигант кончает свое существование».

Вот о каких переживаниях китобоев рассказывал нам Дешар, и в сравнении с этим наша охота казалась нам такою ничтожною и безобидною; на некоторое время мы забыли и думать о детной залежке и всех наших огорчениях.

Время шло, мы и не заметили, как наступил вечер. Пора было вернуться на «Викинг».

Когда мы уже собрались отправиться спать, мы услышали, что машина вдруг застопорила.

— Это еще что? — проговорил капитан. — Должно быть, медведь.

Я выскочил на палубу и, узнав, что замечен белек, кинулся в шлюпку, которую как раз спускали на воду.

Завидев детеныша, мы стали грести к льдине. Это был первый белек, какого я видел. Что за прелестное существо! Он лежал в своей белоснежной шубке, поглядывая на нас большими невинными глазами. Я не мог оторвать от него взгляда. Но вот он встревожился и сделал попытку скатиться в воду.

Мы забрали его живьем в шлюпку и поплыли обратно. Поместили зверька в грот-люке, люди нянь-

чились с ним, и всем хотелось завязать с ним дружбу. Он был такой доверчивый, похож на балованного белого котенка. Но не шел на сближение. Кто-то хотел почесать зверьку шкурку и погладить его, но это, повидимому, пришлось ему не по вкусу, — он заворчал и огрызнулся.

Когда его оставляли в покое, он тихо лежал, свернувшись в клубок, грустно и уныло смотря вдаль. Пищи не брал никакой.

Длина белька от конца хвоста до носа была 90,3 сантиметра. Шкурка начинала уже линять, в особенности на задних ластах. Ему было, должно быть, около двух недель. Он не достиг еще того возраста, когда матери покидают детенышей. И попался нам, повидимому, в то время, когда мать отправилась на прогулку в море.

Мы продолжали итти дальше под парами. Однажды, стоя на баке, я заметил на льду крупного хохлача-самца.

Спустили шлюпку. Была полночь, но достаточно светло для стрельбы. Хохлач лежал на большой льдине, и мы подплыли к нему на удобную дистанцию. Антон Аскьем прицелился, но выстрелил преждевременно, и пуля шлепнулась в край льдины, на которой лежал зверь.

Хохлач испуганно вздрогнул, откинул назад голову, надул свой мешок или колпак и свирепо выпучил на нас глаза. Гордый силуэт на фоне ночного неба!

Еще момент, и он уйдет в воду. Но опять гремит выстрел, и голова зверя безжизненно опускается на лед.

Тюленя освежевали. Его желудок был битком набит крупными морскими окунями (*Sebastes norvegicus*). Мы вытащили из него три совершенно свежих морских окуня, повидимому, только что проглоченных. Они достигали в длину 31—46 сантиметров; кроме того, в желудке хохлача сохранились остатки еще вдвое большего количества рыб.

Поразительное открытие! Значит, морской окунь, который вообще считается рыбой, обитающей в придонном слое, водится и в этом море. Но ведь здесь нет банок, глубина моря здесь свыше 2000 метров. Следовательно, морской окунь живет не на дне, а в верхних слоях воды, на известной глубине под поверхностью; стало быть, является пелагической рыбой.

Это обстоятельство проливает совершенно новый свет на жизнь и распространение этой рыбы. Восемнадцать лет спустя мое открытие подтвердилось наблюдениями, произведенными в Норвежском море экспедицией доктора Иорта на судне «Михаэл Сарс», в которой и я принимал участие.[1]

В море между островом Ян-Майен и Норвегией мы поймали сотни морских окуней на удочки, закинутые на глубину приблизительно 50 метров; это показывает, что морской окунь широко распространен в этом море, а не только в прибрежных водах, как мы раньше думали. Таким образом, несколько увеличивается число районов, где человек может найти себе пищу.

---

[1] Это плавание описано Нансеном в его книге «На вольном воздухе», в которой он касается и затронутого здесь вопроса о морском окуне. *Прим. ред.*

На следующее утро 20 апреля (набл. 72°51′ с. ш. и 10°20′ в. д.; темп. —10° Ц; бриз с N и NNO) нас навестил капитан германца «Ян-Майена», и было решено поискать детную залежку примерно в том районе, где был недавно пойман белек. Много забот было мне с этим бельком. Мы никак не могли заставить его взять пищу, и он, видимо, чувствовал себя очень плохо. Я взял его к себе в каюту, сфотографировал и зарисовал. А потом пристрелил его, так как не мог больше видеть страдания зверька.

В этом районе мы тоже не нашли детной залежки; должно быть, она находилась где-то севернее, и потому на другой день после полудня (21 апреля; темп. —4° Ц; ветер с NO) мы снова взяли курс на северо-восток. По нашим расчетам, мы находились теперь уже довольно далеко к югу от 71½° с. ш.

Утром 22 апреля (набл. 71°37′ с. ш. и 10°10′ в. д.; темп. —3° Ц; слабый ветер с NNO) нам встретился «Хордроде». Капитан Крефтинг отправился к Кастбергу, который очень обрадовался, узнав, что ни одно судно не промышляло в более южных районах.

Сам Кастберг вырвался из льдов 2 апреля, т. е. в тот же день, когда мы ушли от него, но после того его не раз затирало льдами. Он тоже решил итти на север; бóльшую часть дня мы шли открытым морем. У кромки льдов в воде было много гаг.

В воскресенье, 23 апреля (прибл. 73°15′ с. ш. и 11° в. д.; темп. —10° Ц; слабый ветер с N и NNW), из бочки сообщили, что впереди на линии нашего курса тюлени. Дали машине полный ход; надо постараться опередить «Хордроде», который шел невдалеке от нас.

Наконец с бака уже можно было различить тюленей, и вскоре мы подошли к ним поближе.

Было спущено шесть лодок, и я, желая попрактиковаться, сел с лучшим из наших стрелков — Оле Могерудом.

Шлюпки промысловых судов несколько отличаются одна от другой своими размерами. Самая большая судовая шлюпка имеет в длину обычно 22—24 фута и вмещает шесть человек команды — стрелка, стоящего на носу и ведущего шлюпку, рулевого, стоящего на корме и правящего длинным веслом, и четырех людей для гребли и разделки туш. В случае богатой добычи рулевой тоже помогает свежевать убитых тюленей, а иногда и стрелок.

Шлюпки поменьше бывают приблизительно 20 футов в длину и вмещают пять человек — стрелка, рулевого и трех гребцов.

На «Викинге» было десять шлюпок, но у большинства судов обычно бывает девять.

Мы оттолкнулись, налегли на весла, и шлюпка быстро пошла между льдинами. Вскоре мы подплыли к тюленям.

Какое изумительное зрелище! Куда ни глянешь, всюду на льдинах скучились тюлени. Ну, это жалкое стадишко в сравнении с настоящей залежкой крыланов, — уверяли меня опытные зверобои.

Тихая, ясная погода. В глазах пестрит от черно-белых тюленьих шкур. Воздух над зверями трепещет от тепла, излучаемого тысячами тел.

Слышится урчанье и хрюканье, чуть похожее на мурлыканье кошки, когда ее гладят. Время от времени раздается глухое, протяжное «хо», «хо», похожее на

громкое низкое рыканье; это крик самца, наслаждающегося жизнью. Тюлени, повидимому, совершенно исключительные лежебоки. Целыми часами лежат они без движения, уставясь в пространство или с наслаждением закрыв глаза. Лишь по временам они приподымают голову и озираются.

Особенно любят они растянуться и понежиться на припеке; тогда они, повидимому, прямо блаженствуют. То повернутся на бок и погреются на солнце, то почешут себе шею передними ластами, слегка помахивая при этом задними. А потом повернутся на другой бок или на брюхо, то подставят солнцу спину, то опрокинутся навзничь или снова лягут на брюхо. То широко откроют глаза и оглядятся вокруг, то снова уставятся в пространство, то опять лениво закроют их.

Так звери могут лежать целыми часами — по крайней мере, пока у вас есть время и терпение наблюдать их. Вот тюлень подымает голову, пристально смотрит на судно, — оно далеко — и он снова опускает голову. Время от времени какая-нибудь тюленья голова покажется из кучи спин, поглядит по сторонам и опять исчезнет.

Как мы уже говорили, существует предположение, что в стаде имеется несколько сторожевых тюленей, отличающихся особой чуткостью и охраняющих безопасность стада. Не могу судить, верно ли это, но я заметил, что некоторые тюлени действительно проявляют на льдине бóльшую чуткость и бдительность, чем другие. Раз это так, лучше сначала снимать этих «дозорных», и тогда остальные, пожалуй, будут держаться спокойнее.

Но вот один из тюленей приподымает голову, значит, услыхал или увидал что-то подозрительное; он пристально вглядывается вдаль, горбит спину и приподымает остальную часть туловища, распускает веером задние ласты и с некоторой осторожностью ложится снова.

Наша шлюпка должна была пробраться к центру залежки. Скрытые от зверей высокой ледяной кромкой, мы осторожно гребли и через некоторое время подошли к намеченной льдине на расстояние выстрела.

Еще несколько взмахов веслами — и «стоп». Весла замирают и в уключинах укладываются вдоль бортов шлюпки, продолжающей по инерции скользить вперед.

Все затихли в безмолвном ожидании. Всего 80—90 метров отделяют нас от тюленей.

Оле хладнокровно прикладывает ружье к щеке, долго и старательно целится, стреляет — и первый тюлень «нырнул» головой в лед.

Другие тюлени встрепенулись. Новый выстрел — и «ныряет» вторая голова; остальные тюлени бухаются в воду.

Как уже говорилось в главе «Гренландский тюлень, или лысун», охотник, целясь в голову, должен убивать тюленя на месте, чтобы голова зверя поникла мгновенно, и туловище не дернулось и не вспугнуло бы других зверей. Видя своего товарища неподвижным, они сразу успокаиваются. Лучше промазать по зверю, чем попасть ему в туловище. С дистанции в 80—100 метров голова тюленя не является особенно удобной мишенью, и если тюлень лежит прямо перед стрелком, можно бить его в шею, чтобы сразу размозжить шейные позвонки.

Как только два тюленя были убиты, а их ближайшие соседи ушли в воду, шлюпка подплыла к застреленным зверям, двое из наших молодцов выпрыгнули на льдину, каждый взял себе по тюленю и освежевал его с возможной быстротой. Шкуры с слоем подкожного сала погрузили на шлюпку, и она двинулась к другой льдине, к которой можно было подойти ближе, держась под прикрытием большого тороса. На ней тоже было много тюленей.

Оле сошел на лед и пополз, прячась за торосом, я по пятам за ним; проползаем мимо следующего тороса и оказываемся на очень удобной дистанции. Здесь удалось убить полдюжины тюленей.

Тем временем и другие шлюпки подошли к залежке, и пошла пальба со всех сторон. Мы издали смотрим, как стрелки ползут по льдинам, как они прицеливаются, как из дула вылетает дымок, как «ныряет» тюленья голова, и тогда лишь слышен выстрел.

Мы продолжаем охоту, бьем направо и налево, где только завидим тюленя, немедленно свежуем застреленных зверей, погружаем шкуры с салом в шлюпку, и так без конца. Стреляют тюленей обычно не с особенно большой дистанции, на расстоянии максимум 100 метров, а чаще всего ближе.

Оле стреляет из обыкновенного игольчатого ружья с короткими патронами и обычным зарядом. Он говорит, что ружья системы «экспресс» отличаются слишком сильной отдачей и не дают верного прицела.

В конце концов, все уцелевшие тюлени ушли в воду. На бизань-топе «Викинга» взвивается сигнальный флаг — приказ шлюпкам возвратиться на судно.

Теперь у птиц начинается пир. Сразу же налетает масса белых чаек. И откуда только берутся! С яростным криком набрасываются они на ободранные тюленьи туши. Любопытное явление — их неотступная погоня за стадами тюленей, как будто они знают о предстоящей поживе. И когда стрелки подкрадываются к лежащим тюленям на выстрел, чайки кружатся над ними, словно только и ждут момента броситься на убитого тюленя; и едва его освежуют, они пожирают все, что удается урвать.

Более пугливая чайка-бургомистр становится смелее. Она парит в воздухе, плавно описывает круги, затем величественно складывает свои длинные крылья и садится поближе к освежеванному зверю, часто даже около самой шлюпки. Затем с большим достоинством шествует к туше, и белые чайки почтительно уступают ей место.

Буревестники держатся на воде; их тут везде много, в особенности там, где плавают шматки жира или кровь; они дерутся за каждый кусок ожесточенно.

Мы возвращаемся на судно, а вскоре и все остальные шлюпки. Их немедленно разгружают. Шкуры обвязывают линем, пропуская его сквозь отверстия у передних ластов, и подымают паровой лебедкой на борт. После разгрузки шлюпки тоже подымают и ставят на ростры, открыв на днищах сточные люки, в которые и уходит стекшая со шкур вода, смешанная с кровью, обрезками жира и мяса; затем она стекает по шпигатам за борт, обрезки же остаются плавать на поверхности моря около судна к великой радости чаек и буревестников. А если судно на некоторое время задержится во льдах, к нему начинают подплы-

вать и крупные полярные акулы, жадно пожирающие всякие отбросы.

Всего за этот день было добыто 44 тюленя; на нашей лодке оказалось больше всего: целых 17 шкур.

Само собой разумеется, что стрелки состязаются между собою; каждый старается выйти на первое место. Тюлений промысел своего рода экзамен для стрелка. Тут мало одного уменья стрелять и нельзя надеяться только на счастливый случай; нужна планомерность в работе, способность организовать ее, надо ловко проводить лодку сквозь льды, уметь заставить людей приналечь — грести и свежевать добычу так, чтобы не тратить ни минуты лишней.

Несколько позже мы увидели еще стадо тюленей, но нам удалось добыть всего трех. Я зарисовал одного взрослого самца; он достигал в длину от носа до конца хвоста 1,2 метра. Бывают тюлени и крупнее — до 1,9 метра.

Погода вечером стояла чудная, полное безветрие; на воде ни малейшей ряби. Когда мы ночью некоторое время лежали в дрейфе (мы находились, судя по данным астрономического наблюдения, примерно на 73°12′ с. ш. и 11° в. д.), я произвел ряд измерений температуры глубинных вод и получил преинтересные цифры:

на поверхности						—1,6° Ц
„ глубине	10	саж.,	или	18	м	—1,0
„ „	20	„	„	37	„	+1,5
„ „	40	„	„	73	„	—1,6
„ „	60	„	„	110	„	+0,1
„ „	80	„	„	146	„	+0,2
„ „	100	„	„	183	„	+1,5

Когда термометр достиг глубины 100 саженей, я заметил, что пусковой механизм не в порядке. Термометр был вделан в большой кусок дерева, рассчитанный на то, чтобы при опускании удерживать термометр в вертикальном положении до тех пор, пока линь не начнут выбирать; тогда термометр переворачивался и при подымании прибора свисал вниз. Однако этот кусок дерева тонул, так как под сильным давлением на глубине все поры дерева пропитались водой.

Поэтому едва линь вытравили до определенной глубины, где нужно было произвести измерение, термометр сразу же перевернулся, и прибор отметил температуру, не успев еще установиться надлежащим образом. Так как температура воздуха была равна —9° Ц и, следовательно, термометр каждый раз при опускании сильно охлаждался, то полученные температуры, очевидно, несколько ниже действительных и должны быть исправлены в сторону повышения на несколько десятых градуса.

Как бы то ни было, эти измерения показывают, что слои более теплой воды с температурою +1,5° Ц могут вклиниваться в более холодные слои на глубине около 20 саженей и что под этими более теплыми слоями, на глубине 40 саженей, наблюдается минимум температуры, между тем как ниже температура снова равномерно подымается.

Эта серия измерений температуры опять-таки опровергает выше приводившуюся теорию Эдлунда об образовании льда. В то время как поверхностный водный слой, соприкасающийся с холодным воздухом, охлаждался почти до точки замерзания и даже по-

крывался салом, подстилающие слои оказывались гораздо теплее, и не было никаких указаний на присутствие переохлажденной воды на какой-либо глубине. Содержание соли в поверхностном водном слое составляет около 32—33‰ и все возрастает вместе с глубиною; на глубине 100 саженей, или 183 метров, находилась теплая вода Гольфстрима с содержанием соли около 35‰.

Эта — насколько мне известно — впервые полученная серия глубинных температур определенно доказывает, что поверхностные холодные водные слои Полярного течения подстилаются слоем теплой воды Гольфстрима.[1] Впоследствии мне удалось открыть, что такое явление имеет место и в Полярном бассейне и вообще повсюду в пределах Полярного течения.

Уже здесь я нашел минимум температуры на глубине приблизительно 40 саженей, или между 60 и 75 метрами — минимум, столь характерный для поверхностных холодных слоев воды Полярного бассейна и Полярного течения.

Но уже здесь, в области, расположенной настолько далеко к востоку, что ее можно считать в сфере влияния Гольфстрима, этот холодный водный слой теряет свою мощность, так что теплую воду (+0,1° Ц) мы находим уже на глубине 60 саженей, или 110 метров, между тем как в области самого Поляр-

---

[1] Значительно раньше глубоководные температурные измерения были произведены в Гренландском море Скоресби младшим. Уже тогда было выяснено, что под слоем холодной воды с отрицательной температурой расположена более теплая вода, температура которой выше нуля. *Прим. ред.*

ного течения такая вода встречается обычно метров на 50—80 глубже.

24 апреля (темп. —8° Ц; ветер с N и NNO) по временам шел снег, и продвинулись мы лишь на небольшое расстояние.

Во вторник, 25 апреля (темп. —6,5° Ц; бриз с NO), мы вошли во льды, где стал попадаться молодняк, как бельки, так и серки, но из-за чересчур сильной зыби и малого количества льда нам не удалось добыть их. Как уже было сказано, «серками» называют детенышей гренландского тюленя после того, как они сбросят свой белый пушистый мех и покроются гладким жестким волосяным покровом светлосерого цвета с темными крапинами. В более позднем возрасте он сменяется волосяным покровом взрослых особей, о чем уже говорилось выше.

И почему это здесь вдруг появилось столько молодняка? Странно! Уж не приближаемся ли мы к какой-нибудь залежке? Надежды наши снова растут.

Попрежнему шквалы со снегом и туман, но сквозь него мы различаем впереди нас судно с убранными парусами, а затем еще много судов.

Мы держим курс к ближайшему из них; это «Кап Норд». Зачем он сюда забрался? Неужели он загружен и теперь лежит в дрейфе, а на нем идет срезка сала? А может быть, он у самой залежки и просто выжидает, когда волна спадет и можно будет приступить к побойке?

Мы приближаемся к нему, горя от нетерпения. У него какой-то подозрительный вид. Уж не нагружен ли он? Что-то чересчур глубоко сидит в воде!.. Все охвачены лихорадочным волнением.

Наконец мы подошли на оклик. Капитан Гуллик Иенсен стоит на корме. И что же мы слышим!

— Крефтинг! Куда же это вы запропастились, милые люди?!

Эти слова поразили нас в самое сердце.

Узнаем кучу новостей. «Новая Земля» нагружена полностью и даже не могла забрать всех сваленных в кучи тюленьих шкур. «Вега» тоже нагружена; «Капелла» почти нагружена. На «Альберте» четырнадцать тысяч шкур — неслыханная добыча для норвежского промыслового судна. На «Хекле» от десяти до двенадцати тысяч, и добыча самого «Кап Норда» — шесть тысяч шкур.

Добыто много и молодняка и взрослых особей, так как залежка «обмерзла» и взрослые тюлени оказались отрезанными от воды; поэтому ловцы могли бить на льду и молодняк и взрослых зверей баграми.

Каково нам было слушать рассказы о том, что некоторые промысловые суда были так перегружены, что жир и шкуры сваливали в шлюпки на рострах.

За всю историю тюленьего промысла норвежские суда не привозили в Норвегию столько убитого молодняка, как в этом году. Согласно официальной статистике в общем было добыто 83 200 голов молодняка.

Такая богатая добыча объясняется, вероятно, тем, что в этом году тюлени могли спокойно собраться на залежку, которая затем, как сказано выше, «обмерзла» прочно, — лед не ломался и не расходился, пока шла побойка.

Залежка находилась прямо к западу, всего в нескольких милях от того места, где мы были затерты

льдами в последних числах марта и где мы 1 апреля покинули остальные суда, то есть, именно там, где мы и предполагали.

Тогда тюлень залегал примерно на 75°12′ с. ш. и 4° в. д., и будь тогда ясная погода, мы должны были бы, в крайнем случае, увидеть наружные границы залежки.

Другие суда напали на нее накануне пасхи или в самую пасху, 9 апреля. Согласно журналу «Веги» залежка находилась на 75°33′ с. ш. и 9°36′ в. д. Следовательно, тюленя отнесло за неделю почти на 90 морских миль к ост-норд-осту. Это до некоторой степени совпадает с тем, что нам рассказывал Иверсен с «Гейзера». Ведь его судно за одну неделю как раз в этот же период отнесло со льдом от 75° с. ш. и 6° в. д. до 75°25′ с. ш. и 12° в. д. И когда он на этот раз вырвался из льдов, то проходил неподалеку от восточных границ залежки, но и он прозевал ее, а другие суда вышли прямо к ней.

Да, вот какие истории здесь случаются. Другие суда застряли во льдах, когда мы высвободились, и в этом было их счастье, а наше несчастье.

Новости оказались удручающими. У нас на судне все ходили с вытянутыми физиономиями. Ведь подумать только! Быть так близко от лежбища — да еще такого богатого — и не обнаружить его! Чего же зевал Крефтинг?.. Ведь он же сам все твердил, что залежка должна быть именно т а м!

Нелегко перенести такой удар! И долгое время у нас на борту только и разговору было, что об этой неудаче. Помилуйте! Подумать только, с каким заработком, с какими паями вернутся команды счастливых судов!..

Уже несколько дней мы не брали высоты солнца, но, судя по счислению, судно находится примерно на 73°10′ с. ш. и 11° в. д. Следовательно, за время с 10 по 25 апреля лед вместе с залежкой переместился к югу приблизительно на 145 морских миль, а в предшествовавшую неделю к ост-норд-осту миль на 90 (см. карту на стр. 203).

Это дает представление о том, как изменяется местоположение льдов в зависимости от ветра. В период времени между 1 и 9 апреля дул большею частью юго-западный ветер, тогда как между 10 и 25 апреля преобладали ветры с северо-северо-востока и северные.

А мы-то тем временем блуждали вдоль ледяной кромки к востоку и юго-востоку от залежки, и к ней так и не попали. Все наши попытки пробиться в западном направлении разбивались о слишком сплоченный лед. Нелегкое дело ведь пробиваться сквозь тяжелые льды, тратить топливо и рисковать быть затертыми во льдах, даже веря в то, что найдешь залежку.

Тут на карту ставятся большие суммы. Ведь хорошая залежка и нагруженное полностью судно — это целое состояние. Как уже сказано, каждый человек на борту кровно заинтересован в этом деле, так как его заработок в значительной степени зависит от размеров пая, а паи зависят от добычи. Вот что может означать выбор того или иного курса в решительный момент. Мы были так же близко от залежки, как другие суда, но вот они там лежат, нагруженные доверху, и их счастливая команда радуется предстоящей крупной получке, а мы стоим здесь с пустым судном.

ДЕТНАЯ ЗАЛЕЖКА

А КРУПНОЙ щенной, или детной, залежке на льду в море около Ян-Майена залегают сотни тысяч детенышей тюленя, занимая пространство в несколько миль. Они не рассеиваются равномерно по льдинам, а скучиваются — по шести, по десяти и даже больше голов на одной льдине. Лишь на некоторых льдинах их меньше.

Как сказано, такая залежка бывает раскинута на большом пространстве, иногда больше, чем на градус широты, с севера на юг; она может состоять из более или менее крупных стад, залегающих тесными кучками в различных пунктах данной области. В обычные годы район этих залежек настолько резко отграничен, что

за пределами его взрослые гренландские тюлени и их детеныши попадаются на льду лишь в исключительных случаях; поэтому в поисках детной залежки судам приходится входить довольно глубоко во льды. Единственный признак близости детной залежки — появление в воде взрослых тюленей, гребущих к залежке; кроме того, на льдах вблизи залежек часто располагаются (как мы видели) семейства хохлачей.

Бельки, не умеющие уходить в воду, служат легкой добычей для охотников; разумеется, надо подходить к детной залежке до линки детенышей и пока они еще не научились плавать; после линки бить их уже не так легко, и вдобавок массы тюленей начинают тогда разбредаться в разных направлениях.

Взрослых тюленей бьют из ружей, но (как уже говорилось выше) лед иногда так плотно смерзается вокруг детной залежки, например в 1882 году, что и взрослые самки оказываются отрезанными от воды, и тогда их тоже бьют на льду батром, как детенышей.

В судовом журнале «Веги» за 1882 год (капитан Маркуссен) имеются следующие записи о детной залежке в том году:

«Понедельник, 10 апреля. Ветер с NW, свежий бриз; густой снегопад. В четыре часа утра обнаружили залежку. Все ушли в «хоз» (то есть бить тюленя и складывать шкуры кучами или ворохами[1] на льду). Лед сплоченный, команда далеко от судна. В 9 часов вечера все люди на борту, на вахте один человек.

---

[1] «Юрками», как называют их наши поморы. *Прим. перев.*

«Вторник, 11 апреля. Ветер с севера, слабый бриз, пасмурно. С 4 часов утра все люди на льду на залежке разбирают кучи. В 9 часов вечера все люди на борту. На вахту поставлен один человек.

«Среда, 12 апреля. Ветер с NO, пасмурно, временами вьюга. Начали бить тюленя с 3 часов утра; люди все время снуют между судном и местом побойки. Часть куч разобрана и перенесена на борт; лед стал более редким; судно вошло глубже в район побойки.

«Четверг, 13 апреля. Ветер северный, слабый бриз, плохая видимость, снегопад. С 4 часов утра все люди на льду между залежкой и судном; часть убитого молодняка погружена на борт. В 9 часов вечера все люди на борту, на вахте один человек.

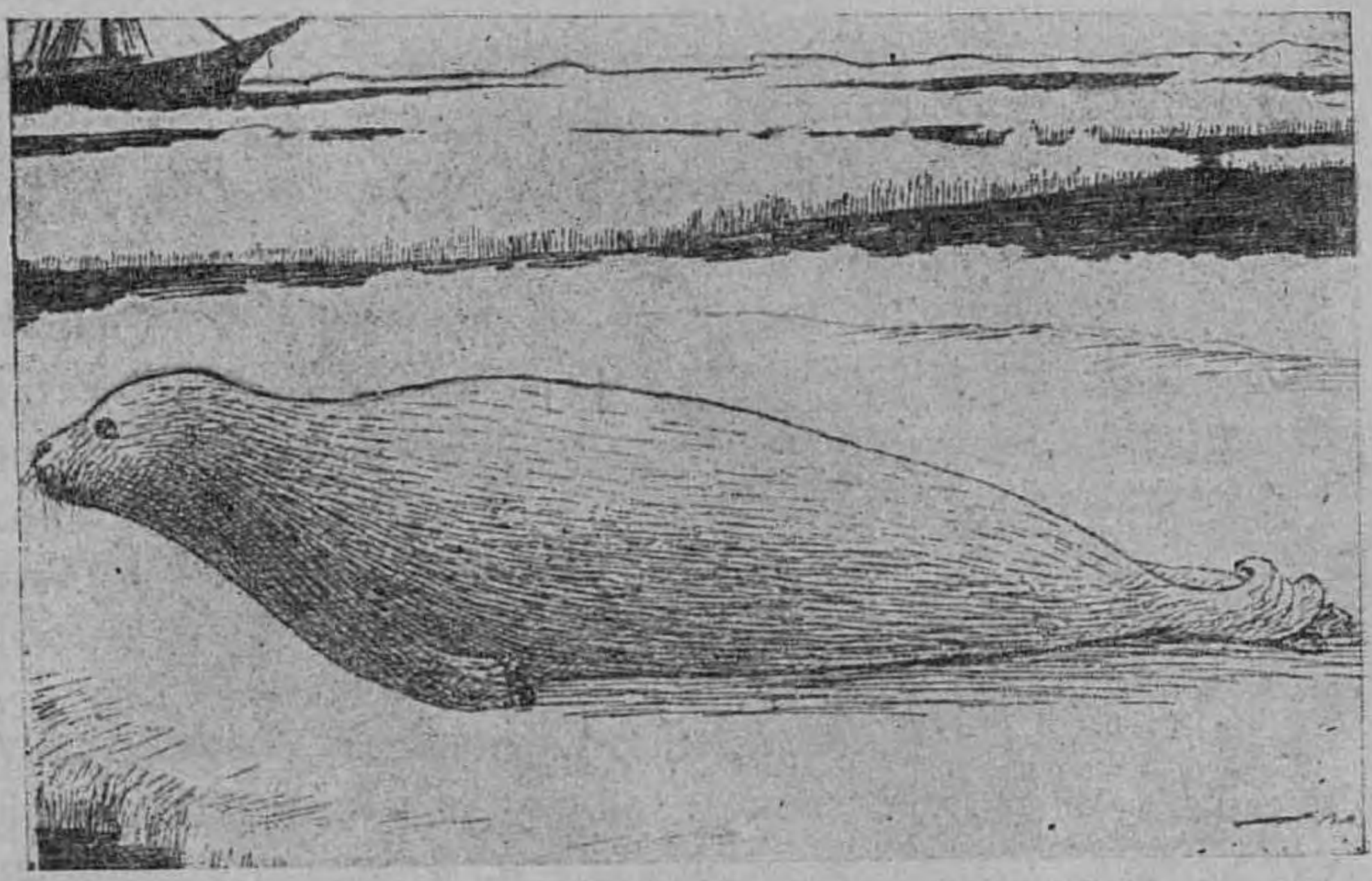
«Пятница, 14 апреля. Ветер западный, свежий бриз, пасмурно, временами туман. Все люди на льду разбирают кучи и переносят шкуры с салом[1] к судну; часть уже погружена. С 10 часов (вечера) на вахте один человек.

«Суббота, 15 апреля. Утром с 3½ до 9 часов все люди на льду на лежбище. Спали по койкам до 1 часу дня. Снова все на льду на залежке бьют тюленя и складывают шкуры в кучи. В 10½ (вечера) все люди на борту. На вахту поставлен один человек.

«Воскресенье, 16 апреля. Ветер с NW, слабый бриз, плохая видимость, снежные шквалы. По случаю праздника не работали до полудня, затем все люди на льду на побойке. В 8½ (вечера) все люди на борту. Часть шкур поднята на борт. На вахту поставлен один человек.

---

[1] Поморы называют их «хоровинами». *Прим. перев.*



Белек

«Понедельник, 17 апреля. С 4 часов утра все люди на льду бьют тюленя, складывают и разбирают кучи, перевозят шкуры на судно. В 9½ (вечера) все люди на борту. На вахту поставлен один человек.

«Вторник, 18 апреля. С 4 часов (утра) все люди на льду между залежкой и судном. Лед сплоченный. Часть шкур доставлена на судно. С 8½ все люди на борту.

«Среда, 19 апреля. Побойка продолжается; часть шкур доставлена на борт. С 8 часов (вечера) на вахте один человек.

«Четверг, 20 апреля. Ветер NO, плохая видимость, слабый бриз, временами вьюга. Часть шкур доставлена на судно. С 8 часов вечера на вахту поставлен один человек.

«Пятница, 21 апреля. С 5 (утра) все люди на льду переносят шкуры к судну. С 7½ все люди на борту. На судно доставлено примерно 1000 шкур. На вахту поставлен один человек.

«Суббота, 22 апреля. С 5 часов все люди на льду перетаскивают шкуры к судну; все кучи разобраны, шкуры подняты на борт; вся добыча примерно 11 000 тюленей».

Несмотря на всю свою лаконичность, эти записи в судовом журнале дают понятие о промысле и происходящем при этом истреблении тюленя.

В тех местах, где кучность тюленей велика, один человек может уложить за день сотни две детенышей, освежевать их и сложить в кучи. Тюленепромышленники рассказывали мне, что им случалось бить по три сотни бельков в день, а некоторые били и еще больше.

Лед в районе детной залежки обычно настолько сплоченный, что ловцы пешком пробираются по нему. Если лед редкий, к месту побойки подплывают на лодках.

Снаряжение охотника, отправляющегося в хоз, состоит из тюленьего багра, ножа для свежевания, бруска для правки и волокового шкерта. К верхнему концу древка (ратовища) багра, футов в пять длиною, приделан слегка загнутый длинный и острый стержень, оканчивающийся с другой стороны коротким молотком или обушком. На нижний конец древка насажен короткий и острый железный шип, облегчающий ловцам ходьбу по льду и перепрыгивание с одной льдины на другую. Тюленя бьют, большей частью, длинным острием багра, с силой вонзаемым в голову зверя.

Детенышей бьют по голове молотком и сразу свежуют; три-четыре шкуры с подкожным салом накладывают одну на другую, скатывают волосами наружу, крепко связывают волоковым шкертом и волокут к судну, а если оно слишком далеко, сметывают в кучи-юрки, тут же на льду. Каждую кучу отмечают флажком судна, а как только лед разойдется, кучи разбирают и шкуры перевозят в лодках по разводьям и полыньям к судну. Или последнее само подходит — если полыньи достаточно велики—

Промышленник в полном вооружении — с тюленьим багром, разделочным ножом, стальным точилом и волоковым шкертом

и забирает шкуры. Люди, волокущие шкуры, стараются итти гуськом, след в след, протаптывая таким образом гладкую дорожку, по которой волочить шкуры легко. Работа ведется быстрыми темпами, и в этой спешке не всегда обращают внимание на то, свежуется

ли мертвый детеныш или только оглушенный. Есть поверье, что туловище такого заживо освежеванного тюленя может ожить и уйти в воду. В общем, этот промысел, конечно, не способствует облагорожению человеческой природы.

Какая масса тюленей может скучиться на таких детных залежках, можно судить по вышеприведенным цифрам добычи, взятой примерно за десять дней различными промысловыми судами в апреле 1882 года.

В следующем году (1883) южнонорвежские промысловые суда добыли примерно 121 000 шкур молодняка и взрослых особей гренландского тюленя.

Парусник «Элиазар» под командой Свена Фойна добыл в 1858 году за пять дней 16 400 тюленей.

Распространение льдов и общие ледовые условия в этом море из года в год сильно колеблются и в значительной степени зависят от условий ветра и погоды.

Поэтому в море около Ян-Майена крупная детная залежка гренландского тюленя может перемещаться и никогда не бывает два года подряд на одном и том же месте. В одном году дрейфующий лед может распространиться далеко на восток, и тогда крупная щенная залежка обычно отодвигается дальше к северо-востоку (там залегает тюлень так называемого «восточного» стада). В другом году льдов может быть гораздо меньше, граница льдов передвигается к западу, и тогда тюлени собираются в районе, расположенном ближе к Ян-Майену, и их вместе с дрейфующими льдами относит даже к юго-западу от этого острова (это тюлени так называемого «западного стада»).

В некоторые годы залежка располагается на резко очерченной Ледяной косе в большой, ясно обрисованной Северной бухте, а в другие годы и самой косы этой бухты к северу от нее почти не различить. Так было, например, в 1882 году, когда мы плавали по этому морю. Нам трудно было установить существование Северной бухты или Залива бухтового льда, сколько мы там ни крейсировали и к северу и к югу. И детная залежка оказалась в этом году гораздо дальше к северу и к востоку, чем в предыдущие годы.

На карте (см. стр. 203), составленной мной на основании собранных материалов, показано местонахождение Янмайенской детной залежки в различные годы, начиная с 1853.[1] Много ценных сведений о залежках в годы от 1873 до 1906 опубликовано Альфом Воллебеком, который составил также карту местонахождения детных залежек в эти годы.[2] Я черпал сведения о детных залежках преимущественно из журналов и дневников, которые велись на промысловых судах, а также из метеорологических журналов.[3] Данные

---

[1] M. Lindemann, Die arktische Fischerei der deutschen Seestädte 1620—1868. Ergänzungsheft No. 26 zu Petermanns «Georg. Mitteilungen», Gotha, 1869.

[2] Alf Wollebaek, Ueber die Biologie der Seehunde und die Seehundjagd im europäischen Eismeer. «Conseil permanent Internat. pour l'Exploration de la mer. Rapports et Procès-verbaux». Vol. VIII, Köbenhavn, 1907.

[3] По предложению доцента А. Хуля, эти судовые журналы были собраны капитаном Отто Свердрупом и капитаном Хермансеном. Последний в настоящее время выбирает из них материал для изучения распространения льда в различные годы. Приношу доценту Хулю и капитану Хермансену, одолжившим мне эти ценные журналы, глубокую благодарность. *Прим. автора.*

о самых ранних годах я взял из своеобразного дневника капитана Свена Фойна, который вел его на борту своих парусников: брига «Надежда» (1853) и барка «Элиазар» (1854—1861).

Карта показывает, как перемещалась в различные годы детная залежка; обычное ее местонахождение между 71° и 74° с. ш. и 0° и 8° з. д., т. е. в той области, где в нормальный ледовый год образуется большая Ледяная коса (см. карту на стр. 49).

Говоря о местонахождении детной залежки в различные годы, следует помнить, что после того как тюлени залегли для щенки, лед мог сильно дрейфовать; поэтому между широтами и долготами тех мест, где тюлень впервые залегал для щенки, могла быть в различные годы гораздо меньшая разница, чем между широтами и долготами тех мест детных залежек, куда впоследствии приходили промысловые суда.

Мы видели, что в начале апреля 1882 года детная залежка передвинулась в первую неделю почти на 90 морских миль на ост-норд-ост, а в следующие 15 дней на 145 миль к югу. Но вероятнее всего, что то место, где тюлень впервые вышел на лед, находилось значительно дальше к западу или юго-западу от того пункта, где оно оказалось в конце марта, и различие между первоначальным местоположением детной залежки в этом году и в другие годы не так уж велико, как это может показаться при взгляде на карту.

В большинстве случаев, в те годы, когда крупная детная залежка находилась к юго-западу от острова Ян-Майен (как, например, в 1855, 1859, 1871, 1872 и 1878 годах), в периоды побойки происходил сильный

дрейф льдов на юго-запад, и залежка все время передвигалась. Поэтому тот пункт, где тюлени впервые выходили на лед, должен был во все эти годы находиться дальше к северо-востоку, и разница местонахождения залежки в этом году и в нормальные годы не была столь уж велика.

Тюлени обычно залегают на лед для щенки, повидимому, в области, находящейся к северо-востоку от Ян-Майена — большею частью между 72° и 74° с. ш.; долгота же меняется в зависимости от количества льдов. В каком пункте промысловые суда впоследствии обнаружат детную залежку, это в значительной степени зависит от дрейфа льдов в промежуточный период, а дрейф, в свою очередь, зависит от ветров.

Создается впечатление, что эти детные залежки располагаются в определенных местах в определенные периоды и что залежка несколько лет подряд может передвигаться, например, к северо-востоку, а затем тоже подряд несколько лет в обратном направлении. Так, например, в десятилетия после середины 60-х годов эти периоды были, повидимому, сравнительно длительными. С 1881 года по 1886 год суда находили детные залежки относительно далеко на северо-востоке (или, как в 1881 году, на востоке), а также с 1892 года по 1894 год и с 1904 года по 1906 год. Знаменательно, что это были периоды ясно выраженного максимума солнечных пятен, между тем как в 1877—1878 годах, в 1887—1889 годах и в 1914 году детная залежка находилась относительно далеко к юго-западу, и это были периоды минимума солнечных пятен.

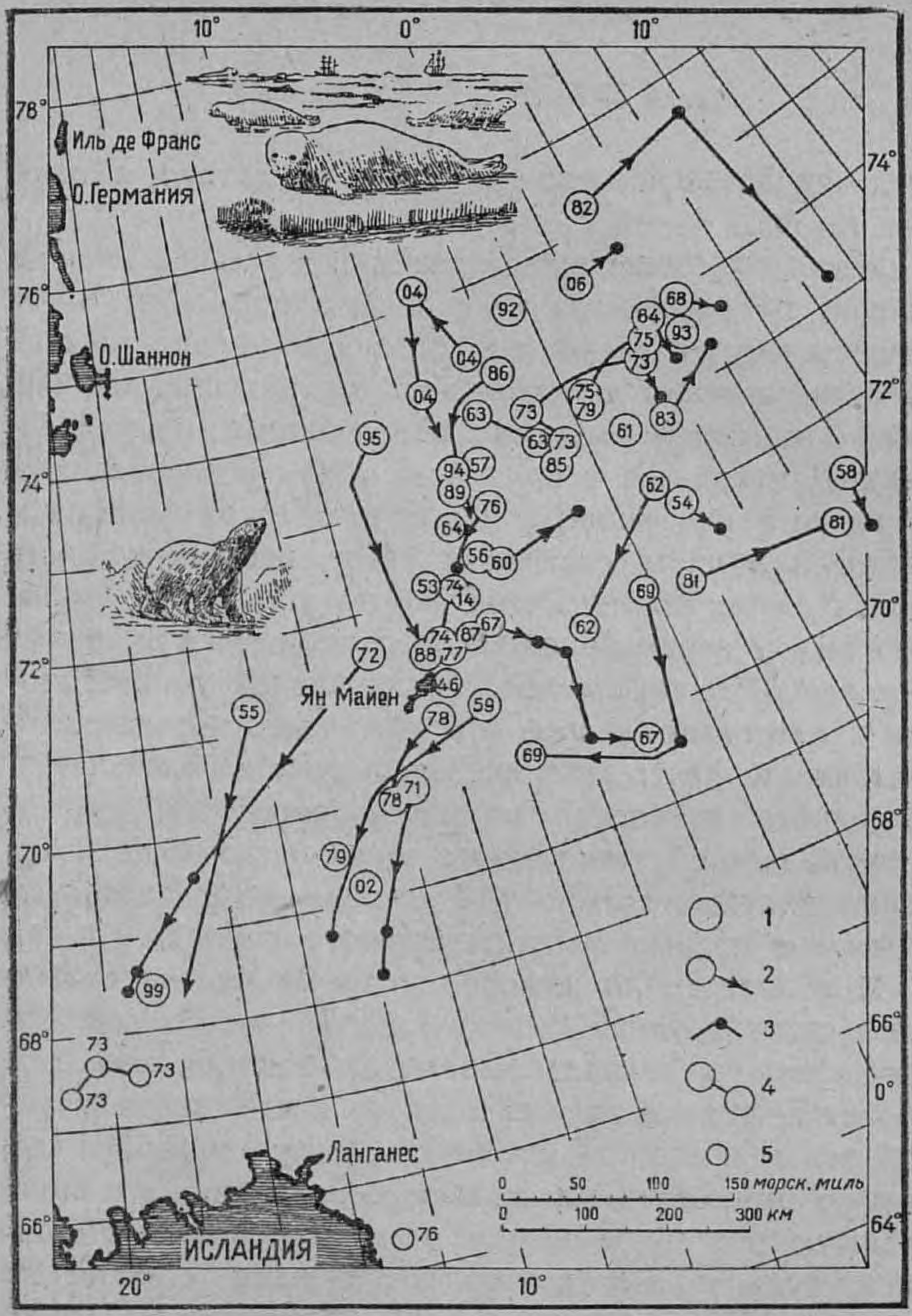
Таким образом, в течение всех этих лет периоды передвижения детных залежек поразительно совпадают с одиннадцатилетней периодичностью появления солнечных пятен. В более ранние годы, относительно которых мы располагаем сведениями, видимо, не замечалось такого явного совпадения, и местонахождение детной залежки изменялось чаще, через более короткие промежутки.

В 1855 году лежбище отодвинулось далеко к юго-западу; это был год, близкий к минимуму солнечных пятен; однако в следующем году, когда этот минимум был выражен еще резче, залежка оказалась значительно дальше к северо-востоку от Ян-Майена.

В 1858 году (год, близкий к максимуму солнечных пятен) детная залежка была обнаружена, вопреки обыкновению, далеко на востоке, но в следующем году (год резко выраженного максимума солнечных пятен) она переместилась на зюйд и зюйд-зюйд-вест от Ян-Майена.

В 1868 году лежбище передвинулось далеко на северо-восток; но этот год был как раз следующим после минимума солнечных пятен (1867), когда залежка оказалась сравнительно далеко на юге, однако восточнее Ян-Майена. В 1869 году (год, близкий к году максимума солнечных пятен) залежка была обнаружена особенно далеко к востоку от Ян-Майена, а в 1871 году, т. е. в следующем же за годом максимума, она находилась значительно южнее этого острова.

Наличие определенного соотношения между периодичностью местоположения детной залежки и периодичностью появления пятен на солнце, однако, не



Местонахождение детной залежки в различные годы — между 1846 и 1914

1 — местонахождение детной залежки в различные годы — между 1846 и 1914; *2* — дрейф детной залежки вместе с льдом в период побойки; *3* — место, долгота и широта которого были вычислены во время побойки; *4* — различные нахождения лежбища в одном и том же году; *5* — места побойки или обнаружения небольшого количества бельков

столь удивительно, как это может показаться на первый взгляд.

Местоположение детной залежки в сильной степени зависит от распространения льда, а последнее — от условий ветра в различные годы; эти условия зависят от распределения давления воздуха, которое, как это было выяснено нашими позднейшими исследованиями,[1] находится в причинной связи с колебаниями солнечного излучения; а между этими колебаниями и разницей в числе солнечных пятен, несомненно, есть тесная связь. Но не всегда можно установить аналогию между периодичностью этих изменений и периодичностью метеорологических изменений у поверхности земли; дело в том, что нам удалось установить следующий факт: действие, оказываемое колебаниями солнечного излучения на метеорологический режим в какой-либо области земного шара, часто может быть прямо противоположно тому, какое наблюдалось там в течение предыдущего длительного периода.

И находится ли в море около Ян-Майена только одна столь крупная щенная залежка — это еще вопрос. Некоторые придерживаются взгляда, что там бывает несколько детных залежек и что, кроме крупной залежки в море к северо-востоку от Ян-Майена, другую подобную же можно обнаружить в районе дрейфующих льдов между этим островом и Исландией, куда тюлени пригребают целыми стадами из южной части данного моря. Обнаружение одной только щенной залежки можно объяснить тем, что

---

[1] Сравни: B. Helland-Hansen og Frit. Nansen, Klimavekslinger og deres årsaker. «Naturen», Bergen, 1920.

обыкновенно флотилия промысловых судов предпочитает держаться той области моря, где, судя по ледовым условиям, имеется больше шансов для нахождения такой детной залежки.

Судя по записям в судовых журналах, тюленепромышленники действительно обнаруживали в некоторые годы много щенных залежек, резко обособленных одна от другой.

В 1873 году крупная детная залежка охватывала район примерно от 73° с. ш. до 73½° с. ш. и от 2½° з. д. до 3° в. д. Согласно имеющимся судовым журналам «Хекла» (капитан А. Маркуссен) добыла с 1 по 16 апреля 7000 шкур молодняка и 2400 взрослых тюленей; принимали участие в охоте еще «Гренландия» из Бремерхавена и «Харальд Хорфагер» (капитан Карстен Бруун), который промыслил с 26 марта по 8 апреля много тысяч молодняка.

После этого капитан Бруун пошел под парусами на юго-запад и 15 апреля обнаружил на льду к северу от Исландии (на 67°31′ с. ш. и 19°23′ з. д.) множество бельков; там же он убил двух медведей. На другое утро они прошли мимо массы бельков, а в полдень были на 67°40′ с. ш. и 20°27′ з. д., где добыли 30 бельков и 3 медведей. 17 апреля на 67°23′ с. ш. и 21°21′ з. д. они с утра пошли в хоз и промыслили 16 бельков, 121 конжуя, или серуна, и 10 взрослых тюленей.

Большое количество молодняка и присутствие медведей показывают, что это была крупная щенная залежка. Но время стояло уже довольно позднее, и многие детеныши, пройдя первую линку, ушли в воду, о чем говорила также добыча 17 апреля. В это время

там уже нельзя было ожидать особенно большого скопления молодняка.

В 1879 году крупная детная залежка находилась примерно на 73°21′ с. ш. и 0°31′ в. д., т. е. в 180 морских милях к северо-востоку от острова Ян-Майен. Капитан Маркуссен на «Хекле» промыслил там за 10 дней, с 3 по 13 апреля, 1909 детенышей и 321 взрослого тюленя. Пройдя дальше на юго-запад вдоль кромки льда, он на 69°30′ с. ш. и 12° з. д., или примерно в 130 морских милях к юго-западу от Ян-Майена, добыл 20 и 21 апреля еще 51 тюленёнка. В журнале не сказано, что это были бельки: возможно, следовательно, что речь идет о «серках» с крапинами на шкуре; однако наличие в такое время детенышей такого возраста, притом так далеко на юго-западе, указывает, что они пригребли откуда-то с ближайшей щенной залежки.

В 1876 году крупная детная залежка была обнаружена приблизительно на 72°40′ с. ш. и 4½° з. д. — «Хекла» не попала на эту залежку в том году, но 23 апреля нашла несколько бельков на 65°20′ с. ш. и 13° з. д., т. е. в пяти милях от восточного побережья Исландии. Было убито 12 взрослых тюленей и 3 белька.

Бывшие в нашем распоряжении журналы не дают указания на то, что в те годы, когда суда обнаружили крупную детную залежку к юго-западу или к югу от острова Ян-Майен, какая-либо другая крупная залежка находилась к северо-востоку от этого острова. В последних числах марта суда, искавшие детную залежку, прошли по обыкновению вдоль кромки льдов в северо-восточном направлении до 72° и 73° с. ш., и там

люди видели стада тюленей, мигрировавших на юго-запад. Будь там на севере крупная щенная залежка, эти стада, разумеется, направились бы туда.

Мне кажется наиболее вероятным, что в годы, более или менее нормальные в смысле ледовых и метеорологических условий, массы тюленей из всей обширной морской области между Исландией и Шпицбергеном, а может быть также и из западной части Баренцова моря стекаются на одну крупную залежку; эта залежка бывает обычно расположена на большой Ледяной косе в море к северо-востоку от острова Ян-Майен — конечно, при условии, что эта коса достаточна обширна и удобна для залежки.

Вот к этому месту и гребут тюлени; пригребают они не только с северо-востока, но также большими стадами с юго-запада, и по окончании щенки возвращаются обратно в этих двух направлениях, что указывает на отсутствие другой крупной щенной залежки в данной области.

Я представляю себе, как это происходит: во время миграции с северо-востока вдоль кромки льдов тюлень постоянно ищет наиболее подходящий лед и вообще наиболее удобные условия для щенной залежки. Чаще всего он и находит эти условия на Косе, когда плывет Северною бухтою. Но если на севере условия вообще неблагоприятны и лед неудобен для залежки, — например, слишком тяжел, — тюлень ищет себе подходящее место дальше, в юго-западном направлении. Иногда такие стада гребут, повидимому, под предводительством тюленьих вожаков.

Стоит какой-нибудь группе тюленей вылиться на лед, к ним тотчас же присоединяется масса их роди-

чей, так как в тюлене очень развито чувство стадности. Сюда же пригребают стада с юга и также выливаются здесь на лед. Если же эти южные или западные тюлени вылились на лед до прихода стад с северо-востока, то последние тоже присоединяются к ним.

Но, кроме этих крупных щенных залежек, образуются щенные залежки меньших размеров, во всяком случае в те годы, когда особые ледовые условия не благоприятствуют одновременному полному сбору тюленьих стад; принимая в соображение все вышесказанное, можно, пожалуй, допустить, что в море между Ян-Майеном и Исландией действительно образуется обособленная щенная залежка меньших размеров.

Выше уже говорилось о том, что близ Ньюфаундленда, кроме восточной крупной залежки на дрейфующем льду, имеется также залежка меньших размеров в бухте Св. Лаврентия.

Возможно также, что каждый год большее или меньшее число щенных самок по каким-либо причинам не пригребает к крупной детной залежке и вынуждено метать детенышей в другом месте дрейфующего льда; если таких самок соберется в одном месте много, они могут образовать отдельную щенную залежку.

Наконец, они могут быть вынуждены метать детенышей на суше, куда гренландский тюлень выходит только в случае крайней необходимости. Этот выход на сушу имел место в необычные в истории тюленей годы — 1902 и 1903, когда к северному норвежскому побережью нахлынули стада русского тюленя; тогда много детенышей рождалось на крайних шхерах и даже на берегах фиордов (например, в Варангер-

фиорде), в особенности в феврале и марте 1903 года. В том году самки часто метали детенышей и на Мурманском побережье.

Если что-нибудь встревожит тюленей в то время, когда они выливаются на лед перед щенкой, — например, если лед разламывается и дробится от шторма или от большой волны или начинает быстро смерзаться вследствие сильных морозов и безветрия, так что зверю грозит опасность «обмерзнуть», быть отрезанным от воды, — тюлени отправляются в дальнейшее странствование и рассеиваются в различных направлениях, образуя много отдельных детных залежек.

Но часто шторм ломает и дробит лед уже после щенки, и тогда бывает, что льдины с утельгами и бельками носит по открытому морю.

В силу этих различных причин в иные годы может и не быть единой крупной, сконцентрированной детной залежки, но образуется ряд более мелких.

Так, например, в 1881 году, за год до нашего плавания, щенные залежки были рассеяны по разным местам; промысловые суда обнаружили несколько щенных залежек в обширной области примерно между 5° з. д. и 6°31′ в. д. и между 71—72° с. ш. «Вега» добыла с 6 по 17 апреля на различных щенных залежках 2687 бельков и 220 взрослых тюленей. Во время побойки лед находился в сильном дрейфе на остзюйдост.

В качестве примера можно привести также 1904 год, когда детные залежки были разбросаны на большом пространстве. Промысловое судно «Бельгика» обнаружило в период с 27 марта до середины апреля отдель-

ные щенные залежки с детенышами в различных местах, начиная от 73°14′ с. ш. и 4°43′ з. д. и кончая 75°15′ с. ш. и 4° з. д., а также дальше в западном направлении на 74°4′ с. ш. и 6°21′ з. д. Самая крупная из залежек была обнаружена примерно на 74°11′ с. ш. и 3° з. д., где 1 и 2 апреля и было добыто 1060 голов.

Как подумаешь, что много-много лет подряд тюленепромышленники — сначала немцы и англичане, а с 1847 года и норвежцы — ежегодно находили детные залежки в море около Ян-Майена, ежегодно уничтожали там тюленей тысячами, то можно только удивляться, что поголовье гренландского тюленя уменьшилось сравнительно мало. Ведь в некоторые годы истреблялось минимум сто пятьдесят — двести тысяч голов молодняка, и стало быть в те годы, когда ничто не мешало скоплению тюленей на щенной залежке, и лед не взламывался штормом или волною, и суда во-время подходили к залежке, несомненно истреблялась бóльшая часть молодняка и кроме того немало взрослого зверя.

Что же спасло тюленя от почти поголовного истребления? Возможно, что в те годы, когда детные залежки были разбросаны по различным морским районам, зверобои убивали лишь небольшой процент бельков; возможно также, что значительная часть тюленьего стада не доходила до главной щенной залежки, а давала приплод в других местах и, благодаря этому, избегала гибели.

Наконец, еще в большей мере спасло тюленя (правда, в более поздние времена) падение цен на ворвань, так что большим и дорого стоящим промысловым судам стало невыгодно заниматься тю-

леньим промыслом. Вдобавок содержание команды сильно вздорожало в сравнении с прежними временами, да и промышленники не хотят больше изводиться на тяжелой работе, которой раньше отдавались с таким азартом. При восьмичасовом рабочем дне тюлений промысел не может быть особенно прибыльным; и в сущности, ведь, когда тюлень залегает на льду, нельзя терять ни часу.

НА СЕВЕР ЗА КРЫЛАНОМ И СНОВА НА ЮГ

В СЛЕДУЮЩИЕ дни мы крейсировали взад и вперед во льдах, выжидая улучшения погоды и в надежде поохотиться на оставшийся тюлений молодняк, если представится возможность. Из-за вьюги видимость была плохая, но все же нам удалось убить в разных местах на льду несколько детенышей, хотя, конечно, это была неважная добыча.

Ранним утром 28 апреля (набл. 73°15′ с. ш. и 10° в. д.; темп. —5° Ц; ветер с NW) меня разбудили сообщением, что вдали показался медведь.

Я мигом оделся и выбежал на палубу, чтобы спуститься на лед. Медведь был виден с палубы невооруженным глазом: темное пятно, движущееся по

Охота на крылана

льду. В бинокль же можно было рассмотреть, как он шел, по временам проваливаясь в воду сквозь тонкий лед. Это был здоровенный детина, но, к сожалению, он взял курс не на нас, а в противоположном направлении, и нам не угнаться было за ним. Дул слабый ветер, под парусами мы не могли итти быстро, а паров не разводили.

Затем мы повернули на север поискать крылана и достигли, как нам показалось, Северной бухты (или Залива бухтового льда), которая, наконец, затянулась льдом после продолжительных морозов. Весь этот день и следующий мы пробирались сквозь молодой бухтовый лед.

Во всех направлениях виднелось темносинее небо; это говорило о том, что здесь нет других льдов,

кроме этого молодого бухтового льда, совершенно лишенного снежного покрова.

А потом до ночи на воскресенье, 30 апреля (прибл. на 75°24′ с. ш. и 9°30′ в. д.; темп. —5° Ц; слабый ветер с NNW, ONO и O; метель), мы пробирались сквозь пак из более крупных льдин; ночью нас оповестили о появлении тюленей. Были спущены две шлюпки. Теперь солнце светит здесь круглые сутки, и как раз в полночь, когда мы отвалили на шлюпках от «Викинга», оно прорезало облака, и северное небо вспыхнуло желто-красным пламенем.

Но тюлень был пуглив и залегал лишь кое-где на отдельных льдинах. К тому же бухтовый лед между льдинами был почти непроходим. Оле Могеруду удалось застрелить в воде всего нескольких зверей.

Если тюлень в воде, нельзя стрелять ему в голову, так как тогда он обычно тонет; но если зверь то высовывается из воды, то ныряет, то опять выглядывает, надо выбрать такой момент, когда он высоко подымется над водой, и стрелять ему в глотку, чтобы раздробить шейные позвонки. Тогда кровь хлынет ему в дыхательное горло, закупорит его, воздух не может сразу выйти из легких, поэтому и тюлень не тонет сразу, так что охотник успевает подбежать и вонзить в него багор. В более позднее время года зверь настолько тощает, что даже убитый выстрелом в шею немедленно погружается в воду. Тюлень шел крупными стадами, и в полыньях повсюду торчали из воды тюленьи головы. Особенно много было их у нас в кильватере; часто они прямо кишели там.

В понедельник, 1 мая (темп. —5° Ц; слабый ветер с ONO), мы находились, согласно наблюдениям,

на 76°28′ с. ш. и примерно на 8°9′ в. д.; по нашим расчетам, мы все еще в Заливе бухтового льда, сквозь который идем три дня, начиная, примерно, с 73°20′ с. ш. Куда ни глянь, почти везде только бухтовый лед.

Около полудня из дозорной бочки дали сигнал готовиться к хозу. При слове «хоз» всех людей на промысловом судне обычно охватывает лихорадочное волнение. Приносятся охотничьи доспехи, снова правятся зверобойные ножи, люди бегают взад и вперед на бак или к релингу посмотреть на тюленей. Никому не сидится на месте.

Наконец-то мы нашли тюленей. Они залегли на белых ледовых косах, рассеявшись на пространстве чуть не в целую милю. Но свежий голубой бухтовый лед между старыми льдинами — серьезное препятствие для шлюпок.

Спустили две шлюпки: одну вел Оле Могеруд, другую капитан. Я сел в последнюю.

Обе шлюпки пошли к центру залежки, и там Оле должен был держаться одной стороны косы, мы — другой...

Тяжеленько было пробиваться сквозь этот бухтовый лед, не раз мы застревали в нем, но еще неприятнее был разносившийся на далекое расстояние треск льда, ломающегося о борта пустой лодки.

С величайшей осторожностью подплывали мы к льдине, но прежде чем приблизились на выстрел, тюлени, всполошенные треском льда, ушли в воду.

Нам приходилось то отталкиваться от льдин багром, то разбивать лед кирками и поджимать его под нос лодки. С огромными усилиями мы все-таки продвигались мало-по-малу вперед; в таких случаях

крайне важно действовать осмотрительно и планомерно.

Наконец мы подплыли на выстрел к другой льдине. В лодке тихо, никто не шелохнется. Ружье к щеке... выстрел. Голова ближайшего к нам тюленя «нырнула»; зверь «мертв как камень».

При звуке выстрела, а, пожалуй, скорее при виде дымка, несколько тюленей уходит в воду. Еще выстрел — и еще одна тюленья голова безжизненно поникает на лед.

Наш рулевой Кристиан Баллон,[1] стоявший на корме, приправляет каждый выстрел шуточкой.

Немного подальше виднеется еще льдина с тюленями. Дистанция порядочная — кто говорит: 250 локтей, кто 300 (160—190 метров); но тюлени забеспокоились, и капитан прикладывает ружье к щеке. Выстрел. Баллон: «Ишь ты, скалит зубы!» Еще выстрел. Баллон: «Этот от второй пульки не откажется!» Еще выстрел: «Ну, совсем оскалился!..»

И все в том же духе. В этом тяжелом бухтовом льду часто приходится стрелять с большой дистанции, так как плоские льдины не дают настоящего прикрытия.

Капитан меткий стрелок. Еще в ранней молодости, до того как он стал водить суда, он слыл в Северном Ледовитом океане одним из лучших стрелков.

Прекрасная тихая погода, и тюлени, собственно говоря, не так уж пугливы; ах, не будь этого треска

---

[1] Я никак не могу понять, почему ему дали такое прозвище. У него не было ни малейшего сходства с шаром; мускулистый и поджарый, он скорее напоминал охотничьего пса. *Прим. автора.*

ломающегося бухтового льда, из-за которого не подойти к ним на выстрел!

Тюлени лежат себе, похрюкивают да потягиваются на солнышке. На многих льдинах кучность так велика, что между спинами часто не видно льда.

На одной льдине более крупных размеров залегло с сотню тюленей. Капитан говорит, что в первый раз видит столько зверей на одной льдине.

«Тут есть чем поживиться», — подумали мы с ним, и решили стрелять оба. Но едва мы подплыли на выстрел, как тюлени все скатились в воду, и нашей добычей стал единственный тюлень, убитый капитаном. Я попал в двух тюленей, но они, еще прежде чем раздался мой выстрел, заковыляли по льду и соскользнули по инерции в воду.

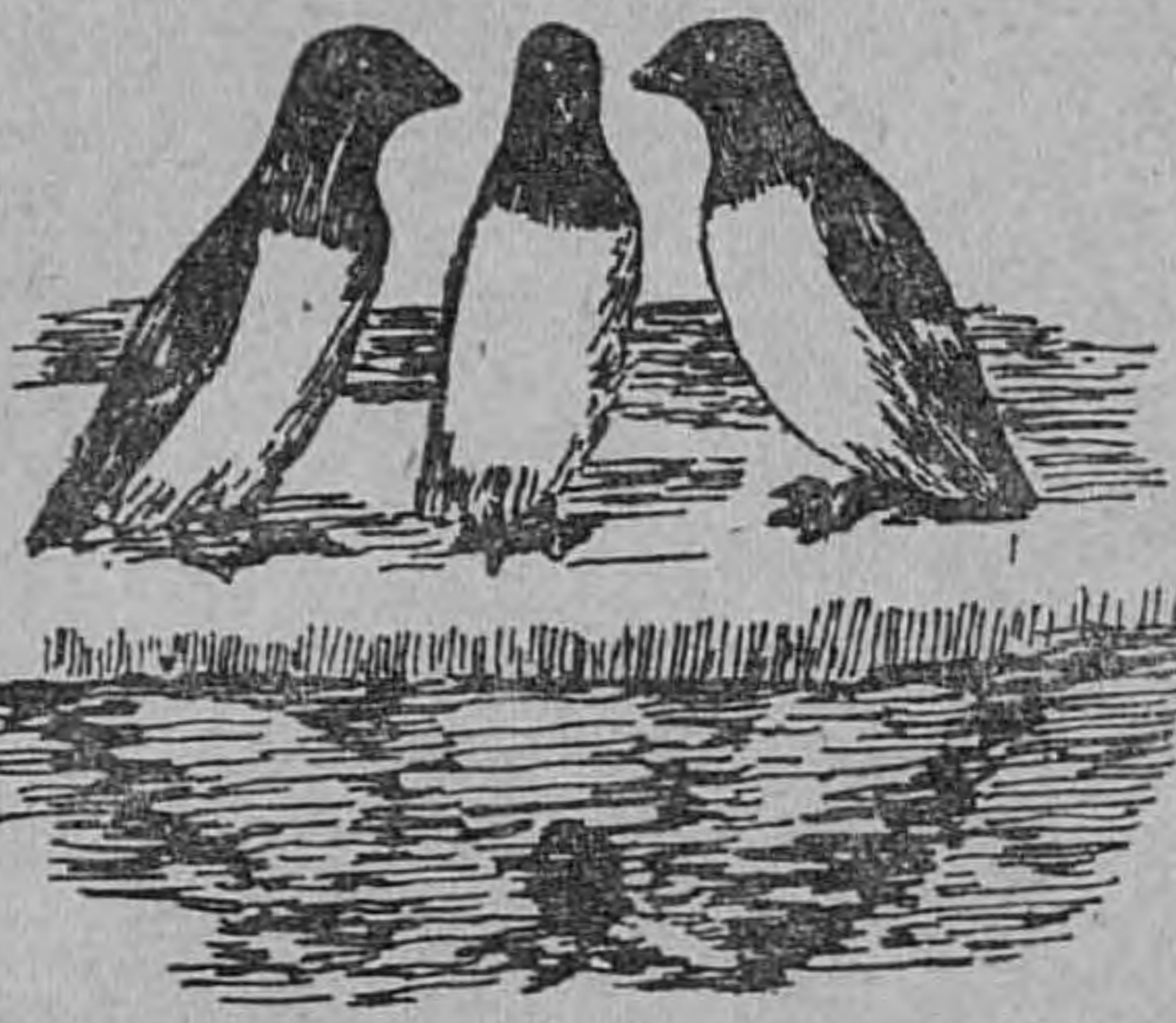
Я остался с пустыми руками. Это был мой дебют в качестве стрелка на тюленьем промысле. Оказывается, здесь стрелять не так-то легко, как я думал.

Кругом опустело, и мы повернули обратно к «Викингу».

В общем, за весь день мы добыли 66 тюленей.

2 мая около полудня (темп. от —7° до —5° Ц; слабый ветер с N), когда мы находились на 76°34′ с. ш. и примерно на 10° в. д., из дозорной бочки сообщили: «Шпицберген в виду!» Я вышел на палубу. На востоке над горизонтом маячили какие-то желто-белые пятна, но я так и не разобрал, облака это или снежные горы.

Поднявшись в бочку, я увидел ряд довольно острых горных вершин. Две, стоявшие рядом, показались мне особенно высокими. Это, вероятно, были вершины около Хорнсунда.



Люрики

Давным-давно не видали мы земли, и не скрою — меня сильно потянуло к шпицбергенским оленьим стадам и скалам с гнездами, выстланными гагачьим пухом; захотелось поразмять ноги на твердой земле.

На воде между льдинами плавала масса люриков, и их резкие крики слышались со всех сторон. Очевидно, они прилетели сюда с птичьих скал Шпицбергена в поисках пищи.

На судно к нам залетели две пуночки. Они садились то на шлюпбалки, то на реи. Вот прелесть-то! От их веселого чириканья как-то веселее становилось на сердце.

На другой день утром мы увидели на торосистой льдине кречета.

Теперь мы вошли в разбитый, более тяжелый лед. Капитан уверяет, что это лед не с севера, не из Северной бухты, а скорее с востока, из моря около Шпицбергена. Ну, это, пожалуй, сомнительно.

На следующий день, 3 мая (прибл. 76°11′ с. ш. и 12° в. д.; темп. —4° Ц; слабый ветер с NNW), мы стали приближаться к Шпицбергену, но его заволокло туманом, и мы почти ничего не видели. Так как в этих водах тюленей нет, мы снова повернули к западу.

Вечером 4 мая (прибл. 76° с. ш. и 3°28′ в. д.; темп. —6° Ц; ветер с NNW) мы отправились в «хоз». Я пошел с нашим плотником, который тоже стрелок. Погода стояла скверная: бриз и крупная волна; много бухтового льда; нас часто затирало, и приходилось отталкиваться багром, идя против ветра. Тяжелая работа! Наша лодка промыслила всего одного тюленя, а ведь потратили мы на охоту целых пять часов. Всего же было за день убито 33 тюленя; и на этот раз Оле Могеруд оказался на первом месте.

«Викинг» пошел дальше, большей частью сквозь бухтовый лед. Там и сям попадались ледяные торосы, но так как тюленей мы не обнаружили, то 6 мая (76° с. ш. и 3°20′ в. д.; темп. —4° Ц; ветер с N) решили повернуть опять на юг. Вода холодная; в четыре часа пополудни температура воды —0,6° Ц, а воздуха —4° Ц. Процесс образования бухтового льда все еще продолжается.

На борту коротали время за разной работой. Надо было занять чем-нибудь эту массу людей, чтобы они не слонялись без дела и не слишком роптали на судьбу и неудачу с побойкой.

Если не было шкур, с которых надо было срезать мясо или жир, приходилось давать команде разную корабельную работу: чинить снасти, чистить, выскребать, красить и т. п.

Когда нет побойки тюленей, на судне (как уже говорилось) люди обычно бездельничают. Чуть не самым важным занятием считается еда и сон. На вахте, в общем, работы не так много, разве двоим рулевым, да еще, пожалуй, тем матросам, которые брасопят и ставят паруса.

В свободное от вахт время люди или спят или едят. Целыми днями сковородки не сходят с конфорок в камбузе. Всем хочется что-нибудь поджарить себе, и на освобождающиеся конфорки устанавливается очередь, так как для всех сковородок сразу нехватает места.

Кто жарит себе на сковородке картошку, кто размягченный хлеб, кто рыбу, кусочки мяса или что-нибудь другое из своих запасов, как можно обильнее сдабривая кушанье маслом или свиным салом. Жаркое должно плавать в жиру.

Масло и шпиг — самая любимая еда полярников. Деньги не имеют здесь, в Северном Ледовитом океане, никакой цены, а вот за паек масла или шпига можно выменять почти все, что угодно.

Кончилась стряпня, начинается еда; люди поглощают прямо невероятное количество полных тарелок жирнейших кушаний. Поев, они пьют кофе, если удастся добыть его у кока. А потом трубка, разговоры или игра в домино, в шашки; ставка — кусочки жевательного табаку. Но скоро опять начинается стряпня.

Последствия такого образа жизни не могут не сказаться, и многие матросы на моих глазах с каждым днем полнели и округлялись; полнота некоторых внушала даже опасения; поступили они на судно худощавыми, стройными юношами, а теперь стали какими-то «жирными увальнями» с пухлыми щеками. На кого же они станут похожи в конце рейса?

Такое пристрастие к жирной пище часто приводило к неприятным последствиям, и нередко люди приходили на корму к капитану за медицинскими советами, жалуясь на «боль в груди». Капитан обычно отправлял

их ко всем чертям или еще подальше, и это, видимо, помогало; во всяком случае они больше не обращались уже к нему за помощью.

Мы с капитаном иногда охотились на птиц, стреляя с борта гагарок и кайр из дробовика или из штуцера. Иногда же мы с лодки охотились за гагарками, которые целыми стаями плавали в бухтах и постоянно ныряли взад и вперед вдоль кромки льдов. Когда их стаи с шумом проносились мимо лодки на расстоянии выстрела, надо было быть начеку: они летят очень быстро, и неопытному охотнику не подстрелить птицы; только когда поймешь, что надо целиться на много метров вперед летящей птицы, пуля попадает в цель. Вообще же попадать в этих птиц не так трудно, — летят они по прямой линии; когда пристреляешься, одна птица за другой кувырком летит в воду. Некоторых птиц мы стреляли, когда они плавали в море или подплывали к нашей лодке. Мало-помалу на днище лодки скоплялся порядочный ворох дичи, а свежее мясо всегда является желательной прибавкой к запасам нашего кока.

Постреляв вдоволь, мы возвращались на судно. И как приятно бывало после такой бодрящей морской прогулки вернуться в теплую каюту, сбросить с себя морскую одежду и непромокаемые сапоги и сесть за приготовленный для нас вкусный обед! После обеда мы обыкновенно часок-другой мирно покуривали трубку, сидя каждый в своем уголке на диване. Собственно говоря, хорошо нам жилось, несмотря на этих проклятых тюленей и проклятущий лед.

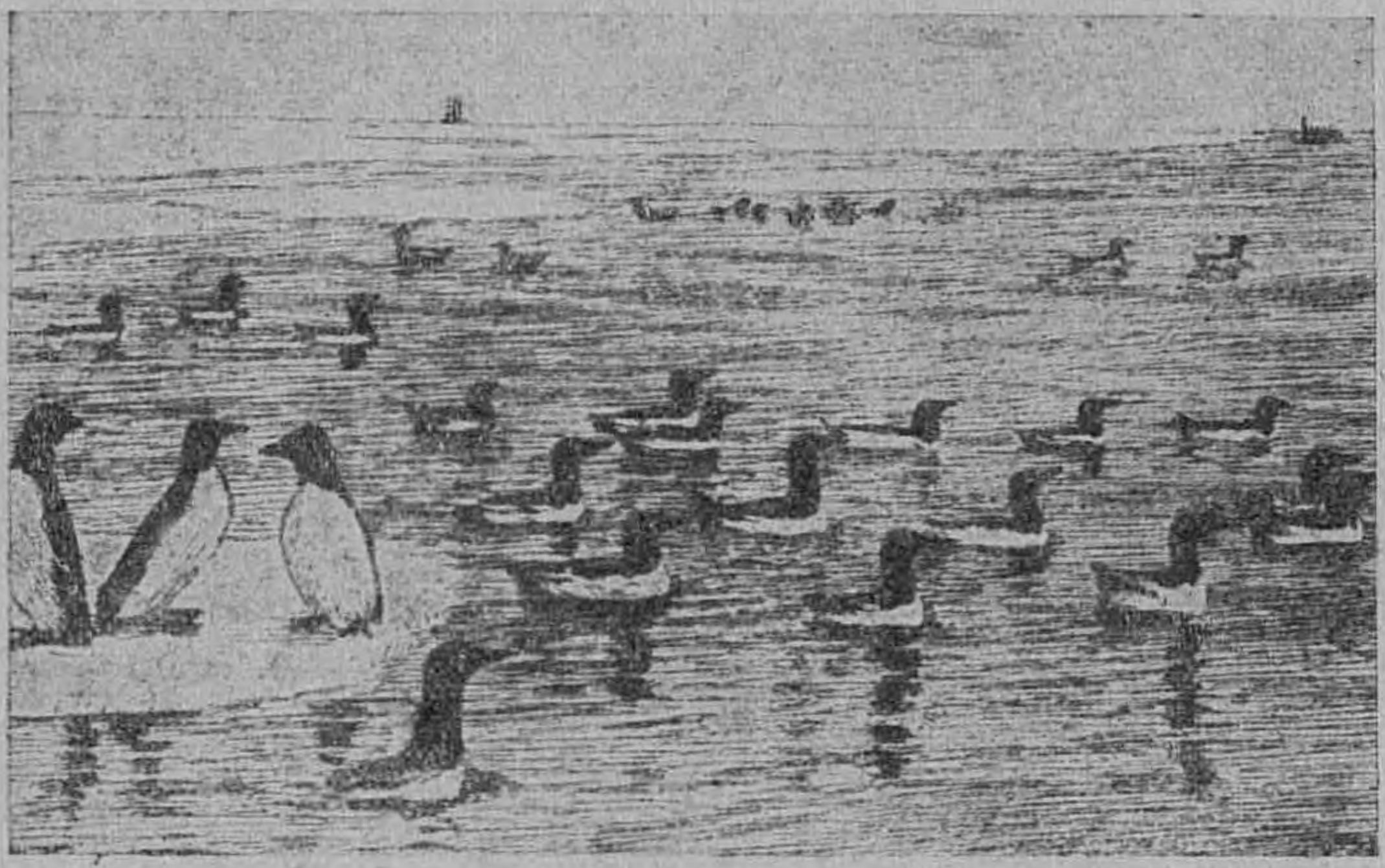
Когда представлялся удобный случай, мы организовывали для наших стрелков стрельбу в цель на льду.

Стреляли из ружей, употребляемых на тюленьем промысле, то есть из винтовок системы «экспресс» и из обыкновенных ружей.

На палубе мы часто стреляли из моего штуцера. Я много тренировался в стрельбе и считался весьма неплохим стрелком из винтовки. И вот однажды, когда мы занимались стрельбой, на баке укрепили патрон и предложили мне пробить его из штуцера. «Ну, это пустячное дело», подумал я, но каково же было мое удивление, когда Ханс Снеккер предложил мне пари на четвертушку табаку, уверяя, что я промажу. Я согласился и выстрелил: промазал! Промазал раз, промазал два, промазал в третий раз, проиграл четвертушку табаку, потом полфунта, а потом целый фунт. Капитан посмеялся и сказал, что он-то уж попадет. И тоже промазал несколько раз подряд. Все хохотали.

Я не мог понять, в чем тут дело: неужели ветер отклоняет пулю? А затем я разглядел, что мушка сдвинута к одной стороне дула. То-то было смеху! Это, конечно, штуки шутника Ханса. Но зато потом патрону не поздоровилось; три попадания подряд, одно отверстие в другое, так что он еле держался. Но теперь Ханс уже не хотел биться об заклад.

Воскресенье, 7 мая (прибл. 75°30′ с. ш. и 57° в. д.; темп. —3° Ц; слабый бриз с N); мы уходим все дальше и дальше на юг и юго-восток, весь день пробиваемся сквозь бухтовый лед. Мы с капитаном заметили, что в последнее время попадается совсем мало белогрудых буревестников. Их было так много в начале нашего плавания, но, повидимому, более светлые буревестники с белой грудью обитают дальше к югу, а здесь, севернее, водятся большей частью се-



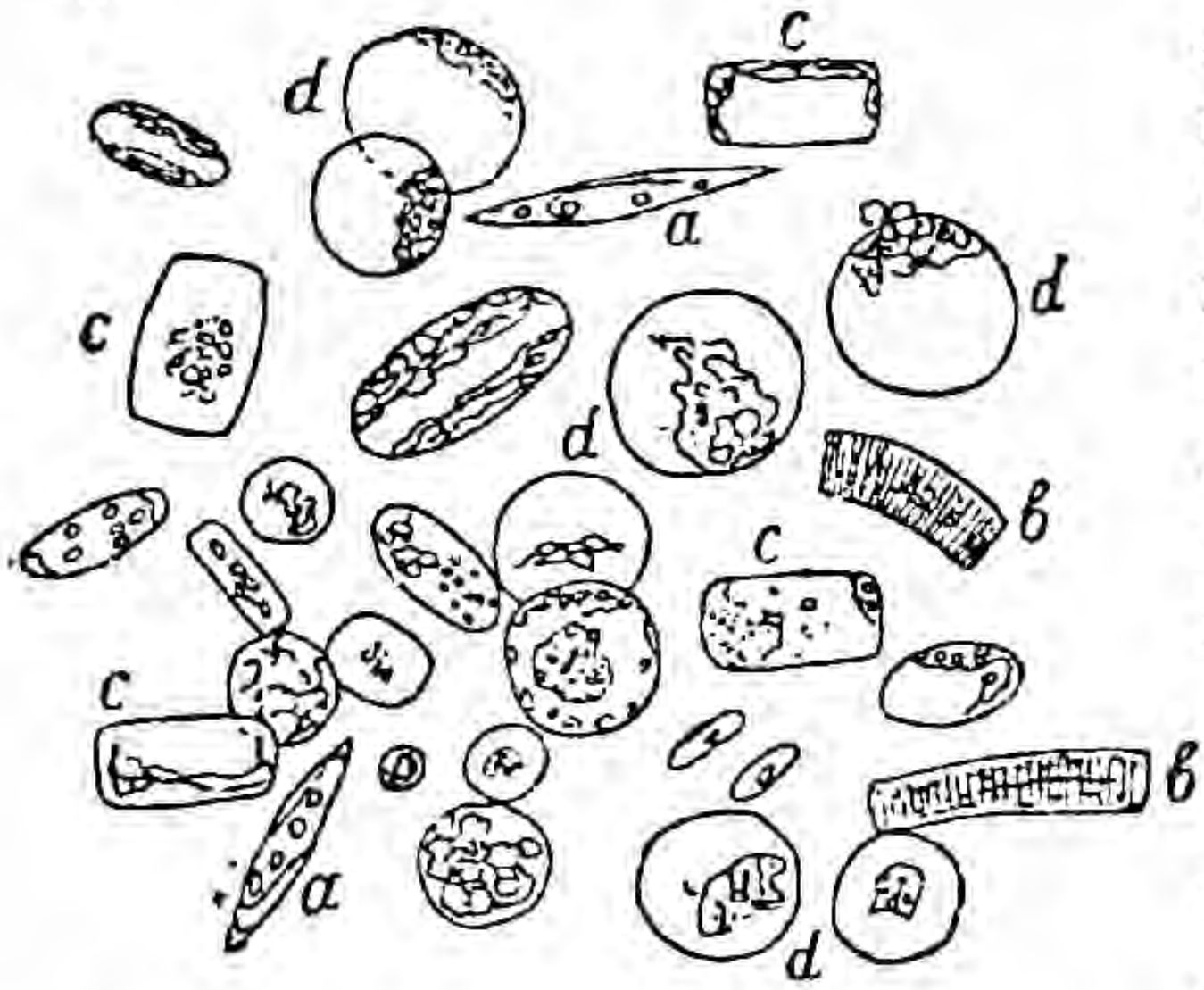
Кайры

рые особи. Видели мы также стайку из семи полярных воробьев.

После обеда капитан видел северную (карликовую) нерпу, выставившую свою крошечную головку из полыньи в бухтовом льду. Тюленепромышленники считают этого зверя особым видом карликового тюленя. Мне, разумеется, очень хотелось добыть столь замечательного тюленя, но он попадается редко и держится одиночкой. Какое-то загадочное одинокое существо!

Нижняя поверхность этого молодого льда оказывается на многих участках красноватого цвета, тюленепромышленники называют такой лед «тюленьим»; по их мнению, тюлень предпочитает выходить именно на красный лед.

Сегодня мы долго шли сквозь такой красный лед. Я попросил спустить шлюпку и добыл кусок этого



Диатомовые водоросли, растущие на нижней поверхности дрейфующих льдов

льда для микроскопического анализа. Оказалось, что красный цвет объясняется присутствием микроскопических растительных организмов, которые держатся на нижней поверхности льда и растут там или даже примерзают к нему. Это были большей частью различные виды кремневых водорослей, диатомей, между прочим из семейства *Navicula*, *Fragilaria* и др.

Мне еще мало приходилось работать с микроскопом, но я все же догадался сделать пером — правда, весьма несовершенный — набросок того, что мне удалось увидеть под микроскопом при его малом увеличении.

Профессор Х. Х. Гран, любезно согласившийся рассмотреть этот набросок, высказал предположение, что форма *a* — вероятно *Navicula directa*, встречающаяся в Северном Ледовитом океане. Форма *b* — весьма вероятно *Fragilaria* и повидимому *F. oceanica* — типичная форма арктического планктона. Круглые клеточки *d*, видимо, то же, что и *c* — прямоугольные с закругленными краями, то есть, коробочкообразные диатомовые, как *Thallassiosira gravida* или *Landeria*

glacialis; это такие же характерные формы арктического планктона, как и *Fragilaria oceanica*. Все это, по-видимому, преимущественно планктонные формы (то есть свободно плавающие в море), несмотря на то, что они найдены на нижней стороне льда.

Местами окраска льдин настолько ярка, что, когда лед ломался под судном, море около него становилось кровавым.

Крефтинг говорит, что такой лед обычно встречается на косе, где находится детная залежка. Это правдоподобно. Там, где нижняя поверхность льда краснеет от этих растений, их должно быть очень много и в воде. Планктон служит пищей для мелких животных, например, небольших ракообразных, которыми, в свою очередь, питаются тюлени, в особенности детеныши.

В морских районах, где плавают красные льдины, водится, очевидно, множество этих ракообразных, и тогда понятно, почему тюлень выбирает именно эти красные льдины, — конечно, если он действительно делает выбор между льдинами.

Пройдя дальше на юго-восток (7 мая), мы обнаружили в воде много тюленей. Они, видно, искали удобные льдины, чтобы вылиться на них; но здешние льдины вряд ли могут прийтись им по вкусу, так как лед здесь преимущественно бухтовый. Во многих местах тюлени выливались и на такой лед, но он им не нравился, — неудобно лежать на таком тонком льду. Однако в течение дня мы видели штук десять «серунов», рассеянных по бухтовому льду.

В конце концов нам надоели эти поиски крылана, которого здесь мало, и потому 8 мая (74°46′ с. ш. и 7°25′ в. д.; темп. —3° Ц; слабый ветер с SW) на судне

занялись очисткой тюленьих шкур с жиром (хоровины) от всяких остатков мяса.

Срезанное мясо выбрасывают за борт, привлекая стаи чаек и буревестников. Они дерутся между собой за эти отбросы. Жалкое существование! И просто невероятно, какое количество мяса способен поглощать буревестник и с какой быстротой исчезает в его глотке все съедобное!

Я накрыл сетью одного буревестника и поднял его на борт.

Как только мы выпустили птицу на палубу, ее вырвало огромными кусками мяса. Она не могла взлететь с палубы, так как здесь ей нехватало ветра, который раздул бы перья на ее крыльях, и она могла только прохаживаться по палубе. Через некоторое время мы ее выпустили на волю.

После срезки мяса производится «стружка», то есть со шкуры соскабливается весь жир. Это делается следующим образом: шкуры кладутся на так называемые «стояки», жиром наружу, а волосами к покатой гладкой деревянной доске. Шкура тщательно разглаживается, и жир срезается с нее специальным длинным и острым ножом, которым осторожно проводят несколько раз вдоль внутренней стороны шкуры; эту операцию надо производить очень тщательно, чтобы на шкуре не осталось ни малейших надрезов, так как они понижают ее ценность. Такая работа требует большого навыка и обычно доверяется самым опытным промышленникам.

Сало разрезают на полосы и укладывают в специальные чаны. Шкуры же, очищенные от сала, посыпают солью и укладывают одну на другую в лари.

Съемка

Срезка

В следующие дни мы все еще держали курс на юг и юго-запад; шли большей частью по чистой воде вдоль кромки льдов; за это время мы добыли несколько тюленей, которые залегли на ледяной косе, вдававшейся в море. Я воспользовался случаем изучить анатомию тюленя и изготовил из него анатомические препараты.

Вечером 10 мая (прибл. 72° с. ш. и 8° в. д.; темп. 0° Ц; слабый ветер с SSO) мы видели редкого гостя в этих водах — огромного гренландского кита (*Balaena mysticetus*), который несколько раз всплывал вблизи судна, выбрасывая кверху струю водяных брызг. В отличие от крупных сельдяных китов, у него нет плавников на спине, и он именуется, как и его менее крупный родич — норджапский или бискайский кит — «полосатиком». В прежние времена этот ценный кит в изобилии водился в арктических водах, преимущественно вдоль кромки льдов по направлению к Шпицбергену. Целые флотилии крупных промысловых судов отправлялись — в особенности в XVII и XVIII веках — промышлять этих китов, главным образом, для удовлетворения женского тщеславия: чтобы добыть побольше длинного китового уса, который шел на женские корсеты и корсажи. Китовый жир тоже был нужен, — из него вытапливали ворвань для ламп.

Гренландский (или полярный) кит не так длинен, как синий кит и сельдяной; он редко достигает в длину 18 метров и лишь в исключительных случаях 19 или почти 20 метров, но зато он невероятно массивен и неуклюж. Объем туловища в самом толстом месте равняется приблизительно четверти всей длины его тела; гренландский кит средней величины дает от 17 до

20 тонн сала, а самые матерые киты — 28 и даже 30 тонн. Общий вес кита примерно 70 тонн. Толщина жирового слоя от 25 до 50 сантиметров.

Кит передвигает в воде свое неуклюжее тело при помощи мощного хвоста шириной от 5½ до 7½ метров. Голова у него гигантских размеров; длина ее составляет почти треть всего тела; у кита длиной в 15 метров голова имеет в длину около 4,7 метра; самый длинный ус в пасти 3,4 метра, а у самых матерых китов почти 3,8 метра.

Кит, размыкая челюсти, обнаруживает огромную пасть, но, несмотря на ее величину, питается он только мелкими ракообразными (*Copepodae* и др.) и моллюсками (*Clione, Limacina*), которые кишат в море около льдин, придавая воде особую окраску. Кит подплывает к стаям этих мелких животных, разевает пасть, набирает в нее воды, затем пропускает воду сквозь находящиеся с обеих сторон длинные ряды пластинок (таких пластинок у него свыше 300 в каждом ряду), отцеживая все мелкие животные организмы и затем проглатывая их. Чтобы насытить такого гиганта, нужно, разумеется, колоссальное количество ракообразных.

Этот кит держится всегда в разводьях дрейфующих льдов или около кромки льдов, но преимущественно в битых мелких льдах, где находит достаточное количество пищи. В прошлые века множество таких китов водилось — как мы уже говорили — в море к западу и северо-западу от Шпицбергена и около острова Ян-Майен; в XVII и в XVIII веках на китобойный промысел выходили целые флотилии дорого стоивших судов. Бывало, что у Шпицбергена скоплялось две-три сотни промысловых судов, и они добы-

вали за год несколько сот китов. Так, например, в 1697 году 188 китобойных судов добыли около Шпицбергена 1959 китов, а этот год не считался особенно хорошим; в 1701 году было убито 2616 китов.

Китобойный промысел находился главным образом в руках голландцев и англичан, но занимались им также датчане, норвежцы, французы, испанцы (баски) и немцы; как известно, между ними происходили серьезные трения из-за пользования гаванью на севере Шпицбергена, но потом состоялось международное соглашение, и территория острова была разделена между различными странами.

С того времени число китов стало быстро убывать. Поэтому уже с начала XVIII века (после 1719 года) большинство китобоев перенесло поле своей деятельности в Дэвисов пролив и Баффинов залив, а также к западному берегу Гренландии; датчане же и норвежцы занимались китобойным промыслом с постоянных сухопутных станций; Холстенсборг, основанный еще в 1724 году, обязан своим возникновением, главным образом, этому промыслу.

Еще в начале XIX века в море к западу от Шпицбергена было убито несколько китов; но тогда они попадались больше в районе дрейфующих льдов, ближе к восточному берегу Гренландии. В 1814 году — это был исключительный по богатству добычи год — англичане промыслили в этом море между Гренландией и Шпицбергеном 1437 китов, но после того число китов стало убывать со страшной быстротой. В настоящее время в море около Шпицбергена не встретишь ни одного гренландского кита, да и в рай-

оне дрейфующих льдов у восточного побережья Гренландии их тоже немного.

Но чем же объяснить тот факт, что эти огромные животные, совершенно исчезнувшие в одних районах, все-таки попадаются — и в немалом количестве — в соседних областях? Объясняется ли это, как многие думают, тем, что киты избегают областей, где они подвергались наиболее сильному преследованию, и что в таком случае они ищут убежища подальше, внутри дрейфующих льдов, куда проникнуть людям гораздо труднее?

Мне кажется, что дело обстоит иначе: в зависимости от времени года киты мигрируют в определенные области, причем у каждого вида китов твердый маршрут. Гренландский кит, живущий в море между Гренландией и Шпицбергеном, по зимам уходит в море дальше к югу, — быть может, несколько севернее Исландии.

Весной он направляется вдоль кромки льдов к той области моря, где проводит лето, причем различные виды китов выбирают себе различные районы. Массы китов в прежние времена держались у побережья Шпицбергена или в море к западу или к северо-западу от этого архипелага; другие проводили лето в глубине дрейфующих льдов или в открытых водах у восточного побережья Гренландии.

Доказательством того, что переселение китов к восточному побережью Гренландии не было результатом преследования их около Шпицбергена, является, между прочим, тот факт, что уже в 1684 или 1686 году несколько голландских судов прошло сквозь дрейфующие льды к бухте Гэль-Хамкса примерно до

74° с. ш. и обнаружило там много китов, направлявшихся вдоль побережья на юго-запад. Три промысловых судна убили 60 китов, да и остальные вернулись домой полностью загруженные. Следовательно, уже тогда в этих водах водились стаи китов, которых, кроме того, можно было встретить в большом количестве около Шпицбергена.

Повидимому, дело происходило так: сначала был истреблен многочисленный вид китов, державшийся летом около восточного побережья Шпицбергена; на это понадобилось всего несколько лет. Затем принялись охотиться на китов того вида, который держался в море дальше к западу у кромки западного льда, и истребили его. После этого пришлось разыскивать китов, летнее местопребывание которых находилось подальше в глубине дрейфующих льдов и ближе к восточному побережью Гренландии; этот вид не вполне истреблен еще и поныне.

Большинство китов этого вида было добыто преимущественно в двух районах: в «южном районе охоты», между 70° (устье залива Скоресби) и 75° с. ш., где китобойным промыслом занимались во второй половине июня, и в «северном районе охоты», к северу от 77° с. ш. и дальше до 80° и даже до 81° с. ш., если китобойное судно могло проникнуть туда. Между 75°30′ с. ш. и 77° с. ш. кит попадался лишь в редких случаях.

В конце марта, то есть в то самое время, когда гренландский тюлень собирается на залежках, кит, повидимому, странствует в северном направлении вдоль ледовой кромки, заходя довольно далеко вглубь льдов; в апреле же или ближе к осени (в августе и

сентябре) он направляется опять к югу вдоль восточного побережья Гренландии.

Но, как уже сказано, этих китов осталось немного, а размножение идет, видимо, медленным темпом; самка кита с детенышем представляет редкое явление. Извéстный китолов капитан Грей сообщает, что за много лет китобойного промысла в этой области он видел не более шести самок с детенышами и не встречал ни одного кита, у которого не было бы следов от поранения гарпуном. Он из года в год опознавал в море отдельных китов; так, например, китоловы встречали семь лет подряд в одной и той же морской области кита с белым пятном на спине, и т. д.

В области к западу от Гренландии, в Баффиновом заливе и в Ланкастерском проливе, повидимому, водится еще довольно много китов. Эти киты каждую весну также предпринимают регулярные странствования к северу, а осенью опять к югу. Но этот вид китов не смешивается с видом, живущим к востоку от Гренландии; один какой-нибудь вид кита присоединяется к стае другого вида только в исключительных случаях.

Мы не знаем, какого возраста достигают киты, но, повидимому, очень высокого, если не падут жертвой китобоев. [1]

---

[1] В качестве интересного примера того, насколько территориально ограничена область распространения гренландского кита, приведем следующий факт: в сентябре 1894 года капитан Мак-Кэй (судно «Новая Земля») добыл в Дэвисовом проливе необыкновенно крупного кита. Он нашел в его подкожном жировом слое стальной гарпун с меткой «Jean» av Bo'ness [Bo'ness — Borrowstanness — Борростаунес, портовый город в Шотландии. *Прим. перев.*] и с датою сорокалетней давности. «Жан» из Бонесса

История истребления кита — позорная глава истории человечества; она лишний раз доказывает, как мы, к сожалению, еще далеки от того, чтобы считаться разумными, здравомыслящими существами. В целом ряде областей мы уничтожаем одного из крупнейших великанов природы, не приносящего никому никакого вреда; мы не можем прийти к соглашению относительно международной охраны его для предотвращения хищнического истребления этого зверя и для сохранения источника постоянной и верной выгоды. Получается такое впечатление, будто люди, охваченные хищническим инстинктом, сознательно закрывают глаза на это дело.

Капитан, сидя на релинге, долго смотрел вслед киту.

— Да, ребята, — проговорил он, — вот бы нам промыслить эту махину, тогда окупился бы весь наш рейс!

Один ус такого матерого кита представляет целое состояние, не говоря уж об остальных статьях дохода.

Мы видели здесь также много клюворылов (или клювастых китов); очевидно, здешние воды изобилуют

затонул в Дэвисовом проливе в 1857 году, а кит, очевидно, все эти годы странствовал в одной и той же области.

После 1882 года лишь несколько шотландских китоловов продолжало охотиться в море к востоку от Гренландии; но китовое поголовье непрерывно убывало. По сообщению Саутуэлла, в 1883 году в этой области был пойман один гренландский кит, в 1884 г. — 11, 1885 г. — 12, 1886 г. — 15, 1887 г. — 3, 1888 г. — 4, 1889 г. — 16, 1890 г. — 0 (видели издали 6), 1891 г. — 11, 1892 г. — 3, 1893 г. — 1, 1894 г. — 4, 1895 г. — 11, 1896 г. — 6, 1897 г. — 1, 1898 г. — 0 (не видели ни одного), 1899 г. — 1, 1900 г. — 0, 1901 г. — 0. *Прим. автора.*

пищей для китов. Вода здесь грязновато-бурая, но все еще холодная; температура ее на поверхности — 1,1° Ц.

Сегодня солнце коснется горизонта над морем ровно в 12 часов ночи. Это «полуночное солнце».

На другой день (11 мая; прибл. 71°6′ с. ш. и 7°51′ в. д.; темп. + 2° Ц; ветер с О) я увидел птицу, похожую на перепелятника; она прилетела и уселась на такелаже, но я никак не мог решить, к какому виду ее отнести. Возможно, что это был карликовый сокол (*Falco aesalon*). Вода начинает теплеть; в 4 часа пополудни температура ее равнялась + 1,5° Ц; около полуночи + 0,9° Ц.

ВОКРУГ ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ИСЛАНДИИ В ДАТСКИЙ ПРОЛИВ

ПЯТНИЦА, 12 мая (набл. 70°42′ с. ш. и 2°50′ в. д.; темп. + 2° Ц). В течение всего дня штиль; вода как зеркало; мы дрейфовали неподалеку от льдов. Еще не ушло время хорошей охоты на хохлача, но капитан, видимо, не считал себя в праве расходовать уголь для дальнейшего продвижения к западу; приходилось выжидать ветра. Вода остается теплой: от + 1,5° Ц до + 1,8° Ц.

Здесь мы видели много клюворылов, которые часто лежат на воде совершенно неподвижно впереди судна или в кильватере. Одна стая за другой подплывала к судну и кружились около него, осматривая нас со всех сторон.

Мы, к сожалению, не раз стреляли в них из ружей «экспресс» — безрезультатно. Тогда мы, стрелки, решили дать по ним залп.

Вот три клюворыла плывут прямо на «Викинг»; вот они у нас в кильватере, и один из них остановился метрах в 20 от судна. Все стрелки снова собрались на шканцах. Сосчитали до трех и дали залп; но клюворыл, высоко подняв хвост, ударил им по воде и скрылся. Клочья сала всплыли на поверхность к великой радости буревестников.

Повидимому, кит не особенно чувствителен к пулям, так как через некоторое время мы увидели, как он преспокойно плыл в компании с двумя другими китами. А что это был тот же кит, доказывали буревестники, бросавшиеся к нему, когда он появлялся на поверхности; около него, вероятно, всплывали клочья окровавленного сала. После того мы оставили всякие попытки бить клюворыла из ружья.

Капитан нашел, что интересно было бы спустить лодку и посмотреть, на какое расстояние подпустит ее к себе клюворыл. Сказано — сделано. Мы направили лодку к двум спокойно лежавшим в воде клюворылам. Вдруг они подняли хвосты, ударили ими по воде, обдав нас брызгами и пеной, и исчезли. Но вскоре снова вынырнули совсем близко от нас и начали оглядывать нас со всех сторон; потом залегли у самой поверхности воды, склонив голову на бок и посматривая на нас крошечными глазками.

Капитан багром зацепил за хвост одного клюворыла. Кит задрал хвост и нырнул в воду. Едва, однако, мы двинулись вперед, киты поплыли за нами, шесть штук сразу; плыли у самого борта, то опережая нас,

то отставая, но все время держась у самой лодки и проявляя крайнее любопытство.

Правду сказать, нас так и подмывало зацепить этих голубчиков гарпуном. Лихая была бы запряжка. Маркуссен с «Веги» испытал однажды это удовольствие, всадив гарпун в такого кита. Вот как он рассказывал нам об этом, когда был у нас в гостях на «Викинге»:

«Надоело мне смотреть, как из года в год эти туши сала шныряют в море вокруг судна, а мы палец о палец не ударим, чтобы поднять их на борт, — начал свой рассказ Маркуссен. — И вот однажды, отправляясь в рейс, я захватил с собой гарпуны и гарпунные лини.

«Ну, вот... Стояла прекрасная погода, и клюворылов этих собралось много. Я снаряжаю лодку с гарпуном и на всякий случай беру с собой три линя. Четверо гребцов, один на рулевом весле, а я сам на носу с гарпуном в руках. Ну, эта огромная рыбина вынырнула у нас перед самым носом. Я метнул в нее гарпун; хвост здорово плеснул по воде, кит нырнул, а линь как пошел чесать вниз, так даже гарью запахло. Надо было бы, собственно говоря, травить его с битенга и тормозить, да не посмел я и пустил свободно. Скоро вытравили весь первый конец, потом второй, пришел черед и третьему.

«Тут уж я, правду сказать, струхнул: не упер бы клюворыл и третий линь! Подсунул руку под последний круг, выхватил конец и принайтовал его к банке.

«Но линь разматывался круг за кругом, а скорость хода не уменьшалась. И как дошло до конца, лодку сразу же рвануло вниз, и мы все полетели в воду, забарахтались.

«Ребята мои заголосили, что им конец, мол, приходит; плавать-то никто не умел; но я цыкнул на них и ткнул в руки каждому по веслу: держитесь!

«На счастье «Вега» была под парами, тотчас же подошла и выловила нас из воды.

«Ну, и прыть же у этой рыбины, нырнула — и поминай, как звали. Море было совсем гладкое, и мы из бочки все глаза проглядели, высматривая ее, — так и сгинула вместе с лодкой нашей. Не показалась больше на нашем горизонте.

«Ну, конечно, я бесился, что потерял такую хорошую лодку.

«Второй лодкой я, разумеется, не хотел рисковать, а про себя все думаю, как бы все-таки это дело обделать. И вот в следующем году забрал я с собой несколько бочек из-под парафина. Приготовил три, прикрепил к ним три новеньких линя и погрузил все это в лодку.

«Вышли в море. Ну, конечно, я всадил гарпун в одну такую рыбину, она вглубь таким же манером, как та первая. Вытравили мы первый линь и кинули первую бочку за борт. Утянуло ее так же быстро, нигде не застопорило; стал сматываться второй линь, выбросили в море вторую бочку — та же история, — сразу вглубь ушла; травим третий линь так же быстро. Ну, выкинули за борт и третью бочку; и она затонула с той же скоростью. Ни кита, ни линя, ни бочек! Все сгинуло без следа. И сколько мы ни высматривали потом, так и не увидели этого кита на поверхности.

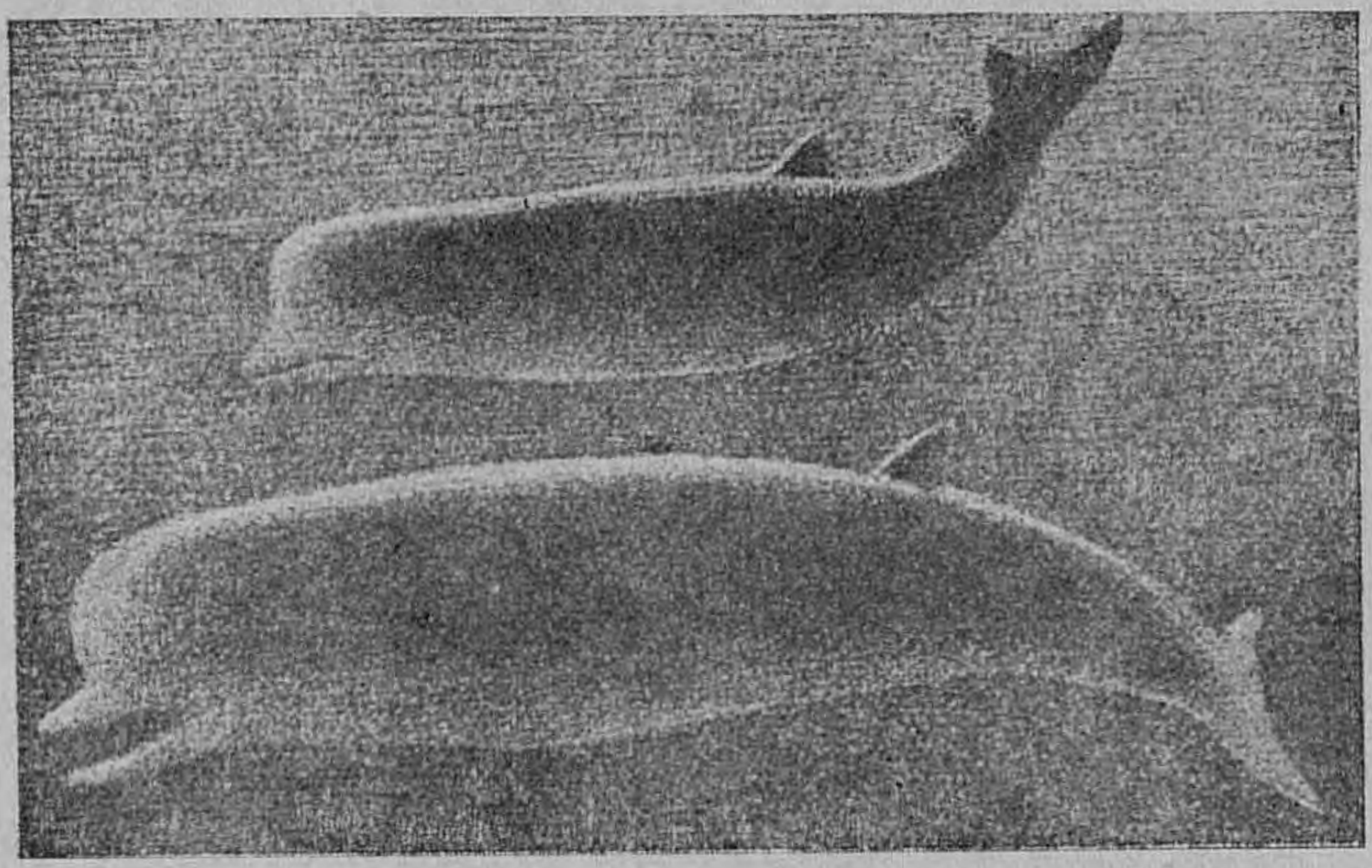
«Какова силища у рыбины? Ну, после этого я не стал больше связываться с клюворылом».

Но бочки из-под парафина не всплыли вот почему: как только они погрузились на некоторую глубину, они сломались под давлением воды. Вдобавок, пока бочки и лодка погружались в глубину, все поры дерева пропитались водой, и оно не могло не затонуть.

Насколько мне известно, попытка капитана Маркусена была первой попыткой норвежцев промыслить клюворыла, но вскоре положение изменилось.

В прежние времена норвежцы совсем не охотились за этим видом кита, несколько же шотландских судов под командою капитана Грея, промышлявших тюленями, занимались в течение двух-трех лет боем китов-клюворылов и в мае—июне 1882 года добыли 203 головы. В том же году попытались заняться этим промыслом некоторые норвежские тюленепромышленники. А еще через год норвежцы снарядили несколько больших судов специально для охоты на клюворыла. Этот промысел стал быстро развиваться; в 1884 году 4 норвежских судна добыли 211 таких китов, в 1885 году 22 судна промыслили их уже около 800, а начиная с девяностых годов 60 судов ежегодно добывали около 3000 клюворылов. Впоследствии, однако, промысел сильно упал вследствие уменьшения числа китов.

Клюворыл, или клювастый кит (*Hyperoodon rostratus*), — замечательное животное во многих отношениях. Свое название «клюворыл» (по-английски *bottlenose*, по-норвежски *Nebbhval* или *Nebhval*) клювастый кит получил потому, что лоб у него с опухолью, напоминает брюшко бутылки, а челюсти выдаются из-под этой опухоли в виде клюва или горла бутылки. Жировая подушка на лбу круто обрывается спереди и особенно развита у старых самцов. Когда клюворыл



Клюворыл, или клювастый кит (*Hyperoodon rostratus*)

плывет у самой поверхности воды, из нее выглядывает только лоб, и человек, не умеющий различать китов, принимает эту опухоль за рыло.

Жировая подушка самки наполнена внутри прозрачным маслом, содержащим спермацет; он представляет большую ценность, и охотники собирают его с особой тщательностью. У самцов шишка наполнена плотным салом.

Самец крупнее самки, длина его равна 8—10 метрам, а длина самки доходит до 7½ метров.

Такой кит дает, в среднем, около тонны ворвани, а старые киты даже до 2½ тонн.

В раннем возрасте этот кит темного цвета и в воде кажется почти черным; брюхо у него чуть светлее спины. С годами кит становится светлее; особенно

светлой окраской иногда отличаются самцы; у старых особей жировая подушка белеет.

Клюворыл принадлежит к зубастым китообразным; у него вместо уса зубы, и по своим размерам он стоит на втором месте после кашалота. Но зубы у него чрезвычайно слабо развиты; в пасти сидит один, редко два передних зуба (длиной от 2 до 4 сантиметров) на нижней челюсти по обеим сторонам. Из десен выступают только самые концы этих зубов. Клюворыл ими вообще не пользуется, и часто они вовсе отсутствуют. У взрослых китов в верхней челюсти нет никаких зубов; у более молодых особей будто бы иногда находили зачатки зубов, слабо сидящих в деснах.

Однако не подлежит сомнению, что существовавшие в древние времена предки этих китов, подобно другим зубастым китам, обладали вполне развитыми зубами. Затем наступил период дегенерации: предки питались мелкими морскими животными, которых не приходилось хватать зубами и разжевывать, и зубы постепенно атрофировались; в настоящее время от всего прежнего великолепия остались только эти отдельные зубы и, пожалуй, еще несколько зачатков зубов внутри десен. Но у зародыша клюворыла имеются зачатки полного зубного аппарата. Здесь, по-видимому, произошло то же, что произойдет с нами, людьми, если мы слишком долго будем питаться только кашей-размазней и мелко размолотой пищей. Тогда у нас останутся только клыки, торчащие из десен — последнее воспоминание тех времен, когда люди были плотоядными хищниками и челюсти их были полны острых зубов.

Через несколько лет я получил веское доказательство того, что клюворылы не пользуются своими зубами; в бытность мою хранителем музея в Бергене мне прислали один такой зуб, на конце которого сидело множество крупных уточек (усоногие *Conchoderma auritum*). Это тот же вид животных, который часто прикрепляется к наружному днищу судов и к подводной части свай; очевидно, они попали в пасть кита и таким образом путешествовали с ним по морю. Совершенно непонятно, почему клюворыл не пользуется челюстями хотя бы для того, чтобы во время еды сдирать эти крупные ракушки с верхушек зубов.

Говорите после этого, что все в жизни имеет свой смысл и приносит какую-нибудь пользу. О, нет, осталось еще слишком много бесполезных, если не сказать вредных пережитков того, что когда-то имело смысл, но давно его утратило, и что мы тем не менее вынуждены таскать за собой. Относится это и к области физической и к области интеллектуальной.

С другой стороны, нельзя не удивляться различию эстетических вкусов у китов различных пород. У одних зубы постепенно исчезали, у других вместо зубов вырастали отвратительные черные бороды, а у самца нарвала зубы в результате эволюции приняли форму длинного копья из великолепнейшей слоновой кости; это копье высовывается чуть ли не на 2½ метра из пасти, составляя половину длины всего туловища нарвала и превосходя в три-четыре раза длину его черепа.

Зуб этот представляет собою закрученный клык, находящийся обычно в левой верхней челюсти; и так как такой клык имеется только у самцов, то он, как и рога

оленя, повидимому, служит украшением, привлекающим самок. Вот как различны вкусы даже у животных! Пользуется ли нарвал своим клыком и в битвах за обладание самкой — неизвестно. А вот для разжевывания пищи и у нарвала нет в пасти зубов.

В этих северных водах клюворылы питаются преимущественно каракатицами разных видов, которые водятся здесь в большом количестве; но он не брезгует также селедкой и другими стадными рыбами.

Сам клюворыл — животное общественное, предпочитающее жить стадами. Во время регулярных кочевок в стаде насчитывается до ста голов, но в тех областях, где кит появляется весной и летом, обычно попадаются уже меньшие стада, иногда в несколько особей, иногда в пять-шесть, иногда в десяток. Часто встречаются клюворылы-одиночки; это обыкновенно старые самцы, повидимому, достигшие того возраста, когда уже не интересуются больше самками или своими родичами.

Стадо обычно не покидает раненого товарища до тех пор, пока он еще жив, и благодаря этому китоловы часто уничтожают целые стада.

Клюворыл — чрезвычайно добродушное существо и никогда не нападет на лодку охотников. Да у него и нет никаких зубов, чтобы пустить их в ход против врагов; не этим ли объясняется отсутствие у него воинственного пыла?

Если же охота на клюворыла все-таки опасна, то лишь потому, что ею занимаются с вельботов, а клюворыл, если к нему подплыть слишком близко, может быстрыми и сильными движениями проломить борт лодки, а если линь от гарпуна запутается, то и утащить в воду всю лодку. Убить клюворыла трудно.

Говорят, что взрослый самец может утянуть за собой до 700 футов линя и пробыть под водой более часа, не показываясь на поверхность.

Подобно перелетным птицам, этот кит предпринимает каждую весну и осень продолжительные странствия. Зимой, с ноября по январь, клюворылы предпочитают экваториальное море, а весной собираются большими стадами и плывут к северу; там, в полярных водах, они наслаждаются обилием каракатиц, мечут детенышей и спариваются; иными словами, на севере они, как перелетные птицы, живут полной жизнью.

Приблизительно с средины апреля, а иногда и в марте отдельные стада китов направляются к северу мимо Фаррерских островов и рассеиваются по области к востоку и северо-востоку от Исландии. В это время они заходят далеко на север в те районы, где мы их встретили, а иногда и севернее.

Клюворыл избегает забираться под лед, даже если льдины разрежены. Он заходит в бухты между льдами, но обычно держится в пограничной области между теплым Атлантическим течением и студеным Полярным течением, эти воды изобилуют пищей. Бóльшую часть лета клюворыл проводит на поверхности этого моря.

Поздней весной он обычно мечет здесь детенышей, а через некоторое время спаривается. Самец, повидимому, придерживается полигамии.

В конце июля клюворылы перекочевывают к югу, в области к востоку от Исландии и поблизости от Фаррерских островов; там в сентябре многие клюворылы падают жертвой промышленников. Затем целые стада китов направляются дальше на юг, к тропикам.

Мясо клюворыла, как и других китообразных, очень вкусно, но жир его и ворвань оказывают послабляющее действие и потому не пригодны для пищи. Это свойство было известно норвежцам еще в древние времена; о нем упоминается в «Королевском зерцале»[1] (около 1240 года), где при описании китов у побережья Исландии говорится: «еще водятся два вида китов: один называется «утконосом», другой «свинорылом»,[2] и самые крупные из них не превышают 25 локтей; эти рыбы несъедобные, так как вытекающий из них жир не может удержаться ни в человеке ни в каком-либо другом животном; он вытекает из них, как вытекает также из дерева; не может он долго удержаться даже в роге».

Эскимосам прекрасно известно это послабляющее действие мяса клюворыла, которого они поэтому называют «анарнак», то есть «поносный кит». Это, однако, не мешает им употреблять его в пищу. Один датский врач, живший на западном берегу Гренландии, однажды отправился в эскимосский поселок и не увидел там ни души: вопреки обыкновению никто не вышел на берег встретить его. Наведавшись в хижину, он увидел, что поголовно все — и мужчины и женщины —

---

[1] Древнеисландский литературный памятник, относящийся к XIII веку; содержит в форме диалога между сыном и отцом сводку разнообразных практических сведений, советов и наставлений, как должно вести себя в различных случаях жизни честному и культурному гражданину. *Прим. перев.*

[2] Оба эти названия относятся, очевидно, к клюворылу и объясняются сходством его рыла с утиным клювом или свиным рылом. Свинорылами называли, повидимому, самок и юных самцов, у которых еще не было хорошо развитой опухоли на лбу. *Прим. автора.*

были так больны, что не могли выйти из дому. Оказалось, что накануне к берегу прибило «поносного» кита и все эскимосы объелись его мясом.

13 мая (набл. 70°34′ с. ш. и 13°3′ в. д.; темп. от +2° Ц до —1° Ц; ветер с NW) снова задул слабый ветер, и мы под парусами пошли на запад. Из бочки дали знать, что на ледяных полях кое-где залегают тюлени. Некоторое время мы держались около ледяных полей, увидали тюленей и стали спускать шлюпки, подвигаясь вдоль льдин.

Я в первый раз должен был выступить в роли стрелка и вести шлюпку с пятью людьми.

Нас спустили на воду, и мы на веслах пошли по направлению к тюленям. Во льдах оказалось изрядное волнение; крупною зыбью льдины швыряло одну о другую, и надо было смотреть в оба, чтобы они не раздавили лодку. Волны часто перекатывались через низкие края льдин, образуя что-то вроде воронок водоворотов. Нелегкое дело стрелять при такой зыби!

На льдинах лежали покрытые крапинами молодые тюлени, главным образом годовалые звери, которые в это время пугливее старых тюленей.

Первые тюлени, к которым мы подплыли, ушли в воду, не подпустив нас на выстрел; но потом нам повезло: мы убили трех тюленей на льду, одного в воде, а потом еще четырех на льду. Под конец дело пошло еще лучше, мы добыли всех тюленей, каких только встретили.

Два тюленя лежали рядышком на льдине и спали. По временам один из них подымал голову и озирался. С трудом выбравшись из водоворота около одной льдины, мимо которой нам пришлось пройти, наша

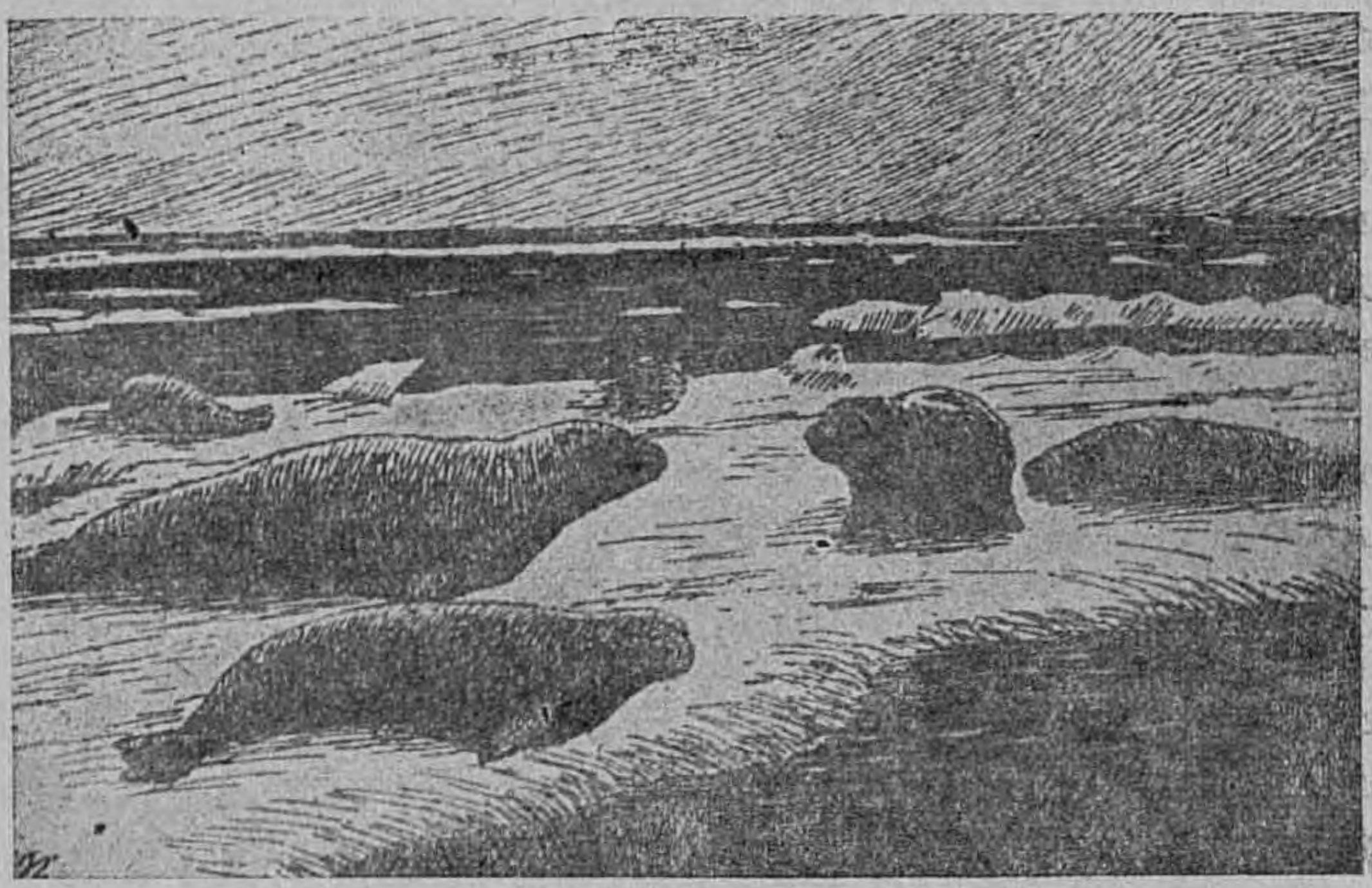
шлюпка мало-помалу приблизилась к ним на выстрел.

Нас отделяло сравнительно небольшое расстояние, но ни один зверь не подымал головы. Я жду — ни один не шелохнется. Я прицелился в того, что был поближе, хотя он лежал так, что стрелять было неудобно. Раздался выстрел; зверь лежит все так же неподвижно, и только струйка крови, образовавшая перед ним на льду круглую красную ямку, показывает, что пуля попала в цель.

При звуке выстрела другой тюлень чуть приподнял голову, осмотрелся, взглянул искоса на спящего товарища — тот не шевелится, тогда и этот успокаивается. Да что-то уж слишком надолго. Лежит и даже головы не подымает, а мне из-за туши убитого зверя виден только его затылок. Делать нечего, выстрелил, но пуля только слегка задела тюленя. Зато голова быстро приподнялась, и зверь заковылял к воде. Новый выстрел задержал его на самом краю льдины.

С лодки мы увидели, как два тюленя спускались с разных сторон льдины к воронке. Я выстрелил сначала в одного, сорвав у него с затылка изрядный клок. Он упал с совершенно растерянным видом; вторая моя пуля снесла ему череп. Я прыгнул на льдину и побежал, чтобы найти второго тюленя. И налетел прямо на него. Он поднялся и бросился наутек. Я опять выстрелил, и голова его разлетелась на части. Но он продолжал по инерции катиться по льду и плюхнулся в воду; у меня же не было багра, чтобы подцепить его, и я стоял, беспомощно опустив руки.

Тюленей здесь было немного, вскоре наша побойка кончилась, на судне подняли сигнальный флаг, и нам



Годовалый и одномесячный щенки гренландского тюленя

пришлось вернуться на борт. В нашей шлюпке было 13 убитых тюленей, а всего убили в тот раз 33 зверя. Наша шлюпка стояла на первом месте, за нами Оле Могеруд. У одного из других стрелков — Карла Андерсена, когда он плыл между льдинами, один борт шлюпки повредило ударившею в него волною.

На следующее утро (14 мая; набл. 69°3′ с. ш.; набл. 0°10′ в. д.; темп. —4° Ц; ветер с NNW) мы прошли мимо одного из шотландских промысловых судов, а позади увидали «Капеллу». Она шла под парусами и, обладая более быстрым ходом, вскоре нагнала нас. Капитан Брайд посетил нас и провел на «Викинге» целый день, а потом оба судна пошли в юго-западном направлении.

Стюард подал прекраснейший обед, а здесь в море это не малый подвиг. Потом угощались кофе, сига-

рами, трубкою. Брайд рассказывал, что в этом году детные залежки были обнаружены на плотно смерзшихся льдах, так что на льду можно было бить и взрослых самцов; поэтому на детной залежке было добыто сравнительно много особей, достигших половой зрелости.

Он подошел к побойке позднее других промысловых судов, и потому его добыча не столь велика. Тем повезло, — их затерло надолго льдами, а вырвавшись из них, они сразу же напали на залежку.

Капитан «Новой Земли» Гай вырвался из льдов в тот же самый день, что и мы, но дело в том, что когда он вечером 1 апреля при луне оказался на плаву, то сразу наткнулся на несколько тюленьих стад, которые мы прозевали и которые направлялись прямо во льды. Он убежден, что настоящая крупная побойка шла несколько западнее того места, где находились мы.

Потом нас потянуло снова погулять на шканцах. Погода прекрасная; небо и море синие. Далеко на северо-западе белеет ледяная кромка. А все-таки мороз дает себя знать: в полдень — 4° Ц, но на солнце холода как-то не чувствуешь.

Следом за нами на почтительном расстоянии шла «Капелла», которая из вежливости не решилась поставить все паруса и обогнать нас. Вообще любопытно, что каждому шкиперу тяжело признаться, что его судно не так быстроходно под парусами, как другое. Крефтинг мог, впрочем, утешаться тем, что хотя «Капелла» и ходкое судно в тихую погоду, но при свежем бризе и в шторм мы смело могли бы потягаться с ней.

И сегодня, как обычно, мы видели много клюворылов. Оба шкипера удивлялись, почему это мы, норвежцы, не промышляем этого крупного зверя и не извлекаем из него никакой выгоды для себя.

Брайду очень понравилось у нас на судне; он остался у нас на весь вечер и лишь поздней ночью его доставили на борт «Капеллы».

Бросается в глаза грязноватозеленый или бурый цвет морской воды. Это заметнее всего в колодце винта; когда мы шли на севере среди льдов, вода была лазурная. Этот мутный цвет объясняется (как уже говорилось) присутствием в воде множества микроскопических животных и растений. Больше всего здесь водорослей, ими питается колоссальное множество ракообразных; ракообразными питаются стаи каракатиц и селедок, а ими, в свою очередь, клюворылы. Вот почему в этой области такая масса клюворылов. Температура воды достигает теперь +3,7° Ц, но у самого льда вода холоднее; там температура понижается до нуля.

На следующий день (15 мая; набл. 68°32′ с. ш. и 1°55′ з. д.; темп. + 2° Ц; ветер SSW) мы прошли мимо английского промыслового судна «Эклипс»,[1] которое лежало в дрейфе и било клюворылов; вся палуба была покрыта отрезанными китовыми хвостами. Капитан этого судна Дэвид Грей был пионером этого промысла, которым начал заниматься несколько лет тому назад.

По временам встречаются сухопутные птицы; между прочим видели одного песочника, одного кулика, а 16 мая (набл. 68°29′ с. ш. и 3°27′ з. д.) я поймал ще-

---

[1] В настоящее время советское судно «Ломоносов». *Прим. ред.*

врицу. Температура воздуха держится немного выше нуля, колеблясь между 0,5° и + 2° Ц.

17 мая[1] (прибл. 68°5′ с. ш. и 5°45′ з. д.; темп. + 3° Ц; ветер с SW) было отпраздновано угощением команды водкой и окончанием рабочего дня ранее обычного.

На другой день было Вознесенье (набл. 67°45′ с. ш. и 6°47′ з. д.; темп. + 3° Ц; ветер с SW); этот день мы праздновали. Команда забавлялась всякими играми на палубе, залитой солнцем. Тянулись на канате, но больше всего играли в «лисий капкан». Как это ни странно, но я оказался ловчее всех. Я «подкидывал» всех, кто бы ни тягался со мной; все один за другим взлетали кверху и кубарем катились по палубе под взрыв общего хохота. С одним только долговязым парнем мне трудно было справиться, — его неудобно было зацепить и подкинуть.

Капитан долго следил за этой игрой и все посмеивался; потом вдруг заявил, что и он хочет померяться со мной.

Я немного удивился, но, разумеется, охотно согласился. Мы оба легли на спину правым боком друг к другу, вытянули, как полагается, ноги, сцепились крепко правыми руками, затем каждый вскинул правую ногу. Я плотно обвил своей ногой ногу капитана, и он клубком покатился по палубе, а команда покатилась со смеху.

Капитан, смеясь, стал на ноги и сказал, что я чересчур поторопился; он-де не успел собраться с силами,

---

[1] 17 мая — день объявления норвежской конституции и норвежский национальный праздник. *Прим. перев.*

и ему хочется попробовать еще разок, но с условием, чтобы я не спешил.

Ну, что ж, мы снова легли, я дал капитану время приготовиться. Готово! Мы оба подняли ноги. Я обвил его ногу своею и начал приподымать, но сразу почувствовал, что он как-то отяжелел весь. Я понатужился, он не сдавался. Я напряг все силы, прижал его колено к голове, и все-таки не мог подкинуть. Команда гогочет во всю глотку.

Но вдруг капитан вскрикнул и запросил пощады. Я выпустил его ногу и стал осматриваться. В чем же дело? А вот в чем: капитан, оказывается, зацепился левой ногой за скобу на палубе, надеясь таким маневром перехитрить меня; но это ему не удалось, и я чуть не разодрал его надвое, к великому ликованию всей команды.

Обычное времяпрепровождение в хорошую погоду — игра в «дурацкий колпак». На палубе намечают мелом несколько квадратов, а затем мечут на них с определенного расстояния какую-нибудь бляшку, большей частью оловянную. Каждый квадрат помечен цифрой, более высокой или низкой. В зависимости от того, на какой из квадратов попадает брошенная бляшка, играющий получает большее или меньшее число очков; кто же попадает бляшкой на квадрат, помеченный словом «дурацкий колпак», тот теряет все уже выигранные очки.

Игра ведется обычно на жевательный табак; пачка разрезается на кусочки в дюйм, полдюйма или — если табаку вообще мало — даже в четверть дюйма, и из-за таких крохотных порций табаку люди готовы сражаться целыми днями.

Мы долго шли под парусами по той же буроватой воде; лишь с 19 мая, примерно на 67°10′ с. ш. и 7°33′ з. д., этот буроватый цвет стал мало-помалу исчезать, и мы видели его только, когда, лавируя, подходили к самому льду. Температура воды продолжала держаться между + 0,7° и + 2° Ц. Мы крейсируем под парусами в западном направлении. Дует юго-западный ветер.

В этих местах повсюду встречается много клюворылов. Около полудня 20 мая (набл. 67°0′ с. ш. и 9°4′ з. д.; температура воздуха +3° Ц, температура воды от + 0,7° до + 1° Ц; ветер SSW) я увидел самку клюворыла с детенышем; они плыли рядом, но не настолько близко к нам, чтобы я мог их разглядеть хорошенько. Детеныш был, повидимому, длиною метра три-четыре и, вероятно, лишь недавно появился на свет.

Я обратил внимание на то, что у крупных клюворылов имеется белое пятно на передней части лба. Это были, повидимому, старые самцы с особенно мощным лбом. Как уже сказано, этот вид китообразных отличается тем, что у самцов жировая лобная опухоль несравненно больше, чем у самок.

Какой-то крупный кит, повидимому, синий полосатик, подплыл к нашему судну. Вот настоящий гигант! Сначала мощная голова разрезает воду носовым хрящом, словно острым узким килем, затем — пфф! — кит отдувается и выбрасывает струю воды на высоту марса-реи; воздух сотрясается, как при выпускании пара из мощного парового котла; затем показывается вся спина кита, из которой торчит ближе к хвосту небольшой плавник. Это животное длиною чуть ли не

с наше судно; оно проносится мимо нас и снова скрывается в пучине. Какая скорость, какая стихийная сила!

21 мая (набл. 66°31′ с. ш. и примерно 12°19′ з. д.; температура воздуха + 4° Ц) мы все еще около кромки; под вечер попадали временами в полосы битого льда. Температура воды снова понизилась до — 0,7° Ц.

Мы находились примерно в 56 морских милях от мыса Ланганес [1] и, очевидно, попали в ветвь Полярного течения, проходящую в юго-восточном направлении, вдоль побережья Исландии, и часто называемую Восточноисландским полярным течением.

Хорошо бы обогнуть сушу с севера, но там, повидимому, не пройти из-за тяжелых льдов. К тому же густой туман и плохая видимость.

Поэтому мы пошли дальше на юго-запад, намереваясь обогнуть Исландию с востока и юго-востока.

В следующие дни стоял, большей частью, штиль; так как бить хохлача еще рано, то не стоит расходовать уголь; поэтому мы часто ложились в дрейф — иногда в прекрасную солнечную погоду, но чаще в туман, так что и не видали никакой суши.

Команда коротала время, между прочим, ловом буревестников. Стоит только закинуть бечевку с куском сала на крючке, как слетается масса буревестников и начинается драка из-за добычи — кто ее проглотит. Особенно увлекался этим ловом Кристиан Баллон. Он очищал птиц от перьев, затем жарил их и уверял, что они очень вкусны. К сожалению, перья этих птиц воняют так скверно, что противно подойти к ним.

---

1 Северо-восточная оконечность Исландии. *Прим. ред.*

Я осматривал пойманных птиц и установил, что это были исключительно самцы; почти у всех грудь была белая.

По мере того как мы продвигаемся к югу, температура воды, а иногда и воздуха повышается. В среду, 24 мая, мы достигли южной стороны Исландии на 62°49′ с. ш. (набл.) и 17°17′ з. д. (набл.); в полдень температура воды была +8° Ц, а в 8 часов вечера +7,6° Ц. Это уже настоящая южная теплая температура; в воздухе в полдень было +7° Ц, а вечером + 8° Ц.

В четверг, 25 мая (примерно на 62°39′ с. ш. и 19°10′ з. д.; температура воздуха + 5° Ц; температура воды + 8° Ц), с утра штиль, но затем вдруг налетел бриз с юго-запада, и одновременно с ним накатила довольно крупная зыбь с востока. Море как-то странно преобразилось. Волны вставали одна выше другой, догоняли одна другую, и брызги пены высоко взлетали в воздух. Казалось, перед нами кипящий, клокочущий котел гигантских размеров. Бриз был свежий; судно сильно качало и трепало, так что мы временами побаивались за судьбу бом-кливера.

А к вечеру небо прояснилось, и за морем в северном направлении мы увидели снежные вершины. Это Эайфьаллский йокулл[1] на южном побережье Исландии. Несколько позже показались и острова Вестманна.

Какая картина! Этот вулканический конус покрыт белым фирновым глетчером, словно мантия ниспадающим по его склонам до темных гор у его подножья.

---

[1] Исландские ледники называются «йокулл». *Прим. ред.*

Он подымается прямо из моря на высоту 5430 футов (1655 метров).

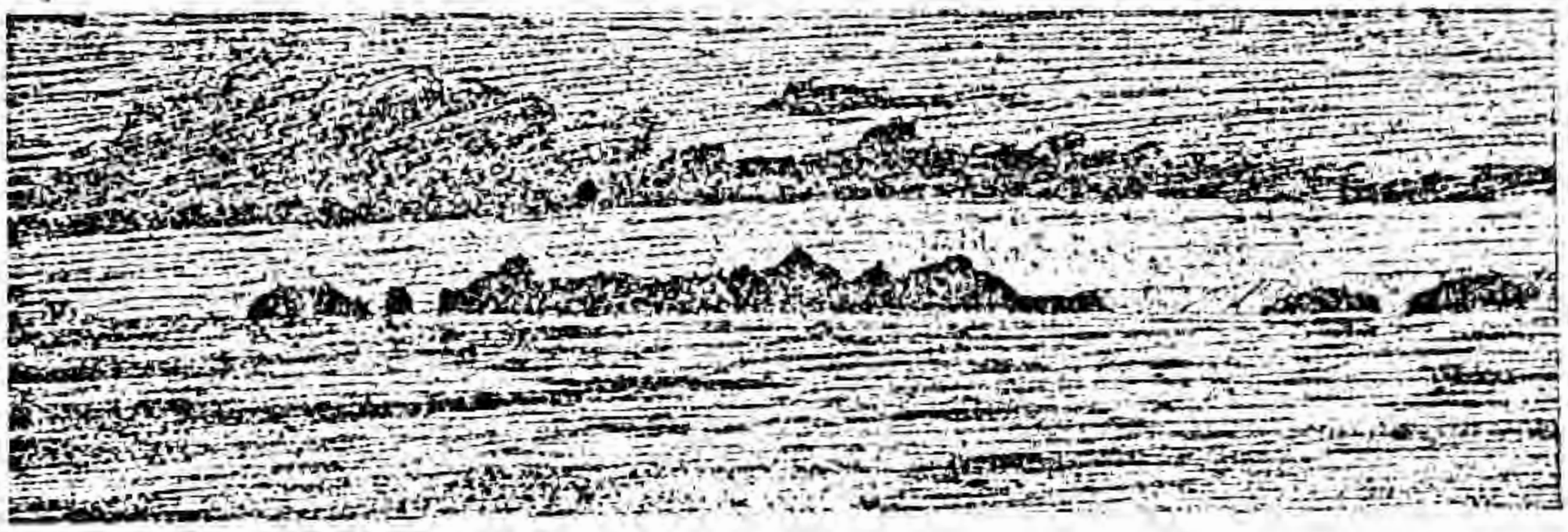
Края глетчера, обращенные к закату, словно пылают, и на фоне алого неба темной цепью протянулся ряд островов Вестманна с обломками лавовых образований. Исландия — остров, воспетый в древних норвежских сагах...

Выйдя на следующее утро (26 мая) на палубу, я увидел, что мы стоим в миле от исландского берега при полном штиле. Скорее в дозорную бочку посмотреть на землю!

О, как приятно видеть снова холмы и скалы без снежного покрова! И хотя здесь нет ни зеленых лугов, ни распускающихся деревьев, все же от ландшафта веет весной; мне ужасно захотелось снова почувствовать под ногами твердую почву. Вдали паслись кони и овцы, и на вольном воздухе работали люди.

Над краем моря, на востоке, на фоне яркого голубого неба сверкали Хекла, Тинфьаллский йокулл и другие глетчеры. А впереди виднелись две снежные верхушки, напоминавшие две белые палатки на черной земле. Это Снефеллский йокулл.

Появилось много птиц. Вот глупыш («Janfangenten», как его называют норвежцы) пролетает мимо нас; вот еще один и еще... целая вереница. Исландского ворона, или орлана, мы встречаем уже в течение многих дней, — это верный признак близости Исландии. Стаи гагарок тихо колышутся на глади моря у самого судна. По временам до нас доносится крик пролетающего кроншнепа; кроме того, за нами следуют целые стаи трехпалых чаек.



Острова Вестманна. (Набросок 27 мая 1882 года.)

Разведя пары, мы пошли по направлению к мысу Рейкьянес,[1] нам хотелось узнать, нельзя ли наловить трески между мысом и «Мешком с мукой». Так назывался большой камень в форме мешка, выдававшийся из воды и служивший пристанищем глупышей.

Под берегом мы застопорили и затем закинули удочку.

«Дно-то здесь есть?» спросил я. «Нет; зато рыба есть», ответил мне матрос, подсекая леску; я догадался, что рыба была крупная. Действительно, он вытащил толстую трепещущую треску.

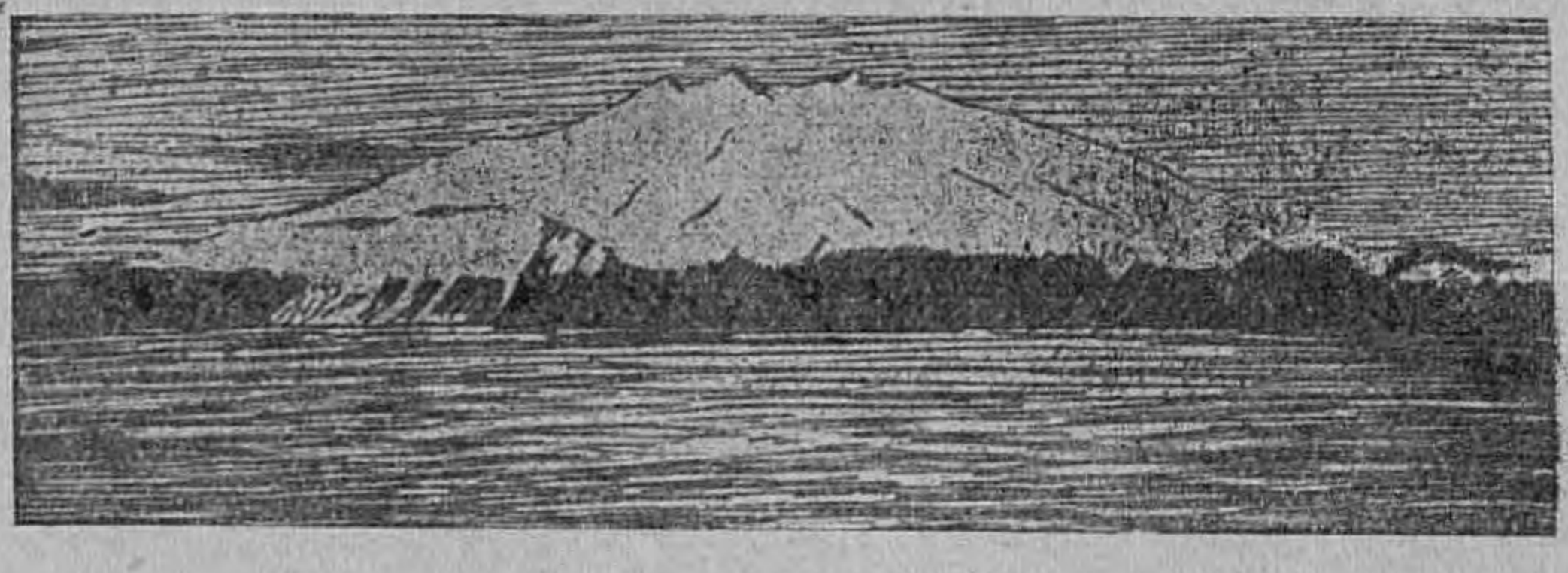
Значит, «клюет». И дело закипело. Подсекут леску и вытащат то крупную треску, то черного мерлана (черную треску). Со всех сторон просят наживки для рыбы.

Иногда какая-то крупная рыба, по всей вероятности, камбала, обрывала крючок; привязывали другой и продолжали удить.

А потом спустили шлюпки; они подплыли поближе к берегу и стали там удить рыбу. Мы же с капитаном

---

[1] Юго-западная часть Исландии. *Прим. ред.*



Эайфьаллский йокулл. (Набросок 27 мая 1882 года.)

отправились к птичьей скале, подымавшейся как раз перед нами; интересно было поискать там яиц.

Гора была почти отвесная со всех сторон. Она выступала из моря на довольно большом расстоянии от берега. Склоны ее были выбелены птичьим гуано. Птичье население ее составляли по преимуществу трехпалые чайки, сидевшие на всех уступах и стаями кружившиеся в воздухе. На самой верхушке расселась очень важно чайка-бургомистр, повидимому, упорно отстаивавшая свое право на это место. Однако ружейная пуля, ударившаяся о скалу у самых ног птицы, заставила ее сняться с места. Величаво взмахнув несколько раз крыльями, она покружилась над всеми этими птицами-плебеями и прочими тварями, потом сложила крылья и опустилась на старое место, всеми своими повадками напоминая чинушу старого закала. Яиц у чаек мы не нашли, потому что стояла ранняя весна, но иногда из расщелины скалы стремительно вылетала гагарка, видимо оставившая там яйцо. У подножья скалы плавало много кайр; они обитали где-то наверху, на горных склонах. Видели мы и несколько бакланов.

Полюбовавшись на птичий базар, мы повернули шлюпку к берегу и решили где-нибудь пристать; это оказалось не так-то легко, — прибой был очень силен. Но затем мы нашли большую пещеру в размытой морем отвесной лавовой стене; это была надежная гавань для нашей шлюпки. Мы втащили ее вглубь пещеры, нашли из этой пещеры выход на сушу и, охваченные жаждой приключений, зашагали к видневшейся вдали хижине.

Как безрадостна оказалась эта земля! Нигде не встретили мы зелени, весеннего пейзажа; лишь черные пятна лавы со всех сторон. Но все же как хорошо очутиться снова на твердой земле! И солнце кажется здесь таким теплым, хотя оно тщетно старается пробудить жизнь на этих мертвых полях.

Мы подошли к хижине; нас встретил приветливый исландец, говоривший по-датски. Он был сторожем на маяке, расположенном ближе к Рейкьянесу. Хижина у него была низкая и тесная, но содержалась опрятно. Ее окружал какой-то намек на чуть зеленевшую лужайку, а на отгороженном участке земли посажен был картофель.

Когда мы стояли около его хижины, прилетели две ржанки и сели на ближайший холм. Я застрелил их; они были очень тощие, и исландец сказал мне, что этой зимой множество птиц погибло от морозов.

Хижина стояла на довольно высоком пригорке; отсюда открывался широкий вид вдаль на окрестности. Но куда ни взглянешь — всюду та же бесплодная, голая земля.

Где-то вдали с равнины подымался дым и пар, словно у нас в Норвегии во время большого лесного

пожара. Нам сказали, что это горячие источники, и нам, конечно, захотелось посмотреть их. На мне были домашние туфли, так как я собственно не собирался съезжать на берег. Пришлось пойти в туфлях. Хотя лава довольно острая, но мои мягкие туфли — как это ни странно — выдержали путь.

Земля вокруг источников была самых разнообразных оттенков: то желтая от серы, то белая от пемзы, то красная от перегоревшей лавы, то черная от обыкновенной лавы, то голубая от глинистого ила. Там, где нет лавы, грунт совсем рыхлый, и нередки провалы; поэтому ходить здесь надо осторожно, иначе рискуешь глубоко увязнуть в землю или даже провалиться сквозь нее. Во многих местах с земли подымались пары, часто с удушливым серным запахом. Главный источник представляет большую котловину с клокочущей водой, настоящий котел с бурлящим кипятком. Воняет серой. Вода густая, вязкая. Почва вокруг котловины голубого цвета и мягкая, словно глина, во многих местах покрыта яркими желтыми пятнами. Наощупь совсем теплая.

Наши люди занялись собиранием разных красивых камешков; здесь попадается немало пемзы; затем мы пошли обратно. Кое-где встречался уродливый куст можжевельника или вереска. Травы мало, лишь там и сям тощие былинки, но все же это был корм для тех немногих овец, которые паслись здесь. Эти овцы отличаются необыкновенно крупными размерами; на них была еще зимняя шерсть, в которой они ходят до тех пор, пока волос не начнет выпадать; тогда вручную вырывают у них шерсть клоками. В Исландии овец не стригут.

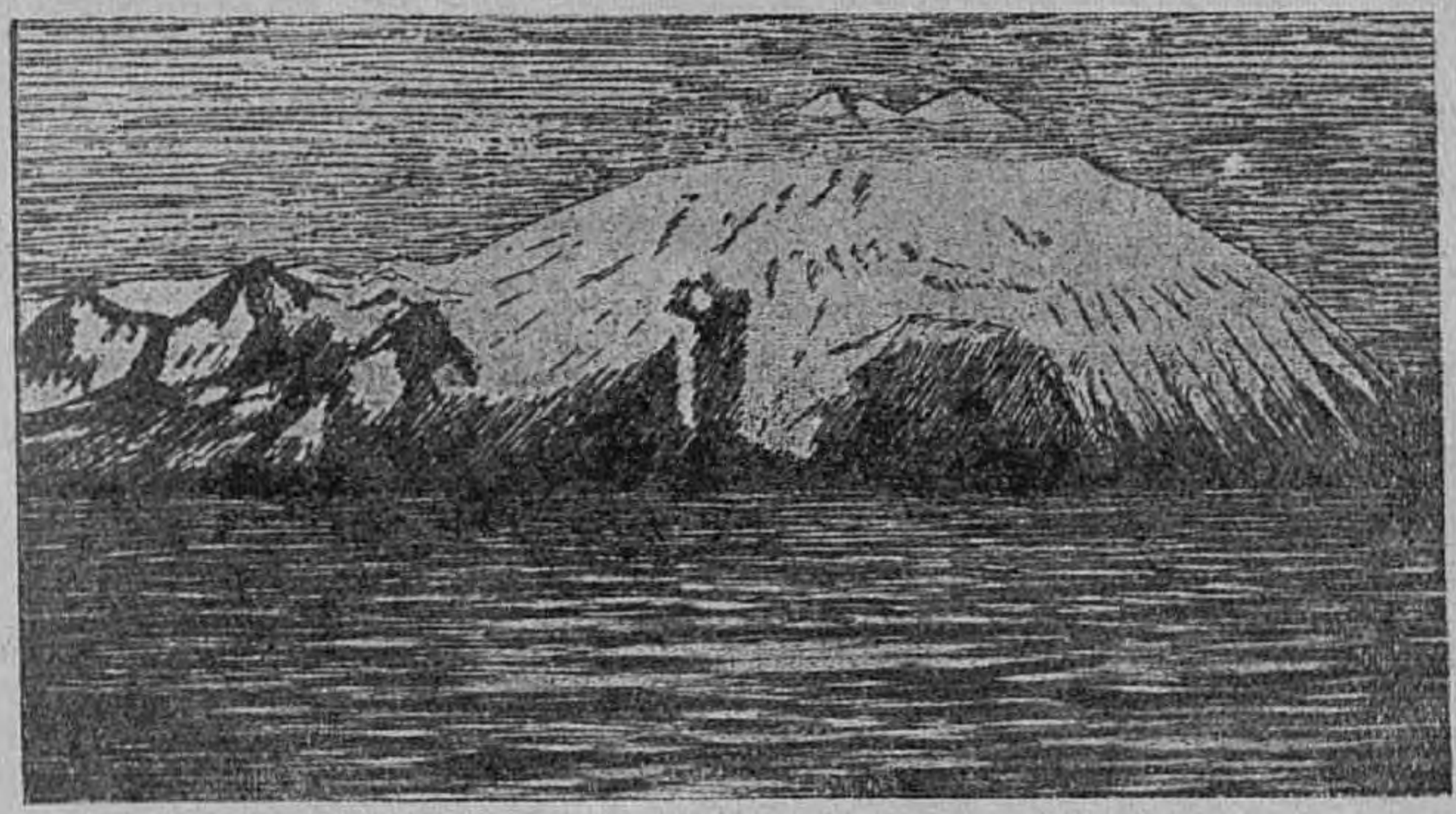
Исландец сказал нам, что песец (*Canis lagopus*) — злой враг овец, он похищает много даже взрослых и старых животных, а ворон-злодей часто таскает ягнят.

Наш знакомый исландец не занимается скотоводством, так как зимой надо покупать сено, но зато он держит лошадь. Лодкой он здесь не может пользоваться из-за прибоя и отсутствия какой-либо гавани; но его лодка стоит в «гавани» неподалеку от Рейкьявика, милях в двух отсюда, где его два сына занимаются рыболовством. Он получает 1200 крон в год за свою службу на маяке.

Живется ему здесь очень тоскливо, в особенности по зимам; ни единой живой души на много миль кругом. Снега выпадает зимою мало, на лыжах ходить нельзя. Единственным средством передвижения зимой и летом является лошадь. Зато дальше к северу можно пользоваться лыжами.

Когда мы с ним шли обратно к хижине, только и разговору было, чтобы мы зашли к нему выпить кофе. У него была небольшая уютная комнатка; встретила нас приветливая опрятная женщина в национальном исландском головном уборе, похожем на шапочки наших норвежских студентов, — шапочка с длинной кисточкой с одного боку. Выпив кофе и приятно побеседовав, мы распростились с нашими симпатичными и гостеприимными хозяевами.

А все-таки жаль, что Исландия уже не норвежская территория. Ведь исландцы родственный нам народ; страна эта была открыта и заселена нашими предками, и этот остров древних саг составляет неотъемлемую часть норвежской истории.



Снефеллский йокулл. (Набросок 27 мая 1882 года.)

Когда мы вернулись на судно, был поднят флаг, созывавший шлюпки; они навезли множество разной рыбы: тресковых и камбаловых видов простую и «флюндру» — крупную. Одна камбала весила 12 безменных фунтов [1] (72 килограмма); здесь были также марулки и бросмии, или «langelubb'ы», как их называет наша команда. Матросы целыми днями жарили и варили рыбу, ели и обжирались ею.

Мы подняли паруса и направились к западу; вскоре Рейкьянес скрылся в море. Но на севере перед нами все еще высился покрытый глетчерами вулканический конус Снефеллского йокулла.

На другой день, 27 мая (набл. 64°57′ с. ш. и 25° з. д.; темп. 5° Ц; ветер от О до NO), мы встретили

---

[1] Безменный фунт — датская и норвежская мера веса, равная 12 фунтам; теперь безменный фунт установлен в 6 килограммов. *Прим. перев.*

«Альберта», который на всех парусах шел на юго-восток; он хотел с юга обогнуть Исландию, повидимому, держа курс в Норвегию. Интересно узнать, почему он именно теперь возвращается домой. Уложив 14 000 детенышей на детной залежке, он, вероятно, побывал в Датском проливе, бил там хохлача и теперь возвращается восвояси. Судно сидело так глубоко, что наверное было нагружено до отказа и больше груза взять не могло. Счастливые ребята! Их «шестнадцатые» доли дадут им немало, а мы остались с пустыми руками. Но зато теперь надо показать себя на западе, где мы будем охотиться на хохлача. Крефтингу обычно везет на этом промысле.

На востоке над морем еще долго маячит Снефелльский йокулл. Это высокая гора; но мало-помалу и она становится все меньше и меньше. Вот в этом самом месте лодка с людьми, которую Крефтинг несколько лет тому назад потерял во льдах, пристала к берегу; они гребли, ориентируясь на этот приметный с моря пункт.

Накануне Троицына дня вечером мы вошли во льды Датского пролива. Здесь мы встретили много промысловых судов, прибывших до нас, в том числе «Северное сияние», лежавшее в дрейфе за пределами льдов. Подойдя ближе, мы увидели, что с его бортов стекает вода, выкачиваемая помпами. Приблизились на оклик. Капитан «Северного сияния» с кормы крикнул нам: «Сжало льдами. Такую морскую болезнь[1] схватили, что с трудом держимся на помпах...»

---

[1] Это значит, что судно в большую волну при килевой качке дает более сильную течь; обычно плохой признак. *Прим. автора.*

Крефтинг предпочел не поддерживать разговора. В таком случае разумнее всего было бы отвести судно в Исландию; до нее каких-нибудь 16 миль; мы видели отблеск покрытой снегом земли у Стольберг-Хука. Но Крефтинг решил не вмешиваться в эту историю, и мы пошли своим путем. Дело в том, что суда в Северном Ледовитом океане, нагруженные тюленями, страхуются только на случай полной гибели судна. Возвращаться домой со старым, дающим течь судном, вряд ли стоящим ремонта, и без всякой добычи на борту — это прямой убыток. А вот потерять судно и получить полную страховую премию как за него, так и за добычу, которая якобы находилась на нем, — это дело выгодное. Через несколько дней команда «Северного сияния» была снята с судна каким-то другим промысловым судном.

А потом мы все крейсировали взад и вперед в Датском проливе вдоль кромки льдов в поисках хохлача. На этот промысел мы возлагали теперь все наши надежды и упования.

ХОХЛАЧ (CYSTOPHORA CRISTATA)

ОХЛАЧ, или тевяк, уступающий по величине только морскому зайцу, принадлежит к наиболее крупным тюленям севера. Длина тела самца от конца носа до конца хвоста 2½ метра, а самки, достигшей половой зрелости, от 1,9 до 2 метров. Крупная самка, которую я измерил, имела в длину от конца носа до конца хвоста 1,8 метра, от конца носа до конца задних ластов, 2,14 метра.

По своему строению хохлач отличается от всех других северных видов тюленя и принадлежит к особому семейству. Характерные признаки его: сильно развитая в ширину носовая часть относительно широкой головы и эластичный раздувающийся кожаный

пузырь или колпак, который в раздутом виде — у взрослых самцов — образует как бы подушку, прикрывающую нос и переднюю часть морды.

Единственным близким родственником хохлача является морской лев, обитающий в Тихом океане и в Южном полярном море и отличающийся еще более крупными размерами.

Основная масть взрослого хохлача-самца пепельно-серая, с более или менее темными чернобурыми пятнами, рассеянными по всему туловищу. У различных самцов окраска различна; у одних светлее, у других темнее, и спина вследствие сливающихся пятен иногда производит впечатление совсем темной. Пузырь покрыт до конца носа короткими жесткими волосами и кажется тоже темным. Обычно он в виде дряблого, пустого и короткого хобота свешивается над носом. Ноздри приходятся на передней части пузыря. Раздувается он чуть ли не на 20 сантиметров кверху и растягивается от конца носа назад за линию глаз примерно на 30 сантиметров.

Взрослая самка почти такого же цвета, как самец; основная масть ее часто светлая. Кожа над носом тоже дряблая и мешковатая, но не может раздуваться. И у самца и у самки передняя часть головы настолько темной окраски, что издали кажется черной.

Самка хохлача мечет раз в год одного детеныша до 90 сантиметров длиною.

Два детеныша (самец и самка), которых я измерил 10 апреля и у которых еще была цела пуповина, имели в длину 1,10 и 1,12 метра, а второй детеныш — самец, которого я измерил позднее (8 июля 1888 года), имел от конца носа до конца хвоста всего лишь 1,18 метра

и 1,37 метра от конца носа до конца задних ластов.

Детеныш, обычно называемый «щенком», родится не в шерсти, как детеныши остальных видов тюленя, но покрытый гладким волосом.

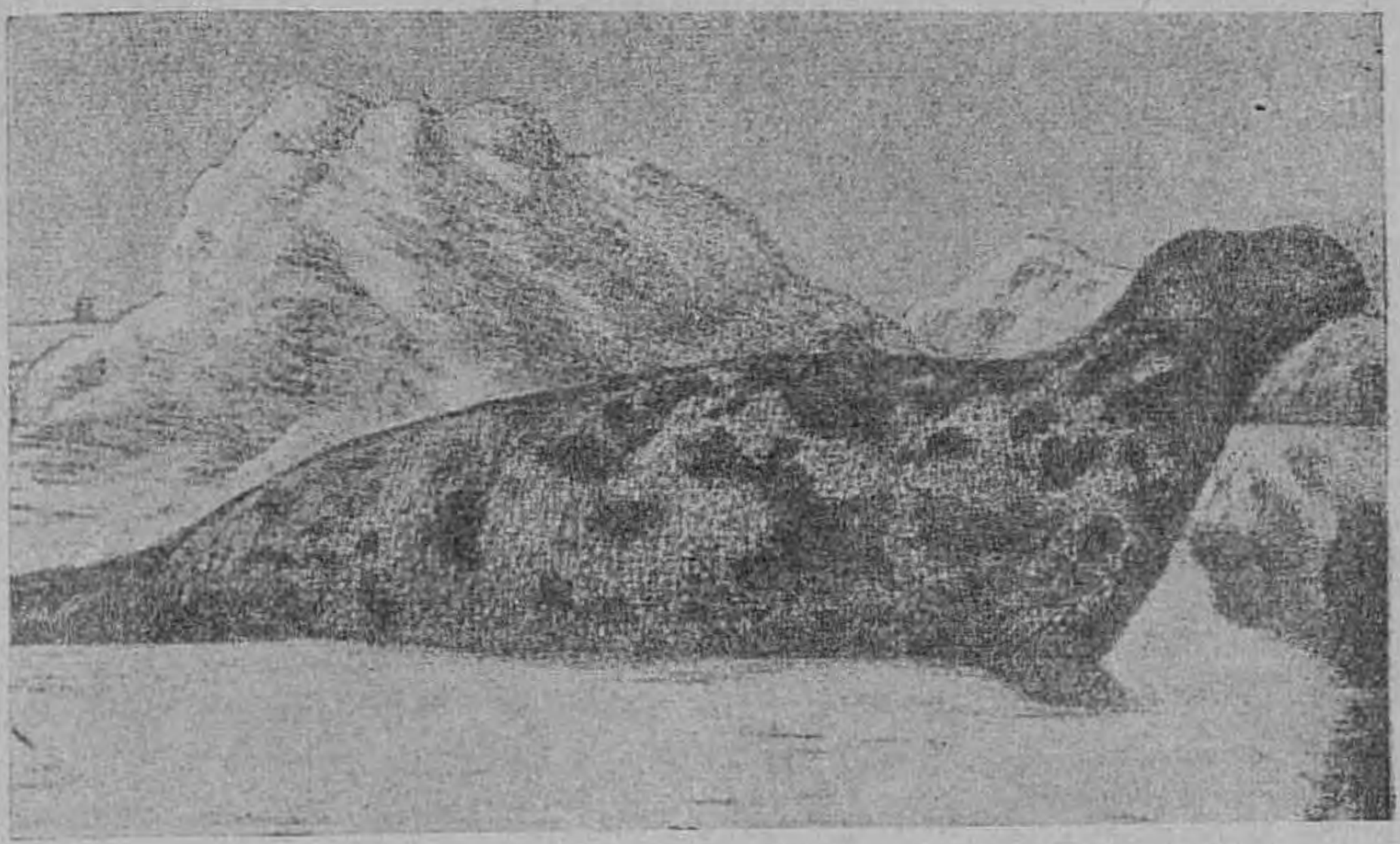
Окраска детенышей — сверху серая и без крапин. Нижняя сторона туловища и верхняя часть носа беловатые, а передние и задние ласты более темного цвета. После первой линки, наступающей по достижении щенком года, у детенышей начинают проступать небольшие темные пятна — обычно на спине. Верхняя часть головы темнеет и такою остается на всю жизнь.

При каждой линке число темных пятен увеличивается, и, повидимому, к четырем годам хохлач приобретает наряд взрослого зверя. К этому времени головной пузырь или колпак у самца достигает полного развития.

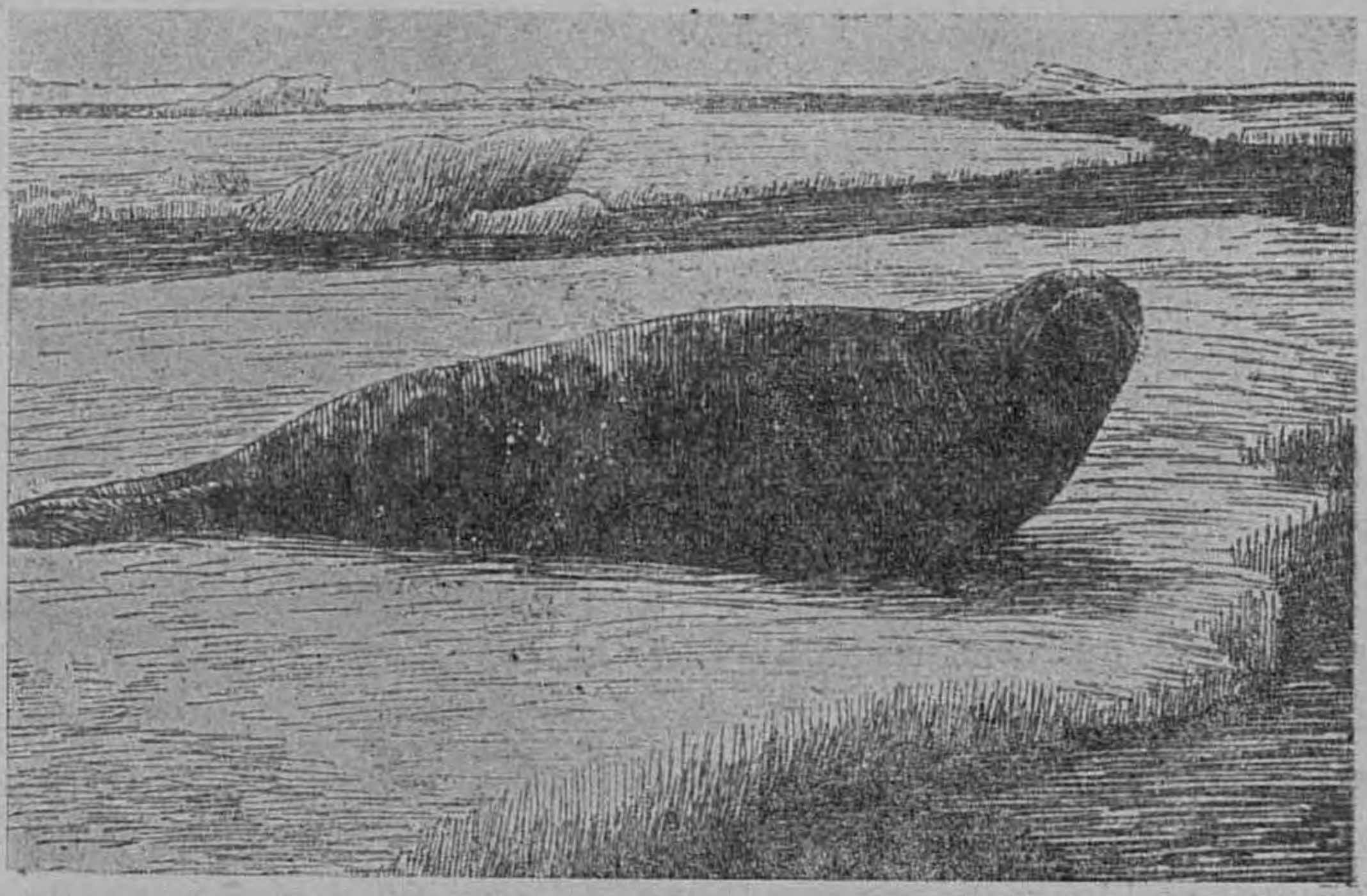
Детеныш рождается на льду обычно в конце марта или в начале апреля; но находили детенышей и в такие ранние сроки, как 14 марта (Квеннерстедт, 1868 год), и в такие поздние, как первая неделя мая (Воллебек, 1907 год).

Для метания детеныша самка хохлача выбирает, подобно гренландскому тюленю, покрытые снегом льдины средней мощности, предпочитая места у наружной кромки дрейфующего льда и более толстые льдины, чем лысун.

Новорожденный детеныш умеет плавать, но мать кормит его молоком еще две-три недели. По истечении этого срока он сам добывает себе пищу и первое время питается, как и детеныши гренландского тюленя, преимущественно ракообразными, а потом, как



Взрослый хохлач-самец



Взрослая самка хохлача

и взрослые тюлени, начинает поедать каракатиц и рыб.

Хохлач — это более резко выраженный пелагический тюлень, чем гренландский. Бóльшую часть своей жизни он проводит на дрейфующих льдах, редко появляясь у побережий.

Географическое распространение его — области открытых дрейфующих льдов, начиная от моря у Ньюфаундленда и Лабрадора на западе до моря около Шпицбергена и Медвежьего острова на востоке. Он встречается также к востоку от этого острова до 30° в. д. (на 76° с. ш.), а дальше на востоке, в Баренцовом море, уже реже. Иногда он забредает в наружные шхеры северного побережья Норвегии; что же касается пребывания его у северного русского побережья, в Белом море, а также у Новой Земли, то этот вопрос еще не вполне выяснен.

Хохлач не уходит далеко на север в дрейфующие льды. Он изредка забредает в Баффинов залив, подходит к западному побережью северной Гренландии, к северу от острова Диско, но весной его бьют в большом количестве на южном побережье Гренландии.

У западного побережья Шпицбергена, севернее 77° с. ш., он встречается не часто, а к северу от Шпицбергена вообще вряд ли когда-нибудь показывается.

Таким образом, область распространения этого вида тюленя значительно уже, чем область распространения лысуна. Вместе с тем он не столь стадное животное, как лысун, и предпочитает залегать в одиночку или очень маленькими группами, неподалеку один от другого. Но характерно, что, несмотря на отсутствие чувства стадности, несмотря на то, что хохлач никогда

не плывет крупными, тесно сбитыми косяками, как лысун, все же он в определенные периоды года собирается большими массами в определенных районах дрейфующего льда. Об этом мы расскажем ниже. Но и там скопища хохлача не отличаются такой кучностью, как скопища лысуна, и на каждой льдине располагается обыкновенно лишь несколько хохлачей; и самые залежки часто бывают разбросаны на большом пространстве.

Не является ли большое скопление хохлачей в определенных районах чистой случайностью? Но ведь все хохлачи принадлежат, до известной степени, к общему стаду или косяку, так как в районах между теми областями, где огромное множество хохлача выходит на лед (например, при линке в Датском проливе), обычно встречается лишь очень мало взрослых хохлачей, одиночками расположившихся на льдинах.

Каким путем они попадают в эти области, куда они стекаются, пригребая или поодиночке, или небольшими группами, или крупными, но разреженными стадами, — этого я не могу сказать. Но все-таки большая часть пригребает сюда приблизительно одновременно, и получается такое впечатление, будто они и по воде странствуют крупными разреженными стадами, а не тесно сплоченной массой.

Не есть ли это своеобразная индивидуалистическая форма чувства социальной солидарности, напоминающая изречение из Хавамола:[1] «Садись поближе к другу, но на него не наседай».

---

[1] Хавамол — речь или песнь Высокого, т. е. Одина, песнь Старшей Эдды. В этой носящей дидактический характер песни

Хохлач питается преимущественно рыбой. Как уже говорилось, в желудке хохлача, убитого в море между Ян-Майеном и Шпицбергеном, я нашел множество морских окуней (Sebastes), и вполне вероятно, что и здесь, в глубоком море, хохлач питается преимущественно этой рыбой. Он любит различные виды тресковых и камбаловых и уничтожает их, где бы они ему ни попадались. Его желудок часто бывает также битком набит каракатицами, в изобилии встречающимися в морях этой области.

Хохлачу приходится обычно добывать этих рыб и каракатиц с больших глубин.

Он сильный пловец и прекрасно ныряет. Его большие глаза, зрачки которых отличаются способностью сильно расширяться, видимо, устроены так, чтобы ориентироваться в водной глубине, где света очень мало. Возможно также, что сильно развитая носовая часть указывает на тонкое обоняние, помогающее ему находить добычу в воде, где совершенно темно.

Многие думают, что пузырь или колпак хохлача служит ему как бы резервуаром для воздуха при нырянии. Такое предположение правдоподобно. Но интересно отметить, что такой колпак развит только у взрослого самца, а ведь он пригодился бы в водной глубине и самке и детенышу.

К тому же следует сказать, что объем воздуха, находящийся в колпаке, невелик в сравнении с содержанием воздуха в больших легких зверя, хотя, конечно,

---

отражается вековая житейская и моральная мудрость древних скандинавов, опиравшаяся на «учение об азах», то есть на древнесеверную мифологию. *Прим. перев.*

он может служить некоторым подспорьем, так как колпак под сильным давлением на глубине сжимается, и воздух из него выдавливается в легкие, отчего внутреннее давление в легких повышается, и это несколько уравновешивает сильное наружное давление, которое на стометровой глубине равнялось бы почти 10 атмосферам.

Но так как вполне развитый колпак имеется только у взрослого самца, то более вероятно, что он первоначально был признаком пола, наподобие рогов оленя или длинного зуба нарвала. Возможно, что он служил также своего рода украшением — хотя, по нашим людским понятиям, такой раздутый пузырь на голове вряд ли может обладать какой-то притягательной силой. Возможно также, что он служит защитой для носа и головы в схватках между самцами за обладание самкой. Когда хохлач-самец раздражен или готовится к защите или к нападению, он обыкновенно надувает свой колпак.

Но, разумеется, самец может извлекать из этого колпака пользу и при нырянии, используя его для увеличения запаса воздуха.

Правда, я много раз видел, что самцы ныряли, не раздувая колпака; по всей вероятности, они раздувают его только в тех случаях, когда им предстоит нырять за пищей на большую глубину.

Хохлач настолько мощный пловец, что может прямо из воды прыгнуть на край высокой льдины или тороса; зверобои утверждают, что на их глазах хохлач прыгал на два метра высоты над поверхностью воды. Сам я не видал, чтобы эти тюлени прыгали так высоко, но мне рассказывали, что однажды лодка

Голова хохлача-самца с раздутым колпаком. (Набросок 10 июля 1888 года.)

пристала к высокому краю льдины, на которой лежала только что застреленная самка хохлача. Вдруг с обращенной к морю стороны лодки вынырнул из моря этот «шут в колпаке» и, перепрыгнув через лодку над головами сидевших там людей, плюхнулся на льдину рядом с мертвой самкой.

За исключением периода метания детенышей взрослые хохлачи предпочитают более мощные льды и часто располагаются на самом высоком месте льдины; особенно самцы любят забираться на верхушки торосов.

Детеныши, наоборот, выбирают более тонкий лед, на который легче вылезать из воды, а иногда они залегают даже на голубом бухтовом льду.

Обычно же хохлачи, как старые, так и молодые, залегают у края льдины, с которой легче соскользнуть в воду, и только изредка в средине какой-нибудь большой льдины.

Лазков или отдушин во льду они обычно не делают, но предпочитают держаться у открытой полыньи. Если льдины смерзаются или лед стано-

вится слишком сплоченным, они покидают эти места и ищут других вблизи открытой воды. Некоторые зверобои утверждают, однако, что хохлачи в случае необходимости проделывают себе лазки во льду.

Хохлач-самец, старый «колпачник», силен и храбр; он часто оказывает сопротивление и является серьезным противником, в особенности в схватке на воде. Поэтому эскимосы питают к нему большое уважение; нередко бывает, что хохлач, раненный гарпуном, кидается на каяк. По собственному опыту знаю, что он иногда нападает на врага.

Шкура хохлача не так плотна и эластична, как шкура гренландского лысуна и морского зайца. Она пропускает воду, и эскимосы считают ее менее подходящей для обтяжки каяка или женской лодки. Особенно много воды пропускает шкура старых особей; шкура молодняка — меньше. Для ремней и гарпунного линя шкура хохлача недостаточно крепка; поэтому на такие поделки берется шкура морского зайца или моржа. Хохлач ежегодно предпринимает продолжительные странствования, но куда именно — в точности неизвестно.

Как уже сказано выше, ранней весной хохлач выливается на самую кромку дрейфующего льда для щенки, причем избегает ложиться на старый мощный лед; на таком льду он лежит поздней весной и летом. Выбор более тонкого льда для щенной залежки объясняется, повидимому, тем, что с более тонких льдин детенышам легче скатываться в воду.

Самцы следуют за самками к щенным залежкам, вероятно для спаривания; но и до метания детенышей самки и самцы часто держатся вместе.

Насколько нам известно, в районе дрейфующих льдов нет ни одной определенной области, куда огромные стада хохлача мигрировали бы регулярно каждый год в период щенки. Щенные залежки его, повидимому, рассеяны вдоль всей кромки льдов. Так, например, в море около Ян-Майена охотники за тюленями находят семьи хохлача с детенышами на льдинах, куда звери выливаются в марте и апреле, в районе от 75° с. ш. до 69° и 68° с. ш., к юго-западу от острова Ян-Майена.

Но тюленепромышленники утверждают, что семейства хохлача залегают, по большей части, в пограничных районах с районами щенки гренландского тюленя (детная залежка), а именно — к северу, востоку и к югу от нее; поэтому встреча с семейными группами хохлача считается верным признаком того, что где-то поблизости в глубине ледовой области находится детная залежка гренландского тюленя. Хохлач не спаривается с гренландским тюленем и никогда не встречается на его детных залежках.

Иногда хохлач лежит на льдине в одиночку, но обычно самец и самка залегают вместе. Часто несколько семейств располагается на льду неподалеку одно от другого.

Иногда масса хохлача собирается на льду в период щенки, и часто такие места щенки находятся на большом расстоянии от щенной залежки гренландского тюленя.

Так, например, с 27 по 30 марта 1873 года промысловое судно «Хекла» (капитан А. Маркуссен), найдя примерно на 72½° с. ш. и 2½° з. д. детную залежку хохлача, добыло там свыше 300 взрослых

особей и 200 детенышей. Крупная щенка гренландского тюленя была найдена 1 апреля дальше в северо-восточном направлении, между 73° и 73½° с. ш. и примерно между 0° и 3°22′ в. д.

В марте 1894 года масса хохлачей была обнаружена на льду к северу и к востоку от места щенки гренландского тюленя.

Перед началом охоты 3 апреля 1900 года судно «Хекла» прошло под парами между группами хохлача, «столь многочисленными, как настоящая детная залежка» (Этте, 1901 год).

22 марта 1902 года промысловое судно «Бельгика» обнаружило множество хохлачей с детенышами на льду к северо-востоку от Ян-Майена (примерно на 72° с. ш. и 5° з. д.), но детная залежка в том году находилась значительно дальше к юго-западу от Ян-Майена на 69°—69½° с. ш. и 11½°—12° з. д.

18 апреля 1903 года промысловая яхта «Анна» видела массу хохлачей в мелкобитом льду на 71°25′ с. ш. и 5° з. д.

В марте и апреле семейства хохлача часто держатся на большом расстоянии друг от друга; иногда можно пройти во льдах большое пространство, не увидев ни одного зверя, а затем натолкнуться на участок, где их рассеяно много.

На дрейфующие льды, мористее крупной щенки гренландского тюленя у Ньюфаундленда и, в особенности, к северу от него, у Лабрадора, весной выливается много хохлача. В конце марта и в апреле самки хохлача вскармливают там своих детенышей, то есть примерно одновременно с самками хохлача

в море около Ян-Майена и на две недели позднее, чем самки гренландского тюленя у Ньюфаундленда.

Так как ни в одном из вышеупомянутых мест не наблюдалось в период щенки такого скопления хохлачей, которое можно было бы хотя приблизительно сравнить с массой хохлачей, залегающих в Северном Ледовитом океане или на льдах в Датском проливе, где они сосредоточиваются, например, в июне, то очевидно, что главная масса хохлачей выбирает себе места для щенки в другой какой-то области дрейфующих льдов, где их еще не обнаруживали в то время года, о каком идет речь.

Собираются ли они в период щенки большими массами, вроде того, как, например, позднее при линке в Датском проливе, или же они более разрежены, как это наблюдалось в области, где были найдены семейства хохлача с детенышами, — этот вопрос остается открытым. Но мне кажется, что первое предположение имеет под собой некоторую почву.

Зато я менее склонен допустить, что именно в Датском проливе, в котором в июне бывает скопление хохлачей, могла бы находиться крупная щенная залежка; дело в том, что там очень немного молодого зимнего льда, на котором самка хохлача выбирает себе место для щенки. И вдобавок в апреле и в начале мая, повидимому, здесь вообще бывает мало хохлачей; только с июня они начинают собираться здесь в значительном количестве.

В период щенки хохлачи обычно встречаются парами. При щенке и в период вскармливания самец держится около самки и всегда готов взять ее под защиту.

«Если сначала убьют самку, самец бросается на охотника или охотников; известны случаи, когда самец выдерживал борьбу с 5—6 охотниками свыше часа», говорит одно старинное сообщение.

Не могу сказать этого, основываясь на собственном опыте, так как, обладая современными винтовками, можно без труда прикончить зверя, как бы он ни раздувал свой колпак. Спаривание происходит после рождения детеныша, вероятно через две-три недели по окончании молочного кормления его.

Так как большинство хохлачей держится здесь парами, то вероятнее всего, что самец имеет связь только с одной самкой. В этом отношении хохлач не похож на своего близкого родственника — морского льва, у которого целый гарем; однако моногамия не мешает самцам ожесточенно драться друг с другом за обладание самкой. Мне не приходилось видеть таких драк, но у старых самцов часто находят на теле большие, обычно гноящиеся раны, полученные, очевидно, при таких столкновениях.

По окончании периода спаривания хохлачи, старые и молодые, отправляются в странствование.

В море у западного побережья южной Гренландии хохлач появляется обыкновенно в апреле и мае. Особенно много хохлача бывает на дрейфующих льдах у южного побережья Гренландии во второй половине мая и в первой половине июня.

Как мне сообщили в Гренландии, хохлачи, по мнению эскимосов, пригребают с севера, и этот ход хохлачей они называют «южным».

Возможно, что они пригребают с дрейфующих льдов западной части Дэвисова пролива; в море у по-

бережья Холстенсборга, Суккертоппена и Годтхоба они, повидимому, появляются несколько раньше, чем в более отдаленных южных областях. Но на севере обычно нет дрейфующих льдов, и хохлачи кочуют вдоль рыбных банок в море. Опытные охотники с каяков у Кангека (за Годтхобом) рассказывали мне, что хохлача надо искать на много миль мористее.

У Холстенсборга они выливаются на лед якобы уже в конце марта, но большей частью в апреле, и остаются там до средины мая. Приходят они туда после щенки (Бруммерстедт, 1891 год).

У южного побережья, в области Юлианхоба, эскимосы занимаются побойкой, главным образом, в конце мая и в июне. Здесь ежегодно бьют от двух до трех тысяч голов.

Во второй половине июня хохлач снова исчезает из этой области; миграция обычно заканчивается между 20 и 25 июня.

Куда затем направляется хохлач — неизвестно, но я допускаю, что он мигрирует вдоль наружной кромки дрейфующего льда вокруг мыса Фарвель и к северу, вдоль восточногренландского побережья.

Во второй половине июня и в первой половине июля наступает период линки, и огромные массы хохлача скопляются на дрейфующих льдах Датского пролива, большей частью в области между 65½° и 67° с. ш. и между 31½° и 27° з. д. Этот район линки может незначительно передвигаться, в особенности к востоку и к западу, в зависимости от ледовых условий в различные годы.

К концу июня на льду может собраться столько хохлачей, что почти все льдины, видимые в подзорную

трубу из дозорной бочки, кажутся усеянными ими, — конечно, если удастся напасть на хорошую залежку. Они не лежат кучно, как гренландский тюлень, но разбросаны, словно «кофейные зерна», как говаривал капитан Кастберг. На такой залежке может быть много тысяч голов хохлача. Мне приходилось видеть залежки минимум голов в 30—40 тысяч. И в этой ледовой области много таких крупных залежек. В хорошие годы 14—18 норвежских промысловых судов добывали с июня до средины июля от 40 000 до 57 000 хохлачей.

Хохлач собирается в таком огромном количестве только в этой области. Откуда он приходит — неизвестно; вероятнее всего, что в период линки он стекается на дрейфующие льды из северных и южных областей моря.

Весьма возможно, что те стада хохлача, которые выливаются на дрейфующие льды у южного побережья Гренландии в мае и июне, проходят здесь транзитом, направляясь к Датскому проливу, и что постоянно сменяющие друг друга стада ненадолго задерживаются здесь, выходя на льдины.

5 и 6 июня 1877 года промысловое судно «Хекла» из Драммена обнаружило хохлачей на льду у восточного побережья южной Гренландии на 63°51′ с. ш. и 37°57′ з. д. и добыло там 25 голов. Это, вероятно, были тюлени, направлявшиеся в Датский пролив.

Но возможно также, что это был ход хохлача с дрейфующих льдов из северных морских областей.

Например, в 1877 году в первой половине мая (с 8 по 10) «Хекла» обнаружила небольшие стада хохлача к северо-востоку от Исландии между 68° и

66°40′ с. ш. и 12° и 13° з. д.; возможно, что эти стада направлялись к Датскому проливу.

Возможно также, что главная масса хохлача, появляющаяся здесь в июне и июле, проводит бо́льшую часть года в этой области моря. Уже в апреле промышленники находили в этом районе хохлачей.

Но одновременно с тем, как хохлач скопляется в данной области в июне, большое количество этого зверя встречается на дрейфующих льдах к северу от Ян-Майена, а также к северу от 76° с. ш., и, повидимому, здесь они тоже собираются в большом количестве в определенных областях на время линки.

Поэтому в конце 80-х годов многие норвежские промысловые суда искали хохлача в это время года вблизи Ян-Майена.

В 1888 году «Хекла» добыла приблизительно 2200 хохлачей на NNW от Ян-Майена в виду Беренберга. Правда, большинство хохлачей было убито в последней половине июня. «Вега» тоже была в этой области в начале мая и в начале июня, но добыча ее оказалась невелика, и она вернулась домой уже 14 июня.

В той же области моря и в то же время года «Хекла» в 1889 году добыла 807 хохлачей и в 1890 году—1100, а «Капелла» в 1890 году — 900 голов (Воллебек, 1907 год).

Между 2 и 12 июня 1889 года и между 11 и 18 июня 1890 года «Вега» находилась в дрейфующих льдах в море к северо-востоку от Ян-Майена, но не нашла хохлача. В последний из названных годов 20 голов хохлача было добыто на 76°36′ с. ш. и 3° з. д., то есть очень далеко на севере.

Промысловое судно «Анна» из Хаммерфеста добыло, между прочим, в 1903 году с 7 июня до конца месяца 200 голов хохлача в области между 72½° и 73½° с. ш. и между 3½° и 4½° з. д. Если небольшому судну удалось добыть так много зверя, это значит, что на льду было изрядное количество хохлача.

В начале июня, по мере приближения судна к Ян-Майену, хохлачи стали попадаться все реже и реже, а на пути оттуда к восточному побережью Гренландии удалось добыть всего лишь несколько зверей.

Основываясь на многих других сообщениях полярных исследователей, можно сделать вывод, что в июне и в июле масса хохлачей сосредоточивается в различных местах дрейфующих льдов в этой северной области между 72° и 76½° с. ш. и между 3° и 12° з. д., причем местонахождение лежбищ меняется в зависимости от распространения льдов.

Иногда хохлача можно встретить далеко на востоке; так, между 2 мая и 3 июня 1904 года промысловые суда «Престо» и «Анна» из Хаммерфеста добыли с полсотни хохлачей в области к востоку и северо-востоку от Медвежьего острова.

Между 28 июля и 3 августа множество хохлачей было обнаружено на льду к юго-западу от Южного мыса[1] и между Шпицбергеном и Медвежьим островом, и промысловые суда «Гагарка» и «Морская жизнь» из Хаммерфеста добыли около 80 зверей; правда, это был не совсем обыкновенный год, так как именно с этого года начались значительные миграции тюленя в северную Норвегию.

---

[1] Южная оконечность Шпицбергена. *Прим. ред.*

Как уже сказано, тюленепромышленники обнаружили хохлачей в этом районе Датского пролива сразу же, как только пришли туда сами.

Так, например, в 1879 году «Хекла» немедленно по приходе туда — 25 апреля — нашла довольно много хохлачей на 66°43′ с. ш. и 25°40′ з. д., и в последующие дни там было убито 36 хохлачей.

Большинство судов приходит в район побойки в мае, и тогда на льду уже довольно много хохлачей. Но в это время хохлач еще пуглив, и настоящий промысел начинается позднее.

В мае хохлач очень упитан и, убитый пулей в шею, долго не тонет.

В течение июля число хохлачей значительно возрастает, и так как вдобавок в период линки звери становятся менее пугливыми, их легче стрелять. Целыми днями валяются они на льду и неохотно уходят в воду, в особенности в солнечную погоду. Хохлач лежит и нежится на солнцепеке, почесывается, трется об лед, оставляя большие пучки волос на льдине. Здесь и старые тюлени, и молодняк, и самцы, и самки.

Во второй половине июня большинство пригребающих сюда тюленей оказывается в полном сборе, и в этих льдах они задерживаются до средины июля, а потом снова рассеиваются.

В этот период хохлач почти ничего не ест; в желудке у него обычно пусто, и он сам сильно худеет. В мае жировой подкожный слой может достигать 6—7 сантиметров в толщину, и взрослый самец дает тогда примерно тонну жира стоимостью в 70—80 крон, между тем как в июле количество жира с одного тюленя уменьшается больше чем вдвое.

Куда эти огромные стада хохлачей направляются после линки, этого (как уже сказано) мы не знаем; по всей вероятности, они рассеиваются по дрейфующим льдам в море, как к северу, так и к югу.

22 и 23 июля 1888 года я видел довольно много хохлачей, залегавших на дрейфующих льдах и плывших к восточному побережью южной Гренландии, примерно на 64° с. ш. и 40° в. д. Возможно, что они мигрировали к югу из района промысла в Датском проливе.

У Ангмагосалика, на восточном побережье Гренландии, они появлются в июле, пригребая туда с севера, — так, по крайней мере, утверждают эскимосы; но эти тюлени никогда не подходят массами близко к берегу, они держатся у наружной кромки дрейфующих льдов, куда эскимосы на своих каяках проникают только в очень редких случаях.

Начиная со второй половины июля, но большей частью в августе, хохлач снова выходит на дрейфующий лед у южного побережья Гренландии. В это время он очень мало упитан. Гренландское побережье — это, повидимому, один из этапов его странствования по дрейфующим льдам к востоку вокруг мыса Фарвель. В конце августа его можно увидеть у южного побережья (область Юлианхоба), и здесь эскимосы снова охотятся за ним.

Куда он затем направляется — неизвестно; но во всяком случае часть косяков, повидимому, пробирается к льдам на западной стороне Дэвисова пролива. Другая часть, быть может, поворачивает обратно и, огибая мыс Фарвель, движется к северу вдоль восточного побережья южной Гренландии; но так как вдоль этого

побережья в данное время года дрейфующих льдов мало, то вполне допустимо предположение, что это те же самые тюлени, которых эскимосы видят у Ангмагссаликка.

Но где же проводят летнее время те массы хохлача, которые сосредоточиваются в Датском проливе в июне и в начале июля? До сих пор это остается загадкой.

Интересно отметить, что ни многочисленные промысловые суда, ни экспедиции никогда не обнаруживали среди дрейфующих льдов Северного Ледовитого океана в июле, августе и до конца сентября таких крупных косяков этого тюленя, какие должны были бы здесь встречаться, если бы хохлач действительно разбредался по этим районам.

Не объясняется ли это тем, что большинство мореплавателей придерживается наиболее открытых льдов, сквозь которые легко пройти, и избегает более тяжелых льдов, излюбленных хохлачом?

Трудно понять, почему хохлач в период линки предпочитает льдины в Датском проливе. Ест он в это время мало, так что трудно допустить, чтобы его привлекала сюда пища. Правда, рыбы там изобилие — это видно из того, что в желудках многих из убитых нами полярных акул мы находили множество самой разнообразной рыбы. Море здесь неглубокое (400—500 метров), а по обе стороны тянутся еще более мелкие банки, и как раз около Исландии эти банки кишат рыбой.

Можно было бы предположить, что как раз рыба привлекает хохлача до и после линки. К тому же многие шкипера промысловых судов рассказывали мне, что они видали хохлачей на рыбных банках к западу

от Исландии, и иногда эти хохлачи высовывались из воды, держа в пасти большую камбалу или треску. Один шкипер говорил мне, что он видел однажды у самого южного берега Исландии спящих в море хохлачей, которые торчали из воды вертикально, словно штопор в пробке.

Но, насколько мне известно, никто не встречал еще больших косяков хохлача на этих банках, а в Датский пролив хохлачи массами пригребают, повидимому, лишь в конце июня и по окончании линки сразу же рассеиваются.

Мне кажется более вероятным, что хохлач выбирает вышеупомянутую область в Датском проливе, главным образом, в силу особых свойств самого льда и условий его дрейфа.

В период линки, продолжающейся несколько недель, тюлень предпочитает безмятежно лежать на льду. В этот период ему нужен плотный твердый лед, который не ломался бы и не дробился штормом и крупною волною и не дрейфовал бы быстро, но был бы мало подвижным, чтобы залегающего на нем тюленя не относило слишком далеко.

В этом отношении ледовые условия в той части Датского пролива, в которой залегает хохлач, пожалуй, более благоприятны, чем в какой-либо другой области южной части Северного Ледовитого океана.

Ледяной покров состоит здесь из мощного, тяжелого льда и торосистых льдин, уносимых, как сказано выше, Полярным течением в южном направлении; там нет того более тонкого зимнего льда, который мы встречали на таком большом протяжении в море между Ян-Майеном и Шпицбергеном.

Кроме того, в силу условий Полярного течения, этот тяжелый лед обычно держится плотной массой над широкой отмелью, которая тянется на большом протяжении от гренландского побережья; здесь льду не грозит опасность быть унесенным далеко в море, как это случается в более северных районах.

Над этой отмелью глубина моря менее 400 метров, и лед дрейфует здесь относительно медленно, что мы испытали на собственном опыте, когда нас затерло там в средине июня; в этом районе дрейфующий лед внезапно меняет направление — его относит к суше (об этом будет подробно сказано ниже). Поэтому здесь хохлач может спокойно лежать на льдинах целыми днями и даже неделями, в особенности на некотором расстоянии от внутренней кромки льда, не опасаясь, что его отнесет далеко на юг.

Дальше к юго-востоку, вдоль края отмели, круто обрывающейся на значительную глубину (см. главу «Дрейфующий лед и течения в Датском проливе»), проходит, наоборот, более сильное течение в юго-западном направлении, увлекающее за собою лед. Поэтому граница льдов в этой области обычно идет вдоль края отмели; в противоположность условиям, господствующим дальше на севере Ледовитого океана, она перемещается в различные годы и в разные времена года в очень незначительной степени на очень небольшое расстояние. 3 августа 1900 года, то есть уже поздним летом, мы нашли границу льдов на 66°42′ с. ш. и 26°45′ з. д.

Таким образом в этой части Датского пролива хохлачу удобно проводить время линки; здесь он выбирает себе на дрейфующем льду место неподалеку

от наружного края его, куда не доходит морская волна, но между льдинами есть разводья, в которые он легко может уйти. Он не заходит далеко в область сплоченного льда, а если лед, на котором он пристроился, слишком уплотняется, зверь меняет место.

Поэтому не случайно, что область преимущественного залегания хохлача простирается, — насколько мне удалось установить, — примерно от 65½° с. ш. и 31½° з. д. до 67° с. ш. и 27° з. д., то есть как раз вдоль наружного края отмели. Большинство тюленей почти всегда залегало, повидимому, около 66° с. ш. и 28—30° з. д., то есть как раз там, где от исландской отмели отходит выступ (см. карту течений, стр. 447).

К югу от этой области отмель суживается, и край ее поворачивает на запад к гренландскому побережью. Кроме того, на запад от исландских банок идет теплое течение Ирмингера; оно заворачивает на юго-запад, с силой прижимая Полярное течение к гренландскому берегу и увеличивая скорость этого течения. Поэтому и лед здесь дрейфует быстрее, поэтому же вдоль восточного побережья Гренландии, дальше к юго-западу, пояс дрейфующего льда сильно суживается; но движется он так быстро, что, если бы хохлач залег на этом льду, зверю пришлось бы ежедневно спускаться в воду и отплывать назад к северу, чтобы оставаться приблизительно в одном и том же районе.

Естественными врагами хохлача являются: на льду — медведь, в воде — косатка. Если нападет косатка, у тюленя очень мало шансов на спасение, — разве только он успеет выскочить на лед.

Белый медведь старается перехитрить хохлача — напасть на него врасплох на льду; дело в том, что взрослый хохлач, в особенности матерый «колпачник», настолько могучий и смелый противник, что медведю стоит больших трудов одолеть его. Поэтому медведь, если у него есть выбор, предпочитает охотиться за молодняком. В воде же взрослый хохлач несравненно сильнее медведя.

Но злейшим врагом зверя, как и многих других зверей, является, конечно, человек и, главным образом, мы, европейцы, в особенности в последнее время, когда развился тюлений промысел в Датском проливе.

Первым, сколько известно, открыл это место охоты и положил начало промыслу известный шкипер-поляр-ник Эдвард Х. Иоханнесен из Тромсё, который во время плавания своего на шхуне «Нордланд» пришел в конце мая 1874 года в Датский пролив и обнаружил там на льду множество хохлачей. Иоханнесен держался у ледяной кромки до 11 июля, а потом уже с большой добычей снова двинулся на северо-восток. Но вообще ему не везло: были недоразумения с командой, одна из промысловых шлюпок была потеряна, другая разбита накатившей волной, судно страдало от штормов и туманов, и лед был слишком тяжел для такого небольшого парусника.

В 1876 году известный пионер норвежского тюленьего и китобойного промысла Свен Фойн отправил на это место охоты свой пароход «Белый медведь», оснащенный как барк. Было обнаружено множество тюленей, и несколько тысяч их было убито.

Пришел конец мирной жизни хохлача в этой области. Ежегодно стало приходить все большее и большее

число норвежских промысловых пароходов — в мае и июне, после охоты на гренландского тюленя в море около Ян-Майена — и добывать тысячи хохлачей. Сначала в этом районе собиралось 14—15 норвежских пароходов, а в конце восьмидесятых годов уже свыше 20; в некоторые годы к ним присоединялось много англичан.

В первые годы после 1876 года не напуганного еще хохлача было нетрудно бить. Часто не стоило даже тратить на него заряды, зверя просто били тюленьим багром; поэтому охотники многих судов, промышлявших хохлача во время линки, когда зверь наименее пуглив, брали с собой в лодки не винтовки, а лишь тюленьи багры.

Но скоро тюлень стал пугливее, а через несколько лет удавалось бить багром уже только единичных зверей; приходилось стрелять их и часто с большой дистанции.

Интересно отметить, что не только старые тюлени стали такими пугливыми. Когда мы были здесь в 1882 году, то есть уже через шесть лет после начала здешних промыслов, молодые звери проявляли такую осторожность, что не подпускали к себе близко, и приходилось стрелять их с довольно большого расстояния.

Трудно сказать, каким образом могли измениться природные свойства зверя за столь короткий срок, если такое изменение действительно произошло.

Пожалуй, первыми стали держаться настороже не столько молодые тюлени, сколько старики, которые во время линки неохотно сходят в воду. Вначале взрослые звери не знали, какую опасность несут с со-

бой приближающиеся шлюпки с неведомыми им двуногими существами, и продолжали спокойно лежать на месте, а раз взрослые лежат спокойно, молодняк, разумеется, следует их примеру.

Но вскоре старики поняли, что́ несут с собой эти шлюпки, и стоило нескольким взрослым тюленям при одном виде судов уйти в воду, за ними бросались и другие старики и молодняк.

В первые годы добывалось много хохлачей — обычно несколько тысяч в год; каждое судно добывало от 3000 до 4000 голов; и ежегодная общая добыча всех судов составляла от тридцати до сорока тысяч хохлачей.

Во второй половине восьмидесятых годов цифра добычи, однако, сильно упала. Причину надо искать отчасти в том, что количество тюленей на льду уменьшилось. Весьма вероятно, это было результатом хищнического истребления зверя в течение предшествовавших десяти лет. Но, кроме того, ледовые условия, повидимому, были неблагоприятны для промысла. Лед в эти годы был настолько сплочен, что суда с трудом могли пробиваться сквозь него. И хотя охотники обнаруживали крупные лежбища хохлачей, — залегали звери обычно глубоко во льдах, мало доступных для судов.

Таким образом, несмотря на большое число судов в сравнении с прежними годами, общая цифра добычи значительно снизилась. В 1887 году на промысел вышло свыше 20 судов, но добыли они всего 15 000 хохлачей, то есть около 640 голов на судно.

Приблизительно так же неблагоприятны были условия промысла в 1888 году, когда я ходил на «Язоне».

Так продолжалось несколько лет, до 1892 года, когда 23 судна добыли 33 500 голов, а в 1893 году 18 судов — даже 55 700 голов, то есть, в среднем, свыше 3000 голов на судно.

Затем в течение следующего десятилетия добыча оказывалась, в среднем, неплохой. Так, например, в 1897 году 13 судов добыли приблизительно 34 900 голов, или круглым счетом по 2700 голов на каждое судно.

Но потом число судов уменьшилось. В 1900 году пять норвежцев добыли около 25 000 хохлачей; добыча некоторых отдельных судов составила свыше 6000 голов. В 1902 году судов было 6, и добыли они 18 800 голов.

Постепенно побойка хохлача с больших промысловых судов сошла почти на-нет. Старые суда были проданы за границу и мало-помалу исчезали из районов охоты; строить же новые и довольно дорогие суда стало уже невыгодно: цены на ворвань упали. Вместо крупных судов в Датском проливе теперь промышляют тюленя много мелких шхун и моторных лодок из Олесунда и северной Норвегии. Эти суда добывают кое-что у кромки льда, на ледяных косах и в ледовых бухтах, но они слишком малы и маломощны, чтобы пробиться сквозь тяжелые льды к более крупным лежбищам.

ОХОТА НА ХОХЛАЧА

ТЕПЕРЬ наша судьба зависела от того, много ли хохлачей удастся нам добыть; должны же мы были взять реванш за неудачу с детною залежкой, да и, кроме того, Крефтинг, как уже говорилось, стяжал себе славу именно охотой на хохлача.

Этот промысел предъявляет к человеку совсем особые требования. Надо не только чутьем угадывать, в каком районе искать хохлача, но и находить наиболее удобные проходы между льдинами и уметь проводить по ним суда. Плавание в тяжелых льдах дело рискованное: бояться их не следует, но углубляться в них опасно — судно может быть затерто льдами.

Найдя побойку, нужно немедленно выработать наиболее выгодный и целесообразный план как в смысле рассылки шлюпок на промысел, так и в смысле управления ими с помощью особых знаков и сигналов с судна, чтобы они шли по удобному фарватеру к наиболее крупным лежбищам тюленя.

Иными словами, шкиперу или капитану здесь предъявляются приблизительно такие же требования, как полководцу: последний должен истребить возможно больше людей в неприятельских рядах, а первый — хохлачей.

Первая задача — обнаружить тюленя — тоже не так проста, как кажется; хохлачи ведь не валяются на каждой льдине. Иногда судно идет день за днем вдоль кромки льдов — и нигде кругом ни одного зверя; новичку может показаться, что тюленей в данном районе вообще нет, а на деле оказывается потом совсем наоборот.

Выше уже говорилось, что в этих областях лед не похож на тот, какой тюленепромышленники привыкли встречать весной в море к северу от Ян-Майена. Там в большинстве случаев лед более тонкий, зимний, образовавшийся в том же море и взломанный, разбитый на менее крупные льдины, тогда как здесь повсюду мощные ледяные поля и тяжелые торосистые льдины, приносимые течением с севера, из Полярного бассейна. Такие льдины могут тянуться на большие пространства, и их нелегко «спихнуть» с места.

Если лед образует сплоченную массу, даже самым мощным промысловым судам не стоит пробиваться сквозь него; но когда ветер не нажимает на наружную кромку, льдины в приморском районе несколько рас-

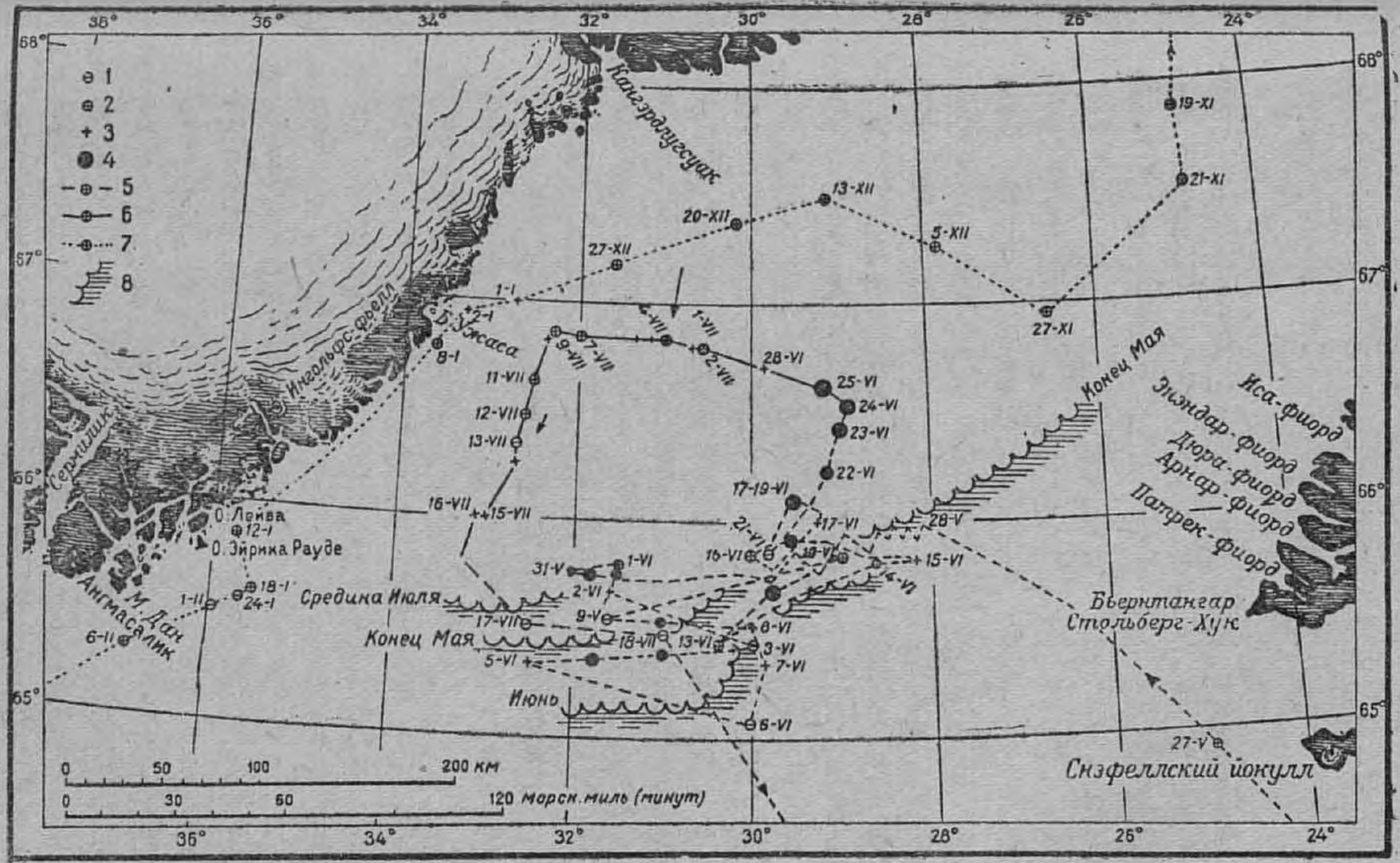
ходятся, и образуются глубокие бухты, разводья и полыньи, так что чистой воды достаточно для прохода судов.

Если видимость хорошая, промысловые суда под парусами и парами неустанно крейсируют вдоль внешней кромки льдов, в ожидании возможности поглубже проникнуть во льды по бухтам и разводьям; подзорная труба в наблюдательной бочке неустанно обшаривает ледяные поля, обыскивает весь горизонт в надежде обнаружить тюленя, и команда целыми днями следит с палубы за непрерывным круговращением трубы; то-и-дело обращаются к ней взоры людей: не замерла ли она, уставясь в какую-нибудь одну точку?

Если хохлачей на льду так много, что стоит начинать побойку, то сверху из бочки в подзорную трубу их видно уже с дистанции в 12 морских миль (то есть приблизительно 22 километра), а при рефракции, подымающей горизонт, — и еще с более далекого расстояния. Тюлени, словно черные кляксы, рассеяны по белому полю; лучше всего видны старые звери, располагающиеся на верхушке торосов и на самых высоких льдинах, которые от рефракции кажутся приподнятыми.

Однако подзорная труба высматривает не только тюленей, а попутно столь же внимательно другие промысловые суда. Мачта над ледовым горизонтом или дымок в глубине льдов — довольно верные признаки, что где-то происходит побойка. В таком случае надо попытаться подойти поближе — разузнать, в чем дело.

Если, наконец, обнаружена крупная залежка и льды не слишком сплочены, крайне важно найти к залежке



Путь „Викинга" и ледовый дрейф в Датском проливе. Май—июль 1882 года

1 — место, определенное путем наблюдения широты; *2* — место, определенное путем наблюдения широты и долготы; *3* — место, определенное счислением; *4* — место побойки хохлача; *5* — путь „Викинга"; *6* — дрейф „Викинга" во льдах; *7* — дрейф команды „Ганзы"; *8* — кромка льда

кратчайший путь и приблизиться к ней возможно скорее, чтобы не опередили другие суда и не опустошили ее.

Есть поговорка: «За карточным столом нет друзей»; нет их и на тюленьем промысле. Каждый старается половчее обойти конкурента, прибегая к самым невероятным трюкам.

Например, увидев на горизонте другие суда, еще не открывшие тюленя, судно поспешно разводит пары и полным ходом идет в совершенно противоположном направлении, делая вид, что именно там надеется найти побойку, и, таким образом, заманивая туда конкурентов. Пройдя довольно значительное расстояние, судно, якобы лавируя, идет назад или замедляет ход, и в то время, как другие суда продолжают итти прежним курсом, оно незаметно поворачивает обратно, чтобы одному притти к залежке.

Теперь уже не до экономии угля; топку набивают до отказа. Капитанский колокол то-и-дело сигнализирует из дозорной бочки: полный ход!.. В случае необходимости к предохранительным клапанам подвешивается гирька, чтобы обеспечить повышенное давление; хорошо, если не совсем завинчивают клапаны!

И судно входит во льды, пробивается, с силой таранит льдины и торосы, дает крен то правым, то левым бортом; лед с шумом раскалывается, шуршат мелкие осколки. Вперед, вперед во что бы то ни стало! Тут уж не до нежностей!

Если две льдины слишком плотно прижаты одна к другой, форштевень вклинивается между ними, раздвигает их, отламывает от их краев большие куски, затем корпус судна с силой врезается в узкий про-

ход, винт продолжает бешено крутиться, и огромные тяжелые льдины медленно раздаются; судно проскальзывает между ними.

Так судно идет все дальше и дальше, откладывая одну милю за другой.

А сверху из дозорной бочки команда за командой: «Лево руля!.. Так держать!.. Право руля!.. Круче!.. Отдай...» Двое рулевых работают, обливаясь потом, штурвал вращается взад и вперед, судно, изворачиваясь, проскальзывает между льдинами, таранит их. Винт, крутясь, оставляет в кильватере водовороты голубой воды, быстро затягивающейся ледком.

На палубе становится все оживленнее: команда догадывается, что судно приближается к крупной залежке. Люди выходят на бак посмотреть на лед, достают зверобойные ножи, тщательно правят их, готовят шлюпки. Стрелки приносят ружья и чистят их.

А в наблюдательной бочке капитан, глядя в подзорную трубу, наслаждается видом тюленей, усеявших лед черными пятнами, обдумывает план действий и правит судном.

Затем протяжная команда: «Свистать в хоз!» Крик и рев подымаются на судне, в особенности внизу в кубрике; все стрелки и ловцы на ногах, надевают ловецкую одежду.

В камбузе идет во-всю стряпня — надо посытнее накормить людей перед посадкой в шлюпки.

Стрелки идут опять на корму к стюарду за патронами.

А боцманы или рулевые, которые заведуют продовольствием на шлюпках во время хоза, уже на

корме, где стюард выдает им ящики с хлебом и галетами, шпиг и пиво в анкерках.

Через несколько часов судно подходит к залежке. Если вблизи нет других судов, то курс держат так, чтобы начать побойку с одного какого-нибудь края.

Наконец раздается из бочки команда: «Выходи в хоз!» Люди выбегают из кубрика, все бросаются к шлюпкам, уже подвешенным на баканцах по бортам судна, отдают тали. Ящики с хлебом, анкерки с пивом, ящики с патронами и ружья грузятся в шлюпки. Каждая шлюпка берет с собой на охоту ящик с хлебом, галетами и шпигом, а также порядочный анкерок с пивом. Что может быть вкуснее этих жестких ржаных галет с ломтиком шпига и глотком пива, когда усталый после одного-двух дней горячей работы на льду возвращаешься к своей шлюпке!

Стрелкам каждой лодки указывается курс; раздается команда: «Отваливай!» и лодки расходятся по местам побойки.

Шлюпками можно управлять из наблюдательной бочки с помощью сигнализации флагами и махалкой. У каждой шлюпки есть свой «нок», и когда под определенным ноком взвивается флаг, это означает, что следующие сигналы имеют отношение к определенной шлюпке. «Махалкою», то есть круглым диском на стержне, шлюпке указывается, например, направление, в каком надо искать тюленя. Если человек в дозорной бочке держит диск прямо над своей головой, шлюпка должна итти прямым курсом; если левее или правее головы, шлюпка должна забирать более или менее на бакборт или штирборт и т. д. Флаг, поднятый на вер-

хушке мачты, означает приказ всем шлюпкам вернуться на судно, и т. п.

28 и 29 мая была плохая видимость, и мы продолжали крейсировать вдоль ледяной кромки против свежего бриза с NNO.[1]

Вблизи льдов значительно холоднее; температура около нуля. Не особенно приятная погода для конца мая. Но стоило нам немного отдалиться от льдов, как вода заметно потеплела. В воскресенье в 4 часа пополудни температура воды равнялась +5,5° Ц. Очевидно, мы находимся в теплом течении Ирмингера, идущем к северо-западу от Исландии, затем поворачивающем на W и WSW вдоль наружного края Полярного течения (см. карту, стр. 447).

Во вторник, 30 мая, ветер стих; после полудня прояснилось, потеплело; температура выше 3° Ц.

Подзорная труба в бочке все время направлена на льды впереди. Есть что-нибудь в виду?

Под вечер подзорная труба как будто замерла на одной точке; это значит, на льду действительно есть тюлени. Был взят прямой курс.

Меня назначили стрелком на одну из десяти шлюпок «Викинга», вдобавок на одну из больших; на ней пять человек команды, не считая меня, лучший из штурманов Кристиан Баллон и четыре гребца; они же будут свежевать тюленей.

Это действительно знак большого доверия к молодому новичку в Северном Ледовитом океане. Стало быть, я выдержал предварительный экзамен на «удовлетворительно»; это была первая официальная

[1] Здесь, как и в других местах нашей книги, направления даны с поправкой на склонение. *Прим. автора.*

должность в моей жизни, и, сказать правду, я чувствовал себя тогда более на месте, чем на всех других должностях, какие мне впоследствии приходилось занимать.

Теперь только не ударить лицом в грязь! Я с нетерпением ожидал команды отваливать и момента своего боевого крещения как охотника на хохлача.

Наконец и мы стали различать на льду отдельных тюленей; да их там, кажется, совсем немного?..

Раздалась команда готовиться, и каждому стрелку указан был курс. Наконец: «Отваливай!» В один миг мы оказались в фарватере и понеслись на веслах. Но тюленей попрежнему виднелось мало, и какие они были пугливые!

Как уже говорилось, хохлачи залегают всегда поодиночке. В редких случаях лежат компанией в пять-шесть голов на одной льдине, даже если она больших размеров. Поэтому залежки хохлача раскинуты по большой площади дрейфующих льдов, и у подплывающего к льдине неискушенного промышленника может возникнуть сомнение в наличии значительного числа тюленей: с низкой шлюпки видны разом лишь несколько зверей.

К хохлачу надо подплывать совершенно иначе, чем к гренландскому тюленю. Как мы уже говорили, к последнему зверобои подбираются, пользуясь каким-нибудь прикрытием вроде торосов или ледяных бугров; на хохлача же надо итти по чистой воде прямым курсом, — если это возможно, — чтобы он издали видел шлюпку. Охотникам не следует укрываться за ледяными глыбами, так как зверь, потеряв шлюпку из виду, немедленно уходит в воду. И если шлюпка вне-

запно вынырнет из-за льдины позади него, он тоже моментально скрывается в воде. Завидев издали приближающуюся шлюпку, хохлач приподнимает голову, таращит на нее некоторое время глаза и затем обыкновенно снова укладывает голову на лед.

Тем временем гребцы изо всех сил налегают на весла, и шлюпка несется вперед. Тюлень снова поднимает голову, пристально смотрит на нечто неизвестное, приближающееся к нему, потом смотрит на воду, выказывает беспокойство и немного пододвигается к краю льдины. Затем снова таращит глаза на шлюпку. Потом вытягивает шею и вот-вот скользнет в воду. Но по знаку стрелка команда разом рявкает. Опешивший тюлень медлит, удивленно прислушиваясь, а гребцы тем временем ещё сильнее налегают на весла.

Тюлень подтягивается еще ближе к краю льдины. Снова дикий рев, более протяжный и жуткий. И снова зверь вытягивает шею, прислушивается и таращит глаза на приближающуюся шлюпку.

Но вот он свешивает передние ласты над краем льдины, горбит спину, вытягивает над водой шею. Даже самый дьявольский рев не может теперь удержать его от бегства в воду, но если охотники не успели еще подплыть к зверю на выстрел, то есть все-таки одно средство остановить зверя: стрелок вскаживает пулю в край льда, так что брызги от ледяных осколков окатывают морду тюленя. Зверь испуганно втягивает голову, пятится и, выпучив глаза, смотрит на край льда.

Тем временем шлюпка подходит на выстрел. «Стоп!» Весла опускаются и в уключинах укладываются вдоль бортов шлюпки, продолжающей по инер-

ции скользить вперед. Никто не шелохнется; рулевой держит курс прямо на зверя, а стрелок прикладывает ружье к щеке. Выстрел... пуля попадает в череп, голова тюленя поникает на лед и остается неподвижной.

Хохлача следует бить тоже наповал в голову, в крайнем случае в шею, чтобы перебить шейные позвонки; тогда зверь лежит неподвижно, как каменный. Надо избегать попаданий в туловище, так как раненый зверь стремглав кидается в воду, увлекая за ссбой ближайших соседей.

Если на льдине несколько хохлачей, то убить первого зверя наповал еще важнее, чем при побойке гренландского тюленя; вид неподвижно лежащих убитых тюленей успокаивает остальных, и они уже не обращают внимания на шлюпку.

В этой первой моей охоте на хохлача мне сначала не повезло; я не мог застрелить ни одного зверя — они уходили в воду, не подпуская нас на выстрел. Очень еще пугливы они в это время года.

Наконец мне удалось убить матерого «колпачника». Старики обычно несколько менее пугливы. Мы пристали к льдине, чтобы освежевать его. Вдруг он зашевелился; надо было скорее всадить в него вторую пулю, но капсюль патрона застрял в затворе, и, пока я вставлял другой, тюлень соскользнул с края льдины в воду и был таков. Вот была досада!

Потом мы встретили шлюпку нашего плотника и, увидав впереди тюленя, лежавшего удивительно спокойно, принялись грести к нему наперегонки. Подплыли и видим... уже освежеванную тюленью тушу!

Слегка сконфуженные, пошли дальше; но вот, наконец, и мы подошли на выстрел к тюленям. К по-

следней льдине, на которой мы увидели хохлачей, гребли наперегонки с лодкой плотника, но обогнали ее, и тем, кто был в ней, оставалось только смотреть на нас: мы убили трех зверей.

Этим кончилась наша охота: на бизань-мачте взвился флаг, и пришлось вернуться на судно.

За первый день побойки наша шлюпка добыла всего-навсего восемь хохлачей. Оле Могеруду посчастливилось больше: он убил одиннадцать. Всего же за день добыто было 38 хохлачей.

Побойка происходила днем 31 мая; согласно наблюдениям, мы находились на 65°45′ с. ш. и 33° з. д.

Затем «Викинг» пошел дальше на поиски хохлачей.

На другой день, четверг, 1 июня (набл. 65°48′ с. ш. и 31°30′ з. д.; температура воздуха от —1° Ц до +1° Ц; слабый ветер с NNW), после полудня нас со всех сторон обложили непроходимые льды; так как кое-где на льдинах залегали хохлачи и более прибыльной добычи не предвиделось, то с бакборта спустили шлюпки. Им был дан приказ крейсировать повсюду, где есть тюлени, чтобы убить в воде хоть нескольких зверей. А сам капитан отправился в шлюпке на охоту за гагарками.

Как уже сказано, хохлач в это время года бывает настолько упитанный, что, раненный в шею, не тонет сразу в воде. В таком случае к нему быстро подплывают и, подцепив багром, вытаскивают на лед.

В этот день наша шлюпка убила семь хохлачей. Оле Аугунсен уложил тоже семь зверей, а всего мы промыслили двадцать пять.

На следующий день, в пятницу, 2 июня (температура воздуха от 1° до 2° Ц; ветер NO), мы выбра-

лись из льдов и встретили английское промысловое судно «Фетида». Капитан Фэруетер, посетивший нас, сказал, что они добыли 700 хохлачей. Он был единственным англичанином, которого мы видели на побойке хохлача.

Какое красивое судно «Фетида»! Оно значительно больше «Викинга», с более мощной машиной, и так как пришло сюда прямо из своего порта, угля у него было вдоволь; капитану незачем было экономить топливо, и он не давал себе труда ставить паруса.

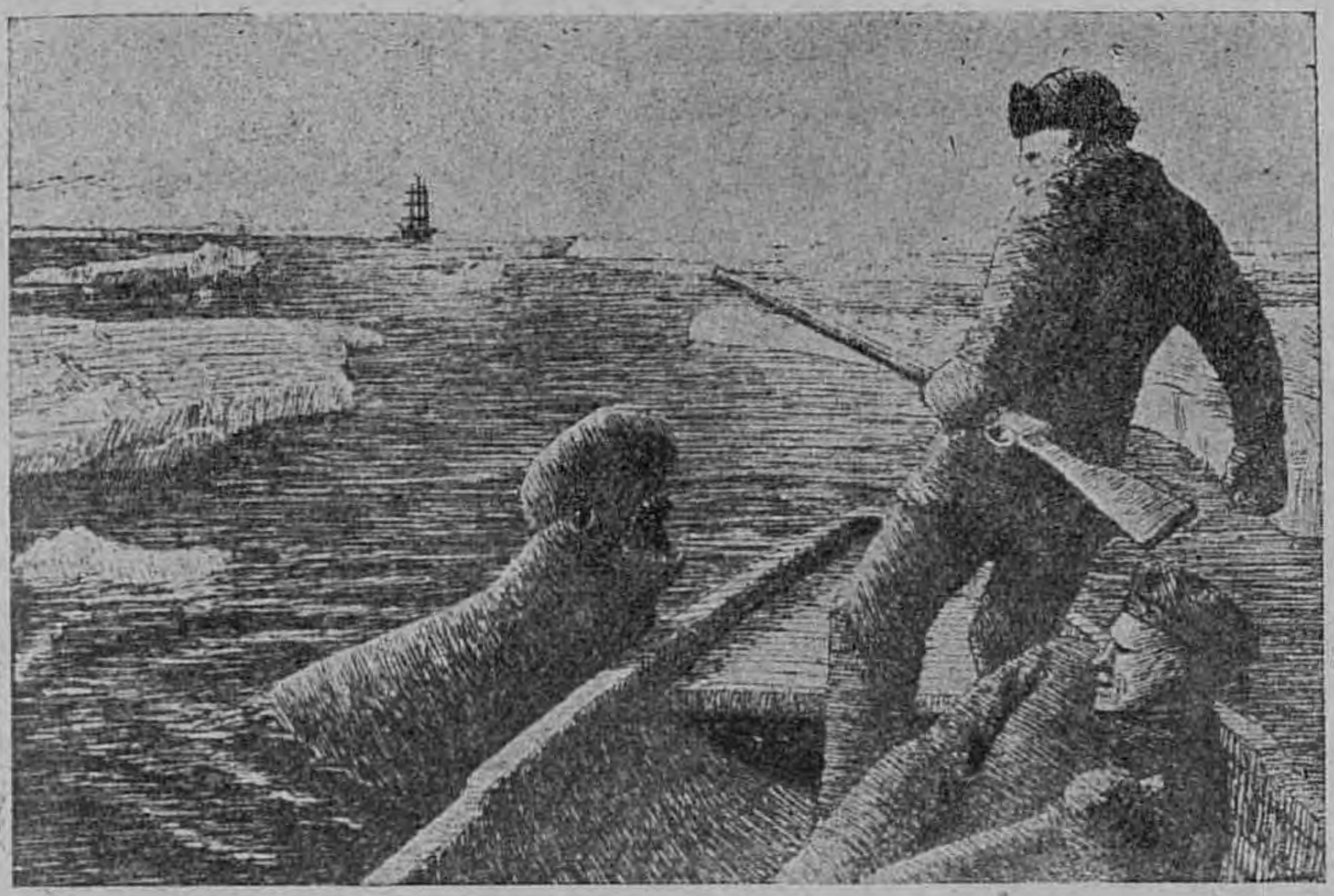
Но для плавания во льдах «Фетида» мало годилась, — корпус у нее был слишком удлиненный, и она слишком медленно лавировала в извилистых проходах между льдинами, поэтому, несмотря на свою более мощную машину, она могла легче, чем «Викинг», застрять во льдах.

Два года спустя «Фетида» была куплена американским правительством для спасения несчастной экспедиции Грили.

В области льдов вода холодная, около 0° Ц и ниже, но стоило нам немного отойти от кромки, как мы попали снова в теплую атлантическую воду. В четыре часа дня температура была + 4,0° Ц, а около полуночи + 6,4° Ц. В районе льдов воздух тоже холоднее: — 2° Ц, а подальше от них + 2° Ц.

На другой день, 3 июня (набл. 65°37′ с. ш. и 30° з. д.; температура воздуха от 2° до 4° Ц; ветер NNO), мы снова увидели тюленей. «Фетида» добралась до них раньше нас. Мы прошли мимо нее и отправились в хоз.

По пути к льдине, на которой расположилось семь хохлачей, шлюпка потеряла свой вымпел с номером. Вымпела эти позволяют человеку в дозорной бочке



Хохлач нападает

опознавать в подзорную трубу различные шлюпки. Пришлось нам поэтому вернуться за вымпелом, а тем временем шлюпка Ханса Снеккера опередила нас, и наши хохлачи достались ей. Досадно! Пришлось отправиться на поиски других тюленей.

Когда мы свежевали на льдине убитого тюленя, вдруг видим, что парусных дел мастер, находившийся в другой шлюпке, подкрадывается по льдине к крупному «колпачнику». Затем он подскочил и со всего размаха всадил багор в голову хохлача. Но зверь, быстро рванувшись вперед, выдернул у него из рук багор и так с багром в голове и ушел в воду.

Парусных дел мастер остался с пустыми руками, стоит и смотрит вслед хохлачу и потерянному багру, а мы покатываемся со смеху.

На дозорной бочке подняли сигнал к возвращению на корабль. Я повел шлюпку по разводьям между льдинами, вдруг слышу громкий возглас Баллона: «Оглянитесь!»

Я обернулся: в каких-нибудь пяти метрах от шлюпки показалась голова матерого «шута в колпаке», быстро плывшего прямо на меня.

Я схватил ружье, но так как на мне были рукавицы и вдобавок я второпях плохо прицелился, пуля пролетела мимо носа зверя. Сделав прыжок и разинув пасть, он бросился к корме лодки, намереваясь укусить меня, но куснул край бортовой обшивки, а я, схватив багор, хотел ударить зверя по голове, однако он нырнул под шлюпку и вынырнул с другой стороны. Там я всадил ему пулю в череп, но не успел подцепить багром — он утонул на наших глазах. Зверь, очевидно, был раненый, — возможно, тот самый, которого парусных дел мастер хватил по голове багром.

«Викинг» проник еще дальше во льды, и мы снова пошли в хоз.

Как только было обнаружено много тюленей, нашу лодку спустили первой, и вскоре мы убили двадцать штук; а потом лед сжался, шлюпку нашу затерло, и судну пришлось итти к нам на выручку.

В этот день наша лодка промыслила в общем 29 хохлачей и по добыче стояла на первом месте. На всех же шлюпках оказалось сотни две шкур.

Воскресенье, 4 июня (+1° Ц; ветер умеренный с ONO), мы простояли, затертые льдами. Зато занялись другим промыслом.

Когда из пристающих к судну шлюпок шкуры с салом подымают лебедкой на борт, в море обычно

падают клочки мяса и сала. Кроме того, как уже говорилось, много крови и клочков мяса и сала попадает в море вместе с водой, стекающей из шлюпок после их подъема на борт. Все эти отбросы плавают в полынье вокруг судна, и если судно затерто льдами, то держатся там по нескольку дней.

Эти лакомые кусочки привлекают полярных акул (*Somniosus microcephalus*), которые во множестве собираются вокруг судна.

Какие огромные и жуткие животные эти полярные акулы! Они достигают в длину четырех, пяти и даже шести метров. А печень их, дающая много ворвани, притом отличного качества, представляет большую ценность; из крупной акулы можно добыть больше тонны ворвани.

За акулой стоило поохотиться. Мне дали в помощь несколько человек, и мы, вооружившись баграми, спустились на лед. Всадив багор в голову акулы, мы общими силами вытягивали ее на льдину. Одному человеку не справиться, такие они тяжелые.

Затем акуле вспарывали брюхо и вынимали печень, которую потом укладывали в чаны на борту.

Акул здесь водится уйма, и мы за одни сутки добыли их с полсотни. Недурно заработаем на акульей ворвани!

В желудке одной акулы я нашел крупного ската, в желудке другой — половину тюленьего туловища со шкурой и жиром, а в желудке третьей — камбалу, весом чуть ли не в 24 килограмма, и крупную треску.

Это показывает, что здесь в море тоже водятся съедобные рыбы. Там, где мы тогда находились (при-

мерно на 65°20′ с. ш. и 32°27′ з. д.), глубина моря достигала, пожалуй, свыше 600 метров; но непосредственно к северу глубина уменьшалась до 400 метров, и весьма возможно, что, по крайней мере, скат, а может быть и камбала были пойманы акулой на морском дне.

Просто невероятно, как прожорливы эти хищники! В одном старинном сообщении говорится, что в брюхе акулы были найдены: тюлень, восемь штук трески, из них одна свыше метра в длину, голова камбалы и много кусков китового жира.

21 мая 1864 года Квеннерстедт нашел в желудке полярной акулы двух детенышей гренландского тюленя целиком — с кожей и волосом. Один из детенышей был еще в своей белой меховой шубке. Это указывает на удивительно медленный процесс пищеварения акулы; ведь к маю бельки уже сбрасывают свою меховую шубку; значит, белек был проглочен много времени тому назад. Как отмечает Квеннерстедт, тот факт, что акула сожрала белька, не может не вызывать удивления. Или он попал в воду по несчастной случайности, или же она стащила его с льдины. Охотники рассказывали, что на их глазах акулы высовывались из воды и утаскивали с краев льдин туши освежеванных тюленей.

В другой полярной акуле Квеннерстедт нашел кусок китового жира с кожей. Такая находка не редкость, и она объясняется тем, что акула, подплывая к спящему киту, вырывает у него снизу куски жира. Акулы, повидимому, пожирают тюленей, спящих в воде; но каким образом эта неуклюжая, неповоротливая тварь может поймать треску — прямо непо-

нятно. Я никогда не видел, чтобы акулы двигались с особенной быстротой.

Когда мы всаживали акуле багор в голову, она не очень сильно трепыхалась; казалось, будто она вообще не очень чувствительна к удару. А если бывало подцепишь ее сразу недостаточно крепко, то, вытащив багор из ее головы, просто подтолкнешь рыбину так, чтобы удобнее было нацелиться, и вторично всадишь багор в подходящее место. Затем подойдет другой человек и всадит ей еще багор в туловище; тогда она у нас в руках. Сопротивления она вообще не оказывала; разве иногда делала несколько слабых взмахов хвостом, что только облегчало нам вытягивание ее на берег.

Но если акула все-таки ловит треску и других рыб, это значит, что она в случае надобности развивает такую большую скорость, какую нам не приходилось видеть.

У этих полярных акул чудовищная пасть и ужасающе острые зубы, словно огромные ножницы.

Раз одна из наших шлюпок шла к судну, буксируя несколько шкур крупного хохлача, не уместившихся в порядком перегруженной шлюпке, из воды вдруг показалась акулья пасть; широко раскрылась и разом отхватила зубами огромный кусок от жесткой шкуры с салом.

Прямо изумительно, с какой быстротой собирались вокруг судна стаи акул, когда нас затирало льдом на более долгое время; та же картина наблюдалась и много раз впоследствии.

Подплывая к судну, акулы вряд ли руководятся зрением, так как это чувство развито у них, повиди-

мому, не очень сильно. Я часто наблюдал, как акула проплывала мимо лакомого куска сала, не замечая его. Интересно отметить, что к глазам акулы обычно прицепляется множество крупных паразитов — особый вид ракообразных, которые крепко впиваются в самый зрачок глазного яблока.

Я склонен думать, что акулы руководятся нюхом, который у них, видно, развит чрезвычайно сильно.

Но как удивительно живучи эти твари! Я разрезал их на части, и они продолжали шевелиться. Впоследствии мне пришлось даже видеть, что части акульей туши, пролежавшие много дней на льду, обнаруживали признаки жизни, когда их пихали ногой.

Акулье мясо совершенно белого цвета и аппетитно на вид, но несъедобно; говорят, что оно вредно для здоровья, так как содержит мочевую кислоту. Я его не пробовал, но говорят также, что вяленое акулье мясо, полежавшее некоторое время, становится более съедобным.

Утром 5 июня (темп. 0° Ц; умеренный ветер с NO) я гулял по льду и подстрелил несколько гренландских чаек («белокрылых»); их здесь довольно много. Они сходны по виду и окраске оперения с бургомистром (*Larus glaucus*), но они несколько меньших размеров, и их часто выделяют в особый вид. Я не мог подметить какого-либо различия между этими видами, и мне кажется, что эти более мелкие чайки представляют просто разновидность *Larus glaucus*'а. Однако весьма возможно, что ближайшее исследование обнаружило бы некоторые различия в анатомическом строении, которые давали бы право присвоить этой менее крупной форме видовое название. Эта чайка

встречается повсюду на западном побережье Гренландии. Во время нашего плавания в 1882 году я наблюдал ее только в Датском проливе. Различал я ее хорошо даже на большом расстоянии: полет у нее не столь величественный и замедленный, как у крупной чайки-бургомистра, и крик, пожалуй, меньше напоминает протяжный и жалобный звук флейты.

Пока мы стояли, затертые льдами, мы успели наполнить цистерны свежей пресной водой.

Летом в дрейфующих льдах легко запасаться питьевой водою. Когда снег и поверхностный лед начинают таять, на льдинах образуются большие озера или пруды опресненной воды, почти не соленой на вкус. Люди становятся цепью от озера до судна, и ведра передаются из рук в руки от озера к цистернам на борту.

Во вторник, 6 июня (набл. 65°4′ с. ш. и 30°1′ з. д.; температура воздуха +1° Ц; ветер умеренный с NNO), мы выбрались из льдов, и в этот день и на следующий шли под парусами вдоль кромки льдов, зорко высматривая тюленей, но не обнаружили ни одного.

Произведенные здесь нами наблюдения над температурой воды дали те же результаты. В области льдов вода холодная — ниже нуля, но стоило нам выйти за пределы льдов, температура воды заметно повысилась; 7 июня в 4 часа пополудни у поверхности было: +5,4° Ц, а в 8 часов вечера +5,7° Ц; температура воздуха +1° Ц.

В четверг, 8 июня (прибл. 65°30′ с. ш. и 30° з. д.; ветер с NO), мы, проникнув поглубже во льды, обнаружили тюленей и взяли курс на них. Нако-

нец засвистали в хоз, и на судне снова закипела жизнь. Сначала мы шли по большой полынье, по обе стороны которой на льдинах залегали тюлени; предоставив их другим судам, следившим за нами, мы направились туда, где зверей было всего больше. Там мы и начали побойку.

Нашу шлюпку спустили первой, и я сразу убил восемь тюленей, но затем началось сжатие льда, и нам пришлось выбираться на более разреженные льды.

Наша шлюпка промыслила всего одиннадцать тюленей. Шлюпки Оле Могеруда и Аскьемена затерло, так что их пришлось волочить по льду чуть ли не целую милю. Шлюпка Аскьемена была тяжело нагружена четырнадцатью шкурами. А шкуры из шлюпки Могеруда пришлось попросту выгрузить на лед и притти за ними после.

За этот день было добыто в общем 90 тюленей.

На другой день, 9 июня (прибл. 65°32′ с. ш. и 31°36′ з. д.; температура воздуха +1° Ц; ветер с NO), мы снова вышли в открытое море и оказались на оклик по крайней мере от трех судов: «Капеллы», «Харальда» и «Фетиды».

В субботу, 10 июня (набл. 65°50′ с. ш. и 29° з. д.; температура воздуха от +1° до +4° Ц; ветер с NO), мы снова пошли на W и обнаружили тюленей. «Фетида» шла впереди нас, но прошла мимо зверей, не заметив их. Когда же мы вошли во льды, «Фетида» тоже повернула и пошла следом за нами. К нам присоединился и немец «Ян-Майен». По уговору с «Фетидой», мы решили поставить паруса, чтобы ввести в заблуждение другие суда; пусть не догадываются, что мы нашли лежбище!

Мы подошли к нему поближе, и около полуночи наша шлюпка была спущена. Чудная погода. Солнце, словно раскаленный красный шар, стояло над горизонтом. Но глубокой ночью хохлач пуглив.

Я промазал много раз. В чем дело? Потом оказалось, что скривилась мушка.

Потом что-то стряслось с курком ружья «экспресс»; никак не удавалось взвести его. Тогда я взял из шлюпки запасное ружье. Это было обычное ружье слабого боя; я обнаружил, что оно стреляет так же ровно, как ружье «экспресс», в особенности если пристреляться; кроме того, оно отдает не столь сильно и не так быстро нагревается; стрелять из перегретого ружья неудобно: воздух дрожит над горячим дулом, и мушка пляшет. Если дуло слишком раскалится, стрелки часто опускают его в воду, так что оно шипит; правду сказать, такой способ охлаждения не говорит о бережном обращении с хорошим оружием.

Так как мы убили 24 тюленя, то поспешили к судну разгрузить шлюпку; не очень-то удобно застрять с перегруженной шлюпкой в сплоченном льду. Затем мы снова отвалили от судна и убили еще 15 тюленей.

Когда мы, наконец, вернулись на судно, нам сказали, что Иохан Лорьен уложил медведя. Каково мне было слышать, что медведь находился совсем близко от нашей шлюпки!

Много шлюпок застряло во льду, но, наконец, лед раздался, и они могли вернуться к судну. В этот день Ханс Снеккер стоял на первом месте: у него оказалось 40 шкур; затем шли мы (39). Теперь хохлач настолько упитан, что в лодку не нагрузишь много шкур взрослых зверей.

За ужином, или, вернее сказать, за ночной едой (так как была поздняя ночь с субботы на воскресенье), капитан рассказывал, как он, сидя в бочке, наблюдал в подзорную трубу за охотившимися англичанами. Ну, и стрелки! В особенности один, который прошел мимо нас на паровом баркасе, — чертовски меткий стрелок! Направляя баркас по длинному разводью между льдинами и непрерывно стреляя, он убивал хохлачей по обе стороны прохода, так что они лежали на льду длинными шеренгами.

Мне кажется, что капитан просто хотел поддразнить меня, потому что, когда я ответил, что этот англичанин, должно быть, быстро нагрузил свою шлюпку и что англичане вообще убили, пожалуй, больше зверей, чем мы, он не нашелся, что ответить.

— А впрочем, — сказал я, — если бы вы достали нам паровой баркас, мы тоже сумели бы очень быстро добыть изрядное количество тюленей, и как приятно было бы пронестись на таком баркасе сквозь льды!

По его мнению, на таком судне приятно итти только по чистому фарватеру, но едва оно попадет в сплоченный лед, где эту тяжелую бестию придется переволакивать через льдины, всякому удовольствию конец.

Вскоре мы сошлись на том, что охота на хохлача с такого судна вряд ли выгодна; дело в том, что в той области, где мы находились, этот тяжелый лед может в любую минуту сжаться; а тогда шлюпки приходится переволакивать по льдинам, и с таким баркасом здесь прямо сядешь.

Впрочем, многие зверобои пробовали свое счастье на судах этого типа.

В понедельник, 12 июня, мы снова подошли к кромке льда, но стояла пасмурная погода, дул слабый ветер с юга, моросил дождь, а температура воздуха доходила до +4° Ц, что в этих широтах считается настоящей летней температурой.

В течение следующего дня, 13 июня (набл. 65°26′ с. ш. и 30°21′ з. д.), ветер перекинулся на NO и NNO. Потом погода прояснилась, и температура опять упала до 0° и —1° Ц.

В этой части моря вода поражает своим бурым цветом и непрозрачностью. Это свидетельствует о богатой органической жизни в верхних водных слоях; здесь множество водорослей и мелких ракообразных; опущенные в воду сетки тотчас же наполняются ими. Но на льду что-то не видно жизни.

В среду, 14 июня (набл. 65°48′ с. ш. и 28°38′ з. д.; температура воздуха 0° Ц; слабый ветер с NNO), все еще стояла хорошая погода, и мы пошли на восток вдоль кромки льдов, но тюленей и здесь почти нет.

Когда нечем было больше заняться, мы с капитаном подымались в дозорную бочку и там, высоко в воздухе, отгороженные от остального мира, чувствовали себя удивительно хорошо. Один из нас садился на край бочки, другой стоял, водя подзорной трубой по горизонту. Иногда и мне доверялась эта ответственная работа. И о чем только мы там не беседовали!

Однажды мы полным ходом шли по чистой воде вдоль кромки, погода стояла ясная, солнечная. Мы осмотрели в подзорную трубу окружавший нас лед. Я сидел на краю бочки, а капитан стоял внутри, прислонившись к ее стенке, и, разговаривая со мною, при-

стально смотрел на меня. Разговор был, повидимому, не из обычных, так как мы оба забыли и о судне, и о людях, и о тюленях, и довольно долгое время даже не смотрели, что делается впереди.

И вдруг — грохот и удар в судно; меня сбросило с края бочки прямо на капитана и потом на дно бочки; мачта заколебалась, и судно дало крен. Капитан, опомнясь, дернул за сигнальный колокол и скомандовал: «Стоп!»

Оказывается, мы в открытом море налетели на тяжелую, одиноко дрейфовавшую льдину. Судно до половины набежало на нее, затем один край льдины погрузился, а другой приподнялся и нажал на штирборт, судно соскользнуло и, накренившись на бакборт, остановилось.

Капитан громко расхохотался, но порядка ради ругнул вахтенного на бакборте: «Куда, к чорту, ты глаза пялишь, болван, не сумел в открытом море обойти льдину!»

Но вахтенный, повидимому, чувствовал себя в такой же безопасности, как и мы, — его вовсе не оказалось на баке.

Из кубрика уже высыпала команда, словно муравьи из муравейника; всем хотелось узнать, что случилось. Некоторые выскочили в одних подштанниках. Люди посмотрели по сторонам, бросили искоса взгляд на дозорную бочку, покачали головами, пробормотали что-то и затем один за другим опять ушли вниз. Мы с капитаном только ухмылялись. Когда судно ударилось о льдину, в кубрике, должно быть, здорово затрещало, и все там порядком струхнули, не зная, в чем дело.

В четверг, 15 июня (темп. —1° Ц; ветер с N и NW), мы снова вместе с другими судами, в том числе с «Капеллой», «Магдаленой», «Гейзером» и «Хордроде», пошли на запад вдоль кромки льдов.

Около полудня «Капелла» вошла во льды, и мы решили, что́ там тюлени. Пошли за ней; остальные суда тотчас же последовали нашему примеру.

Мы перегнали «Капеллу» и «Магдалену». Вначале лед был редкий, но, постепенно сплачиваясь, стал тяжелым. Капитану это не нравилось; ведь форштевень-то у нас довольно сильно потрепан. Смерзшийся бухтовый лед, сквозь который мы изо дня в день пробивались на севере, в конце концов протаранил ледовую обшивку во многих местах на высоте ватерлинии. Пробоины были так глубоки что из-под гринхиртовой обшивки проступала внутренняя сосновая; она же имела всего несколько дюймов в толщину. С такими дырами не очень-то удобно пробиваться сквозь тяжелый лед.

Когда мы проходили мимо «Капеллы», наши капитаны, сидя каждый в своей бочке, стали переговариваться. Порешили на том, чтобы на некоторое время лечь в дрейф; кажется, это было сделано с целью ввести в заблуждение другие суда.

А затем мы полным ходом вошли во льды и спустили шлюпки. Лед был неудобный, зато тюленей оказалось много. Судно взяло нас на буксир, провело некоторое расстояние, и мы попали на довольно хорошую «побойку». В первом же месте я сразу убил пять тюленей, в следующем шесть, но затем лед начал сжиматься, и шлюпкам дан был сигнал вернуться на судно.

На обратном пути мы некоторое время плыли рядом с шлюпкой Оле Фредрикстада. Затем лед сжался, и нам пришлось тащить шлюпку волоком по льду. Мы первыми пришли на судно. Когда мы уже добрались до последней льдины около нашего судна, я увидел в воде крупную полярную акулу и застрелил ее.

Убили мы ее и ждем, чтобы лебедка подняла нашу шлюпку со шкурами на борт; вдруг с шлюпки Оле Фредрикстада, которую волочили по льдинам, раздались какие-то крики. Нам послышалось: «Медведь! Медведь!»

Я схватил ружье и стремглав побежал по льду. Когда я взобрался на высокий торос, Оле, прицелившись, как раз выпалил в медведя и уложил его на месте.

На льду я встретил Олуфа и «Беате», бежавших во всю прыть. Увидев меня с ружьем, они остановились, но так запыхались, что не могли выговорить ни слова. Наконец пробормотали, что они сейчас наткнулись на медведя, который остановился, глазея на них. Они же кинулись со всех ног к судну.

Я пошел к убитому медведю. Какой могучий, огромный зверь! Какие лапищи и когти!.. Великолепная белая шуба кажется на снегу кремовой. Несколько узких струек алой крови бежало из ран, нанесенных пулями. Огромная голова спокойно лежала на боку, язык чуть просунулся между хищными зубами. Конец борьбе за существование и всем радостям жизни!

Я прошел некоторое расстояние по его следам; мне хотелось знать, был ли он один. Оказалось, что мы, волоча лодку к судну, проходили под тем самым торосом, на котором он лежал. Педер Хольместран и Кристиан Скредер шли за нами следом, но он выпря-

мился и показал свою умильную мордашку как раз, когда подошли Олуф с «Беате».

Пока я стоял, раздумывая о происшедшем, матерый хохлач высунул голову между ледяными буграми и уставился на меня; я, не будь плох, угостил его пулей. Следом за ним появилась самка и встретила такой же прием. Я кликнул людей, и мы потащили хохлачей; это были очень крупные экземпляры. И сразу после того я застрелил в воде еще трех хохлачей. В общем в тот день я уложил 16 тюленей; всего же мы добыли 115.

Пока мы охотились, плотник и еще несколько человек из команды занимались на борту важным делом: забивали пробоины в форштевне и обшивали сверху дубовыми досками; теперь мы можем итти сквозь льды спокойнее.

Но самым замечательным событием за тот день было вот что: желая порадовать меня, люди убили карликовую нерпу. Как уже говорилось, тюленепромышленники считают нерпу особым видом тюленя. Убитый зверь оказался крохотным кольчатым тюленем, или нерпой (*Phoca hispida*); он распространен повсюду на гренландском побережье, а также у Шпицбергена и в Баренцовом море. Есть что-то загадочное в этих зверях-карликах, которые держатся особняком между дрейфующими льдинами в море около Ян-Майена и в Датском проливе, где обычно не встречается кольчатых тюленей. Наша нерпа была удивительно мелким экземпляром (длиной всего 63 сантиметра от конца носа до конца хвоста), лишь чуть длиннее новорожденного детеныша, обычно появляющегося на свет ранней весной.

А, может быть, эти карликовые нерпы просто годовалые детеныши кольчатой нерпы, развитие которых несколько задержалось потому, что после рождения их целыми месяцами носило на дрейфующих льдинах, где им не удавалось питаться как следует?

Впоследствии мы находили таких карликовых тюленей во многих местах Северного Ледовитого океана. В конце июня 1895 года я застрелил такого зверя примерно на 82° с. ш. к северу от Земли Франца-Иосифа. Отдельные экземпляры более или менее крупных нерп я видел также в полыньях между льдинами в высоких широтах Северного Ледовитого океана.

Как сообщает Р. Коллет, во время великой миграции тюленей к северной Норвегии в 1903 году множество таких карликовых тюленей появилось в Порсангерфиорде и в Варангерфиорде; некоторые из них даже в декабре имели не больше полуметра в длину.

ОБИЛИЕ ХОХЛАЧЕЙ

ПРОШЛО больше половины следующего дня, пятницы, 16 июня (набл. 66°50′ с. ш. и 30° з. д.; температура воздуха 0° Ц; ветер с NO), а мы все еще стояли, затертые льдом, но к вечеру он начал понемногу расходиться.

Пользуясь северо-восточным ветром, шли под парусами; пробивались с трудом, так как стоял туман и лед был такой сплоченный, что машину нельзя было пустить в ход, — легко мог сломаться винт. Но у нас на судне было довольно много шкур, и команда весь день занималась срезкой сала. В льды стала проникать зыбь, которая все усиливалась. В такую зыбь судну не особенно приятно пробираться

между тяжелыми льдинами. К тому же из-за тумана была плохая видимость.

Когда мы подходили ближе к открытому морю, то попали в настоящую переделку. Здесь было сильное волнение, и огромные толстые льдины с таким грохотом налетали одна на другую, что жутко становилось. Ледяные глыбы часто опрокидывались у самого судна, и массивные обломки льда ударялись о судно с такой силой, что, попади они в более уязвимое место, они могли бы причинить судну серьезный вред.

Одну такую тяжелую льдину швырнуло так близко к форштевню, что капитан с боцманом опрометью прибежали с бака; казалось, глыба вот-вот обрушится на судно.

Стоило нам приблизиться к наружной границе льдов хотя бы на одну длину судна, волнение выросло, вырастали и тяжелые льды вокруг. Положение становилось серьезным. Всякий раз, как волна вскидывала или бросала судно вниз, оно получало такие толчки, что вся обшивка трещала, и чувствовалось, как весь корпус судна содрогается, становясь игрушкой необузданной стихии.

Долгое время у нас с обоих бортов стояло по тяжелой льдине, и одна перед самым бугшпритом. Однажды судно получило толчок такой силы, что нас подбросило на палубе, и к нам прибежал испуганный стюард. Он как раз готовил ужин в камбузе, но ему показалось, что там оставаться небезопасно, и он решил узнать сначала у капитана, насколько близка катастрофа, прежде чем снова вернуться к своей плите.

Вся команда вышла наверх, не дожидаясь свистка. Наконец-то и в кубрике разок наступила тишина. Раз-

говоров на палубе не слыхать было, и кое у кого, кто не привык к разгулу ледяной стихии, душа, пожалуй, ушла в пятки. Но все приказы команда исполняла быстро и точно. Прежде всего надо было защитить шлюпки от «судостроителей» (так назывались высокие ледяные глыбы, грозившие снести шлюпки с баканцев), затем обезопасить руль. Не имело смысла подвергать его ударами льдин, держа «прямо руля». Он должен был свободно вращаться, так как при вращении нагрузка становилась меньше. Штурвал, словно колесо самопрялки, жужжа, крутился в обе стороны; единственное, что оставалось, это защитить руль от ударов пробковыми матами.

Мы находились всецело в руках судьбы. Потонет судно, придется искать спасения на льдинах; надо надеяться, что судно не погрузится чересчур быстро, и нам удастся спасти хоть несколько шлюпок.

А Кристиан Баллон и тут оставался верен себе, — только посмеивался.

— Здорово нас шлифует, — говорил он, — кое с кого всех вшей соскребет.

Когда туман несколько рассеялся, мы увидели в нескольких кабельтовых от нас судно; это был «Кап Норд» за кромкой льда, в море. Капитан Гуллик Иенсен, повидимому, выжидал, что будет с нами, и это несколько успокоило нашу команду.

Мне нечего было делать; поэтому я отправился спать и вскоре заснул, утомленный шумом и треском. Через несколько часов меня разбудил грохот ледяной глыбы, ударившейся о бок судна как раз под моей головой; вся кормовая часть судна задрожала, и мне показалось, что меня выбрасывает с койки.

Я услыхал, как пустили машину; сверху доносилась команда капитана, — повидимому, судну грозило что-то, и надо было прибавить ходу, чтобы уйти — быть может, от огромной ледяной глыбы, готовой обрушиться на нас, снести шлюпки и оснастку.

Я посмотрел в иллюминатор. С бакборта высился мощный торос; не сладко пришлось бы от его поцелуя. Из-за него-то, видно, и развели пары, несмотря на риск сломать винт.

Немного позже я заметил, что мы начинаем выбираться из льдов; толчки от налетевших льдин становились все реже и реже, затем совсем прекратились; мы шли на всех парах по чистой воде. Потом машину застопорили, и мы пошли опять только под парусами.

На другое утро (суббота, 17 июня, прибл. 66° с. ш., 29°14′ з. д.; темп. +3° Ц; ветер с NO) меня разбудил капитан, который очень удивился, увидев меня раздетым на койке. По его словам, ночью приходилось круто и, пожалуй, кроме меня, никто на судне не сомкнул глаз.

Я ответил, что раз во мне не нуждались на палубе, то почему бы мне не поспать?

— Ну, да, конечно, — сказал капитан, — молодость и неопытность убаюкивают.

Я удивился:

— Да разве катастрофа могла стрястись так внезапно, что я не успел бы одеться и выскочить на лед?

Капитан согласился, что, может, и успел бы. Но бывает и наоборот. Например, несколько лет тому назад одно английское промысловое судно затонуло так быстро, что капитан еле спасся, выскочив из каюты в последнюю минуту через иллюминатор.

И едва он с командой спустился на лед, как судно погрузилось. Правда, это был железный пароход, а при таких льдах эти пароходы не прочнее жестяного ведра.

За завтраком капитан сказал:

— Будьте уверены, сегодня мы пойдем в хоз. Помнишь, стюард, после того как нас в прошлый раз пошлифовало льдами, мы потом пошли под парусами и угодили прямехонько к тюленям. Девятьсот штук убили тогда.

Еще бы не помнить этого стюарду! И предчувствие капитана сбылось. Во второй половине дня, когда мы при свежем бризе шли под парусами по довольно длинным разводьям и полыньям, подзорная труба в бочке то-и-дело возвращалась к какому-то одному участку льдов.

Затем капитан сверху крикнул, чтобы люди правили ножи и что пора развести пары.

И опять ожили и палуба и кубрик. Тюленей-то, по-видимому, было не мало, но до них было еще далеко.

Начали точить и править ножи, бегали на бак смотреть на лед, расспрашивать, не видал ли кто тюленей, забирались в шлюпки взглянуть, в порядке ли все, а каждому, кто шел из кормовой каюты, задавался один и тот же вопрос:

— Ну, что, много тюленей?

Наконец из бочки раздалась долгожданная команда:

— Свистать к обеду!

Из кубрика, по обычаю, но громче, чем всегда, раздались «воинственные завывания индейцев», с коек

показалось несколько заспанных физиономий. Как, уже смена вахты? Но вскочить и одеться успевают все раньше, чем узнают, в чем дело. А тогда подымается невероятная суматоха. В камбузе приготовлен сытный обед, команда садится за еду.

Люди стараются наесться до отвала; кто его знает, когда еще придется поесть опять!

Кое-кто из пообедавших делает последние взмахи сталью, правя свой разделочный нож. И у всех находится еще чем заняться в последние минуты; если нет другого дела, то хоть толпиться на баке, высматривая тюленей, и мешать дозорному, пока их не сгонят оттуда вниз в кубрик.

Тем временем стрелки каждой шлюпки получают от стюарда патроны; рулевым он наливает в анкерки пиво, раздает хлеб и шпиг в корабельных ящиках. На палубе непрерывная беготня взад и вперед, и если кто поскользнется, наткнувшись на сальную шкуру, и шлепнется, люди хохочут во все горло.

Мы давно уже идем полным ходом. «Кап Норд», следовавший за нами, отстал. И снова в машинное отделение дается троекратный сигнал колоколом, что означает: «Прибавить ходу!» Вдобавок капитан кричит, чтобы кочегары подбросили в топку угля.

Наконец он командует готовиться к хозу. Тут уж люди зашевелились по-настоящему. Надо разместить по шлюпкам и корабельные ящики, и анкерки с пивом, и ящики с патронами, и ружья, а тем, кто еще не в парусиновой одежде, не мешкая, накинуть ее на себя или швырнуть в свою шлюпку.

— Спускай шлюпки! — раздается из бочки.

Отдают последние бензеля и спускают шлюпки.

Капитан приказывает рулевым соблюдать осторожность, чтобы не застрять во льдах, советует держаться редкого льда и бить только тех тюленей, к которым легко подойти, — их ведь здесь видимо-невидимо.

Каждому стрелку указывается курс, и шлюпки по команде отваливают.

Красивое зрелище, когда все десять шлюпок одновременно отваливают от судна в различных направлениях! У всех людей довольные лица, все полны приятных ожиданий, все налегают на весла, чтобы первыми подойти к лежбищу, и, перегоняя друг друга, перекидываются шутками и насмешками.

— Эй, ты, парусник! Будешь опять бить колпачников багром? Смотри только, сам не отправься в воду вслед за ним!

— Баллон! Береги свой вымпел. Только не надуйся пивом, не то улетишь! (Баллон любил выпить.)

Но вот первый выстрел и потом треск со всех сторон; мимо нас свистят пули, шлепающиеся о лед; ребята палят без разбора. Каждый рвется принять участие в побойке. Нам посчастливилось убить сразу двадцать хохлачей, но затем мы попали в довольно большую полынью. Гребем, гребем, — хоть бы один тюлень попался.

В конце концов сообразили, что взяли неверный курс, и повернули назад. Я почти не сводил бинокля с мачты и бочки, надеясь, что оттуда мне укажут правильный курс, но ничего не увидел. Затем мы снова оказались между другими шлюпками и повстречались с Карлом Андерсеном, у которого шлюпка была почти загружена.

Вскоре и мы свою нагрузили. Подплыв к судну, узнали, что семь шлюпок уже разгрузились до нас. Мы сдали 38 шкур и снова отправились на побойку.

В тот день нам повезло. Я стрелял, и шлюпка все нагружалась и нагружалась. Надо было пользоваться случаем и набрать столько шкур, сколько влезет в шлюпку; она все глубже и глубже в воде; шкуры подпирали банки, и гребцам неудобно было сидеть. А мы продолжали добывать новые шкуры, — несколько штук могло еще уместиться.

Наконец больше некуда было грузить; шкуры были навалены чуть не вровень с бортами; пора было возвращаться. Но тем временем лед вокруг нас сжался, нас затерло, и пришлось выжидать. Не волочить же перегруженную шлюпку по льду! Вдобавок навалил туман, и почти ничего не стало видно.

Зато теперь можно было подкрепиться; пока кругом на льду лежали тюлени, нам было не до еды. Баллон достал корабельный ящик и анкерок с пивом, хранившийся у него на корме. Все отрезали себе разделочными ножами по изрядному куску сала и положили его на разломанные ржаные галеты — не еда, просто объяденье!.. Вдобавок, мы успели здорово проголодаться.

Ну-ка, Баллон, пивца! Баллон делает затяжной глоток из отверстия анкерка, и анкерок идет в круговую. Баллон начинает и замыкает каждый круг. А потом мы снова лакомимся галетами с салом, сдобренными прибаутками Баллона.

Матросы, если они моряки по призванию, отличаются неистощимым запасом юмора. Как бы они ни устали, как бы им тяжело ни приходилось, какая бы

опасность ни грозила их жизни, они всегда готовы ободрить друг друга веселым взглядом и остроумной шуткой.

Как-то на охоте Баллон вывалился из шлюпки в воду; плавать он не умел. Люди в шлюпке заволновались, не зная, как быть.

— Эй, вы! — крикнул им Баллон. — Чего вы суетитесь? Надо мной не каплет, а над вами и подавно! — и, ухватившись за лопасть весла, влез в шлюпку.

Наконец мы насытились. Баллон снова берет продукты на свое попечение. Ну, теперь последний глоток из анкерка с пивом... И надолго же он припал к нему!

К утру лед, наконец, раздался настолько, что нашей тяжелой шлюпке удалось немного продвинуться вперед.

Мы встретили Ашема; он шел на побойку уже в третий раз, как и большинство других шлюпок, — по его словам.

Мои люди были усталые и сонные и частенько клевали носом над веслами. Встретив Ашема, они немного оживились, но потом снова задремали.

Мы поплыли дальше, пробираясь в тумане, и встретили еще шлюпки Гуттorма Грюте и Ханса Хальворсена; обе были нагружены уже в третий раз — правда, не доверху, как у нас.

Мы изо всех сил налегали на весла, пробиваясь сквозь льды; туман, однако, так сгустился, что мы потеряли судно из виду.

Но вот на миг чуть прояснилось, и из серой завесы проступило что-то большое, темное, и от него подымались кверху, прорезая мглу, черные линии. Это были

мачты и реи «Викинга», находившегося от нас всего лишь в нескольких длинах судна.

Мои ребята воспрянули духом, налегли на весла, мы проскользнули между последними льдинами и, наконец, подошли к борту судна. Это было в понедельник, 19 июня, в 4 часа утра.

Паровая лебедка работала полным ходом, подымая грузы одной шлюпки за другою. Подняли и наш — 58 крупных шкур — недурная добыча в июне, когда хохлач так хорошо упитан.

Всего наша шлюпка добыла за эту побойку 96 тюленей и по добыче вышла на одно из первых мест, хотя мы долгое время простояли, затертые льдами.

Нам рассказали, что зыбью во льдах пробило борт у шлюпки, которую вел наш плотник, но он все же сумел привести ее обратно.

На палубе лежала груда шкур, а еще две шлюпки (Иохана Лорьена и Карла Андерсена) не вернулись с побойки. Им пришлось заночевать во льдах; утром, сложив шкуры в кучу на надежной льдине, промышленники поволокли шлюпку к «Викингу». Добрались же до судна только к вечеру.

Мы отправились за этими шкурами, но многие матросы были сонные, так как долго работали без отдыха. Один из них, Улавес, волочивший со мной вместе шкуры, перепрыгивая с одной льдины на другую, чуть не с головой погрузился в воду. А у нас так вошло в привычку вытаскивать погружающихся тюленей багром, что я, полусонный, чуть не метнул багром и в матроса, да во-время опомнился и ухватил его за плечо.

Как это ни странно, но в Северном Ледовитом океане не простужаются, даже выкупавшись в ледяной воде и затем целый день пробыв на льду в мокрой одежде. Здесь воздух слишком чист, полное отсутствие бактерий. Это большое счастье, а то при нечистоплотности матросов заболевания могли бы принимать скверный характер.

Ну, и вид же у некоторых из наших людей! Не умывались они наверняка уже несколько недель, и все лицо, руки и одежда забрызганы кровью.

Часто при свежевании тюленя, когда, наклоняясь над тушей, ловец вскрывает артерию, струя крови брызгает ему прямо в лицо. Эту кровь люди не смывают, она так и засыхает коркой и долгое время остается на коже, пока корка не отвалится сама собой вместе с накопившейся под ней грязью; тогда на черных физиономиях проступают жуткие светлые пятна, а через некоторое время на них снова насыхает кровь.

В таком же непривлекательном виде руки и одежда промышленников; все измазано кровью и жиром. Люди вообще не очень любят мыться и умываются разве только перед праздником.

Несмотря на это, заболеваний на промысловых судах мало, если не считать появляющихся на теле и на пальцах нарывов, которые иногда дают злокачественные нагноения.

Раны от порезов при свежевании тюленя вообще редко не гноятся. Да это и не удивительно, — ведь какой только грязи нет в этой крови и сале, ну, а наши молодцы и не подумают никогда промыть себе рану.

— Промышленники называют такие нарывы «полярными гнойниками», и результатом их нередко бывает, что палец или другая часть руки утрачивает подвижность.

Крефтинг думает, что люди заражаются нарывами от тюленей; весьма возможно. Я сам не раз видел у тюленей, в особенност у самцов хохлача, воспаленные раны с каким-то зеленоватым гноем, и возможно, конечно, что люди, у которых есть царапины или ранки, заражаются при свежевании. Подобные заразные нагноения носят особенно злокачественный характер.

Одно могу сказать, нигде не приходилось мне видеть таких ужасных нарывов, как в Северном Ледовитом океане.

Наши люди не спали чуть ли не трое суток подряд, и теперь всех отправили на отдых.

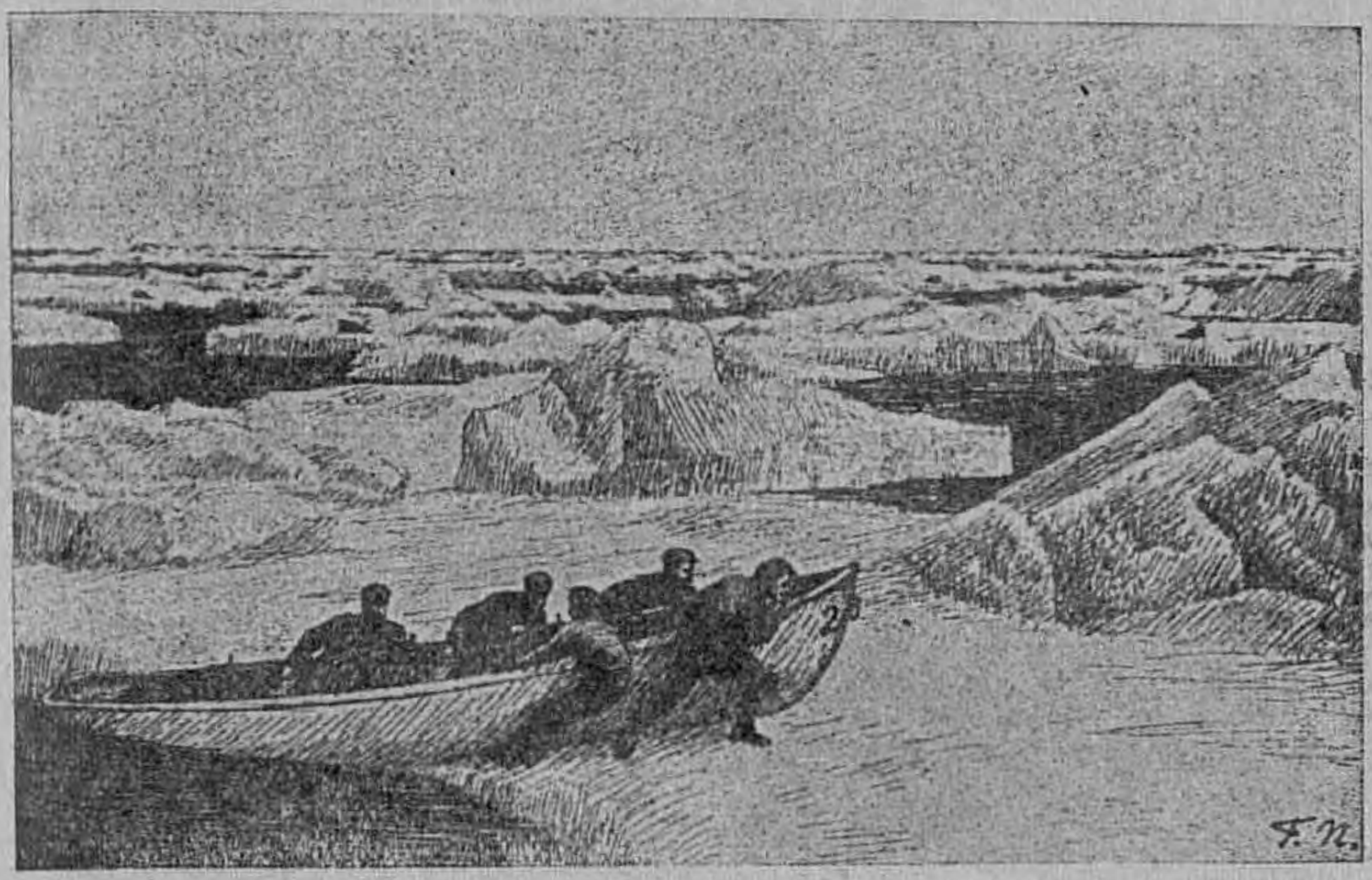
Тем временем мы с капитаном и стюардом занялись ловом полярных акул; они тут так и кишат между льдинами у самого судна.

Быстро вытащив их из воды, мы вырезывали из них печень, а тушу оставляли на льду.

За эту ночь и за следующий день (20 июня) мы выловили из воды сотни две-три акул.

Я измерял температуру крови крупных акул; оказалось, что она очень мало отличается от температуры воды. Да, у них, действительно, «рыбья кровь», и потому не удивительно, что они так невероятно медлительны.

Часто акулы, как колоды, стоят перпендикулярно в воде, высунув нос на поверхность около бортов судна и почти не двигаясь. Они действительно напо-



Шлюпку волочат по льду к месту побойки хохлача

минают полузатонувшие торчком в реке бревна, но только покрупнее, чем бывает лесной материал в реках современной Норвегии.

Здесь акулы словно в очередь выстраивались в ожидании, когда мы их выловим из воды.

Наш бугшприт все еще не в порядке; произведенная днем починка оказалась недостаточной. Пришлось нашему плотнику снова взяться за работу, и с помощью нескольких человек ему удалось зашить пробоины дубовыми досками настолько крепко, что есть надежда закончить рейс без аварии.

Во время нашей последней побойки остальные суда, должно быть, держались где-то в море и следили за нами; пояс тяжелого льда загородил им путь. «Кап Норд», как это ни странно, тоже где-то застрял; уж не испугался ли он труднопроходимых льдов?

В этот раз нам повезло; но вот теперь, повидимому, нас затрет. Скверное дело!

Во вторник, 20-го, и в среду, 21 июня (набл. 65°50′ с. ш.; темп. +2° Ц; ветер с N), мы снимали со шкур мясо и сало. На палубе накопилась целая гора шкур, и надо было поскорее убрать ее.

К счастью, в среду днем лед раздался, и мы, выйдя из льдов, снова отправились на поиски тюленя.

22 июня ранним утром снова засвистали в хоз, шлюпки были спущены в тяжелые льды, сквозь которые было довольно трудно пробиваться. Но хохлач залегал здесь очень густо; я не видывал еще такой кучности хохлачей; совсем как стада гренландских тюленей.

Мне не удалось провести шлюпку между льдинами, поэтому я сошел на лед и начал стрельбу; но, к моей великой досаде, вскоре пришлось прекратить побойку, так как на верхушке бизань-мачты подняли сигнал возвращаться на судно. Шлюпки охотились всего несколько часов, убив за это время сотню зверей; наша шлюпка добыла 21 тюленя.

На палубе плотник чинил шлюпку, борт которой был поврежден волной 19 июня. Я помогал ему; едва мы закончили работу, как опять засвистали в хоз.

На шлюпке спустили Оле Могеруда и меня; я успел убить только пять тюленей, как подняли флаг, и пришлось снова возвращаться на судно.

Чтобы нагнать «Викинга», нам пришлось несколько часов здорово грести, так как он все время уходил от нас. Люди роптали и зверски ругались, взбешенные этой пустой тратой силы; но, в конце концов, «Викинг» повернул и взял нас на буксир.

По пути нам подвернулся небольшой участок, где густо залегали тюлени, и мы быстро убили 22 хохлача, которых немедленно выгрузили, так как находились совсем близко от судна.

Затем снова отправились на охоту, но опять взвился флаг, и мы не успели добыть ни одного тюленя.

Уже поздний вечер; команде дан приказ возможно скорее ложиться спать. Это означает, что в виду еще масса тюленей.

Поспать пришлось недолго; через какие-нибудь полтора часа снова засвистали в хоз, и как только мы приготовились, шлюпки были спущены.

Сегодня как раз Иванова ночь — 23 июня; стоит прекрасная погода. По сторонам, куда ни глянь, лежат тюлени; надо только выбирать наиболее удобный проход между льдинами. В воздухе со всех сторон треск пальбы, свист пуль.

Мы прошли сравнительно небольшое расстояние, но убили уже 37 тюленей. Выгрузили добычу на проходивший мимо «Викинг», и нас послали в другом направлении.

Вскоре мы снова настреляли много тюленей, но затем попали в очень сплоченный кашеобразный лед и пришлось терпеливо ждать, пока лед раздастся настолько, чтобы мы могли выскользнуть. Невдалеке виднелись большие «кучи» или «стада» тюленей. Эх, только бы изловчиться пройти мимо ближайших льдин!

Мы видели, как другие охотники волокут шлюпки по льду, пробираясь к лежбищу; им-то хорошо, они плывут прямо с судна, без всякого груза. А наша

шлюпка наполовину загружена тюленями, и мои люди говорят, что нам все равно не удастся протащить нашу тяжелую шлюпку через труднопроходимые льды, все равно не угнаться за другими охотниками.

Ну, да, они, конечно, правы; придется запастись терпением.

Большое развлечение доставил нам Улавес с соседней шлюпки: осторожно, на цыпочках, он стал подкрадываться к убитому нами тюленю, но еще не освежеванному. Шаг за шагом, бесшумно приближается он к нему, потом, словно тигр, делает скачок и — вонзает багор в череп поразительно спокойно лежащего зверя.

Мы покатываемся со смеху, а он, сгорая от стыда, возвращается на свою шлюпку.

Затем, смотрим, Оле Аугунсен и Гутторм Грюте приближаются к новому лежбищу. Мы начинаем волноваться — вдруг они опередят нас?

Но вот и перед нами лед раздался, и мы утираем им нос. Мы попали на «кучную» залежку и сразу нагрузили шлюпку доверху. Когда она скользила между льдинами, я стрелял тюленей направо и налево, и теперь они лежат там на льду мертвые, двумя длинными шеренгами.

В этот день я был в ударе и готов был стрелять без конца — тюленей хватало. Но Кристиан Баллон запротестовал: «мы ведь еще не справились и с этой добычей», — говорил он; я послушался его и прекратил побойку.

Но это крепко раздосадовало капитана, наблюдавшего за нами из бочки в подзорную трубу. Потом он мне сказал, что я стрелял не хуже того англичанина,

и ему хотелось, чтобы я продолжал бить тюленей, предоставив другим шлюпкам подбирать добычу.

Мы постарались возможно быстрее освежевать тюленей, нагрузили нашу шлюпку доверху, а остальных застреленных тюленей предоставили забрать другим шлюпкам. У нас набралось 59 шкур, но шлюпка осела так глубоко, что надо было глядеть в оба, как бы она не зачерпнула слишком много воды.

Выгрузив добычу на судно, мы снова пошли на промысел. Но теперь мои ребята совсем скисли. Солнце сияло, снег сверкал, и трудно было держать глаза открытыми. Когда я взбегал на торос, чтобы высмотреть тюленей или свободный проход между льдинами, то, возвращаясь назад, я уже находил своих гребцов спящими.

Вот я вздумал выпрыгнуть на лед, чтобы столкнуть с пути льдину, зацепился багром за борт и окунулся в воду с головой. Пришлось мне догонять лодку вплавь.

Плеск воды разбудил людей, дремавших над веслами. Увидя меня в воде, они в ужасе засуетились, но я успокоил их, сказав, что выберусь сам. Ухватившись одной рукой за борт, а другой за край льдины, я стал приподыматься на руках. Но в тот момент, когда я уже хотел выскочить на лед, шлюпка от моего толчка скользнула вперед, и я во второй раз окунулся в воду.

Но я сейчас же выкарабкался на другую льдину с более низкими краями. Пришлось стащить с себя непромокаемые сапоги и вылить из них воду, а также снять чулки и всю одежду, чтобы выжать, и потом надеть на себя все мокрое.

Как удобно быть одетым во все шерстяное! К вечеру когда я вернулся на судно, моя шерстяная фуфайка была уже совершенно сухою, и капитан, посмеиваясь, не хотел верить, что я побывал в воде.

Наша шлюпка стала пробиваться дальше сквозь льды. Но вот на бизани взвился флаг; как обрадовались ему мои люди! Однако вначале радости получилось мало: лед сжался, и нас затерло. Люди мои, разумеется, задремали и заснули. Через некоторое время лед развело, и мы, в конце концов, добрались до судна.

За последний рейс мы убили только 14 тюленей, но за всю побойку добыли 111 голов — больше, чем остальные шлюпки.

Теперь надо скорее, скорее итти спать. Однако и в этот раз нам удалось отдохнуть лишь очень недолго.

Под утро 24 июня снова засвистали в хоз, и штурман сообщил, что среди тюленей он видел двух медведей. Я, конечно, мигом вскочил с койки. Наконец-то, повидимому, исполнится мое заветное желание. О, юность! Как велики твои надежды, как ярки твои радости, но и как мрачны тени твоих разочарований!

Мы расселись по шлюпкам, и нас спустили на воду. Капитан из бочки указывал каждому стрелку курс шлюпки. Я нетерпеливо ждал своей очереди: теперь-то я узнаю, где медведи! Но капитан не проронил ни слова о медведях, а только указал направление, в каком грести.

Тюленей было довольно много, но сегодня они меня мало занимали. Я влезал на каждый торос, к ко-

торому мы подплывали, и оттуда старался в бинокль высмотреть медведей, но тщетно.

Было летнее солнцестояние, и солнце достигло своей наибольшей высоты над горизонтом.[1] Уже в предыдущие дни солнце светило слишком ярко, ну а сегодня прямо нестерпимо. Солнце и лед так сверкали и блестели, что мы открывали глаза только по необходимости, и то не оба сразу, а по очереди.

Я пожалел, что у меня не было с собой защитных очков от снега; я отдал свои одному из стрелков, у которого начали гореть глаза — признак начинающейся снежной слепоты.

От солнца делаешься коричневым, как индеец; на носу, на щеках, на подбородке лупится кожа; губы трескаются, глаза горят. Но удивительно, что у нас был только один случай снежной слепоты — у стрелка Гутторма Грюте, проболевшего несколько дней.

Но как ослепительно прекрасна окружающая природа! Беда только, что медведей нигде не видно.

Когда впоследствии я вспомнил о своем пребывании на севере среди льдов, в памяти моей вставал вот именно такой день.

Какой мир, какая тишина! Воздух трепещет над белыми блестящими льдинами. Бледная синева сквозит в трещины и отверстия по краям льда, а подножья льдин, уходящие вглубь студеной голубой воды, отливают зеленоватым блеском. Слышится журчанье талой воды, узенькими ручейками сбегающей

---

[1] Северное склонение солнца достигает своего максимума 22 июня, каковой день и является днем летнего солнцестояния. *Прим. ред.*

с краев большой льдины. Далеко-далеко искрится на солнце полынья.

Там и сям лежит и нежится тюлень, почесываясь передними ластами, переваливаясь с боку на бок. Лениво пролетит чайка и опустится на торосистую льдину рядом со своей товаркой.

Одна и та же картина круглые сутки. Ночью солнце садится на самый край льда, и северный горизонт пылает заревом...

Но вот на бизани подняли флаг. Подплывая к судну, я уже почти позабыл про медведя. Но что это на баке? Неужели?.. Ну, да, там растянуты шкуры трех медведей!.. Когда я взбирался по трапу, капитан ухмылялся.

Он отправил нас на охоту за тюленями — это, по его мнению, более важное дело, — а сам с палубы уложил трех медведей.

В этот день я убил девятнадцать тюленей, но это не вознаградило меня за потерю трех медведей, — ведь такой «случай» вряд ли представится впредь!

За последние три дня мы добыли в общем 1100 тюленей.

Среди хохлачей иногда попадаются — в особенности глубоко во льдах — морские зайцы; они лежат обычно в одиночку или на некотором расстоянии друг от друга, но никогда не в куче. Морские зайцы — это крупные тюлени, еще более длинные, чем хохлачи; они достигают до трех метров в длину, но не столь жирны. Окраска меха на спине голубовато-серая, без отчетливых крапин; брюхо светлее. На подбородке у морского зайца длинная щетина, производящая издали впечатление настоящей бороды; отсюда и ла-

тинское название его «*Phoca barbata*» (бородатый тюлень).

Мы уложили несколько морских зайцев, а вот лысунов в этом районе Датского пролива совсем не водится.

В один из этих дней мы встретились снова с «Фетидой». Капитан Фэруетер пришел в гости на «Викинг» и был гостеприимно принят. Он в восторге от норвежских зверобоев.

— Я охотился в том же районе побойки, где вы, — говорил он, — и как ни посмотришь в бинокль на «Викинга», шлюпка то отваливает от судна, то подходит к нему; мне кажется, что за все время побойки норвежцы и спать-то не ложились.

— До сна ли тут? — заметил Крефтинг. — Пока тюлень на льду, надо работать.

— А вот мои люди, — сказал шотландец, — каждый вечер непременно возвращаются на судно и основательно высыпаются, сколько там ни будь тюленей на льду.

— Ну, нет, мы, норвежцы, считаемся с обстоятельствами, — возразил Крефтинг. — Когда зверя действительно много, мы работаем изо всех сил. Ну, а потом люди могут и полениться. А вот я смотрел на ваших стрелков — поразительно ловкие парни, в особенности один, на паровом баркасе; редко встретишь такого меткого стрелка.

— Да, да, — ответил шотландец, — многие из них недурно стреляют; но как зверобоям им, конечно, далеко до норвежцев. Ведь на промысле важнее всего не самая стрельба, но умение вести шлюпку во льдах, умение заставлять людей работать; и в этом отноше-

нии мы, англичане, уступаем норвежцам; теперь я собственными глазами убедился в этом.

Он, пожалуй, прав. Мы, норвежцы, умеем править шлюпкой.

Кончилось тем, что шотландец прямо заявил: англичанам все равно не выдержать конкуренции с норвежцами в тюленьем промысле, и потому англичане, должно быть, скоро бросят промышлять в Северном Ледовитом океане.

Ну, а вот у Ньюфаундленда другое дело: там на промысловое судно нанимают несколько сот островитян-зверобоев, производящих впечатление чуть не дикарей. Они сходят с судна на лед и бьют зверя. А капитану с командой остается только управлять судном да убирать шкуры со льда.

«Но беда иметь дело с такой бандой, — рассказывал шотландец. — Капитану лучше не показывать носа из каюты. Эти зверобои валяются всюду — в кубрике, в трюме, на палубе; они не раздеваются в течение всего рейса, ходят перепачканные с ног до головы в крови и сале. В сапожищах, подкованных большими железными гвоздями, топают по всей палубе, лезут на такелаж, так что во избежание серьезной порчи судна приходится борт и все деревянные части обшивать досками. Завидев тюленей, они прут прямо на них; будь лед хоть какой тяжелый и сплоченный, они все равно пробиваются к лежбищу. А заикнись капитан, что это неразумно, его обложат такою бранью! А то и похуже достанется.

«Потом все до единого уходят на лед; если идет побойка детенышей, зверобои здорово работают и пропадают там надолго. Провианта они берут с со-

бой мало. Едят сердце, почки и мясо тюленя в сыром виде; а ласты детенышей у них особый деликатес.

«Шкуры складываются в кучи, и на каждой куче ставится флажок с наименованием судна.

«Затем в один прекрасный день несколько человек возвращается на судно и сообщает, что там-то и там-то на сплоченном льду лежит полный груз для судна. И как только лед раздастся, судно идет за добычей.

«Но бывает, что разбушевавшийся шторм ломает льдины и разводит такую волну, что судну приходится выходить в открытое море, и вся добыча на льду пропадает».

Капитан сознался нам, что всякий раз, когда он кончал расчеты с этой бандой и снова становился хозяином своего судна, он чувствовал большое облегчение.

За работу эти островитяне-зверобои получают третью часть добычи и делятся между собою.

Вечером 24 июня мы прошли мимо льдин, на которых залегало много хохлачей. Но капитан распорядился сначала срезать сало и убрать шкуры, сваленные на палубе, и лишь потом итти в хоз. Шкуры уже начали портиться, и многие протухли, особенно те, что лежали на палубе около машины; ворвань растекалась с них по палубе, хотя кучи все время поливались морской водой.

Наши люди все-таки устали за эти дни, когда удавалось спать так мало; это обнаружилось, когда нашим четверым охотникам пришлось с бака стрелять в тюленей, мимо которых мы плыли. Убили всего-навсего двух хохлачей, а промазали много раз. Глаза переутомились от яркого света.

На другой день было воскресенье (25 июня); однако на судне занимались срезкой сала, так как дать шкурам сгнить — более непростительный грех, чем несоблюдение праздника.

Но вскоре снова засвистали в хоз. Вдали на льду виднелось слишком много тюленей, чтобы равнодушно пройти мимо.

Мы долго гребли, но нам попадались лишь тюлени-одиночки; пожалуй, не стоило из-за них итти в хоз. А потом из бочки сигнализировали, чтобы мы изменили курс, тюлени стали попадаться чаще. Вскоре, однако, и здесь тюлени исчезли.

Но вот с бакборта под ноком фока-реи взвился флаг — это был сигнал нашей шлюпке возвращаться на судно.

Мне пришла в голову мысль: не увидали ли с судна медведя? Дело в том, что капитан торжественно пообещал, что следующего медведя он предоставит мне. Но, подойдя поближе, мы узнали совсем другое: оказывается, мы все время шли неправильным курсом. Капитан хотел отправить меня, как одного из лучших стрелков, в самый центр лежбища, — сказал он мне, — а мы полезли совсем в другую сторону. Держись мы правильного курса, наша шлюпка давно была бы загружена. Ханс Снеккер уже выгрузил свою добычу на борт, и большинство стрелков уже вернулось на судно с полным грузом, а у нас всего-навсего 26 шкур.

Северный Ледовитый океан приносит много разочарований и неприятных неожиданностей, но надо уметь терпеливо сносить их. И все-таки на некоторое время в душе остается неприятный осадок.

Мы снова отправились на охоту с твердым решением наверстать упущенное, если только представится возможность, и мы добились своего.

Не успели мы, однако, отойти на некоторое расстояние, как темная мгла тумана непроницаемой стеной окружила нас; время от времени нам свистком давали знать о местонахождении судна; а тюленей здесь было видимо-невидимо. Мы плыли в шлюпке, и перед нами одна за другой из мглы вырастали туши лежащих тюленей; мы их убивали, а потом старались как можно скорее освежевать.

Убьешь одного — тотчас увидишь другого или на той же льдине, или на соседней. В такой туман хохлач не пуглив.

Каждую минуту приходится ориентироваться по компасу шлюпки и контролировать пеленг по тону судового свистка.

Если в Северном Ледовитом океане навалит настоящий туман, он может держаться днями, а если шлюпка выйдет за пределы слышимости и не знает, в каком направлении находится судно, дело может принять скверный оборот; люди не раз гибли здесь из-за таких туманов.

Но вот на судне просвистали восемь раз: приказ всем шлюпкам возвращаться на судно.

У нас почти полная шлюпка — 43 шкуры, и сегодня мы оказались из первых по добыче.

Но затем лед вокруг судна быстро сжался, и много дней пришлось нам провести в таком тумане затертыми во льдах. За эти дни на судне спешно заканчивали срезку сала, чтобы быть готовыми к новой побойке, как только лед снова разведет.

Капитан был доволен, что все люди на борту. Ведь в такой продолжительный туман недолго и растерять людей, и ему, конечно, не хотелось еще раз пережить то, что случилось несколько лет тому назад, когда он ходил на «Магдалене».

Он отправил шлюпки на промысел. Когда они ушли далеко по разным направлениям, навалил туман. Свистком был дан сигнал возвращаться на судно. Мало-по малу все шлюпки, за исключением одной, вернулись. Ее ждали-ждали, свистали в свисток, звонили в судовой колокол, стреляли из пушки — никакого результата. Шлюпка так и пропала.

На каждой промысловой шлюпке имеется небольшой компас, и боцман обязан при приближении тумана немедленно брать пеленг на судно, чтобы знать направление, в каком следует разыскивать его во мгле.

Ждали день, ждали два, но шлюпка так и не вернулась.

Наконец туман рассеялся, судно стало крейсировать во льдах в поисках шлюпки, но безуспешно. В конце концов так и пришлось уйти оттуда, не найдя шлюпки. «Магдалена» взяла курс домой в полной уверенности, что люди погибли, и вошла в Тёнсбергскую гавань с траурным флагом под ноком.

А с шлюпкой вот что произошло: когда накатил туман, люди гребли, гоняясь за каким-то тюленем, а боцман, должно быть, взял неверный пеленг на судно. Это было в глубине льдов. Попробовали они повести шлюпку в том направлении, в каком, по их мнению, находилось судно, но там было все тихо, а мгла все такая же густая.

Они продолжали грести, меняя направление, но кругом был только лед да лед. Чтобы не застрять во льдах, они избрали самый безопасный выход — пошли вдоль кромки.

В шлюпке лежало несколько тюленьих шкур, а из провианта было только немного хлеба и сала в корабельном ящике да еще анкерок с пивом, но этого хватило ненадолго.

Правда, у них были ружья и патроны, и они застрелили несколько гагарок. Но спичек не было, и они тщетно пытались выстрелом поджечь кое-какую коноплю и тали; если бы им удалось развести огонь, они могли бы устроить настоящий костер из нескольких досок и сала и сварить гагарок в черпаке. Моряки не допускали мысли, что птиц можно есть в сыром виде.

Прошел день, прошла ночь, настал следующий день. Они добрались до кромки льдов, но все еще стояла густая мгла. Что делать? Если их затрет здесь льдами, а судно не подойдет, они обречены на голодную смерть.

Ближе всего от них была Исландия. До нее недалеко. Не оставалось ничего другого, как пойти морем на восток и потом направиться в Исландию.

Грести пришлось очень долго. Затем в некотором расстоянии от льда показалось ясное небо, но земли не было видно. А они все гребли и гребли, не понимая, что течение относит их к югу.

Наконец на северо-востоке, над краем моря, показалась какая-то вершина, это был Снефелльский йокулл. Вот радость! Теперь, значит, земля близка. Они гребли с утра до вечера, гора не приближалась. Вечером им

показалось, что она поднялась как будто еще выше над бесконечной морской равниной.

А потом подул противный ветер, и они перестали подвигаться вперед. Мужество покинуло их. Давно был съеден последний кусок: ни хлеба ни сала. Голод грыз кишки; но еще мучительнее была жажда, а пиво выпито до капли. Они обессилели, легли на дно шлюпки со смутным чувством, что это их последний рейс.

Под утро один из людей проснулся. Ветер переменился. Моряк увидел, что Снефелльский йокулл подымается над морем гораздо выше, чем накануне.

Матрос воспрянул духом, растормошил своих спящих товарищей; все подтянулись и с новыми силами налегли на весла.

А гора подымалась все выше и выше, и по мере того как она росла, росло и мужество в моряках. Дул попутный ветер, они попали в течение, идущее вблизи Исландии на север, но не знали об этом.

Наконец к вечеру они пристали к берегу в полном изнеможении, после долгих поисков встретили каких-то людей, которые их приняли и обогрели.

А потом они добрались до Рейкьявика, и их на пароходе отправили на родину. В один прекрасный день они высадились в Норвегии, к великой радости своих родных и друзей, уже давно считавших их погибшими.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

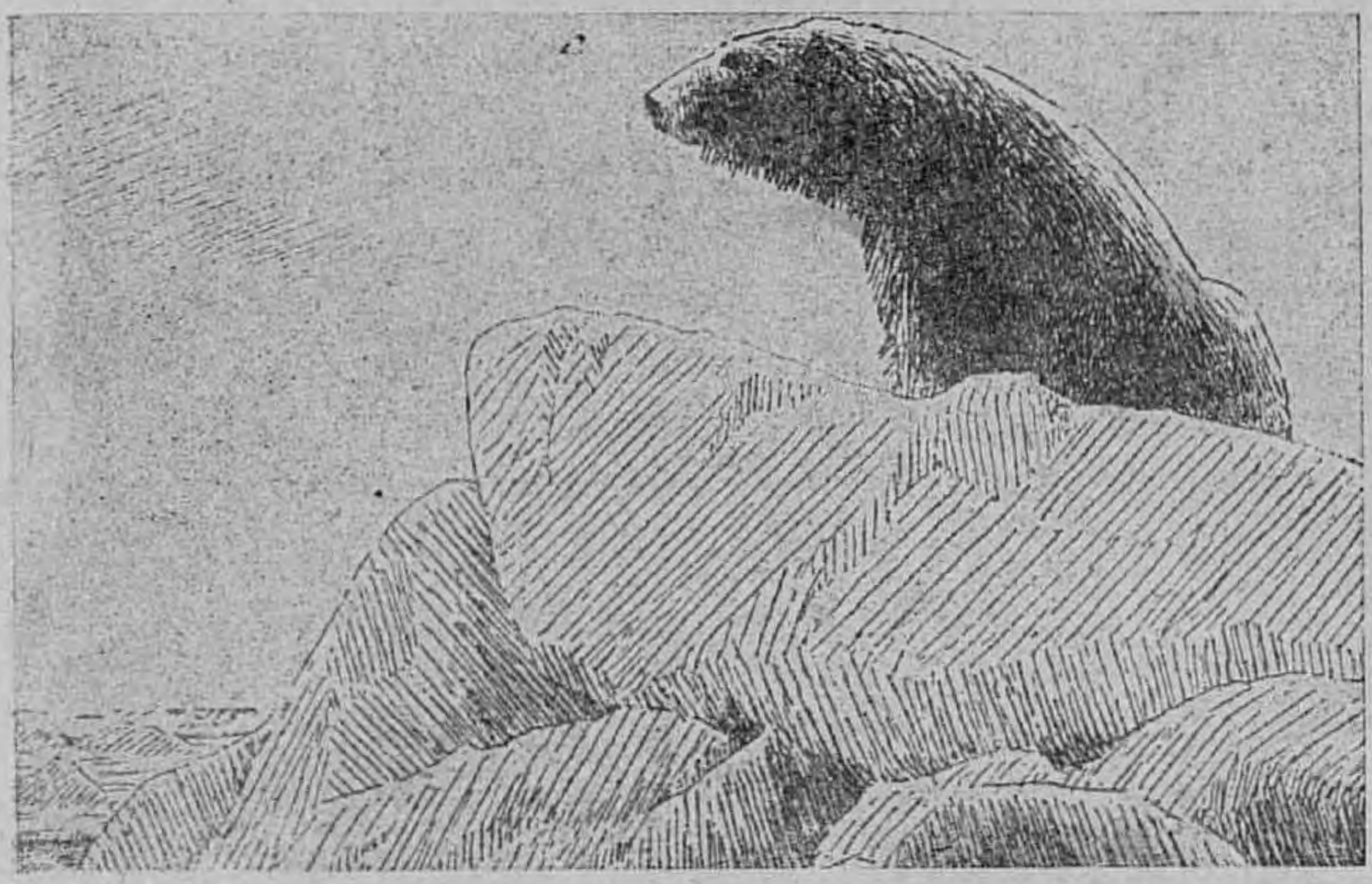
БЕЛЫЙ медведь, пожалуй, самый отъявленный бродяга из всех сухопутных млекопитающих. Его настоящая родина — дрейфующий лед, и на нем белый медведь встречается почти во всех арктических областях. Он обитает на дрейфующих льдах вдоль всего восточного побережья Гренландии к югу до мыса Фарвель, а иногда встречается даже в Исландии; на льду в море между Гренландией, островом Ян-Майен и Шпицбергеном, и в Баренцовом море, и далеко к северу от Земли Франца-Иосифа, и к югу до северного побережья России. Иногда он выходит на сушу в Финмаркене (Норвегия). На востоке его можно встретить вдоль северного побережья Си-

бири и на прибрежных льдах; у Новосибирских островов и дальше до Берингова пролива, а к югу — в Беринговом море. Иногда он пробирается даже к северной оконечности Японии. Он обитает вдоль побережья арктических островов к северу от Канады, вдоль северной части западного побережья Гренландии, у пролива Смита и в Баффиновом заливе. Его нередко видят также на восточном побережье Баффиновой Земли и Лабрадора, и вместе с дрейфующими льдами его относит к Ньюфаундленду.

Медведь пускается в далекие странствования по дрейфующим льдам, покрывает пространства во много сот километров. Во внутренних районах Северного Ледовитого океана он попадается не столь часто, — там для него слишком мало пищи, но я находил медвежьи следы к северу от 83° с. ш., а во время дрейфа «Фрама» в 1896 году медведей стреляли на 84°10′ с. ш. и 26° в. д. Белый медведь, повидимому, странствует по всем льдам Северного Ледовитого океана, доходя на севере даже до полюса.

По внешности белый медведь отличается от нашего бурого медведя не только своим белым цветом, но и продолговатым туловищем, более длинной шеей и сравнительно небольшой головой. Благодаря этой голове, более коротким ушам и более длинному носу с легкой горбинкой он производит впечатление более свирепого зверя; величиною и силою он превосходит нашего бурого медведя.

Задняя часть туловища приподнята у него выше передней, и это придает белому медведю своеобразную неуклюжесть; таким строением туловища, а также поступью объясняется его характерная походка враз-



Белый медведь

валку. При ходьбе он выворачивает передние лапы внутрь, и когда смотришь на приближающегося в перевалку медведя, он кажется совершенно косолапым.

Несмотря на свою громоздкость и тяжеловесность, белый медведь в случае надобности проявляет поразительное проворство. Он прыгает на свою добычу, словно кошка, и бегает по неровному льду с необыкновенной быстротой. Сила у него изумительная; обычным оружием служат ему передние лапы. Одним ударом этой лапы он может уложить на месте тюленя.

Белый медведь крупнее медведицы. Длина его от конца морды до конца хвоста может достигать 2,30—2,50 метра; небольшой хвост имеет в длину 22 сантиметра. Длина взрослой медведицы доходит в среднем до 2 метров. Взрослый медведь весит до 400 килограммов.

Главная пища его — тюлени и в особенности тюленьи детеныши.

Он ловит также небольших китов, повидимому, спрыгивая на них с края льдины или с берега, на котором он лежит, подстерегая добычу. В желудке медведя, убитого на сибирском берегу, я нашел сало и кожу молодой белухи. Вообще же он не брезгует никакими обитателями Северного Ледовитого океана, ни мертвыми, ни живыми, если только может поймать их. Так, в прибрежных областях Северного Ледовитого океана он пожирает леммингов, птиц, птичьи яйца — в его желудке находили яичную скорлупу. Если представится случай, он охотится и за оленем, к которому подкрадывается с такими же уловками, как к тюленю. Ловит он также рыб. На суше, в прибрежных областях Северного Ледовитого океана белый медведь часто ложится около реки и, подкарауливая форелей, которые массами выпрыгивают на поверхность воды, уничтожает их. Иногда он потребляет и растительную пищу; я нашел в желудке одного медведя водоросли (*Melosira*), принадлежащие к тому виду, который плавает на водной поверхности в Северном Ледовитом океане. А доктор Кётлиц [1] сообщает, что в желудке одного медведя он обнаружил траву; ел медведь траву, видимо, не с голоду, так как в желудке у него было, кроме того, найдено много остатков тюленины; и Кётлиц сам однажды видел, как медведь, наевшись досыта тюленя, побрел за три мили на сушу пощипать травы. Повидимому, у него

---

[1] Участник английской экспедиции Джексона на Землю Франца-Иосифа (1894—1897). *Прим. ред.*

иногда просыпается потребность в растительной пище.

Натхорст и Кольтхов сообщают, что в августе 1898 года они нашли в желудках двух медведей, убитых на Земле Короля Карла, траву и видели, что лужайка на южном склоне находившейся там горы была потоптана и местами совсем общипана медведями.

Норденшельд рассказывает, что в желудке белого медведя, убитого на острове Диксона в 1875 году, не содержалось ничего, кроме травы, и что охотники называют старых травоядных медведей «сухопутными королями».

Если представится случай, медведь ест также голубицу (*Empetrum*) и чернику — обычно вместе с листьями. Он поедает также такие растения, как щавель (*Oxyria*), морские водоросли (*Laminaria*) и т. п.

Белый медведь не обладает, повидимому, особенно острым зрением или слухом, но зато обоняние развито у него очень сильно; чутьем-то он, главным образом, и находит свою добычу.

Он постоянно бродит, охотясь за тюленями и большею частью лавируя против ветра; держит, так сказать, «нос по ветру» и чует тюленя на поразительно далеком расстоянии.

Подкрадываясь к добыче, медведь иногда прибегает к очень хитрым уловкам. Хотя он умеет плавать и нырять, все же ему не угнаться в воде за юрким тюленем, и потому этого ластоногого он предпочитает ловить на льду. А это не так просто: тюлень очень бдителен, то-и-дело подымает голову и озирается, а зрение-то у тюленя хорошее; и ложится он всегда

у самой воды, чтобы в случае малейшей опасности немедленно скатиться в море.

Медведь, установив издалека точное местонахождение тюленя, начинает подкрадываться к нему, укрываясь за ледяными торосами и высокими ледяными глыбами. Говорят, что он умеет заглушать шум своих шагов, поворачивая для этого лапы так, чтобы ступать на их шерстистую сторону; во всяком случае, подкрадывается он совершенно бесшумно. Я сам этого не видел, но по опыту знаю, что этот огромный зверь может, в случае надобности, итти по льду без всякого шума, как это ни невероятно.

Если медведь, подкрадываясь к добыче, не находит больше никакого прикрытия, то ложится на брюхо и ползет по ровному льду, все ближе и ближе подбираясь к тюленю. В этом случае медведю приносит большую пользу белый цвет его шубы, так как он не сразу бросается в глаза тюленю, в особенности если тот не смотрит в его сторону. Подымет тюлень голову, медведь замрет на месте; опустит ее тюлень снова на лед, медведь снова ползет к своей жертве.

У белого медведя только нос и глаза темные, и говорят, что, подползая к добыче, он лапой закрывает себе нос; мне лично не приходилось видеть этого, зато я много раз был свидетелем того, какое невероятное терпение проявляет он при выслеживании добычи. Впрочем, об этом будет сказано в дальнейшем.

Но вот он подполз к тюленю совсем близко и — с молниеносной быстротой, широким прыжком, словно кошка, бросается на свою жертву.

Если на ровном льду нет прикрытия, за которым медведь мог бы спрятаться, он иногда ныряет под

лед и затем неожиданно показывается у края той льдины, где лежит тюлень.

Тюлень не может чувствовать себя в полной безопасности даже на одиноко дрейфующей льдине, так как медведь бесшумно соскальзывает с края льда в воду и плывет к льдине, высовывая из воды только кончик носа. Подплыв поближе, он ныряет и затем появляется у самого края льдины, на которой лежит тюлень; и счастье тюленя, если он успеет соскользнуть с другого края льдины в воду, прежде чем медведь вонзит в него свои когти.

Иногда медведь ложится брюхом на край льдины и подстерегает тюленей или мелких китов, плавающих в воде. Стоит им подплыть поближе к льдине, медведь внезапно кидается на них и, вонзив в них когти, пытается вытащить на лед.

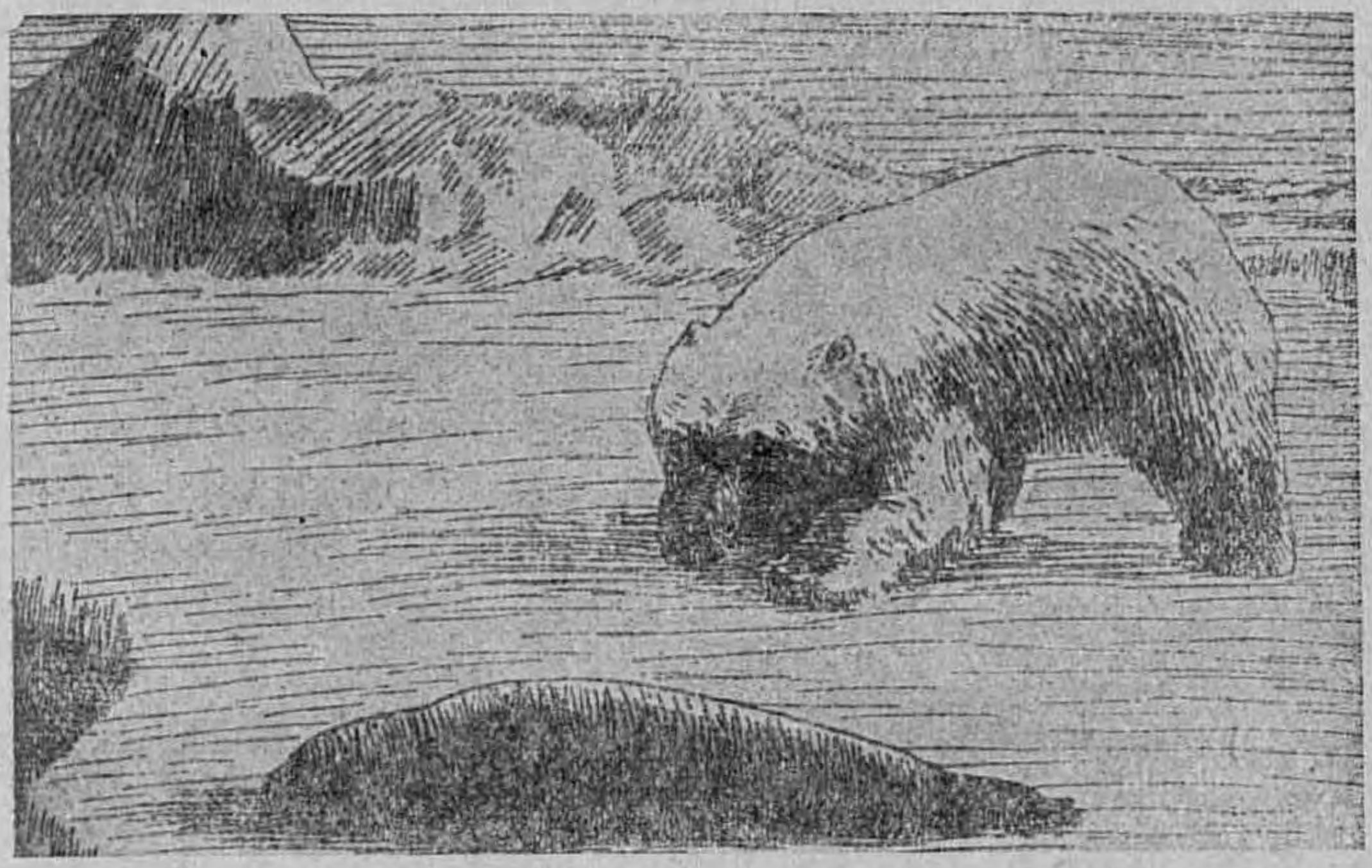
Выше уже говорилось, что зимой и весной медведь, подобно эскимосам, подкарауливает тюленя у его отдушины около берега или внутри фиордов у побережий Северного Ледовитого океана. Некоторые виды тюленей, а именно нерпа и морской заяц, всегда устраивают в сплошном неподвижном льду отдушины, к которым они подплывают подышать воздухом. У них имеются также отдушины и лазки больших размеров, через которые они вылезают на лед. Медведь может лежать около таких отдушин целыми часами настороже, держа наготове лапы, чтобы моментально схватить высунувшуюся из воды голову тюленя.

Детенышей тюленя или более мелких тюленей медведь быстро приканчивает ударом лапы или же перекусывая им загривок. Но не так-то легко справиться с более крупным тюленем, в особенности с хохлачом-

самцом. Однажды я видел место на льду, где незадолго перед тем происходил поединок хохлача с белым медведем. Следы на снегу показывали, что они долго кружились здесь в бешеной схватке. Хохлач обычно кусает своего противника, а медведь бьет лапой. Туша хохлача валялась на снегу. Сало было кое-где объедено, но мясо не тронуто. Судя по укусам и рваным ранам на теле, хохлач упорно защищался. Но медведь, помимо своей силищи, имеет еще то преимущество, что на льду он гораздо проворнее тюленя. А в воде наоборот: там превосходство на стороне хохлача.

Некоторые говорят, что медведь убивает моржей, но мне как-то не верится. Хотя мне приходилось встречать медведей и моржей в одном и том же районе Земли Франца-Иосифа, но я ни разу не видал, чтобы медведь преследовал моржа, а морж вообще относится к медведю совершенно равнодушно; бывало, что и морж сталкивался с медведем чуть ли не нос к носу, не обращая на него внимания. Повидимому, каждый из этих зверей, уверенный в своей силе, чувствует себя в полной безопасности.

Медведю не одолеть взрослого моржа. Не говоря уже о сильных бивнях моржа, которые отпугивают медведя даже на льду, не только в воде, где он во всех отношениях уступает моржу, толщина кожи и жирового слоя моржа также служит ему защитой, — он и не почувствует удара медвежьей лапы. Мне приходилось видеть, как медведь сдирал когтями остатки мяса и сала с туш освежеванных моржей; но если ему попадался убитый морж в шкуре, то все его попытки разорвать ее оставались тщетными.



Молодой медведь подкрадывается к спящему щенку хохлача

Таким образом, из животных, обитающих на суше и на льдах Северного Ледовитого океана, только один морж не уступает медведю силою, только с ним одним медведь избегает вступать в борьбу.

Я уже говорил, что на детной залежке в море около Ян-Майена, где гренландский тюлень вскармливает своих детенышей, встречается много медведей; они живут там в полном довольстве, так как детеныши, не спускающиеся в воду до смены первой шубки, представляют для них очень легкую добычу.

Медведь забавляется бельками, словно кошка с мышкой: то схватит детеныша в пасть и подбросит высоко в воздух, то покатит перед собой по льду, словно мячик, то поддаст лапой так, что он летит кверху тормашками, то выкусит из белька кусочек

полакомее и, отшвырнув полумертвого, примется за ту же игру с другим бельком.

Как уже говорилось, медведь предпочитает молодых тюленей; остатки задранных им взрослых тюленей попадаются реже.

Если медведь сравнительно сыт, то он ест только сало и пьет кровь, а если голоден, то пожирает молодых тюленей со шкурой и волосами вместе. В связи с этим кстати упомянуть, что рядом со следами медведя на дрейфующих льдах можно найти следы песца, иногда даже в сотнях километров от суши. Песец бежит за медведем, чтобы поживиться его объедками. Медведь пожирает сало, пьет кровь, а песец подбирает клочки мяса. К салу он равнодушнее.

Относительно храбрости медведя и его опасности для человека мнения сильно расходятся. Некоторые склонны изображать белого медведя совершенно безобидным животным; другие имеют преувеличенное представление о его диком и свирепом нраве. В старинных описаниях путешествий по Северному Ледовитому океану белого медведя рисуют ужасным чудовищем, которое, напав на людей, умерщвляет одного человека за другим, так что в прежнее время на медвежью охоту посылали обычно большую команду.

Мне кажется, что повадки зверя зависят в значительной степени от того, где и при каких условиях он встречается с человеком. В тех областях, где он часто преследуется людьми и потому попадается реже, он обычно пуглив и, почуяв человека, убегает с такой быстротой, что его трудно бывает нагнать.

Совсем иначе ведет он себя в областях, где не привык сталкиваться с людьми, например, на дрей-

фующих льдах у восточного побережья Гренландии, а также в Полярном бассейне к северу от Новосибирских островов и далее к западу, а также на Земле Франца-Иосифа; там он менее пуглив и, завидев или учуяв людей, часто идет прямо на них, в особенности медведь-самец. В большинстве случаев он, пожалуй, вовсе не намеревается нападать на людей, хотя и чует свежее мясо; скорее же он подходит к человеку из любопытства; его просто заинтересовывает это новое существо, и он приближается к нему медленным шагом, вперевалку, пристально вглядываясь в него и поводя носом. Если медведя не убьют сразу, бывает, что он через некоторое время уходит своей дорогой.

Но часто у меня не было никаких сомнений в том, что медведь подходил к человеку с явным намерением напасть на него. Многие медведи, убитые нами на льду около Гренландии, подкрадывались к нам словно кошки к своей добыче, а впоследствии, дважды в жизни, мне довелось видеть, как медведь напал на человека. В первый раз это было во время экспедиции на «Фраме» в 1894 году, когда медведь в потемках нагнал на льду Педера Хенриксена и куснул его в бедро; Хенриксен ударил его по морде зажженным фонарем, тем дело и кончилось. Во второй раз медведь, подкравшийся к нам сзади, повалил моего товарища Иохансена. Однако затем зверь выпустил его, не укусив, и кинулся на собак. В последнем случае это была медведица с двумя взрослыми детенышами, и, вероятно, голод заставил ее напасть на нас.

Во время других полярных экспедиций часто случалось, что люди на льду подвергались нападениям

медведя, хотя они сами не нападали на зверя и не причиняли ему никакого вреда.

Во время экспедиции к восточному побережью Гренландии в 1869/70 году люди дважды подвергались нападениям медведей. Одного из ученых, участника этой экспедиции, Бёргена, медведь даже протащил за собой некоторое расстояние. Это случилось ночью; Бёрген пошел посмотреть термометры, установленные на берегу неподалеку от судна, и, возвращаясь обратно, услышал за собой какой-то шум. Обернувшись, он увидел перед собой медведя. Взвести курок ружья не было времени, и он, решив напугать зверя, направил прямо на него свет фонаря. Но медведь, не обратив на фонарь никакого внимания, повалил Бёргена на лед, куснул его раз-другой в голову и поволок за собой. Вопли Бёргена были услышаны на судне, и товарищи поспешили на помощь. Услыхав холостые выстрелы, медведь выпустил добычу, отошел на несколько шагов, но затем вернулся и, схватив Бёргена, помчался галопом, волоча его по ледяным ухабам. Затем он все-таки выпустил жертву и обратился в бегство. Бёрген получил серьезные раны, но поправился. Благодаря плотно прилегавшей к голове меховой шапке, его голова не так сильно пострадала от зубов зверя.

Мне кажется, что если медведь сыт и не раздражен, он не нападает на людей. На детной залежке он иногда бывает предобродушным гостем. Не раз случалось, что медведь подходил к «юрку» (куче шкур), обнюхивал шкуры и уходил без всяких враждебных поползновений. А люди стояли и только посматривали на него; на побойку не берут с собой

ружей, а только тюленьи багры, ну, а с таким оружием на медведя не пойдешь.

Вот что однажды случилось с моим рулевым Кристианом Баллоном. Он только что сложил в юрок шкуры — сколько в силах был потом уволочь, — крепко обвязал их, надел лямки и поволок на судно; откуда ни возьмись, сзади медведь. Он принялся обнюхивать шкуры, а Баллон, не замечая медведя, волочит себе свой груз; медведь следом за ним, и так эта пара стала приближаться к судну; Баллон впереди тащит за собою шкуры, а медведь с добродушным видом косолапит вперевалку по пятам. Но когда начали сбегаться люди с ружьями, медведь убежал.

Медвежья охота с новейшим огнестрельным оружием в руках не особенно опасна. На близкой дистанции, на какую к медведю легко подойти, он представляет мишень, в которую трудно не попасть. Но, чтобы прикончить его, надобно иногда всадить в него несколько пуль, если только охотник не прострелит ему сразу голову насквозь, не попадет в мозг или в шейные позвонки; тогда жизнь угасает в звере моментально, — словно свечку задуют.

Раненый медведь обычно пытается удрать, если только человек не стоит к нему настолько близко, что зверь считает необходимым защищаться. Но я не раз видел, как раненый медведь, бросившись бежать, вдруг возвращался и переходил в нападение.

Говорят, что охотники за моржами в северной Норвегии, а также эскимосы ходят на медведя с копьем или дротиком. Вот такая охота действительно не совсем безопасна. Надо уметь метать копье или дротик с быстротой молнии, так как медведь об-

ладает поразительной способностью быстро отбивать удары, и челюсти у него здоровые. Скоресби рассказывал, что один белый медведь перекусил железное копье толщиной в полдюйма.

Белые медведи не отличаются общительностью. Они в одиночку бродят по просторам ледяных полей, и очень редко можно встретить компанию взрослых медведей или несколько медведей невдалеке друг от друга, за исключением разве тех мест, где густо залегает тюлень (например, на детной залежке), или же там, где после побойки тюленя или моржа много туш этих животных валяется на льду и на берегу. Если к берегу прибьет мертвого кита или если кит лежит, затертый во льдах, около него также собирается иногда много медведей.

Медведь и медведица держатся обычно порознь, за исключением периода спаривания — между мартом и маем. Обычно этот период начинается в конце апреля или в первых числах мая и продолжается недолго. Детеныши остаются с матерью год или два, а после того, как мать бросит их, они некоторое время, повидимому, держатся вместе. Бывает также, что у медведицы рождается новая пара детенышей, а годовалые детеныши все-таки остаются при ней; тогда медвежье семейство состоит уже из пяти голов. Однако это редкий случай.

В светлое время года медведь бродит обычно по ночам; среди дня его редко можно встретить; тогда он предпочитает спать.

Беременность медведицы продолжается около девяти месяцев, и детеныши рождаются большей частью в январе или в феврале. Чаще всего двойня, но ино-

гда и один. Тройни мне никогда не приходилось видеть, но возможность не исключена, конечно.

Медведица очень нежная мать и не покидает детеныша даже в минуту самой страшной опасности. Когда у нее медвежата, она делается гораздо пугливее и бдительнее и, заметив что-нибудь подозрительное, например людей, немедленно убегает. Чтобы заставить медвежат бежать поскорее, она применяет всевозможные уловки: то прытнет вперед, указывая им дорогу и маня их за собой; то вернется назад, чтобы подпихнуть их; то подталкивает их лапами или, просунув голову между их задними лапами, подкинет их вперед; то опять опережает их; благодаря этому медвежата, если только они хоть немного подросли, удирают так быстро, что довольно трудно угнаться за ними по льду или догнать их.

Но если кто-нибудь подойдет к медвежонку и медведице покажется, что ее детенышу грозит опасность, она широкими прыжками спешит к нему на защиту; оскалив зубы и шипя, бежит она на человека, готовая броситься на него, и тому, у кого нет ружья, надо быть начеку. Потом она возвращается к медвежонку, толкает его вперед, а сама снова поворачивается к человеку, вся ощетинясь.

Если медвежата совсем маленькие, то они не отходят от матери и после того, как ее убьют. Я знаю случаи, когда медвежата трусили за тушей медведицы, которую волокли к шлюпке, при этом они лизали ее и тыкались в нее мордочками. Когда медведицу втаскивали в шлюпку, и они прыгали за матерью, ложились на ее тушу и спокойно давали увезти себя на судно.

Залегает ли белый медведь, подобно нашему бурому медведю, на зимнюю спячку? Относительно этого мнения расходятся. Многие полярники утверждали, что он залегает по зимам, так как, по их наблюдениям, медведи не показываются в самое темное время года.

Но это отсутствие медведя, пожалуй, можно объяснить тем, что места зимовок полярных путешественников зимою бывали окружены поясом совершенно смерзшихся льдов. Из таких мест тюлень обычно уходит, а за ним уходит и медведь, перебираясь в такие области, где между льдинами больше полыней и где, следовательно, водятся тюлени, которыми медведь питается.

Все известные наблюдения доказывают, что белый медведь не залегает на зимнюю спячку. Медведи часто навещали «Фрам» даже среди глубокой зимы; следовательно, они бродят всю зиму по широким ледяным просторам, вдали от суши.

Как сообщает доктор Кётлиц, участники английской экспедиции на Землю Франца-Иосифа (1894—1897) встречали зимой в январе, феврале и марте больше медведей, чем в другое время года; между тем мы с Иохансеном, зимуя в снежной хижине в северной части Земли Франца-Иосифа, не видали там в это время года ни одного медведя. Это объясняется, пожалуй, тем, что у нас на севере лед смерзся, и чистой воды поблизости не было; следовательно, и тюленей там было очень мало, тогда как английская экспедиция находилась у мыса Флора на южной стороне Земли Франца-Иосифа, около которой много чистой воды и, следовательно, водятся тюлени.

Полярники не раз находили глубокие ямы, вырытые белыми медведями в сугробах между торосистыми льдинами или на побережьях. Но где доказательства, что это берлоги, в которых медведь залегает на зиму для спячки? Во многих случаях медведь роет такие ямы, чтобы укрыться временно от непогоды.

Непосредственно перед деторождением медведица, однако, всегда, повидимому, устраивает себе подобие берлоги, в которой и мечет детенышей и лежит с ними там несколько первых недель; но известны случаи, когда медведица метала детенышей на гладком льду под открытым небом в морозную ночь; каким образом удается ей тогда уберечь своих малышей — остается загадкой.

Медвежата появляются на свет удивительно маленькими и беспомощными. Величиной они примерно с некрупного кролика и, по слухам, остаются слепыми в течение нескольких недель. Мать кормит их своим молоком год-полтора, но медвежата питаются в это время не только молоком матери, но и тюленьим мясом. Так, например, доктор Кётлиц однажды на Земле Франца-Иосифа вскрыл двух годовалых медвежат, убитых вместе с матерью. У медведицы в грудных железах было молоко, а в желудках медвежат были найдены остатки недавно съеденного тюленя. Убили эту медведицу с медвежатами 5 января, и тогда она весила свыше 100 килограммов.

Медведи, видимо, часто дерутся между собой, в особенности самцы. На теле старого самца всегда можно найти шрамы, а иногда и совсем свежие или гноящиеся раны, нанесенные, вероятно, когтями соперника в схватке за обладание самкой в период

спаривания. Судя по этим ранам, можно представить себе, с каким ожесточением дерутся эти звери. Иногда, впрочем, раны могут быть и результатом схватки с тюленем, в особенности с матерым хохлачом-самцом.

Вполне возможно также, что когда медведь плывет в воде, он может подвергнуться нападению моржа. Моржи в состоянии нанести медведю тяжелые раны своими мощными бивнями и даже убить его. Доктор Кётлиц сообщает про одного убитого медведя, у которого нашли четыре сломанных, но частично сросшихся ребра и, кроме того, следы большой наружной раны. Мне думается, что эти повреждения были нанесены медведю бивнями моржа.

Между собою медведи дерутся не только за обладание самкой; мы сами были свидетелями следующего случая на Земле Франца-Иосифа осенью 1895 года около той хижины, где мы зимовали с Иохансеном: как-то ночью к нам забрел крупный старый медведь необычайной худобы,—на нем не было ни пленки жира ни под шкурой ни на брюхе; повидимому, он страшно изголодался. Подошел он к нашим запасам сала, сложенным в большую кучу. Совсем незадолго перед тем мы застрелили медведицу, с которой было двое совсем уже взрослых медвежат. Нам не удалось пристрелить их, и они удрали, но все время держались невдалеке от нашей хижины. Мать их мы убили вечером, и в первую же ночь медвежата подошли к хижине и съели материнский желудок и все кишки. Возможно, что, когда старый медведь подошел к нашей хижине, эти медвежата лакомились салом, сложенным в кучу. По следам мы потом установили,

что старый медведь сначала погнался за одним медвежонком, и задрал его где-то подальше на льду, а потом побежал за другим и тоже прикончил его. Затем вернулся опять к куче сала и, до отвала наевшись его, залег спать тут же! Когда мы утром вышли из нашей «берлоги», он еще спал. Мы пристрелили его.

Медведь обычно очень упитан и потому всегда легко держится на воде и может проплыть по открытому морю большое расстояние. Часто бывало, что медведь выходил на сушу в северной Норвегии и даже дальше, в южной, уплыв далеко от тех льдов, куда его занесло дрейфом. Он умеет также нырять и может пробыть довольно долго под водой; но особенно хорошим пловцом его назвать нельзя: шлюпка без труда обгоняет его; поэтому, если охотникам удается загнать его в воду и затем преследовать, плывя в шлюпке, у него мало шансов на спасение.

В таких случаях охотники за тюленями часто берут его живьем. Набросив ему на шею петлю, они буксируют его к судну, затем, обхватив ему туловище толстым канатом, подымают лебедкой на борт и втал-кивают в стоящую наготове железную клетку, которую немедленно захлопывают. Медведь приходит в ярость, пытается клетку разнести вдребезги, но тщетно. Пойманный живьем взрослый медведь считается хорошей добычей, так как его можно дорого продать в зоологический сад.

Зато если медведь вырвется из клетки, он превращается в очень жуткого пассажира. Помню один случай, когда взрослого медведя перевозили на одном из наших пароходов из Тромсё к Гагенбеку в Гамбург. Ночью пароход стоял в гавани, если не ошибаюсь,

в Хагесунде; вахтенный на баке, сидя в рубке, вдруг услышал чьи-то тяжелые шаги. Выглянув из рубки, он увидел, что в темноте бредет по палубе что-то огромное и белое. Это был медведь, вырвавшийся на свободу. Вахтенный со страху быстро захлопнул свою дверь. Медведь побрел дальше и забрался в курительную комнату, куда дверь была приоткрыта. Вахтенный поспешил захлопнуть за ним дверь. Медведь, сообразив, что он в западне, пришел в ярость, поломал мебель, содрал с дивана обивку, с иллюминаторов все занавески.

Тем временем вахтенный созвал людей на помощь; надо было как-нибудь заманить медведя в клетку; он представлял такую ценность, что решено было убить его только в случае крайней необходимости. Но пришедший врач нашел выход из положения. Принесли хлороформ и, разбив стекло иллюминатора, стали вливать в курительную комнату малыми дозами хлороформ, чтобы усыпить медведя. Когда он уснул, его связали и перетащили в клетку. Он так ошалел от этой дозы хлороформа, что долгое время был совершенно тих и спокоен. Да и клетку укрепили так, что он не мог больше сломать ее.

Среди путешественников-полярников распространено старинное суеверие, будто мясо белого медведя вредно для здоровья. Об этом можно найти упоминание в описаниях старинных путешествий, например, экспедиции Баренца в 1596 году. Это предубеждение держится до наших дней, и многие полярники не едят медвежатины. Я лично могу служить живым опровержением этого суеверия. Во время нашего путешествия на «Викинге» мы все время питались медвежатиной,

не испытывая никаких неприятных последствий; наоборот, мясо было вкусное, оно нам нравилось и прекрасно усваивалось. И впоследствии я не раз имел случай убедиться в его полезности — хотя бы, например, во время нашей зимовки на Земле Франца-Иосифа, когда мы с Иохансеном девять месяцев питались исключительно медвежатиной, не имея никаких других припасов, и были все время здоровы.

Но вот печень белого медведя, пожалуй, действительно несъедобна. Я несколько раз ел ее без каких-либо неприятных последствий, но ел я ее в малом количестве, так как у меня было много всякой другой пищи.

Однако доктор Кётлиц утверждает, что некоторые участники экспедиции на Землю Франца-Иосифа (1894—1897) много раз пробовали питаться медвежьей печенью и потом чувствовали себя плохо. У них появлялась головная боль и бессонница, а у тех, кто поел побольше — даже тошнота и рвота. Такое болезненное состояние продолжалось у них семь-восемь часов, а бессонница проходила только через сутки. Кётлиц говорит, что заболевали люди, не верившие в ядовитость медвежьей печенки. Он сообщает также, что и медвежьи почки оказывают неприятное действие, хотя в значительно меньшей степени. Я, однако, часто ел медвежьи почки, вдобавок большими порциями, не испытывая потом ни малейшего недомогания; они мне очень нравились. Впрочем, по сообщению доктора Кётлица, полярные чайки и другие птицы избегают есть медвежью печенку и почки, а если и едят, то редко и в малом количестве. Скажу, что мне лично не приходилось делать такого наблю-

дения, но не смею оспаривать правильность его слов.

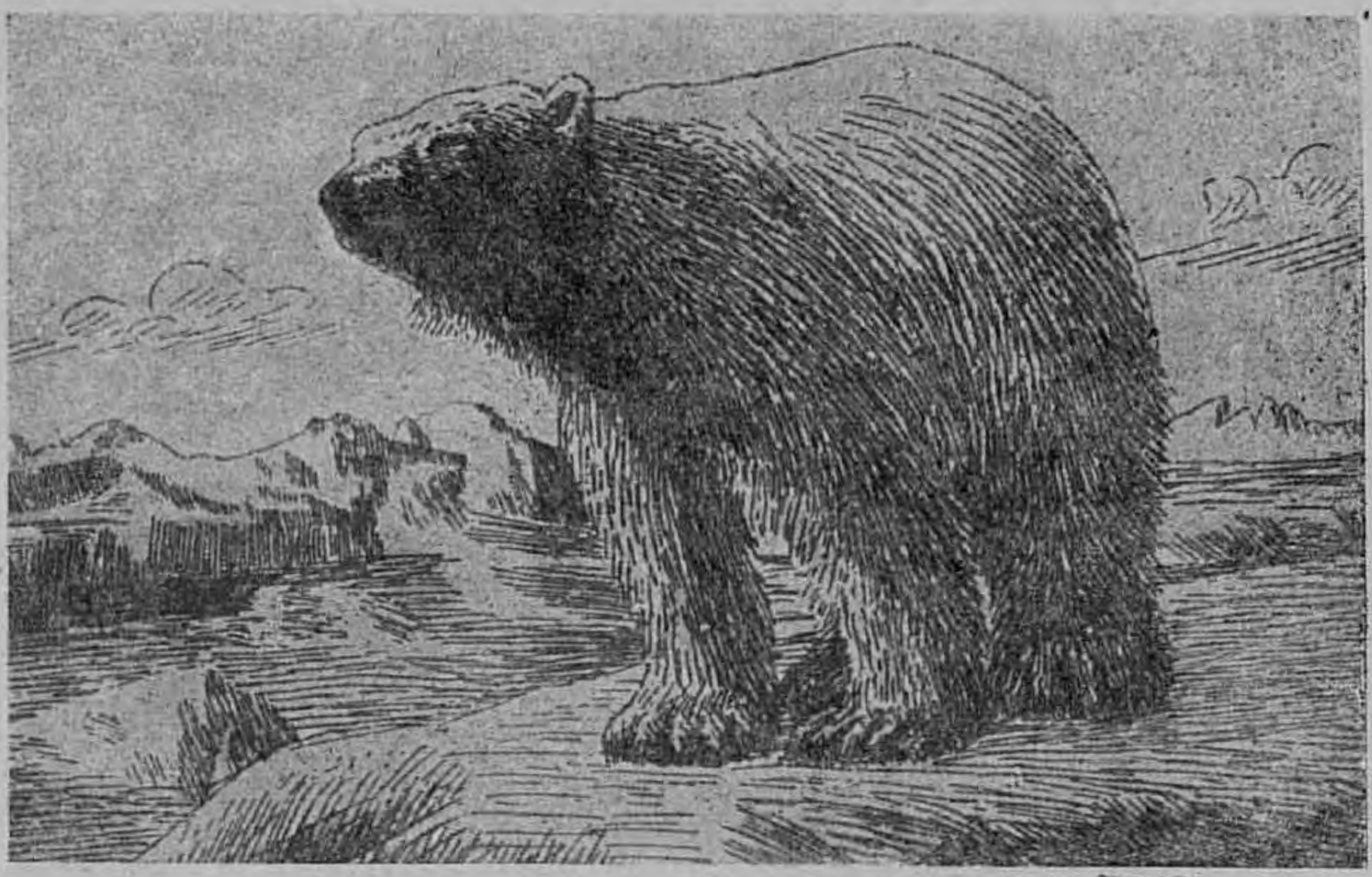
Прямо поразительно, какую огромную роль играет при еде воображение. Чтобы проверить, вредна ли медвежья печенка,[1] надо накормить людей ею, не говоря, из какого зверя она вырезана.

Белый медведь очень любопытен. С этим его свойством часто приходилось сталкиваться полярникам, оставившим на льду мешки или какие-нибудь другие предметы. Медведь, находя мешки, тщательно исследует их содержимое. Все съедобное он, разумеется, поедает; то, чего не может вскрыть, ломает в мелкие куски; и некоторые предметы иногда утаскивает на большие расстояния. Когда таким образом медведь опустошает провиантское депо, отнимая шансы на спасение у потерпевших крушение или вообще у бедствующих путешественников, то это уже настоящее бедствие. А он способен учинить настоящий разгром такого депо — уничтожить все съедобное, расшвырять и разбить ящики, а герметически закупоренные консервные жестянки расплющить лапами.

Довольно трудно спрятать от медведя такой провиантский склад. Даже если завалить депо самыми крупными камнями, это не достигает цели, — медведь разбросает каменные глыбы, как щебень. Оставлять

---

[1] В полярной литературе можно найти очень много описаний случаев отравления печенью белого медведя, тогда как случаи, когда потребление этой печени в более или менее значительном количестве не приносило вреда, упоминаются крайне редко. Поэтому ядовитые свойства печени белого медведя следует считать доказанными опытом, и надобность в проверке этого положения отпадает. *Прим. ред.*



Старый медведь-самец

провиант в толстых, забитых гвоздями деревянных ящиках — тоже мало толку, так как медведь разобьет ящики в щепки. По-моему, надежнее всего опутывать депо колючей проволокой. Это уж не так понравится медведю, и, поранив себе лапы о проволоку, он, пожалуй, поостережется продолжать поиски.

В областях, которые часто посещаются людьми и в которых медведь подвергается преследованию, он теперь попадается все реже и реже, например на западном побережье Шпицбергена, на западном побережье Гренландии, а также в областях, населенных эскимосами, которые охотятся на медведя при всяком удобном случае.

Как быстро уменьшается число медведей в результате охоты, видно на примере английской экспедиции на Земле Франца-Иосифа в 1894—1897 годах. Доктор

Кётлиц подчеркивает тот факт, что в первый год пребывания там экспедиции было уложено 60 медведей, несколько ранено, а часть благополучно скрылась; на второй же год было уложено всего-навсего 20 медведей, один-два тяжело ранены и, кроме того, экспедиция видела медведей издали. Но на третий и последний год их пребывания там было уложено уже только 10 медведей, да издали охотники видели десяток-полтора. Это уменьшение числа зверей можно отчасти объяснить тем, что медведи в результате преследования стали пугливее и ушли из этой части страны. Но главным образом уменьшение добычи вызвано, вероятно, все-таки тем, что число медведей, живших в тех областях, действительно сильно уменьшилось в результате охоты на них.

Медвежья охота надежнее всего с хорошей собачьей сворой. Когда свору спускают на медведя, он обыкновенно старается спастись бегством, но если свора горяча и настойчива, она задерживает его и вынуждает к самозащите: догнав зверя, собаки нападают на него сзади, хватают его за задние лапы; зверь обычно оборачивается, чтобы лапой отшвырнуть их от себя, но в этот момент другие собаки накидываются на него с другой стороны; он поворачивается к ним, и таким образом свора задерживает зверя до приближения охотника, который убивает зверя из ружья.

Медведь, преследуемый собаками, часто забирается на верхушку ледяного тороса и защищается оттуда, а иногда, став на задние лапы, прислоняется спиной к ледяной стене и отшвыривает от себя нападающих собак.

Собаки чуют медведя на большом расстоянии, и если свора, напавшая на след медведя, хорошо натаскана, то зверю обычно не сдобровать.

Эскимосы охотятся на медведя с собаками; но так как у них, по крайней мере в прежние времена, не было огнестрельного оружия, то они убивали зверя копьем или бросали в него дротик в то время, как тот отбивался от собак. Охота на крупного медведя со сворой хороших эскимосских собак чрезвычайно увлекательна.

Но если собаки не бросаются на медведя, он относится к ним, повидимому, совершенно равнодушно. Во время санной экспедиции, которую мы проделали с Иохансеном, был такой случай: медведь подошел к нашей палатке, у которой была привязана собака. Собака завыла, но, когда я вышел, медведь только обнюхивал ее без всяких злых намерений. Я всадил в него пулю.

Во время пребывания английской экспедиции на Земле Франца-Иосифа медведь подошел к лагерю, обнюхал стоявших там лошадей и спавших (?) собак и ушел, не причинив им никакого вреда. В другой раз он задрал спавшую собаку, но ушел, не отведав ее мяса.

А вот на «Фраме» он вел себя иначе. Как-то в зимнюю ночь медведь вскарабкался на палубу «Фрама», где было привязано три десятка собак, схватил собаку, порвал сворку, утащил свою жертву на лед и там сожрал ее. Потом вернулся на судно, утащил таким же образом вторую собаку и уже наполовину съел ее, когда мы случайно обнаружили его на льду. Это был молодой медведь, видимо, не питавший осо-

бого страха перед собаками. Кстати сказать, это был тот же самый зверь, который затем набросился на Педера Хенриксена и укусил его в бедро.

Не подлежит никакому сомнению, что медведей-самцов убивают чаще, чем медведиц. Это объясняется тем, что медведицы пугливее и избегают людей, между тем как медведи-самцы чаще набредают на охотников.

Летом медведь линяет, и тогда его шкура не так красива, как зимой. Волос тускнеет и во многих местах (например, под брюхом) несколько желтеет, что гармонирует с окраской льдов, так как весной поверхность льдин тает, и они становятся слегка грязновато-бурыми. Зимняя шкура медведя белая, лоснящаяся, волос тоньше и гуще, отливает шелковистым блеском, и зверя в такой шкуре иногда довольно трудно отличить от снега.

Хотя белый медведь иногда проявляет большую хитрость, например, высматривая и подкарауливая добычу, но его нельзя назвать умным животным. Мозг у него тоже невелик. Приручить его труднее, чем нашего бурого медведя, и он хуже поддается дрессировке. Детеныши белого медведя, воспитываемые с раннего детства человеком, никогда не становятся такими ручными, как медвежата нашего сухопутного медведя; они обычно отличаются необщительностью, дикостью и склонностью кусаться и царапаться.

ЗАТЕРТЫ ЛЬДАМИ. МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА

ВО ВТОРНИК, 27 июня (+2° Ц; бриз с NO), туман поредел, но чистой воды не видно ни с какой стороны. Перспективы печальные, — нас прочно затерло. И мы не знали с точностью, где находимся, так как уже несколько дней не производили наблюдений; но, судя по полученным позже определениям места, мы находились тогда, примерно, на 66° с. ш. и 29°40′ в. д.

Пока-что мы продолжали охотиться на полярных акул; их было много в небольшой полынье около самого судна. Мне дали в помощь людей, и мы добыли около двухсот штук.

Но затем я сделал большую глупость. Чтобы не

затруднять себя перетаскиванием этих тяжелых рыбин по льду, я распорядился, чтобы один из людей, всадив в голову акулы тюлений багор, придерживал им рыбу, а другой вскрывал бы ей брюхо и забирал печень; дело это простое, так как стоит вспороть акуле брюхо, и печень сама всплывает на поверхность воды. Акульи туши мы оставляли в воде; и это было большой ошибкой, так как с того дня акулы совершенно исчезли; повидимому, они последовали за трупами, чтобы пожирать их.

Ужасно обидно! Ведь столько их тут было! Стоя в дозорной бочке, я всегда мог насчитать около самого судна штук десять-пятнадцать.

Не раз бывало, что судовой винт перерезал акулу пополам, печень всплывала, и ее забирали на палубу. Легкий способ рыбной ловли!

Вечером ко мне пришел капитан и сказал, что из бочки видели на льду медведя, примерно в одной миле от судна. Кровь опять закипела во мне, и я стал готовиться к охоте, но потом навалил туман, и меня не пустили. В четвертый раз я остался с носом; видно, не суждено мне уложить ни одного медведя!

Тщетно капитан пробовал утешить меня, говоря, что сейчас мы у медведя под ветром, а потом он, вероятно, повернет против ветра. Я не очень поверил его словам и ушел спать в плохом настроении.

На другое утро (28 июня; от +2° до 3° Ц; штиль), когда я еще лежал на койке и видел во сне медведей, на которых мне никак не удается поохотиться, кто-то шепнул мне в ухо:

— Вставайте скорее. Под самой стенкой судна медведь!

Я вскочил и увидел славное лицо второго штурмана Орана. Шопотом, будто медведь стоял уже у дверей каюты, он продолжал:

— Только поскорее! Не мешкайте!

Еще бы я стал мешкать!.. Быстро одевшись, я выскочил на палубу с ружьем и патронами. В самом деле, медведь спокойно и важно расхаживал по льду на расстоянии выстрела от нас, по временам останавливаясь, прислушиваясь и глазея на судно. В ожидании капитана, которого тоже подняли, я успел хорошо рассмотреть зверя. Какое сказочно прекрасное зрелище — этот белый великан на фоне белых льдов!

Наконец-то в люке под ютом показался капитан. Но в тот момент, когда я обернулся к нему, раздался выстрел. Словно укушенный змеею, я круто дернулся в обратную сторону, собираясь тоже выстрелить в зверя, пока он не исчез. Но нет, он продолжал преспокойно шагать, не обращая внимания на такие мелочи, как пуля, шлепнувшаяся в снег рядом с ним. Это один из наших стрелков, Ханс Хальворсен, не выдержал и пальнул.

Тем временем медведь немного уклонился в сторону и вышел из-под выстрела... Мы стали поджаривать на палубе сало, чтобы привлечь его лакомым запахом. Хорошее средство! Медведь остановился, поводя носом. Тогда я вихрем слетел на лед.

Я стал подкрадываться к нему и вскоре приблизился на выстрел. Медведь, заметив меня, взобрался на торос, — верно, чтобы получше разглядеть. Великолепная мишень. Спрятавшись за носовой частью корабля, я спустил курок. Но... клик-клак... о, ужас!..

осечка! Я обломал себе ногти, вытаскивая патрон. Наконец он выскочил, и я вложил новый.

К счастью, медведь не удрал за это время; наоборот, он приблизился ко мне и подставил мне свою широкую грудь. Я прицелился в косматую грудь, и на этот раз раздался выстрел.

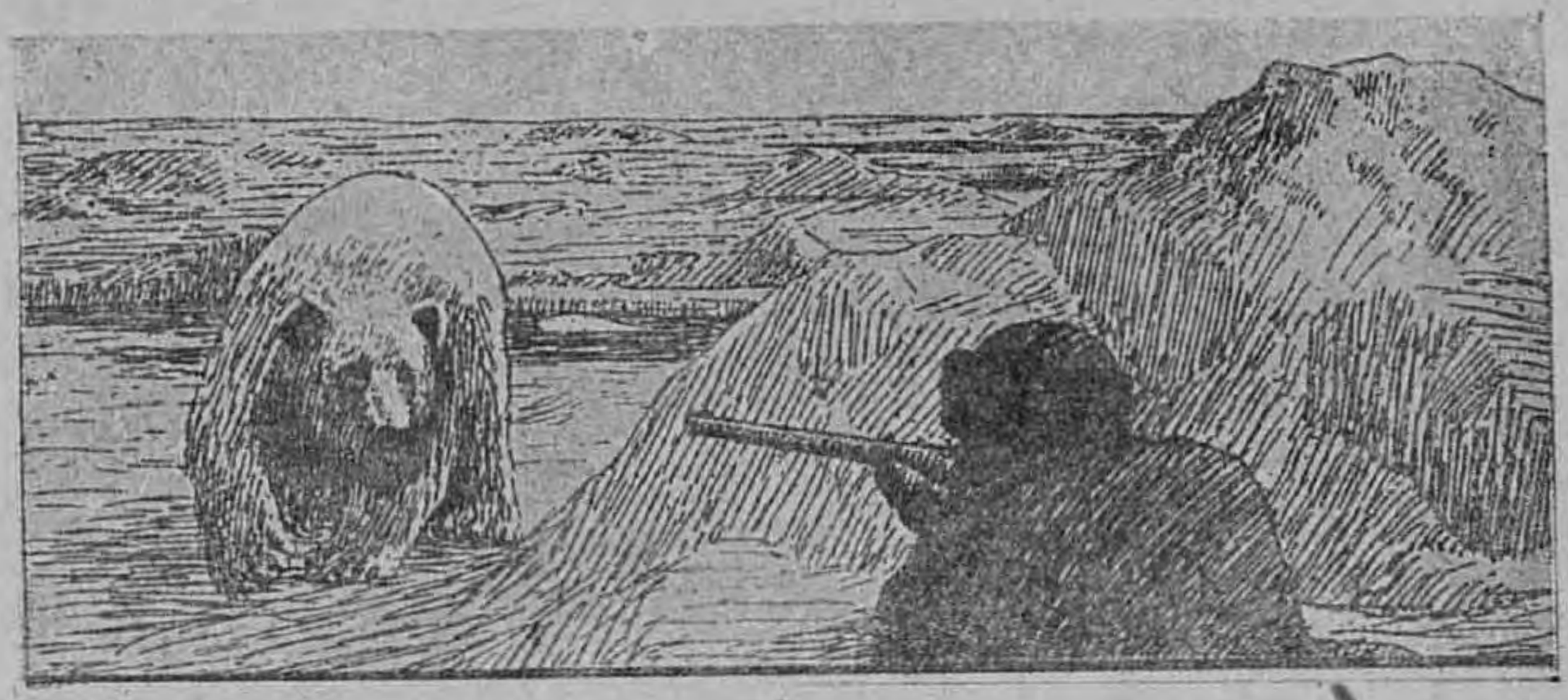
Зверь зарычал, закусил зубами рану на груди и грохнулся навзничь, но потом вскочил и побежал. Снова зарядив ружье, я пустил ему пулю в зад — единственное место, куда у меня были шансы попасть из ружья. Снова рев, и зверь пустился бежать еще шибче, я за ним, перескакивая с льдины на льдину.

Но вот медведю не удалось прыгнуть на ближайшую льдину, — она была слишком далеко от него; приходилось ему спасаться вплавь; я успел добежать до полыньи к тому моменту, когда он вылезал с другой ее стороны, и влепил ему пулю между лопатками. Он опрокинулся назад в воду, сверкнув на меня парой черных глаз. Еще одна пуля в затылок положила конец его страданиям.

Тем временем туман так сгустился, что я не видел судна; но с «Викинга» услышали мои выстрелы, вскоре прибежали люди, и зверя доставили на борт.

Это был первый убитый мною медведь, и я с чувством большого удовлетворения принимал поздравления от капитана и от других.

Странно, что первая пуля не уложила зверя. Стрелял я из ружья «экспресс» пустотелой пулей калибра 450 с медной гильзой. Потом я установил, что моя пуля попала в цель, но разорвалась в сале и только массивный конец ее прошел в грудь. То же произошло и с двумя следующими пулями; они нанесли



«Мы решили не стрелять до последней минуты»

зверю две большие, но не особенно глубокие раны. Я решил в следующий раз стрелять в медведя литыми массивными пулями.

Вечером 30 июня (+4° Ц; слабый ветер с SO) за ужином, когда мы ели ячменную кашу, в каюту вошел стрелок Ханс Хальворсен и сказал, что около судна прошел медведь. Мы с капитаном, схватив ружья, отправились по указанному направлению; мы не особенно торопились, так как нам сказали, что медведь увлекся тюленьими тушами — остатками нашей последней побойки.

Увидев медведя, мы стали подкрадываться к нему. Лед был неровный, итти было трудно, приходилось пробираться шаг за шагом и часто делать обходы. Наконец мы взобрались на высокий торос, и тут-то медведь увидел нас.

Мы пригнулись, но, чтобы подразнить зверя, время от времени высовывали головы из-за гребня торсса. Медведь, недолго думая, пошел на приступ; то скрываясь за ледяными глыбами, то перебираясь по

плоским льдинам, он крупными шагами шел прямо на нас. Это был рослый детина и подвигался шибко, хоть и не выказывал спешки или волнения.

Мы решили не стрелять до последней минуты, чтобы получше рассмотреть медведя. Вот он уже за торосом метрах в двадцати от нас. Вот голова его осторожно высовывается из-за края льдины. Здоровая башка, словно чемодан средней величины! Но нам незачем спешить, — все равно теперь ему уже не уйти от нас.

Медвежья голова тихонько покачивается взад и вперед, затем снова скрывается за льдиной. Мы держим ружья на изготовке — кто знает, откуда может напасть зверь? Так и есть... Из-за тороса медленно вылезает весь медведь собственной персоной, грудью к нам. Два выстрела раздаются одновременно. Рев оглашает воздух, медведь оседает на задние лапы, впивается зубами в рану, пошатываясь пятится и падает.

Как красив этот мощный зверь в желтовато-белой шубе, распростертый на снегу, на который сочится из раны алыми каплями кровь. Обидно все-таки: какой-то ничтожный кусочек свинца может разом пресечь век вольного жителя необъятных ледяных просторов!

Пришли наши люди, поволокли медведя к судну и там освежевали. Это был крупный медведь-самец; от конца носа до конца хвоста 2,32 метра; он был поразительно упитан. Подкожный слой сала на задней части тела, на окороках, достигал 7—10 сантиметров в толщину. Такой жир медведь нагуливает себе летом, когда находит пищу в изобилии, и живет за счет этого жира в голодное время, особенно зимой, когда тюлень становится редким блюдом.

На этот раз мы стреляли массивными пулями; обе попали ему в грудь на расстоянии полдюйма одна от другой и, пронизав туловище зверя вдоль, застряли в окороках.

Суббота, 1 июля (темп. +3° Ц; слабый ветер с NNO). Идет дождь; здесь это довольно редкое явление. Лед все еще сплоченный, и в связи с этим у всех у нас настроение подавленное. Конечно, не особенно приятно торчать здесь сложа руки, в то время как другие промысловые суда уже наверняка добрались до лежбища и бьют тюленей. К вечеру погода прояснилась, показалось солнце. Из дозорной бочки увидели землю на западном горизонте. Да ведь это Гренландия! Горные вершины восточного побережья последней еще не изведанной части этой страны. Новое сильное переживание для юного ума!

На другой день (воскресенье, 2 июля; темп. от +2° Ц до +6° Ц; слабый ветер с NNO) стояла прекрасная солнечная погода; я, разумеется, с утра забрался в дозорную бочку поглядеть оттуда на эту замечательную страну. Со вчерашнего вечера мы несколько приблизились к ней. Цепь горных вершин тянулась с юга на запад и дальше на север.

Значительная часть земли покрыта снегом; там, очевидно, много ледников и фирновых полей, но видны также обширные проталины и темные горные вершины. Материковые льды, покрывающие внутреннюю часть Гренландии, скрыты от наших взоров, — должно быть, они лежат по ту сторону гористого побережья.

В том же направлении в районе дрейфующих льдов маячило несколько крупных айсбергов. Они казались

какими-то снежными островами, и их нелегко было отличить от покрытых снегом горных вершин на суше.

Эта часть восточного побережья Гренландии от 66° с. ш. до 69° с. ш. на северо-востоке была в те годы еще не исследована. Не раз пытались проникнуть внутрь страны, но ни одна попытка не увенчалась успехом. Дрейфующие льды словно стерегли землю, охватив ее широким поясом; лед в этой части Датского пролива всегда очень сплочен и препятствует высадке на берег с моря.

Много мыслей проносилось в моей голове, когда я, сидя в дозорной бочке, рассматривал в подзорную трубу вершины горной цепи одну за другой. Вот бы проникнуть вглубь этой страны, пройтись по этим долинам, перевалить через эти горы и ледники, на которые еще не ступала нога европейца! Неужели это невозможно?

Капитану сегодня удалось произвести наблюдения долготы и широты; оказалось, что мы находимся на 66°48′ с. ш. и 30°35′ з. д. Удивительно, как далеко мы ушли к северу. Неужели дрейф отнес нас к северо-западу? Но ведь здесь, в Датском проливе, течение поворачивает как будто на юго-запад? Странно!

Из дозорной бочки все время высматривают медведей. Пока мы лежим в дрейфе, в кольце сплоченных льдов, на кого же нам и охотиться, как не на медведя?

На другой день вечером (3 июля; темп. +3° Ц; слабый ветер с NNO) только я начал брать пробы морской воды с различных глубин, как из дозорной бочки дали знать, что под ветром за кормой показался медведь. До барометра ли тут! Медведя можно было видеть и с палубы.

Пока мы с капитаном снаряжались на охоту, зверь залег где-то за торосом. Взяли пеленг и направились к нему.

Вот и он сидит на торосе. Лед был труднопроходимый; надо было делать обходы и перепрыгивать со льдины на льдину; но торопиться ведь некуда было, и у нас была лишь одна забота — держаться на ветру у медведя, чтобы он чуял нас. Это самое верное средство; и в таких случаях он обычно не заставляет себя долго ждать.

Наконец еще один прыжок, и мы окажемся на той же льдине, где и он. Но когда я прыгнул, ледяной край подо мной подломился; к счастью, я успел упереться в выступ ближайшей льдины руками, ружьем и грудью, так что на этот раз промок только до пояса.

Капитан перебрался благополучно, и мы пошли к торосу, за которым, по нашим расчетам, залег мишка. Но все тихо. Мы испугались: уж не ушел ли он отсюда? И вдруг над краем тороса показалась его голова.

В один миг мы бросились ничком на лед. Такая поза, пожалуй, раззадорит его любопытство, и вдобавок он не испугается наших высоких и темных фигур.

Но он лежит спокойно и с свойственным ему долготерпением внимательно рассматривает нас.

Голова то наклоняется вперед, то откидывается назад и затем исчезает за краем льдины. Вскоре снова показывается с прежним спокойным видом.

Однако дело затягивается. Вдобавок место для лежания мы выбрали не очень комфортабельное —

в луже талой воды; но прежде чем убить медведя, нам хочется рассмотреть его хорошенько. Затем его голова опять медленно скрывается за ледяной глыбой, а потом, наконец, весь медведь целиком выходит из-за тороса, поводит носом, фыркает; понравился ему, видно, кусок теплого мяса! Он идет к нам шаг за шагом, вперевалку, притворяясь, будто и не замечает нас, и вообще не обнаруживает ничего странного; только по временам он приподымает голову и принюхивается, но даже не смотрит в ту сторону, где мы лежим.

Вот он слегка забирает в сторону, делая вид, будто направляется к соседней льдине. Капитан стреляет. Потом летит и моя пуля. Медведь, жалобно простонав почти по-человечьи, издыхает.

Вскоре к нам прибежали люди, — ведь вся команда следила с марса и с рей за нашей охотой. Медведя доставили на борт. Это молодой самец. Тушу быстро освежевали и разделали. Мясо по обыкновению повесили на баканцы, на радость тех, кто не заражен старинным предрассудком о ядовитости медвежатины; особенно ценится мясо молодого медведя. Такие деликатесы, как язык и сердце, отдаются охотникам. Теперь и капитан согласился, что медвежье сердце — вкусная штука. А когда я в первый раз стал есть его, капитан поднял меня на смех: «Ведь это же твердая, жесткая мышца», говорил он.

Спать мы в тот вечер легли поздно. Мне оставалось еще взять пробы глубинной воды, начиная от 100 саженей, и капитан ворчал на меня, упрекая в медлительности; дело в том, что по заведенной традиции ни один из нас не уходил спать раньше другого. Только

около 4 часов утра на судне наступила полная тишина.

Недолго пришлось нам поспать. Скоро (4 июля, темп. +4° Ц; слабый ветер с N) засвистали, что в фарватере опять медведь. На этот раз я взял с собой ружье системы «экспресс», из которого я стрелял в первого медведя. Мне хотелось убедиться, что массивная пуля бьет действительно лучше, чем «разрывная» пуля «экспресс».

Взяв с собою Кристиана Баллона, мы пошли. На этот раз пришлось итти дольше, чем обыкновенно.

Наконец мы увидели медведя на расстоянии примерно 1500 метров. Он уже заметил нас: поднявшись на задние лапы, он вытягивал шею, чтобы лучше видеть. Затем залез на высокий торос и, усевшись там на корточки, повидимому, начал обдумывать дальнейший план действий.

Тем временем мы, пользуясь прикрытиями, пробирались через наиболее труднопроходимые места. Перескочив через несколько небольших льдин, я немного опередил своих спутников и забрался на торос, лег на него и в ожидании капитана стал рассматривать зверя. Когда капитан влезал ко мне на торос, я нагнулся взять у него ружье, и в этот момент медведь скрылся из поля моего зрения. Тогда мы пошли к более высокому нагромождению, где, как нам казалось, было удобнее поджидать зверя. Взбираясь на самый гребень, мы на всякий случай взвели курки. Но сколько ни высматривали мы сверху медведя, его нигде не было видно, а ведь лед кругом был довольно ровный. Зверь, конечно, притаился где-то совсем близко от нас в воде или подкрадывается к нам по

льду. Мы прилегли на лед и стали ждать. Из предосторожности держали ружья наизготовку, взведя курки; ведь ахнуть не успеешь, как зверь насядет на тебя. Так и есть... Вон там в полынье, метрах в пятидесяти от нас, пошла какая-то легкая рябь, затем показалось темное пятнышко, медленно двигавшееся к нам. Да ведь это морда медведя!

Мы замерли; было страшно интересно, и нам хотелось по возможности продлить свои наблюдения.

Морда, лавируя, медленно движется к нам. Иногда из воды высовываются глаза. Медведь высматривает место, где бы выйти на лед под некоторым прикрытием. Только раза два морда поднялась повыше над водой, оглядывая лед и, очевидно, выбирая кратчайший путь для нападения на нас.

Наконец медведь скрылся за краем соседней с нами льдины. Еще несколько минут, и из-за ледяного выступа осторожно высунулся его лоб и даже глазки. Зверь, очевидно, знакомился с условиями местности.

В такой позе он замер на довольно долгое время; я видел, как его черные крошечные глазки бегали по сторонам, иногда бросая на нас плотоядные взгляды.

Поле действия ему, видимо, не понравилось; лоб опять неторопливо скрылся за краем льда, и затем мы увидели плывущую по воде морду зверя. Медленно плыла она, поворачиваясь то вперед, то назад, но глаза, как и прежде, по временам показывались на поверхности воды.

Затем голова скрылась за торосистой льдиной и надолго исчезла из поля нашего зрения. Мы стали

осматриваться по сторонам. Уж не нырнул ли медведь? Вдруг из-за тороса медленно высунулись лоб и глаза зверя. Он, должно быть, вылез на лед как раз позади нашего тороса.

Медведь внимательно и долго смотрел на нас, лежавших на ледяном бугре; потом его лоб скрылся за краем льда.

Такой маневр повторился несколько раз с довольно большими паузами. Зверь тщательно обдумывал план действий. Но и нам некуда было торопиться, а зрелище захватывало. Мы решили выжидать до последней возможности, хотя капитан крепко ругался на холодные компрессы под животом, а Баллон — на отсутствие хорошей порции жвачки.

Медведь, видимо, придумывал наиболее удобный способ подкрасться к нам; дело в том, что здесь было мало ледяных глыб, могущих служить зверю прикрытием. Наконец он, видимо, принял определенное решение. Долгое время голова не показывалась, а затем зверь появился, переваливаясь с боку на бок. Прежде всего он ужасающе зевнул, высунув язык чуть не до самых глаз.

— Здорово, папаша, здорово! — громко сказал Баллон.

Мы не удержались от смеха, но велели Баллону заткнуть глотку. Лавируя и пе́реваливаясь, медведь шел прямо на нас с совершенно невозмутимым видом, даже не глядя в нашу сторону. Меняя направление, он всякий раз приостанавливался, снова разевал пасть, бросал несколько беглых взглядов на наш торос и, переваливаясь, перебирался на другую льдину, но предварительно с большой осторожностью нащупывал

край льда лапой. Иногда он слегка поводил носом в нашу сторону, но вообще попрежнему не обращал на нас никакого внимания — с виду совершенно поглощенный переходом по льдинам.

Прямо уничтожающее спокойствие! Если край льдины под лапой погружался, он так же флегматично ставил лапу на другую.

На последнем повороте к нам около льдины лежала большая ледяная глыба. Она была так велика, что человек с трудом мог бы сдвинуть ее с места; вдобавок ее легко можно было обойти, но медведь двинул по ней тыльной стороной передней лапы, и глыба полетела в воду, а сам он спокойно перешагнул на соседнюю льдину. Он сбросил глыбу без малейшего напряжения, — судите сами, насколько чудовищна его сила. Тут уж Баллон не выдержал.

— Ишь ты какой! Вот негодяй! — воскликнул он.

Теперь медведь шел уже прямо на нас; вот он чуть ли не в десяти шагах... Решено, что первым стреляю я, и в тот момент, когда зверь присел, чтобы прыгнуть на нас, я всадил ему пулю в грудь.

Медведь заревел, по обыкновению впился зубами в рану и, пошатываясь, рухнул навзничь, но затем вскочил и побежал.

Чтобы удержать его, капитан выстрелил ему в зад.

Опять мой патрон застрял в дуле, и я порядком помучился, прежде чем вытащил его и вставил новый. Мы оба взяли ружья наизготовку, но медведь был уже в воде. Вылезая на край ближайшей льдины, он повернулся к нам спиной. Грянули два выстрела, пули вонзились между лопатками зверя, он упал навзничь

в воду, но затем снова попытался выкарабкаться на льдину. Пуля капитана пресекла его попытку, и он снова опрокинулся в воду. Несколько судорожных движений — и он мертв.

Медведь был необычайно крупный и красивый. И нам, троим здоровым мужчинам, стоило больших трудов вытащить его из воды, хотя край льдины был низкий и подымался довольно отлого. Мы накинули зверю на шею петлю, но зверь обнаружил удивительную способность «выскальзывать» из ошейника. Стянув ему морду веревкой, мы положили конец этому и вытащили медведя из воды.

Пуля «экспресс» пробила в груди большую дыру, но не размозжила грудной кости. Снаружи отверстия так велики, что я мог засунуть в них руку, но только массивная часть пули проникла в легкие. Большинство ран были поверхностные — в сале и мясе. После этого опыта я решил впредь всегда бить медведя только массивными пулями.

В этот день капитан взял несколько высот солнца, и оказалось, что мы находимся на 66°50′ с. ш. и 31° з. д. Следовательно, на две минуты севернее, чем два дня тому назад, и на 10 морских миль западнее. Это значит, что нас относило дрейфом примерно пять морских миль в сутки на WNW, прямо к берегу.

Как странно. Ведь за пределами кромки льдов течение с огромной скоростью идет на WSW; ведь оно настолько сильно, что судно вряд ли может лавировать под парусами против течения и северо-восточного ветра, не теряя широты.

Не объясняется ли это явление тем, что мы сейчас идем над банками около гренландского побережья,

где в силу мелководья и течение слабее? Главное течение идет, повидимому, вне отмели, вдоль самого глубокого жолоба в проливе. Но замечательно, что во льдах почти не заметно движения; они все так же сплочены, ни нагромождений, ни разводий.

В среду, 5 июля (темп. +3° Ц; слабый ветер с N), мы, как это ни странно, не видели ни одного медведя. Лед все такой же сплоченный, но теперь мы подошли гораздо ближе к берегу.

Пока мы лежали в дрейфе во льдах, всякая охота приостановилась, и было довольно трудно занять команду каким-нибудь делом. Людям давали всевозможную корабельную работу. Судно чистили, приводили в порядок; счищали ржавчину со всех наружных и внутренних металлических частей, и у нас стоял шум и грохот, как в настоящей механической мастерской. Малярная кисть так и ходила кругом, и какой прекрасный вид приобрели все железные печные решетки, юферсы, дымовые трубы и вся железная обивка; их сначала покрывали суриком, а потом красили в черную краску. Мачты и реи были выскоблены и смазаны, корпус судна выкрашен в черный цвет, так как лед уже давно содрал бо́льшую часть окраски, сделанной на родине. Стенки спардека снаружи покрасили в белый цвет.

Мне хотелось знать, какая животная жизнь таится под этим дрейфующим льдом, и я опускал небольшие сетки из частого газа в море на различные глубины, оставляя их там на некоторое время и затем вытаскивая. Таким способом я набрал довольно много мелких животных организмов, преимущественно ракообразных.

С целью умножить добычу я в виде опыта решил пустить в ход приманку. Подвесив кусочки мяса и сала к отверстию самой крупной из сеток чуть ли не в полметра диаметром, я опустил сетку на глубину 50—60 саженей и оставил на весу в воде на несколько часов.

Затем мы несколько раз сильно встряхнули сетку, чтобы все живое, скопившееся около отверстия, упало внутрь сетки, а потом мы поспешно вытянули сетку на поверхность.

Какова же была моя радость, когда я нашел в сетке несколько крупных креветок (*Pandalus*); таких крупных я еще никогда не видал.[1] Нам они напомнили мелких омаров длиной в 12—14 сантиметров.

Капитан заинтересовался ими; креветки — лакомое блюдо; специальный человек был поставлен вылавливать этих ракообразных из-под ледяного покрова. Вскоре он наловил их столько, что всем хватило на завтрак. Они были необычайно вкусны и обладали свойством возбуждать аппетит. Потом ловля креветок вошла в наш обиход, и у нас их часто подавали к завтраку.

Вообще, в зависимости от обстоятельств я занимался теми или иными научными исследованиями, изучая различные явления природы. Да вот хотя бы лед

---

[1] Этот же вид шестнадцать лет спустя был обнаружен профессором И. Иортом в очень большом количестве на дне многих норвежских фиордов; с тех пор креветок стали усердно ловить в Норвегии. В описываемое же мною время эти ракообразные были мало известны; их ловили в небольшом количестве лишь в Драмменфиорде и обычно называли «драмменскими креветками». *Прим. автора.*

и его разнообразные формы дают достаточно материала для «размышлений».

Особенно удивляло меня то, что поверхности крупных глыб этого тяжелого льда не были совершенно чистыми и белыми, а имели большей частью грязновато-серый или бурый оттенок.

Чем же это объясняется? Неужели это пыль? Но лишь очень небольшое количество таких глыб прибивает на время к обнаженным от снега берегам на столь близкое расстояние, что на них оттуда могла бы налететь пыль.

А, может быть, в воздухе всюду, даже над Северным Ледовитым океаном, содержится пыль, и она вместе с выпадающим снегом попадает на лед, а летом, после таяния снегов, выступает в виде тонкого слоя на поверхности льда?

Такое объяснение казалось мне наиболее правдоподобным. Но в некоторых местах эта пыль имеет вид комочков ила, которые благодаря своему цвету поглощают солнечную теплоту и при таянии образуют во льду углубления или круглые ямки. Когда я собрал этот ил на ладонь, мне показалось, что он пахнет органическим веществом, и мне пришла в голову мысль, что он в значительной степени состоит из микроскопической растительности, покрывающей льды, например из водорослей, вроде тех, что я обнаружил на внутренней стороне льда.[1]

Только через несколько лет (в 1888 году) взятые мною пробы ила были подвергнуты тщательному ана-

---

1 См. Fr. Nansen, Om drivisen, dens dannelse og grustransport «Naturen» 1877 (Bergen). *Прим. автора.*

Капитан Крефтинг (справа) и автор с убитым медведем.
Июль 1882 года

лизу под микроскопом профессором А. Э. Тёрнебомом в Стокгольме.[1] И тогда выяснилось, что грязноватый цвет поверхности льда объясняется в значительной степени присутствием пыли, состоящей из чрезвычайно тонких минеральных зерен различных пород, вероятно, попадающих в ил из воздуха вместе со снегом и, по всей вероятности, происходящих из областей, прилегающих к Северному Ледовитому океану, пожалуй, главным образом, из Сибири. В пробах содержались также крошечные органические частицы, преимущественно растительные, например, тонкие

---

[1] См. H. Mohn und Fr. Nansen, Wissenschaftliche Ergebnisse von Dr. Fr. Nansens Durchquerung von Grönland 1888. «Petermanns Mitteilungen», Ergänzungsheft No. 105, 1892. См. стр. 101 и 104. *Прим. автора.*

части лишайников; они, повидимому, происходили с богатой гумусом почвы и, следовательно, попали сюда с суши.

Кроме этого, Тёрнебом нашел в пробах много скорлупок микроскопически малых кремневых водорослей (диатомовых). Они были исследованы профессором П. Т. Клеве в Упсале и представляли особый интерес: дело в том, что их было 16 видов; а лишь относительно 12 из них было известно, что они встречаются в море к северу от Восточной Сибири, где они были найдены на льдине у мыса Ванкарем, недалеко от Берингова пролива, экспедицией Норденшельда на «Веге» в 1879 году.

Это, повидимому, указывает на какую-то связь между морем у Берингова пролива и морем у восточного побережья Гренландии; находка этих скорлупок была одним из тех фактов, на которых я обосновал свою теорию о постоянном дрейфе льда из моря к северу от Сибири через Полярный бассейн.

Возможно, что эти диатомовые водоросли попали на поверхность льда таким путем: они жили в поверхностном слое моря и вмерзли затем в образовавшийся морской лед. А летом при таянии самых верхних слоев льда они осели на нерастаявшей поверхности.

Но во время экспедиции на «Фраме» летом 1894 года я обнаружил, что часть этих диатомовых водорослей действительно живет в ледовых прудах и в вышеупоминавшихся ямках и лужах талой воды на дрейфующих льдах. Кроме того, я нашел целый ряд простейших микроскопических животных организмов (инфузории, жгутиковые и др.), которые живут вме-

сте с этими растительными организмами, так что здесь уже можно говорить о небольшом комплексе живых организмов, дрейфующих на этих льдах и оживающих каждым летом, когда поверхность льда тает под действием солнечной теплоты.[1]

Из вышесказанного ясно вытекает, почему поверхность старых льдин в этом Полярном течении становится грязноватой после того, как самый верхний слой их растает и сойдет под действием весенних лучей солнца. Ведь на поверхности льда, кроме пыли, попадающей на снег из воздуха, мало-помалу скапливаются, после каждого весеннего таяния, мелкие частицы животных и растительных организмов и минералов, плававших в поверхностном водном слое и вмерзавших в лед при замерзании моря. И к ним присоединяются еще организмы, живущие на поверхности льдин.

На судне я представлял для всех какую-то загадку; люди не раз ломали себе голову над тем, для чего, собственно, я копаюсь в кишках тюленей, медведей и птиц, измеряю температуру воды и занимаюсь многими другими, тоже как будто никчемными, делами.

Однажды наш плотник спросил капитана:

— А кем, собственно, будет потом этот Нансен?

Капитан был несколько озадачен таким вопросом и сказал, что, по его мнению, я собираюсь быть натуралистом.

---

[1] См. The Norwegian North Polar Expedition 1893—1896. Scientific Results, vol. IV, No. 11. H. H. Gran, Diatomaceae from the Isefloes and Plankton of the Arctic Ocean (Kristiania, 1904); см. vol. V, No. 16, Fr. Nansen, Protozoa on the Isefloes of the North Polar Sea (Kristiania, 1906).

Плотник никак не мог понять, что быть «стрекулистом» выгодно,[1] и возразил:

— Ну, нет!.. А вот я вам скажу, кем он будет: скотским доктором!

— Это почему? — спросил капитан.

— Хе-хе, я видел, как он ловко кромсает зверей.

У меня, разумеется, были все основания чувствовать себя польщенным таким вотумом доверия.

Часть команды на досуге — а его было много — занималась резьбой по дереву. Ребята были ловкими резчиками и до мельчайших деталей копировали разные суда, их оснастку и паруса. А потом раскрашивали свои работы в яркие цвета: море в темносиний, небо с белыми, сделанными из ваты, облаками — в голубой, паруса в белый, корпус судна в черный, флаги и вымпелы в красный.

Боцман, который был о себе довольно высокого мнения, смастерил нарядный, полностью оснащенный кораблик и гордо показывал его.

Мы спросили, какое имя напишет он на вымпеле. Н-да, вот этого он еще не решил, но какое-нибудь такое... громкое.

Сидевший с ним рядом на скамейке Ханс Снеккер, известный шутник, посоветовал ему написать на вымпеле слово «Боцман»; это «громкое звание», сказал он, искоса взглянув на боцмана; но боцман отверг это предложение: ему больше нравилось, например, «Королева волн»; одно только: слишком много букв придется выводить на вымпеле!

---

[1] Непереводимая игра слов: Naturforsker — натуралист-ученый; Naturfusker — нечто вроде мазилки, невежды и т. п. *Прим. перев.*

Несколько времени спустя Ханс Снеккер сидел на скамейке у входного люка в кубрик и наигрывал на жестяной трубе. Мимо проходил Баллон.

— Эй, Баллон, иди сюда, — сказал Ханс, — сейчас я так примусь дуть, что ты у меня взлетишь на воздух!

Этот парень всегда был в веселом настроении.

А мы с капитаном, когда у нас не было другого дела, развлекались чтением. Я взял с собой много научной литературы, путешествий, романов. Больше всего нравился нам роман Фрица Рейтера «Landmansliv».[1] Каким благотворным контрастом нашей однообразной, замкнутой среди дрейфующих льдов жизни были эти яркие описания весны и лета, пахоты, запаха прелой земли и удобрения, зеленых всходов, дяди Бресига и всего быта уютной мирной усадьбы в Пюмпельхагене! Ах, какой заманчивой казалась нам та жизнь, как хотелось увидеть зеленую былинку! Здесь так понимаешь стремление моряка к земле, мечты престарелого шкипера о собственном хуторе или клочке обработанной земли с лошадкой, коровами и широко раскинувшимся лугом!

6 июля, часов в девять вечера, когда мы сидели с капитаном за ужином, он сказал, что пора бы нам опять уложить медведя. Мы уже целых два дня не охотились.

— Да, конечно, — ответил я, — но теперь мы должны с лихвой наверстать упущенное.

---

[1] «Землевладелец», роман Фрица Рейтера (1810—1874), крупного немецкого писателя, писавшего на нижненемецком наречии. *Прим. перев.*

У меня было какое-то предчувствие, что предстоит охота.

После ужина каждого из нас угостили рюмочкой черри и пирожным, испеченным стюардом. Мы не были особенными любителями спиртного; самое большее, что мы себе позволяли, — такую вот рюмочку с напер-сток, и то лишь после ужина.

Потом мы закурили трубки и провели мирный часок, сидя каждый в своем уголке дивана и положив ноги на стол. Капитан рассказывал о разных своих приключениях.

А потом он продекламировал несколько строчек из стихотворения Брауна.

Удивительно, как складывается жизнь! Мы с капитаном сидим здесь среди дрейфующих льдов, как старые друзья. А лишь восемь-девять месяцев тому назад все, что окружает меня сейчас, было для меня совершенно чуждым миром. Я помню, как тогда, возвращаясь в полдень из университета, я часто встречал на Дворцовом холме красивого мужчину с густыми черными усами и блестящими черными глазами под пушистыми темными бровями.

Кто бы это мог быть? От этого человека веяло энергией исследователя путей. И когда я узнал, что это капитан-полярник, моя фантазия усиленно заработала; чего-чего только он не перевидал, не испытал на своем веку, каких только опасностей и приключений не пережил! Ну, разумеется, полярник должен

---

1 Из стихотворения Брауна «Trobekännelse».
Я бед не накликаю никогда,
Сама незваною придет беда...

Прим. перев.

быть именно таким неустрашимым и напористым. Но тогда он был для меня лишь отрывком какой-то неведомой и далекой жизни.

Теперь я сам очутился в гуще этой полярной жизни, и она стала для меня как бы неотделимой частью моего «я».

Под вечер мы пошли поболтать с нашей командой. Многие люди были в мрачном настроении не столько, пожалуй, из-за того, что мы, застряв во льдах, ничего не добывали, сколько от сознания, что так мало шансов скоро вырваться из этих ледяных тисков; дело в том, что нас неуклонно относило все ближе и ближе к земле.

В этих дрейфующих льдах, конечно, не раз случались несчастья; когда лед начинает сжиматься, он беспощаден. Но ведь кругом нас лед так спокоен; можно сказать, даже слишком спокоен; казалось, что он вообще не собирается разредиться.

И в прежние времена многим полярникам приходилось дрейфовать в таком льду, и многие нашли могилу в Северном Ледовитом океане. Пожалуй, самое большое несчастье произошло в июне 1777 года, когда 28 промысловых судов было затерто льдами дальше к северу, у восточного побережья Гренландии. Часть их в следующие месяцы вырвалась из льдов, но 12 судов застряло, и их понесло вдоль берега к югу.

19 и 20 августа шесть судов были раздавлены льдами и пошли ко дну как раз здесь, в Датском проливе, между 68° и 67½° с. ш. Человек 155 спаслось, достигнув на шлюпках западного берега Гренландии, но более 320 людей погибло.

В 1869 году судно «Ганза» Второй Германской экспедиции к Северному полюсу затерло льдами и сжало к северу от Датского пролива; людей всю зиму несло на льдине к юго-западу, вдоль гренландского побережья, и лишь весной они достигли мыса Фарвель, а затем в шлюпках дошли до поселений на юго-западном побережье Гренландии.

Само собою разумеется, что команде мы не рассказывали о всех этих бедах и страданиях. Мы просто шутили и балагурили с людьми. Если придется плохо, говорили мы, будем кормиться медвежатиной. А если судно раздавит, доберемся до земли и оснуем колонию на берегу, изобилующем пищей; здесь водится и белый медведь, и тюлень, и олень, а быть может, и мускусный бык; растет олений мох, и чего-чего там только нет!

Мы так долго шутили на эту тему, что я даже как-то сжился с такой перспективой и почти желал ее осуществления.

Хорошо бы пожить так! А дальше к югу обитают ведь эскимосы, — стало быть, с каким комфортом можно было бы тут устроиться!

Но команде такое будущее, видимо, не казалось столь заманчивым, как мне.

К тому же многих из команды волновали вопросы материального порядка. Они считали и высчитывали, в какой сумме выразится их шестнадцатая доля при той добыче, какой мы располагаем.

Затем из дозорной бочки дали знать, что впереди под ветром три медведя. На судне закипела жизнь, мигом забыты были все горести и заботы, и вскоре мы с ружьями спустились на лед. Баллон получил

Они быстро открыли нас... Он приостановился, внимательно поглядел на нас, прыгнул, как кошка, и пополз вперед...

разрешение пойти с нами, и мы направились к медведям. Говорили, что это медведица с двумя медвежатами.

Через некоторое время мы увидели медведей, но они были еще так далеко, что их с трудом можно было отличить от льда. Органы чувств у этих зверей, должно быть, не уступают нашим, так как они быстро открыли нас — либо увидали, либо почуяли. Ветер был благоприятный, дул от нас прямо на них. И медведи без долгих размышлений во весь карьер помчались навстречу нам. Мы приняли обычное по-

ложение, то есть все трое легли ничком на торосистую льдину, превратившись в зрителей скачек, причем призами были мы сами.

Медведи бежали то вразброд, то кучкой, смотря по состоянию льда; то один обгонял, то другой; пускались вплавь, если не могли перепрыгнуть полынью, потом снова вылезали на лед; но вперед подвигались они быстро, так как им было легко бежать по огромным плоским льдинам.

Но вот один медвежонок сильно опередил остальных и приблизился к нам почти на выстрел, а мать и другой детеныш отстали от него метров на 300.

Не скажу, чтобы это входило в наши расчеты; мы боялись, что нам придется стрелять до того, как те двое приблизятся на выстрел; во всяком случае мы решили выжидать до последней возможности.

Мне предоставили расправиться с детенышами, а капитан взял на себя мать.

Медвежонок был уже на льдине прямо перед нами и бежал все так же быстро, пока не приблизился шагов на пятнадцать. Тогда он приостановился, внимательно поглядел на нас, прыгнул, как кошка, и пополз вперед. Вот он уже шагах в двенадцати от нас, в десяти, в восьми...

Мое ружье у подбородка, палец на курке. Следя за малейшим движением медвежонка, я искоса поглядывал, где мать. Медвежонок уже под самым дулом ружья капитана, но тот не сводил глаз с медведицы. Медвежонок останавливается, мускулы его напрягаются для прыжка — раздается выстрел, пуля попадает ему в грудь, и смертельно раненый зверь кубарем катится по льдине. Мать при виде упавшего детеныша

прибавила ходу, но ее сражает пуля капитана, и она во всю длину распласталась на льду.

Первый медвежонок, пошатываясь, поднялся на ноги, но пуля в спину, пронзив сердце, укладывает его на месте.

Одновременно капитан с большой дистанции стреляет в третьего зверя, и пуля валит его с ног.

Смотрим, медведица подымается и делает попытку убежать. Мы все трое стреляем в нее. Она падает и больше уже никогда не встанет.

А третий зверь, вскочив, пустился наутек; я посылаю ему вдогонку пулю, он с ревом падает, потом снова пробует убежать, мы угощаем его несколькими пулями, но дистанция слишком велика, и он убегает.

Однако вскоре я нагнал его, когда он переплывал полынью, и там прикончил его. Его вытащили из воды и присоединили к товарищам. И вот вся семейка лежит рядком на льду.

Медведица не из очень крупных, всего 2 метра от конца носа до конца хвоста. Но медвежата довольно крупные: один достигает в длину 1,61 метра, другой — 1,60 метра. Им года по полтора.

Навалил туман, и наше судно скрылось из виду. Баллону пришлось отправиться за подмогой. Вскоре пришли люди и уволокли медведей.

На обратном пути я нашел в полынье между льдинами плавающую иловатую зелено-бурую массу, похожую на густую тину гусиных прудов у нас в Норвегии. Это были водоросли (*Melosira*), комочки которой, правда, меньших размеров, я уже раньше видел в воде между льдинами. В желудке одного из убитых

нами медведей я нашел множество такой похожей на водоросли тины; повидимому, она заменяет им растительную пищу.

Теперь мы надолго обеспечены медвежатиной и вкусными медвежьими языками. Медвежатина очень вкусна, в особенности мясо молодых медведей; но, как это ни странно, кое-кто из команды не стал ее есть: «когтистого зверя есть нельзя», говорили они; в их среде еще живет этот старинный предрассудок, будто медвежатина ядовита.

Удивительно, какую огромную роль играет воображение. В этом капитан убедился на примере штурмана, с которым он ходил на «Магдалене».

Они уложили медведя, но штурман заявил, что не выносит медвежатины. За завтраком Крефтинг громко заказал стюарду приготовить к обеду несколько первосортных отбивных котлет из медвежатины; штурман сам убедится, какие они вкусные! А после завтрака Крефтинг потихоньку заказал стюарду к обеду отбивные котлеты из свежей говядины, висевшей на снастях, а к ужину — отбивные котлеты из медвежатины, предупредив его, чтобы он не проговорился об этом штурману.

Наступил обед; подали великолепные жирные говяжьи отбивные котлеты, и капитан поел их с большим аппетитом. Но штурман не притронулся к ним; он сидел с кислой физиономией и ел картофель с хлебом, говоря, что ему претит самый запах этих котлет. Капитан, подмигнув стюарду, высказал сожаление, что штурман остался голодным, но зато, — прибавил он,— к ужину будут говяжьи котлеты, и тогда штурману уже не придется голодать.

К ужину были поданы такие же отбивные котлеты, но из медвежатины. Вот когда штурман постарался вознаградить себя за обед! Уплетая одну порцию за другой, он съел невероятное количество котлет: «Что вкусно, то вкусно, — говорил он, — не то, что скверные медвежьи котлеты, которые издали узнаешь по запаху». Капитан ликовал от восторга.

Наконе́ц штурман ублаготворился; наевшись, он с довольным видом откинулся на спинку стула, расточая похвалы котлетам, изготовленным стюардом.

— А вы, штурман, убеждены, что ели говяжьи котлеты? — спросил его капитан.

Штурман с полной уверенностью ответил:

— Да... Ведь их нетрудно узнать по вкусу... — и вдруг увидел в дверях ухмыляющуюся рожу стюарда.

— Да неужели?!.

Капитан со стюардом разразились громким смехом, а штурман бросился к дверям и пустился по трапу наверх...

Весь ужин оказался за бортом.

ВСЕ ЕЩЕ В ЛЕДОВЫХ ТИСКАХ. ОБИЛИЕ МЕДВЕДЕЙ

В ПЯТНИЦУ, 7 июля (темп. +3° Ц; бриз с WNW), мы несколько раз взяли высоту солнца; оказалось, мы находимся на 66°50′ с. ш. и 32° з. д. Итак, нас несет прямо на запад к земле, притом с большею скоростью, чем раньше; с 4 июля нас отнесло, примерно, на 24 морских мили, конечно, если долгота исчислена нами правильно. Значит, нас относило на 8 морских миль в сутки; вот мы и приблизились к земле.

Из остатков старой медвежатины мы развели на льду большой костер и, обильно поливая его жиром, несколько дней поддерживали огонь, чтобы привлекать медведей запахом поджаренного мяса. Если ветер

на медведя, он чует этот деликатес за много-много миль.

Действительно, это прекрасная приманка, так как в следующие дни из дозорной бочки видели чуть ли не два десятка медведей. Некоторые звери бродили довольно далеко от нас; были ли это двадцать различных медведей, сказать трудно; по-моему, вряд ли, но все же в данном районе их было, несомненно, много.

Вечером 7 июля капитан из дозорной бочки увидел в подзорную трубу медведя в нескольких милях от судна. Нечего было и думать, чтобы отходить от «Викинга» на такое большое расстояние. Единственно, что оставалось делать — не упускать зверя из поля зрения, конечно, если удастся.

На другое утро (8 июля, темп. + 3° Ц; слабый ветер с NW) засвистали, что у нас в виду медведь. Мы побежали, но не могли нагнать зверя — первый случай в нашей практике. Мы не в силах были поспеть за этим резвым бегуном. Вероятно, его отпугнула чистка и скребка на судне, производившаяся с таким усердием, что оглушительный шум и скрежет разносились кругом на большое расстояние.

В скверном настроении вернулись мы на судно и утешились лишь чтением любимой книги «Landmansliv». Описание горемычного Помукельскоппа так понравилось капитану, что после неудачи с последним медведем он стал называть так весь медвежий род.

Но вскоре наше чтение было прервано: дали знать, что с наветра медведь. Оказалось, однако, что он очень далеко от нас, и не стоит гнаться за ним.

Прошло немного времени, и Оран, второй штурман, увидел медведицу с двумя медвежатами, и тоже с наветреной стороны. Мы за ними в догонку, но счастье, видимо, не на шутку изменило нам. Медведи были слишком далеко и бежали так шибко, что попытка настигнуть их была заранее обречена на неудачу; пришлось с пустыми руками вернуться на судно.

Но с какой заботливостью медведица охраняла детенышей, с какой тревогой старалась увести их подальше от нас! Она помогала им переходить с льдины на льдину и то убегала вперед, маня их за собой, то трусила за ними, подгоняя их или подталкивая башкой сзади.

Недолго мы просидели на судне. Я занялся было испытанием ружья «экспресс» с новыми пулями. Вдруг из дозорной бочки дали знать, что под ветром медведь. Вспыхнули надежды. Раз он от нас с подветра, ему не сдобровать.

Он шел против ветра, по обыкновению быстрым шагом, и мы с капитаном в третий раз на дню спустились на лед. Мы старались приблизиться к медведю под ветром. Итти по льду было легко, и вскоре мы были недалеко от зверя.

Медведь сделал остановку у туши тюленя, валявшейся на льду после нашей побойки; он так увлекся едой, что подпустил нас на близкое расстояние, но затем без долгих размышлений пошел нам навстречу.

Мы растянулись плашмя на льду. Медведь все идет да идет; вот он уже в каких-нибудь 50 метрах от нас. Тут он приостанавливается, чуть настораживается,

Капитан Крефтинг и автор около крупного медведя-самца.
Июль 1882 года

укрывается за торосистой льдиной, медленно выходит из-за нее, крадучись, словно кошка, и вдруг приседает, чтобы броситься на нас.

Сегодня очередь капитана стрелять первым. Раздается выстрел, и медведь неподвижной массой падает на лед. Капитан выстрелил во-время, — зверь был в десяти метрах от нас.

А затем медведь ожил; оказалось, что пуля, скользнув по черепу и шейным позвонкам, вошла в позвоночник и парализовала передние лапы. Я всадил в него несколько пуль, но он проявил необычайную живучесть и не сдох окончательно до тех пор, пока я, за неимением другого оружия, не пронзил ему сердце разделочным ножом.

Грудь медведя была пробита моими пулями; они, видимо, сделали свое дело и разорвались своевременно; а все-таки массивные пули лучше.

На обратном пути к судну мы по обыкновению обсуждали вопрос, благоразумно ли подпускать к себе медведя на столь близкое расстояние. Ведь ружье может дать осечку, и тогда. . Мы сошлись на том, что это неблагоразумно, и, по обыкновению, пообещали друг другу соблюдать в следующий раз бóльшую осторожность. Но «обещать легко, а исполнять трудно». Когда в следующий раз мы стояли лицом к лицу с медведем, опять было страшно интересно наблюдать его стратегию и тактику.

Воскресенье, 9 июля. Вскоре после того, как мы вернулись на судно, было сообщено, что с наветреной стороны медведь, но он был так далеко, что мы не смогли бы догнать его. Это был уже седьмой медведь за последние сутки. Подбросив топлива в костер, где поджаривалась приманка для медведя, мы улеглись спать.

На утренней вахте, часа в 4 утра, Ханс Хальворсен увидел с наветреной стороны двух медведей, но они тоже были далеко от судна.

А попозже, когда мы с капитаном встали, нам опять дали знать о появлении медведя; на этот раз он подошел к судну так близко, что мы могли разглядеть его простым глазом. Мы пошли на медведя. Он ходко трусил против ветра. «Парень идет бейдевиндом, — сказал капитан, — увалился не больше, чем на румб от ветра». Но вот зверь, остановившись у тюленьей туши, стал ее уничтожать, а мы повернули и пошли на зверя с наветреной стороны.

Эти старые тюленьи туши, валявшиеся на льду после побойки, сослужили нам большую службу. Они все-таки привлекали медведей на эти льды и во всяком случае задерживали зверя, так как он не покидал быстро наш район.

Медведь так увлекся тюленем, что не заметил нашего приближения. А нам не хотелось стрелять, пока он не увидит нас.

Но вот он поднял голову; увидав нас, он перевалку отошел от туши. Мы растянулись на льду. Зверь исчез за торосом, возвышавшимся перед нами, и некоторое время не показывался на глаза. Теперь нужно глядеть в оба! Если он залезет на верхушку тороса, мы и оглянуться не успеем, как он кинется на нас.

Наши опасения оправдались: между двумя ледяными глыбами просунулся сначала кончик носа, потом морда и, наконец, грудь.

Раздаются два выстрела. Капитан целил в грудь, я ради разнообразия в голову; пуля, попав в пасть, вышла наружу через зытылок. Медведь зашатался и повалился навзничь, но, собравшись с силами, он сделал попытку убежать, повернув к нам голову. Кровь капает из пасти, глаза мечут молнии.

Еще два выстрела. Пули попадают зверю в бок, он падает, но все еще шевелится. Последняя пуля, выпущенная капитаном, приканчивает зверя. Пока медведь не убит наповал, мы не жалеем пуль. Мы стараемся по возможности сократить его мучения. Но он необыкновенно живуч. Это опять был матерый медведь-самец.

Когда мы вернулись на судно, нам сказали, что из дозорной бочки видели медведя милях в трех от

судна, но он повернул на север и шел против ветра. Так как команде очень хотелось поохотиться, то плотнику и нескольким матросам разрешили пойти попытать счастья.

Времена и взгляды меняются. В былое время люди на полярных судах держались о белом медведе другого мнения, чем теперь. В описании голландской экспедиции в Карское море (1595 г.), находившейся под командой Нея и Линшотена, мы читаем, что 6 сентября, когда экспедиция находилась около Югорского Шара, часть команды сошла на берег и на нее напал медведь, который задрал двоих людей. Были посланы тридцать человек, вооруженных ружьями, мотыками и алебардами; они вступили в бой, закончившийся тем, что «медведю пришлось щипать траву».[1] Его свежевали, а шкуру привезли в Амстердам.

Когда голландцы под начальством Рейпа и Баренца открыли в 1596 году Медвежий остров, они натолкнулись там на крупного медведя, который при виде их бросился в воду. Они в лодках поплыли за ним, но не решились нападать на него до прибытия подкрепления. Две шлюпки людей, вооруженных ружьями, «аркебузами», алебардами и секирами, дали зверю морской бой, и после двухчасового сражения медведь был прикончен ударом секиры по голове. Снятая с него шкура имела в длину 12 метров.

---

[1] Выражение, заимствованное из скандинавских саг. О сраженном насмерть враге говорилось, что его заставили «щипать траву», если он упал лицом на землю. *Прим. перев.*

В те времена медведь, повидимому, был опаснее да и крупнее, чем теперь.

В связи с этим событием остров и был назван Медвежьим островом (Beeren Eylandt).

Несколько раз взяли солнечную высоту; оказалось, что мы находимся на 66°51′ с. ш. и 32°18′ з. д. Следовательно, эти два дня после наших последних наблюдений нас относило все время на запад, и, кроме того, мы подвинулись на одну минуту на север, хотя беспрерывно задувал северо-западный и северный ветер, правда, очень слабый. Но дрейф стал снова гораздо медленнее, за двое суток нас отнесло только на 7 морских миль.

До земли оставалось не более половины того расстояния, какое отделяло нас от берега, когда мы впервые увидели землю. Теперь с палубы уже совершенно отчетливо видны горы и долины; до земли каких-нибудь шесть-семь морских миль, и можно бы пойти туда прогуляться. Вот только одно неудобство: чересчур далеко от судна.

Через несколько часов вернулся плотник с товарищами. Медведя они не встретили, но зато сделали замечательное открытие: обнаружили у самого берега чистую воду. Плотник был так в этом уверен, что предлагал об заклад биться на что угодно, — он ясно видел отражение гор в воде!

Капитан пробовал им разъяснить, что это, верно, марево — весьма обычное в этих областях явление. Ведь если они увидали эту чистую воду с высоких ледяных торосов, то нам из дозорной бочки судна она была бы видна еще отчетливее.

Но его объяснения остались втуне. Люди настаивали на своем: они видели чистую воду, и горы отражались в ней.

Как это ни странно, здесь мы встречаемся с тем же явлением, которое вводит в заблуждение путника в пустыне, когда он, томимый жаждой, видит вдали как бы отражающиеся в воде высокие предметы и радуется в предвкушении возможности утолить свою жажду.

И там и здесь марево, вызванное рефракцией; т а м — над нагретым бесплодным песком, з д е с ь над льдинами. Над самой поверхностью льда, под влиянием солнечного излучения, образуется ведь слой более теплого воздуха. Преломление световых лучей имеет место на границе, где они из более холодных и более плотных воздушных слоев переходят в более теплый и более разреженный воздух, как я уже говорил об этом выше.

Но здесь возникает еще род «обратного отражения», при котором судно и льдины кажутся перевернутыми в воздухе. Вечером и ночью, когда солнце стоит низко, поверхность льда в результате излучения охлаждается, и над ней образуется слой холодного воздуха. Световые лучи от предметов, находящихся ниже этого слоя, отражаются целиком на границе между этим подстилающим слоем и вышележащим, более теплым воздушным слоем; «потолок» холодного воздуха играет роль зеркала, и если стоять «под потолком», то наверху в воздухе можно увидеть, как в зеркале, отражение предметов, находящихся на большом расстоянии. Если подстилающий воздушный

слой является настолько мощным, что граница его выше оснастки судна, то с некоторого расстояния можно увидеть над настоящим судном его зеркальное отражение в перевернутом виде. Над ледяными торосами, наблюдаемыми издали, тоже часто можно видеть их перевернутые зеркальные отражения. При некотором движении воздуха эти картины сдвигаются в ту или другую сторону, меняют форму и издали производят впечатление волнующегося моря или дыма, поднимающегося со льда.

Над горной цепью внутри Гренландии такие отражения в воздухе иногда создают замечательные эффекты: над горными вершинами появляются опрокинутые горные вершины, которые, колеблясь, создают впечатление дымящихся вулканов. Иногда эти горные вершины подымаются до горизонтальной границы воздушного слоя, и горный хребет имеет тогда вид крепостной стены с четырехугольными бойницами.

Не успели плотник с товарищами вернуться на судно, как с той стороны, откуда они пришли, показался переваливающийся с боку на бок медведь. Ну, и поиздевалась же над плотником остальная команда, в особенности над вернувшимся позже всех стрелком, который разыгрывал из себя какого-то героя.

— У тебя, видно, наоборот вышло, чем у капитана и Н.? Не ты гнался за медведем, а он за тобой! Почему ж ты его не застрелил?

Он зеленел от злости, но что было ему ответить?

Мы с капитаном спустились на лед; нескольким людям было разрешено пойти с нами. По дороге я

взобрался на высокий торос, чтобы высмотреть наиболее удобный путь по льду. Сверху я увидел медвежью голову, высунувшуюся из-за ледяной глыбы довольно далеко от меня. Затем она спряталась, и я решил, что медведь залег за этой глыбой. Мы с капитаном пошли в том направлении, оставив остальных сзади, чтобы не итти на зверя толпой.

Подходим к нему все ближе и ближе, и как раз в тот момент, когда мы, попав на большую льдину, шли и гадали, за какой ледяной глыбой я видел медведя, — шагах в 30 от нас, над гребнем тороса, высунулась морда зверя. Нас обоих словно вихрем бросило на лед, но зверь тоже не дремал и, оскалив зубы, двинулся на нас. Распаленный жаждой крови, он подкрадывался, как кошка или тигр. Намерения у него были самые определенные, и нам была дорога каждая секунда. Когда он повернулся к нам боком, раздались одновременно два выстрела: капитан попал в грудь, а моя пуля, пробив затылок, застряла за ухом. Словно кто-то задул пламя жизни в наступавшем на нас звере: он рухнул на лед, не дрогнув ни одним мускулом.

Надо сказать, что такой выстрел в нервный узел моментально парализует нервную систему у всех животных. И нам в этот раз действительно нельзя было ждать ни секунды; более лютого медведя в момент нападения я еще никогда не видел.

Это был опять крупный самец. Тяжеленная туша. И хоть мы оба не из слабых, мы еле-еле перевернули его, чтобы осмотреть рану от пули. Когда он лежал распростертый на льду, длина его от конца носа до конца задних лап равнялась трем метрам. Температура крови у него была 38,5° Ц, т. е. значительно выше

температуры крови у здорового человека, а также температуры тюленей, которую я измерял раньше.

Вскоре подоспели люди и поволокли зверя к судну, а мы с капитаном не спеша пошли назад.

Какая великолепная ночь! На севере над ледяной опушкой пламенеет солнце; северный горизонт представляет какую-то оргию красок и оттенков расплавленного золота и раскаленного пурпура. Весь небесный свод — гамма цветов от пурпурного до нежнейшего сиреневого на востоке и юге. А к западу, до самой Гренландии, бесконечные ледяные равнины с ледяными буграми и торосами, и между ними сверкающие пруды и полыньи.

Я сидел верхом на ледяной глыбе, очарованный этой роскошью красок, следя глазами за линией гор в глубине Гренландии. И вдруг чары были нарушены голосом капитана, звучавшим довольно сухо; он напомнил мне о фотографических пластинках, ожидавших меня на борту и наверняка успевших перемокнуть или пересохнуть. Мы пошли, держа курс на судно, но моим пластинкам, видно, суждено было еще посохнуть. Подойдя к «Викингу», мы увидели, что нам из дозорной бочки дают сигналы, и мы поторопились на борт. Оказалось, что с подветреной стороны от нас три медведя. Мы, разумеется, снова спустились на лед и, взобравшись на торос, увидали зверей. Это была медведица с двумя медвежатами — не та ли это, которую мы видели в воскресенье?

Мы пошли на медведей, но они уже заметили нас, и мы поскорее прилегли на лед. Поглядев на нас, медведица, однако, бросилась бежать, медвежата за ней. Мы влезли на ближайший высокий торос в надежде

застрелить оттуда зверей. Но медведи были уже далеко и удирали во все лопатки. Разве нам догнать этих быстроногих тварей? Когда у медведицы маленькие медвежата, она обычно делается осторожной и вообще избегает нападать, а, завидев людей, торопится скрыться. Нечего делать, пришлось нам вернуться на судно и лечь спать.

На другой день, в понедельник, 10 июля, я предпринял продолжительную прогулку по льду к ближайшему айсбергу. По нашим расчетам, мы находимся на 66°50′ с. ш. и 32°20′ з. д.; темп. +4° Ц; слабый ветер с NNO.

Когда в начале июля перед нами впервые открылось гренландское побережье, мы среди дрейфующих льдов под берегом видели много крупных айсбергов. С каждым днем мы все ближе и ближе подходили к этим айсбергам. Значит, они не дрейфуют вместе с морским льдом, но сидят на дне, и лед идет мимо них, или же у них свой особый дрейф.

На многих айсбергах я различал в подзорную трубу какие-то темные пятна; я думал, что это камни, увлеченные айсбергом с суши. А один айсберг был такой черный, что утром я принял его за остров. Он выпирал кверху, словно темная гора.

И с каждым днем мы все ближе и ближе подходили к этой горе; наконец я отчетливо увидел в подзорную трубу камни, крупные и мелкие, а также щебень.

Мне хотелось поближе взглянуть на этот айсберг, но до него было слишком далеко, и капитан считал неблагоразумным удаляться от судна на столь большое расстояние, даже по льду; здесь всегда может внезапно навалить туман.

Все ближе и ближе подходили мы к айсбергу, и 10 июля оказались от него в какой-нибудь миле (7 километров). Тогда я решил пойти посмотреть на него. Стояла чудесная погода (+4° Ц), дул легкий ветер с NNO; видимость была довольно хорошая.

Мне дали несколько человек из команды, и мы отправились. Почти везде лед был удобопроходимый, а где полыньи были слишком широки, мы тюленьим багром подтягивали к крупным льдинам несколько мелких и перепрыгивали по ним. Дошли до айсберга без всяких приключений.

Айсберг оказался очень крупных размеров; вершина подымалась над водою метров на 30—40. С одной стороны гора круто обрывалась вниз, образуя ближе к подошве небольшой уступ. С другой — кончалась большою, с отлогим спуском, площадкой, по которой были разбросаны камни, крупные и помельче. С третьей — шло довольно обширное, но невысокос нагромождение льдов с буграми, впадинами, торосами и сосульками. В некоторых впадинах тоже скопилось много камней и щебня.

Скопления камней и щебня на площадке, служившей подошвою крутому склону, больше всего напоминали моренные отложения. В ледяную стену были вкраплены камни, крупные и мелкие. Похоже было, что эта морена образовалась из камней и щебня, выпадавших из стены при ежегодном таянии льда.

Некоторые камни на этом айсберге были так крупны, что одному человеку их было не поднять. Немало камня и щебня носится по морю вместе с этими айсбергами, и немало возов можно было бы нагру-

зить тем материалом, который мы видели сегодня. Но, пожалуй, еще больше вмерзло в лед.

Нелегко было подняться на верхушку айсберга; почти всюду обрывы, уступы и лед довольно твердый, гладкий. Цепляясь за ледяные выступы руками и ногами, мы лезли наверх и, в конце концов, взобрались-таки туда, откуда открывался вид на ледяные просторы. Но с северо-востока надвигался густой туман. До судна было с милю, а итти по неровному льду в тумане не так-то легко. Скорей, скорей обратно на судно!

Спускаясь по склону, я захватил с собой несколько камней и на скорую руку зарисовал айсберг; но я не успел закончить набросок, — туман сгущался, и повалил снег.

Мы во всю прыть побежали к «Викингу». К счастью, туман скоро рассеялся, и мы благополучно вернулись на судно; капитан обрадовался, увидев нас целыми и невредимыми.

Взятые мною камни представляли большой интерес, так как в то время (в начале восьмидесятых годов) наука располагала еще очень небольшим количеством образцов камней, найденных на дрейфующих айсбергах.

Впоследствии я передал их профессору Т. Хьерульфу, и некоторые из этих камней исследовал под микроскопом его ученик М. Отто Герман.[1] Большей частью это были камни вулканических горных пород:

---

[1] См. Otto M. Herman, Beschreibung von grönlandischen Gesteinen. Nyt Magazin for Naturvidenskaberne, Bd. 28, Kristiania, 1884. *Прим. автора.*

два вида мелкозернистого диорита, несколько миндальных камней и один эпидот, а, кроме того, довольно крепкий кирпично-красный песчаник.

Эти камни, очевидно, принесены с более северной части гренландского побережья, около которого произошел «отел» этого айсберга.

Всего вероятнее, что они залегали в более глубоких слоях глетчера, и сползающие вниз ледяные массы увлекли эти камни, или произошел обвал на соседней горе над ледяным потоком; возможно также, что эти камни принесены ледяными потоками из неисследованных внутренних областей страны.

Между геологами существуют большие разногласия относительно способности айсбергов, дрейфующих в море, переносить на себе столь внушительное количество продуктов распада горных пород, что они в древние времена могли сыграть весьма значительную роль при образовании донных отложений и банок.

Виденный нами айсберг указывает на то, что во всяком случае некоторые айсберги могут переносить на себе большое количество каменного материала. А когда такой айсберг тает в море или опрокидывается, камень и щебень погружаются в воду и отлагаются на морском дне. И так как ежегодно множество таких айсбергов с каменным грузом передвигалось водным путем с места на место, то «в течение времен» были таким образом перенесены колоссальные массы каменного материала, который постепенно оседал на дно Атлантического океана в тех областях, где дрейфовали айсберги. В морских отложениях прежних периодов мы тоже находим большие камни; они, по всей вероятности, были принесены айсбергами, дрейфовав-

Восточный берег Гренландии около «Бухты ужаса»

шими в море, на дне которого находятся теперь эти отложения.

Утром 11 июля стояла чудеснейшая погода, солнце грело по-летнему. В тени было шесть градусов тепла. Я гулял по палубе в туфлях и без куртки, жарился на солнце и вспоминал наше норвежское лето; вдруг вижу — недалеко от судна медведь! Я бросился к капитану, и мы, в чем были, сбежали на лед.

Медведь с увлечением пожирал старые тюленьи туши, разрывая их зубами и когтями. По большим плоским льдинам мы подходили к нему, оставаясь незамеченными.

Вскоре мы были уже на выстрел; ждем, чтобы зверь обернулся. Но он, повернувшись к нам задом, потрусил в другую сторону.

Мы поспешили за ним и достигли более удобной дистанции; однако он продолжал удирать, не замечая нашего преследования.

Тогда мы свистнули. Ну, наконец-то, оглянулся! Потом повернулся к нам боком. Капитан выстрелил, а из моего ружья раздался сначала треск, потом свист, потом выстрел, — но пуля прострелила лишь воздух. Патрон отсырел; он, должно быть, лежал у меня в кармане, когда я искупался недавно в воде.

Но куда же девалась капитанская пуля? Медведь обернулся вокруг себя, пробежал шагов сорок нам

к югу от 67° с. ш. (Набросок 11—12 июля 1882 года.)

навстречу и остановился. Я все-таки успел вставить новый патрон и спустить курок; опять треск, свист и затем уже выстрел... Медведь, однако, упал мертвым, как камень.

Оказалось, что капитанова пуля пробила ему оба легких и сердце, а доконал его, должно быть, треск моего ружья, так как нигде на его шкуре мы не нашли и следа какой-нибудь другой пули.

Мы уложили этого медведя в полдень; это был первый мишка, убитый нами среди белого дня; обычно звери подходили к судну по вечерам или уже под утро.

Взяв несколько хороших высот солнца, мы установили, что находимся на 66°38′ с. ш. и 32°32′ з. д. Дрейф изменил направление; он идет теперь вдоль суши на юго-запад, и с 9 июля нас отнесло в этом направлении примерно на 14 морских миль; дрейфовали мы, стало быть, со скоростью 7 миль в день. Быть может, это предвещает скорое изменение ледовых условий. Нельзя было объяснить такое изменение направления дрейфа каким-либо изменением ветра. Правда, с севера и с NNO задувал слабый бриз, но ведь он дул уже целый месяц, а сегодня как раз наступило полное безветрие.

Мы все еще на том же расстоянии от земли, что и раньше, — милях в 25—30 от берега.

По вечерам, на закате, особенно ясно вырисовываются все детали ландшафта в глубине страны, если только это не марево, придающее земле всевозможные причудливые формы.

Сначала я тщательно обозрел в подзорную трубу все видимое ледяное пространство. Мне хотелось убедиться, что вокруг нет медведя. После этого я принялся за рисование.

На палубе внизу полная тишина; команда давно уже спит, и только Баллон — вахтенный — вяло бродит взад и вперед по деку.

Я с головой ушел в работу: рассматривая в подзорную трубу контуры гор и долин внутри острова и зарисовывая их, я совершенно позабыл о том, где я. Вдруг слышу громкий возглас Баллона:

— Гляди! Гляди! Медведь!

Я вскочил и выглянул за край бочки: Баллон стоит на баке и показывает пальцем вниз; действительно, у форштевня «Викинга» медведь. Карандаш и рисовальный альбом полетели из бочки, и сам я спустился по тросам на палубу с такой быстротой, что чуть не содрал себе кожу с ладоней. Очутившись внизу, я побежал за ружьем и патронами.

В дверях каюты я натолкнулся на капитана, который тоже услышал громкий возглас Баллона. Схватив ружья, мы оба спустились на лед.

Медведь, испугавшись крика Баллона, удрал. Отойдя немного от судна, мы увидели сразу двух медведей; второй зверь, видимо, бродил где-то поблизости, а теперь оба трусцой удалялись от нас.

Расстояние было очень велико, и нагнать уже мало было шансов, но попытаться подстрелить их все-таки

стоило. Услышав выстрел, они, однако, побежали еще шибче, мы изо всех сил за ними.

Капитан вскоре отстал: он был слишком тяжело одет. Я же налегке — в сандалиях и шерстяной фуфайке — и рассчитывал гнаться довольно долго.

Бегу за ними вдогонку, перепрыгивая с одной плоской льдины на другую. А медведи уходят все дальше и дальше от меня, и так как на судне уже не раз выбрасывали сигнал, чтобы я вернулся, пришлось мне прекратить погоню.

После этого капитан не раз подшучивал надо мной:

— Ну и хорош же у меня дозорный в бочке! Медведи около судна у него под самым носом, а он не видит!

12 июля было еще теплее: в полдень +8° Ц, безоблачное небо, ни малейшего ветерка—настоящее лето.

Теперь нас относит к югу; сегодняшние наблюдения показали, что мы на 66°28′ с. ш. и 32°35′ з. д. Это значит, что мы за одни сутки продвинулись примерно на десять морских миль к югу. Следовательно, дрейф определенно изменился; но не ветер вызвал это изменение, — стоит полный штиль, и барометр на одной и той же высоте.

Вторник, 13 июля. Такая же прекрасная погода, но еще теплее. В 12 часов дня +10° Ц. Высота, взятая в полдень, показала 66°20′ с. ш., а долгота примерно 32°40′ з. д. Сегодня мы на 8 морских миль южнее вчерашнего. Это сулит какое-то изменение погоды.

На другой день (14 июля) почти так же тепло, но погода как будто меняется: задувает с SO и с SSO, небо затянулось облаками, видимость плохая.

Я измерил температуру на различных глубинах и получил следующие цифры:

на поверхности +1,3° Ц; на глубине 10 саж. (18 метров) —1,4° Ц и на глубине 20 саж. (37 метров) —1,5° Ц.

Эти цифры дают некоторое понятие о процессе таяния льда. Более глубокий и холодный водный слой, — очевидно, полярная вода, приносимая льдом и течением с севера; в ней лед не может таять в сколько-нибудь значительной степени, так как температура ее лишь на несколько десятых градуса выше точки замерзания. Тонкий поверхностный слой (в метр-два глубины) нагревается летом под влиянием солнечных лучей до +1° и даже +2° Ц, и этот слой отчасти состоит из талой воды.

Эта теплая поверхностная вода, все время нагреваемая солнцем, вызывает сильное обтаивание краев льдин как на уровне поверхности воды, так до некоторой степени и под водой, где глубоко разъедает лед. В результате этого подводная часть льдин образует широкую «подошву», уходящую вглубь ниже теплого поверхностного водного слоя; подточенные надводные края льдин несколько выступают.

В то же время солнечные лучи разъедают поверхность льдины, а также находящиеся на ней ледяные нагромождения и торосы, и много воды стекает со льдин в море. Вследствие этого льдины становятся легче, и так как они с нижней подводной стороны обтаивают слабее или совсем не обтаивают, то, естественно, подымаются из воды больше, а выступающие края их все выше над водою. Но вместе с тем эти края, постепенно утончаясь, становятся предательски

хрупкими: ступишь на них, переходя по льдинам, и — провалишься.

В конце концов выступающие края льдин совсем исчезают, в то время как поверхностный слой теплой воды все глубже и глубже въедается в льдины, «подошвы» которых становятся все длиннее.

Ходить по такому льду бывает довольно трудно, так как между надводными краями льдин образуются большие промежутки, — торчащие под водой «подошвы» не дают льдинам сомкнуться плотнее. При переходе с одной льдины на другую приходится брести по этим «подошвам» по колено в воде, конечно, если не подвернется плывущая льдина, на которую и с которой можно перескочить.

А медведей что-то совсем не видно больше; с вечера 11 июля, когда я сидел в дозорной бочке, вблизи не появлялся ни один зверь. Наконец, сегодня к вечеру из бочки дали знать, что невдалеке появился здоровенный мишка. Мы поднялись в бочку осмотреть лед впереди и взять точный пеленг, а затем отправились на охоту. С нами пошел Пауль, один из матросов.

Шли мы как будто долго, а медведя все нет как нет. Странно. Мы давным-давно должны были бы достигнуть того места, где видели с судна медведя. Из бочки наконец сигнализировали нам направление, и мы обнаружили-таки зверя.

Штурман, сидевший в бочке, потом рассказывал нам, что медведь давно заметил нас, да все время уклонялся в стороны. Не зная этого, мы долго лежали на торосе, чтобы оттуда, по нашему обыкновению, наблюдать за ним. Стрелять-то, конечно, уже было

можно сразу, но мы, как всегда, ждали, чтобы зверь подошел поближе. А медведь бродил себе туда и сюда, оглядывая нас с разных сторон; он оказался более подозрительным, чем все предыдущие медведи, видевшие в нас лакомый кусочек. И здоровенная скотина!

Скрывшись за торосистой льдиной, он показался снова через некоторое время уже вне прицела. Попросту удирал от нас, да еще как шибко!

Что ж, будем догонять. Мы побежали, укрываясь, где можно, за торосами.

Впопыхах я совершенно забыл о коварных подтаявших краях льда, которые далеко выступают над водой, но сверху кажутся вполне надежными.

Я добрался до широкой полыньи; ее было трудновато перескочить. Я прыгнул во весь мах, но край льда подломился, и я — бултых — очутился в полынье.

Я кинул ружье на льдину, но оно соскользнуло с высокого края. Я, однако, успел подхватить его на лету и забросил подальше, а сам поплыл к более низкому краю, где легче было выкарабкаться.

Быстро осмотрев дуло и затвор, я продолжал погоню. Патроны в кармане вряд ли пострадали, так как у них цельные медные капсюли с фальцованным краем и они хорошо смазаны салом.

Тем временем капитан немного обогнал меня. Увидев, что я своими силами выбрался из воды, он перепрыгнул полынью в более удобном месте и побежал дальше. К счастью, я и в этот день был легко одет, без куртки, только в шерстяном свитере и в сандалиях, так что вода стекла с меня довольно быстро. Вскоре я наверстал свое отставание, и когда

Я приготовился к новому прыжку, стараясь сохранить равновесие, как вдруг у маленькой глыбы впереди меня показалась могучая голова медведя. Вот его передние лапы уже на краю льдины...

медведь стал огибать нагромождение льдин, я пустился напрямик. Выглянув из-за гребня тороса, я увидал прямо перед собой медведя. Момент — и мое ружье у щеки, но мишка оказался проворнее меня и мигом бросился в воду. Пуля попала ему в зад в тот момент, когда он погружался.

Я перелез через торос и побежал к краю полыньи, чтобы застрелить мишку в воде, но он исчез. А-а! Вон там, далеко, в голубой глубокой воде белеет какая-то масса. Но полынья была длинная, разве угадаешь, где он вынырнет из воды. Надо перебраться на ту сторону. И как раз посредине полыньи две ледяные глыбы, которыми можно воспользоваться.

Размашистый прыжок — и я на первой глыбе; она выдержала меня; я приготовился к новому прыжку, стараясь сохранить равновесие, как вдруг у маленькой глыбы впереди меня показалась мощная голова медведя. Вот его передние лапы уже на краю льдины... Еще момент — он прыгнет на меня. Продолжая балансировать, я приложил ружье к щеке и выстрелил; пуля попала зверю прямо в грудь, и он, полуживой, стал погружаться в воду. Я ухватил его за ухо и придержал. Вскоре он издох. Я еще впервые видел, что медведи тонут в воде. В это время года они обычно так упитаны, что, издохнув, всплывают на поверхность.

Мои два товарища поспешили мне на помощь. Капитан сказал, что он страшно испугался, увидев, как медведь вынырнул из воды чуть ли не у моих ног, а я стоял еще не настолько устойчиво, чтобы стрелять. Ему казалось, что в следующий момент мы оба окажемся в воде. А сам он стрелять не смел, так как мои ноги загораживали медвежью голову.

Но каким способом достать медведя из воды? У нас нечем было вытянуть его, кроме моего кожаного пояса, слишком короткого. Все-таки я обвязал этим ремнем медвежью шею, и мы отбуксировали зверя по воде к бухточке неподалеку. Теперь нечего было бояться, что он утонет, так как мы втащили его на подводную «подошву» льдины. Медведь оказался из самых крупных, убитых нами за это время. На теле его мы нашли много больших шрамов от старых ран, нанесенных ему ударами когтистых лап в схватках с другими медведями.

До судна было далеко, и подмога могла подойти к нам не скоро. Решено было тем временем освежевать зверя. Но мне не позволили принять участие в этой работе. Капитан сказал, что раз я промок, мне надо немедля вернуться на судно и там переодеться в сухую одежду.

Как ни нелепо это было, по моему мнению, я повиновался, передал ему свой разделочный нож и покорно направился к судну. Недаром, однако, говорят, что добродетель вознаграждается! На пути к «Викингу» я увидел на льду довольно далеко трех наших людей; двое из них, насколько я мог разглядеть, были с ружьями. Куда же это они? .. Когда я подошел к судну, мне из бочки крикнули, что люди пошли на медведя, но что я все равно не поспею, так как они уже на выстрел от зверя. «Ну, и пусть, — подумал я, — с меня хватит на сегодня; пусть себе берут того медведя».

А затем из бочки дали знать, что там целых три медведя. Ну, это уж чересчур! Одного зверя я им уступил бы, но из трех один по справедливости должен достаться мне; и я снова побежал по льду.

Раз я уже вымок, не имело смысла обходить полыньи; и если через них нельзя было перепрыгнуть, а под водой торчала ледяная «подошва», я переходил по ней «вброд»; не было «подошвы» — пускался вплавь. Благодаря этому мой путь значительно сократился.

Вскоре я догнал наших ребят. Они лежа поджидали медведя, который шел прямо на них. Я присел на ледяную глыбу поодаль и чуть позади, чтобы не мешать им. Но заметил, что один из стрелков обер-

нулся, посмотрел на меня и шепнул что-то своему товарищу; они, видимо, испугались, как бы я не опередил их, и поспешили выстрелить, но только ранили зверя, который пустился наутек. Посланная мною пуля пробила грудь убегавшего зверя; он упал, но снова поднялся и побежал. Я за ним; вдруг он повернулся и пошел мне навстречу. Пуля в голову уложила его на месте.

Теперь очередь была за следующим медведем. Нам дали сигнал из дозорной бочки. Мы пошли в указанном направлении и сразу же увидали медведя, который лакомился тюленьей тушей; он был так занят, что не заметил, как мы подкрались на приличную дистанцию. Я не вполне был уверен в меткости моих товарищей и не хотел подходить ближе, полагая, что можно попасть и с этой дистанции.

Я свистнул, чтобы медведь поднял голову, — никакого результата. Еще раз — с тем же успехом. Тогда я свистнул изо всей силы. На этот раз зверь поднял голову. Я приложился и спустил курок.

Одновременно выстрелили двое остальных. Медведь заревел и повалился навзничь в воду. Я подбежал к краю полыньи в полной уверенности, что зверю влепили сколько следует, и стал преспокойно ждать, чтобы он доплыл до другого края. Там я его и прикончу, когда он вылезет на лед; это избавит нас от труда вытаскивать его из воды.

Но и на этот раз я сильно просчитался: медведь был хитер и вылез из воды за торосистой льдиной; под ее прикрытием он с легкостью кошки выпрыгнул на лед и убежал. А я остался с длинным носом; ничего не оставалось, как послать ему пулю в зад, — конечно, даром.

Я пустился вдогонку. Улаф Хольместрандинг, у которого не было ружья, а лишь тюлений багор, побежал за мной, но отстал у первой широкой полыньи, через которую нельзя было перепрыгнуть. А я бросился в воду и поплыл на другую сторону.

Улаф покатился со смеху; такого способа преследования медведя он еще не видал. Но, захотев перещеголять меня, он притянул к себе багром небольшую льдину, плывшую по полынье, и прыгнул на нее. Теперь настала моя очередь посмеяться: Улаф шлепнулся на край льдины руками и грудью, а ноги по пояс утопил; высокие непромокаемые сапоги доверху наполнились водой. Началось выливанье ее из сапог. Ну, мне недосуг было дожидаться конца. Улаф ревел мне вслед, чтобы я не уходил от него: у него ведь нет ружья, как же ему оставаться тут одному с медведями. Я посмеялся над ним и побежал своей дорогой.

Бегу по льду, то нагоняя медведя, то отставая от него. Потом уж я узнал, что моя пуля все-таки попала в него, но я по ошибке взял патрон с пустотелой пулей, какими обычно бил тюленей; эта пуля причинила лишь большую рваную рану, мало беспокоившую зверя. Но из раны струилась кровь, и по кровавому следу легко было гнаться за медведем, даже когда он укрывался за торосами.

Погоня шла с одной льдины на другую. Медведь, если не в состоянии был перепрыгнуть через очень широкую полынью, бросался вплавь, и я нагонял его на изрядное расстояние. А потом я сам оказывался у полыньи, приходилось мне переплывать ее, и тогда он уходил далеко вперед.

Миля за милей оставались позади, а зверь все не выдыхался. Но когда мы пробежали уж четыре мили, он начал делать петли, а я бежал напрямик; это помогло.

Видно, он начинал уставать, и я замедлил бег. Затем он скрылся за торосом, а я, воспользовавшись этим прикрытием, снова кинулся во всю прыть; он заметил мою уловку и тоже прибавил ходу, но спустя некоторое время опять замедлил бег.

Наконец я нагнал его на выстрел и прострелил ему грудь. Он сделал несколько скачков и рухнул на лед. Пуля, поразившая его за ухом, положила конец его страданиям; это был мой последний патрон.

Теперь я оказался один-на-один с мертвым медведем. Перочинный ножик — вот все мое оружие; свой разделочный нож я ведь отдал капитану.

Прежде всего надо сигнализировать на судно о помощи. На горизонте вырисовывались только мачты. Я вскарабкался на самый высокий торос и стал махать шапкой, насаженной на ружейное дуло.

Потом принялся свежевать медведя перочинным ножом. Тяжелая это была работа; голову и лапы надо было подрезать снизу так, чтобы они, как это полагается, отделились вместе со шкурой.

Но терпение и старание преодолевают все. И я как раз успел кончить работу, когда услыхал, что меня окликают. Я влез на торос и стал осматриваться. Ну да, это Улаф спешил «на битву после сечи». Он бежал изо всех сил, гонимый страхом повстречать медведей, и, догнав меня, сиял от счастья. Вооружен он был только тюленьим багром, концом веревки, разделочным ножом да пачкой патронов.

Затянув медвежью шкуру веревкой Улафа, мы взялись за лямки и поволокли ее. Такая шкура с салом очень тяжела, и мы с большим трудом волочили ее по льду.

Не успели мы пройти небольшое расстояние, как встретили людей, высланных нам на подмогу; мы с удовольствием передали им шкуру, а также мое ружье и патроны Улафа, чтобы у них было оружие на случай встречи еще с одним медведем.

Мы же с Улафом пошли вперед налегке: довольно мы потрудились на сегодня. Всю дорогу Улаф не переставал восхищаться моим способом пересекать полыньи; минуты, когда он оставался сидеть один на льдине с парой непромокаемых сапог в руках, видимо, оставили в его душе глубокий след.

Вскоре мы встретили посланца от капитана с пивом и закуской. Трогательная заботливость! После такой длительной пробежки мы с Улафом воздали должное закуске и в особенности пиву.

Оказывается, что капитан и кто-то из команды наблюдали из дозорной бочки в подзорную трубу за моим бегом и плаванием взапуски с медведем. Много потом было на эту тему разговоров.

На судне я узнал, что третий медведь подходил близко к тому месту, где мы встретили зверя, убитого нами напоследок. Но теперь он убежал уже так далеко, что не стоило гнаться за ним. А надо было бы прихватить и его. Тогда у нас составилось бы ровно два десятка шкур, снятых с убитых нами медведей. Теперь же было всего девятнадцать.

Это была наша последняя медвежья охота. На другой день (15 июля) стояла почти такая же погода, как

накануне, но с запада потянул ветер, небо покрылось облаками, и временами наваливал туман, так что видимость была плохая.

Вполне очевидно, что нас довольно сильно отнесло к югу: теперь дрейф, видимо, слабее, и лед как будто начинает расходиться; вокруг нас образовалось много разводий.

Воскресенье, 16 июля. Дрейф, повидимому, попрежнему слабый; согласно произведенному раньше наблюдению по секстану, мы находимся, примерно, на 66° с. ш. и 33°5′ з. д. Стоит все такая же туманная погода с плохой видимостью, ветер слабо тянет с NO и N. Лед разрушается все больше, но чистой воды не видно еще ни в каком направлении.

ДРЕЙФУЮЩИЙ ЛЕД И ТЕЧЕНИЯ В ДАТСКОМ ПРОЛИВЕ

НУ, И УДИВИТЕЛЬНЫЙ же это был дрейф! В течение первых двух недель (с 25 июня по 9 июля), когда мы лежали, затертые льдами, нас относило примерно на WNW и W по направлению к берегу; а затем, без всякой видимой внешней причины, дрейф резко изменил направление, и нас еще быстрее стало относить на SSW и S. Этот дрейф, а тем более внезапное изменение направления его, происшедшее приблизительно 10 июня, ни в коем случае не могли быть вызваны слабым ветром, дувшим в этот период в области льдов.

В течение 12-дневного дрейфа на запад (с 27 июня по 9 июля) дул совсем слабый ветер, большей частью

с NO и N. Если выразить силу ветра баллами, оценивая слабый бриз 1 баллом и ураган 6 баллами,[1] то сила ветра в этот период равнялась большей частью одному баллу.

Среднее направление ветра за эти двенадцать дней было N 9° O, а величина равнодействующей ветра составляла 1,2 балла.

На карте, помещенной на стр. 297, направление и величина равнодействующей ветра обозначены стрелкой.

По карте видно, что ветер дул приблизительно под прямым углом к линии нашего дрейфа.

В течение следующей недели (с 10 по 16 июля), когда дрейф имел направление к югу и нас несло туда с большей скоростью, чем в предшествующие дни на запад, ветер стал еще слабее, и несколько дней стоял почти полный штиль. Равнодействующая ветра в этот период была N 20° O, 0,4 балла. Это показано на карте короткой стрелкой. Ветер такой силы никоим образом не мог вызвать изменения дрейфа.

Точно так же нельзя допустить, что в районе льдов ближе к открытому морю ветер имел совершенно другое направление и силу; этого нельзя заключить и из записей в вахтенном журнале судна «Утро», с которыми я имел случай ознакомиться. Судно это находилось у кромки льдов в то время, когда мы дрейфовали

---

[1] В настоящее время мореплаватели всех стран оценивают силу ветра по 12-балльной шкале (так называемой шкале Бофорта), в которой самому слабому ветру отвечает 1 балл. а урагану — 12 баллов. В свое время в некоторых странах (в том числе и в Норвегии) была в употреблении 6-балльная шкала для глазомерной оценки силы ветра. *Прим. ред.*

во льду. В этом районе не наблюдалось никаких резких колебаний ветрового режима, которыми можно было бы объяснить изменение дрейфа; кроме того, такие колебания, конечно, оказали бы влияние на ветер и в той области, где мы находились; между тем барометр стоял здесь в это время неподвижно и высоко. Например, 12 и 13 июля у кромки льдов стоял штиль, и у нас тоже.

Отсюда следует, что ледовый дрейф и изменения его направления были вызваны не непосредственно ветром, а морским течением, которое — несколько южнее 67° с. ш. — стало относить лед сначала медленно на WNW и W к берегу, а затем под берегом завернуло к югу.

Поразительно, что нас относило к тому самому месту на восточном побережье Гренландии, куда 1 января 1870 года прибило льдину с командой «Ганзы»; в память пережитых мук и страданий команда «Ганзы» назвала это место «Бухтой ужаса».

Ведь нельзя же объяснить случайностью тот факт, что и команда «Ганзы» придрейфовала к берегу именно в этой области и что затем скорость дрейфа сильно замедлилась.

На картах на страницах 297 и 446 показан ледовый дрейф команды «Ганзы».[1] Средняя скорость этого

---

[1] Определения местонахождения судна во время дрейфа не совпадают с картой восточного побережья Гренландии, составленной Амдрупом в 1898—1900 годах, так как они указывают определенно на берега «Бухты ужаса» и дальше к югу на остров Лейва. Хронометр команды «Ганзы» во время этого дрейфа на льдине, вероятно, испортился, показывал время неточно, а именно: 1 января 1870 года он, повидимому, спешил

дрейфа в промежутки между днями, когда производились астрономические наблюдения, такова:

С 5 по 13 ноября	8,0	морских	миль	в	сутки	в	направлении	S	30°	W
„ 13 „ 19 „	15,8	„	„	„	„	„	„	S	38	W
„ 19 „ 21 „	11,0	„	„	„	„	„	„	S	4	O
„ 21 „ 27 „	8,6	„	„	„	„	„	„	S	49	W
С 27 ноября по 5 декабря	4,4	„	„	„	„	„	„	N	56	W
С 5 декабря по 13 декабря	4,0	„	„	„	„	„	„	N	65	W
С 13 декабря по 20 декабря	3,5	„	„	„	„	„	„	S	75	W
С 20 декабря по 27 декабря	5,0	„	„	„	„	„	„	S	69	W
С 27 декабря по 8 января	4,1	„	„	„	„	„	„	S	63	W
С 8 января по 12 января	19,0	„	„	„	„	„	„	S	43	W
С 12 января по 18 января	3,0	„	„	„	„	„	„	S	18	O
С 18 января по 6 февраля	1,9	„	„	„	„	„	„	S	63	W
С 6 февраля по 16 февраля	8,0	„	„	„	„	„	„	S	58	W

18 января и 16 февраля астрономически была определена только широта (65°35′ с. и 64°34′ с.); кроме того, было установлено, что 18 января судно находилось на расстоянии примерно 18 морских миль от берега, а 16 февраля — на расстоянии 10 морских миль.

на полторы минуты и указал долготу примерно на 25′ западнее. На картах, помещенных на страницах 297 и 446, я соответственно исправил неточности указаний местонахождения судна во время этого дрейфа. *Прим. автора.*

Дрейф «Викинга» в среднем был таков:

С	2	по	9	июля	5,9	морской мили в сутки в направлении					N	86°	W
„	9	„	11	„	4,7	„	„	„	„	„	S	24	W
„	11	„	12	„	10,0	„	„	„	„	„	S	6	W
„	12	„	13	„	8,2	„	„	„	„	„	S	14	W

Эти два дрейфа обнаруживают знаменательные совпадения. При движении на запад, в направлении к берегу, скорость того и другого дрейфа была относительно замедленной; «Викинга» относило лишь немного быстрее (5,9 морской мили в сутки), чем команду «Ганзы» (в среднем, 4,1 морской мили в сутки); когда же дрейф принял направление на N и SSW, скорости значительно увеличились: команду «Ганзы» относило на целых 19 морских миль в сутки, а дрейф «Викинга», замедлившийся у поворотного пункта (примерно, 10 июля), ускорился после того, как он определенно повернул на SSW, достигнув 10—8,2 морской мили в сутки.

Такое совпадение особенно знаменательно потому, что команду «Ганзы» относило на льдине среди зимы, когда шторм и свежий бриз — частые явления, нас же относило с несколько большей скоростью на запад в летнюю пору, при слабом ветре. Повидимому, режим течений в этой области одинаков и не зависит в существенной степени от ветра.

Сравнивая дрейф команды «Ганзы», изменения его скорости и направления со сделанными во время этого дрейфа записями о направлении и силе ветра, мы находим, что хотя ветры и могли оказывать некоторое непосредственное влияние на изменения дрейфа, но, в общем, не имели для них решающего значения.

Главной причиной с виду капризно-изменчивого ледового дрейфа в этой области являются, повидимому, морские течения с их сложными завихрениями. Можно почти с уверенностью утверждать, что направления этих морских течений и их изменения зависят на значительном протяжении от конфигурации морского дна.

На основании промеров, произведенных в этой области, я сделал попытку начертить карту, показывающую рельеф дна в Датском проливе. К сожалению, в области около Гренландии промеров было сделано относительно мало; там глубины были определены лишь в нескольких местах, так что кривые не удалось провести с желаемой точностью, и они на значительном протяжении нанесены только приблизительно. Все же эти кривые дают приблизительное представление о протяжении банок и о тех местах, где дно круто обрывается на большую глубину.

На этой же карте я нанес ледовые дрейфы «Ганзы» и «Викинга».

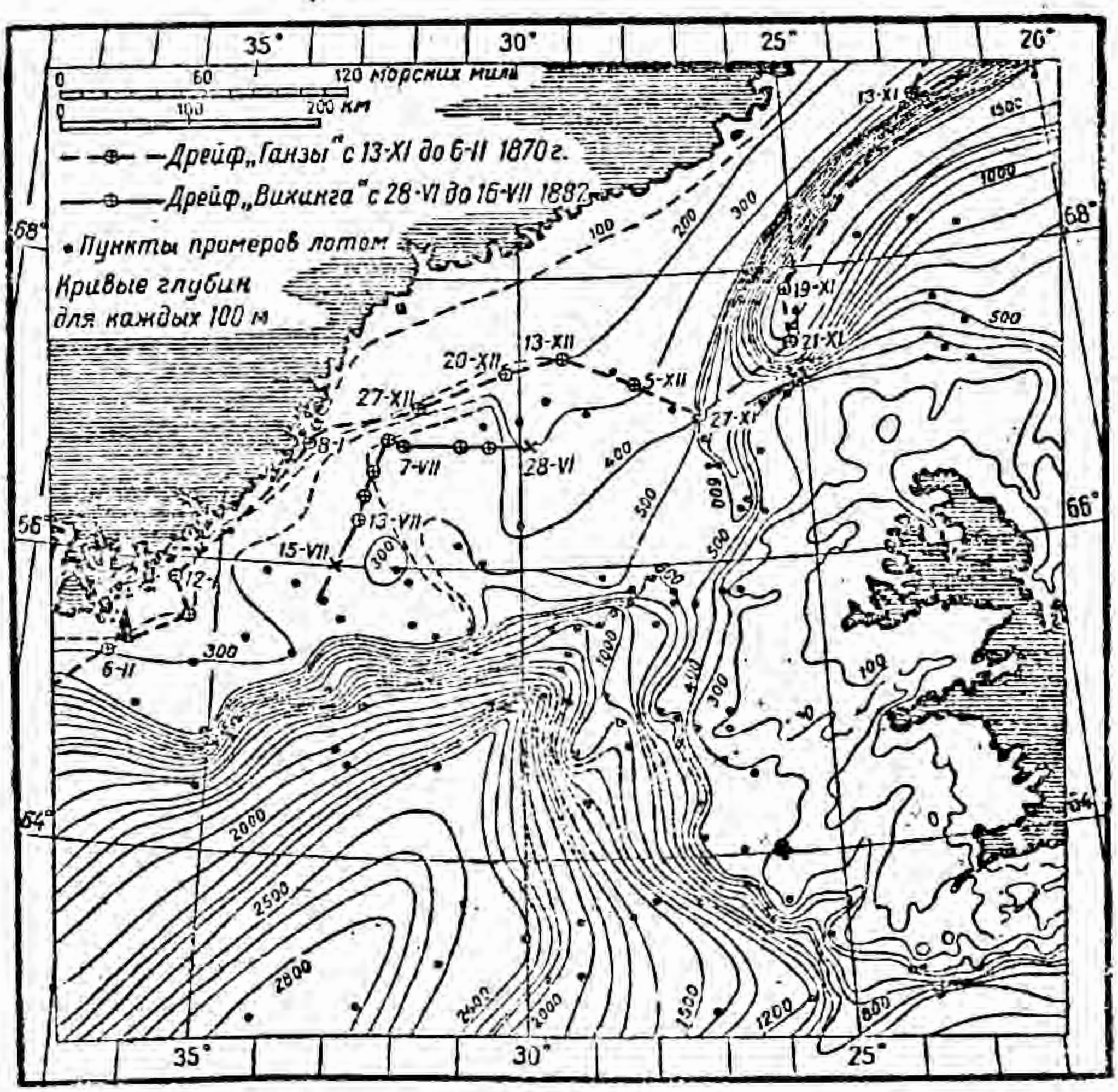
Мы видим, что с 13 по 19 ноября юго-западный дрейф команды «Ганзы» происходил приблизительно по краю жолоба глубиной в 1500 метров, который вытянут с северо-востока на юго-запад и кончается в Датском проливе между Исландией и Гренландией. Но этом участке дрейф обнаруживал большую скорость: 15,8 мили в сутки.

Но затем дрейфующие льды приблизились к концу этого глубокого жолоба, скорость с 19 по 21 ноября упала до 11 морских миль в сутки, и дрейф повернул на юг, проходя, повидимому, вдоль края жолоба. Это изменение скорости и направления дрейфа можно,

однако, объяснить тем, что в указанные два дня дул свежий юго-западный, то есть противный, ветер.

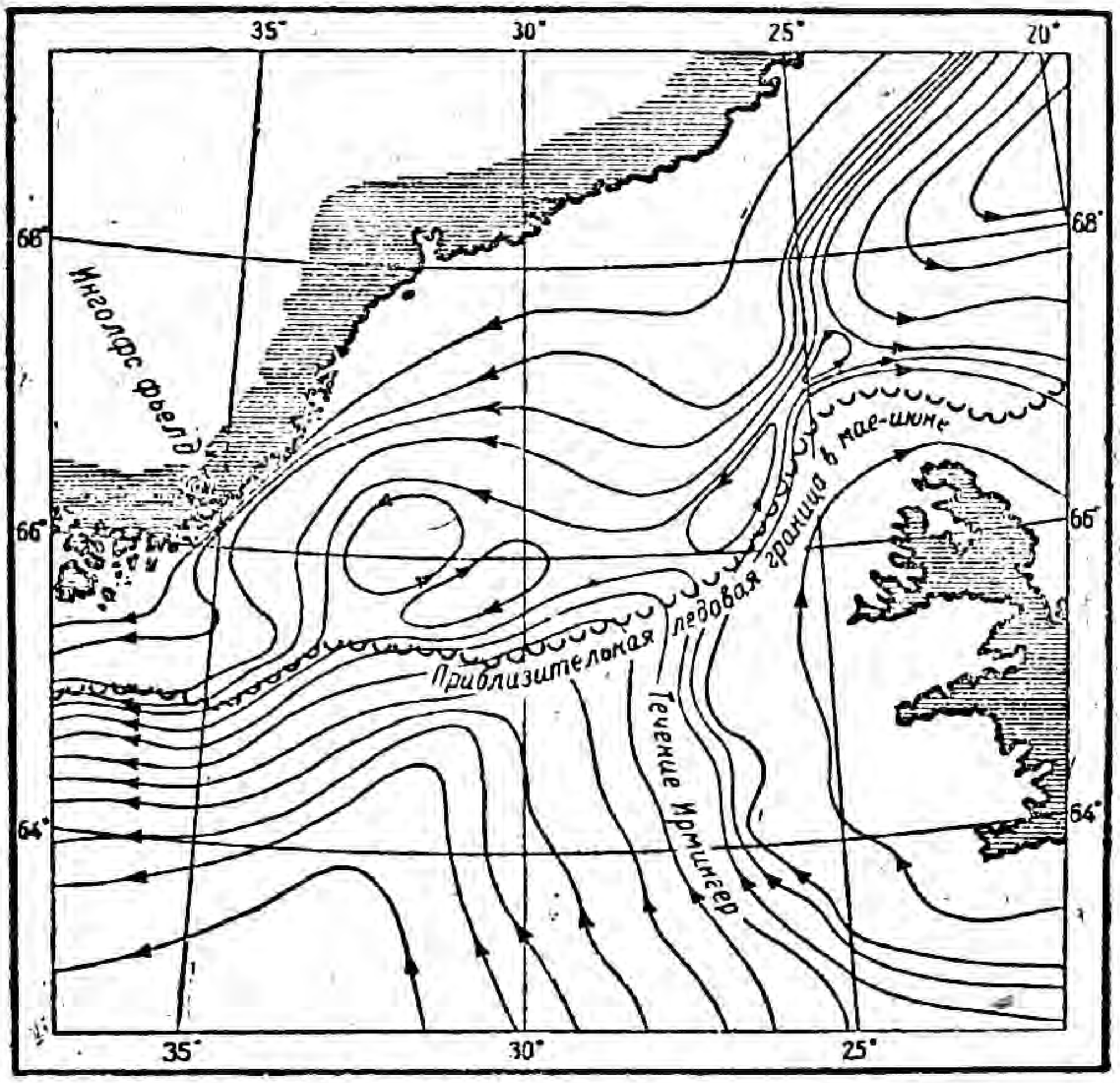
Но затем море в южном направлении внезапно мелеет; в соответствии с этим скорость дрейфа в этой области падает до 8,6 морской мили в сутки (с 21 по 27 ноября), он поворачивает на запад и в течение шести дней остается, в среднем, юго-западным. Такое уменьшение скорости дрейфа нельзя объяснить ветром, так как ветер дул с северо-востока, притом с приблизительно той же силой, как и в предыдущие шесть дней (13—19 ноября). Профессор Вальфрид Экман, основываясь на своих вычислениях, утверждает, что морские течения северного полушария, движущиеся к областям с уменьшающимися морскими глубинами, повидимому, отклоняются вправо, но в областях с возрастающими глубинами — влево, и такое явление наблюдается даже там, где море имеет значительную глубину. Необходимое условие для таких отклонений — достаточный простор, чтобы течению было куда отклониться. Следовательно, в тех случаях, когда море в направлении течений мельчает, течение должно обнаруживать тенденцию к отклонению вправо.

После 27 ноября дрейф еще сильнее отклонился вправо и принял направление на WNW. В этом направлении глубина моря все уменьшается; кроме того, западному дрейфу могло, до некоторой степени, способствовать то обстоятельство, что в течение четырех дней (с 29 ноября по 2 декабря) дул свежий восточный ветер. Но дальнейший дрейф в направлении на WNW и W (после 2 декабря) нельзя уже объяснять действием ветра.



Рельеф морского дна в Датском проливе

В этой области, очевидно, играет роль и другой важный фактор, а именно: ледовый поток встречает теплое течение Ирмингера, идущее на север вдоль края широкой отмели к западу от Исландии. Так как морское дно под этим направленным на север течением образует банку, то течение должно было бы обнаруживать тенденцию к отклонению вправо; однако здесь мало места, и поэтому лишь небольшая ветвь течения отходит на NO и O, огибая Исландию с севера.



Течения в Датском проливе

Главная же водная масса теплого течения остается на южной стороне наиболее высокой подводной гряды пролива, глубина которого над седлом гряды равняется 500—600 метрам, и вынуждена повернуть на запад, а затем на юго-запад вдоль гренландской отмели. Водные массы Полярного течения, проходящего севернее, тоже вынуждены около этой гряды повернуть на запад, в результате чего здесь образуется большое вихревое движение. На северной стороне области

вихревых движений ледяные массы поворачивают через банки на запад к гренландскому побережью, и скорость течения становится здесь относительно небольшой, так как водные массы холодного течения низвергаются по склонам банок и разливаются по более значительной площади. Но под берегом течение снова суживается, и скорость дрейфа вдоль берега по направлению к SW и SSW значительно возрастает.

К сожалению, мы располагаем лишь очень малым числом промеров на банках; вероятнее всего, что дно здесь очень неровное, изрезанное множеством подводных долин и фиордов, подобно самому побережью. Я склонен думать, что изобаты[1] 200 и 300 метров, а может быть и изобата 400 метров здесь, в общем, поворачивают на запад по направлению к берегу, а под берегом снова на SW и S, еще южнее эти линии вновь поворачивают к морю.

Если это верно, то дрейф команды «Ганзы» и наш дрейф следовали по главному стрежню течения вдоль окраины банок, ограниченных этими изобатами.

После того как команду «Ганзы» несло с большой скоростью (19 морских миль в сутки) вдоль берега на SW и 12 января 1870 года она оказалась южнее 66° с. ш., дрейф вдруг резко замедлился; до 18 января льдину, на которой находилась команда, повидимому, медленно относило к морю на SSW со скоростью всего лишь 3 морских мили в сутки, хотя как раз в эти шесть дней задувал свежий бриз и бушевал северо-восточный шторм, по меньшей мере той же силы, что в предыдущие дни. В последующие дни, до 6 февраля,

---

[1] Линии разных глубин. *Прим. ред.*

тоже дул большей частью свежий ветер с северо-востока, который за девять дней усилился до шторма, а в течение одной ночи носил характер урагана. Несмотря на это, дрейф в направлении на WSW был очень медленным — в среднем 1,9 морской мили в сутки.

Вполне очевидно, что ветер оказывал здесь на дрейф очень малое влияние. Это может показаться тем более странным, что во время шторма 11 января во льдах наблюдалась сильная зыбь, указывавшая на близость открытой воды.

Данная карта глубины создает впечатление, что как раз южнее 66° с. ш. тянется на юго-восток банка, над которою глубина моря менее 300 метров; если это так, то вполне естественно, что эта банка задерживает течение, заставляя его поворачивать в том же направлении. Над этой банкой движение льдов к S и SW сильно замедлено; вдобавок здесь наблюдается много местных вихревых движений, образованию которых способствуют также сильные приливо-отливные течения. На этой банке застревало много айсбергов, которые тоже могли замедлять скорость дрейфа льдов.

Таким образом, вполне возможно, что течение над этой банкой увлекало лед к юго-востоку и что к северу от нее находилась во льдах глубокая бухта. Это совпадает с сообщением, что 11 января команда «Ганзы» попала в сильную зыбь и, следовательно, находилась вблизи открытой воды.

Это совпадает также с тем фактом, что во время моего плавания на «Язоне» в 1888 году я нашел глубокую бухту во льдах именно в этой области — в направлении Инголфсфьелда.

Во время дрейфа команды «Ганзы» дальше к югу вдоль восточного побережья Гренландии наблюдалось много аналогичных изменений дрейфа, которые не могут быть объяснены ветром и были вызваны, повидимому, также конфигурацией морского дна.

На основании имеющихся данных о режиме течений в Датском проливе я составил карту, на которой линии указывают направление течения и относительную скорость его в поверхностных слоях моря (стр. 447). Там, где линии сближаются, течения относительно сильные; расхождение же линий означает, что течения становятся слабее, и чем больше расходятся линии, тем, стало быть, скорость течения меньше.

Само собою разумеется, что вследствие неполноты сведений эту карту следует рассматривать только как несовершенную попытку отобразить схему действующих в тех областях течений.

НА РОДИНУ

ШЕСТНАДЦАТОГО июля (темп. от +2° до +7° Ц; слабый ветер с NO и O) лед раздался настолько, что блеснула надежда на наше освобождение из ледяных тисков; мы стали разводить пары, и к вечеру удалось пустить машину. Затем «Викинг» стал мало-помалу продвигаться по разводьям. Вначале шли довольно медленно, но постепенно разводья становились шире, и мы довольно легко проходили большие расстояния. Но открытой воды еще не было видно ни с какой стороны.

Мы шли непрерывно весь вечер и всю ночь, используя малейшую возможность проникнуть к юго-востоку; и временами перед нами открывались уже

довольно большие полыньи и пространства слабого льда.

В понедельник, 17 июля (темп. от 0° до 7° Ц; слабый ветер с N), лед еще больше раздался, и мы быстрым ходом пошли вперед. К тому же погода прояснилась, и мы из дозорной бочки увидели открытую воду в юго-восточном направлении. Наконец, около полудня мы проскользнули мимо последней льдины.

Когда судно снова выходит в открытое море и может итти в любом направлении, у всех как гора с плеч долой. Что может быть хуже для полярника, чем быть затертым льдами?.. Вполне понятно почему!

Каким же образом нам использовать теперь эту свободу? Итти добывать хохлача, пожалуй, уже поздно. Мы и весь следующий день (18 июля) шли еще вдоль кромки льдов на восток, но не встретили там ни хохлачей ни других промысловых судов. Большинство тюленей, вероятно, уже покинуло эти места, да и вдобавок теперь они такие тощие, что вряд ли стоит охотиться на них.

Но вот задул попутный ветер с NNO, и самое лучшее было нам держать курс на родину. Вот радость была на борту, когда стало известно о принятом решении! Теперь нечего больше ждать ни парусов ни угля. Подняли на мачты все лоскутья, какие только мог надуть ветер, давление пара довели до высшей точки, и «Викинг», вспенивая воду, понесся по синему морю на юго-восток, огибая Исландию с юга.

У всех на судне прекрасное настроение как оттого, что вырвались из ледяных тисков, так и оттого,

что скоро вернемся в Норвегию. Как быстро и неожиданно произошла эта перемена! Еще два дня тому назад мы стояли, затертые льдами, в полной неизвестности — надолго ли, а теперь на всех парах и парусах летим по открытому морю на родину. Такова жизнь в Северном Ледовитом океане, полная перемен то к худшему, то снова к лучшему.

Опять море, синее море со всех сторон. Воздух, пронизанный солнцем, легкие белые облака в лазурном небе. За кормой пенистый след, а с бакборта свежая синева воды. Все паруса надуты ветром, и снова мерно работает винт. Мы идем на юго-восток со скоростью 9—10 морских миль в час. Только триста миль синего моря отделяют нас от Норвегии.

На северо-западе, над краем моря, небо еще беловато-тусклое — это отблеск льдов, оставшихся позади. Но жизнь во льдах, зверобойный промысел с его напряжением, изнурительным трудом, риском — это все где-то еще дальше позади. Скоро и весь этот рейс канет в прошлое; пройдет немного времени, и матросам придется отправиться в новое плавание, — во всяком случае, как только они проживутся на берегу.

До позднего вечера мы сидели на баке, любуясь морем и разговаривая о том, что бывает в Северном Ледовитом океане, если моряку не повезет. Солнце, словно раскаленный медный диск, погружалось в море за прозрачною облачною грядою с рваными, окаймленными золотом верхушками на фоне красно-золотого неба.

Все ниже и ниже садилось солнце в море; небо над облачной грядой на севере пламенело. Здесь, в более южной широте, ночь казалась темнее. Ветер не менял

направления и все свежел; к утру он мог сильно покрепчать, но парусов не убирали.

Всю команду угостили, — поднесли по стаканчику. Общий восторг! Тост за моряков-полярников, за их жизнь, полную трудов и борьбы!

Потом капитан спел несколько строк:

Скоро мы Стикс переедем в челне;
Что ждет нас там, мы не знаем.
Знаю одно, и в том радость моя:
Песни, любовь меня здесь ждут, друзья![1]

Спать мы улеглись поздно, и меня скоро убаюкали плеск и журчанье воды за стенкой.

Во вторник, 25 июля, мы прошли мимо Фарерских островов, лежащих между Шетландскими и Оркнейскими островами. Это была первая увиденная нами на пути домой земля. А на другой день, под вечер, на востоке из-за моря выглянули горные вершины. Норвегия! Как радостно на сердце, — скоро снова на родине. Право, нет ничего прекраснее норвежских скал, вздымающихся над морем!

А затем мы идем под берегами Сёрланна. Островки, шхеры, хижины, дома под сенью густой листвы; дымок спокойно тянется ввысь... потом зеленые пашни, пестрые коровы, а дальше, дальше в глубине озы,[2] одетые лесом. Какая чудесная страна!

И снова проходим мы мимо Турунгена. Домики в густых садах, купальни, лодочные пристани плывут

---

[1] Из стихотворения Брауна «Poetisk Trosbekännelse» (см. прим. на стр. 400). *Прим. перев.*

[2] Озы — узкие удлиненные холмы или кряжи, которые тянутся в определенном направлении, змееобразно извиваясь; своеобразные скопления ледникового наноса. *Прим. перев.*

нам навстречу; гуляющие дачники, женщины в светлых платьях; ясное летнее утро. И затем якорь «Викинга», закончившего свой первый полярный рейс, с грохотом находит дно Арендальской гавани.

Но Арендаль еще не знал, что значит принимать у себя гостей-полярников, вернувшихся из дальнего плавания. Когда шесть десятков молодцов, так долго томившихся во льдах, сошли вечером на берег и захотели наверстать упущенное, они перевернули вверх дном весь городок.

Поздно вечером мы с Крефтингом и полицмейстером возвращались из клуба. Вдруг слышим внизу на набережной дикий шум и рев. Догадавшись, в чем дело, мы поспешили туда. Встретили полицейского, опрометью бежавшего по улице. Подойдя к набережной, мы увидели свалку: наши матросы сцепились с полицией. В эту минуту они как раз захватили одного полицейского и собирались швырнуть его в море. Мы с капитаном врезались в толпу, и матросы, увидев нас, немножко присмирели.

Надо сказать, что когда полярники возвращаются с промыслов домой, то и в Тёнсберге и в Сандефиорде на их поведение смотрят сквозь пальцы. Полиция делает вид, что не замечает их выходок, дает им отвести душу, — конечно, если они не переходят границ.

Арендальская полиция не привыкла к такой тактике; она свято блюла порядок и при малейшем нарушении его сразу вмешивалась в дело. Это взбесило наших ребят, и они решили проучить полицейских. Полицмейстер сразу смекнул, что ему с таким малочисленным отрядом не справиться с этой толпой

буянов, которым надо было как-то дать выход своей энергии.

Начались переговоры и увещания; и Крефтинг стал убеждать матросов в необходимости уйти без скандала на судно; мало-помалу они сдались почти по доброй воле. Во время переговоров Петтер Хольместрандинг сказал полицмейстеру:

— Слушай-ка, полицмейстер, что я тебе скажу. Я видал, как Нансен в Ледовитом океане гонялся за белым медведем. Здорово мчался, а все же не угнаться бы ему за твоими полицейскими. Как пустились они удирать, только задние ласты замелькали!..

Славные, добродушные парни, в сущности, норвежские матросы, если они моряки по призванию! Кто пережил с ними бури, разделял их труды, тот знает, какое теплое сердце бьется в их груди, знает, что нет товарищей более надежных, более готовых на жертвы, чем они. Моряк отдаст тебе свою последнюю рубашку, если ты в ней нуждаешься, рискнет ради тебя жизнью, если понадобится. Правда, подвыпив, они бывают необузданны и могут надебоширить. Однако юмор никогда им не изменяет и всегда готов прорваться наружу, словно солнечный луч сквозь грозовую тучу...

Всякое бывало за эти месяцы, проведенные в Северном Ледовитом океане, а затем мы расстались, рассеялись по изменчивому житейскому морю, где волны то вскинут человека ввысь, то низвергнут в бездну. Следующей весной большинство наших моряков, верно, снова ушло в плавание по Северному Ледовитому океану... Но мы больше не встречались друг с другом, и я почти ничего не знаю о судьбе

Путь «Викинга» в Норвежском море и северной части Атлантического океана с 13 марта до 26 июля 1882 года

моих бывших товарищей. Только об Оле Могеруде я слышал, что он увлекся более крупной дичью и стал на редкость ловким гарпунщиком на китобойных судах.

Некоторое время он работал у ставшего директором китобойной компании в Варде старика Катсберга и с течением времени составил себе приличное состояние. Какая участь постигла моего приятеля Баллона — мне неизвестно.

Больно мне было расставаться с Крефтингом. Осенью я получил от него письмо из Гамбурга, где он выгружал с «Викинга» ворвань. Пусто и одиноко казалось ему на судне, и ему хотелось взять меня с собой «снова в Гренландию, к нашим друзьям «Помукельскопперам». Он правильно писал: «Чудесно было в Северном Ледовитом океане. Нам жилось там так славно и уютно...»

Крефтинг основал акционерную компанию и построил новое, еще более крупное и мощное судно «Стеркоддер». В 1884 году он сделал на нем рейс в Северный Ледовитый океан. И подходил в тот раз еще ближе к гренландскому берегу, добыл много хохлачей.

Он женился, приобрел прекрасную усадьбу — с пахотной землей, лесом и охотничьими угодьями — вроде той, о которой мы мечтали с ним во льдах на севере; завел хозяйство, охотился. Наконец совсем бросил профессию капитана-полярника и осел на земле, но недолго наслаждался своим счастьем. Коварный изнурительный недуг подкрался к нему, и в сентябре 1886 года он скончался — крепкий, мужественный человек, дельный и бесстрашный норвежский моряк-полярник и добрый товарищ.

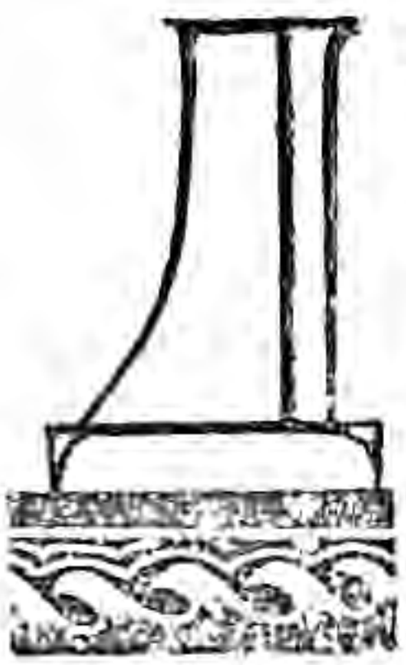
НА ВОЛЬНОМ ВОЗДУХЕ

Перевод К. М. Жихаревой
Под редакцией В. Ю. Визе

ПО ГОРАМ НА ЛЫЖАХ

Из Бергена в Кристианию

Берген, март 1884 года



ДЕЛО было в субботу вечером, 26 января 1884 года. Я шел из музея домой, и дождь хлестал мне в лицо с силой, необычной даже здесь, в Бергене. По небу неслись черные тучи, термометр показывал несколько градусов тепла, барометр падал, падал. Да, погодка была такая, что какой-нибудь беглец с Востока наверное пришел бы в отчаяние, — так вот какова норвежская зима!

Деловые люди спешили мимо меня по улице, наставив дождевой зонт против ветра и втянув голову в плечи. После недельных трудов они торопились в теплые гнезда, домой.

Завтра воскресенье. Завернул на почту справиться насчет корреспонденции, чтобы потом уютно расположиться у себя в комнате и забыть скверну мира и погоды.

Я сел в кресло — заглянуть наскоро в свежую спортивную газету, прежде чем углубиться в занятия... Но что же я увидел?! Лыжный пробег на призы в Хусебюбаккене 4 февраля? Возможно ли это? Неужели где-нибудь в Норвегии действительно имеется приличный лыжный путь?

Минуту тому назад всего дальше от моих мыслей были именно лыжи и лыжный путь. Теперь они захватили меня с неодолимой силой. Занесенный снегом, заманчиво белел хвойный лес; деревни, откосы, холмы и горы простирались передо мною такие блестящие, белые, сверкающие в лучах яркого солнца. Какая свежесть и легкость в звонком морозном воздухе!..

Воскресенье принесло еще более сильный дождь и шторм. На следующий день я с раннего утра должен был отправиться на море — драгировать дно.[1] Но мысли не давали покоя. Я разыскал газеты за последние дни, просмотрел телеграммы о погоде — нет, во всей стране температура выше нуля, лыжного пути не могло быть нигде. Скорее я мог бы отправиться в эту экскурсию вплавь.

Но среди дня всякие рассуждения перестали помогать — мне не сиделось на месте, и я отправился в Кальфарет к директору музея, старому д-ру Даниель-

---

[1] Ф. Нансен состоял в то время консерватором Бергенского музея, занимаясь работами в области биологии. *Прим. ред.*

сону.[1] Как всегда, он был полон отзывчивости, и я получил отпуск для поездки. Значит, наладить все на время отсутствия, и завтра в половине седьмого утра — на поезд!

Разумеется, все благоразумные приятели мои находили нелепым пытаться перевалить через горы в такую погоду и покачивали головой. Но что поделаешь с молодостью и глупостью!..

И вот, наконец, я сижу в купе и мчусь по направлению к Фоссу, а дождь барабанит по крыше вагона. Ну-ну, хорошенькая погодка для лыжного пробега; но наверное она исправится, когда поднимемся выше. Туннелями, зигзагами над крутыми обрывами проходит путь вдоль этих узких фиордов. По мере того как мы поднимались, склоны гор начинали белеть у вершин. Это сразу возбудило надежду — в горах должен быть мороз и снег.

Из Фосса я вышел с собакой в 12 часов и направился долиной Раун, чтобы оттуда перебраться в Хол в Халлингдале. Горный перевал там довольно длинен, но зато тем короче будет путь на восток.

Закинув за спину лыжи, я упрямо шагал на гору под непереставшим дождем. Будет лучше, как только я поднимусь на гору, а туда я наверное доберусь еще засветло. Я шел долго, но по обоим склонам долины полз все тот же густой и плотный туман, а дождевые капли падали все такие же крупные и неприятные.

Я спрашивал встречных, не знают ли они, какова

---

[1] Даниель Корнелиус Даниельсон (1815—1894) — выдающийся зоолог, основатель Бергенского музея. *Прим. ред.*

дорога в горах, но они только качали головой и отвечали, что нечего и думать итти в горы в такую погоду.

Приближаясь к тропе Сверре и видя, что погода все еще не собирается исправляться, я подумал, что, пожалуй, благоразумнее будет свернуть в сторону и направиться в Гудванген и затем в Лэрдал. Оттуда ведь можно дойти почтовым трактом в любую погоду.

Что надумано, то и сделано. А так как тут же мне встретился ехавший в санях торговец лошадьми, направлявшийся тем же путем на восток, и он предложил довезти мои лыжи, то дело складывалось отлично.

Я пришел в Винье вечером. Путь здесь был уже хороший, только немного мягковатый. Человек, забравший мои лыжи, и еще один лошадиный торговец, присоединившийся к нему, остановились на соседнем хуторе; они обещали зайти завтра утром перед отъездом.

Я хорошо спал после непривычного моциона. Было уже довольно поздно, когда я проснулся, — я вскочил и хотел выглянуть в окно. Вот так вид! — на стеклах такие морозные узоры, что сквозь них ничего не видно. Я быстро поднялся и, потерев стекло и подышав на него, увидел в прозрачный кусочек, что на дворе ослепительно яркое солнце и за ночь выпал снег. Вот радость!..

Быстро справился с завтраком — потом бегом на соседний хутор за лыжами — и в путь, в Гудванген. Но — увы и ах! — люди эти уехали полчаса тому назад и увезли мои лыжи.

Это было холодным душем, несколько остудившим мой пыл; однако, если я нагоню их до Сталхейма, то

еще смогу воспользоваться лыжами там. Но до этого места всего одна миля, а при таком расстоянии полчаса являются очень большим преимуществом.

Я пустился в путь по холмам. Итти по снегу было трудно, но погода была великолепная: ослепительно белые горы вздымались со всех сторон и сияли на солнце, хвойные деревья стояли в торжественной неподвижности, осыпанные свежевыпавшим пушистым снегом. То была зима, сверкающая зима, а к ней ведь я и стремился. Собака тоже радовалась жизни, барахтаясь в снегу.

Но как мертво и пустынно! — ни одного лыжника, ни одного лыжного следа не видит нигде глаз. Да разве здесь нет людей? Как же, здесь много хуторов, но в этом уголке страны мужчины, наверное, спят бóльшую часть зимы. Усадьбы стоят темные и безжизненные на белом снегу, только дым лениво поднимается из труб. Женщины работают, а мужчины сидят в домах и бездельничают; а наружи великолепный лыжный путь, и в горах много дичи. Как интересно могли бы они здесь жить зимой, если бы только научились пользоваться лыжами...

Иду дальше, по занесенным снегом откосам, по рыбным озерам, спящим под снегом и льдом в ожидании лета. А потом по красивым полянкам, где дорогу местами пересекает заячий след. Бедному псу моему трудно приходится в глубоком снегу.

Мало-помалу я нагонял парней, увезших мои лыжи, так что видел их впереди на заворотах дороги. Я припустился бегом и действительно догнал их.

Как радостно почувствовать под ногами лыжи, а потом — вихрем понестись с горки! Вот это жизнь, не то

что шлепать по грязи и слякоти в Бергене! Я быстро потерял сани из виду.

А ведь можно изрядно сократить путь. Сразу проснулось желание попробовать, не забылись ли старые фокусы — взобраться на горку, а потом перемахнуть... Ах, как приятно, чувствуешь себя как будто ближе к небу. Но надо снять мешок; еще повыше, еще быстрее, а потом — гоп! — перелететь, словно чайка. Да, вот когда ощущаешь, что есть еще сок в одеревянелых членах!

Но тут окрестные хутора вдруг оживились. Словно муравьи из куч весною, высыпали ребятишки и взрослые, всем нужно посмотреть, что это такое мелькает там наверху, на горке.

Мне захотелось пить, и я помчался вниз к ближайшему двору. Но тут тоже все наперебой устремились к двери, сбились в кучу — только один старик остался на месте, когда я подъехал.

— Как называется этот хутор?

— Видать, давно ходишь на лыжах, парень!

— Далеко отсюда до Гудвангена?

— Откуда идешь, парень?

— Иду из Бергена на восток. Как думаешь, достану я здесь молока?

— Стало быть, тебе надо через горы. Славные у тебя лыжи, где такие добыл?

Нет, надо войти в дом, — может быть, там дело пойдет лучше.

Я скинул лыжи и вошел в горницу, где воздух был густ от испарений людей и животных. У стен и выше, на нарах, стояли, сидели и лежали старухи и мужчины, девушки и парни. По полу ползали ребятишки

вместе с поросятами, курами и другой живностью.

— Нельзя ли у вас получить молока?

Продолжительное молчание, затем какая-то женщина протянула нараспев:

— Вот уж и не зна-аю.

Ага, дело не безнадежно.

— Разве у вас нет молока?

— Ну, как не быть, молоко у нас найдется.

— Значит, вы мне продадите немножко?

— А ты какого хочешь? Наверно не кислого?

— Нет, спасибо, я бы лучше хотел сладкого, если найдется.

— Как не найтись, можно тебе дать.

Наконец она полезла на полку за двумя литровыми кринками; и молоко оказалось вкусное и пришлось как нельзя более кстати.

— Сколько же тебе за него?

— Вот уж не знаю. Что тут платить за такую малость.

Я положил на стол несколько монет и направился к выходу.

— Ох, что-то уж очень много. Ну, спасибо тебе! — крикнула она мне вдогонку, видя, что я ухожу.

Наружи мужчины тесно обступили мои лыжи. Они сошлись с соседних дворов. Лыжи и ремни были осмотрены со всех сторон и концов, а когда вышел владелец, обследовали и его.

Я надел лыжи и стал подниматься в горку, а сзади доносилось:

— Славные лыжи!

— А палки-то какие у него маленькие!

— Зато собака большая!

В компании с одним из лошадиных торговцев, который как раз подъехал, я направился дальше.

Мы прибыли в Сталхейм. Горная долина с поросшими сосновым лесом склонами простиралась, придавленная снегом, глубоко внизу бежала река, а вверху, на фоне голубого неба, сияли огромные белые горы. Долина здесь дика и грандиозна, и все же она мала по сравнению с тем, какова она дальше. Направо в горный массив врезалось тесное ущелье, окруженное дикими, причудливо изломанными вершинами. Я шел долго и старался угадать, куда оно ведет; дна я не видел, оно исчезало глубоко внизу, склоны же гор были так круты, что других таких я не припомню.

Взгляд невольно тянуло к этой трещине. И хотя всякий раз, как посмотришь туда, пронизывала жуткая дрожь, все же никак было не оторвать от нее глаз.

Внезапно я остановился — дорога словно исчезла из-под ног. Я стоял у самого ущелья и смотрел прямо вниз, в зияющую бездну. Никогда бы я не подумал, что путь в Гудванген идет этой трещиной; но сейчас было очень на это похоже. Я обернулся к лошадиному торговцу, ехавшему следом за мной. Да, совершенно верно, мы стоим на вершине холма Сталхейм, в конце долины Нэрё.

Я глянул вниз: река и дно долины извивались в глубине узенькой ленточкой. Я оглянулся по сторонам: впереди простиралась долина Нэрё со своими крутыми откосами, по ним свергались замерзшие в зеленовато-голубом зимнем уборе горные ручьи; местами, где попадался плоский уступ, белыми пятнами

на обледенелых горных скалах лежал снег, а на самом верху нависали карнизы сугробов, готовые рухнуть при первой же оттепели. Сразу же направо темнел провал, куда с ревом, приглушенным ледяным покровом, свергался Сталхеймский водопад; подальше влево стремился в такое же ущелье другой водопад; прямо подо мною, извиваясь резкими зигзагами от ущелья к ущелью, уходила на дно долины дорога; а над всем вздымалась вершина Иердала, высокая и отвесная, похожая на грозного великана. Дальше назади, как бы обрамляя это обледенелое, заснеженное горное ущелье, поднимались вершины, исчезавшие в темных, тяжелых тучах. А вверху, над всем этим пейзажем, — прозрачное голубое небо и солнце, играющее над снегом и льдом на переднем плане.

В то время как я стоял и смотрел на эту картину, позади меня раздался голос:

— Подойди сюда, давай я перевезу тебе твои лыжи.

— Нет, спасибо, я сам с ними справлюсь, — и я скользнул вперед.

И вот я мчался вниз с горы то по краю одного ущелья, то скользя над другим. Зигзагов много, и крутых, на каждом приходилось тормозить, хорошенько отваливаться назад, а потом мчаться тем быстрее, когда дорога снова выравнивалась.

На полпути глаз скользнул по фигуре крестьянина, он со страха́ совсем вдавился в каменную стену горы.

Не успел я опомниться, как уже находился на дне долины. Вверху, в зигзагах, коричневым клубочком катилась вниз моя собака. Лошади я не видел еще и на вершине холма.

Я продолжал путь; он идет берегом реки по дну долины Нэрё; до самого Гудвангена он так ровен, что не встречается почти ни одного холма. Дно долины узко, иногда едва хватает места для реки и дороги, а по обеим сторонам еще вздымаются горные склоны. Высоко вверху нависли снежные сугробы, а между ними голубеет полоска неба.

Местами были видны следы снежных обвалов. Лавины в долине Нэрё нередки, и о них рассказывают невероятные истории; приходится удивляться, как это люди соглашаются жить здесь, под этой вечно грозящей горой. Но, должно быть, они так к этому привыкают, что лавина для них становится почти тем же, что для нас гроза. Если они видят, что обвал направляется не в их сторону, они остаются совершенно спокойными, хотя бы земная кора и вздрагивала под ними, как во время землетрясения. Воздушное давление, предшествующее обвалу, настолько сильно, что, по рассказам, дальше к выходу из долины людей поднимало и перебрасывало через фиорд.

Лавины бывают иногда так велики, что заваливают весь фиорд и хоронят под собой лодки и все, что попадется на их пути.

Однажды чуть было не погиб пароход. Заслышав приближение обвала, он стал уходить полным ходом, и едва-едва успел спастись; завалило снегом только самую корму и небольшую часть палубы до трапа в каюты. В одно мгновение весь фиорд позади оказался забитым снегом, и если бы пароход задержался в фиорде хотя бы на длину нескольких своих корпусов, он был бы погребен под обрушившейся массой снега и наверное так бы и остался навсегда на дне.

Большой обвал произошел в фиорде незадолго до моего прибытия, и невольно проникаешься почтением, глядя на эти рухнувшие громады, ярко белеющие на фоне темных горных склонов по бокам и темной воды внизу.

А в Гудвангене мне показали большой камень, сва-лившийся сверху, с горы. Он оторвался с самого верха гребня и долетел сюда в три прыжка. Вторым прыж-ком он, словно пушечное ядро, прошел сквозь две стены дома с такою скоростью, что пробитые им отверстия оказались не больше его собственного раз-мера. Третьим прыжком он пролетел сквозь крышу и стену другого дома, убил там одну женщину, изуро-довал другую, а затем вонзился в землю в том месте, где и лежит сейчас.

Из Гудвангена ясным звездным вечером я проехал пароходом по фиорду Нэрё и дальше до Лэрдала.

На следующий день ранним утром я двинулся через Лэрдал по довольно-таки неважному лыжному пути. Погода была неплохая, но снегу мало, и вскоре дорога стала настолько трудна, что мне пришлось нести лыжи. Здесь тоже тесно и пейзаж поражает дикостью, но не так, как в долине Нэрё. Местами и тут произошли обвалы, и нагроможденные глыбы белели теперь у по-дошвы горных склонов.

Около полудня я присел на краю дороги у ручейка, достал свои съестные припасы и позавтракал. Глубо-кая расщелина прорезывала крутой горный склон до самой вершины. Громадные массы снега указывали на то, что здесь недавно произошел большой обвал.

Только что я основательно углубился в созерцание этих окрестностей, прислушиваясь к шуму водопадов

и думая о лете, когда можно будеть побродить с удочкой вдоль русла реки, — здесь попадались такие уютные местечки, — как меня пробудил резкий голос:

— Да ты в уме ли — уселся под самым обвалом!

Я вздрогнул — ко мне быстрым бегом приближался крестьянин, тащивший салазки.

— Ну, я думаю, не так уж это страшно?

— Не страшно? Здесь уж пострадало немало народу. Ежели обвал серьезный, так он засыплет всю долину.

— Да ведь, наверное, слышно, когда он приближается, и можно убежать.

— Слышно, когда он приближается? Да вот точь-в-точь так, как бывает с ружейным выстрелом, парень!

Пока я сидел и размышлял над сказанным, показался еще путник. Он нахлестывал лошадь и крикнул мне, чтобы я уходил отсюда.

Несколько выше встречные крестьяне рассказали мне, что это ущелье называется Овечьей тесниной и считается самым опасным местом в Лэрдале из-за лавин, иногда достигающих противоположной стороны долины, преградив ее во всю ширину. Обвалы начинались с вершины ущелья, лавины нарастали от снега, стремительно низвергавшегося с обеих сторон, и на длинном пути своем книзу приобретали громадный объем. То, что я видел сейчас, это только начало, предшествующее и расчищающее путь для последующего обвала, который ожидается в настоящее время, а тот обвал — совсем другое дело, да я и сам это скажу, когда увижу.

Я направился дальше. Вскоре оказалось возможным снова надеть лыжи, и я быстро поднимался по диким

горным ущельям. Глубоко внизу спокойно струилась под сковывающим ее льдом река. Вокруг отдушин и между ними виднелись следы выдры. Она живет здесь и зимой и летом. Дрожь пронизывает, когда заглянешь в эти черные дыры и подумаешь, что вдруг пришлось бы нырнуть туда и жить в этой холодной воде. Но выдра чувствует себя, наверное, недурно. Рыбы здесь вдоволь. Вдруг послышалось веселое, звонкое чириканье, и я изумленно оглянулся по сторонам: неужели и здесь чирикают птицы? Вот опять! Чириканье неслось не сверху, с горного отвеса, нет, оно доносилось снизу. А вон летит и самый певец, у края льда, и прямехонько — в буйный водопад. Ага, это оляпка. Ей жизнь тяжела только тогда, когда река замерзла и нигде не найти открытой воды.

Немного дальше вверх долина расширяется, выходя в Боргунн. Миновав Хусе, я пошел по Виндхеллу старой дорогой, поднимающейся крутыми зигзагами, но зато значительно более короткой.

Перевалив через гребень горы, я снова спускаюсь по противоположному склону. Отсюда далеко вверх раскрывается красивая Боргуннская долина, а внизу направо видна боргуннская церковь, построенная из вертикально поставленных бревен, а рядом с нею — новая церковь. Да, она красива летом, но показалась мне еще красивее сейчас, на этом белом зимнем фоне, рисуясь своими многочисленными, покрытыми снегом выступами и зубцами.

Давно уже стемнело, когда я около 7 часов подошел к Бурло и стал взбираться по длинным и крутым холмам к Филефьелду. Дорога была тяжелая, это начинало сказываться и на ногах, которые еще не

успели получить необходимой гибкости, а я ведь немало прошел за день по бесснежному пути. Но я вбил себе в голову, что буду ночевать сегодня в Брейстёлене, стало быть, надо итти, пока не доберусь туда.

Я сложил лыжи одну на другую, связал на концах и потащил за собой. Все-таки маленькая перемена противо того, чтобы все время тащить их в гору на собственных ногах.

Вскоре передо мной стало раскрываться плоскогорье, а долина позади потонула во мраке. Вверху мерцало звездное небо, отбрасывая на плоскогорье неверный свет. Ночь была тихая, ни одного звука, кроме похрустыванья моих шагов на снегу.

Какая разница по сравнению с тем, что было, когда я проходил здесь прошлой зимой, на святках, в это же время суток! Сейчас такой глубокий покой, словно заглянул в простор самой вселенной; а тогда — буря и метель, вся даль словно в дыму, так что едва видно на несколько аршин вперед; ветер дул в лицо с такой силой, что сбивал с лыж; пришлось снять их и нести, чтобы продвигаться вперед. Собака топорщила шерсть и дрожала от порывов ветра.

Наконец и на этот раз заманчиво засветились в ночи окошки Брейстёлена, и вскоре я уже стоял под одним из них.

— Ох, господи, неужто это люди ходят по горам так поздно ночью?

— Ну, да, конечно, люди.

— Нет, да неужто это ты! Что же это ты бродишь до такой поры!

Мне дали молока и уложили в постель. Нечего говорить, мало найдется в жизни наслаждений выше

того, какое испытываешь после утомительного дня, растянувшись в хорошей постели, да еще утолив жажду и наевшись досыта.

Наутро я двинулся дальше, через Филефьелд к Бьёбергу.

Когда я выходил из Брейстёлена, выкатилось солнце и заиграло румяными лучами над морем тумана и на горных вершинах — они возникли из тумана, словно розовые палатки. Долина, откуда я шел, совсем исчезла в волнах тумана; но на самом плоскогорье мгла редела все больше и больше, в прорывы широкими полосами устремлялось солнце, а у вершин парили отдельные слабо розовевшие космы тумана.

Здесь предстояло проститься с западом — передо мной простиралась только белая даль на востоке.

В то время, как я стою, упиваясь этой тишиной, слух мой внезапно поражает шум, раздавшийся совсем рядом: то была лавина, с грохотом скатившаяся с горы позади меня. Снежная пыль взлетела высоко к небу — лавина рухнула на дно; эхо замерло, приглушенное снегом, лишь несколько белых снежных облачков плавало некоторое время у склона горы.

Я пошел дальше. Погода была бодрящая, настоящая зимняя. Солнце сверкало в тысячах ледяных сосулек; белые куполообразные горы тянулись во все стороны до самого горизонта; все было пронизано солнцем и легко, все ослепительно бело, лишь кое-где у редких вершин клубились темные космы туч, а над всем этим вздымался светлоголубой свод неба без единого облачного пятнышка.

Я выбрал путь по холмам и вершинам не потому, что это сокращало дорогу, но можно было по крайней мере итти на лыжах, а это было главное.

К обеду я пришел в Бьёберг. Там уже находилось двое охотников из Лэрдала, охотившихся на белых куропаток, и, судя по тому, что я увидел в сенях, куропаток здесь было немало. Охотники сидели как раз за обедом и явно наслаждались жизнью, как и полагается охотникам. Меня сейчас же радушно пригласили принять участие в трапезе, и долгих уговоров не потребовалось. Впрочем, и обед был не из таких, чтобы им пренебречь: горячее жаркое из оленины, пролежавшей с осени под снегом, но она была так свежа, словно только вчера ее принесли с охоты, и еще несколько других блюд; насчет напитков тоже было неплохо: пиво, водка, молоко, красное вино, херес. Когда мы уже вдосталь наелись и напились, появились кофе и сигары, а потом, смотри-ка, сам старик Кнут Бьёберг вылез из погреба с бутылочкой кюрасо.

Вот это было угощение, — не то, что прошлой зимой, когда я был здесь. В тот раз я тоже перевалил через горы на лыжах с собакой.

Когда я вошел в кухню, там стоял Бьёберг. Он осмотрел меня с головы до ног и сбоку, потом покосился на собаку.

— Нельзя ли здесь раздобыть чего-нибудь поесть? — сказал я.

— Вот, можешь взять себе отсюда, — ответил он и указал на стол, где стояли наполовину опорожненная миска с кашей и кислое молоко в чашке. Я взглянул на миску и поморщился.

— Не сказал бы, что я так уж капризен насчет еды, но если можно, я бы предпочел съесть чего-нибудь мясного.

Бьёберг смерил меня уничтожающим взглядом и спросил:

— А есть ли у тебя чем заплатить за еду?

— Конечно, — ответил я. — Понятно, я заплачу.

И тогда мне подали вареного мяса.

Он принял меня за одного из тех прохожих, которым жители этих горных домиков обязаны давать пищу за плату от государства. Впрочем, иначе и нельзя было подумать, увидя в зимнюю пору человека на лыжах, с мешком за спиной, да еще с такой собачищей! Но нынче у него сложился другой взгляд на вещи, у старого туза Бьёберга, конца не было его ухаживаньям за мной.

Да, чудесный вышел обед. Замечательно, что, когда встречаются охотники, они не разводят особых церемоний, а сразу становятся на приятельскую ногу; и не одна охотничья история служит тут острой приправой к еде.

Оба все настойчивее приставали ко мне, упрашивая остаться здесь и вместе отправиться на охоту за куропатками. Ружье и патроны они мне дадут, а куропаток хватит на всех. По правде говоря, пожар в охотничьем сердце может вспыхнуть и от гораздо меньшего повода. Но на пути к холмам я начал колебаться: не лучше ли все-таки продолжать путь, чтобы попасть на лыжный пробег, раз уж я так задумал. И как ни жаль мне было, я простился с этими милыми людьми, поблагодарив их за любезность и радушие, и направился дальше через горы в Хемседал.

Я и так слишком разнежился в Бьёберге. Уже смеркалось, начали выглядывать звезды, и над горами на юге стоял молодой месяц. Спускаясь по косогору, я слышал в вечерней тишине гак-гаканье куропаток-самцов, доносившееся из зарослей мелкого ивняка по ту сторону долины. Наверное, они искали места для ночлега.

Такое угощение бывает очень приятно; но вопрос: хорошо ли оно для того, кому необходимо отправляться дальше? Вообще-то у меня существует хорошее жизненное правило: не пить много и не курить, когда предстоит долго итти пешком. Сегодня я нарушил свое правило, но зато и ноги у меня были словно налиты свинцом.

До Туфа в Хемседале я добрался уже поздно. Так как я хотел в тот же вечер двинуться дальше, чтобы по возможности завтра же попасть в Гулсвик, то решил взять здесь лошадь.

Лампа под бревенчатым потолком тускло освещала большую комнату, куда я вошел. За столом сидела целая компания, почти все лошадиные торговцы; картежная игра шла во-всю, игроки с треском ударяли в стол и позвякивали деньгами. Меня сейчас же пригласили разделить компанию, но я предпочел продолжать путь. Физиономии несколько покривились от перспективы выезда в такой поздний час, но лошадь мне все-таки дали. Холодновато было ехать в морозную звездную ночь легко одетому и при усталости, какую я испытывал; но я согревался, делая время от времени пробежку.

Наконец засветил огонек в лесу, мы сворачиваем к усадьбе и подъезжаем к почтовой станции Клевен.

Время уже за полночь, все спят; стучим в двери и окна, но без ответа. В конце концов кто-то из работниц просыпается, зажигают огонь. Но и здесь тоже все занято лошадиными торговцами; должно быть, они едут на ярмарки на восток. После непродолжительных переговоров для меня все-таки нашлись кровать и меховое одеяло.

На следующее утро в девять часов я продолжал путь на лыжах через Хемседал. Склоны долины ровно вздымались по обеим сторонам, свежо и ярко зеленел еловый и сосновый лес; отягченные снегом, кое-где на склонах виднелись горные фермы среди белых альпийских лугов, а на дне долины спокойно журчала подо льдом река.

Какая чисто зимняя тишина! Да, вот теперь я по-настоящему вернулся к норвежской зиме. И на душе у меня весело.

А вот уже Рольфсхус — может быть, удастся пройти сегодня же семь с половиной миль до Гулсвика? Времени только половина одиннадцатого — полторы мили за полтора часа это неплохо, и с новой отвагой я спускаюсь по долине Халлинг к Нэсу.

Здесь я плотно пообедал и отдохнул часок, а потом двинулся дальше — надо же пройти четыре мили до Гулсвика.

Пошел мягкий и густой снег; я побаивался за дорогу, лыжи и так уже немножко застревали, но пока они все-таки скользили, приходилось быть довольным и этим.

Наконец, поздно ночью я пришел в Гулсвик, усталый и мучимый жаждой. Но зато скоро я уже буду на месте: осталось пройти только четыре мили через Крё-

дер, а оттуда завтра в полдень на поезде; таким образом у меня остаются свободными воскресенье — на отдых и понедельник — на тренировку перед лыжным пробегом.

Две крынки густого, цельного молока, — с каким наслаждением я его пил! Может ли быть что-нибудь вкуснее?! А потом в постель и хорошенько вытянуть усталые члены под шерстяными одеялами.

На следующее утро опять ясная погода, солнце сияло над живописным Крёдером, когда я около 9 часов уходил из Гулсвика. Подумал было об увале Рингнес с его соблазнительными горками, но, пожалуй, можно было опоздать на трехчасовой поезд, так что лучше уж держаться льда. И по льду залива Крёдер я быстро заскользил на лыжах.

А выше, кругом — склоны, поросшие елью, и совсем наверху, надо всем — белый Нурефьелд. Да, красиво здесь и зимою и летом.

В Рингнесе я был около двенадцати часов, и так как до Улберга оставалась еще миля, то пришлось мне двигаться дальше. И снова я помчался на лыжах во всю силу ног, и меньше чем через час добежал до Улберга.

До поезда оставалось больше двух часов и всего одна миля пути — можно было зайти и передохнуть часок.

Когда я пригрелся в углу дивана, мною овладело сильное искушение — ведь последнюю милю отлично можно было проехать; и в тулупе смотрителя станции, заложив лыжи за спину и посадив собаку перед собой на остроносые санки, я крупной рысью поехал по льду к железнодорожной станции.

Обратно из Кристиании в Фосс

Бубенчики весело позванивали в ночи, лед Крёдера простирался впереди, поблескивая во мраке; высоко в небе — звездный хоровод. Я сидел в санках, и мысли мои бежали в такт с бубенчиками.

Город с его шумом остался позади, я снова поднимался в вольные горы. Бальная музыка последнего вечера еще звенела, подпрыгивая, в ушах.

Какой резкий переход! По берегам Крёдера, под темными вершинами приветливо мерцают во мраке огоньки дворов и усадеб. Все дышит миром! Как тихо и безмятежно протекает жизнь на этих склонах, а там...

Крах, крах — лошадь продавила ломкий лед. Я очнулся от своих размышлений, подогнал, и то по гладкому льду, то по всторошенному мы быстро помчались к Улбергу.

На следующее утро опять на лошади через Крёдер. Как быстро все меняется: когда я проходил этой дорогой полторы недели тому назад, стояла глубокая зима, все было бело, в ярком солнечном свете снег тяжело свисал с деревьев и кустарников. А теперь — теперь все было черно и уныло, только кое-где белые пятнышки снега. Деревья стояли такие голые, на кровлях домов тоже совсем нет снега, лед стал чист и влажен, воздух хмур и насыщен дождем, а вершины гор, придавленные крышей сырого тумана, так мрачны и печальны. Светлая, веселая зима исчезла бесследно.

Неутешительно для того, кто собрался итти на лыжах...

Ну, да ничего, как-нибудь наладится, выше есть снег — и я быстро катил долиной Халлинга по выгорбленной гладкой дороге, где часто трудно было удержать сани на середине и не скатиться в канаву.

Большие расстояния ехали по реке, покрытой превосходным льдом, как на катке. Все больше и больше жалел я, что не захватил с собою коньков: наверное, почти всю дорогу от железнодорожной станции по Крёдеру и по реке, до самого Ола, можно было бы пробежать на коньках — дистанция получилась бы порядочная.. Но лошадь вдруг провалилась сквозь лед — скорее натянуть вожжи, свернуть влево, и мы спасены. Надо смотреть в оба, сейчас, после продолжительной теплой погоды, во льду много таких предательских дыр.

Уже смеркалось, когда мы под вечер приехали в Нэс. Но мне хотелось пройти еще сегодня же вечером две мили до Рольфсхуса, и приятно было поразмять одеревяневшие члены. Я вскинул лыжи на плечи и двинулся в путь.

Темнело, дорога была скользкая, трудно итти. С реки доносился гул и треск льда вперемежку с возгласами и смехом; наверное, это веселились конькобежцы, тьма еще не разогнала их по домам.

Сейчас же вслед за этим я прошел мимо усадьбы, должно быть какого-нибудь служащего, и услышал, как властный голос хозяйки крикнул в темноту:

— Ну, что же вы не идете?

И девичий голос ответил на местном наречии:

— Да я уж охрипла, кричавши, а они все не слу-у-шаются!

Сразу ожило передо мной детство. Да, когда река и озера блистали гладким льдом, нелегко бывало загнать нас домой за сочинения и уроки...

Утро пятницы принесло ясную погоду и несколько градусов мороза. От Рольфсхуса вверх, по краям дороги лежало немного снега, так что можно было итти на лыжах.

Мне предстояло решить: избрать ли путь опять через Хемседал и Филефьелд — это было, пожалуй, всего вернее, но скучновато. Нет, лучше через Ол и в Халлингские горы. Погода была соблазнительная, дорога в горах наверное хорошая, и есть ведь три перевала на выбор: через хребет Йейте в Арланн, или через Нигар в Эйдфиорд на Хардангере, или же более длинным путем, через гребень Фоссе со спуском в Фосс. По которому-нибудь из трех наверняка можно будет пройти.

В Сундре я пришел порядочно после полудня и расспросил смотрителя почтовой станции, какая дорога лучше: я должен завтра же перевалить через горы. Он сказал, что это невозможно; сам он проезжал только дорогой из Нигара в Эйдфиорд, но мне сегодня в Нигар не попасть, потому что туда пять миль; придется подождать.

Нет, это слишком долго. Тогда я лучше поеду в Гудбраннстар, в горный поселок по направлению к Соуну и Фоссу. Туда четыре мили, оттуда я наверное доберусь завтра за перевал, а если нет, то в Аурланн в Соуне, но хотелось бы мне добраться до Фосса. Ну, что делается там, смотритель не знал, и никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь пользовался этой дорогой в зимнюю пору; да он и сам думает, что это не

годится. Я ответил, что хочу попробовать; но в таком случае лучше взять лошадь до Нерола (последняя почтовая станция в долине), чтобы попасть в Гудбраннсгар до наступления ночи и выехать на следующий день ранним утром.

Лошадь я получил и довольно быстро доехал до Нерола по гладкому льду многочисленных озер. Оттуда на другой лошади в Гудбраннсгар, но тут время близилось уже к вечеру и стало смеркаться. Дорога была неровная и скользкая; во многих местах она идет тесными ущельями, где с одной стороны высятся горные склоны, а с другой — почти вплотную подступает крутой обрыв и река. Надо быть очень осторожным.

Ведь по этой дороге, должно быть, возвращался Сверре после своего горного похода с биркебейнерами из Фосса...[1]

Дорога ухудшилась. Было непроглядно темно. Вверху над горами как будто собиралась непогода. Перспективы на завтра были не блестящие.

Наконец мы спустились в фиорду Сундал и ехали крупной рысью до самого Гудбраннсгара.

Я вошел в большую уютную горницу. В камине пылал целый костер смолья. Все уже улеглись, но быстро встали. Несколько хемседаленских физиономий вопросительно глянули сверху.

Есть что-то на редкость приятное и уютное в этих старинных халлингских усадьбах, а Гудбраннсгар

---

[1] «Биркебейнеры», или «березоногие», — сторонники политических прав народа и центральной королевской власти, боровшиеся с высшим духовенством и могущественными королевскими вассалами. *Прим. перев.*

именно одна из самых настоящих. Стены и потолок черны от старости и дыма; но они только бы проиграли от побелки; эти коричневые бревенчатые стены и прокопченный дымом потолок таят в себе воспоминания и глубокое содержание.

Я придвинул к камину деревянную скамью и удобно растянулся на ней. Собака подползла чуть не к самому огню, уставилась в него глазами и поворачивалась то одним боком, то другим.

Я вступил с хозяином в разговор, чтобы разузнать о возможности перевалить завтра через горы.

— Да, в Аурланн ты наверное попадешь, дорога в горах сейчас хорошая, — сказал он.

— Мне хочется пройти через Халлингский перевал и гребень Фоссе к Фоссу, — продолжал я.

— А вот это уж навряд. Я тех мест не знаю и никогда не слыхивал, чтобы кто-нибудь переходил там зимой. Ты ведь, наверно, думаешь итти не один?

— Я уж ходил там раньше, прошлой осенью, — но если найдется кто-нибудь, понятно, я с удовольствием взял бы хорошего лыжника, знающего эти места.

— Нет, у нас в долине тебе не найти человека, который взялся бы довести через горы в Фосс об эту пору. Единственный, кто бы мог, это Андрес из Мюрстёла. Он постоянно гоняется за оленями и куропатками и хорошо знает все местечки в горах. Только не думаю, чтобы он пошел с тобой, а если не он, так ни о ком другом и думать нечего.

До Мюрстёла было пять фьердингов,[1] это место находилось как раз на моем пути, у Страннфиорда.

---

[1] Фьерднинг равен ¼ мили. *Прим. перев.*

Хорошо бы выйти туда завтра пораньше утром и порасспросить там. Хозяйка обещала разбудить меня в половине третьего и приготовить перекусить на дорогу.

Велико было мое изумление, когда, принимаясь за завтрак, я увидел на столе сметану.

— Да, — сказала женщина, — придется тебе удовольствоваться тем, что есть. Ее отлично можно кушать с кашей, да и пить потом долго не захочется.

Ну, что ж, я удовольствовался, хотя и не потому, что опасался жажды в горах в зимний день; но мне довелось припомнить справедливость ее слов, что сметана годится и для утоления жажды.

Славные люди! Как они были внимательны! А когда я уходил, они так усердно просили меня соблюдать в пути осторожность.

И вот я вышел в лунную ночь. Дорога была превосходная, снег тверд, и лыжи мчались вперед при малейшем уклоне. Пока я поднялся к выходу из долины, мне несколько раз пришлось убедиться в коварстве лунного света. Снег сиял серебром, из-за луны не видно было камней и впадин. В немногих редких перелесках деревья отбрасывали длинные тени; южный склон исчез во мраке.

Я вихрем спускался с длинного косогора сначала перелеском, потом открытым местом, но вдруг на снег снова упали тени — по обеим сторонам стояли густые кустарники... Стоп! толчок назад — и я лежу, уткнувшись носом в колючий снег. Да, и это был не единственный раз.

Мало-помалу долина с деревьями и кустами осталась позади, дальше вздымалось волнистое плоско-

горье. Куда ни обращался взор, всюду снег, снег, белый, мерцающий снег.

Я быстро мчался вперед, а собственная тень моя, подпрыгивая, неслась сбоку. Поднялся на гребень горы; передо мною на далекое расстояние вперед простиралась белая гладь Страннфиорда; и я помчался с откоса прямо к нему. Лыжи подскакивали на сугробах как на застывших гребнях волн; я несся вихрем. И вот я уже на льду, и до Мюрстёла остается всего полмили.

Вскоре над гребнем гор на востоке занялся день, ярчайший пламенный багрянец его постепенно разливался и бледнел; горы и снежные равнины окрасились в какой-то странный нереальный сине-фиолетовый тон; но луна еще продолжала светить и отбрасывала длинные тени.

Вот уже и Мюрстёл. Я обошел дом, ища входа, но дом больше походил на хлев. Я постучал, мне ответили, и я отворил дверь. Заглянул в горницу, в ней было тепло, топился очаг и стояло несколько женщин; но в лицо мне ударил спертый запах коровьего хлева, я услышал из соседнего помещения и из-под пола звуки, говорившие о присутствии скотины. Такое сожительство под одной кровлей людей и домашней скотины мне случалось видеть впервые; но оно давало тепло, а на такой высоте в горах дров было мало.

— Доброго утра! А хозяин дома?

— Нету, ушел по делам на фиорд. Они там собираются метить оленей.

Счастье — капризная птичка, а этого стада ручных оленей, которых они здесь держат, я не принял в расчет.

— А как далеко туда?

— О, с полмили или около того.

Гм... до Фосса добрых семь или восемь миль — хватит и этого, если не прибавлять два раза по полумиле здесь; значит, надо сразу отправляться дальше. Но недурно бы прихватить с собой коробок спичек и кое-чего перекусить.

— Не дашь ли ты мне чего-нибудь съестного с собой?

— Дать-то можно, если ты согласишься взять то, что есть. Да разве ты уж уходишь? Уж не думаешь ли итти сейчас в горы один?

— Ну, да, думаю, и дорога в горах сейчас наверное хорошая?

— Это-то да, хорошая, и если дорога тебе известна, то до Аурланна отсюда не больше трех миль. Но дни-то нынче короткие, так что навряд ли ты доберешься засветло.

— Нет, эта дорога мне не известна. Я намеревался итти через Халлингский хребет, Грёндалским озером, а потом через гребень Фоссе спуститься в Раундал.

— Ох, нет, там тебе не пройти, уж больно много снега сейчас в горах.

— Тем лучше, — ответил я, — значит, можно будет итти на лыжах?

— Но ведь тебе не добраться туда засветло, парень; а что же ты тогда будешь делать?

— Подумаю об этом дорогой; если увижу, что дело не выгорит, спущусь тогда в Аурланн. Но во всяком случае чего-нибудь съестного мне захватить с собой нужно.

— И потом, может быть, ты добудешь мне коро-

бочку спичек, — сказал я молодой бойкой девушке, стоявшей рядом со мной.

— Спичек я тебе дам, — ответила она и прибавила, лукаво улыбнувшись уголками глаз, — но ты должен мне обещать, что не пойдешь через самые большие горы.

Этого я, к сожалению, не мог ей обещать; но я буду итти осторожно и все хорошенько обдумаю, когда приду на хребет Йейте. Она помирилась на этом, я получил коробку спичек и, вместе с куском сыра и несколькими кругами сухой лепешки, сунул в мешок. Потом простился и опять покатил по льду. Лунный свет уже побледнел перед рассветом.

Я дошел до конца Страннфиорда и собрался атаковать длинные отроги, ведущие к хребту Йейте, водоразделу между Халлингдалом и Аурланном, как вдруг взошло солнце, целый поток лучей хлынул на горные просторы.

«Что прозрачно, как свет, чисто, как утренние помыслы?»

Я шел долиной, она пологим извилистым подъемом подбирается к вершине. Последние альпийские луга скоро остались позади; я переходил с одного занесенного снегом горного озера на другое — в глубине под снегом глухо шумела река.

И вот я стою на водоразделе. Надо решить, каким путем итти дальше: на Аурланн или же через гребень Фоссе?

Прямо передо мной простиралась широкая равнина; у дальнего края ее горы исчезали, там начинался спуск к Соуну, оттуда, наверное, можно быстро добраться до поселка. Я обернулся: в эту сторону соблазнительно

белела горная даль, вершины вставали за вершинами, словно лагерь белых палаток, рисуясь на бледнорозовом прозрачном горизонте.

Зачем делать круг на Аурланн? Не взять ли прямо наперерез? Если я ухитрился перевалить здесь раньше, в туман, темною от дождя осенью, то наверное легко пройду сейчас, в ясную погоду и по превосходному лыжному пути. Если не дойду сегодня, так дойду завтра, а приюта на ночь можно поискать на альпийских фермах Халлингского перевала или на Грёндальской ферме, а если нет, то достаточно тепло будет в сухом снегу, гораздо теплее, чем на жестких каменных выступах осенью, когда сам я был мокр до костей.

Я дошел до Сота, круглой вершины, похожей на копну сена и находящейся на самом гребне в месте, где соединяются долины обоих склонов. Ее видно издали, летом она служит хорошим путевым знаком.

У подножия этой горы, между двумя большими каменными выступами стоял в старину домик одного английского лорда. Здесь было много оленей, часто сюда приходили и вьючные олени; во вьюках нередко оказывался груз спиртных напитков из долины. Домик заброшен, крыша обвалилась, торчат только низкие каменные стены; но сейчас все глубоко схоронено под снегом, и никто здесь не ходит, кроме оленей.

Видны свежие следы большого оленьего стада. Ого, как они раскидали снег на бегу, когда мчались отсюда; следы тянутся, насколько хватает глаз, а потом исчезают в боковой долине.

Теперь путь все время шел под гору, и я стремглав летел по насту по длинным, тянувшимся с четверть

мили откосам. В течение многих недель ветер основательно и плотно уминал снег; оттепель прикрыла его сверху нетолстой коркой, а на нее выпал тонкий слой рыхлого снега. Лучшего пути, наверное, не мог бы пожелать себе ни один лыжник. Почти все время лыжи скользили сами, силой одного только ветра, подгонявшего меня в спину. Иногда я бежал по длинным гладким озерам, зажатым между горами, потом опять вверх по длинным косогорам и крутым откосам.

Но тут идет какой-то след — что это? Волк, три волка! Это злейший враг оленей, — должно быть, от него и мчались так те олени в Сота. Волков как будто прибавляется: в прошлом году они задрали в стаде у Страннфиорда трех оленей, а в нынешнем году уже целых пять.

Я высчитал, что мне надо притти на гребень Фоссе не позже четырех часов, чтобы засветло спуститься в Раундал. Если сумерки захватят меня раньше, то спускаться будет трудно. Но часы показывали уже больше двух, а ферм Халлингского перевала все еще не было видно. Они расположены в самой долине, и я не мог пройти мимо, не заметив их. Сейчас же за ними будет Грёндалское озеро с фермой, там я сверну и направлюсь вверх, к гребню.

Я шел дальше и дальше, а ферм все не было. Пробегал одно озеро за другим, но так как нигде не видел домов, то мне и в голову не приходило, что какое-нибудь из них могло быть Грёндалским озером. В последний раз я видел его осенью в дождливую погоду, все обступавшие его горы были черны, только на юго-западе снежная вершина Фоссе вздымала свой белый гребень под крышей тумана. Теперь все было

белым-бело, и я не узнавал ее; я знал, что должен раньше увидеть эти альпийские фермы, и настойчиво искал их.

Часы показывали больше трех — стрелка упрямо подвигалась к четырем. Надежда перевалить сегодня горы начала таять; надо было постараться дойти до ферм и заночевать; наверное, с осени там осталось сколько-нибудь дров. Но куда же девались эти фермы? Неужели я так ошибся в своих расчетах времени и расстояния?

Долина попрежнему понижалась спокойными зигзагами, а я от нетерпения все ускорял и ускорял свой ход. Опять я очутился у края длинного озера, но — стоп! — сугроб, на котором я стоял, повис над обрывом, и внизу я не видел дна. Здесь не перенесут никакие лыжи — река пенилась и ревела в тесном ущелье, склоны долины круты и обрывисты.

Проходил я здесь когда-нибудь? Нет, я не мог припомнить; но, наверное, проходил: долина и река шли в этом направлении, а я должен был держаться долины и реки, пока не дойду до ферм.

Я нашел спуск, он был чрезвычайно крут, нужно было крепко упираться лыжной палкой в одной руке и лыжами в другой.

Наконец я очутился на дне, у реки, но здесь склон долины спадал так круто к бурлившей внизу воде, что трудно было удержаться и не упасть в черневшую внизу воду; я вонзал палку до рукоятки и, хватаясь за нее, удерживался, когда нога теряла опору.

Но над рекой нависла крутая скала, а чтобы продолжать путь, нужно было взобраться на нее. Я не мог сообразить, бывал ли я здесь когда-нибудь, но

должно быть бывал, и я стал карабкаться наверх. На самой вершине снежный сугроб заходил за край горы и свободно свисал над кручей. Пришлось вколотить палку как можно дальше за край, рядом с нею я вколотил лыжи — сугроб был твердый, и я рассчитывал, что он выдержит, — и тогда я взобрался по ним на край. Затем наступила очередь собаки, надо было поднять и ее, и в конце концов оба мы справились на этот раз благополучно.

Некоторое время дорога была поровнее, а потом стремительный спуск на новое озеро. За ним опять ущелье, еще хуже первого. Изрядно покарабкавшись, я выбрался и отсюда и попал на третье озеро.

Но тут я уже всерьез почуял что-то неладное, хотя не мог себе представить, что заблудился, и даже вид берез не убеждал меня в этом. Но когда у противоположного конца озера я увидел большую березовую рощу, а поднявшись на вздымавшуюся за нею вершину, очутился у обрыва в несколько сот метров глубиной и заглянул вниз в темное ущелье тесной долины с поросшими лесом склонами и вторым озером, тогда я совершенно ясно понял, что пришел к Соуну и нахожусь недалеко от Кордала (в Фломсдале). Но путь мой лежал не туда, я ведь решил переваливать через гребень Фоссе, стало быть, надо поворачивать назад и поискать приюта на эту ночь в Грёндалской альпийской ферме.

Хуже всего было то, что предстояло подниматься по ущельям, которыми я только что спускался; но раз уж я спустился, то подняться-то наверное сумею.

Уже смеркалось, стрелка на часах приближалась к шести, на синем куполе неба слабо мерцали звезды.

Я стал карабкаться на отвесную скалу; снег был твердый и скользкий; если сорваться здесь, угодишь прямехонько в ревевший внизу водопад. Скала становилась все круче и круче; но тут сверху навис сугроб, надо было ухитриться перебраться через него. Я основательно вколотил в него палку и лыжи, получил точку опоры для одного колена на выступе горы, подтянулся как можно быстрее кверху и благополучно избежал опасности. Собака, к счастью, взобралась в другом месте.

Вскоре я снова очутился на длинном озере, миновав все трудности; теперь оставалось только найти Грёндалскую ферму. Она находилась неподалеку от края берега, у подножия крутого утеса, это я хорошо помнил, и я не мог пройти мимо, не опознав ее, хотя и было темно — только звезды бросали слабый мерцающий свет на снежную равнину.

На всех озерах я держался правой стороны и все смотрел, смотрел, но не видел ничего, кроме снега и опять снега да кое-где черных камней. Я проходил одно озеро за другим, но не находил никакой фермы. Это было словно какое-то колдовство, еще немного — и я заявлюсь обратно в Халлингдал.

Я посмотрел на часы — и едва-едва разглядел положение стрелок — как будто они показывали половину десятого. Я находился в пути с трех часов утра. Что ж, можно обойтись и без фермы, мягкая постель найдется и здесь, где мы сейчас стоим. Но дул пронизывающий холодный ветер, и нужно было укрыться от него.

В одном месте ветер намел к большому камню высокий твердый сугроб, я подполз к нему, вырыл

себе в нем ложе, надел шерстяную фуфайку — единственное, что взял с собой по части одежды — и, подложив под голову мешок, быстро заснул, пригреваемый сбоку свернувшейся в клубочек собакой.

Я проснулся. Уф! — как застыли ноги. Я выглянул из своей пещеры и посмотрел вверх; наверное, на снежных плато вверху уже светила луна. Значит, можно двигаться дальше.

Собака вопросительно взглянула на меня, но сейчас же опять свернулась в клубок — ей не хотелось пускаться в путь такую рань.

Времени было три часа. Я побегал взад-вперед, потопал ногами, потом стал на лыжи. Кругом озаренные луной горы сияли белизной. Неосвещенные склоны исчезали в угрюмом полумраке.

Но куда же итти? Вот если б увидеть то, что видят с своей высоты эти вершины! Должно быть, вчера впотьмах я забрел в боковую долину, а вон там впереди она как будто упирается в тупик; давай-ка, проверим это дело, а потом вернемся тою же дорогой, какою пришли; вчерашний лыжный след я наверное найду, если только его не замело снегом.

Я пошел в том направлении, убедился, что это действительно было ответвление долины, и вернулся затем к последнему озеру, которое пересекал вчера, и тут увидел свой лыжный след. Я оглянулся по сторонам, — и в самом деле, очень похоже на Грёндалское озеро, каким оно сохранилось у меня в памяти. Правда, горы как будто низковаты, но вон там, на южном берегу, точь-в-точь такой же крутой утес, как над Грёндалской фермой. Но куда же девались дома? Не совсем же их занесло снегом? Я заглянул

под утес, там действительно было какое-то возвышение; я ткнул в него лыжной палкой, и она ударилась во что-то твердое. Ну, да, возможно, что это крыша дома. Во всяком случае, надо взобраться на гору и оглядеться по сторонам.

Я полез наверх. Подъем был крутой и трудный, я не скоро добрался до вершины, но зато какой же там раскрылся вид! Залитое спокойным сиянием луны плато простиралось во все стороны, словно застывшее море белых волн, хребтов и долин, с равнинами между ними, и море это громоздилось вершинами и острыми ребрами все выше и выше и наконец исчезало в серебристой дымке на дальнем краю горизонта. Луна сияла на снегу, искрилась в обледеневших сугробах, долины же тонули во мраке.

Невдалеке на востоке вздымал свои мощные громады Халлингский утес. Вон там, дальше к югу, поблескивает, должно быть, Хардангерский глетчер и за ним большой ледник на вершине Осе; а на западе круто вздымается высокая гора с ровным ледником на вершине — это, наверное, гребень Фоссе. Прямо подо мною земля обрывалась во мрак, над головой моей высился темносиний купол неба с луной и звездами.

Но лунный свет обманчив, лучше дождаться дня и хорошенько удостовериться насчет дороги, а пока можно опять зарыться в снег и поспать несколько часов.

Но вот занялся день, и стало так светло, что я отлично видел все кругом. На западе, как я и думал, оказался гребень Фоссе — через него мне предстояло перевалить. Значит, надо направиться в ту сторону, а

потом итти долиной, которая подходит прямо к нему; но сначала надо позавтракать.

Взошло солнце — яркий луч пронизал пространство, блеснул на плато, вершины запылали, и хлынул целый поток света.

Стремглав помчался я к долине, потом по озерам к гребню Фоссе. Теперь я узнавал место — и фермы на Халлингском перевале и Грёндалская ферма, наверное, были совсем занесены снегом.

Наконец я добрался до верхнего озерка. Со всех сторон его обступали высокие крутые скалы, всюду глубокий снег, подъем оказался трудным, но путь мой проходил здесь.

Шаг за шагом поднимался я в гору, часто приходилось выбивать ногой ступеньки в твердой снеговой стене и, вколотив палку и лыжи, подтягиваться на них. Труднее всего было справляться с сугробами, а их было много. Перебираться через край такого сугроба приходилось подтягиваясь на лыжной палке. Бедная собака, — на крутых подъемах она, на своих четырех ногах, справлялась легче меня, но перед нависшим сугробом оказывалась беспомощной и начинала дрожать и выть. Большею частью она вскоре находила другое место для подъема, в других случаях я ложился на живот и подтягивал ее за собою. Я невольно изумлялся ее храбрости, когда, стоя на краю бездны, она вдруг делала рискованнейший прыжок вверх, на покрытую снегом скалу — стоило сорваться одной ноге, и бедное животное проделало бы очень неприятное путешествие вниз...

Наконец самая трудная часть кончилась. Фу! Однако, жарко! Изрядно пришлось поработать руками

и ногами, а солнце припекало. Меня томила жестокая жажда, но снег плохо утолял ее. От радости, что добрался сюда, я вынул припрятанный апельсин. Он замерз и был тверд, как кокосовый орех; я съел его целиком, с кожей и зернышками; с прибавкой снега он очень освежил меня.

На краю большого ледника, выступавшего над обрывом, я опять стал на лыжи и пошек зигзагами по ровно поднимавшемуся в гору ледяному полю.

И вот я на вершине. Впереди ровной площадью раскинулся ледник; вдали, на западе, поблескивали вершины, уходившие к Фоссу, на юге и юго-востоке — Хардангерские горы с глетчером и снежной вершиной Осе, а позади меня закрывали горизонт тяжелые громады Халлингского хребта. У ног своих я видел горную котловину, озеро и долину, из которой я пришел. Радостно было сознавать, что это препятствие преодолено; теперь их осталось уже немного, только бы добраться до долины Фоссе.

Так, значит, где-то в этих горных просторах проезжал, если верить саге, семьсот лет тому назад, в ноябре 1177 года, король Сверре со своими воинами, когда им пришлось отступать перед неприятелем и спасаться в Раунской долине.

Там «взял король Сверре пятерых проводников, из тех, что особенно хорошо знали все дороги. Да без них бы и не обойтись, потому что погода стояла такая плохая, как редко бывает. Снегу навалило неслыханно много... Тут потеряли они сто двадцать лошадей с золотыми седлами и уздечками, много разных драгоценностей, плащей, оружия и много других хороших вещей».

Да, все это весьма правдоподобно, потому что лошади здесь ни к чему. А вот дальше идет уже не так гладко: «К тому же они не знали, где находятся, и не только не ели, но даже и воды негде было достать. Целых восемь дней они питались только снегом. Накануне дня всех святых погода так разбушевалась, что — как невероятно это ни покажется — один человек от нее даже помер: ветром его бросило на землю и переломило ему в трех местах позвоночник. И когда налетали порывы ветра, ничего не оставалось, как броситься на снег и накрыться щитом как можно плотнее».

Это довольно яркое описание. Но маловероятно, чтобы люди, вдобавок знакомые с местностью, бродили в этих горах восемь дней и не попали в какое-нибудь населенное место даже и при самой плохой погоде: с привычными к горам людьми это не бывает. Еще менее правдоподобно, что они не могли найти в горах воды уже в ноябре, когда всюду бегут ручьи! Но, впрочем, дело ведь обстояло так, что когда сага писалась (аббатом Карлом Йонссоном), то «сам король Сверре сидел рядом и диктовал, что̀ писать»...

Я пошел по леднику и вскоре очутился на другой стороне, где он непрерывным потоком низвергается в Холодное озеро на глубину тысячи пятисот футов, становясь все круче и круче в своем падении. Ветер сбил снег в ровную твердую массу, кое-где попадались сугробы, а местами тонкая ледяная корочка. Трудно было управлять лыжами, но делать нечего — и я мчался вперед все быстрее и быстрее то по гребням волн, то опять по ровной поверхности... Я попытался умерить стремительность спуска, описывая зигзаги, но это мало помогало, лыжи только разъезжались в стороны, вре-

заясь в твердый снег, лучше уж было держать их вместе и мчаться прямо вперед.

Я съехал на лед и долго несся по нему, не делая ни одного движения, с непроизвольною дрожью во всех членах после головокружительного спуска. Я взглянул вверх — далеко в вышине, почти у вершины, двигалась черная точка: это неслась вниз моя собака.

Дорога стала теперь хуже, сказывалась близость моря, все чаще и чаще попадался снег, покрытый скользкой ледяной корой, очень невыгодной для лыж, да и для рук тоже, если им случалось неожиданно соприкоснуться с нею.

Но я все же быстро мчался вниз по тесному ущелью, ведущему от Холодного озера к альпийской ферме Опсет, расположенной выше всех других ферм в Раундале.

И вдруг я очутился над пропастью; куда бы я ни обращал взор, всюду гора круто обрывалась над тянувшейся глубоко внизу долиной. Снежный сугроб нависал над нею круглой скользкой шапкой, и я невольно отступил назад — неизвестно ведь, выдержит ли он мою тяжесть. Неужели нигде нет спуска? Здесь вид был довольно жуткий, но, может быть, удастся пробраться какой-нибудь узкой расселиной, где нет такого нависшего сугроба. И я осторожно, шаг за шагом, стал спускаться...

Теперь остались только длинные, удобные холмы, и под конец длинный спуск с откоса к Опсетской ферме. Этот переход оказался скверным; лыжи виляли по насту, я упал и сильно расцарапал себе руку у кисти о твердую ледяную корку.

Наконец я пришел в Раундал и по косогорам, поросшим березами, где вспархивали куропатки, стал спускаться к Клейвене, самому верхнему двору в поселке.

Ах, как мне хотелось пить! Не думаю, чтобы воины короля Сверре больше мучились от жажды. Ничто на свете не могло сейчас сравниться с литром хорошего молока.

Я подкатил к первому дому. В нем ни души! До следующего двора было несколько сот метров, — слишком далеко! Я снял лыжи, вошел, достал с полки большую кринку цельного молока и стал пить, пить, поел немного и опять пил, покормил и собаку.

В то время, как я угощался, сидя верхом на табуретке, в горницу вбежала стайка девчурок, но при виде меня и собаки они остановились, как вкопанные. С минуту они смотрели на меня во все глаза. Я поздоровался, в ответ ни звука. И вдруг они повернулись и побежали со всех ног. Должно быть, вид у меня был очень страшный.

Минуту спустя в горницу вошла женщина. Она заглянула в дверь, потом вошла, но остановилась в нерешительности у порога, из-за ее спины выглядывали рожицы перепуганных девчурок.

— Здравствуй, уж ты извини меня, матушка, что я взял у тебя молока; но мне так хотелось пить, что я не мог дожидаться.

— Ох, слава тебе, господи, это крещеные, а мы-то думали, что ты какой-нибудь тролль, а про собаку думали, что это волк или еще какой-нибудь страшный зверь. Такой большой собаки я никогда не видала.

Со мной был темнорыжий ирландский сеттер.

— Ну, тебе нечего бояться, ни она, ни я, мы людей не кусаем.

— Да откуда же ты сюда пришел?

— Я пришел через гребень Фоссе из Халлингдала.

— Да что ты, вот никогда ничего такого не слыхивала...

Они видели, как я шел на лыжах на самом верху березового откоса, окруженный облаком распыленного снега, и видели далеко за мной собаку в таком же снежном облаке, сам я был весь запорошен снегом и с головы до ног белый. И вот они приняли меня за горного тролля, который ведет за собой волка, и убежали в соседний двор, потому что дома были одни женщины.

Да это и не удивительно — никто никогда не проезжал этой долиной зимой и очень редко летом, а такой большой собаки, как обыкновенная охотничья собака, они никогда не видали.

Мы быстро подружились, и мне дали все, что я попросил, и молока и еды.

Я сильно устал, и невредно было бы вздремнуть полчасика. Я бросился на кровать и заснул.

В 4 часа я пошел дальше, но в долине начало быстро темнеть, а лыжный путь становился все хуже и хуже — скользкий и ухабистый. Поэтому, придя в Вольд, я решил, что лучше взять лошадь и проехать, если возможно, последние две мили.

Войдя в большую горницу с земляным полом и ярким огнем, потрескивавшим в камине, я поздоровался и спросил насчет лошади.

— Ну, да, лошадь ты, понятно, можешь получить, но ведь не нынче же вечером она тебе нужна?

— Нет, именно сегодня, я должен быть в долине Фоссе сегодня же ночью.

— Нет, это тебе придется оставить, потому что по такой дороге, да еще впотемках, ехать туда нельзя, дорога скользкая, крутая. Одна тропа Сверре чего стоит, по ней и днем-то насилу проедешь.

Я стоял на своем, я хотел ехать сегодня же вечером, и если не удастся получить лошадь, я пойду пешком. После долгих уговоров хозяин сдался и сказал, что «попробует».

Наконец мы поехали, но дорога, и правда, была плохая, и вдобавок темно. Нам пришлось почти столько же итти, сколько ехать; но я устал и радовался всякой возможности посидеть. Так мы добрались до опасной тропы Сверре, и она бесспорно оказалась отвратительной, но если одолеть ее, то дальше пойдет гладкая и прямая дорога.

Мы продвигались осторожно, спуск был крутой, и сразу у края дороги зияла пропасть; сама дорога выгорбленная и скользкая, нога с трудом находила точку опоры; если не держаться за сани, легко было поскользнуться и скатиться вниз; но лошадь, подкованная на острые шипы, ступала твердо, нам оставалось держаться за вожжи и сани, шаг за шагом спускаясь вниз.

Наконец мы добрались до конца спуска, здесь можно было сесть в сани, и мы быстро доехали в долину Фоссе. Времени было уже час ночи. Я постучал в дверь — прошло порядочно времени, пока ее отворили, передо мною предстала приземистая толстая фигура хозяина гостиницы; он был в подштанниках и произнес изумленно:

— О-о, это вы ездите так поздно?

Я мечтал о хорошей постели и получил ее. Хотя прошлой ночью мое ложе в горах Халлинга и было безукоризненно, но я все же нашел, что в гостинице Флейшера в долине Фоссе — лучше.

Послесловие

Тридцать лет спустя

Вечером в середине марта 1916 года я сидел в теплой комнате отеля Финсе и говорил, что с удовольствием постоял бы еще раз на вершине гребня Фоссе и посмотрел бы на места, где бывал в молодости, а потом попробовал бы пробежаться на лыжах к Холодному озеру и дальше. Андреас Клем — директор Хаугастёла, бывший со мной — сейчас же загорелся; правда, здесь в горах идет снег, но на западе ясная погода, он немедленно удостоверился относительно этого по телефону.

— Расчудесный лыжный путь! Завтра рано утром мы едем!

Ну, что ж!

Солнце еще не взошло, когда наш поезд прогрохотал по горному плато и подкатил к станции на Халлингском перевале, как раз там, где в зимний вечер тридцать два года тому назад я ходил, разыскивая занесенный снегом фермерский домик, чтобы забраться туда на ночлег. И на этот раз со мной тоже была собака.

Лыжный путь был хорош. Мы прошли по длинным откосам от станции до Грёндалского озера, потом

по льду и поднялись долиной к вершине Фоссе. Небо голубело, и вскоре показалось солнце. Почти такая же погода и такая же дорога, как и тогда, когда я был здесь в последний раз; но путь от Грёндалского озера до вершины показался мне гораздо длиннее, чем в тот раз.

Наконец мы добрались до верхнего озерка. Ну, да, я отчасти припоминал местность: те же крутые скалы со всех сторон и длинный трудный подъем к вершине Фоссе. И снегу было тоже чрезвычайно много. Но вышло все-таки по-другому: подъем показался вовсе не таким отвесно-крутым, каким он сохранился в памяти; и не было нависших сугробов, я поднимался легче, никаких трудностей и для собаки.

С гребня Фоссе перед нами раскрылся тот же вид на эти белые горные просторы. Он оказался еще чуднее, чем рисовался в моей памяти, а Андреас Клем сказал, что никогда не видел ничего прекраснее, хотя побывал в очень многих местах в этих горах.

Переход по леднику, от края верхней широкой площадки и вниз к Холодному озеру был еще труднее, чем запомнилось мне с прошлого раза.

Это большущий холм, и мы развили изрядную быстроту. Мы изо всех сил тормозили палкой, но неслись все-таки быстрее, чем нам было желательно. Сугробов и ухабов тоже попадалось больше, чем мне запомнилось с прошлого раза, и трудно было управлять лыжами, когда, подпрыгивая, несешься вперед и в то же время откидываешься назад, упираясь палкой. Во время этого стремительного бега лыжи вдруг раскатывались — одна по одну сторону сугроба, другая по другую, ноги неудержимо разъезжались все дальше и

дальше, казалось — вот-вот разорвешься пополам, но в последнюю секунду перед самой катастрофой удавалось повернуть и снова сблизить лыжи... Клем потом говорил, что с ним происходило то же самое и он тоже едва-едва успевал выправиться.

Мы пошли тогда частыми зигзагами, чтобы несколько уменьшить быстроту спуска; и наконец слетели с последнего крутого склона прямо на озеро и долго мчались по льду.

Потом оглянулись. Тот же вид, как и тогда. Далеко вверху двигалось темное пятнышко, это катилась вниз собака. Но, по правде сказать, эта гора, напиравшая на нас с далекой высоты, не произвела на нас особо сильного впечатления — мы не видели ее начала.

Андреас Клем сказал, что никогда не видал более «лихого лыжника»; ну, да ведь на ноги-то я еще не могу пожаловаться.

С того времени, что я был здесь, в этих местах побывали многие из участвовавших в постройке Бергенской железной дороги; и во время работ над Гравехалским туннелем по горам непрестанно разъезжали взад и вперед. И было найдено много более удобных переходов.

В частности, нашли лыжный путь, который назвали «докторским путем» в честь доктора Брууна, окружного врача в Оле, служившего тогда врачом на постройке туннеля. Этот путь проходит от Холодного озера как будто несколько восточнее, нежели тот, которым я шел, и спускается к Мюрдалу.

Но мне хотелось снова пройти прежним моим путем, и мы стали спускаться узкой горной долиной. Здесь снег был покрыт блестящей ледяной коркой,

затруднявшей управление лыжами, и надо было по-двигаться с осторожностью.

Наконец мы достигли того самого места, где я был вынужден остановиться в прошлый раз. Но, по правде сказать, было немногим хуже, чем я помнил. Мы вышли к тому же висячему карнизу и должны были отступить, и нам казалось, что нигде в другом месте не видно спуска.

Мы попытались спуститься в одном месте, где не нависало сугроба, и действительно спустились немного; но покрытая снегом скала была совершенно отвесна и местами с намерзшей твердой наледью. Держа в одной руке лыжи, мы выбивали себе ими ступеньки во льду, а другой в то же время плотно загоняли палку, чтоб было за что удержаться. Я находился в лучшем положении, чем Клем, у меня палка была без трензеля, и я мог загонять ее глубже. Дул сильный ветер, и резкие порывы его налетали из-за вздымавшейся над нами скалы.

В конце концов стало так круто, что нам было не под силу держаться. Снег почти везде превратился в лед, так что пробивать в нем сколько-нибудь глубокие ямки было нелегко. Мы бросили мешок, чтобы хоть он-то не мешал. Мешок полетел вниз, становился все меньше и меньше и, наконец, упал на дно долины — мы увидали его глубоко внизу, похожим на крошечную точку. Этим же путем отправились бы и мы, если б сорвалась нога. Но снежная стена была совершенно гладкая и ровно закруглялась над дном долины. Может быть, это путешествие оказалось бы и не таким плохим, если лечь на спину и покатиться? Но нам не захотелось пробовать: неизвестно, много

ли осталось бы от нашего платья, когда мы докатились бы донизу?

Мы оглянулись по сторонам. Вверху, под нависшим сугробом было что-то вроде покатости; может быть, все-таки лучше спускаться здесь? Мы вернулись туда и попробовали спуститься. Некоторое время все шло хорошо, но вдруг с верхнего сугроба сорвалась собака, перекувырнулась в воздухе и упала на маленький выступ на краю пропасти. Здесь она крепко уцепилась когтями и удержалась. Должно быть, порывом ветра ее сбросило с сугроба. Вскоре спуск стал опять круче, обледенелый снег тверже, а порывы ветра не уменьшались. Нам это показалось неприятным, захотелось вернуться туда, где мы попробовали спускаться, но не тут-то было! — пришлось остаться там, где мы находились. Вырубая ступеньку за ступенькой, мы перебрались на скалу по другую сторону ущелья, там снег был мягче и спуск легче. Наконец мы смогли надеть лыжи и помчались на дно долины за мешком.

Я не мог припомнить, чтобы в тот раз, когда я проходил этим путем один, я выбирался с таким трудом из этого ущелья. Но, вероятно, было не легче, и я почти проникся восхищением перед самим собой, что проделал такой спуск и это не оставило у меня более глубокого впечатления.

Вообще, как-то странно сложилось это воспоминание. Подъем представлялся скорее худшим, нежели он был, спуски же со склонов и пропасти гораздо меньшими и более легкими, чем в действительности. Может быть, причиной тому возраст? В то время как трудности при подъеме, даже и не особенно большие, кажутся нетерпеливому и неопытному юноше несноc-

ными, молодость играючи преодолевает все трудности при спуске. С годами вырабатывается осторожность.

А потом пошли одна за другой хорошие лыжни и под конец длинные откосы к Опсету. Здесь припекало солнце, и мы тщательно обходили все горки, не лежавшие в тени: Наконец мы достигли дна долины и начали подниматься к станции Опсет. Тут лыжи опять стали застревать, мы попробовали заставить их скользить, усердно натирали; но в конце концов в отчаянии сдались и с налипшими на фут комьями под каждой лыжей заковыляли в гору, пока не добрались к железнодорожной линии и к домам.

Оставалось больше часа до поезда в 12 часов 51 минуту, на нем мы вернулись в Финсе и там великолепно позавтракали в три часа.

Какая перемена! Как все сразу может измениться! Со времен Сверре — и задолго раньше — и совсем немного лет назад здесь было все то же — та же пустыня в этих горных просторах зимой...

А теперь!.. Паровозные свистки прорезывали тишину, поезда пыхтя пробегали взад и вперед, черный угольный дым, выбиваясь из отверстий туннелей, вздымался к голубому небу, и так называемая культура со своими большими отелями и неизбежными «туристами» вползает все выше и выше в горы.

Да, конечно, это очень «удобно» и «комфортабельно». Можно вечером лечь спать в Христиании и встать рано утром к завтраку в Финсе или на Халлингском перевале и совершить утреннюю прогулку по глетчеру или на снежную вершину Фоссе, и это привлекает в горы многих людей, которые иначе туда бы не поехали.

Но — увы! — если бы за всем этим не следовало то, что не служит к возвышению человека. Всевозможная роскошь, изысканный стол, напитки, туалеты, карточная игра и всякие дурачества. Теперь люди приезжают сюда, на плоскогорье, в какой-нибудь из здешних больших отелей, чтобы убить время, и днями и неделями живут такой шумной жизнью, что начинают стремиться в город, чтоб отдохнуть. Горные дали, которые возвышают человеческий дух, раскрывая перед ним широкие, величавые в своей простоте горизонты, видят лишь очень немногие. И мне все-таки больше нравится занесенный снегом фермерский домик, которого я искал тогда, но так и не нашел...

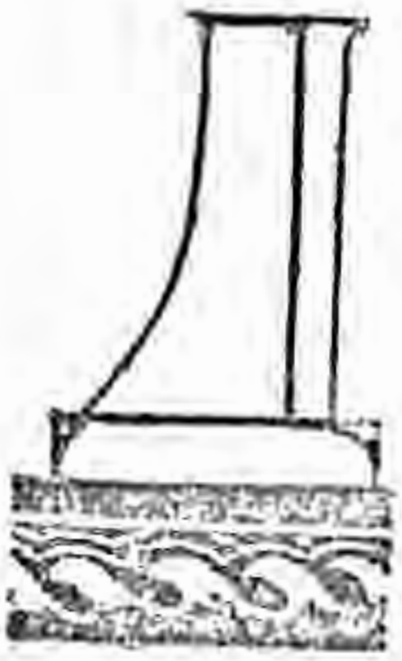
Одно воспоминание возникает у меня часто. Дело было во время возвращения из экспедиции в Ледовитый океан. Во всех городах нам устраивали торжественные встречи и банкеты. Ярким солнечным днем «Фрам» вошел в широкий живописный Троньемский фиорд, нас встретили пароходы, черные от людей, расцвеченные флагами с верхушек мачт до палубы, со всех сторон неслись крики «ура!» и виваты, пушечные салюты, всюду на суше и на воде царило ликованье. Ко мне на мостик поднялся Педер Хенриксен.

— Послушай, Нансен, — сказал он, — все это, может, и неплохо, но очень уж шумно. Я вспоминаю Ледовитый океан. Вот там нам было хорошо! — И он посмотрел на меня с какою-то странной тоской в простодушных детских глазах.

Была ли это тоска по тем местам, где небо так высоко, воздух чист, а жизнь проста? Стремление к уединению, тишине и величию?

ХАРАЛЬДСЕТН.

Сентябрь 1898 года.



ДРАГОЦЕННЫЙ камень не блестит без шлифовки, а человек не достигает совершенства без испытаний, — так гласит надпись в китайском храме, посвященном неумирающей гармонии. Но в таком случае я поистине приблизился к совершенству, потому что вряд ли какой-нибудь человек подвергался стольким испытаниям, как я во время этой экскурсии. Я собрался в горы осмотреть новые места для охоты.

Сначала я половину дня провозился со сборами, потом забыл позвонить из города, чтобы на железнодорожную станцию выслали лошадь, и должен был ночью гонять за нею служанку к деревенскому торговцу.

Наконец, утром я уехал. Эрик Веренскьолд и Мольтке Мо сопровождали меня до определенного места. Сначала мы поехали по железной дороге до Крёдера. Но тут я обнаружил, что позабыл сухари для собаки, и домашним моим пришлось телефонировать в Драммен, чтобы там к приходу поезда вынесли на станцию мешок сухарей. Уладилось и это.

Потом, на Крёдерской станции, пока мы занялись чем-то другим, у нас из-под носа чуть-чуть не ушел пароход.

Потом один из моих чемоданов со всем запасом провизии на время экскурсии выгрузили в Улберге, и в Гулсвике я несколько часов бегал по пристани и телефонировал, безуспешно разыскивая чемодан, и переполошил всех железнодорожных служащих. Тем временем милый Мольтке Мо сидел у дороги, пристроив вместо стола ящик, и писал какое-то прошение, которое обещал одному человеку, но не успел написать перед отъездом — надо было сделать это сейчас.

Наконец уладилось и это, и мы двинулись в путь долиной Халлинг. Но тут я наехал на свою охотничью собаку Лайлу, она подняла такой страшный визг, что я подумал: ну, вот, вся охотничья поездка испорчена! Но, по счастью, ни на одной ноге не оказалось перелома. Я посадил Лайлу в тележку, и она скоро успокоилась и оправилась.

Потом мы встретили большие стада коров, и другая собака, Йомпа, маленький водяной спаниэль, удрала в лес. Нам пришлось долго гоняться за ней, пока мы, наконец, не изловили ее. Она обезумела со страху, впервые в жизни увидев такое множество коров.

Наконец, вечером мы достигли Овеструда; но тут Мольтке вспомнил, что должен написать в стортинг ходатайство о назначении стипендии Л. и отправить его с ближайшей почтой.

Как это на него похоже! Всегда и все для других, ничего для себя. Утомленный непривычно длинным днем и путешествием и все же неутомимый в отношении доброты к другим, он сидел и писал до половины первого ночи, а у дверей дожидался человек, чтобы отнести письмо на юг к сельскому почтмейстеру в Вике. Но зато и написано оно было так, как не написать бы никому другому.

На следующий день (7 сентября) мы прибыли в Нэс, а вечером привезли чемодан, посланный с нарочным железной дорогой.

В Нэсе находился шотландец, сэр Джемс Ф. с женой, приехавшие удить рыбу в Севре-фоссе. Он нашел неудобным проделывать ежедневно длинный путь до этого места. Он жил здесь с 4 июля и намеревался остаться до 26 сентября. Днем он и его жена выезжали на реку в Нэсе, но не поймали ничего. Леди очень жалела, что не может сама заводить невод в реке, но не решается ходить в шароварах, боясь шокировать крестьян. И она и сэр Джемс испытали большое облегчение, когда я уверил их, что крестьяне отлично поймут это, даже если она и совершит неслыханное неприличие и будет ходить в штанах.

Хозяин Нэсской гостиницы, где мы остановились, был любезный человек, старавшийся выражаться изысканно. Он сказал, что моя собака Йомпа консервативна, потому что упорно держится в своей дамской компании и не желает иметь ничего общего

с чужими кобелями. Почему это так уж особенно консервативно, осталось для нас невыясненным.

Еще он рассказал, каким образом ухитряется надувать своих постояльцев. У него было простое красное вино, изрядно кислое, и он продавал его по две кроны за бутылку. Несколько англичан, презрительно усмехнувшись, спросили, нет ли у него вина подороже. Как же, есть, спустился в подвал и отыскал несколько бутылок того же самого сорта, но запыленных и грязных. Их он внес с большими предосторожностями и сказал, что цена этому вину четыре кроны за бутылку. Тогда, по его словам, вино понравилось. Так что у людей, будто бы разбирающихся в тонких винах, должно быть, главную роль играет воображение.

В пятницу утром (9 сентября) настало самое худшее испытание: пришлось проститься с Эриком Веренскьолдом и Мольтке Мо, возвращавшимися домой, тогда как я направлялся дальше, на запад, в горы на вьючных лошадях.

В Руккедале я зашел на ферму к Уле Харальдсетну, которого хотел сманить с собой на охоту; но дома оказалась только жена, муж был в горах, натаскивая молодых собак, которых взял для дрессировки. Но он должен был вернуться дня через два, и тогда наверное нагонит меня. Тогда я отправился мимо Лиасет и горного хребта Брунгильды в Холмевасс.

В субботу (10 сентября) я объехал все холмы и горы к востоку от озера Холме в поисках куропаток и фермы Бренбу, где я собственно должен был жить. Куропаток я нашел немного, всего два выводка, но ферму под вечер все-таки нашел.

Ферма Бренбу

Воскресенье, 11 сентября

Вечереет. Тлеют горячие угли в очаге; собаки лежат на полу, усталые после охоты, радуясь отдыху. Я сижу на кровати и смотрю в окошко на горы.

Вершины поднимаются одна за другой. Здесь впереди, между низкими, поросшими березой кряжами, — несколько болотистых озерков, теперь темных и спокойных после бури, еще продолжающей подгонять облака над вершинами хребта.

А вдали, между синими вершинами, как раз над узенькой полоской солнечного заката, поблескивает золотое озеро, манящее, словно русалочий глаз. Оно шлет весть и привет. Золотые волны его таят покой для пламенеющей человеческой души.

Дальше к краю простираются сверкающие голубизной горы, вершина Халлинг, с искристыми фирновыми полями и макушкой, еще скутанной клубами быстро несущегося тумана...

Целая лавина овец и коз обрушивается на луговину. Как они прыгают и резвятся в безудержной жизнерадостности! Ягнята носятся кругом матерей, как будто жизнь — сплошное наслаждение; маленький хвостик так и ходит от радости всякий раз, как голова просунется под теплый материнский живот и жадный рот схватит тугой сосок. Баран устремляется следом за овцами, и удар его ног о досчатую ограду отдается, как выстрел.

Вон идет с подойником женщина доить коз, спокойно ожидающих поимки. Дальше, у подножия поросшего березой склона, на краю болота, ходит стадо коров, издали слышны бубенчики и мычание

Но вот осенний вечер темнеет, озеро внизу становится еще чернее и глубже. Высоко в небе мчатся мрачные тучи. А среди всего этого — человек, снова обретающий себя во всем и ни в чем, не являющийся сам ни дремлющим озером ни мчащейся тучей и самый ненужный из всего, что его здесь окружает.

Темнеет быстро, отдельные капли дождя ударяют в оконное стекло, скоро наступит ночь и окутает горную даль, темные озера и блистающий вдали русалочий глаз.

Понедельник, 12 сентября, вечером

Опять я сижу под вечер у окна, опять лежат на полу усталые после охоты собаки, и снова это чудесное ощущение в мускулах, когда расправляешь члены после утомительного дня. Это благополучие зверя, счастье мягкого тела, еще ощущающего в себе упругость — вечную жажду молодости...

Есть, есть радость в жизни дикаря, и это оттого, что таящийся в нас первобытный человек чувствует себя ближе к своему первоисточнику...

Я сижу, и одна за другой проходят передо мною картины этих горных просторов...

Я вижу горы на западе в осеннем дождевом тумане... Темнеет, уж под вечер; гоняясь за стадом оленей, я забрался далеко в горы — туман все густеет и густеет, нетрудно и заблудиться... Оленья туша закапывается в землю на голом каменистом откосе, потом впотьмах я устремляюсь к месту, где остановилось стадо, переправляюсь вброд через несколько рек, по пояс в ледяной воде. Наконец я у цели. Застывшие

ноги сводит судорога, и, выбравшись из последней речки, я с трудом поднимаюсь по косогору. Хижина не из первоклассных, крыша протекает, наружи льет, как из ведра, и я мокр до костей. Дрова тоже мокры. Наконец огонь начинает пригревать — вся одежда развешивается для просушки, а я сижу голый у печки и жарю на вертеле оленину. Съедаю ее полусырой, с кровью... Потом накаляю камней и кладу их в кровать, где трава насквозь промокла от капели с крыши. Получается теплая, хотя и неровная подстилка, но лежать надо, изогнувшись в виде римского S, чтобы на тело не капало. На следующий день с утра опять в погоню за оленями...

Потом передо мною проходят горные дали, покрытые снегом и блистающие на солнце, вершины выступают одна за другой, словно лагерь белых палаток, раскинутый на краю бледнозеленого прозрачного неба; на лыжах несешься вдаль легко, как ветер...

...А вот эти же горы в зимнюю ночь под раскинувшимся над ними звездным куполом. Одинокий человек и собака ищут хижину, исчезнувшую под наметенными сугробами снега...

...И я вижу горные дали в снежный буран, когда все кругом в разъяренной борьбе, ни в какую сторону нельзя раскрыть глаз. Порывы ветра налетают с такою силой, что на лыжах идешь не вперед, а стремительно катишься назад. Но надо подвигаться вперед, пока не найдешь приюта от непогоды...

Все это — та же вольная, простая жизнь на чистом воздухе, возвращающая перевес заложенным в нас изначальным силам.

Среда, 14 сентября, вечером

Ужасно мало здесь куропаток. Вчера я день-деньской проходил по чудесной местности, где бы только и водиться куропаткам, но убил всего пять штук да немногим больше и видел.

Далеко в горах, по ту сторону озера Холме, я встретил Харальдсетна, находившегося на пути сюда. Это плотно сколоченный человек, пониже среднего роста, голова у него крепко посажена на могучих плечах — лицо в окладистой бороде дышит силой, волосы лохмами торчат из-под войлочной шляпы. Мастер на всякого рода охоту и ловлю, вечно бродящий по лесам и горам, все равно, стоит ли лето или зима, — он одна из тех бродячих натур, которым жизнь в долинах кажется слишком тесной и мелкой. Их много таких в разбросанных норвежских поселках — эти люди строят свою жизнь, как сами хотят, а не так, как угодно другим; может быть, и мы все тоже сумели бы построить так свою жизнь, но мы даже и не пробуем.

С ним была не собака, а сущая игрушка — молодой английский сеттер, отданный ему в дрессировку, — отличная красивая собака, но такая худая, что невольно возникало опасение, как бы ребра у нее не проткнули кожу. Она была до такой степени разборчива на еду, что очень трудно было заставить ее съесть что-нибудь. Мы прозвали ее Кащеем.

Сегодня утром был южный ветер с дождем, пасмурно и уныло, все вершины окутаны сырым туманом. Попозже ветер сменился холодным северо-западным, он становился все резче и резче, перешел в воющую бурю, и небо, прояснив, стало холодным и голубым.

Весь день бродили мы по горам, почти не находя куропаток, кроме одиночек-самцов. Только поднявшись на самые высокие вершины, мы встретили несколько небольших стаек. Но дул такой сильный ветер, что собак и людей чуть не сбивало с ног, а Харальдсетн частенько опрокидывался навзничь, когда быстро поворачивался, чтобы выстрелить в куропатку. Бедняжка Йомпа перекувырнулась в воздухе, когда ей пришлось прыгнуть в ивняк; а несчастного Кащея, должно быть, продувало насквозь.

Куропатки тянули плохо и летели по ветру на восток от гор, насколько нам было видно вдаль. Харальдсетн сказал, что они летят прямо в Швецию. Добыча у нас была скудная. Видели мы еще зайца на ветру на вершине горы; но он покатил прочь, словно комочек шерсти.

Я невольно любуюсь Харальдсетном; никогда не приходилось мне бывать на охоте с крестьянином, который знал бы столько приемов для натаскивания собаки на птицу и так мастерски стрелял бы влёт. Полезный человек в горах по части разыскивания куропаток и ходок повыносливее большинства, это я сегодня подметил. Но ведь и то сказать, он хорошо знает все места на горных пастбищах; от него веет свежим ветром, он действует оживляюще. Без конца может он рассказывать о том, что видел и испытал в лесу и в горах, большею частью на охоте; слов у него порядочный запас, и он на них не скупится.

Лесную дичь он стрелял на токах весной и на приманку осенью, а в последние годы охотился с собакой. Куропаток стрелял осенью из-под собаки, а зимой ловил силками. На зайцев охотился много, и были

у него хорошие собаки, но еще усерднее охотился на лисиц.

«Мы с булочником, — рассказывал он, — знаешь, с булочником Иоганнесом из Нэса, изрядно-таки погонялись за лисицами, мы вдвоем, а и один-то я невесть сколько за ними выходил в свое время. И вот с год тому назад были мы с булочником вместе на увале за Докьи, и были со мной в ту пору две чудесные собаки. Ну, и вот, только что я их спустил, они сразу и погнали — помчались сверху, от макушки, и дальше в горы, далеко угнали.

«А я, знаешь, люблю менять собак во время травли. Когда первая собака загоняет до устали и себя и лису, я спускал свежую собаку. Но тут Миккелю пришлось плохо, и он бросился в нору, где собакам уж его было не достать. Но собака так заливалась лаем, что отдавалось везде в горах, и скоро подошли к ним и мы. Ну, и вот, стоим мы и совещаемся.

«Взяли собак на смычок и отложили ружья. Я должен был залезть в нору и посмотреть, что там делается; для начала я потыкал палкой и вдруг чувствую, что она уткнулась во что-то мягкое, — в ту же минуту лиса выскочила в другой выход на дальнем конце норы, перемахнула через здоровенный камень и была такова. Я выскочил, хватаю ружье, что лежало поближе, булочников дробовик, ну, и промазал, потому что из чужого ружья, сам знаешь, стрелять неспод-ручно.

«А булочник так растерялся, что выпустил свору, собаки помчались, как бешеные, и потащили за собой веревку. Но, понимаешь, раз их не держали, они гнали во-всю, такие уж это были славные собаки.

«Повыше пастушьей хижины в горе есть пещера, лиса туда и забилась. Собаки так и надрывались от лая, пока мы не подошли и не взяли их на свору.

«Но пещера эта глубокая, так что сразу добраться до лисицы было не так-то легко, а добыть нам ее оттуда было нечем. Я заострил длинную палку — потыкать в лисицу, а булочник побежал вниз в деревню за какой-нибудь снастью.

«Вот стою я и все тыкаю и тыкаю, пока не почувствовал, что угодил во что-то мягкое, и понял, что это лисица. Я стал крутить палку до тех пор, пока она не запуталась в шерсти, тогда я стал подтягивать палку и подтянул настолько, что ухватил лисицу за заднюю ногу. Но тут она вцепилась мне в пальцы, а я так быстро рванул к себе руку, что перебросил лисицу через себя и через собак, которые стояли привязанные, и отшвырнул ее далеко в лес. Собаки завизжали от злости, рванулись так, что перервали привязь, и одним махом погнали вниз за лисицей, по направлению к школе.

«Я схватил ружье и побежал за ними следом. Спускаясь с горы, налетел на булочника и чуть не сбил его с ног.

« — Чорт побери, куда это ты бежишь? — говорит он.

« — Куда я бегу? — говорю я. — А ты что же, разве не слышишь гона? — И тут мы побежали оба.

«Но ты бы посмотрел, что делалось в школе: там гон шел кругом домов, проклятая лисица завернула за угол, собаки за ней, учитель и ребята в классе перебегали от окна к окну и глазели. Беспокойный вышел у них урок. А когда я нацелился в лисицу, одна из собак подскочила и угнала ее в другую сторону».

За куницами и выдрами он тоже погонялся немало.

«Ну, выдра, это такая хитрая бестия, что с нею не так-то просто иметь дело, — сказал он. — Можешь как угодно разведать ее жилье и все-таки не поймаешь ее. Она отлично знает, когда ты находишься поблизости, и ни за что не выглянет.

«Вход в ее нору устроен под водой в речном омуте, она в него и ныряет, когда ей нужно домой; а выходя из норы, она сначала все хорошенько высмотрит по сторонам. Сперва из воды высунет только кончик носа, потом чуточку покажется глаз, а потом она уж и сама всплывет, а на берег выбирается так тихо, что даже и вода не плеснет. Много безлунных ночей проторчал я зимой у реки и караулил, когда она выйдет из отдушины во льду, но только понапрасну замерз.

«И вот я сшил себе меховой мешок, вроде того, в каких, я слышал, люди спят на севере во льдах, и этот мешок я сначала испробовал у себя дома на полу. Ну, что ж, влезать в него было не так трудно, хотя мне и показалось тесновато, и лежать было мягко и тепло, но вот вылезать из него во много раз хуже. Как я ни старался, я только катался по полу, словно запеленатый младенец; старуха моя нахохоталась до-упаду, ну, а я, конечно, ругаюсь. Пришлось ей потом помогать мне стаскивать этот мешок.

«Я сделал его пошире и отправился с ним на охоту. Ночь была дьявольски холодная, но в мешке мне было тепло, и вот я лежу в нем и размышляю о том, какой это молодчина его выдумал, и все жду выдру, которая не показалась и, видно, решила меня заморозить.

«Башмаки свои я снял и оставил на пригорке, — но когда я захотел их надеть, они, оказалось, замерзли

и стали твердые, как дерево, и как я их ни вертел и ни мял, никак не надевались на ноги. Делать нечего, пришлось мне итти домой в одних чулках. Но когда старуха открыла мне дверь и увидела, что я стою в одних чулках и держу в одной руке мешок, а в другой башмаки, она рассердилась и говорит: «Что это за фокусы, говорит, ты выкидывáешь?»

Поговорили мы с ним о зиме и о ходьбе на лыжах.

«Да, — сказал Харальдсетн, — одну зиму мы со студентом Х. совершили здоровую прогулку на лыжах. Надо сказать, что парень этот умел ходить на лыжах, этого у него никак не отнять. Забрались мы на горы к северу от Руккедала, и он захватил с собой и поесть, и пóпить, и письменные принадлежности, потому что должен был писать для спортивной газеты, но писать-то оказалось не о чем.

«Да, да, и вот, уж на обратном пути, вышли мы на увал над Нэсом, а там, ты знаешь, страсть как круто. Я его предупреждаю, чтобы он катил не слишком быстро, ну, а он, понятно, храбрится. С нами была бутылка пунша, и он хватил из нее больше половины. С тем мы и пошли дальше.

«Я шел осторожно, бросался в сторону и делал петли, чтоб замедлить спуск. Но когда я прошел некоторое расстояние, спуск сделался еще круче, и лыжи неслись все быстрее и быстрее.

«И вот докатился я до поворота, где надо было взять вправо, но там лежал прямо на пути большой камень. Тут нам с Х. не повезло: он не стал остерегаться и развил, знаешь, огромную скорость. Ну, и налетел на камень и проделал целое воздушное путешествие.

«Потом подъехал я и оглянулся, ища его глазами. Смотрю, а он висит на березе, да так высоко, что до него едва и достать. Ну, и нахохотался я тут, едва устоял на ногах. Он уж повисел так до моего прихода, и если бы это затянулось еще надолго, он, пожалуй, тут бы и окачурился, знаешь.

«Пришлось мне стаскивать его с этой березы, лыжи-то у него ведь были привязаны, а он, видишь ли, ими и зацепился за березу».

Четверг, 15 сентября

Сегодня в горах слишком сильный ветер, чтобы охотиться, куропатки тянут плохо, и моментально скрываются, так что их больше не видно. Я прошелся на западную вершину, чтобы поразмяться. Какая бодрящая погода! Ветер закручивал смерчи на озерах, вода вскипала белой пеной, а брызги взлетали вверх, словно снежинки в метель. Они кружились хороводом, с каждым порывом ветра их неистовая пляска все усиливалась, и в облаках брызгов сияла радуга. Вверху над всеми вершинами шумел и завывал ветер. На верхнем гребне горы, в расселине между двумя зубцами, круто обрывающимися с обеих сторон, так задувало, что я должен был сильно упереться ногами в мох и присесть на корточках, чтобы меня не снесло с отвесной горы. Далеко внизу, в тесной долине, над Ватским озером, мчалось белое облако — это вспененная ветром вода взлетала кверху, как пыль.

На душе становится удивительно легко в такую погоду, она словно обостряет волю... Испытываешь необычайную бодрость, искупавшись в бурю.

...И вот опять я сижу, подняв ноги на печку, смотрю на тлеющие угли и слушаю, как ветер завывает в печной трубе. У окошка Ула Харальдсетн рассказывает разные истории, а парни и девушки, слушая его, хохочут. Он рассказывает об одном датчанине, который в прошлом году жил на хребте Брунгильды у Розенберга и с которым он ходил на охоту. Этот датчанин всегда видел «не меньше нескольких сотен куропаток всякий день, когда ходил на охоту». Если поднимался выводок и Харальдсетн говорил, что в нем штук восемь или десять куропаток, датчанин отвечал: «Да ты с ума сошел, парень, там их было не меньше тридцати или сорока!» Стрелял он чуть не поминутно, но никогда не сбил ни перышка и всякий раз говорил: «Ну, тут только самому чорту стрелять!»

«Но тут собаке надоели эти бестолковые дела, она перестала делать стойку, а терлась у наших ног и болталась зря. Тогда Розенберг дал Харальдсетну ружье, чтобы он убил несколько куропаток и этим взбодрил бы собаку; но Харальдсетну было строго приказано давать датчанину стрелять первым. Ну, что ж, тогда дело пошло так, что датчанин стрелял раз и промазывал, а потом раздавался второй его выстрел одновременно с выстрелом Харальдсетна, и тут случалось иногда, что попадали и в куропатку. Тогда датчанин говорил: «Что за чертовщина такая, никогда я не могу попасть с первого выстрела!»

Однажды собака погналась за куропатками по голым каменистым склонам и завела охотников очень далеко.

— Чорт побери, да что же это такое? — сказал Харальдсетн. — Никак здесь водятся медведи!

— Не пора ли нам домой? — сказал датчанин.

Несколько лет тому назад Харальдсетн ходил на медвежью охоту с немцем С., и о нем у него тоже было много рассказов.

Дело происходило в горах Фьелабу, там они бродили несколько недель в поисках медведей.

«Он не хотел брать на медведя собаку; они, говорит, только пугают медведя. А мы, говорит, сделаем так, что медведь сам придет к нам, Уле. И вот он купил старого козла. Зарезал его, а потом сделал несколько надрезов на брюхе, так что у козла вывалились кишки. Потом привязал ему на шею веревку. И этого козла я должен был таскать за собой взад-вперед по лесу целый день, медведь будто бы учует его и выйдет. Ну, что ж, парень, таскал я этого козла день за днем, покамест почти уж нечего стало и таскать. Должно быть, он был полоумный, этот немец!

«На спине у меня был целый вьюк всякой всячины, которую мы каждый день таскали с собой в лес, хотя и заходили не дальше как за пастбище, но он говорил, что ничего нельзя оставить. А кухонной посуды и всяких жестянок было на целую гостиницу, и котелок, и чайник, и ложки, и чашки, и сковорода, и вилка, и ножик, и тарелка, и все это надо было забирать с собой каждый день.

«Да, парень, он привез с собой даже пилу, и топор, и молоток, и клещи, и длинные шестидюймовые гвозди! Ну, а я, когда стал укладывать эти гвозди, и спрашиваю, на что они ему. «Как же, — говорит, — их непременно надо взять на случай, если нам придется ставить хижину». И еще кровать, парень, настоящую по-

ходную кровать я должен был носить за ним, чтобы ему не надо было возвращаться спать в деревню.

«Я занял тогда у людей ягдташ, побольше того, что висит здесь; но в него ничего не помещалось, и мне пришлось взять большой мешок, кроме сетки.

«Я нес на себе целый груз, которого хватило бы на хороший вьюк, а потом еще тащил за собой на длинной веревке того козла, а жестянки и котелки бренчали у меня за спиной в горбе. Они брякали, словно коровьи колокольчики, и нас было слышно издалека. А немец шел, дудил в дудочку и мекал, будто козленок. Это, говорит, приманит медведя.

«Под вечер мы положили козла на землю, а сами сели за елку и стали ждать медведя. Так мы просидели до тех пор, пока совсем стемнело.

«Тогда он придумал, что он останется стоять на посту, а я должен пойти подальше в лес и гнать к нему медведя. Ну, что ж, я пошел, иду, стучу палкой по елкам и мычу «му-му», будто я бык. Но когда я замычал слишком громко, он разозлился и крикнул:

«— С ума ты спятил, Уле, этак ты совсем запугаешь медведя!

«Когда мы шли, он определял дорогу на ферму по компасу, который носил с собой. И сколько мы ни ходили днем, ферма всегда должна была находиться в том направлении, какое стрелка показывала утром, когда мы выходили. Но ты, наверное, знаешь, как они показывают, эти стрелки. И вот, когда мы вволю находились и проплутали по этим компасам и стало темно, мне эта история надоела. Я увидал на косогоре быка и погнал его перед нами, и мы пришли прямо-

хонько на ферму. Это вот был компас получше, чем у него.

«Каждый вечер он говорил: «Завтра надо выйти пораньше, чтобы найти медведя, Уле».

«Ну, а утром мы вставали часов этак в девять-десять, и пока мы успевали снарядиться, часы показывали никак не меньше двенадцати. А когда наступал час, нужно было обедать — все равно, где бы мы ни находились, а находились мы тогда большею частью недалеко от фермы. А потом надо было все укладывать обратно и прилаживать торбу на спине, и тут уж время было далеко за полдень.

«Не иначе, что он был полоумный, видишь ли.

«Но один раз мы-таки в самом деле увидали медведя. Это было на лесной опушке. Немец шел впереди, а я за ним со своим вьюком и козлом. Тут я увидел невдалеке медведя. Немец маршировал на самом краю откоса, так что медведь скоро бы его заметил.

«Я побежал, схватил его за руку и говорю: «Вон медведь».

«— Ну, что же тут удивительного? — говорит он. — Разве мы с тобой не ходим и не ищем медведя? Уж очень ты горячишься, Уле, — говорит он.

«Я стал осматриваться, где бы нам получше стать

«— Нет, ты прямо полоумный, Уле, ты ровно ничего не понимаешь. Я сейчас подманю его поближе, — говорит он.

«Мы залегли за пнем, а немец вытащил свою дудочку и замекал, и, правда, похоже на козленка. Вот мы лежим, а медведь подходит ближе и остановился на камнях против нас.

«— Стреляй, — говорю я немцу.

«— Ты просто полоумный, я подманю его поближе. — И давай опять мекать.

«Ну, медведь и, правда, подходит ближе. Но прямо перед нами, локтях в 30 расстояния, была расщелина, так что медведь остановился и, видимо, решил повернуть.

«Тогда я подумал, что это выходит уж очень глупо, взял двустволку, заряженную пулями, которую я должен был носить и класть возле него, когда он собирался стрелять. Но он перехватил ружье, пополз чуточку вниз и говорит:

«— Я сейчас ворочу его, — и опять начал мекать.

«Так он лежал и мекал весь вечер напролет, покамест не стемнело, и, пожалуй, проторчал бы там всю ночь, если бы не я, а я хотел ночевать дома.

«Однажды вечером, когда мы расположились на ночевку в пастушьей хижине у подошвы Фьелабу, я подумал, что немец мой прямо-таки покончится. Он лежал на кровати, которую мы поставили там у стены; я положил в печку смоляной пень; чтобы он горел, пока я схожу в деревню за молоком.

«Но я, понимаешь, немного замешкался, ферма находилась довольно далеко внизу, да и скотниц никого не было, и мне пришлось их дожидаться.

«Когда я возвращался, я еще издали услышал, как немец кричит и плачет, и побежал поскорее.

«Он сидел в комнате и закричал мне, что он чуть не сгорел. Смоляной пень разгорелся, пока я ходил, и от него загорелись дрова, лежавшие на печке. Так он, видишь ли, испугался и давай, значит, вопить, покамест я не пришел.

«— Нечего сказать, хорош ты, — говорит он, — хо-

тел меня спалить, пока сам бегаешь за девчонками. Мы с тобой охотимся на медведей, Уле, и нам не полагается бегать за девчонками. Выброси отсюда дрова и можешь в наказание ложиться спать без ужина.

«Он прямо вздурел. Ну, что ж, я выбросил смоляной пень и улегся. Но и тут мне не было покоя, потому что не успел я улечься, как он опять закричал:

«— Погаси огонь, я не могу спать, когда он светит!

«А в печке, видишь ли, еще чуточку тлел огонек. Ну, я взял воды и плеснул в печку, но камни, понимаешь, раскалились, зашипели, и пар повалил во все стороны. Тут он вскочил на кровати и повернулся при этом так, что пар попал ему в глаза. Вот когда началась по́теха! Что ты думаешь, парень, ведь принялся реветь.

«— Ох, господи, теперь у меня из-за него пропадут глаза!

«Пришлось мне рыться в его аптечке и отыскивать глазную мазь. А он все жаловался и кривлялся.

«— Ты все делаешь шиворот-навыворот, Уле!»

— А ты, должно быть, и вправду долго проходил, у тебя ведь хорошее знакомство на этой ферме, Харальдсетн, а? — вставила одна из девушек и засмеялась.

— Да, конечно, немного времени, понятно, прошло, потому что девушек как раз не было дома, когда я пришел, а потом со мной была немцева туфля, которую надо было починить.

— Рассказывай, наверное ты любезничал с девушками!

— Ничего я не любезничал. Но, понятно, у меня там знакомые, а немец разозлился, потому что на него не обращали внимания.

«Один раз утром, когда мы вышли на охоту, я заглянул в хижину, и он, должно быть, слышал, как я разговаривал с девушкой. Когда мы пошли, он меня спрашивает:

«— А что, они красивые, эти девушки, Уле?

«— Ну, да, — говорю я, — очень красивые.

«— Тогда надо мне, пожалуй, сходить к ним в гости, — сказал он, а когда вечером мы вернулись домой, он говорит:

«— Нынче я сам схожу за молоком, Уле.

«Ну, забрал он кувшин и отправился; но вскоре вернулся без молока и без кувшина. Ничего не сказал, уселся в горнице и стал смотреть на огонь в печке. Немного погодя говорит:

«— Эти девушки чертовски добродетельны!

«Они его выпроводили, понимаешь, и за молоком пришлось итти опять же мне».

— А он когда-нибудь убивал медведя, этот твой немец? — спросил кто-то из парней.

— Да, я спросил его как-то, — ответил Харальдсетн. — Да, он застрелил двух возле Овеструда, но только они ему не достались. Я спросил, как же это так могло получиться.

«— А вот как, — говорит он, — я поднялся на горку и увидел двух медведей, сразу же в них и выстрелил: бум! бум!

«— Так, может, и был-то только «бум!», а пули-то пролетели мимо? — сказал я.

«— Нет, так этого не надо понимать, — говорит он, — просто такой звук был у выстрела. Оба медведя упали, но потом они убежали».

Суббота, 17 сентября

Чудесный день. На голубом небе ни облачка. Одетые в золотисто-коричневый осенний убор, горные дали простираются во все стороны. Люди и скотина из окрестных ферм разбрелись по домам. Харальдсетну тоже пришлось отправиться домой со своим Кащеем, ему так и не удалось заставить его есть.

Я один среди этой уединенной красоты. Только собака, бегающая и шарящая по кустам ивняка впереди, да мальчик, лежащий рядом со мной на кургане, — наверное, он скоро заснет, пригретый солнцем.

Голубые ручьи и озера, разбросанные всюду между коричневыми холмами, кажутся еще голубее на этом золотисто-коричневом фоне. Глаз следит за уходящим все дальше и дальше пышноцветным ковром, хребты за хребтами вздымаются, словно морские волны.

Между хребтами длинные трещины; видно, как глубоко они врезываются, какая-то дымка, похожая на легкий пар, поднимается от них к небу — там, глубоко внизу, живут люди.

Дальше вершины становятся все синее и синее, а совсем вдали дерзко и весело блистают на солнце снеговые громады. Глаз свободно устремляется во все стороны — ничто не останавливает его на пути. Далеко на юге высится одинокая вершина Гауста.

Вон там, на северо-востоке, это, должно быть, Ронданы, голубые и мглистые, а дальше к северу — может быть, Снехетта? Потом весь Йотунхейм, дикий и мощный, и на восточном краю его, словно бдительный страж, — Наутгардский пик, за ним Кальвохёгда и

зубчатые вершины Торфина, блистающие ледниками и фирновыми полями. Еще дальше на запад до самого Фосса простираются Хемседалские горы. А потом Скарве, широкая и такая надежная, как будто ничто на свете не может поколебать ее спокойствия, безмятежно несет на спине своей громадные массы фирна. И совсем на западе — Йокулен, с громадным глетчером, похожим на гладкую наброшенную простыню, скрывшую под собою все темное. Бе́лый и блистающий, он кажется мне приветом из необъятных снеговых просторов Дальнего Севера.

Какое благодетельное действие производит такой день в горах; свежие впечатления обновляют душу, выметая все затаившееся в ее уголках, и преисполняют ощущением свободы...

Ага, собака сделала стойку! Скоро над золотисто-коричневым ковром замелькают взмахи белых крыльев куропаток...

Вечером

Снова на ферме. Коровы еще не вернулись домой. Четыре лошади и жеребенок пасутся на лугу; несколько коз, карабкаясь по крутому утесу, вздымающемуся над фермой, ощипывают травянистые кочки на каменистом склоне. Позванивает колокольчик; изредка промекает слабый голос козленка.

Солнце садится, скрываясь в золотых облаках за вершиной Йокулена. Оно еще золотит самые высокие вершины горных хребтов. Вершина над ближним озером пылает, словно выкованная из червонного золота. Как сильно уже пожелтела листва бере́з! Это наступает осень — медленно и уверенно.

Темны глади болот и озер, окутанные вечерней тенью. Темны изгибы горных хребтов, выступающие один за другим на фоне заката. Но от затаившихся между ними долин поднимается светлое и мглистое дыхание человеческой жизни, и светлые и голубые высятся Скарве и Йокулен над тем местом, где скрылось солнце.

Это кусочек Норвегии, эта страна — моя родина, и равной ей нет в мире...

Вот медленно приближаются по лугу козы; одна, серая, мекает вопросительно. Они смотрят и удивляются. Одна кладет морду прямо на мою записную книжку и размазывает на ней чернила, потом удовлетворенно трется о мое колено. Нет, отойди, пожалуйста! Но ведь это же сама коза с колокольчиком! Ветер приподнимает листок, на котором я пишу, и она испуганно кидается в сторону. Потом снова подходит и фыркает, добиваясь, чтобы ее погладили... Ага, скотница кричит, что форель сварилась.

Воскресенье, 18 сентября

С юга надвигаются гряды темных грозных туч, южные вершины окутываются туманом, скоро настанет дождливая погода. Я уже свыкся со здешней природой, знаю, какова она при солнце и какова в туман. Мы, люди, живем на лице земли; здесь ее л о б, изборожденный морщинами времени. Сейчас она надвигает на него шапку; за ним кишат воспоминания многих миллионов лет, о которых мы только догадываемся. И глубокое озеро смотрит на тебя, словно темный глаз; тебе кажется, оно так много может ска-

зать тебе, но ты этого не понимаешь — может быть, это не для тебя? а может быть, ничего и нет в глубине этого темного глаза?

Понедельник, 19 сентября

Домой. Вдали бредет стадо, тоже спускающееся с гор, последнее, задержавшееся на альпийском пастбище где-нибудь в Тунхёвде.

Слышно, как девушки приманивают и окликают животных, чтобы не давать стаду разбредаться. Оно спускается обратно в долину; горы опять погружаются в одиночество и рассыпают свое багрянеющее осеннее золото перед плывущими вверху облаками, а русалочьи озера отражают небо в голубых своих снах...

ЗИМА В ГОРАХ

Январь — февраль 1900 года

ЭТО БЫЛО во вторник, 30 января 1900 года. Из Болкесё я должен был пройти на лыжах к северу через Блефьелд и спуститься к озеру Сёркье; я намеревался прожить там несколько недель в Орманбу. Меня провожал мальчик Холгье, помогавший мне нести мою поклажу. Когда мы поднялись на вершину Бле, разыгралась густая метель с сильным ветром, и ничего не было видно. Я предпочел спуститься по длинным откосам обратно в Болкесё, в надежде, что завтра будет ясная погода.

В среду утром мы с Холгье опять отправились на Бле; но погода стала еще хуже, шел снег и так мело, что небо и земля превратились в сплошной крутя-

щийся снег и мы видели вперед не более как на длину трех-четырех лыж.

Холгье был легко одет и говорил, что никогда раньше ему не случалось попадать в такую непогодь; он закрывал себе лицо рукой, сгибался наперед, выдвигал плечо против ветра, когда мы изо всех сил старались подвигаться вперед. Я поглядывал на него: подбородок и щеки на скулах у него совсем побелели, — я растирал их, пока кровообращение не возобновилось. Но не успели мы пройти еще немного, как повторилось то же самое, щеки у него совершенно окоченели и покрылись оледенелым снегом. Пришлось опять их оттирать.

Погода же становилась все хуже, а не лучше; похоже было, что бедного Холгье продувает насквозь, и в третий раз подбородок и щеки его стали белы, и в третий раз я их оттирал; но тут он начал стонать и жаловаться и сказал, что чувствует себя скверно.

Мы находились, вероятно, недалеко от вершины Бле; но в такую метель, даже и хорошо зная местность, трудно было бы найти расселину Окели, по которой нам предстояло спускаться к озеру Сёркье. Я не решался взять на себя ответственность за этого мальчика; ничего другого не оставалось, как повернуть еще раз обратно и снова отправиться вниз. Ветер дул нам теперь в спину, и мы подвигались быстро.

Вечером мы вернулись в Болкесё. В те дни там было много народа, — юристов, присяжных стряпчих и лесничих — из Конгсберга, Скиена и Христиании; происходила экспертиза в связи с каким-то процессом о праве вырубки леса. Надо думать, люди эти не могли не посмеяться над полярным путешественником, два-

жды возвратившимся домой из-за метели на горе Бле!

В конце концов мне надоело это блуждание по откосам, а Холгье оно, разумеется, даже больше чем надоело. На следующее утро я решил поехать дорогой на Ховин. Но оказалось, что начальник почтовой станции позабыл, что обещал дать мне лошадь; наверное, он изрядно подвыпил в компании, так как постановление экспертизы было вынесено вечером, и они проиграли процесс о лесорубках. Пришлось доставать лошадь из соседней гостиницы, и я задержался на несколько часов; но до Фоссе Ховина я все-таки доехал, оттуда отправился на лыжах вверх по откосам, мимо Кнутсгара и Нюстёла, через озеро Сёркье, и пришел в Орманбу под вечер.

Там я застал Халвора Косе из Руллага в Нумедале; я назначил ему здесь свидание, и он ожидал меня еще во вторник. Но так как я не появился и в среду, пришлось ему прогуляться в город и справиться обо мне по телефону. Он не мог себе представить, сказал он, чтобы человека моей закалки могла испугать такая пустячная метель, какая была эти дни.

Пятница, вечером

И вот я снова в горах, белоснежных и чистых — широкие дали, бесконечные лыжные дороги и высокое небо. Далеко позади и глубоко внизу осталась долина.

Какая бсдрящая и вольная жизнь! Почему она не всегда такая?

Работаешь, когда захочешь и сколько захочешь; ничто не нарушает мирного труда. А если устал, иди

на лыжах среди серьезных, одетых в белое елей, по откосам, поросшим березой, по вольным просторам... Все величаво, очерчено чистыми линиями... Ах, почему мы не стараемся сделать такою же и свою жизнь!

Вдали, над зубчатой линией гор, повис узенький серпок молодого месяца; с юга, от вершины Окели, сюда наплывает облачная дымка, похожая на развевающийся по ветру вуаль. Скоро там становится темно, я едва различаю темные абрисы елей на фоне ледяной равнины.

Но как же здесь уютно! В камине весело потрескивают березовые дрова, излучая свет и тепло в горницу, даже мухам, и тем это нравится, они проснулись в разгар зимних морозов и жужжат под потолком.

Я сижу и, по своему обыкновению, смотрю на тлеющие угли, слежу за перепархивающими язычками пламени, как они лижут закоптелые кирпичи, стараясь забраться повыше, и наконец исчезают в дымовой трубе...

Кажется, будто и сидел так все время с той самой зимы, проведенной в жалкой хижине там, на Севере, на Земле Франца-Иосифа. Только горница стала побольше, можно стоять выпрямившись, нет жировой лампы, в окна виден ясный зимний вечер — и платье! тяжелая, пропитанная жиром одежда, прилипавшая к телу, заменена чистой, мягкой и сухой — невольно потягиваешься в блаженном ощущении своего благополучия...

Но ведь жизнь там, на Севере, тоже была свободна и ничем не нарушалась? О да, конечно; но все же она была ниже минимума того, что теперь нам требуется ежедневно,

Столько глупых жизненных потребностей завелось у нас, культурных людей, тогда как действительно полезные вещи мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся, даже и не думая о том, какое благо они представляют. Возьмите хотя бы гвоздь! Там, на Севере, мы вполне почувствовали его значение, когда нам пришлось мастерить гвозди из костей.

И потом, представьте себе, — здесь я имею то, о чем мы тогда мечтали, как о наивысшем счастье: дверь, прямую, вертикальную дверь!

Я вспоминаю, как я каждое утро в течение всей зимы и весны, сидя в спальном мешке, облекался в комаги, в просаленную, грязную одежду, рукавицы из медвежьей шкуры и с ужасом думал о том, как я выйду в сени и стану пробиваться через ход, завешенный медвежьей шкурой, — каждую ночь ветер забивал его тяжелым твердым сугробом обледенелого снега. Да, да, как мучительно тосковал я о вертикальной двери, которая ходила бы на петлях и легко отворялась и затворялась бы от одного нажима на дверную ручку...

А вообще-то это было еще не самым худшим, принимая во внимание, что зима держала нас взаперти, отрезанными от возможности пополнять свои пищевые запасы, и вооружены мы были только винтовкой с патронами да ножом, во всем же остальном должны были рассчитывать только на свои голые руки...

Но в то время мне казалось, что не так-то много нужно было для того, чтоб жизнь стала сплошным счастьем. Счастье грезилось мне в такой форме, будто я выброшен на этот же самый берег, но у меня есть лопата и мотыка, мешок с мукой, винтовка, патроны,

хороший нож с несколькими лезвиями, иголки, нитки, мыло, а также книги и письменные принадлежности, мне представлялось, что при этих условиях я чувствовал бы себя совершенно счастливым.

Так ли это на самом деле?

Столько мелочей нависло у нас на ногах, что ходишь как будто в кандалах.

Понедельник, 5 февраля

Ах, как прекрасен этот снег! Как изящно и легко сеется он за окном, какой мягкий ковер разостлан на холмах, камнях и кочках, на склоненных деревьях, и на льду на озере, и на старых лыжных следах, проложенных мною на пути сюда; все прикрыто так легко и бережно этим чистым ковром... И мирской шум отходит так бесконечно далеко, не проникает сюда; здесь приглушены все звуки. Еловый лес и склоны гор тихи и белы, разодеты по-праздничному, а далекая вершина Окели совсем исчезла под завесой непрерывно сыплющегося снега.

Поверхность ледника поблескивает мелкой рябью вдалеке на солнце, лучи которого проникают и сюда, сквозь оконные стекла, они наполняют горницу светом, и она кажется воздушной и высокой. А само солнце, сияющее в небе, окружено нимбом падающего снега...

Здесь, и в доме и наружи, такая праздничная торжественность и мирная тишина, а между тем сегодня ведь понедельник. Да, совершенно верно, сегодня понедельник, на Хольмен-коллене лыжный бег и тысячи людей, и лошади, и сани, и публика, и ряды ска-

меек, мокнущих в воде на льду Бессерудского озера, и крики «ура», и смех.

Да, конечно, там жизнь и бодрость, и тоже снег и зима, и норвежская молодежь! И это много дает нашему народу. Вспомните, что было несколько лет тому назад, что делала молодежь, как мертво было зимой в окрестностях городов и в долинах, едва увидишь один какой-нибудь лыжный след на глубоком снегу, а теперь... Но если бы только во все это не вносилось так много «спорта», «рекордов» и всей этой шумихи, заимствованной из-за границы, точно так же, как и сами чужие слова, — все это затмевает солнце...

Я сегодня совершенно один; Халвора я послал в город за провизией. Ни души на много миль кругом, кроме хорошенького белого зайчика, который сидит под занесенными снегом молоденькими елочками и нежится и чистится там, поглядывая на солнце так же, как я. Далеко-далеко внизу, под этими белыми просторами, волнуется общественная жизнь...

Да, вот эта самая жизнь — во что мы превратили ее? В бесконечный ряд пошлостей и мелочей!

А чего мы желали? Упростить существование, чтобы получить возможность делать то, что мы действительно хотим, а не растрачивать мимоходом силы на всевозможные мелочи, на все то, чего мы не хотим. Полного развития наших способностей, нашей личности, нашей внутренней сущности — того, что, наверное, составляет условие всякого подлинного жизненного счастья.

Далеко продвинулись мы на этом пути? Он свернул не в ту сторону. Говорят, что чем длиннее хвост,

тем короче крылья. Но разве мы не работаем именно над хвостом? Каждое новое изобретение, приносящее, конечно, облегчения, но и увеличивающее потребности, все крепче привязывает нас к мелочам. Жизнь становится все сложнее и запутаннее.

Мы далеко ушли от шатра и бурнуса из верблюжьей шерсти! А крылья?

В шумном европейском обществе перевес имеет материальное развитие. А духовное развитие... Ну, кто же им интересуется? Больше похоже на то, что внешняя роскошь, материальное благополучие сделались лозунгом и целью, и, пожалуй, для многих они перевешивают различные духовные ценности.

Приведем пример. Если я приду к приятелю и он пригласит меня поужинать с ним, чтобы нам подольше поговорить, и подаст к столу свою обычную овсяную кашу, не должен ли я чувствовать себя польщенным его предположением, что я, как и он, считаю это второстепенным делом в жизни; а сам он является настолько одаренной в умственном и духовном отношении личностью, что уже самое его общество доставляет радость. А разве не найдется людей, которые сочли бы оскорблением, что им не оказали должного «почета»?

Или кто почувствовал бы себя оскорбленным тем, что люди приписывают им так мало духовности, что считают необходимым прежде всего почтить их едой, питьем и нарядным платьем?

У кого хватит воли и мужества быть простым? если только простота не в моде!

Да, м о д а! Представьте себе «культуру», следящую за модами! Штампом несамостоятельности, бес-

цветных личностей. Не вздумайте возразить, что только женщины и глупые мужчины гоняются за модой. О, нет, влияние моды сказывается у нас не только на костюме, еде, питье и т. п.; она господствует в искусстве, в литературе, в науке, даже в наших взглядах, в наших «убеждениях»...

И положение все ухудшается. Вместе с постоянно убыстряющимися способами общения невероятно возрастает и темп. Раньше новой моде, чтобы дойти до нас, требовались годы, теперь она доходит во столько же дней — или даже часов — и беспрестанно меняется.

В этой шумной скачке человеку некогда составить себе собственное мнение, с такой поспешностью он мчится за мнением последней моды. Нельзя же допустить, чтобы кто-нибудь заметил у тебя шляпу, взгляд, рубашку или мнение, уже вышедшие из моды!

Вся наша жизнь устроена так, чтобы производить впечатление на других, устроена не так, как хотелось бы нам самим, а как хотят другие, толпа. Так мы живем, так одеваемся, так едим, спим, работаем, думаем, и даже — так мы и любим...

Когда же явится новое поколение, которое стряхнет всю эту наносную шелуху и заживет собственной жизнью, будет самим собою, свободными женщинами и мужчинами, перестанет возвеличивать мелкое и низменное, вернет красоту и гармонию на принадлежащие им высокие места в жизни...

Чем все это кончится? Не имея покоя для усваивания новых впечатлений, для самоуглубления, ни один человек не может ведь развиваться. Но когда же в современном обществе найдется покой для э т о г о?

Новые впечатления умножаются с безостановочной быстротой, мы получаем их сейчас в один день больше, чем получали раньше во много месяцев и лет, они во множестве обрушиваются на нас по телеграфу, из газет, телефонных сообщений. А когда мы отправляемся в путешествие, чтобы расширить свой кругозор, мы в одну неделю проезжаем больше того, что раньше проезжали за целый год.

А бедный мозг трудится над всем этим материалом, он не шел в ногу с прогрессом, его емкость и способности остались такими же ограниченными, какими и были, тогда как материал, впечатления стали безграничными — и он уже с ними не справляется.

Мы видим, слышим бесконечно больше; но мы поучаемся меньше. Мы с логической неизбежностью осуждены на верхоглядство, не имеем возможности углубляться, доходить до корней — в результате получается отсутствие оригинальности, отсутствие индивидуальности.

А темпы все растут, растут в геометрической прогрессии. Чем же все это кончится?

Руссо, ты нужен нам сейчас больше, чем когда-либо! В твое время ложными путями шел только малочисленный высший класс, теперь же жизнь всего общества стала такою, что оно вынуждено с быстротой курьерского поезда мчаться по неверному пути.

Должен явиться великий ум, гений, который повернет поезд и поведет его ввысь, к величавой простоте; если же этого не случится, пассажирам грозит неминуемая гибель.

Четверг

Почти каждый день сыплет мелкий снежок, похожий на замерзший воздух, и каждое утро соблазнительно расстилается свежий и чистый снежный ковер.

Мы с Халвором отправляемся в лес. Как пустынно, тихо и безжизненно среди белых, отягченных снегом елей, лыжи беззвучно скользят по мягкой муке, весь мир кажется устланным пухом. Холодно, и пар, образующийся при дыхании, стынет, повисая в неподвижном воздухе.

Ни пятнышка на белой скатерти, только местами мелкие следы белки, прыгавшей по лесной полянке и испуганно взметнувшейся вверх по стволу ближайшей елки, да еще тонкая линия крошечных шажков лесной мыши; почти чувствуешь, как торопливо перебирала она своими малюсенькими ножками, чтобы поскорее добраться от одной норки в снегу, откуда она вылезла, до другой, куда она снова скрылась.

Но вот следы покрупнее, они тянутся по два в ряд — это горностай выходил на охоту; но и он тоже спрятался в норку в снегу. Мне кажется, я вижу, как он стрелой метнулся прочь; на белой пелене мелькает только черный хвостик; а потом, когда зверек внезапно останавливается, — черные зоркие глазки.

Много дальше, у кустов ивняка в болотистой низинке, следы еще покрупнее, здесь в предрассветных сумерках побывал заяц,— вон как широко он расставлял задние ноги, чтобы не слишком глубоко провалиться в рыхлый снег. Здесь он топтался взад-вперед между кустами ивняка и березовой порослью, лако-

мился молодыми побегами и корой; он вытоптал целую дорожку, и в ней нелегко разобраться — нам приходится порядочно потрудиться, чтобы найти, куда же выводит след.

То он ведет некоторое время прямо по старому лесу, а то вдруг огибает пригорок, поросший кустиками березы, рябины и осины; и тут опять вытоптанное место. Опять нам приходится распутывать след, и мы долго бродим, пока не находим, наконец, выхода; отсюда заяц пошел вверх по косогору... Вот здесь он вернулся на порядочное расстояние по своим следам и вдруг — сделал здоровый прыжок в сторону, четыре, пять длинных скачков по направлению к густой, придавленной снегом елочке на болоте, и там уселся на отдых. Но, разумеется, по ту сторону елочки опять идут следы; он так стремительно бросился отсюда, что снежная мука взлетела облаком. Мы вспугнули его; сейчас, когда дело идет к весне, он прочно не присаживается, и вряд ли мы его захватим в сидячем положении.

Мы начинаем охоту: Халвор гонит, а я стою на посту. Он лает по-собачьи, довольно похоже, гон идет вверх по склону — как глухо и мертво звучит он в этой белоснежной тишине. Халвор гонит не быстро, но по рыхлому снегу и заяц делает не очень длинные угонки.

Ага, вот он, такой белый, хорошенький и тихий, он деловито скачет по краю болота среди мелкого запорошенного снегом ельника. Вот он остановился, присел на задние ноги, потряхивает головой и прислушивается к странным звукам, издаваемым Халвором, который на лыжах спускается по следу с косогора. По-

том осторожно становится на все четыре лапки и прыжками приближается ко мне...

Вечером я сижу, по обыкновению, перед камином и смотрю на огонь, а луна светит мне в окошко. Так проходят дни, и мы их не замечаем.

Вчера вечером пришли двое парней, ночью они спали в пастушьей хижине. Она никогда не запирается на случай, если каким-нибудь путникам понадобится приют. Парни эти шли из Телемаркена и охотились на куниц, которых брали по пороше; это выгодная охота, потому что куний мех сейчас в цене; но вместо охотничьих приспособлений с ними был только мешок. Они объяснили, что ружья брать не стоит, оно только пробивает дыры в меху. Они выслеживают куницу до того места, где она на день забралась в дупло. Тогда они привязывают к дуплу мешок и стучат по дереву до тех пор, пока куница не выскочит и не попадет в мешок. Они наловили таким способом много куниц, эти парни.

Вторник

Провизия стала подходить к концу. Пришлось нам с Халвором прогуляться за новым запасом в город. Был чудесный лыжный путь, мы легко спустились по склонам от озера Сёркье к Сюнхёвде, потом прошли через Бордален и равнинами до горы Ставе, и вскоре очутились на перевале над Руллагом в Нумедале, откуда должны были спуститься отрогами к поселку Фиккан. Но здесь совсем отвесная крутизна и спуск длинен и чрезвычайно труден. Вдобавок недавно здесь вывозили бревна, и путь от этого не улучшился. По сторонам дороги почти везде такой густой еловый лес

и такой косматый, что сквозь него не пробраться; нечего делать, пришлось держаться дороги.

Халвор сказал, что самое правильное срезать порядочную елку, просунуть ее между ногами и садиться на нее на ходу, как делают женщины, когда им приходится спускаться на лыжах с таких крутых косогоров. Ну, да, такая елка представляла хороший тормоз, но вопрос, прилично ли ею пользоваться настоящему лыжнику.

И вот мы помчались вниз. Но скоро я горько раскаялся в том, что отказался от елки. Спуск становился все круче и круче, и как я ни старался затормозить ход, меня несло все с тою же быстротой. Я надел снеговые шипы, садился, где можно было, на палку, вывернул пятки наружу и упирался ими в косогор; но дорога была плотно укатана и скорость не уменьшалась, все равно, спускался я наискось или прямо. Правда, зигзаги несколько замедляли ход, но потом наступали длинные участки, спускавшиеся почти вертикальной линией, и тут уж не было никакой пощады. По обеим сторонам дороги рос молодой лесок, густой, как стена, нечего было и думать просунуть в него лыжи. Я тормозил, сколько хватало силы, болели руки и пах, натертые палкой, но я мчался вниз все с тою же быстротой.

В конце концов я упал, перекувырнулся, и все-таки меня пронесло еще на большое расстояние. Халвор ехал сзади, он пролетел мимо меня — удивительно, как здорово он справлялся со старыми сосновыми лыжами, да еще без пяточных ремней. Опять мы отправились дальше, но дорога не улучшилась, и не предвиделось, кажется, конца этим крутым холмам; еще не

раз и не два пришлось мне пропахать снег носом. Но все-таки спустился вниз и я, с целыми конечностями и лыжами; о том же, насколько этот спуск произошел с «достоинством», мы лучше умолчим. Халвор на своих старых калошах давно уже был внизу.

В Фиккане мы запаслись всем нужным на неделю жизни в горах и отправились в обратный путь теми же крутыми холмами, но на этот раз вверх. И вот, если плохо было спускаться, то подниматься было еще хуже. Вдобавок и на спине у нас был не маленький груз; с трудом карабкались мы вверх по откосам, с которых так стремительно мчались вниз.

Совсем уже стемнело, когда мы поднялись на вершину, но тут взошла луна, и при ее свете мы направились на запад. Лыжный путь был великолепен, и мы развили отличный ход. А горные дали простирались перед нами, объятые тишиной и пустынные...

И вот однажды утром мы с Халвором снова собрались в путь, заперли дом и отправились через озеро Сёркье, расщелиной Окели, и через Бле в Конгсберг. Пройти надо было шесть-семь миль, а путь был не из легких. Начало посыпать мелким снежком, да и нести нам приходилось порядочно; но мы все-таки подвигались вперед, хотя и медленнее, чем рассчитывали.

Стемнело раньше, чем мы перевалили через вершину Бле и спустились в Йондален. Здесь лыжи скользили лучше, мы попали на твердую поверхность и решительно направились дальше, чтобы добраться в Конгсберг не слишком поздним вечером. На Логене нам показалось холодновато, но мы не очень этим

смутились, при сильном движении нам нетрудно было разогреться.

Когда мы, наконец, подошли к Гранд-отелю в Конгсберге, хозяин, стоявший в дверях, сказал:

— Что это, неужто вы ходите на лыжах в такой мороз?

— А разве так холодно?

— Да, термометр показывал днем тридцать шесть градусов мороза.

Мы этого никак не думали — в таком случае не удивительно, что лыжи скользили плохо. А вот устать мы устали и очень хотели пить, так что сразу же выпили несколько кружек молока.

Потом я пригласил Халвора на ужин, и нам подали только что изжаренные котлеты и всякие вкусные вещи. Халвор сидел и ковырял вилкой кушанье, а ел очень мало. Я тоже поел чего-то, но без удовольствия, и оба мы старались как можно больше говорить, чтоб наверстать отсутствие аппетита. Дело в том, что ни одному из нас не хотелось есть — мы слишком много прошли в сильный мороз, а потом сразу выпили, должно быть, чересчур много холодного молока.

НА ИСЛАНДИЮ И ЯН-МАЙЕН

Кристиания, июль 1900 года

НАСТОЙЧИВОСТЬЮ своей д-р Иоган Йорт наконец добился того, что норвежское правительство построило специальный пароход для гидрологических исследований. Можно сказать, давно пора было это сделать, принимая во внимание, какое громадное значение имеет море и всякие изменения в его состоянии для всей нашей страны, и в особенности для рыболовства.

Судно получило имя «Михаэл Сарс» в честь нашего знаменитого пионера в деле гидрологических исследований и готовится выйти в первое свое плавание. Йорт попросил меня отправиться с ними и взять на себя физические исследования совместно с Бьёрном

Хелланд-Хансеном. Сам он займется морской фауной и изучением условий рыболовства, а Хокен Х. Гран — исследованиями морской флоры. Командовать судном будет капитан Сёренсен.

Но какая же всегда возня собираться в такое путешествие! Нужно заготовить всякие новинки, испробовать их, усовершенствовать, выбрать лучшие, забраковать негодные. Все должно быть в образцовом порядке, ничего нельзя забыть. Мозг становится вялым и пустеет, чувствуешь себя измученным еще до начала самой работы.

Судно ушло с другими в круговой рейс по побережью, но зайдет в Гейрангер.

Гудбрандсдален, 15 июля

Город, суматоха и пустота остались позади. Направляемся к сезеру по Гудбрандсдалену. Я еду берегом Отты, этой зеленой пенистой реки...

Глаз следит за бело-зелеными бурунами. Сразу чувствуешь себя здоровым и бодрым при виде этой могучей воли, совершающей свое певучее победоносное шествие по прорытой ею самою долине, не останавливаемое никакими препятствиями. Ты похожа на человеческую жизнь, на зрелый возраст человека. Ты исходишь из бессознательной невинности младенчества, из белого снега, покрывавшего бугристые твердыни гор в ту пору, когда время еще не спешило.

Теперь ты, в ослеплении взрослого мужа, торопишься пробежать сквозь содеянное тобою, сама пробиваешь себе путь и делаешь свое дело, чтобы бесследно исчезнуть в море. Но снова вздымаются твои воды, снова выпадает белый снег в горах...

Над пенистым бегом твоим склоняется плакучая береза, преисполненная тихой и мягкой прелести. Ты поишь водой ее корни и окропляешь брызгами ее листву, но потом спешишь дальше...

Грютли, 16 июля

Опять на высоте, среди гор и снегов. Только что закатилось солнце, и ледник на гребне горы пылает темным кармином. Равнины и озеро внизу окутаны холодной вечерней тенью.

Стоит мне очутиться снова поблизости от ледников, как жизнерадостность моя выбрасывает новые побеги, и все оставшееся внизу представляется удушливой пошлостью.

Что это за волшебство? Когда я впервые увидел их в тот раз — увидел черный провал, отвесные каменные стены и белые пятна фирнов, все такое строгое, замкнутое и суровое, меня охватила жуть — подумалось: «Ух, не попасть бы туда!» Тогда манили пышные поля, улыбчивые березовые рощи... А теперь — когда я смотрю вверх на ледники, мерцающие холодной голубоватой белизной после того, как отпылало огненное зарево заката — я как будто чувствую себя снова свободным и сильным. Может быть, это действие воздуха, который легче и чище на такой высоте над уровнем моря?

Гейрангер, 17 июля

Горы окутаны дождем и туманом, ничего не видно, и все-таки радостно быть человеком. Это очень странно: в дождь и непогоду я часто чувствую себя как нельзя лучше. Может быть, это сырой воздух

освежает, как роса, душевную хмурь? Сейчас она совсем исчезла...

Спуск сюда был, наверное, одним из самых грандиозных, какие мне приходилось видеть, — если бы только мне удалось его видеть. Но туман был так густ, что когда я находился на вершине, в расщелине, окруженный со всех сторон водопадами, я не видел у ног своих и над головою ничего, кроме клубящихся облаков. Я догадывался, что подо мною, на глубине трех тысяч футов в бездне, где исчезали серые каменные громады, находятся долина и фиорд.

Один раз в туманной пелене образовался разрыв, и я увидел глубоко-глубоко внизу зеленовато-синюю ленту — должно быть, это была река, образовавшаяся от скопления водяных струй, сбегавших с этих нависших, громоздящихся каменистых склонов и отвесных скал... Потом она опять исчезла, и я слышал только грохот низвергающейся воды.

Это, насколько мне помнится, самый типичный тальвег, каким мне случалось проезжать. Самое дно долины возвышается приблизительно на две тысячи футов и делится на две части, причем по каждой протекает река, и, повидимому, ни одна из них не прорыла себе глубокого русла. Слишком мало прошло времени с тех пор, как дно это было образовано льдом, и с тех пор, как ледник исчез.

Вверху, в горах, пейзаж имел чисто полярный характер. Ледники, громоздясь, выступали из тумана, ниже голые и мокрые отвесные скалы, а под ними черное глубокое озеро с разбросанными льдинами на голубых подножиях. Я снова очутился на Дальнем Севере, в мире льдов.

Олесу́нд, воскресе́нье, 22 июля

Я лежу на вершине скалы над морем и жарюсь на солнце. Далеко впереди простирается холодная синева, темнеющая на северо-востоке и покрытая белыми гребнями пены.

Из Гейрангера мы делали исследования в Стуре-фиорде, теперь пришли сюда. Вчера сделали половину пути до Стуррегена, чтобы начать затем переход к Исландии.

Несколько дней задувал шторм с северо-запада; море сильно разбушевалось, и волны достигали высоты нескольких сажен. Для тех из нас, кто подвержен морской болезни, это было не очень-то приятно. Но работа шла полным ходом, и мы хорошо использовали нашу пятую станцию во время этого рейса.

Здесь так тихо и мирно. Внизу маленькая уютная гавань, окруженная складами и рыбачьими хижинами. За нею — шхеры и острова, которые кажутся желто-коричневыми, отливая зеленью ближе к синему морю, где северо-восточный ветер дует сильнее. Не видно ни одной лодки по случаю свежей погоды, к тому же сегодня воскресенье, люди сидят по домам и отдыхают.

Кое-где прохаживаются одетые по-праздничному мужчины, руки в карманах и поплевывают; другие лежат на пригретом солнцем пригорке, заложив руки под голову, и смотрят в пространство или сидят по-двое, потягивают коротенькие трубочки и беседуют о ветре и перспективах рыбного лова. Он был необыкновенно удачен за последние недели, когда держалась хорошая погода.

Ниже, на косогоре, играют дети. Бойкая девочка-подросток, в красной шапочке, горящей на солнце, растягивает гармонию, разучивая песенку «Да, мы любим», она подпевает и марширует взад-вперед. Движения у нее необыкновенно точные, четкие.

Подходит взрослая девушка в голубом платье, садится на камень и отбирает гармонию. Она играет не лучше.

Но вдруг она начинает суетиться, вскакивает, оправляет платок на голове, делает несколько шагов вниз по косогору. Я смотрю в ту сторону. Ага, там идут по дороге двое мужчин, такие спокойные, невозмутимые. Интересно, остановятся ли они? Ну, конечно! Один останавливается, смотрит вверх и сплевывает, руки в карманах, голова закинута назад. Другой останавливается пониже.

Девушка поворачивается, идет назад, смущенно оглядывается на ребятишек, за которыми ей, должно быть, поручено присматривать, подзывает их к себе, тогда как на самом деле ей этого совсем не хочется. Потом зигзагами спускается ниже.

Девочка с гармонией направляется за нею, но ее отсылают обратно. И вот девушка в голубом идет все быстрее и быстрее — прямо к изгороди из стальной проволоки. Там они сходятся и разговаривают. Потом спускаются вместе по дороге и скрываются за домами.

Немного погодя я вижу их в лодке в гавани. Он ставит темный, заскорузлый парус, и, подгоняемые хорошим ветром, они выплывают на воскресную прогулку по сверкающему фиорду. Голубое платье светит так радостно вдали, но ведь и сама радость тоже

голубая. И вся жизнь — сверкающе голубая и пронизанная солнечным светом.

Как хорошо полениться! Завтра опять в плавание. Сначала мы сделаем гидрологический разрез из ряда станций до Исландии, потом думаем направиться на Ян-Майен и оттуда вернемся к Лофотенским островам. Йорт и Гран хотят изучать распространение жизни в море и условия рыбного лова, а Хелланд-Хансен и, в особенности, я интересуемся холодными и теплыми течениями.

Мы все изобрели новые инструменты и методы для исследования как жизни моря, так и его физических и химических свойств; и мы многого ожидаем от этого рейса — наверное, нам без малого кажется, что с него начнется новая эра в океанографии.

В море между Норвегией и Исландией,
четверг, 26 июля

Как приятна иногда жизнь! Мы добились первой победы во время нашего рейса. Сегодня ночью сети наши оказались полны сельдью, крупной блестящей сельдью по шестому году. Еще поймали мы в море, вдали от берега, одну сайду и две крупных трески.

Йорт сияет от гордости по случаю такого подтверждения своих ожиданий. Он пришел к заключению, что виды рыб, поставляемые нашими крупными рыбными промыслами, держатся не только у отмелей и побережий, а распространены по всему морю, также и над большими глубинами — всюду, где они находят подходящие условия для жизни. Он получил подкрепление этого вывода в рассказах охотников за клюво-

рылыми китами об огромных количествах рыбы, встречаемой ими в открытом море.

А здесь мы дождались и достоверных доказательств. Сразу во много раз расширяется область, откуда рыбный промысел может черпать свои богатства, количество рыбы в морях, повидимому, еще неистощимее, чем мы решались предполагать.

Я теперь очень заинтересован найти морского окуня к западу от Ян-Майена, где я в 1882 году нашел хохлача, битком набитого свежими морскими окунями, по всей видимости, только что им пойманными. Произошло это в открытом море, на очень большой глубине. Вспоминаю я также и всех рыб, которых находил в желудках акул, пойманных нами в тот раз в Датском проливе между Исландией и Гренландией!

Ведь мы тогда считали треску, морского окуня и т. п. рыбами, по преимуществу обитающими около дна, и отличали их от так называемых пелагических рыб, свободно передвигающихся по морю, как, например, макрель. Но теперь, значит, они почти все становятся пелагическими.

На море затишье. Длинные волны, похожие на зыблющуюся сталь, тихие всплески у бортов судна — огненный шар солнца погружается в пурпур, подернутый синеватой дымкой. Буревестники усердно реют на бесшумных крыльях над зеркалом моря, словно непрестанно перебегающие солнечные лучи, и как будто ищут чего-то, чего никогда не находят. Но, боже мой, ведь и все мы делаем то же...

Однако надо поспать. Через несколько часов выберут трал, а затем на всю ночь хватит работы по-

измерению температур и добыванию с глубины проб воды. Спать, как спится только в море!

К северу от Исландии,
воскресенье, 29 июля

Туман, туман — над нами, вокруг нас, — туман всюду, куда ни взглянешь.

Когда плывешь сквозь туман, а море, волнуясь, спешит тебе навстречу, неся привет из незримого далека, таящегося неведомо где, испытываешь какую-то беспричинную тоску и томление. Чувствуешь только, что где-то в пространстве есть место, куда можно стремиться, — место, находящееся за туманом, поверх тумана, где день ясен и солнце щедро льет свой свет на сверкающие пики гор.

Алло — машина наполовину сбавляет ход. Туман густ, как каша. Мы видим вперед не дальше, как за два корпуса судна.

Это туман Ледовитого океана. Здесь проходит граница, где теплые соленые течения с юга соприкасаются с белыми ледяными полями. А волны наступают и отступают. Мы не видим, откуда они идут, не знаем, куда они уходят.

Где-то к югу находится Исландия, сказочная страна, — к северу простираются льды. А из шерстисто-серых масс выступают и проплывают мимо давно ушедшие в прошлое викинги на гордых ладьях с низкими парусами — обветренные люди с жесткими бородами, но с головами, дерзко вскинутыми над могучими плечами, и с глазами, зорко смотрящими из-под бровей, — люди, для которых жизнь — игра и смерть — тоже.

Вон плывет злодей Эйрик Рауде,[1] приземистый и косматый, но с непреклонной волей; тебе по вкусу туман и лед. А вон стоит у кормы своего корабля прямой и спокойный Лейв,[2] смельчак, отличавшийся обширными целями и безошибочными расчетами. Ты охотнее избегаешь льдов и предпочитаешь свободные для плавания воды.

А вот появляется гордая фигура Гуннара. Он сидит и мечтательно смотрит в синюю глубину. Чего ты ищешь здесь? Жизнь подходит к тебе больше, чем туман, — ведь горный склон так привлек тебя своей красотой, что ты отказался его покинуть, даже когда дело шло о спасении твоей жизни.

А вон та грузная фигура там? Кто это — Скарпхедин, или Эгил, или Скаллагрим?

И снова они исчезают в море тумана, а Исландия все так же лежит на юге, храня свои воспоминания о подвигах и злодеяниях.

Но вот опять машина работает на полный ход. Туман несколько поредел, винт вращается ускоренным темпом, и мы устремляемся вперед, к новым целям.

Поставим паруса и поспешим вырваться из липких туманов навстречу трудовому дню. Те люди прожили свою жизнь и наполнили ее сказкой и приключениями, будем же и мы жить своею жизнью.

Наконец, среди дня мы вдруг видим впереди землю. Подножие отвесной скалы, чернеющей из тумана.

---

[1] Эйрик Рауде (Рыжий), изгнанный за убийства из Исландии, в конце X века основал в Гренландии норвежскую колонию. *Прим. ред.*

[2] Сын Эйрика Рауде. *Прим. ред.*

Это — Нордкап,[1] именно то, чего мы и ожидали. Мы и в самом деле недалеко от него. Но теперь, раз место точно опознано, спокойно идем дальше — один за другим выступают каменистые мысы, отвесные базальтовые скалы. Мы заглянули в Йокулифиорд и в Исафиорд. Туман окутывал вершины всех сколько-нибудь высоких гор; но местами сквозь клубы тумана просвечивали блистающие фирновые поля и глетчеры. С северо-востока задувал свежий ветер.

Завернули на короткое время в Энундарфиорд, мрачный и пугающий причудливыми изломами своих скал, но все же более привлекательный теперь, чем тогда, когда я в прошлый раз, двенадцать лет тому назад, был здесь в мае месяце, в бурю, покрывшую горы свежевыпавшим снегом.

По выходе отсюда встретили пять китобойных судов из Эллефсена — храбрые суденышки бойко ныряли в волнах, вздымая носом буруны пены.

Потом, около полуночи вошли в Дюрафиорд; но я не узнал его. Заостренный конус — это, должно быть, Мирумкотля. А группы домов с правого борта, наверное, Хёгадал; но я не помню, чтобы здесь было так населено.

Впереди выступает плоский мыс, — в темноте мы едва различаем его в бинокль. Да, я узнаю эти места, это Тингейре. Но и здесь как будто больше домов, чем сохранилось в моей памяти.

А где же дом Берга? Должно быть, подальше вглубь. Ага, вон и пароход на якоре. Наверное, один из его китобоев. Нет, это же фабричная труба, так

---

[1] Мыс на северо-западе Исландии. *Прим. ред.*

оно, вероятно, и есть. Нет, это все-таки пароход с дымовой трубой!

Мы подходим ближе. Я смотрю на Тингейре. Узнаю дом, где мы жили и спали втроем в спальных мешках на полу на чердаке, — я писал здесь статью о «гермафродитизме слизистой миксины», лежа на животе на полу этого самого чердака... И те дни, полные тревожных ожиданий и робких догадок, сразу оживают передо мной.

Мы жили здесь в ожидании судна, которое должно было отвезти нас к восточному побережью Гренландии, где нам предстояло высадиться, пройдя сквозь плавучие льды, чтобы отправиться затем вглубь острова.

В сущности, то время никак нельзя назвать особенно завидным. Ничем нельзя было спокойно заняться. Мы разъезжали верхом по горным склонам; но и этими поездками не могли целиком наслаждаться, точно так же, как и экскурсией на ледник Глому. Все это доселе для нас неведомое представлялось какой-то грядой тумана, в которую нам предстояло войти и миновать ее, вроде той туманной шапки, что сейчас нахлобучена на леднике Глому.

А пароходная труба вдали все-таки превратилась в фабричную — и на вершине склона светит огонек — должно быть, там дом Берга.

Да и запах тоже не оставляет сомнения в том, что мы находимся вблизи китобойной станции. Мы осторожно вошли и стали на якорь рядом с тремя пришвартовавшимися там китобоями.

В шесть часов утра капитан Сёренсен съехал на берег и отправился к Бергу. Потом мы прогулялись

по Тингейре, заказали уголь, а я навестил моего бывшего хозяина голштинца Венделя. Вернулись на судно и стали на якорь перед Фрамнесом; и три дня жизнь была сплошным праздником.

В сущности, прелестное место. Фиорд кишит рыбой, утками и морскими птицами, в реках форели, в горах куропатки, а сверх того еще и чудесные верховые прогулки. Чего еще можно пожелать? Вот где можно жить полной жизнью, предоставив тем временем миру крутиться, как ему заблагорассудится. Китайцы избивают европейцев, а англичане буров — какое кому здесь дело до этого? Здесь забываешь, что на свете существует телеграф, почта и телефон.

Вторник, 31 июля 1900 года

Я посетил старого писателя Сигватора Гримссона, ближайшего соседа Берга и его арендатора или жильца. Ему 60 лет, и с виду он не очень-то похож на писателя. Когда я пришел, он стоял согнувшись и косил, вернее, выбривал кочку, поросшую коротким и редким конским щавелем.

Началось с необходимых вступлений о том о сем и с уверений с его стороны, что он никак не ожидал такого важного гостя, высказанных на хорошем датском языке и с постоянным величанием «мой добрый господин». Потом мы разговорились.

Я заметил, что этот лужок, вероятно, очень трудно обкашивать из-за множества покрывающих его кочек, и спросил, как это у людей хватает терпения заниматься этим из года в год.

Он изумленно спросил, а как же можно сделать иначе. Я сказал, что лучше было бы вспахать землю и выровнять ее.

«Нет, мой добрый господин, ведь тогда сильно уменьшилась бы поверхность, на которой может вырасти трава!»

Да, конечно, это тоже был свой подход к делу. Но в общем за последние годы пахота здесь стала не таким уже дивом. Уезжая двенадцать лет тому назад в Гренландию, я купил единственную в Исландии лошадь, которую, по слухам, пробовали запрягать в плуг и которая поэтому могла везти тягой, а не только на спине — вообще же исландские лошади на это неспособны.

Потом он предложил мне пройти в дом. По низкому извилистому и темному коридорчику, очень похожему на вход в эскимосскую хижину, мы вошли в комнату, такую низкую, что я не мог стоять в ней выпрямившись. У стен навалены пачками книги, большею частью непереплетенные и всевозможного содержания, начиная от семейных иллюстрированных журналов до сказок.

Отсюда по лесенке поднялись во второй этаж, где вошли в общую комнату под бревенчатым потолком: жилую, рабочую комнату и спальню хозяина и всей его семьи. Здесь на столе у окна находились его орудия производства, перо и чернильница. Но писал он, сидя на деревянной табуретке и положив на колени доску. Здесь он проводил — насколько я понял — большую часть зимы и вообще все время, свободное от работ на усадьбе.

И вот он вытащил свои рукописи: шесть толстых томов, исписанных красивым мелким почерком — об исландских священниках, а затем еще несколько томов приложений.

О содержании я не могу судить; но даже просто написать все это — гигантская работа. И выполнена она без надежды увидеть ее когда-либо в печати. Это — труд, который он завещает грядущим поколениям, и он должен храниться в университетской библиотеке самого Копенгагена (если только не попадет в библиотеку Рейкиавика?).

Поистине, я проникся почтительным изумлением перед этим стариком, стоя с ним в его тесной комнатенке. Ради кого и ради чего он работал? Не ради же славы — хотя бы и в далеком будущем. Ради человечества?

Нищий, как Иов, в этом окружении, под дырявой торфяной крышей, такой низкой, что он упирался в нее головой, никогда ничему не учившийся, только копавшийся в земле. Да, мы трудимся, потому что не можем не трудиться — хотя бы над историей исландского духовенства... Цели наши становятся тем значительнее, чем больше суживают нам горизонт надетые на глаза шоры.

Дырявая крыша? Да, она была настолько дырява, что он должен сидеть согнувшись над рукописью, чтобы капало не на бумагу, а ему на спину.

Вот э т о Исландия! Придавленная, почти изуродованная воспоминаниями прошлого, она живет будущим, — забывает о настоящем — и разводит конский щавель.

Ночью 2 августа мы, в мрачном настроении, вышли из Дюрафиорда. Днем мы совершили чудесную верховую прогулку, а вечер провели с приехавшей к нам на судно семьей Берга.

Никому не хотелось уезжать, и многие из нас обрадовались бы буре на море, которая вынудила бы нас вернуться. Но море было спокойно, и небо на севере грезило, подернутое болезненным слабым румянцем догорающего заката. Уве Йорт запел:

Норвежцы любят разъезжать.

Но они любят разъезжать не всегда же!

На следующий день д-р Йорт сделал великолепную находку — сто двадцать рыбьих мальков, преимущественно тресковых пород, попавших в большую сеть, заброшенную на четверть часа среди Датского пролива, в пограничной полосе, где встречаются теплое течение Ирмингера из Атлантического океана и Полярное, идущее из Ледовитого океана.

Эта находка имеет большое значение, так как указывает, что мальки — рождающиеся в иле у отмелей вблизи побережья — заходят вместе с течениями на север в открытое море, пока несущие их прибрежные воды не встретятся с водами Полярного течения. Рыбная молодь живет затем вольной жизнью в море, пока не подрастет настолько, что по собственному побуждению устремляется обратно к отмелям.

4 августа 1900 года

И вот вчера, в яркую солнечную погоду и при спокойном море, мы подошли ко льдам. Странное чувство испытал я, увидев их вновь. Ближе к кромке плавали отдельные небольшие льдины, подточенные теплой морской водой; но дальше вглубь, поражая, как в Ледовитом океане, своей жуткой пустынностью,

тянулись массивные глыбы, торосы и ледяные поля, которых не касалась ничья нога, не видел ничей глаз.

Я стоял и смотрел на них в бинокль — смотрел на эти белые, так хорошо знакомые мне ледяные торосы; стоял и высматривал, легко ли провести меж ними суда, и полностью перенесся в наше плавание во льдах и дрейф у берегов Гренландии двенадцать лет тому назад.

Раньше, когда Гран и другие говорили о своем желании войти во льды, мне казалось, что я уже перерос подобные желания. У меня не было ни малейшей охоты входить во льды; единственное, что мне еще представлялось сколько-нибудь интересным, это выловить кусок сибирского плавника, колыхавшегося в воде между льдинами.

Но, стоя здесь и смотря вперед, я все же испытал страстное желание снова врезаться во льды, снова взобраться на какой-нибудь торос и высматривать выход — жизнь в тех условиях полна волнующего напряжения, активности...

Нам пришлось повернуть и выбраться на открытую воду, чтобы не повредить винта, — плавающие льдины могли поломать его. Но я продолжал стоять и смотреть, пока огромные торосы на горизонте не скрылись из виду.

Мы находились как раз в пограничной области между холодным и теплым течениями. Полярное течение несет относительно распресненные и легкие воды, вынесенные сибирскими реками, оно занимает верхние слои и направляется к югу, вдоль восточного побережья Гренландии, увлекая огромные массы льда. Теплое же течение, так называемое течение Ирмингера,

идет из Атлантического океана на север вдоль западного побережья Исландии.

Здесь холодная, но более распресненная и потому относительно легкая вода Ледовитого океана образует поверхностный слой, тогда как теплая, но соленая и потому более тяжелая вода Атлантического океана опускается вниз, располагаясь под водой Ледовитого океана. Все, что атлантическая вода несет с собой, скапливается на поверхности моря, как сливки на молоке, и задерживается у пограничной линии, которая выделяется еще издали в виде острого пенистого гребня, по сторонам которого колышется водная гладь. Ниже слои воды перемешаны, холодные чередуются с теплыми.

Ночью мы взяли станцию как раз в этой области встречи двух течений; здесь температура на поверхности на расстоянии, пройденном в несколько минут, изменялась от 3° до 10°.

Мы имели в виду взять несколько станций, а затем вернуться к Исландии; но стоит хорошая погода, и нужно использовать ее на то, чтобы пройти подальше. Поэтому курс взят на север от Исландии к Ян-Майену.

К югу от нас находится Исландия, совсем недавно залитая солнцем, сейчас окутанная туманом. Мы прожили там несколько чудесных дней, самая жизнь наша была там озарена солнцем. Мы пришли из туманов, в туманы же мы и возвращаемся...

Верховые поездки по острову, по берегам живописного фиорда, по ровным горным плато, зеленым долинам, быстрая езда, заразительный смех, блистающие снегами горы и сверкающее глубоко внизу море. И самая жизнь как будто помолодела и стала свобод-

ной... У меня было такое чувство, что здесь можно бы поселиться навсегда.

А здешние люди, выросшие в условиях полной свободы, как они добры, прямодушны...

Я закрываю глаза и вижу солнечные блики на далеких зеленых склонах — над ними отвесные базальтовые скалы, низкие домики крестьян-исландцев, убирающих сено, простую, выкрашенную серой краской церковь, фиорд, уводящий к морю. Впереди — всадница, возглавляющая целую кавалькаду всадников и амазонок, — у всех голубые глаза, сверкающие радостью.

Или картина меняется — и бешеным карьером целая толпа мчится наперегонки по ровному песчаному берегу, где волны забегают под ноги лошадям. Резкий топот резвых лошадиных копыт звучит четко и ритмично. По небу ходят грозовые тучи с туманом и дождем над горами, у края же моря садящееся солнце бросает сквозь мрачные тучи яркий световой луч на мерцающие волны. Ах, друзья, жизнь прекрасна и вечно юна!

А под ногами у меня с однообразным шумом отбивает свой ход поршень машины, безжалостно увозящей нас на восток и на север, в туманы полярных морей.

Снова прояснело. После полудня ледник на земле, расположенной к югу от Нордкапа, засветился, полуприкрытый космами тумана. Это был словно привет с Земли Франца-Иосифа — те же отвесные черные базальтовые скалы под ним, та же широкая гладкая снежная равнина наверху — и гребень ледника, исчезающий в волнах тумана далеко в вышине.

Вот солнце опустилось в море; сияющий отрезок радуги в сизой грозовой туче над горными вершинами; потом на короткое мгновение — когда солнце село — пылающие пурпуром облака, синие вершины гор, море, темное и бурливое от ветра, и дым из трубы, уплывающий словно червонно-золотое облако, а на северо-западе, когда солнце исчезло, все небо — сплошное полыханье расплавленного червонного золота над темносиним морем.

Наступила полночь. Море перекатывает светлые зеленые волны. Горы и ледники на юге мрачно и резко синеют на фоне темного зеленовато-синего неба, холодно поблескивая пятнами снега. Исландия и Дюрафиорд окутаны покровом ночи, но на севере небо еще продолжает грезить в червонно-золотой дреме и отражается в прозрачных волнах. Пора спать.

7 августа 1900 года

Мы идем открытым морем с юго-запада от берегов Исландии, среди не прекращающегося тумана. Проблески солнца в полдень и затем утром позволили нам произвести несколько обсерваций, и, судя по ним, мы должны находиться на высоте «острова», но несколько западнее. Правда, температура как будто не указывает на близость льда, потому что теплая вода, свыше +4°, доходит до 20 метров глубины; теплая вода находится и ниже, на глубине 200 метров, отчасти и на глубине 100 метров.

Однако остров, наверное, близко: не может быть, чтобы наши вычисления высоты солнца были настолько

ошибочны. Глубина была 660 сажен. По направлению к востоку она должна уменьшаться, туда мы и направились.

Все впивались глазами в нависший впереди туман, а он то слегка редел, то снова уплотнялся, так что мы едва видели на расстояние полумили, а иногда и менее четверти мили.

Два часа спустя, в 3 часа дня, глубина стала 600 сажен, — несомненно, мы недалеко от цели.

Через час глубина была 596 сажен. Еще через час — 500 сажен. Нас охватывает волнение. Все пристально вглядываются в туман. Мне кажется, будто я вижу узкий перешеек, то появляющийся, то снова исчезающий.

Глубина медленно убывает, доходит до 360 сажен. Курс меняется — мы идем прямо на север; но вдруг сразу снова становится глубже.

Где же мы? Уклонились ли на запад или на восток? В этих водах компас не особенно надежен. Судя по счислению, мы должны находиться на несколько миль западнее, и проблеск солнца после полудня дал нам новое наблюдение, подкрепившее это предположение. Оно д о л ж н о быть правильным. Но почему же эта возрастающая глубина?

Немного позже глубина приблизительно та же; но туман несколько поредел, и на востоке и северо-востоке все время держится странный свет, обрывающийся у гряды темных холмов на горизонте, похожих на изрезанный мысами берег. Она появляется, исчезает и вновь появляется все на том же месте. Мы держим курс туда. Что-нибудь да должно же там оказаться, а пока мы спускаемся в кают-компанию и садимся обедать.

Когда мы сидим за столом, капитан кричит нам, что сейчас определенно видит землю.

Все бегут наверх. Все так же туманно; но на востоке отчетливо виден темный мыс у самого горизонта. Он виднелся то яснее, то вдруг исчезал почти совсем. Это Ян-Майен! Но с какой стороны? С севера или с юга?

Идем прямо к нему. Наваливает туман и скрывает остров. Мы идем уже три четверти часа и должны бы подойти вплотную; но ничего не видно, кроме густого тумана, а глубины опять начали возрастать.

Мы радуемся, что наконец-то, вне всяких сомнений, увидели землю, и теперь находимся едва ли дальше, чем в полумиле от нее. Стоим и ждем, напрягая зрение, чтобы снова увидеть эту землю, и слух, чтобы услышать шум берегового прибоя.

Туман то редеет, то сгущается, но ничего не видно и не слышно, кроме тумана и гула моря, слабо доносящегося с северо-запада.

Наконец снова немного прояснело, и я вижу, как тот же круглый холм темнеет сквозь мглу — теперь совсем близко. Подальше к северу темнеет еще кусочек земли, но на юге не видно ничего. Уж не находимся ли мы у южной оконечности острова?

Вскоре туман окончательно сгущается. Мы не можем определиться, ничего не остается, как только стоять на месте и ждать. Подходить ближе к берегу в такую погоду довольно рискованно. Может быть, простоим здесь всю ночь.

Земля опять совершенно исчезла; но мы подошли к ней настолько близко, что видели, как разбивались волны о берег. Спускаемся в кают-компанию.

Когда я позже вечером снова вышел на палубу, я на минуту увидел холм — он был острее и темнее, чем раньше. Совершенно отчетливо увидел я и мыс, отходящий в южном направлении. Но там!.. Что такое там, перед этим мысом? Камень-монолит, выпирающий из моря! А рядом еще один камень пониже!

Должно быть, это камень у южной оконечности земли. Я зову капитана. Он тоже его видит то совершенно отчетливо, то сквозь туман.

Несколько раньше рулевой видел на мгновение выглянувшую из тумана вершину Беренберга; но она тут же скрылась.

Я долго стою на палубе и всматриваюсь вдаль. Все снова скрылось. Но вот мгла как будто редеет. Опять виден мыс, и перед ним камень, рассеченный посредине трещиной, и к югу от него камень поменьше.

Теперь уже нельзя ошибиться, и мы медленно направляемся к югу, чтобы обогнуть остров с южной стороны и выйти на восточную, где под прикрытием берега наверное должно быть меньше тумана — ветер дует с запада.

8 августа 1900 года

В тихую, серую от тумана ночь мы медленно огибали южную оконечность острова. Когда мы продвинулись дальше к востоку, настолько посветлело, что в понижениях между вершинами и кратерами мы увидели зеленовато-желтые горные склоны. Ниже, обрываясь прямо в море, чернели отвесные вулканические скалы с развевающимися над ними космами тумана.

По мере того как мы продвигались вдоль восточного берега к северу, перед нами постепенно появля-

лись один мыс за другим. Колоннообразный камень, выпирающий из моря против крутого мыса из лавы, — это, должно быть, так называемый «Маяк». Мы все всматриваемся и всматриваемся вдаль, но земли на севере еще не видно.

На восточной стороне, под прикрытием острова, море совершенно спокойно; и, как мы и рассчитывали, здесь не так туманно.

Ночь, полная какого-то странного, туманного настроения, — пустынная и безгласная. На гладкой, словно полированной поверхности моря, подступающего к подножию черных стен из лавы, раскинув крылья, покачивались несколько гагарок и одинокий люрик, казавшиеся черными пятнами. Они плавали и нежились, а иногда вспархивали над зеркальной гладью, вспугнутые нашим кораблем, но взлетали с трудом — слишком уж было тихо — и тогда ныряли. Одна птица издавала пронзительный крик.

Вверху, вдоль черных лавовых стен повисла светлая пелена тумана. Местами из нее выступали причудливые вершины и кратеры лавовых гор, с заполненными снегом воронками. Сейчас горы совсем посветлели и зеленовато-желтые склоны блистают из-под светлой туманной кровли.

Мы останавливаемся, чтобы забросить ярус и посмотреть, есть ли здесь рыба. Когда перестал стучать винт, сразу наступила необычайная тишина.

Как все здесь непохоже ни на что другое. Впереди — эта жуткая вулканическая страна, полускрытая туманом; цепь кратеров с острыми гребнями между ними. Никаких долин, только обрывы — и местами ручей, еще не прорывший себе русла, а низвергаю-

щийся из снега по высоким лавовым стенам белой полоской на черном фоне. А у подножия стен — огромные трещины и пещеры, и ниже блестящая морская гладь. На самом верху с северо-востока наплывают волны клубящегося тумана. А далеко впереди — блестящее море и туман. Пейзаж словно из какого-то вымершего мира — на луне или какой-нибудь позабытой планете.

Так и лежит здесь тысячелетиями этот одинокий пустынный остров, скрытый от человеческих взоров, и никто не знает о том, что переживает он в сменяющихся веках.

Во время разрывов земной коры, образующей дно моря, расплавленные массы в недрах земного шара выбрасывались из глубины, взрыв за взрывом. Море стонало и содрогалось от ужасающих извержений. Сотрясения моря вызвали огромные волны величиной с гору; вздымаясь, они смяли лед на севере и во все сокрушающем движении нагромоздили друг на друга чудовищные льдины.

Шипящим туманом поднялась на водную поверхность лава; образовались конусы вулканов, дождь пепла превратил день в ночь. Все выше вздымались вулканы, разверзались кратер за кратером, но усерднее всех строился один конус, он все поднимался и поднимался, пока не вознесся на семь с лишним тысяч футов над уровнем моря; это была гора Беренберг. На ней возникли громадные глетчеры, ледяные реки и ручьи.

До очень поздних времен на острове происходили новые извержения, вырывались потоки лавы, ледники таяли и потоки воды, смешанные со льдом

и мелкими камнями, низвергались бешеными водопадами; пепельный дождь покрывал снег и лед толстым черным слоем, заходя далеко в море; земля и море сотрясались; земной котел кипел ключом, и тишину полярной ночи нарушали рев и треск вырывавшегося пара — весь этот ледяной мир был окутан кипящей клубящейся облачной кашей...

Рыбы нет. Мы идем дальше на север, направляясь в Плавниковую бухту. На севере видим лишь изредка сквозь туман Яичный остров.

Йорт тоже вышел на палубу, и мы стояли рядом на мостике, молчаливые под гнетом нависшего тумана, и смотрели в этот чуждый, незнакомый мир. Яичный остров и лавовые мысы на севере стали выступать отчетливее. Должно быть, это Лоцманская лодка,— этот черный камень, выпирающий с левого борта из моря и похожий на парусник. К северу от него находится залив, куда мы должны зайти.

Но что это? Туман расходится! В нем появляются разрывы, и из-за клубящихся масс его все выше и выше вздымается Беренберг с бледноголубыми ледниками, сменяющимися черными пространствами лавы. Кажется, вот-вот гора обрушится на нас.

— Смотрите-ка, капитан! — Капитан смотрит с минуту молча, потом пожимает плечами и говорит:

— Ух, неприятное зрелище, как будто на тебя наваливается какое-то отвратительное чудовище!

Да, это страна ледяных великанов, Тролльботтен. Ничего более похожего на это я, во всяком случае, никогда не видел. Эти белые глетчеры с вкрапленными в них голубовато-серыми льдинами, блистающие под

покровом тумана и со всех сторон низвергающиеся в море, подпираемые местами черными базальтовыми стенами, — это про них сказано:

Мрачная страна, где никогда не светит солнце.

Мы вошли в залив. Забросив яруса, мы светлым утром разошлись по койкам, и снились нам пестревшие цветами луга...

На яруса мы ничего не поймали. Несколько раз прошли с тралом, но и тут не попалось ни одной из наших южных рыб, а только множество мелких *Agonus Cottus* и т. п.

Днем Уве Йорт и я отправились к подножию лавовых скал и застрелили штук пятьдесят гагарок. Приятно было опять подержать в руках ружье и посмотреть, как гагарки одна за другой падали в воду, обрывая свой шелестящий полет.

9 августа 1900 года

Ночью, пока мы стояли на якоре, забросив несколько сетей для сельди, — ее, впрочем, тоже не оказалось, — некоторые из нас снова отправились к берегу. Сначала вдоль лавовых скал — пострелять гагарок.

На Яичном острове есть бухта — самое пустынное и заколдованное место из всех, что я видел в жизни. Внизу — узкий пустынный песчаный берег с несколькими бревнами плавника, похожими на выветрившиеся кости. Отсюда кверху темнокоричневые скалы из лавы или туфа, изборожденные водой и морозом, самых узловатых, изогнутых форм, всюду вывернутые и пе-

рекрученные, словно жилы и сухожилия. Ничто не радует здесь глаза, нет даже ни одного пятнышка снега; сейчас, в полночь, все темно, буро и жутко.

Поистине это Тролльботтен в северной Стране Туманов. Здесь живут драконы и причудливые доисторические животные — для теперешних здесь не место.

Мы проплыли дальше, потом вернулись назад — всюду то же самое. В других местах гагарки сидят рядами на выступах скал и оживляют их своим видом, здесь же все глубокие извилистые трещины прорезывают скалы сверху донизу, даже птицам негде присесть.

К югу — за Яичным островом — из моря выдается огромный лавовый столб, волны разбиваются о его подножие и прорыли в нем глубокие пещеры, так что скоро он, вероятно, рухнет.

Еще дальше к югу, в Плавниковой бухте, мы высадились на берег, пробравшись через буруны, и постарались вытащить лодку как можно выше. Долго шли в сторону от берега, но более безотрадного пейзажа я никогда не видел. Равнина выветрившейся лавы или пепла, черная и унылая, без единой былинки травы. Лишь на большом отдалении виднелись среди черных гор зеленовато-желтые склоны, но туда мы не добрались, несмотря на усердие наших ботаников, очень желавших найти что-нибудь для своих гербариев.

Туман окутывал все окружавшие нас горы. Только над хребтами, вздымавшимися на северо-западе, прорываясь из-под пелены тумана, сиял багряный отблеск солнца и напоминал о том, что оно еще светит в мире, но, наверное, где-то очень, очень далеко.

Когда рано утром мы направились к судну, над горными вершинами на юге посветлело. На северо-востоке алело от солнца, и, пожалуй, в этом была своеобразная красота.

Мы считали, что достаточно насмотрелись на Ян-Майен. Беренберг, правда, весь целиком нам не показался, и, может быть, тот, кому удалось видеть эту гору в солнечный день, сохранил о ней несколько иное впечатление, чем мы. В моей памяти остров этот запечатлелся неизгладимо; но едва ли это воспоминание принадлежит к тем, какие я охотно вызываю перед собою, хотя...

Среди дня мы еще несколько раз забрасывали трал и установили, между прочим, что водоросли растут здесь до глубины 50—60 сажен. Объясняется это, вероятно, тем, что вода здесь, в связи со скудостью планктона, очень чиста и прозрачна, и потому летом солнечный свет проникает до большой глубины.

После полудня мы ушли, без сожалений оставив одинокий остров в его насыщенной туманами сфере. Быстро исчез он за мглистым морским горизонтом, а мы направились на восток, к Норвегии.

Вечером мы произвели ряд температурных измерений до самого дна. И тут произошел горестный случай: во время выбирания лотлиня мой новоизобретенный батометр наскочил на блок, линь порвался, и замечательный прибор с дорогостоящими термометрами исчез в водной глубине. На мгновение я испытал словно удар в сердце — вся кровь остановилась; ведь на этот инструмент был положен труд многих меся-

цев. Но тут я вспомнил, что это ведь всего только батометр — мы достали другой. Последнее измерение температуры пришлось повторить, и затем мы продолжали делать их до самого дна, до глубины 1530 метров, так что, в сущности, несчастье оказалось не так уж велико. Но все же — потеря была большая, а трудностей и так достаточно.

11 августа 1900 года

Мы идем полным ходом на восток, по обширной зыбкой водной равнине, и горизонты, один за другим, отступают в ночь. И вдруг я вспоминаю, что сейчас ведь лето. И надо мной опять занимается летнее утро с нарастающим светом и настоящими, голубовато-серыми кучевыми облаками — туман остался далеко позади, а впереди румяное солнце уж строит свою чудесную страну эльфов, синие горы с золотыми вершинами, между ними лазурные проливы и кое-где скользящие по ним и тающие паруса облаков. Там, в тумане, я совсем позабыл, что на свете существует лето.

А сейчас я стою и смотрю на пленительную облачную страну, выступающую на фоне разгорающейся утренней зари. Кажется, будто из-за края моря встает Норвегия. Дивная страна моя, мне кажется, прошло так бесконечно много времени с того момента, как ты погрузилась в море.

Над нами парят легким своим соколиным полетом поморники (большею частью *Stercorarius crepidata*, реже *Stercorarius pomarina*, почти все с светлыми грудками, редко более темной окраски).

Как и на пути нашем в Исландию, они слетаются сюда целыми стаями, по десяти, двадцати штук сразу,

и царят здесь почти самодержавно. Буревестников относительно мало, а моевок лишь изредка одна, две.

— Здесь мертвый пояс, нет ни птиц, ни рыб, — говорит штурман, стоящий рядом со мной на мостике и смотрящий вперед.

На баке стоят матросы, разговаривают, перегнувшись за борт, и смотрят на восток, где занимается день. На якоре сидит Уве Йорт и напевает: «Красавица долина». Стройная фигура его рисуется темным силуэтом на фоне неба и светлой глади моря.

Но скоро уже четыре часа, и мне надо итти вниз, исследовать воду, не потеплела ли она с приближением к Гольфстриму, или же сохранила ту же удивительную стратификацию, что и раньше...

Вверху парят поморники. Изредка пролетит моевка, тогда они с бешеной яростью набрасываются на нее и гоняют до тех пор, пока измученная птица не садится на воду. Но я часто видел здесь, как поморники сами унижаются до того, что вылавливают что-нибудь из воды, если поблизости нет моевок.

Но вот подходит Уве Йорт с гитарой и поет:

«Отче наш, отче наш!» восклицал монарх,
«Отче наш», постоянно твердил он.
. . . . . .
И помер смиренный монарх,
И в райские прибыл чертоги,
Где ангелы машут крылом,
В блаженстве сомлев на пороге.

Потом поет «Dolce Napoli» и «В серебристом сиянье луны». Вдалеке взметнулся фонтан — кит! Их два, больших, они плывут так же, как и мы, на восток,

3 часа дня

Я выспался после беспокойной ночи и лежу сейчас на юте, наслаждаясь солнцем. Темносинее море, светло-голубое небо, плывущие в вышине белые летние облака, и Норвегия, все приближающаяся с востока, из-за резко очерченного синего края моря.

Перед глазами моими покачиваются просоленные морем сети, вывешенные для просушки; красновато-коричневый цвет их составляет прелестный контраст к синему фону.

Солнце шпарит прямо в душу, и жизнь — сплошная лазурь. Может ли когда-нибудь случиться, чтобы я пожаловался на избыток солнца? Сейчас солнце сияет над озером Сёркье и над горой Окели, с единственным пятнышком снега, пиком Фагерфонни, и воздух зыблется над залитыми светом вершинами Бле, там, далеко в горах в сердце Норвегии.

А высоко в небе издают свои жалобные крики темные поморники. Они все еще сопровождают нас. Чего тебе надо здесь, на сияющем солнце, черная птица? Лети обратно на свою родину, в туманы, и не нарушай летних грез человека.

Ах, как красиво золотится верхушка мачты на голубом небе! Невольно вспоминается золотой топ мачты «Фрама», когда он рисовался в голубом воздухе, если смотреть на него издали со льда. Это золото, блиставшее высоко в морозном воздухе, казалось таким необыкновенно одиноким, словно привет из более богатого мира. Плывите, плывите дальше, блистающие, золотые грезы!

Вечером

Только что произошло радостное событие!

Все время с тех пор, как мы покинули Ян-Майен, мы и днем и ночью высматривали медуз. И вот сейчас появились первые. Пока мы ужинаем, надо будет запустить большую сеть.

Гран исследует поверхностный планктон. Великая радость! Неожиданно обнаруживается во множестве *Ceratium tripos* (хрящеватая водоросль, вызывающая свечение моря), следовательно, вода с побережья или с отмелей — как раз то, чего и надо было ожидать после появления медуз. Что-то принесет сеть? Ее выбирают. Напряженное ожидание. Но когда она появляется, полная медуз и кишащая рыбной молодью, все точно сходят с ума от радости. Гран бегал кругом, пел и плясал. Капитан выскочил из своей каюты в одной рубашке и не хотел верить, пока ему не преподнесли целую тарелку трепыхавшихся мальков.

Даже Якоб, обвязанный большим платком по случаю флюса, и тот вылез наверх и смотрел на сеть, притащившую такие чудеса — рыбных мальков, мальков настоящей трески — в открытом море между Норвегией и Ян-Майеном, в шестидесяти милях от берега! Радость заразила всех на борту. Еще один шаг вперед на пути к пониманию животной жизни моря.

Вероятно, это происходит так, что весной вода на поверхности, у побережий и над отмелями, сильно разбавлена большими количествами речной воды с земли; кроме того, этот опресненный поверхностный слой начиная с весны сильно прогревается солнцем. Он становится значительно легче и потому распространяется

гораздо дальше в море, нежели зимой. Одновременно эта поверхностная вода увлекает с собой свой планктон, а именно, красных медуз, *Ceratium tripos* и мальков трески, которые вывелись на отмелях весною.

Интересно, что эта тресковая молодь, уносимая водой, держится большею частью под большими красными медузами, где она, до известной степени, хорошо защищена.

В море между Ян-Майеном и Норвегией, 12 августа

Вчера вечером мы забросили в море яруса с сотнями крючков. А сегодня рано утром выбрали их — на крючках оказалось множество морских окуней — крупные *Sebastes norvegicus*. Как раз то, чего мы ожидали. Стало быть, верно, что они водятся здесь в таком множестве над большими глубинами, до сорокапятидесяти сажен или около этого. И это знают тюлени, во всяком случае хохлачи.

Облачно, море не улыбается. Хмуро и настроение — почему? А завтра мы, может быть, увидим Норвегию! Должно быть, слишком много работал прошлую ночь, а все последние дни слишком мало спал. Меланхолия. Море перекатывает свинцовые волны... Сколько загадок под этой вечно волнующейся гладью! И как мало мы еще знаем о том, что происходит в ее глубинах! Там, в Ледовитом океане, в результате систематических измерений температуры водных слоев на различных глубинах у меня зародилось предположение, что в этих слоях возникают большие волны, совершенно не отражающиеся на поверхности моря.

Теперь, путем взятия многих гидрологических станций на близком расстоянии одна от другой, мы попытались выяснить этот вопрос точнее. И вот, подтверждается, что в толще воды, на границе между слоями, действительно имеются такие волны; более тяжелые слои, находящиеся ниже более легких слоев, волнообразно поднимаются и опускаются. Эти волны, медленно перекатывающиеся там внизу, очень велики, они могут достигать сорока-пятидесяти метров высоты; возникает даже вопрос: не достигают ли они порой и ста, двухсот метров высоты?

Здесь, на поверхности, мы их не замечаем. Представьте себе, если бы мы вдруг увидали, что на нас катятся такие волны! Но этому препятствует сила тяготения; разница между плотностью воды и воздуха слишком велика; такие волны на поверхности моря, где они должны подниматься в воздух, оказались бы слишком тяжелыми по сравнению с тою силой, что гонит их вперед. И даже, если представить себе, что они образовались случайно — например, в результате вулканического извержения на дне моря или во время землетрясения — они сейчас же опали бы до нормальной высоты. Иначе происходит дело на глубине, где разница в плотности между отдельными слоями так незначительна.

Когда мы стоим на высокой горе и у ног наших расстилается море тумана, а солнце озаряет его сверху, то мы видим вдали большие волны. Это волны, возникающие в воздушных слоях. Приблизительно то же можем мы себе представить и на морской глубине...

Между прочим, интересно, с какой правильностью распределены водные слои на глубине; несравненно

однообразнее, чем можно было предположить на основании всех прежних исследований.

Ниже глубины 800 и 1000 метров все Норвежское море заполнено холодной водой, с температурой ниже 0°, причем температура равномерно понижается по направлению к дну, где она составляет около —1,2° Ц. Соленость воды, практически говоря, одинакова до самого дна. Изменения, изредка встречаемые в этих глубинных слоях, поразительно малы. В более высоких слоях изменения происходят тоже правильно и постепенно. Это очень важные открытия — океанография становится более точной наукой.

Зыбь на севере усиливается, небо темнеет, и задувает ветер. Уж не разыграется ли к ночи буря?

Вот прорвалась пелена туч на северо-западе, на минуту блеснул золотой диск солнца, и опустившийся сверху пучок лучей, сверкая, полощется на дальнем краю моря. Потом все исчезает. Темнеет по-вечернему. Покачиваясь, словно в исполинской люльке, море со своими тайнами погружается в ночной сон.

Внизу, в лаборатории, сидя на столе между пузырьками Хелланд-Хансена, Уве Йорт поет под аккомпанемент гитары, а тем временем удары поршня продвигают нас на восток, к Норвегии.

Вечером 14 августа мы подошли к берегу Норвегии — этому сказочному миру Севера. На море начало задувать, так что нам пришлось сократить свою работу на последней станции.

Мы стояли в проливе. К югу от нас вздымались мрачные и зубчатые Лофотенские горы; одетые ледниками и пестреющие снежными пятнами почти до

самого низа, они стремительно опрокидывались из тумана прямо в море — как и в том мире, откуда мы пришли. Здесь нет места для человеческого жилья — это сам Тролльхейм, родина горных духов-троллей.

К северу виднеется остров Хассель, с белыми домами на зеленых лугах и круглыми холмами, одетыми до самых макушек зеленью березовых рощ, травой и мхом, — ни одного голого местечка.

Неужели он находится севернее полярного круга? Так изумительно мирно и приветливо улыбается он нам в этот мрачный вечер из-под темного грозно нависшего тумана, который тянется с юга от Тролльхейма на север. Словно поклон от мирной жизни и лета.

В э т о м ли красота? Или она в диком нагромождении скал по другую сторону острова? Или же в вечно изменчивом, волнующемся необозримом просторе там впереди? . . Я уже и сам не знаю. Но здесь мир и тишина, манящие остановиться, осмотреться и отдохнуть.

Дальше вдоль фиорда — поросшие лесом холмы, а еще дальше вглубь — седловина Мё и блистающие глетчерами вершины, уходящие в облака.

Мы шли на юг, к узкому проливу Рафт между островами и шхерами, среди скал, окутанных туманом. Ночью мы остановились в Ханнё и дождались там рассвета.

На берегу получили у торговца последние газеты. Король Умберто убит, в Китае происходит почти то же; но из дому никаких вестей.

На следующее утро вошли в Вестфиорд и направились к западу в Свульвэр. Резкий ветер, взбаламучен-

ное море, над вершинами гор еще плавает туман, но нет-нет да проглянет и солнце.

Когда мы, пыхтя, пробирались под крутыми скалами, а я расхаживал по палубе, со мной поздоровался, спускаясь в машину, механик Омот. Мы взглянули вверх на изборожденные морщинами скалы.

— Как много на Лофотенах гор!

— Да, здесь гор много тонн, — ответил он.

В 8 часов утра мы подошли к Свульвэру. Первым делом — на берег и отправить телеграммы. Наконец, среди дня ответ из дому — все благополучно. Вечером милые люди в Свульвэре и Кабельвоге устроили нам банкет.

На следующее утро пришел «Вестеролен». Йорт, капитан Сёрнсен и другие проводили нас на борт. Хотя мы и шли на юг, грустно было расставаться, и мы долго махали им платками и шляпами, пока «Вестеролен» пробирался по узкому входу в фиорд. Белая фуражка Йорта, стоявшего на краю пристани, скрылась за островом, а судно, подняв носом буруны, врезалось в волны, катившиеся в Вестфиорд.

Сильный противный ветер задержал нас на три часа, так что мы подготовились к тому, что опоздаем на поезд в Троньем, хотя капитан Нильсен и делал все возможное, чтобы наверстать опоздание.

В пятницу вечером, 17 августа, мы вошли в Трондемский фиорд. Как тихо и мирно там было — фиорд широк и живописен — кругом одетые хвойным лесом горы, под ними крестьянские усадьбы, луга и поля, спускающиеся почти к самой воде. Беспокойная все-таки штука — жизнь исследователя: вечная погоня за разгадкой всевозможных тайн природы, сложный, не

знающий отдыха аппарат! Хочется пожить обыкновенной жизнью!..

Поезд дожидался нас, и ночью мы направились к югу, вдоль Гула.

Как отрадно было снова очутиться под покровом темной ночи! Увидеть в вышине горные хребты, рисующиеся черными контурами на сумеречном небе. Слабо просвечивает сквозь облако над ущельем на юге золотое сияние луны. Внизу, разбиваясь о пороги и кружась в темных омутах между елями, глухо шумит река. Я смутно различаю лодку. Должно быть, выехали половить ночью рыбу.

Мне мила эта темная ночь, она спускается так неслышно и прикрывает все мелкое, незначительное, глаз видит только простые, величавые линии и звезды.

ОСЕННЯЯ ОХОТА

Орманбу, 24 сентября 1903 года

ЕСТЬ ОСОБОЕ очарование в затерянной глубоко в горах лесистой долине, где даже гон собаки по зайцу никогда не пробуждал эхо среди каменных громад. Обособленный безгласный мир...

Однажды, прошлой осенью, я попал в здешних местах в такую долину, далеко к западу. Мы с Андресом охотились на куропаток в горах, был туман, и нам не везло — куропатки не тянули, если же поднимались, то исчезали в тумане. Все было мокро и противно.

Но вот мы выбрались из-под этого туманного потолка и очутились в той долине, — лес стоял такой тихий, мох был такой мягкий и зеленый, а река изви-

валась по плоскому дну долины, между ровно вздымавшимися по обеим ее сторонам склонами. На болотах виднелись следы лосей. Все так мягко и пышно, — нет ни борьбы, ни изнурительного труда.

Мы достали свои пакеты с провизией, растянулись на кустиках голубики под сосной на краю болота, потом, закусив, покурили. Я жалел, что со мной нет собаки, приученной к охоте на зайца. Здесь был такой подходящий для этой охоты лес. Гон шел бы безошибочно и легко вывел бы на охотника.

Впоследствии он всегда шел этой лесистой долиной на запад в сторону солнечного заката, и, бывая выше в горах, обычно под вечер, я заглядывал на эти затерянные среди голых гор лесистые склоны, где вечер уже успел наложить свои прохладные тени.

И вот третьего дня мы с Андресом вышли рано утром. Но надо было повременить — сначала куропатки, а зайцы уж завтра утром. Стояла чудесная осенняя погода, и куропатки, наверное, перебрались на горные склоны. Правда, мы уж ходили туда один раз нынче осенью, но не нашли тогда ничего, кроме нескольких старых птиц; положим, в тот раз задувал отчаянный западный ветер.

Сейчас мы были полны надежд. Мы прошли по горам Велебу, по ровным полянам, затянутым болотами, и по холмам за озерками Сётли, но нигде не попадалось нам куропаток.

Стали спускаться по лесистому склону в долину, среди сломанных ветром деревьев, верхушек и сучьев, и тут местами были заячьи следы, так что Санг рвался на своре; но сейчас на очереди были куропатки.

В Лисет мы нашли пастушью хижину со сложенным в ней сеном, где можно было переночевать. Мы сняли с себя охотничьи доспехи и не спеша закусили перед тем, как отправиться по откосам к заманчивой заросли мелкого ивняка, карабкавшегося вверх до подножия голых вершин.

Целый день ходили мы по тем самым местам, где в прошлом году в это же время находили одну стаю за другой, и не видели ни одной птицы, даже ни единого самца-одиночки, можно сказать, ни перышка! Все здесь точно вымерло. Только в одном месте попались отпечатки ног целой стайки, но самой ее нигде не оказалось. Может быть, слишком много развелось здесь лисиц? Лисий помет мы находили во многих местах, а в прошлый раз, когда были здесь, слышали, как лисица всю ночь «рыскала» вверху по откосам.

А погода была чудесная. На открытых пространствах, в горах, солнце припекало, как в разгаре лета. На западе, окутанная голубой летней дымкой, высилась Гауста в белых полосках снега, скалы Телемаркена с вершиной Скорве и Лифьелд волнообразно тянулись к югу, купаясь в солнечном мареве, а у ног наших — затопившее холмы Ховинбюгден и пади между ними море густого ельника, с золотыми брызгами пожелтевших берез, еще не сбросивших своей листвы; но сейчас она уже быстро опадала. А среди лесов — сверкающие озера, такие тихие и далекие от мира. От этих лесных озер, если смотреть на них издали, всегда веет какою-то особою умиротворенностью. Они отражают небо, они отражают окрестные склоны, и если не подходить слишком близко, может

показаться, будто в лесах этих еще не похозяйничала опустошительная рука человека.

При виде подобного обилия лесов я всегда испытываю чувство, которое, вероятно, испытывали первые охотники, когда, придя сюда много тысяч лет тому назад, увидели сверху этот огромный древесный ковер, уходивший темными волнами все дальше и дальше, — с множеством таящейся в нем крупной дичи, — увидели эти озера, манящие обещаниями больших рыбных богатств.

А выше, над лесами, простираются горные дали; красновато-коричневые сейчас, они красуются в последнем осеннем уборе, дожидаясь первого снега. Горные березы уже сбросили почти всю листву, и она сухо шуршит под ногами. Может быть, куропаткам чересчур сухо в горах, и они спустились ниже, к долине?

Днем, возвращаясь к альпийской ферме, мы действительно наткнулись на стайку на опушке леса и застрелили несколько штук.

Сварили ужин на лужайке у фермы, полежали на пригорке и покурили...

Как тихо и мирно! Люди и скотина давно уже разошлись с горных пастбищ по домам, в долины. Зажглись звезды. К западу от нас громоздился темный лесистый склон, и высоко над ним маячила острая обнаженная вершина.

На востоке, в горах Велебу, на вершинах Окели и Бле, еще догорали остатки яркого вечернего румянца, но скоро исчезли и они.

Земля с долинами и горами, с лесами и озерами закуталась в темную осеннюю ночь.

Вся ненужная суетня и пустые стремления изгладились без следа. Только главные, крупные контуры выступали под мерцающим звездным небом, спокойно и естественно предоставляющим всему мелкому погружаться в забвение...

Утром, еще не было пяти часов, мы отправились в Сёрсет. Ночь была еще безгласна, ни одного звука в лесу. Над нами сиял Орион, но на востоке уже брезжил рассвет.

Мы уже давно миновали Сёрсет, когда Санг как будто напал на след. Вскоре он определенно повел. Вероятно, это был молоденький зайчишка, потому что след был неровный и путался в чаще. Да и мы еще не по-настоящему разохотились стрелять. Немного погодя собака подала голос у горы, и заяц был взят.

Мы пошли дальше, опять спустили собаку, и вскоре Санг напал на новый след и звонко погнал вверх по склону. Описав полтора круга, заяц полным ходом покатил вниз по тропинке к ферме и тоже был убит. Пройдя несколько делянок книзу, опять увидели след. Собака скоро разобрала его и погнала во весь голос на запад. После многих запутанных кругов этого зайца постигла та же судьба, что и предыдущих.

Но вот солнце поднялось выше, собаке стало труднее разбираться в следах. Спустя некоторое время она повела; нам осталось сесть и вооружиться терпением.

Собака рыскала взад-вперед по краю болота, потом кинулась в лес, опять выбежала на болото. Она напала на свежий след, но там, где пригревало солнце, было слишком сухо, и след обрывался. Потом мы услышали, как она изредка взлаивала вверху на от-

косе, должно быть, тогда, когда попадала под куст, где след был виден лучше.

Сидя на пеньках, мы слегка вздремнули. Но вдруг сразу проснулись — собака гнала во весь голос.

Она описала полукруг; но потом след потерялся. Собака сделала стойку и надолго: должно быть, заяц засел прочно. Мы пошли наверх помочь ей вспугнуть зайца.

Наконец заяц поднялся, и гон опять возобновился на некоторое время. Затем заяц снова ушел, собака рыскала и носилась из стороны в сторону, попадая все на тот же след, взлаивала, и гон продолжался.

Но дело не шло, собака гоняла зря. Было уж слишком сухо, солнце немилосердно припекало откос, мох трещал под ногами, — а тут еще этот густой слой сухих березовых листьев, покрывавший пригорки.

Не странно ли, что память часто зацепляется за что-нибудь такое, на что мы первоначально почти не обратили внимания.

Сейчас мне больше всего вспоминается из того похода, как мы около полудня возвращались по солнцепеку на ферму, усталые и разморенные. Собака носилась вдали, распутывая какой-то след. Мы изредка присаживались, поджидая, не поведет ли она.

Что и говорить, было тепло, веки смыкались сами собой, и мы нет-нет да и задремывали. Пожелтевшие высокие папоротники густо кудрявились по косогорам, по крутым уступам, между ними темнел валежник и мелкие сучья.

Итти было легко — обувь легко скользит в такую сушь. Под березами нас провожало шуршание опавшей листвы, а под елями лежали густые тени.

Потом подошли к ручью, струившемуся по дну долины. Сразу посвежело. Неописуемое чувство охватывает у такого светлого журчащего лесного ручейка в жаркий день.

С каким радостным умилением бросаешься на густую траву у берега, зеленеющего словно маленькая луговинка в лесу. Солнце веселыми бликами играет в прозрачной холодной воде. Все до единого камешки видны на дне, а над ними, преломляясь в зыбких струях, шаловливо перебегают солнечные лучи. Так и кажется, что это сама неумирающая, смеющаяся юность.

А ручеек, извиваясь, бежит меж плоских песчаных и мелкокаменистых берегов. На открытых местах по краям его растет трава и редкий камыш, а под деревьями — зеленый мох и папоротники. И ели, прямые и высокие, покровительственно простирают над ним свои ветви, отражаясь в темной тихой воде.

Удивительное впечатление производят эти лесные заводи, такие неизменно чистые и прохладные. Не знаю почему, но всякий раз, когда я их вижу, в памяти моей возникает беглое впечатление римских улиц в теплый и яркий, пронизанный солнцем июньский день. Я проходил мимо одного из многочисленных мраморных водоемов с бьющей из львиной пасти струей воды. Я словно сейчас вижу отражение солнца на мраморном дне, слышу плеск ударяющей в него воды.

Почему возвращается это воспоминание? Может быть, в тот раз свежая, прозрачная вода в холодном беломраморном бассейне сразу перенесла меня из огромного мирового города со всеми его памятни-

ками культуры и утомительными музеями к прозрачным струям, перешептывающимся с белой галькой в заводи ручья, затерянного в лесной глуши, куда культура не имеет доступа...

Ах, эта радость, какую возбуждают прозрачная журчащая вода, солнце, голубое небо, лесная тишь,— не сродни ли она самому изначальному, что заложено в нас? Если бы вернуть побольше этой простой радости в нашу жизнь!

А, помимо этого, чему мы, собственно, радуемся?

И передо мной мгновенно возникает картина, которую Эрик Веренскьолд когда-то нарисовал мне словами, но я вижу ее так отчетливо, как будто он написал ее красками.

Разве мы, люди, живущие в городах, не похожи на зверей, живущих в ящиках? Сначала мы спим в одном ящике, потом выскакиваем из него, бежим по узенькому проходу в другой ящик. Там проводим несколько часов, затем бежим обратно в первый ящик. Через час или два опять выбегаем и мчимся в третий ящик. Пробыв некоторое время там, спешим обратно в первый ящик.

Да, именно так оно и есть. И так проходят годы в этих ящиках,— и это мы называем жизнью. И в них мы родимся сами и создаем новые поколения, которые будут продолжать ту же ящичную жизнь.

А если захочется по-настоящему порадоваться, то компания зверей забирается в ящик побольше, чтобы там вместе поесть. И вот они сидят там рядком, подвернув под себя хвосты и положив передние лапы на доску, и упихивают в себя пять, десять, пятнадцать различных блюд, в зависимости от размера радости.

и выпивают соответствующие количества крепких напитков до тех пор, пока не увидят самих себя, друг друга и весь свой ящичный мир в каком-то идиотском тумане. Это называется праздником...

Ручеек же этот бежит год за годом и медленно прорывает себе долину, а лес обступает его молчаливо, желтея осенью и зеленея весной. А кого только не видит ручей, кроме большого лося, останавливающегося у него, чтобы напиться, — зайчика, прискакивающего сюда пощипать траву, лисицу, осторожно подкрадывающуюся в сумерках, подстерегая зайца или птиц...

Над нашими головами носятся взад-вперед стайки дроздов; они собираются к осеннему отлету. Такие веселые и жизнерадостные — то посвистят друг другу, а то засмеются, так и рассыплются хохотом от удовольствия.

Почему жизнь кажется вам такой веселой, — ведь в этом году рябина уродилась плохо? Может быть, потому, что, несмотря на это, вы летаете там, где хотите?..

В еловой рощице на том берегу ручья перепархивает с ветки на ветку странная ронжа. Обычно тихая и молчаливая, словно хранящая тайну жизни, иногда она издает мелодичный звук, похожий на печальный голос флейты, а то вдруг зальется злобным резким хохотом, в полном смысле этого слова.

Загадочная птица, никак не разобраться в твоих повадках! Может быть, именно ты больше всего похожа на вечно мятущуюся человеческую душу?

Иногда, когда я сижу в лесу и ты беззвучно подлетаешь и садишься на ветку надо мной и косишься

вниз, покачивая головкой, — так и кажется, что тебе непременно хочется что-то сказать. Но потом ты перелетаешь на соседнее дерево, подальше в лес, так и не сказав ничего. Но ведь то же бывает и с нами — часто ли мы находим выражение для того, что таится в глубине нашей души и звучит там во весь голос?

Изредка как будто пробует налететь прохладный ветерок. Он слабо шумит вверху, в кронах деревьев, и замирает в шелесте всколыхнувшихся папоротников. Но это просто судорожный вздох, а потом опять все стихает.

Лесистый склон надо мной трепещет на солнцепеке, как трепетал он тысячи лет, и весь полон гудения насекомых, этого вечного гула жизни. Вот какое-то крупное насекомое запуталось в вялой листве и падает с нею вместе на землю. Голова моя клонится все ниже, ниже — ах, как хорошо здесь сидеть — право же...

Но вдруг мы стремительно вскакиваем, хватаем ружья — чорт побери, подняла-таки даже в этот полуденный зной!

Гон полным голосом разливается по косогору — усталости и дремоты как не бывало!

Мы возвращаемся домой, темнеет. Мы стоим на перевале. Внизу виднеются Орманбу и озеро Сёркье. Луна поблескивает на водной ряби в устье реки и здесь, в заливчике. На воду наброшена легкая серебристая вуаль. Вверху, на пике Бле — более плотное белое облако. Над ним — большая и круглая луна. Горы темны, мрачно-сини, лишь слегка посеребрены лунной дымкой.

В огромном, беспредельном и синем пространстве — несколько одиноко мерцающих звезд. На востоке, как раз над гребнем Сюнхёвде блистает золотой Юпитер.

Как высок сегодня вечером небесный свод! Земля представляется крошечной точкой, затерянной в этом просторе. И на таком-то фоне мы копошимся с нашими мелкими заботами и огорчениями. Во что они превратятся через каких-нибудь двадцать, даже десять лет? Среди каких же вздорных мелочей мы живем и связываем себя ими? Неужели же мы никогда не заглядываем в небесные просторы?

Одна вот такая ночь — такая необъятная и вместе простая... Ведь к ней же мы и стремимся сквозь дневную гонку и суету, сами того не зная. Здесь мы находим утоление своей жажды красоты, равновесия... «Мы спускаемся для того, чтобы встретиться», сказал кто-то. Разве у каждого из нас, при всей нашей будничности, не имеется такого святилища, куда мы вступаем притихшими, но мы охраняем тайну его для самих себя и «спускаемся в это святилище для того, чтобы встретиться».

Понедельник, 5 октября 1903 года

В пятницу утром только начинало светать, когда мы с Андресом отправились в путь, — мы решили совершить основательную экскурсию в Ховинбюгд за дичью и зайцами. Небо было хмуро, и темные тучи надвигались на нас с юга, когда мы плыли по озеру Сёркье, — можно было ожидать дождя.

Не успел Трюгве высадить нас на берег на противоположной стороне озера, и мы двинулись в путь

по болоту, как услышали странный звук. Он повторился. Андрес предположил, что это взлаяла на том берегу лисица. Мне показалось, что звук больше похож на крик кайры, но для нее было еще слишком рано и темно.

Ни одна птица еще не проснулась. Вдалеке на болоте с хохотом взлетел самец куропатки, вспугнутый собакой, но во тьме я только видел, как мелькнуло что-то белое.

Немного посветлело. Начали просыпаться и переговариваться между собою дрозды, и вскоре хор их был в полном разгаре. Но собака куда-то исчезла и не подавала голоса. Трава на холме была влажна, и охота обещала быть удачной — лишь бы не пошел дождь.

Наконец Санг подал голос на склоне между Лаувхёвде и Грёнли, и вскоре гон развернулся во-всю. Много кругов описал он, поднимаясь в гору до полосы, лишенной растительности, но зато и заяц оказался огромным, когда он наконец выкатил на тропинку и пал мертвым.

Три поля подряд взяли мы, спускаясь ниже, мимо альпийских пастбищ. Это дало нам четырех зайцев, а время приближалось, наверное, к полудню. Но тут давно уже накрапывавший дождь пошел всерьез. Мы направились тогда в Рустахолте.

Гумно было полно ребятишек, сбежавшихся, как только они нас завидели. Время было учебное, но нас пригласили зайти и отдохнуть в самом школьном помещении, откуда на это время удалили ребят и учительницу. Никакие мои протесты не помогли. Но потом мы все-таки ухитрились уйти в пристройку.

Там нам приготовили закусить, пока мы беседовали с Свейнунгом и его отцом, старым, беззубым халлингцем, который говорил, можно сказать, не умолкая.

Пока мы сидели там, пришел какой-то мужчина с дождевым зонтом и ружьем. Это был разговорчивый бобыль, которому поручили собирать подати или брать залоги за недоимки. Он уже забрал в качестве залога бывшую при нем винтовку, а теперь шел за овцами, которых должен был взять у кого-то другого.

Дождь все продолжался, а так как здесь негде было ночевать, мы отправились в Кнутсгар. Тор, брат Свейнунга, радушно встретил нас — с ночлегом, конечно, как-нибудь устроится.

Дождь лил весь день. Мы старались как-нибудь убить время, становились в дверях и смотрели на погоду, ели репу в огороде и болтали с ребятишками — хорошенькой малюткой Ингеборг и двумя близнецами, очень выросшими с прошлого года, когда я видел их в горах на ферме. Но мальчик был гораздо крупнее — двух лет, он все еще питался материнским молоком; девочку, вероятно, считали недостойной такой роскоши...

Вечером мы с Андресом и Тором выпили по стаканчику грога и сговорились насчет охоты на лосей в этом году. Тор — какого-то неопределенного типа, как ни странно, монгольского — черноволосый, тогда как брат его Свейнунг — голубоглазый германец.

Когда я сказал Андресу, что Тор уж очень худ, должно быть, слишком переутомился, охотясь на лосей, Андрес ответил, что брат все время прихварывает с тех пор, как с ним стряслась беда несколько лет тому назад. Он ездил на рынок, в Конгоберг, кутнул

там и пьяный отправился домой на возу, и если бы кто-то, увидавший его дорогой, не пошел за ним, он так бы и погиб в тот раз, потому что, когда к нему подошли, он почти замерз. Лошадь запуталась ногами в вожжах и остановилась, а он лежал без памяти на возу; стоял трескучий мороз, так что его нашли, можно сказать, в последнюю минуту. С той поры он никак не может поправиться.

Перед тем как заснуть, я лежал и думал об этом человеке, а дождь все лил и лил, не переставая. Худое лицо с пугливым взглядом, нервные, обтянутые черты, костлявые виски, впалые, костлявые щеки, суетливые манеры...

В чем для него теперь жизнь? В хозяйстве ли на маленькой горной усадьбе и в рубке леса зимой? В кутежах ли и мужских повадках, или же в охоте на лосей? И чем вызывается его охотничья страсть? Инстинкт ли это хищного животного, или же бродяжничество, неутомимая погоня за чем-то, находящимся там, где нас нет?..

Когда я на следующий день пришел к его брату, Свейнунгу, который с женой и пятилетней дочерью, все втроем, стояли согнувшись на поле и копали картошку, опять у меня возник тот же вопрос. Неужели же в этом его жизнь? Казалось, вряд ли это самое подходящее занятие для него, бойкого парня и первого танцора на всех вечеринках, гонявшегося по лесу за лосем с резвостью и легкостью волка.

Когда мы вышли утром, склоны книзу от Бле и Грофьелла были белы вплоть до полосы альпийских лугов. Дождь шел всю ночь до утра; но мы все-таки решили поохотиться на зайцев.

У Медвежьего озера Санг начал делать стойку и скоро поднял зайчишку, который ускакал и прочно засел куда-то.

Когда мы, потеряв порядочно времени, шлепали по воде у края болота, где, по нашим расчетам, он должен был находиться, Санг сунул морду в молодую елку, у которой я остановился, — заяц прыснул из-под нее. Санг пронзительно взвизгнул, лягаш тоже рванулся за ним — четыре выстрела, выпущенных мною и Андресом прямо из-под носа у собак, и заяц покатился мертвым.

Набрели мы и на одну тетерку, но больше их не попадалось, и мы решили вернуться домой. Слишком уж долго шел дождь.

Но вот и здесь залетали снежные хлопья, и не успели мы уйти далеко к северу от Рустахолте, как весь холм побелел. Вскоре снег лежал слоем в несколько дюймов толщины.

Лягавая повела и шла все дальше и дальше по болоту, потом стала подниматься по склону. На снегу не было видно ни одного следа. Кого же она учуяла? Наверное, здесь были птицы, но они снялись еще до того, как выпал снег. Наконец с шумом взлетел большой глухарь.

В Грёнли нам нужно было забрать двух зайцев, повешенных на скотном дворе в Буюрде. На лугу лежал глубокий снег, сразу настоящая зима, и в лесу стало тихо и безгласно.

Вся жизнь замерла. Дрозды, еще вчера так суетившиеся и такие веселые, несмотря на пасмурную погоду, сегодня улетели. Оставались только мы с собаками, возвращавшиеся по горам в Орманбу. Каким

одиноким чувствуешь себя в такую снежную погоду!

Но — чу! — что это такое? Чорт возьми, Санг опять делает стойку, а ведь все следы занесены снегом. Кого-то он поднял и сразу же звонко погнал вверх к фермам Грёнли.

— Ну, с этим будет еще похуже, чем с первым, — сказал Андрес, и мы поспешили стать на места.

Я видел зайца вдали, на белом снегу он казался совсем серым; но заяц совершенно не желал выходить на открытое место, ему хотелось забиться в чащу.

Андрес выстрелил наудачу в чащу молодого ельника, но ни в кого не попал и прикрикнул на собаку. Вскоре после этого подал голос Санг; но как раз у пня, возле того места, где стрелял Андрес. Как же это могло быть? Ведь не мог же заяц так сразу засесть туда? Непонятно...

Собака опять смолкла. Мы попробовали было пройти по следам, но это оказалось нелегко, на снегу было слишком много отпечатков следов — и заячьих и собачьих. Мы долго стояли каждый у своей стороны купы молодых елочек и говорили о том, куда же это мог засесть заяц; он должен находиться где-нибудь здесь. Подбежала собака, сунула морду в гущу веток, и заяц выскочил как раз между нами. Но загремели выстрелы, и он упал.

Я подошел к пню, из-под которого выгнали зайца, Лежка виднелась ясно, но следов к ней не вело. Значит, это другой заяц, а первый еще бегает где-то. Я выстрелил, и мы закричали. Санг бросился на поиски.

Вскоре на болоте, находившемся неподалеку, послышался треск, треск все усиливался — изредка короткое взлаивание — и вдруг гон во весь голос. Мы бросились на места, я на прежнее, напротив фермы. Пять раз проходил гон вверх и вниз мимо этого места, и все мне не удавалось выстрелить; но вот серый комок, подпрыгивая на белом снегу, покатил прямо на меня и внезапно упал.

Сказать по совести, мы этого не ожидали — взять двух зайцев по пороше слоем в четыре дюйма! Осыпаемые снегом, мы потащились домой.

Когда мы пришли, нас встретили с веселыми лицами и посочувствовали, что нам так не повезло насчет погоды. Но когда мы втащили свои трофеи в виде зайцев и птицы, все сразу перестали нас жалеть.

И вот наступила зима, белая и тихая. И надо было поскорее укладываться и уходить вниз, в долину.

Сегодня утром я пошел посмотреть порошу и попрощаться надолго. Снег шел две ночи, так что почти наверняка можно было предположить, что зайцы выходили прогуляться, несмотря на снегопад.

Выглянуло солнце и засияло так соблазнительно на белых склонах. Но отпечатков заячьих лапок нигде не было видно.

Какая тишина в напудренном лесу! Только слабый пересвист двух синиц меж вершинами елей. Ни одного следа на белом ковре, кроме беличьего, да извилистой линии, прочерченной мышью. Ветви деревьев пригнулись под тяжестью снега. Наступила пора зимнего отдохновения — только озеро Сёркье внизу лежит

открытое и чернеет среди окружающей белизны; но над ним курится пар, как в зимние морозы.

Ну, вот и кончена эта жизнь среди горных высот, и надо отправляться вниз, к пестроте, к склеиванию осколочков, ко всему тому, чего не хочешь, — в житейскую пошлость и тесноту.

Глаз скользит вверх по осыпанным снегом склонам, горы блистают на солнце, а внизу, по обеим сторонам, в долинах Ховин и Нуме, беспокойно ворочается темная мгла.

Становится так грустно, что надо уходить отсюда, — так хотелось бы остаться и посмотреть, как закрепится здесь величавая в своем спокойствии, белая, ничем не запятнанная зима...

Но все-таки поедем, тем приятнее будет снова вернуться на эти высоты, где долина виднеется далеко внизу, где растут светлые березы и темные ели, где горы розовеют ввечеру и по утрам, а ночь величественна и тиха.

ГЛУХАРИНЫЙ ТОК

Май 1916 года

СОЛНЦЕ снижалось над вершинами, когда вдвоем с егерем Иоганом мы двинулись в путь из Эрнелунда, расположенного среди Анкерских лесов в Смолене. Переехав в лодке на южный берег озера, мы направились к холму близ Третгерна, где рассчитывали попасть на вечерний ток.

Дошли мы туда как раз в момент заката солнца. Пологий западный склон холма порос довольно крупным еловым лесом. В прошлом году здесь происходила порубка, валялись верхние отсеки стволов, сучья, и не так-то легко было сообразить, в каком именно месте глухари собираются на ток, вернее всего, где-нибудь поближе к вершине. Мы решили

сесть над обрывом на восточном склоне; оттуда мы услышим токованье, будет ли оно происходить у вершины или ниже, к востоку от нас, в лесу.

Мы нашли укромное местечко с широким горизонтом и уселись под хорошим прикрытием — у двух елей, прислонившись спиной к стволу.

На северо-западе небо еще пылало, но уже смеркалось, и ночь медленно наплывала на лес. Ветер был не такой, как вчера вечером, лишь изредка по верхушкам деревьев пробегал шелест.

Певчий дрозд торопился, переходил с одного колена на другое, то зальется звонким веселым щебетом и говорком, то длинными насмешливыми куплетами — уж не о всех ли человеческих глупостях, которых насмотрелся там на юге? — а то вдруг глубокие грудные ноты, вибрируя, пронижут пригорюнившийся лес. Реполов подтягивал изо всех сил, и оба старались словно на состязании, но первенство осталось за дроздом.

Время от времени к их дуэту примешивался голос какого-нибудь другого певца.

Потом все стихло, только запоздалый отрывок, застрявший в чьем-то горле, изредка нарушал короткой трелью лесной покой.

Слабый небесный багрянец на востоке потускнел, темносиняя тень от земли тянулась все выше и выше по небосводу.

Из лесу пахло землей, весной и елкой.

Высоко в небе боязливо мерцала одинокая бледная звезда. А тени внизу между деревьями погустели, и я уже не различал листвы на темном фоне лесного подола.

Вершины гор на востоке слились в темную массу. Одиночный порыв ветра жалобным стоном прорезал тишину.

Сейчас должны бы потянуть вальдшнепы, но ни писка, ни трещанья не слышно...

Сумерки сгущаются. Как торжественно это соше-ствие ночи на землю, повторяющееся изо дня в день и все же всегда новое. Но современной душе некогда прислушиваться к лесу и ночи...

Но вот откуда-то издали появляется она, волшебная птица, — черная и большая, она плывет в сумраке над вершинами деревьев. Величина ее поражает — кажется, будто это сам лесной дух, встопорщив перья на вытянутой шее, совершает прямой и шелестящий полет. И она несется прямо к цели, сюда, к вершине горы. Там она исчезла за деревьями и — так и есть — вот она крякнула! По звуку слышно, что это не маленькая птичка.

Снова тихо. Мы сидели неподвижно, прислушиваясь, не раздастся ли щелканье, но ничего не слышали. Повторилось кряканье — несколько дальше, а немного погодя — пониже гребня.

Мы посидели некоторое время, но так и не дождались щелканья, — должно быть, мы находились слишком далеко. Тогда, стараясь ступать беззвучно, мы стали приближаться к гребню — все та же тишина.

Чу! — вот щелкнуло — еще, еще, несколько раз подряд. Мы подошли ближе; но щелканье не переходит в токованье. Поднялся ветерок, верхушки зашумели, мешая слушать. А возле нас две сосны терлись друг о друга, издавая скрипенье, точь-в-точь похожее

на то, с каким глухарь разевает клюв. Изредка мы слышали настоящее глухариное щелканье, но ни одного «удара».

Ага! — вот щелкнуло вдалеке, в лесу, пониже того места, где мы находились. Вот опять — все быстрее и быстрее. А вот и «удар»! Это уже настоящее токованье!

Через ложбинку и вниз по обрыву мы спускались как можно бесшумнее. Но скоро подошли на такое расстояние, что теперь уже надо было приближаться прыжками.

Наконец мы спустились. Стали подвигаться по болоту, с кочки на кочку, тремя прыжками подряд после каждого «удара».

Прямо впереди над опушкой леса светят полумесяц и Юпитер, и лес внизу кажется совершенно черным. Из этой тьмы несутся слабые, колдовские звуки, там, по ту сторону болота, сидит на дереве глухарь и усердно токует.

Мы подходим все ближе и ближе; все нервы и мускулы напряжены, глаза впиваются в расстилающуюся впереди тьму. Да где же он? Никак не разглядеть его в этом черном лесу.

На краю болота, как раз под неполным лунным диском, стоит одинокая сосенка. Я различаю у ее ствола большой черный комок — уж не глухарь ли это? Нет, он не движется. Ах, так и есть, шевелится! Во время следующего удара ружье снимается и берется наизготовку; еще «удар» — длинный световой луч пронзает мрак, раскатывается грохот. За ним — звук тяжелого падения и всплеск на болоте. Иоган подбегает и поднимает — это большая птица.

Мы стоим притаившись. Стало довольно темно, но еще есть время. Подкрадываясь к этому глухарю, мы слышали, как немного дальше токовал другой. Прислушиваемся, но сейчас совершенно тихо — наверное, глухаря вспугнул выстрел. Мы опять подбираемся к гребню и слушаем, не затокует ли первый. Вот он щелкнул, но токовать не хочет. Щелкнет несколько раз подряд, но к токованью не переходит. Потом совсем смолкает. Глухари — и те устраиваются на ночной покой на ветке. Пора, значит, и нам, и мы идем дальше.

До Северных болот, куда мы собрались на утренний ток, было еще порядочно; сначала шли голыми каменистыми склонами и топкими болотами; потом через жуткую долину, через ручей меж круто обрывающихся скал. И вверх, по высокой крутой горе, где местами приходилось карабкаться на четвереньках.

Наконец спустились на противоположный склон. Здесь, под нависшим выступом скалы, мы прошлой ночью нашли хороший приют. Но сейчас быстро наступила кромешная тьма, и не так-то легко было пробираться вперед — мы то натыкались на валежник, то попадали в трясину. Стали подвигаться ощупью, держась выступа скалы, и наконец нашли пещеру.

Иоган побежал искать смолья для костра, он стучал по всем сухим соснам, пока не нашел хорошей смолистой лесины. Она могла пригодиться, чтоб развести костер, принимая во внимание, что в лесу так сыро. Тем временем я ломал сушняк и складывал его в кучу.

Вскоре перед скалой засветил костер. Из еловых веток мы устроили на мокрой земле сухую постель, и

между горой и костром стало уютно и тепло. А потом закипел кофейник, и появилась сумка с провизией.

Мы пиршествовали после долгого перехода. Иоган рассказывал о своих приключениях во время охоты на глухарей и лосей в этих лесах.

Огонь костра озарял скалу и древесные стволы в лесу. На суку ближайшей ели торжественно висел убитый глухарь. Дальше стояла черная ночь.

Разговор замер. Иоган улегся спать, вскоре послышалось его ровное дыхание. Костер тоже угасал, только изредка, когда огонь подбирался к жирной смолистой ветке, он вспыхивал ярче и бросал к подножию елей трепетные отсветы, пытавшиеся взбежать к темным верхушкам.

А между ветвями плыла неполная луна... Все ночные звуки смолкли, лишь по временам где-то далеко-далеко кричал филин.

Как величественно, просто и безмятежно это необъятное пространство, неизменное с начала времен, где тонут все человеческие цели и мерки!

Мысли устремляются в дальние странствования, назад, сквозь тысячелетия — их не останавливает ни время, ни расстояние. Леса были тогда больше, непроходимее; ночь здесь, среди могучих деревьев, еще чернее.

Может быть, и тогда люди проходили ночью мимо этой самой скалы. Неслышно скользят они между елями, пружинно-упругие, как хищные звери, полунагие в наброшенных звериных шкурах; они несут копье и добычу. Подходят к этой же вот пещере, наламывают сучьев и сушняку, разводят огонь с помощью

двух кусков дерева, которые трут друг о друга, действуя одним, как коловоротом.

И вот вскоре пылает большой костер. Пока они собирают хвою и мох для постели, на колышках, воткнутых в землю возле углей, жарится мясо. Отвагой и жизнерадостностью пышит от этих людей, они смеются и болтают, как дети, запихивая в рот куски мяса по мере того, как оно жарится.

Они потягиваются с чувством неописуемого блаженства, подставляя нагие члены лучистой теплоте огня — они совершенно счастливы, не зная мучительных задач и обременительных планов, — они живут охотничьей жизнью, ее трудностями и ее радостями. Никаких забот, кроме относящихся к данному моменту, исчезающих так же быстро, как и возникают.

С течением веков людей стало больше, лесов меньше, а дичи убавилось. Но вместе с лесами, дичью и дикарской жизнью все дальше и дальше отходили от людей счастье и жизнерадостность. Те, что приходят теперь и садятся у такого же костра, уже не прежние молодые эластичные звери, пышащие отвагой и здоровьем, — они стары, согнулись под тяжестью социального гнета, бесконечных соображений, уз, забот о самих себе и о других, разбитых надежд, неосуществленных планов — всяких дрязг, никогда не ослабляющих своей хватки. Нелепая и печальная комедия жизни — бутон, которому надлежало распуститься, лишен питательных соков и аромата... Ах, где же искать радости в странах Запада?

Но пусть только зашуршит звериный шаг в ночи, затрещит ветка, и в одно мгновение человек вновь выпрямляется, как натянутая стальная пружина, и

с такой же молниеносной быстротой, как дикарь хватал свое копье, он хватается за ружье — хищные искры мечут его глаза во мрак...

Ну, да, теперь он, конечно, укрощен разными способами... А эта война? Ведь там беснуется тоже хищный зверь; но это зверь, предавшийся своей страсти к разрушению, тогда как здесь, в лесу, он только удовлетворял потребность к поддержанию жизни.

Луна прокрадывается дальше между елями — мне чудится, будто я слышу глубокое дыхание природы. Может ли вся наша культура дать что-либо равное красоте такой ночи в лесу? Но способность ценить эту красоту культура, пожалуй, все-таки развила.

Я подбросил еще дров в костер; он опять разгорелся, и я лег вздремнуть перед тем, как итти дальше.

Я вздрогнул и проснулся, но еще не было двух часов, ночь стояла такая же черная, а луна уплыла на запад, за вершину горы. Глухари могли начать токовать в половине третьего, но до тока было не больше четверти часа хода. Я разбудил Иогана. На северо-востоке чуточку засветлело.

Мы загасили костер, разбросав головешки, хотя он и не представлял опасности при большой сырости в лесу. Потом спустились с горы, прошли долиной, мимо озера. Ток должен был происходить на склоне, на том берегу озера.

В воздухе прозвучал протяжный жалобный писк. Иоган не смог определить его. Но, вероятно, это протянул кроншнеп. В тишине весенней ночи, когда все спит, они спешат с юга, чтобы захватить северное лето. А кроме этого — ни единого звука. Мы сту-

пали осторожно, стараясь не попасть ногой на какую-нибудь ветку — совсем неслышно скользили мы между деревьями.

День забрезжил светлее, но стояла та же тишина. Мы прошли еще немного, а потом решили подождать, пока лес проснется вместе с первыми певчими птицами и мы будем знать, что придем не слишком рано на ток и не помешаем.

Вот вдалеке на востоке прокуковала кукушка, а в другой стороне, к югу от нас, забормотал и тетерев. Но глухаря мы не слышали. А вот и первое утреннее чириканье, это, наверное, реполов; за ним подал голос и черный дрозд. Теперь можно уверенно итти дальше.

Мы все шли и шли, но ни разу не щелкнул глухарь. К югу от нас тетерева бормотали так, что казалось — там ключом кипит котел, кукушка куковала и заливалась хохотом, как безумная, невдалеке от нас, черный дрозд, реполов и все другие утренние птицы распевали во всю силу легких.

Ну, вот лес и проснулся. С каким ликованием он встречал утро! Все словно старались вознаградить себя за дождь и ветер последних дней. Только глухари молчали. Что такое стряслось с ними?

Вдруг — фрр! — большая черная птица взмыла с сосны впереди нас. Глухарь сидел там и не токовал — в такое-то утро! Чорт возьми, что могло с ним произойти?

Мы долго стояли, замерев в неподвижности. Боялись, что улетевший глухарь предупредит и остальных, собравшихся на ток, чтобы они молчали. Потом продвинулись еще немного подальше.

Ага, наконец-то, щелк! — впереди. Еще щелканье, быстрее и быстрее, потом «удар», — токованье по всем правилам! Оно возобновлялось по временам, но не шло непрерывно.

Чу! — налево, чуть подальше, еще один; этот токовал веселее и усерднее. Лучше пойти к тому. Было еще темно, надо итти осторожно и хорошенько осматриваться, чтобы не ошибиться...

Скоро мы подошли настолько, что надо было приближаться скачками. Первый тоже токовал, и мы боялись вспугнуть его, подскакивая к этому, — тогда мы потеряли бы обоих. Для верности решили держаться левого глухаря.

Мы подошли ближе, он продолжал токовать. Я напряженно всматривался в стоящую впереди сосну, я думал, что глухарь запрятался в густой хвое у макушки, но так и не мог высмотреть его. С каждым прыжком мы подступали все ближе.

Вот я подошел уже почти вплотную, ближе подходить не следовало. Но как я ни всматривался, глухаря так и не видел.

Я присел, надеясь, что, может быть, увижу его на фоне неба. Фрр! — и он взмыл вверх. Оказывается, он сидел на суку у ствола сосны, совсем открыто, а я его не видел. Можно было лопнуть от досады! И вот он помешал токовать и другому, того стало не слышно.

Мы долго стояли и ждали, но так и не дождались. Пошли дальше, вышли на вершину горы, опять стояли, прислушиваясь во все стороны.

Чу! А это что за звук? Уж не бекас ли это потянул?

— Это козули, — сказал Иоган, — видно, они выходили поиграть и так напугали глухарей, что им нынче не до токованья.

Я слышал слабое меканье в двух-трех местах пониже нас, — должно быть, козуль было несколько, но мы не видели ни одной. Эти козули превратились в сущую муку в здешних лесах; вдобавок, охота на них запрещена круглый год. Анкер жалуется, что невозможно добиться хорошей охоты на зайца. Не успеешь спустить собак, как они нападают на след козуль и гонят по этому следу; и собаки пропадают на целый день. Спустишь другую свору, но обычно и с нею происходит то же самое.

Пошли дальше к северу, послушать, нет ли глухарей там. Уже изрядно посветлело, но времени еще оставалось.

Мы крались вперед и прислушивались. Пройдя некоторое расстояние, услышали — щелк, щелк, щелк, — потом «удар», и пошло! Мы двинулись на голос, глухарь токовал непрерывно — вскоре нам пришлось приближаться к нему скачками.

Мы пробирались по широкой мочажине, где надо было хорошенько выбирать кочку для каждого прыжка. Но не раз случалось нам стоять чуть не по колено в воде, боясь шелохнуться до следующего «удара». А когда птица посреди токованья вдруг замолкала и задумывалась, минуты тянулись медленно, болото засасывало нас, и ноги болели, а мы боялись пошевельнуться. Потом глухарь снова принимался токовать, и в конце концов мы перебрались через болото и вышли к откосу у противоположного его края.

Тут мы увидели глухаря, сидевшего совершенно открыто на суку. Расстояние было большое; но приближаться по открытому месту было рискованно — я решил стрелять. При следующем «ударе» грянул выстрел, птица с глухим стуком упала на землю, Иоган ринулся к месту и принес ее.

Стало уже настолько светло, что нельзя было рассчитывать на продолжение тока, да и насчет солнца тоже складывалось неважно: на востоке собрались тучи, и восхода солнца не было бы видно. Поэтому мы с Иоганом отправились в обратный путь.

РОНДАНЫ И СЁЛЕНФЬЕЛЛ

Июль 1916 года

ПЕРЕЕЗД от веселых поселков Мьёса по длинной Гудбраннской долине до Отта небогат сюрпризами. Светятся огоньки зажиточных крестьянских дворов и, подмигивая, отражаются в раскинувшемся между ними озере Логен. Жизнь в долине идет размеренным, естественным ходом. Изрядно вырубленные леса взбираются с обеих сторон по склонам до границы безлесных хребтов, смутно рисующихся на самом верху перевала.

Но если свернуть из этого однообразия в боковую долину, вроде лесистого ущелья, по которому Ула прокладывает себе путь с плоскогорья, то скоро попадаешь в другой мир.

По уединенной лесной долине поднимаешься вверх по течению реки, кипящими порогами свергающейся вниз к сложенной из мыльного камня мельнице в поселке.

Пройдя сквозь тесные ворота в горе, долина не-сколько расширяется и становится более плоской. Большие белые террасы с горизонтально залегающими пластами по откосам долины указывают на то, что здесь когда-то — вероятно, в конце ледникового периода — было большое озеро. Теперь оно высохло благодаря тому, что река пробила себе путь сквозь эту трещину в горе, тогда как раньше она была заперта мореной, а может быть и льдом, когда находившаяся за нею долина была заполнена глетчером.

Затем долина снова суживается и поднимается выше, в горы. Лес постепенно редеет и мельчает — вскоре подходишь к верхней его границе. Ущелье долины расширяется. Повышаясь, оно становится ровнее, и создается впечатление, что наверху, с самого высокого гребня, должен открываться вид на все плато.

Барометр вчера упал, сегодня с востока наплывали грузные тучи, — наверное, соберется дождь, но для ходьбы погода была приятная.

По другую сторону ущелья расположено альпийское пастбище, и по плоским болотам еще растет тощий лесок. Потом поднимаешься к ферме Мису. В березовой роще виднеются один за другим красные домики с зелеными дерновыми крышами и торчащими перед ними флагштоками — они вбиты горожанами, которые летом дышат здесь горным воздухом, осенью ходят на охоту, а на Пасху занимаются лыжным спортом.

Потом доходишь до домика туристов и фермерских построек. Дорога забирает вверх, к безлесным каменным вершинам. Вскоре мы уже там, и плато простирается перед нами, ровное и спокойное, как альпийский луг, с мягковолнистыми взъемами и ложбинами, поросшее вереском и мохом.

А надо всем этим горы. Это — Ронданы; их куполообразные вершины, одна за другой, упираясь в небо, вздымают над плоскогорьем свои каменные громады, изрезанные глубокими трещинами, провалами и покрытые ледниками, — своеобразный, сказочный мир.

Там, на крайнем западе, не Валсберг ли это и Брокдалсхё, где стоял домик Пера Гюнта? Тогда посредине это, наверное, Смиухаммер и Рондвасхё с отвесными склонами. Но самых главных гор — Дитер-Ронды и Хёг-Ронды — не видно, они прячутся за передними. А вот там, на востоке, это Иллманхё.

Какие горы! Кажется, будто они сразу надвинулись на тебя после короткого перехода из долины. Грудь ширится, мужество и крылья растут.

Как привольно двигаться по этим просторам! Чувствуешь себя таким легким, что, кажется, так и полетел бы, и мысли плывут по лазурному воздуху далеко на север, к твердым и четким контурам Ронданских гор.

Во все стороны только ширь плоскогорья — долины кажутся узкими трещинами на каменной равнине. Глубоко внизу вьется река человеческой жизни — отсюда сверху она представляется такой далекой. Дышится легко, это отдохновение для глаза и для души...

Но тут же возникают другие картины, — происходящего далеко отсюда... Вырастают крепости, траншеи — горы искалеченных человеческих тел...

Нет, нет, от ужаса, царящего там, невозможно убежать даже и здесь. Нигде не найти от него покоя...

Ко всему и во все, что я вижу, примешиваются рыдания миллионов женщин, лишившихся всего — друга, мужа... Я вижу отчаяние матерей, ищущих своих сыновей... поседевших, согбенных горем отцов, утративших надежду на продолжение своей жизни в грядущих поколениях...

Кошмар безумия!.. И никто не может прекратить его — никто!

Колеблются самые основы общества... Народы Европы — «носители культуры» — пожирают друг друга, топчут культуру, превращают Европу в развалины — на пользу кому???

Это словно горный обвал, все больше и больше увлекает он на своем пути к гибели — деревьев, лесов, домов, усадеб. Вызываемый им ужас все растет и растет; все знают, что он похоронит всю долину, но никто не в силах остановить его, он должен завершить свой путь...

А из-за чего дерутся? Из-за в л а с т и! и только из-за власти! Во всяком случае те, что начали...

Но могло ли быть иначе? Культура, ставящая высшей целью народов м о г у щ е с т в о, не может вести человечество вперед, в конце концов она неминуемо должна была привести к этому — к гибели...

Требованием стала свободная, ничем не сдерживаемая конкуренция — между отдельными личностями

и государствами — в стремлении к материальному успеху во что бы то ни стало, к внешнему могуществу — блеску — для отдельной личности и для государства.

Для достижения этой цели народы не считались ни с кем, кроме самих себя. Идеалы, мораль можно было с полным правом попирать ногами, если только данному народу это выгодно. В этом случае можно нарушать торжественные обещания, можно лгать, обманывать, убивать, пуская в ход хитрость и предательство. В этом случае всякий, кто не пожелает пользоваться л ю б ы м средством для истребления противников своего народа, считается предателем. Да что! можно истребить все остальное человечество, если только своему собственному народу нехватает места...

Боевой клич таков: «Долой всех остальных, лишь бы возвыситься нам самим!»

Такое положение неизбежно должно было привести к происходящему самоистреблению, люди в ы н у ж д е н ы поедать друг друга, раз земля стала слишком мала и не нашлось места у кормушки для тех, кто, придя последними, полагали, что имеют такое же право на лучшие куски, как и остальные.

Но все утверждают, что вовлечены против своей воли, что сражаются за высшие идеалы. Как же это так получилось?

Так д о л ж н о было получиться. Е в р о п е й с к а я к у л ь т у р а о б м а н у л а — она оказалась сгнившей. Как больное дерево в лесу, она рухнула, едва разразилась буря.

Культура? Но чего же она стоит, если не укрощает дикого зверя? не спасает от варварства? Ведь это же

основное ее назначение. Без этого она — пу́стая шелуха. И вот сейчас дикий зверь неистовствует в безудержной ярости. Волк Фенрис на свободе, у пещеры Гнипа отвратительно воет Гарм.

Величайшая победа — это победить самого себя. Это справедливо не только по отношению к индивидууму, но и по отношению к народам, по отношению к человеческому обществу.

Мы ведем постоянную борьбу за подчинение сил природы, за обеспечение нашего существования; но несравненно бо́льшими несчастиями, наихудшими бедствиями мы все еще обязаны самим людям... И все еще не достигли возможности воспрепятствовать этому. Что за ужасающая, унизительная истина!..

Тяжелая шапка тумана над Смиухаммером темнеет, расселина под нею становится иссиня-черной. Кажется, будто гора нахмурила брови....

Может ли это быть правдой? Но ведь это великие державы, а великая держава имеет право на все, что сама объявит правильным. В мире право определяет большинство; великая держава всегда имеет большинство, стало быть она всегда права, а мелкие народности неправы...

Нет, положительно, голова идет кругом!.. Но мне ведь надо итти вперед, дальше, по этим поросшим мохом равнинам, где ничто не задерживает ноги.

Глаз блуждает по ровным просторам и по горным склонам!.. Здесь раньше было много оленей, но сейчас не видно ни одного, ни единого... Люди истребили их.

Замечательное создание это человек!.. Грабит, разоряет, воюет с животными, воюет друг с другом... Хищный зверь — везде и во всем...

...А как эта война опрокидывает все понятия! В каких чудовищ она нас превращает!

Если на человеке надет мундир, платье определенного покроя и цвета, да еще дан ему приказ, он имеет право на что угодно: бросать с воздуха бомбы в мирные города, в трудолюбивых граждан, спокойно занимающихся своими повседневными делами, разорять дома, имущество, источники существования. Предательски, без всякого предупреждения мундирные люди могут пускать на дно целые корабли с сотнями ни в чем неповинных мужчин, женщин, детей...

Когда же кто-нибудь из немундирных вздумает защищаться, выстрелит в насильников, — это считается гнусным преступлением... Если виновных в нем захватят, то по закону и суду их расстреливают или вешают...

Я чувствую, как все во мне кипит от возмущения... Но даже порядочные вообще люди находят такое положение нормальным; во всяком случае, они не протестуют...

Неужели же мир и дальше будет жить этой культурой? Тогда уж лучше изойти кровью... лучше погибнуть.

Если европейская культура должна была привести к этому безумию — а она, конечно, была д о л ж н а, потому что бразды правления держали в руках взрослые люди, а не дети, — значит, она изжила себя и ее нужно отправить в литейный ковш для переплавки...

А мы, наш народ? Неужели и мы тоже вовлечемся в этот водоворот, еще не успев даже попытаться внести свой вклад в мировой прогресс? Мы еще не создали своей собственной культуры; но силы для этого имеются, и перед нами лежат достаточно большие задачи в будущем — если только мы сами не умалим своего духа тем, что будем оставаться на позиции зрителей и отъедаться отбросами с мирового пожара...

У нас наблюдалось то же жадное стремление к наживе, что зажгло войну; но мы живем без тех сильных чувств, которые ее поддерживают...

А может быть и выйдет что-нибудь хорошее — новая эра — из этого безумного неистовства?

Говорят, культура изжила себя? Разве европейская культура изжила себя? Разве центр мира собирается переместиться куда-нибудь?

Или же народы все-таки сохранили силы для обновления?

Мир уже видал раньше, что народ, борющийся за свое существование, за свободу — но не за могущество и власть, — достигает большого развития, как, например, греки (Афины) после войны с персами.

Но мир видел также, что там, где военное государство, какая-нибудь Спарта или Рим, одерживало победу, это приводило к великому упадку культуры...

Да, кто знает, что будет, — и что пользы размышлять об этом?

Я быстро и легко подвигаюсь к востоку. Перевалива́ю через Глитру, склон которой приводит меня к Гудбраннской долине, и продолжаю путь по ней.

Единственное живое существо — это редкие ржанки, бегающие по земле между кустами вереска.

Вскоре я дошел до водораздела между Глитрой и речкой Мусвол, впадающей на северо-востоке в озеро Атне. К востоку от плоскогорья тянулась широкая ложбина, открывавшая вид на Соллиен и долину Глом-мен. На севере же над всем другим неизменно возвышались Ронданы. Так и кажется, что с высоты своих вершин они заглядывают вперед, в будущее...

Ну, скажи мне ты, Дигер-Ронды, что ты видишь?.. Будущее, то, что наступит после войны, — неужели в нем т о л ь к о мрак?

Или, может быть, старое и изношенное горит для того, чтобы на его месте могло появиться новое? Но откуда же оно появится?..

Останется ли достаточно сил для создания новых поколений?

Тысячи раз возникает тот же вопрос, но робкая мысль не находит на него ответа. Кажется, будто все неустойчиво, все рушится... Мы чувствуем себя смертельно больными.

Но, боже, какая целительная сила в этих просторах! Чувствуешь себя снова сильным и здоровым среди этих гор, вздымающихся в своем широком, непоколебимом величии, — неизменно стойкие, не сдвигающиеся с места, они смотрят, как мимо проносятся изменчивые века, сами же не меняются.

Если какие-нибудь отжившие культуры и погибают, то это ведь не так уж непоправимо. Это случалось и раньше, однако же люди живут.

Посмотри на эти мощные горные образования. Перед тобой земля, такая, какою она была, только что

освободившись от льда, какою пролежала много тысячелетий. Она таит в себе возможности для новых трудовых поколений. Не нужно горевать. Если те, что были, смогли пожрать друг друга, должно быть, пора завести новые.

Но откуда они появятся? Где мы найдем свежие, нетронутые поколения?

Нет! Опять тот же круг! Ведь мне же нужно спускаться к озеру Атне...

Мало-помалу на откосе долины стали появляться березовые рощицы. Собака несколько раз поднимала птицу, и испуганная мамаша-куропатка, вспорхнув, бежала, опустив крылья, впереди собаки, стараясь обратить ее внимание на себя и отвлечь от птенцов. Я даже видел, как куропатка, встопорщив перья и готовая клюнуть, чуть не влетела в пасть собаке, когда та хотела схватить птенцов.

Вот это мужество и самопожертвование, не страшащееся смерти, — можем ли мы, люди, проявить большее ради спасения своего потомства и родины?

Подальше вниз мне попалось стадо бычков, пасшихся на берегу реки. Не обращая внимания на собаку, они накинулись ко мне, окружили, пыхтя и сопя, и стали соваться мордой мне в руку, чтобы я их погладил и дал соли, — должно быть, давно не видели людей. Значит, у них-то есть любовь к людям... а у нас?.

Телята бежали за мной по долине, как я ни прогонял и не отпугивал их, заставляя вернуться к горам.

На склоне Бьёрнхуль я увидел первую ферму, где еще жили люди, и зашел туда, чтобы отдать найденный на тропинке столярный нож.

У крыльца визжала привязанная охотничья собака. В горнице сидела хозяйка и шила, а муж за столом ел пойманную в озере рыбу.

Здесь, на ферме у них было шесть коров и несколько коз, хутор же их находился повыше, в долине Атне, и они были ближайшими соседями горы Хёг-Ронды — так сказал хозяин.

На хуторе не родилось ничего, кроме сена, да, пожалуй, еще немного зеленого корма; ячмень не задавался, картошка тоже, так что все нужное приходилось покупать в долине, а цены сейчас дорогие. Но все-таки жаловаться нельзя, они сводили концы с концами.

Да, конечно, жизнь их была в известном отношении тяжела, зима сурова и длинна, но зато жить так высоко в горах полезно для здоровья. Здесь чистый воздух, хорошая вода, и мы бодры и здоровы телом и душой, и стало быть, как сказано, не можем жаловаться.

Я заметил, что это отрадно слышать; очень часто жалуются на крестьянскую жизнь, особенно в горных долинах. В последнее время многие места почти обезлюдели — молодежь или уезжает в Америку, или перебирается в город. Они находят, что жить дома тяжело; потребности повысились, но что всего хуже — их одолевает скука. И они предпочитают голодать и мерзнуть в городах, потому что там так много других приманок.

Ну, он не может сказать, что здесь в долине дела так уж плохи. За последнее время появилось даже несколько новоселов. Да и не так уж интересно переселяться в эти противные города, если можно быть самостоятельным и жить вольной жизнью в горах.

Это были подбадривающие слова, исходящие от человека, который сам жил этой жизнью. Сказанное о здоровье тоже не было пустой болтовней — это доказывал глубокий возраст, которого достигали жители здешней долины. Мать этого человека дожила до девяноста двух лет; но восьмидесяти девяти лет она еще ходила со скотиной из долины на ферму и была ловка и проворна на работе.

Сразу повеселев, я пошел дальше. Если только в нашем народе таких людей много, то Норвегия может ожидать светлого будущего. Да, если бы мы могли внушить мировоззрение этого соседа Хёг-Ронды современной молодежи — той, что всего больше интересуется, каким способом с наименьшей затратой труда заработать как можно больше денег для удовлетворения своей жажды наслаждений. Если бы мы могли также пробудить у них любовь к своей стране, к народу, воспитавшему их, заставить их думать о будущем нации, о том, чем может стать наш народ и какие обязанности и возвышенные задачи могут выпасть на его долю, вместо того, чтобы думать только о себе и о своих удовольствиях — отбросить этот мелкий эгоизм, с каждым днем все больше распространяющийся во всех слоях и в корне подтачивающий общество.

Среди здешней природы он должен отпасть. Увидев Ронданы вон там, на западе, на фоне неба, всякий должен понять, что среди подобных гор кругозор становится иным и цели крупнее, чем во дворе какого-нибудь фабричного города, где глаз целый день упирается в соседнюю стену, а недовольство вечно питается видом чужого благополучия.

Вернуть их хотя бы отчасти к жизни на лоне природы, которой они лишены, но к которой все сознательно или бессознательно стремятся, — и взгляд на жизнь станет здоровее, жизнерадостность повысится...

Теперь спуск шел лесом, и через полчаса я добрался до фермы Мусвол. В ней было много горожан. Несмотря на любезные уверения хозяина, что он как-нибудь добудет место и хорошую постель, и на его явное желание поговорить, час был еще слишком ранний, чтобы останавливаться на ночлег. Я пошел дальше по лесистым холмам и вскоре очутился у озера Атне.

Здесь стоит несколько рыбачьих хижин, принадлежащих жителям Гудбряннскей долины, из Фрона; они с давних пор пользуются правом рыбной ловли в этом озере. Несколько рыбаков как раз выехали на ловлю, но они не поймали крупной рыбы, погода была чересчур тихая, да и вода слишком высока.

Мне дали лодку доехать к хозяину фермы Мусвол, и я переправился на противоположный берег озера, где, как мне сказали, находилась новостройка.

Действительно, на порядочном расстоянии от озера, в лесу, я нашел расчищенное место. Два года тому назад двое парней сговорились работать сообща и начали расчищать здесь участок. У них уже было отличное поле ячменя и картошка, деревья на большом пространстве вырублены, но пни еще не выкорчеваны, и работы предстояло много; земля здесь хорошая, пожалуй, немного суховатая, супесчаная. Уже выстроена была теплая небольшая изба, и скотный

двор почти закончен. Я застал одного из хозяев сидящим на крыше и приколачивающим доски.

Ну, что ж, перевезти меня через озеро в Бренн, понятно, можно. Он может поехать сейчас, только зайдет домой переодеться. Этот новосел был женат, но товарищ его был холост. Они купили участок земли для выпаса нескольких коров и лошадей, но вообще-то занимались больше лесными работами. Почти весь этот лес принадлежал Матисену из Фредрикстада.

Проникаешься верой в будущее при виде подобной новой стройки так высоко в горах. Хозяин сказал, что земледелие здесь хорошо окупается. Сено почти каждый год родится хорошо. Картошка тоже. Несколько хуже обстоит дело с рожью, но ее скашивают на зеленый корм, и это выгодно. Кроме того, можно ловить рыбу в озере, и потом, как уже сказано, много работы в лесу. По совести, жить здесь нетрудно.

Переезд через озеро Атне около мили...

Какая тишина! Вон там, на северном берегу, виднеется живописное местечко Нэссет, где жил один из знаменитейших людей Норвегии, математик Като Гульдберг. Как это похоже на него — поселиться именно здесь — эта простая, но величественная природа напоминает его облик.

Как широко и уверенно разместились дома на зеленом косогоре, отлого спускающемся прямо к озеру; как весело краснеют они в лесу. Лесистые террасы ровно поднимаются с обеих сторон до границы безлесных гор; на западе высоко над ними вздымаются вершина Иллман и Ронданы, а между ними темнеют долина Иллман и глубокий провал ущелья Ланг.

Только поздним вечером добрался я до Бренна у моста через Атне и расположился на ночлег. Комната выходила на реку. Она была полна гула от водопада под мостом; вода свергалась в живописный рыбный плес, имевший очень соблазнительный вид. А перед мостом в прозрачной воде ходила кругами форель. Ночь была тихая и теплая. Большое искушение для страстного рыболова. Но — мне ведь надо было торопиться дальше, лучше уж лечь спать.

На следующее утро я поехал в тележке из долины Атне, через горный перевал в долину Вулу и дальше, в Соллиен...

Теперь путь удаляется от гор, от широких просторов, спускаясь в страну обширных, торжественных лесов.

На почтовой станции Соллиен я сменил лошадь и поехал дальше, вниз, к долине Гломмен. Прискорбно, в какое изумительно короткое время мы, люди, умудряемся увеличить свои жизненные потребности! Раньше казалось большим счастьем иметь для поездки куда-нибудь лошадь и тележку. Теперь же, спустя всего несколько лет после появления автомобилей, все удивляются терпению человека, соглашающегося терять время на сидение в тряской тележке и понукание заморенной почтовой лошаденки.

Впрочем, лошадь, данная мне здесь, была довольно усердна. Я спокойно предоставлял править маленькому десятилетнему кучеру, он, конечно, знал лошадь лучше меня.

Спускаясь рысцой по длинному ровному косогору, она споткнулась, упала на колени и дернулась, пытаясь подняться, но упала на голову, вскинув круп, и наконец совсем перекувырнулась.

Я выскочил из тележки и шляпой закрыл лошади глаза, чтобы она не билась и не сломала оглобель. Мальчуган держался молодцом; правда, он немножко всплакнул, но в то же время с видом взрослого мужчины указывал мне, где нужно отпустить упряжь. Быстро сняли подпругу, лошадь вскочила на ноги, и мы опять запрягли ее. Потом сели и поехали дальше.

Странная лошадь, — перекувырнулась на ровной дороге. Я взял вожжи и сразу заметил, что она легко спотыкается и ее надо держать на тугих вожжах.

Мальчик сказал, что они только что купили эту лошадь в городе, и он ее еще совсем не знает. Вероятно, это была извозчичья лошадь, разбившая себе ноги о каменные мостовые; вытесненная автомобилем, она должна была доживать свои последние годы в качестве почтовой лошади в деревенском поселке, куда автомобиль еще не проник.

Но нет, этот способ передвижения — пережиток прошлого, скоро автомобиль победоносно вступит и в эту долину, как во все другие. Так что, в конце концов, лошади останутся только для перевозки бревен из лесу, потому что там автомобилям не пробраться. Хотя, как знать, что случится? Мы были свидетелями и не таких чудес, как перевозка бревен на автомобиле.

И вот, наконец, я добрался до станции Атне. Отсюда двинулся по железной дороге на юг, в Коппанг, а там на автомобиле в Осхейм, на северной оконечности озера Стур в верхней долине Рен. Я хотел прожить там несколько дней и порыбачить.

Осхейм, 14 июля

Пробежав по обширным, довольно ровным плоскогорьям на севере, река Мистра дальше прокладывает себе путь по глубокому лесистому ущелью на западном склоне Сюленских гор. Длинной излучиной бежит она по тесной лесной долине, похожей на узкую щель в горном массиве, и спускается к живописному озеру Стур в долине Рен.

В реке водится крупная форель, и мне хотелось половить ее; но вверх по течению мелковато, и надо хорошо знать настоящие места, где держится крупная рыба.

— Ну, вот, достал тебе провожатого, — сказал Улаф Осхейм, с улыбкой отходя от телефона. — Портной из здешнего поселка. Лучшего рыболова не найти во всей округе. Он говорит, погода нынче хорошая, и он как раз сам собирался. Но он освободится не раньше часу, и тогда может встретить тебя у Мистерегга.

Ага, мне это вполне подходило. У меня тоже были кое-какие дела до того времени.

— Можешь взять с собой моего сынишку, Малыша-Улафа, он тебя проведет прямой дорогой по лесу.

— Он хромает, портной-то, — прибавил он, помолчав, — и ноги у него плохо гнутся; но ты на это не обращай внимания. Он карабкается по скалам и ходит по лесу не хуже любого другого. У нас в поселке он считается первым охотником.

Часов около двенадцати Малыш-Улаф и я отправились в путь. Сначала нужно было перейти вброд реку Рен, потому что весенним паводком снесло

мост. Потом пошли лесом. Стояла удушливая жара, и я снял с себя все, что можно было. По мере того как мы подвигались вперед, я все с бо́льшим интересом ожидал встречи с этим удивительным портным.

Наконец завиднелись между деревьями дома Мистерегга, и когда мы вышли на поворот большой дороги, с обочины ее поднялся довольно молодой человек и поздоровался.

Красивый, крепкого сложения мужчина, среднего роста или, скорее, низкорослый, в коричневой охотничьей куртке и коротких штанах, гладко выбритый, только с белокурыми бачками, взгляд прямодушный и веселый.

Это был портной Рикард Квернэс, прозванный также Рикард с Мыса, по месторасположению своего дома на севере у озера Ломнес. Он приехал оттуда на велосипеде. При нем было длинное бамбуковое удилище с вертушкой.

Мы пошли на восток по холмам. Несмотря на несгибавшуюся ногу, он шел свободно; казалось, ему не требовалось особых усилий, чтобы не отставать от меня.

Так мы шли часа полтора грядой холмов, пока не свернули в сторону и лесистыми склонами стали спускаться к узкой долине, где глубоко внизу пенилась Мистра.

Большей частью Мистра течет ровными плесами, бешено пенясь над крупными камнями и между ними. В этих местах водится разве только мелкая молодая форель. Но иногда, часто с большими промежутками, река замедляет свой стремительный бег и образует длинные глубокие заводи, где водится крупная форель.

С трудом спустившись с крутого обрыва, мы наконец очутились у реки. Портной предложил сначала пройти вверх по течению от ямины к ямине, а затем вернуться вниз к вечеру. Мы так и сделали, но не поймали ни одной крупной рыбины.

Стояла удушливая жара. Тяжелые темные тучи тянулись над ущельем на востоке. Чувствовалось, что собирается гроза. Но тучи заслоняли солнце, так что поудить сейчас днем было бы приятно. Я попробовал сначала на муху, а закончили мы живой приманкой, причем наживкой нам служила плотва — портной оказался мастером на этот способ ловли. Но рыба не клевала.

Единственное, что я видел по части добычи, это был большой глухарь, с шумом налетевший на мое удилище, когда я стоял на камне посреди реки. Его выгнала собака с берега за моей спиной. Я хотел было набросить на него лесу, но раздумал, и он, пролетев вниз по течению реки, скрылся в сосновом бору на противоположном берегу. А такую рыбку стоило бы поймать! Я так и вижу его с нахинутой на шею лесой, как он отбивается посреди реки, взмахивая крыльями и судорожно дергая шеей, а я подтягиваю его вертушкой. Горячая была бы схватка!

Здесь было ужасно много комаров, и они так жалили лицо, шею, руки и ноги, что почти невозможно было стоять спокойно на камнях и держать удочку.

Вдруг упали тяжелые капли, и сильнейший дождь полил на нас непрекращающимися струями. Ударил гром, отдавшись треском и грохотом в скалах, обступивших узкую долину. Удар за ударом, и под конец

вспышки молнии и громовые раскаты происходили почти одновременно.

Портной сказал, что нечему удивляться, если рыба не хотела клевать. Сейчас не стоит и пытаться соблазнять ее чем бы то ни было.

Мы поднялись в лес и зашли в хижину дровосека укрыться от дождя и перекусить. Решили переждать грозу, — может быть, после нее дело пойдет лучше.

Когда дождь перестал, мы снова спустились к реке; но рыба попрежнему не клевала. Что ж, подождем еще. Пошли подальше, к большой ямине. Портной забросил лесу в нижней ее части, а мне посоветовал попробовать подальше.

Вдруг в том месте, где течение было всего быстрее, на лесе его забилась крупная рыба. Она понеслась по стремнине, с вертушки смоталась вся бечевка. Портной бежал за нею, перепрыгивая с камня на камень, плюхаясь в воду, часто до пояса, так что вокруг него взлетали фонтаны брызг. Вдруг он свалился в яму между камнями, так что из воды торчали только его плечи, голова и удилище, выскочил и опять погнался за рыбой.

Но течение стало слишком сильно, тогда он подался к берегу и уцепился за скалу. Я схватил сетку и побежал к нему.

Он уже миновал скалу и успел намотать некоторую часть бечевки, так что ему было с чем маневрировать; к тому же рыба попала в более тихую воду. Но течение все-таки было довольно еще сильно.

Портной подтащил рыбу к берегу. Я несколько раз пытался поддеть ее сеткой, но она сейчас же кидалась в сторону и уходила все дальше и дальше.

Наконец она стала сдавать и повернулась кверху брюхом. Портной подтянул ее опять к берегу, я подсунул сетку и вытащил ее на землю. Нечего говорить, чудесная форель, жирная, широкая, с маленькой головкой. Весу в ней было верных три кило.

Портной торжественно поднял рыбу и протянул мне. «Это в подарок», сказал он.

Мы пошли опять вверх по течению. Портной попробовал забросить удочку в той же ямине, а я подальше. Опять у него клюнуло, на этот раз рыба сорвалась, но он видел ее хвост, который был изрядной величины.

— Да, Малыш-Улаф тоже его видел, и ежели бы я ее выловил, так ты бы узнал, какие в нашей реке водятся крупные рыбины. Она была гораздо больше той, что я поймал несколько дней тому назад, а в ней было пять кило. Но такая рыбина больше одного раза не клюнет. Если по первому разу сорвется, во второй она уж ни за что не подойдет. Надо переждать и попробовать эту ямину когда пойдем обратно.

Мы пошли дальше вверх. Часто возле ямины берег был страшно крут. С высокого камня я забросил лесу в большую отличную ямину. Повел лесой по течению — хвать! дернуло так, что толчок отдался у меня во всем теле, удилище выгнулось дугой, а бечевка со свистом сматывалась с вертушки. Нужно было держать изо всех сил: рыба рвалась уйти на стремнину.

Я опять подтянул ее в ямину. Она стала кружить. Натягивая лесу как можно туже, я стал пробираться вдоль скалы вниз к берегу. Наконец рыба угомонилась, покорно подошла к берегу, и я подцепил ее в сетку. Весом она была на полтора кило.

Но теперь уж нечего было рассчитывать на дальнейший клев, сколько ямин вверх по течению мы ни перепробовали. Мы пошли обратно, так как вечер был уже поздний; но и огромная рыба портного не пожелала больше клюнуть. Стало быть, ничего больше не оставалось, как отправиться домой.

Вскарабкались по косогору в сторону от реки, пока не дошли до хижины дровосека, где поужинали.

Малыш-Улаф поймал на муху несколько маленьких форелек, он промок до нитки, но держался все время молодцом. Передохнув, мы выбрались на дорогу и направились домой. Шли опять теми же длинными крутыми косогорами, и портной рассказал, что здесь-то он и покалечил себя.

— Как же это произошло?

— Да я ехал на велосипеде, и вдруг на вершине холма что-то сделалось с тормозом, я потерял педаль, меня и понесло полным ходом по всем этим косогорам.

— А почему же ты не попробовал сразу же свернуть в сторону?

— Ну, нет, тут по обеим сторонам столько камней, а потом я думал — как-нибудь справлюсь, понимаешь.

— Да, но ведь ты же, должно быть, мчался ужасно быстро по этим крутым холмам?

— Ну, понятно, мчался полным ходом.

— Да, я слыхал от людей, которые тебя тогда видели, что ты летел по дороге, как стрела.

— Это было как раз там, где дорога заворачивает. Они стояли и поправляли вьюки, они как раз собирались на горное пастбище. Я еще крикнул им, когда пролетал мимо них вниз, но они не расслышали.

— А потом разве они тебя не поискали?

— Ну, нет, они, верно, думали, что я уж привык так ездить. Да я, понимаешь, и сам думал, что справлюсь. Но вот на этом крутом холме скорость уж больно усилилась, а там внизу поворот, а он в тот раз был гораздо хуже, чем сейчас, когда дорогу исправили. Тогда тут было два поворота: сначала круто налево, а потом сразу же полный оборот вправо. Я и держал прямо по дороге, парень, сперва в одну сторону, потом в другую, и справился благополучно. Но за поворотом на дороге лежал большой камень, и я налетел на него. Меня выбросило из седла, и нога у меня переломилась в двух местах — повыше колена и пониже, и берцовая кость и бедренная.Вот я и лежу, понятно. Но мне повезло — не прошло и часу, как подошел человек, проезжавший с возом на пастбище; к счастью, у него была рессорная тележка, в ней меня и отвезли вниз.

— Наверное, больно было?

— Ну, нет, не скажу, чтобы так уж больно, пока не доехал до дому; а там сразу пошла кровь. Хорошо еще, что мне попался такой отличный доктор. Ногу мне он лечил как нельзя лучше. Но доктор сказал, что с охотой и велосипедом мне придется проститься. Ну, на этот счет он ошибся. Но пролежал я долго, пока-мест поправился.

— А у тебя ведь и до этого было что-то неладное с ногами?

— Да, я как-то рассек себе нечаянно ногу топором, и в ране сделалось воспаление, коленка перестала сгибаться, ее, понимаешь ты, лечили неправильно.

У Мистерегга мы расстались. Портной забрал здесь свой велосипед и покатил по холмам. Непонятно, как он ухитрялся ехать на велосипеде, ведь педалировать он мог только одной ногой. Зато она и развита так сильно, что работает не хуже любых двух.

Мы с Малышом-Улафом направились лесом к озеру Стур. Я думал об этом замечательном человеке. Какая сильная воля живет, должно быть, в этом теле!

Осхейм, 18 июля

Несколько дней спустя (в понедельник, 17 июля) я опять был на Мистре. На этот раз я взял в Осхейме велосипед и поехал большой дорогой через Кверннэсский мост к мысу, где живет портной. Это составляло около мили крюку.

Портной стоял на гумне; я приехал раньше, чем он меня ожидал. Он попросил меня пройти в горницу и посидеть, пока он соберется.

Все было опрятно наружи и внутри. Дом расположен очень живописно, на маленьком мысе, на южном берегу озера Ломнес. Перед домом хорошенький садик с цветочными клумбами и огород.

Светлая просторная горница, на стенах развешено оружие — магазинный дробовик-винчестер, трехствольная берданка с окуляром. Ею он снял нынче зимой глухаря с макушки дерева. Было еще несколько ружей и рыболовные снасти.

Но принадлежностей портняжного ремесла не было видно. На столах лежали каталоги охотничьих и рыболовных принадлежностей. Сразу можно было заметить, что он не женат.

Вон висит на стене какой-то диплом, — должно быть, за стрельбу из винтовки. Нет, кое-что портновское все же оказалось — это диплом об окончании курса закройщиков в Копенгагене. Стало быть, с законченной выучкой и, конечно, такой же мастер в этом ремесле, как и во всем другом.

Но вот он готов. Кофе в термосе, две бутылки пива в мешке — и мы выезжаем на своих велосипедах в палящий зной. Право же, никак нельзя было заметить, что он педалирует только одной ногой; я с величайшим трудом поспевал за ним на длинных крутых откосах, хотя и работал обеими ногами. Но на самых трудных участках приходилось итти пешком.

Проехав около половины расстояния, мы услышали несущийся нам навстречу сильнейший топот, и не успели мы опомниться, как мимо нас промчался табун лошадей. Мы едва успели броситься с велосипедами в канаву, иначе нас затоптали бы.

— Вот так чорт! Что же это значит?

За табуном появился человек на мотоциклетке. Ага, молодой ветеринар. Неужто у него только и дела, что гонять таким манером лошадей?

— Наверно, замучил он их, вот они и вырвались, — сказал портной.

Несколько выше мы встретили старика, он приподнял шляпу, мы поклонились.

— Здорово! Прохладиться выехал? — сказал он.

— Мы собрались на Мистру, поудить рыбу, — ответил я. — А ты издалека идешь?

— Я был в Трюсиле, отвел туда кобылу.

— Неужто вам приходится водить их так далеко?

— Да, там у них хороший жеребец; мне собственно больше хотелось бы свести ее в Ренскую долину, к Ромулусу, у него жеребец был еще лучше, да только он подох на прошлой неделе. Король Кнут зашиб его, ну, он и пропал.

— Да, я слыхал об этом, но как же могло случиться, что эти два жеребца так разодрались?

— Да, понимаешь, конюхи пьяны были, ну, и выпустили их.

— Наверное, это тяжелая потеря для владельца?

— Ну, он был застрахован в две тысячи, но если правду говорить, такому жеребцу и цены нет. Да для таких людей, как Халстейн Шёлье и Симен Ландет, и им подобных богатеев разве несколько тысяч крон что-нибудь значат!

Нам нужно было торопиться, и мы распрощались.

— День добрый, — ответил он и поплелся дальше по холмам.

Добравшись до места, мы запрятали велосипеды и стали спускаться к реке. Время было уж за полдень, и пора закусить.

Мы зашли в хижину дровосека, чтобы избавиться от комаров на время еды. Одну из пивных бутылок положили в ручей, чтоб она остыла.

Портной шел впереди; но когда он вошел в дверь, я услышал страшный шум, как от хлопающих крыльев. Оказалось, в хижине тетерев. С перепугу он бросился сначала в один угол, потом в другой — в крыше была дыра, он вылетел в нее и опустился на землю недалеко от хижины. Посидел немного, подумал, но потом улетел в лес.

В пустых хижинах дровосеков часто находят и глухарей и тетеревов. На-днях один парень убил глухаря в такой хижине, но это не полагается.

Мы пробыли в хижине недолго, слишком много в нее набралось комаров и оводов; нет, на воле все-таки лучше. И там было плохо, но время от времени налетал ветерок и освежал.

Правда, у меня было с собой верное средство от комаров — лимонное масло, употребляемое англичанами в тропиках против насекомых. Я взял бутылочку в Эльверуме у Кристиансена, которого встретил на озере Стур, он ловил там рыбу. У него есть каучуковые плантации на Малакке, и он узнал об этом масле там.

И в самом деле, масло действовало отлично. В течение часа или двух после того, как им помажешься, ни один комар даже и близко не подлетает. Но нам надо было приберечь содержимое пузырька для Мистры, где предстояло важное дело — рыбная ловля. К тому же мы знали, что под вечер комары становятся еще надоедливее.

Еда показалась нам очень вкусной, а пиво еще вкуснее, так хорошо оно охладилось в ручье. Мы решили распить сразу и вторую бутылку, невозможно было удержаться; а кофе останется на вечер. Солнце палило сегодня немилосердно, ни одно облачко не заслоняло его, так что не имело смысла спешить спускаться к реке и приниматься за уженье.

Мы перебрались в брод через речку Рен и пришли к ямине на Мистре. Оба насадили наживку, но рыба не клевала. Нет, слишком уж было солнечно, — может быть, вечером дело пойдет удачнее.

Пошли вниз по реке.

Я набрел на большую глубокую ямину под отвесной скалой; она находилась в тени, здесь могла быть крупная рыба. Я забросил лесу к противоположному краю и повел ее поверху, подтягивая к себе, и она пошла именно так, как я и хотел.

А что это там, на краю стремнины... Тяжелый всплеск, блеснуло что-то желтое, выгорбившаяся темная спина, широкий хвост, взметнувшийся из воды в то время, как эта спина поворачивалась. Вот дернуло, бечевка заскользила с вертушки, удилище согнулось колесом. Я старался держать как можно крепче. Нужно было удержать рыбу в ямине: если она вырвется на стремнину,неизвестно, удастся ли мне с нею справиться — скала была почти отвесна, а река глубокая и быстрая, так что гоняться за рыбой здесь было нелегко. На краю плеса между нами произошла решительная схватка. Я знал, что бечевка, хоть и тонкая, но выдержит, а гибкое бамбуковое удилище тоже не так-то легко сломать. Кончилось тем, что я опять подтянул рыбу в ямину, и она с молниеносной быстротой принялась там кружить.

Выплясывая заодно со своей добычей, я увидел на скале над своей головой портного; он сползал вниз, чтобы помочь мне. Вскоре форель утихомирилась и в конце концов перевернулась брюхом. Я подтянул ее в сетку к портному. Вытащенная на берег, она лежала большая, блестящая и трепыхалась в песке между камнями. Весом она была кило на три.

— После такой рыбки обязательно требуется пропустить хорошую чарочку, — заметил портной; но пропустить нам было нечего.

Мы пошли дальше вниз по течению; но рыба больше не клевала ни у портного, ни у меня; а раз не клевало у него, то, значит, не потому, что мы были плохими рыболовами.

Тем временем стемнело. Ничего не оставалось делать, как поужинать, и кофе из портновского термоса оказалось очень вкусным, особенно, когда мы намазались спасительным маслом и комары оставили нас в покое.

Потом опять стали карабкаться вверх от реки, выбрались на дорогу и теплой летней ночью покатили на своих велосипедах домой. Машины катились почти что сами собой.

Попробовали было поудить в яминах ниже моста в Мистерегге, но и там ни разу не клюнуло, и мы опять поднялись на косогор.

Очень грустно было расставаться с портным у решетки его уютного домика на мысу. Я уверен, что оба мы от чистого сердца сказали друг другу: «до скорого свиданья».

Оскеим, 19 июля

Я приехал с двумя дамами на Лёвфиорд ловить щук. У сапожника на южном конце фиорда можно было получить лодку. Самого сапожника мы не застали, но ребят в доме было много. Они наловили плотвы для наживки на лесу, и один из сыновей вызвался поехать с нами.

У него было шестнадцать человек детей, у этого сапожника, и все были живы. Он пришел, когда мы еще не успели уехать.

— Да, да, — сказал он, — вполне возможно, что нынче щука и будет ловиться; но вообще-то они, эти щуки, очень странно ведут себя — клюют только, когда луна на ущербе, а потом только в новолуние.

Я заметил, что в таком случае можно надеяться на удачу, потому что у нас ведь последняя четверть луны.

Да, да, он согласился, что так оно, пожалуй, и может выйти. «Но, — сказал он, — ловить их между новолунием и ущербом не стоит, потому что у щук такая уж природа, что в это время зубы у них уходят в десны и совсем пропадают. Только на ущербе луны и в новолуние зубы опять выходят наружу, и тогда она и клюет, ей есть чем кусать, это всякому понятно».

«А вообще-то, — сказал сапожник, — здесь в озере водятся крупные щуки, хорошо бы нам поймать самую большую; но нелегко ее будет вытащить с нашими снастями. Они ведь очень упрямые».

Я не мог не сказать нескольких поощрительных слов этому человеку, у которого было столько прекрасных детей, многие были и очень красивы, и все казались бойкими и смышленными.

— Должно быть, люди здесь в долине изнашивают много башмаков, раз ты ухитряешься прокормить столько ребят?

— Ну, — сказал он, — не очень-то я бы свел концы с концами, если бы пришлось жить одним только сапожным ремеслом; все бы померли с голоду. Сапожничаю я только в свободные часы, а кормимся мы лесом.

Мы сели в лодку и выехали на озеро. Один из сыновей сапожника, восемнадцатилетний парень, поехал с нами гребцом. Мы закинули лесы, на одной удочке

наживили крючок плотвой, а на другой — порядочной форелькой. Но дул сильный противный ветер, лодка подвигалась медленно, и рыба не клевала. Только когда мы попали в затишье от ветра, у верхнего конца фиорда, лодка пошла быстрее, и тогда сейчас же у одной из дам рыба клюнула и метнулась прочь, разматывая бечевку. Немного погодя мы подтянули ее к лодке и вытащили сачком — щука около двух кило весом.

Было слишком ветрено, чтобы выйти под мостом в самое озеро Ломнес. Мы устроили себе полуденную сиесту на зеленом пригорке, пригретом солнцем, потом поехали опять вниз по Лёвфиорду, ветер дул теперь в спину, и лодка шла довольно быстро.

Вскоре клюнула еще одна рыба, мы вытащили и ее, в ней тоже было около двух кило. Поймали еще несколько щук помельче. Но потом на долгое время клев прекратился, и мы доехали так вплоть до южного конца фиорда. Решили проехать еще раз вверх, посмотреть, не будет ли теперь лучше, и пересекли фиорд, чтобы держаться ближе к тому берегу.

Мы находились на средине фиорда, как вдруг фру С. говорит:

— У меня дергает, но, наверное, я зацепилась за дно.

Я взялся за удочку, почувствовал тяжесть, и в ту же минуту бечевка стремительно побежала с вертушки. Нет, это было не дно, тонкое бамбуковое удилище пригнулось к самой моей руке, словно мягкая тряпка. Я тормозил, сколько хватало сил, но должен был отпустить рыбу — бечевка сматывалась все больше и больше, я не мог удержать ее. При первой же возмож-

ности, я попытался подтянуть рыбу, но она опять рванулась и ушла. Бечевка сматывалась так быстро, что катушка жужжала. На минуту я подтягивал, потом рыба опять уходила — надо думать, она была большая.

Парень спросил меня, не подгрести ли к берегу, там будет легче ее подтянуть, а то вон сколько она вымотала бечевки.

— Нет, с ума ты сошел, держись посередине и там, где всего глубже. Только бы мне не зацепиться за дно. Тогда придется с ней распроститься. Греби против течения как можно сильнее, чтобы нас не утащило из реки.

Мы находились вблизи устья, и течение было очень сильно.

Рыба промучила нас еще некоторое время, потом немного утихла, и я выбрал порядочный кусок бечевки; но вдруг рванулась опять, в ней еще осталось довольно силы. Тут мы царапнули дно, я уперся изо всей силы, бечевка немного ослабла. Я подтянул; раз за разом повторялось то же самое.

Наконец рыба подошла ближе, мелькнула наперерез перед лодкой, мы увидели ее во всю длину; вероятно, она была невелика. Опять она рванулась вперед, и опять я ее подтащил; наконец она очутилась совсем под лодкой, и нам нужно было поворачиваться как можно быстрее, чтобы с ней справиться.

В конце концов, она как будто угомонилась и стала поворачиваться кверху брюхом; но у нас не было гарпуна, а сетка была чересчур мала. Парень попробовал подвести ее под хвост, но захватил только маленькую часть корпуса рыбы. Когда он поднял сетку, рыба выскользнула и ушла на дно. Я вытянул

ее и сетку подвели снова. Четыре раза попытка кончалась тем же.

Тогда я подтянул ее к борту и поставил по длине лодки. Парень еще раз подводит сетку под хвост, а я придерживаю голову у ребра лодки бечевкой. Потом — гоп! — мы сразу поднимаем и вываливаем — и вот рыба лежит на дне лодки. Радость была велика. Поистине, здоровенная рыбища — в ней оказалось восемь с половиной кило!

Какое жуткое зрелище представляла она сейчас, лежа с разинутой пастью в лодке. Да, эта вот щука — действительно великая держава, она само властолюбие! Стоит только взглянуть на эту огромную пасть, усаженную страшными зубами.

Она имеет право делать, что ей захочется, заглатывает все, что удастся захватить, широко живет за счет других. Но все-таки в один прекрасный день ее ловят и вытаскивают такими вот изящными, красивыми приспособлениями, потому что она просчиталась, набросившись на бедную маленькую плотичку...

Мы поплыли опять вверх по Лёвфиорду и поймали еще несколько мелких рыб. Но потом лов прекратился, и мы поехали обратно к многодетному сапожнику.

— Да, — сказал он, — это хорошая рыба, но ведь теперь скоро новолуние, так что оно не так уж и удивительно.

21 июля 1916 года

Экскурсия продолжалась дальше на восток от озера Стур, вверх по ущелью, которым протекает Мистра, через горный перевал и вниз, на Клару.

На севере, высоко над горными плато, вздымаются вершины Сёленфьелла, разделенные глубокой, узкой расселиной Сёлен. Сотни лет тому назад по ней проходил путь пилигримов, совершавших долгое странствование на север, в Троньем, к гробнице святого Улафа, у которой они искали телесного и душевного исцеления и часто находили его.

Ах, если б найти такое чудодейственное средство для безнадежно больного человеческого поколения, страдающего сейчас по собственной вине и не могущего остановиться.

Времена меняются, люди меняются; но природа — простая и величественная в своей простоте — остается неизменной...

Горная ферма Викс, 24 июля

Солнце уже стояло над лесной опушкой на востоке и потоками хлынуло в комнату, когда я распахнул дверь, собираясь на утреннее купание в Кларе.

Какое изумительно мирное местечко на этой неимоверной шумной земле! Как тихо и спокойно стоят эти фермерские домики на поляне среди могучего леса. Росистым цветочным ковром расстилается луг до самого берега реки; за ним широкой серебряной лентой сверкает Клара; противоположный берег ее окутан прохладной тенью темного леса.

Я почти не решаюсь ступить в эту по-утреннему здоровую чистоту и стряхнуть ногой росу с целомудренных цветочных бутонов. Я должен остановиться, шире распахнуть грудь, впитать в себя этот мир — дать солнцу заглянуть мне прямо в душу.

А эта неугомонная река, в гребнях пены и водоворотах над валунами, безостановочно спешит вперед, не зная отдыха и покоя, беспрестанно меняющаяся и все-таки вечно одна и та же.

Пойдем не торопясь, внимательно кругом посмотрим,
Ведь на пути такое множество разбросано красот!

К чему такая торопливость, да еще здесь? Повремени немножко, ты, могучая река!

Но кто способен ждать в расцвете зрелых сил? Ты торопишься промчаться через эту страну и проникнуть в Швецию.

Что за изумительная река! Обычно все большие реки с течением времени прорывают себе глубокие долины. А Клара, она изменила свое течение. В давно-исчезнувшие времена она текла из озера Фэмунн, через озеро Дрэв, прямо в Швецию; но потом она изменила направление и завернула на обширное серое плато, поросшее ягелем.

Теперь из озера Фэмунн вытекает Глёта, она бежит по унылым моренам, каменистым откосам и грудам крупных валунов, вливается в Истер, потом в Галтен, а из последнего вытекает Клара. По плоским лесистым пространствам — бесконечным сосновым борам — она течёт большею частью ровными плесами, не слишком стремительно, редко образуя бурные пороги и глубокие черные ямины, где водятся крупные рыбы.

Несколько дальше она попадает в долины, сначала в долину Элв, потом в долину Трюсил; но и они не глубоки и не тесны, без высоких гор. Самая высокая — это гора Трюсил.

И вот наша река вбегает в Швецию. Наверное, не все, приходившее из Норвегии, приветствовалось во все времена так радостно, как эти массы воды, несущие многие тысячи сплавных бревен. Ведь именно эта норвежская вода участвует в образовании величайшего озера Швеции, озера Венер, ее величайшего водопада и крупнейшей электрической станции Тролльхэттан, а эти бревна...

О, если бы мы, два маленьких народа, всегда умели понимать, насколько значительнее станут наши достижения оттого, что мы в любое время будем готовы принять поддержку один от другого...

Какую чудесную свежесть ощущаешь, сидя на светлом дне этой реки, когда прохладные волны плещутся о твою грудь, а солнце пронизывает воду и лучи его шаловливо перебегают в глубине по ногам. Я чувствую, как фавн ликует в тихих лесах.

Мне нужно было в Мисшёхауген, на север от Сёленфьелла; но итти днем было мучительно жарко, я предпочел дождаться вечера, а тем временем побаловаться солнцем и тишиной на этом альпийском лугу и погрезить лесным грезами.

До отъезда у меня были грандиозные планы. Я должен был бы находиться сейчас очень далеко, в девственном лесу, под тропическим солнцем, в неведомом — и неожиданно помешала война.

Но зачем уезжать так далеко? Здесь достаточно солнца и голубого неба, и природа вечно юная, вечно новая — поистине, обширное поле для открытий — и великое уединение и задумчивость леса...

Но если говорить правду, так именно здесь лес уже не так могуч. Люди не церемонились с ним, они выру-

били обширные сосновые чащи, и немного уцелело в них высоких деревьев на корню. Но так ведь происходит и почти везде. Куда девались леса Норвегии, дававшие тенистый приют?

И все же лес существует, лес, из которого вышли мы все. На восток, неизменно на восток простирается он, под его непрерывным покровом можно итти месяц за месяцем, год за годом — через Швецию, Финляндию, через Россию, Урал, Сибирь, приамурские земли — по горам и долинам и бесконечным лесным равнинам — до самого Тихого океана.

Лес был и остается тем местом, где мы становимся самими собой. И когда я мечтаю о будущем родном угле, — какого никогда до сих пор не находил, — то он грезится мне в лесу, где тысячелетний лесной гул стоит над крышей хижины, а папоротники перед дверью окроплены по утрам росой, и журчит лесной ручеек, прохладными струйками бегущий по белым кругло отшлифованным камешкам среди мхов — и еще есть там сверкающее в лесной тиши озеро, где по вечерам широкими кругами с плеском ходит рыба.

Какими здоровыми и красивыми становятся люди от такой жизни! Посмотрите хотя бы на тех, кого мы встречаем здесь. Вот Бергльот на здешней горной ферме — видал ли ты такую королеву? Какое редкостно красивое лицо, какие глаза, какая улыбка, милая и кроткая и в то же время доверчивая и полная достоинства. А какое тело, стройное, крепко сложенное, и какая осанка, какая вольная легкая походка!

Нет, поистине, люди созданы не для того, чтобы жить в городах. Только здесь они расцветают. Пере-

неси их в город, и опять ты увидишь бледные, изможденные лица, дряблые, развинченные тела, шаткую вихляющуюся походку, мишурные прикрасы, фальшивые чувства.

Что такою должна здесь быть их внешность, это я понимаю; но мне непонятно, почему Бергльот еще не замужем и у нее нет детей, а спросить ее об этом я не решился.

Верхний Рендал, 25 июля

Вечером, когда немного посвежело, я отправился в путь. Я поднялся лесным склоном к Ауршёвола и пошел на северо-запад, держась безлесного горного хребта. Здесь было легче итти, и я рассчитывал на ветерок, который отгонит комаров и слепней.

Но выше, у Сёленфьелла стало трудно итти и безлесной полоской. Морены тянулись одна за другой, густо усеянные огромными валунами. Хребты, отдельные вершины и провалы с узкими глубокими расселинами между гребнями морен, прорезанные ледниковыми реками — как будто лед проделал их здесь только вчера — только что все теперь поросло мохом, и трудно было пробираться по нему между огромными камнями.

Как далеко от людей...

Но и здесь преследует меня шум свирепствующей в мире бури. Европа истекает кровью, она при смерти...

Говорят, что это проба силы. Силы в чем? В стремлении к власти? В приготовлениях к тому, чтобы растоптать других и вырвать для себя власть в благоприятный момент... В этом ли проба силы?

Это ли те качества, на которых можно строить будущее?

А тем временем льется благороднейшая кровь Европы. Кто уцелеет? Какою может стать раса, где истребляются самые способные, самые мужественные из людей?

А страдание, великое, святое страдание народов, вызвано оно силами, которых мы не в силах обуздать — вроде тех, что создали этот бесплодный горный хаос? Оно вызвано самими людьми!!! Горе нам...

Но что за ночь! Внизу — лес и болота, еще ниже — равнины, вплоть до большого озера Сёлен, простирающегося далеко на северо-запад. На озере — лесистые мысы и острова с маячащими на них деревьями — словно шпионящие броненосцы, — они вызывают жуткое воспоминание о тех, что притаились на Северном море и выжидают случая уничтожить друг друга.

Один за другим тянутся вдаль одетые лесами кряжи, а между ними сверкают озера. За усеянной островами гладью озера Сёлен следует Галтен, дальше Истер, а еще дальше, между синими хребтами, широкое пространство, где раскинулось озеро Фэмунн, — самого озера мне не видно. Над каменным пиком, на котором я стою, высятся вплоть до Сёленфьелла обнаженные горы, изломанные ущельями, провалами, испещренные пятнами снега.

А за озером Сёлен и лесными равнинами, далеко на севере, окутанные грезой ночного неба, плавают в голубом тумане высокие вершины — Глофёк, Эльгепигг, Грохёгда.

Какие волнистые дали — они поднимаются и опускаются, опять поднимаются, все выше, выше — это музыка! Невольно звучит в душе хвалебный гимн.[1]

Хвалебный гимн? Возможно ли это? Возможно ли, чтобы культура, создавшая мир такой возвышенной красоты, как музыка, — культура, которая в хвалебном гимне возносится все выше и выше, пока не разрешается сверкающим ликованием красоты, — возможно ли, чтобы эта же самая культура развивала такую грубую жажду власти, такую погоню за внешним блеском?

Нет, и еще раз нет! Это не культура, это древние звериные инстинкты ввели в заблуждение волю масс и силой внушения толкнули их на путь дикарей. Они имеют в распоряжении телеграф, телефон, печать, при помощи которых распространяют свой яд с быстротой электрического тока. И толпа, при все растущей современной гонке лишенная собственного мнения и суждения, сразу им подчиняется.

Должно наступить возрождение — новая эра, с новыми идеалами, когда духовные ценности снова сделаются главной целью, а материальные лишь побочными, когда ничтожество и посредственность не будут больше править миром, а великие умы поведут людей в более возвышенные области, когда каждое умственное открытие, каждая победа в области духа будут приветствоваться с таким же восторгом, как теперь все материальное, когда люди будут жить более благородной, прекрасной и простой жизнью.

А повседневная гонка в городах, под гнетом денежного кошмара, опошляет человека. Новые люди появ-

[1] Грига. *Прим. перев.*

лялись из пустыни, из уединения, из глубины простой природы — всегда!

О, какою мощною серьезностью дышит такая вот ночь, кажется, будто слышишь великий гимн самой вселенной — так высок, так обширен, так чист эфир, такой чудодейственный простор для глаза и для мысли...

В этом мире могут родиться люди новой эпохи, очерченной величавыми простыми линиями, — цельные люди без двойного зрения, двойственной морали...

Величие этой ночной тишины может взрастить мысли, которые принесут исцеление грядущим поколениям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 7

Среди тюленей и белых медведей

На север 17
Дрейфующий лед и Полярное течение 45
Гренландский тюлень, или лысун 62
Поиски детной залежки 105
Где же детная залежка? 135
Разгадка 165
Детная залежка 192
На север за крыланом и снова на юг 212
Вокруг южного побережья Исландии в Датский пролив . 236
Хохлач (*Cystophora cristata*) 266
Охота на хохлача 294
Обилие хохлачей 323
Белый медведь 351
Затерты льдами Медвежья охота 377
Все еще в ледовых тисках. Обилие медведей 408
Дрейфующий лед и течения в Датском проливе 439
На родину 451

На вольном воздухе

По горам на лыжах 461
Харальдсети 511
Зима в горах 536
На Исландию и Ян-Майен 552
Осенняя охота 591
Глухариный ток 609
Ронданы и Сёленфьелл 621

Ответственный редактор *М. М. Смирнов*.
Технический редактор *Л. В. Левоневская*.

Сдано в набор 27 ноября 1936 года. Подписано к печати и матрицировано 28 мая 1937 года. Подписано к печати с готовых матриц 23 июля 1939 года. Бум. 62×94 см. 58000 тип. зн. в 1 б. л. Объем 20¾ бум. л.; 41½ печ. л.; 30 авт. л.